

Эдвардас ГУДАВИЧЮС
История Литвы с древнейших времен до 1569 года

Эдвардас Гудавичюс
ИСТОРИЯ ЛИТВЫ
с древнейших времен до 1569 года

Edvardas Gudavičius
LIETUVOS ISTORIJA
Nuo seniausių laikų iki 1569 metų
1999

I

ТОМ

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ

с древнейших
времен
до 1569 года

От русской редакции издания

191 Появление на русском языке труда по истории Великого княжества Литовского представляется важным научным событием. Русь и Литва – ближайшие соседи, и это определяло их многовековые политические, экономические и культурные отношения в разные исторические периоды. Литовская государственность складывалась в тесной взаимосвязи с Древнерусским государством. Великое княжество Литовское в течение долгого времени было основным соперником Московского Великого княжества в борьбе за объединение в своих границах бывших земель Древней Руси. Представители знатных

семейств Древнерусского государства составили заметную часть социальной верхушки Великого княжества. А многочисленные княжеские и боярские роды Великого княжества Литовского перешли на службу к новгородским, затем великим московским князьям и вошли в российское феодальное сословие. Специалисты по русской медиевистике так или иначе обращаются к истории Великого княжества. Вместе с тем, сталкиваясь с историей этого государства, историки-русисты, не знающие литовского языка, весьма редко имеют возможность знакомиться с точкой зрения литовских коллег. Число работ литовских историков, появляющихся в последние годы на английском, немецком, польском языках, еще недостаточно для объемного представления о концепциях литовской историографии по разным проблемам исторического развития Великого княжества. В этом отношении перевод обобщающего труда профессора Э. Гудавичюса, в котором автор пропускает через призму своей научной оценки многолетний опыт изучения истории Великого княжества Литовского, может быть очень полезен и для русских ученых, и для исследователей других стран (например, /10/ Украины, Беларуси), для которых русский язык более доступен, чем литовский.

Хотя отдельные мысли и выводы Э. Гудавичюса могут казаться спорными, вызывать возражения, без чего, впрочем, не обходится ни один серьезный научный труд (решающим было мнение автора и при редактировании русского текста), ценность книги, столь всесторонне представляющей историю Литовского государства, не подлежит сомнению.

Надеемся, что книга будет востребована специалистами как научный труд, и как учебное пособие для студентов-историков, и как возможность для любого любознательного читателя познакомиться с историей Великого княжества Литовского.

Книга на литовском языке по замыслу издателей не содержит научного аппарата. Однако при подготовке русского издания было решено (по согласованию с автором) сопроводить текст библиографическим разделом, куда включен список источников, на которых строится изучение истории Великого княжества Литовского. Приведен также список исследовательских работ, в основном, последней трети прошлого и начала этого столетия (упор делается на книги и статьи на русском, польском и основных европейских языках), которые помогут читателям лучше ориентироваться в огромном массиве сведений по истории Литовского государства.

I глава ПРЕДЫСТОРИЯ ЛИТВЫ

1. Древние жители Литвы

а. Конец палеолита

/13/ Процесс возникновения человека, вобравший сотни тысяч или миллион и более лет, прошел вдали от нынешней территории Литвы. Северная граница области позднего палеолита в постледниковой Европе (Мустьерская культура), пролегает через Центральную Германию и Центральную Польшу. Территории Литвы достиг уже homo sapiens, предки которого не располагали здесь условиями для жизни в течение почти всего периода плейстоцена – последней, кайнозойской геологической эры (около 2 млн. – 8 тыс. лет до Р.Х.).

Плейстоцен – ледниковая эпоха, обычно характеризуемая т. н. хронологией квартера. Территория Литвы испытала 4 или 5 оледенений. Около 1.8 млн. – 800 тыс. лет до Р.Х. длилась Даумантайская предледниковая эпоха, в масштабах Европы маркируемая как

Эбрунское похолодание и Вальское потепление. 800 тыс. – 700 тыс. лет до Р.Х. – Дзукийское (Европ. – Менапское) оледенение. 700 тыс. – 400 тыс. лет до Р.Х. – Тургяльский (Европ. – Кромерский) межледниковый период. 600 тыс. – 500 тыс. лет до Р.Х. – Дайнавское (Европ. – Эльстерское) оледенение. 500 тыс. – 400 тыс. лет до Р.Х. – Бутенский (Европ. – Гольштейнский) межледниковый период. 400 тыс. – 300 тыс. лет до Р.Х. – Жямайтийское оледенение, 200 тыс. – 100 тыс. лет до Р.Х. – Мядининкское оледенение (Европ. – 400 тыс. – 100 тыс. лет до Р.Х. – Зальское оледенение). 100 тыс. – 70 тыс. лет до Р.Х. – Мяркинский (Европ. – Эмский) межледниковый период. 70 тыс. – 10 тыс. лет до Р.Х. – Неманское (Европ. – Висленское) оледенение. Начало нынешнего периода голоцена кайнозойской эры почти совпадает с появлением первых людей на территории Литвы.

В ту пору (10-8 тыс. лет до Р.Х.), по мере таяния льдов, на месте современного Балтийского моря формировалось ледниковое озеро. Примерно за 8 тыс. лет до Р.Х. оно соединилось с океаном, и возникло т. н. Йолдийское (*Joldija*) море. Холодный климат постепенно теплел, в конце Йолдийского периода тундру стали сменять хвойные леса. Появление людей на территории Литвы было следствием и составной частью относительного роста популяции /14/ позднего палеолита. Техника обработки камня, дерева и кости уже позволяла приспосабливаться к более или менее холодным условиям, в обиход вошла одежда из звериных шкур, сшитых сухожилиями.

Люди на территории Литвы появились в X тысячелетии до Р.Х. В общеевропейском масштабе рубежом палеолита и мезолита считаются XVI–XIII тысячелетия до Р.Х. Но в Литве это случилось позднее: прогресс в технике обработки камня шел медленнее на окраинах человеческого обитания. Здесь почти до 8 тыс. лет до Р.Х. длилась культура эппалеолита, причисляемая к типу Мадленской культуры. Территорию Литвы стали осваивать два потока охотников на оленей, двигавшиеся с запада (современной Дании и северной Германии) и юга (современной Польши). Последний обозначил себя как представитель Свидерской культуры (X–IX тыс. лет до Р.Х.). К настоящему времени в Литве исследовано по несколько де- /15/ сятков стоянок, принадлежащих Свидерской и Мадленской культурам. В ту эпоху охотники на оленей селились в Литве лишь временно, край был весьма редко населенным.

б. Мезолит

Примерно около 7 тыс. лет до Р.Х. вновь прервалась связь Балтийского моря с океаном, и надолго создалось т. н. Анцильское озеро. С отступлением северных оленей появилась лесная фауна – лоси, олени, кабаны. В VIII–VII тысячелетии до Р.Х. на территории Литвы жили люди, пришедшие по южному побережью Йолдийского моря, чья мезолитская культура причисляется к европейскому типу культуры Маглемозе (*Maglemose*).

Территория Литвы принадлежит к наиболее устоявшейся зоне земной коры – землетрясения тут весьма редки. Все-таки перемены земного рельефа влияли на регион Балтийского бассейна. Около 5500–5000 г. до Р.Х. Анцильское озеро вновь соединилось с океаном и стало т. н. Литоринским морем. В период его существования на дне современного Куршского залива образовались янтареносные слои вторичного происхождения.

В VII–VI тысячелетиях до Р.Х. на большей части современной Литвы сформировалась культура мезолита, т. н. Неманская культура, развившаяся из культур позднего палеолита. Она охватила Срединную равнину и территорию к югу от низовьев Нярис и Немана. Северная часть Литвы в ту пору относилась к распространившейся из Эстонии Кундской культуре (V–III тысячелетия до Р.Х.). Череп, найденный близ Кирсны (*Kirsna*), позволяет охарактеризовать антропологический тип людей Неманской культуры: это были узколикие и длинноголовые европеоиды.

В эпоху позднего мезолита климат потеплел (среднегодовая температура была почти на два градуса выше нынешней). Смягчившиеся природные условия и заметно шагнувшая

вперед мезолитская техника обработки камня и кости делали охоту более эффективной, позволяли улучшить быт. Человек тех времен всё большее время проводил на стоянках.

в. Возникновение оседлой жизни

В Европе в целом мезолит сменился неолитом в VI–V тысячелетиях до Р.Х. В Литве ранний неолит охватывает IV–III тысячелетия до Р. Х. Неолит на территории Литвы начался позднее, чем он /16/ закончился в наиболее быстро прогрессирующей Южной Месопотамии (начало бронзового века здесь датируется VI тысячелетием до Р.Х.). В IV–III тысячелетиях до Р.Х. климат еще более потеплел, стал мягким суббореальным, и территорию Литвы покрыли лиственные леса. В этих условиях жители Литвы сосредоточивались в постоянных или долговременных селищах, техника обработки камня, характерная для неолита, позволяла успешнее охотиться, ловить рыбу и обустроить быт. Керамика из обожженной глины решила вопрос приготовления и хранения остатков съестного. Помимо собак, в первобытном хозяйстве держали немногочисленных волов, сбор растений начал приобретать черты мотыжного земледелия (освоены конопля и просо). На рыболовстве благотворно сказалось употребление деревянных лодок и весел. Жилищем служили постройки столбовой конструкции.

На территории Южной Литвы Неманская культура мезолита сменялась ранней культурой неолита. В северо-западной части Литвы господствовала Нарвская культура неолита. В период раннего неолита она была достаточно изолированной. Антропологические показатели представителей Нарвской и Неманской культур имеют небольшие различия. Характерный для Неманской культуры мезокранный узкий череп, найденный близ Турлоишек, является свидетельством смещения с типом, свойственным северо-восточным соседям Литвы. Немногочисленные группы угрофинов (культура гребенчатой керамики), во второй половине III тысячелетия до Р.Х... вторгшиеся в массив, обжитый европеоидами, значительного влияния не имели. Антропологический тип представителей Нарвской культуры был также европеоидным (мезокранный, широколицый).

В поселениях Нарвской культуры найдены клады и остатки мастерских по изготовлению янтарных украшений. Столб из дерева, изображающий божество с человеческим ликом, костяные обрядовые посохи с лосиной головой (символ верховной лосихи) свидетельствуют о культе воплощенных природных сил. /17/

2. Индоевропейцы и балты на территории Литвы

а. Культура шнуровой керамики и ее представители

Немногочисленные антропологические данные позволяют лишь весьма обобщенно характеризовать европеоидов, живших на территории Литвы с окончания палеолита до позднего неолита. Жители неолита, без сомнения, оцениваются как этнический компонент предков литовцев, однако решающая роль в этногенезе предков принадлежала пришедшим в эти местности индоевропейцам. С тех времен история указанной части этого основного этноса складывалась на территории современной Литвы.

Сегодня о наших индоевропейских пращурах мы можем с наибольшим успехом судить по самому литовскому этносу. Литовский язык принадлежит к балтийской ветви индоевропейской языковой семьи. В настоящее время чрезвычайно интенсивно развиваются гипотезы о происхождении индоевропейцев и балтов, поэтому их непросто обобщить, а

также датировать или синхронизировать разделение либо формирование балтского и литовского этносов. Ясно одно: придя на территорию Литвы, индоевропейцы слились с находящимися здесь жителями. Субстрат этих последних мог так или иначе повлиять на говор пришельцев, тем не менее – возобладали индоевропейские наречия. Вопрос о прародине индоевропейцев до сей поры остается без ответа. На территорию Литвы они явились с юга и юго-запада. Индоевропейцы ассоциируются с культурами неолита – т. н. шнуrowой керамики и лодочных боевых топоров. Считается, что было целых две волны представителей шнуrowой керамики. В III тысячелетии до Р.Х. на территорию современной Литвы проникали лишь их разрозненные группы, не обустроившие долговременных поселений. А на исходе этого тысячелетия – в начале II тысячелетия представители шнуrowой культуры здесь преобладали повсеместно. Ранняя культура шнуrowой керамики охватывает пространство от Альп и Рейна до Балтики и Волги.

Балты (точнее – еще прабалты) были, собственно, самыми северными индоевропейцами на восток от Балтийского моря. С ними связываются три археологических культурных ареала: Приморский (бассейнов Немана и нижнего течения Даугавы), Верхне-Поднепровский и Фатьяновский (верховьев Волги). Они образовались самостоятельно, скорее всего, по мере раскола и разделения балтов. Хронологически культура Днепровского ареала была чуть более /18/ поздней, чем Приморская, а Фатьяновская – чем Днепровская. Приморская культура сохранила наиболее яркие черты шнуrowой культуры. В Восточной Литве она возобладала не сразу: здесь еще и во II тысячелетии до Р.Х. господствовала поздняя Нарвская культура. Приморская культура неолита существовала с конца III тысячелетия до Р.Х. до окончания первой четверти II тысячелетия.

Люди культуры шнуrowой керамики были животноводами и умели обрабатывать землю (выращивали пшеницу, ячмень). Покойников они нередко хоронили с подогнутыми ногами (в Нарвской культуре покойников иногда осыпали охрой). Антропологический тип прабалтов не был однородным. В целом преобладал долихокранный тип с высокой мозговой частью черепа, покатым лбом и узким носом. Балтские наречия сравнительно недалеко ушли от индоевропейского праязыка.

б. Балты и их развитие до начала античного влияния

Около XX в. до Р.Х. в ареалах Приморской и Верхне-Поднепровской шнуrowой культуры выявился этнос, говорящий на наречиях балтского праязыка. В индоевропейской языковой семье наиболее близки балтам славяне. Они, балты и германцы иногда выделяются в группу северных индоевропейцев. Однако по традиции, пусть и несколько устаревшей, в разделении индоевропейцев на восточную (сатемическую) и западную (кентумическую) ветви, балтов и славян относят к первой, а германцев – ко второй ветви. Рядом с традиционным объяснением происхождения «чистых» балтов выдвинута гипотеза *вене- /19/ дического инстрата*. Венеды (или *венеты*) – ныне исчезнувший индоевропейский этнос, оставивший свои топонимы на пространстве от Балтики до Адриатического моря. На юге с ними столкнулись римляне, немецкие источники упоминают о последних венедах, ассимилированных балтами на территории современной Латвии в начале XIII в. нашей эры. В Литве отмечены названия местностей, напоминающие этнонимы венедов. Эти факты заставляют примириться с определенной вероятностью пребывания венедов в Приморском культурном ареале. Иногда выдвигается версия, будто венеды могли оказаться первыми индоевропейцами, пришедшими на территорию Литвы, однако она еще не была подвергнута всесторонней и исчерпывающей дискуссии. Поэтому следует ориентироваться на чисто балтийское происхождение индоевропейских предков литовцев, с чрезвычайной осторожностью оценивая этническую историю Литвы II–I тысячелетий до Р.Х. и даже более

поздних веков.

Бронзовые изделия на территории Литвы появились во второй четверти II тысячелетия до Р.Х., однако их местное производство началось лишь около 1500 г. до Р.Х. Бронзовое оружие, инструменты и украшения изготавливались из дорогого привозного сырья, их было немного, поэтому они не изменили образа жизни, свойственного неолиту. Однако завершённые формы изделий собственного производства, а также их изменения, свидетельствуют о том, что уже сложилась прослойка местных ремесленников, освоивших навыки изготовления предметов роскоши. В бронзовом веке земли Приморского культурного ареала обрабатывались каменными мотыгами со змеевидными остриями. Поскольку основным занятием было скотоводство, – охота и рыболовство лишь незначительно пополняли рацион древнего балта. Охарактеризовать жи- /20/ телей этого ареала (ареал змеевидной мотыги) весьма нелегко, ибо восточная его часть в раннем бронзовом веке принадлежала Нарвской культуре, а не культуре шнуровой керамики. Мезокранные черепа западной части ареала, найденные близ местечка Дуонкальнис (*Duonkalnis*), – высокие и широколицые.

Можно обобщенно определить два основных признака бронзового века (он длился до середины I тысячелетия до Р.Х.): захоронения в курганах в западной и укрепленные поселения (особенно на холмах) в восточной части Приморского культурного ареала. В последней трети II тысячелетия до Р.Х. скелетные захоронения сменились сожжением усопших. Этот обряд распространился из Придунайских пространств, откуда доставлялись и материалы для компонентов бронзы. Западный (курганной культуры) ареал поддерживал связи с южными и западными соседями, чему немало способствовала и торговля янтарем. Внешние контакты восточного ареала (культуры укрепленных поселений) менее заметны.

Если неолит и бронзовый век достигли территории Литвы с большим опозданием, то железный век наступил с меньшей задержкой; однако не следует упускать из вида контраст между резко ускорившимся в эту эпоху ходом развития цивилизации и скудостью начальных проявлений железного века на территории Литвы. Первые следы железных изделий здесь обнаруживаются только в начале второй четверти I тысячелетия до Р.Х., а в Западной Европе уже IX век до Р.Х. обозначил себя культурой развитой металлообработки – Гальштатской культурой. Ранний железный век на территории Литвы охватывает вторую половину I тысячелетия до Р.Х. Здесь еще не умели добывать железо из местной болотной руды, а железных изделий извне поступало немного. Кстати, в ту пору снизилось количество бронзовых изделий. Инвентарь той эпохи выглядит даже более скудным, чем ранее, однако заметен явный прогресс в земледелии. Все-таки жизненные условия в похолодавшем климате несколько затруднились.

В ранний железный век в вышеупомянутом Приморском ареале завершилось формирование западного и восточного (т.е. Днепровских балтов, также именуемых и центральными) балтийских этносов, относимых соответственно к курганной археологической культуре и культуре городищ (укрепленных поселений). Из этой последней еще в бронзовом веке выросла т.н. культура штриховой керамики. На юге балты граничили с индоевропейскими, но принадлежащими ирано-персидской семье, скифами и сарматами. Труднее поддаются исследованию контакты западных балтов с венедами и германцами и, в целом, контакты балтов со славянами, поскольку до сих пор существует множество противоречивых мнений относительно археологического наследия последних. /21/

3. Племенной этнос литовцев

а. Приближение цивилизации к балтам

В первые века н. э. балты, преимущественно через посредников, завязывают торговые контакты с провинциями Римской империи. Стало возникать, пусть незначительное, влияние античной цивилизации на жизнь балтов. Великое переселение народов свело на нет это влияние, однако в конце раннего средневековья (X–XI в.) складывающиеся и ширящиеся латинская Западноевропейская и Византийская Восточноевропейская цивилизации начали непосредственно сталкиваться с балтами. Это меняло условия жизни и существования балтов.

Поздний железный век в Литве приходится на первую половину I тыс. Его определяющая черта: балты сами научились добывать железо из местной болотной руды. Местное железо дополнялось многократно выросшим импортом металла. Железные орудия помогали ускорить и облегчить работу: топор позволял значительно расширить лесные вырубки, серп и коса – расчистить лесные площади и заготовить сено на зиму. Количественно и качественно выросшее земледелие заметно приблизило выращиваемый скот к отдельным родовым хозяйствам, стационарным стойбищам и загонам. Добытые запасы продовольствия и множась орудия труда в отдельных случаях позволяли делать долговременные накопления; эти накопления стали превращаться в имущество со всеми вытекающими из этого факта социальными последствиями. Сравнительно большие количества накопленной бронзы и получившего распространение серебра определяли превращение имущества в богатство. Известная доступность железа стимулировала производство оружия, предназначенного для защиты или отъема имущества и богатства. В первые века н. э. балты достигли того, к чему Западная Европа пришла почти на тысячелетие раньше; это говорит о большом отставании, но не следует забывать, как быстро оно сокращалось.

Первый из известных нам источников, описывающих балтов («Германия» римского историка Тацита), характеризуя их жизнь в конце I века н. э., отмечает преобладание в вооружении деревянной дубины и отсутствие интереса к римским деньгам, однако называет балтов хорошими землепашцами. Информация Тацита была несколько запоздалой: бурно растущее земледелие обусловило острую потребность в металлическом инвентаре уже на стыке I–II веков (тогда и была написана Тацитова «Германия»). Мертвых было принято хоронить вместе с большим количеством орудий, оружия и /22/ украшений, на западных землях балтов получили распространение римские монеты, вскоре стали возникать денежные сбережения.

Накопление имущества предопределило дифференциацию, выделение богатых родов. Повышение производительности труда привело к появлению патриархальных рабов. Рабы кормили особую прослойку племенной аристократии. Укрепленные поселения уже не могли вместить разросшихся родовых хозяйств. Возникли открытые селища, родовые усадьбы и скрытые убежища, которыми пользовались лишь во время опасности. Все более многочисленные к середине I тысячелетия городища, поначалу небольшие, указывают на возможность накопления богатства и усиления власти. Крепнущая родовая аристократия способствовала объединению наиболее постоянных и крупных территориальных единиц, а само существование таких единиц – выделению наиболее стойких отдельных балтских этнических структур. О первых балтских племенных образованиях источники упоминают применительно ко II–III векам (галинды, судувы, или *судавы*, селы). Правда, всё это – племена ареала курганной культуры. Несколько труднее охарактеризовать ареал культуры штриховой керамики: о нем письменные источники I тысячелетия не упоминают, лишь недавно обнаружены первые захоронения, относящиеся к началу этого тысячелетия.

Непросто говорить об этнических процессах, происходивших в I тысячелетии н. э. Ясно одно: в первые века н. э. вблизи Литвы жили готы, в середине I тысячелетия набеги гуннов и аланов достигали нынешней центральной Литвы. Таким образом, великое переселение народов отчасти сказалось и на жителях Литвы. Од- /23/ нако наибольшие перемены принесло вторжение славян с юга в земли Днепровских балтов, начавшееся в V–VII веках. На самой территории Литвы в те времена также многое менялось.

Восточные балты были предками литовцев и латгалов (*летгола*). Литовский и латышский языки выделились из балтского праязыка приблизительно в VI–VII веках. Кроме того, балты, объединенные культурой штриховой керамики, в середине I тысячелетия начали прорываться на территорию Центральной, а позднее и Западной Литвы, ассимилируя местных жителей. Таким образом, литовские племена расширили свою территорию и увеличились численно. Письменные источники отражают структуру расселения литовского этноса только с XIII века, но по ней можно судить, как этнос разрастался, начиная с середины I тысячелетия.

Колыбелью литовских племен следует считать Литовскую землю (только в узком смысле). Это территория между средним течением Немана, реками Нярис и Мяркис. Она долгое время расширялась на юг до верховьев Немана (вбирая земли ятвягов) и на север, охватывая правобережье Нярис до впадения реки Швянтойи. Очень рано литовские племена заселили Нальшайскую землю (*Nalpia, Нальшия, Нальшия*), – современную северо-восточную Литву. Как и Литовская земля, эта территория принадлежала культуре штриховой керамики. Дялтувская земля (*Дялтува, Deltuva*) раскинулась вокруг современного г. Укмярге. Это также одна из старейших территорий обитания литовских племен. Довольно рано литовцы освоили область вокруг современного Каунаса. Часть упомянутой области составляла земля Нярис по левому берегу нижнего течения этой реки. Из этого района литовцы продвигались на /24/ север и запад. Северный поток достиг границы земгалских земель (по рекам Лявуо и Муша), крупнейшей обособленной территорией здесь была земля Упите (область близ современного Панявежиса). Так литовцы постепенно окружали земли селов (окрестности современных городов Аникщяй, Купишкис и Рокишкис) с запада (Упите), юга (Дялтува) и востока (Нальшия). Западный поток из окрестностей Каунаса распространился вплоть до южных областей обитания современных жямайтов (*дунининков, dunininkai*¹). После ассимиляции куршей (*корсы, куроны*) или близких им западных балтов, здесь образовался литовский этнос жямайтов (жмудин). По мере роста литовского этноса родоплеменная организация уже не могла эффективно действовать на расширившейся территории. Литовцы раскололись, по меньшей мере, на два племени: восточных литовцев (именуемых непосредственно литовцами) на землях Нальши и Дялтувы, и литовцев-жямайтов на землях современной Южной Жямайтии. Неясно, были ли литовцы Центральной Литвы (на землях Упите и Нярис) отдельным племенем, или они принадлежали племени восточных литовцев. Также неясно происхождение этнонима «аукштайтийцы» (аукштайты): если литовцы Центральной Литвы были отдельным племенем, тогда аукштайтов следовало бы называть его именем, если нет – тогда этноним «аукштайты» применим к литовцам как Центральной, так и Восточной Литвы, т. е. соответствует современному пониманию. Границы наречий лишь отчасти совпали со структурой этих земель. На Литовской земле (в узком смысле) преобладали говоры, ныне причисляемые к наречию южных аукштайтов; на землях Нальши, Дялтувы и Упите – восточных аукштайтов; на земле Нярис в восточной части территории жямайтов (земли Шяуляй, Арёгалы и Бятигалы) – западных аукштайтов; на западной половине территории жя- /25/ майтов (земли Расейняй, Кражяй, Лаукувы и Каршувы) – жямайтов.

Кроме селов, на современной территории Литвы жили и другие балтские племена. Почти все Занеманье принадлежало ятвягам (судувам, дайнавам), окрестности Йонишкиса, Пакруойиса и Пасвалиса – земгалам (*жямгалы, семигола*), Крятинги, Мажейкяй, Клайпеды, Скуодаса, Плунге – куршам, Шилуте – скалвам. Между тем, южные границы земель восточной Нальши и Литвы в начале II тысячелетия простирались далеко за нынешние границы.

Весьма возможно, что стремление литовских племен к западу было вызвано вторжением славян в северную часть днепровского бассейна, «ославянившим» днепровских

---

¹ Говор, определяемый по особому произношению слова «дуона» (хлеб), – прим. пер.

балтов в VII–IX веках. Примечательно и проникновение пруссов вдоль Немана во второй половине I тысячелетия.

б. Включение балтов в кругозор цивилизаций

Территория Литвы долгие тысячелетия оставалась окраинным ареалом развития человечества. Влияния цивилизаций Передней Азии и Египта балты, удаленные от этих краев, не испытали. Лишь ко времени Рождества Христова проявилось незначительное влияние античной цивилизации. Приблизительно тогда же произошло включение балтов в поле зрения античных народов.

Этническая идентификация неуров (*неуров*) и будинов, данная Геродотом в описании событий VI века до Р.Х., включавшая и балтов, – не более чем гипотеза. Определенно о балтах упоминает римский историк Тацит в конце I века н.э. В середине II века о них повествует александрийский географ Птолемей. Эти два сообщения достигли античного мира разными путями, различны их судьбы и значение. Птолемей первым указал два конкретных и известных в дальнейшем балтских племени – судувов, они же *судины* (ятвяги) и галиндов (*голяди*), а также их ближних и дальних соседей: германские племена – готов, ругиев и лемовов. Эта, сравнительно точная информация, увы, в дальнейшем не была дополнена и не обрела влияния. В Александрию эти сведения попали через Балканский полуостров или греческие колонии на Черном море. Тацита информировали римские купцы, но исходным их источником были соседи балтов – германцы. Скорее всего, германским является происхождение слова *эстии* (в нашей литературе ставшее литовским словом *айстис*, *aistis*), которым называли балтов. Это обобщающее имя, применявшееся в более поздние века I тысячелетия германскими племенами и народами ко всем обитателям во- /26/ сточного побережья Балтийского моря (от Вислы до Финского залива) и окончательно оставшееся за современными эстонцами. Так Тацит именовал пруссов, ибо именно отсюда начинался упомянутый им Янтарный путь к Дунаю. Эстиями балты называются и в письменных памятниках остготов (знавших труды Тацита) VI в. Из них явствует, что племенная знать балтов стремилась сохранить торговлю янтарем с жителями Италии, невзирая на последствия Великого переселения народов. Распад Римской империи и королевства остготов положил конец этим стремлениям. Возросшее во II–V веках влияние античной цивилизации на балтов прервалось.

Европа раннего Средневековья сберегла давние германские сведения, а с VIII в. их расширила. Баварский географ (VIII в.) впервые со всей определенностью сообщил о пруссах. Эстиями балтов называл биограф Карла Великого Эйнхард (нач. IX в.) и шлезвигский купец Вульфстан (*Вульфстэн*, конец IX в.; он действительно бывал в Пруссии). Германский агиограф Римберт описал поход шведов на Апуоле (Апуле, *Apuole*) 853 г. и познакомил читателей с куршами. Куршей и пруссов, а также племенные образования последних – самбов (*семба*) и вармов (*варме*) – описал саксонский историк Адам Бременский (XI в.). Таким образом, более точное представление о балтских племенах в латинской Европе возникло лишь после распада Франкского королевства. Кстати, это представление складывалось в непосредственной близости от земель балтов: исчерпывающая информация обнаружилась в Германии и осталась не востребованной ее западными и южным соседями, – во французской «Песни о Роланде» из племен Восточной Балтики упоминаются только ливы, а встречающееся в литературе объяснение слова «vilna» (в англо-саксонской /27/ поэме «Видсит») как «Вильнюс» является элементарным недоразумением. Эта «близость» определялась особенностями расширения средневековой европейской цивилизации: феодальные сообщества накапливали получаемые сведения, однако эти сведения еще не получали должного хождения во всем ареале этой цивилизации.

Представление о балтах в Европе было весьма односторонним. Фактически в поле

зрения европейцев попали только курши и пруссы, т. е. довольно узкая полоса Балтийского побережья. В X–XII веках это представление дополнили польские хроники и скандинавские саги, а также рунические надписи на камнях. Тогда Европа впервые узнала о ятвягах и земгалах, что позволяло судить об окраинах всего балтского этнического массива. Однако глубина этого массива еще не была осознана; а ведь речь идет именно о жизненном пространстве литовских племен. В XII–XIII веках скандинавские географические трактаты даже не упоминают о реке Неман. Между тем, в восточном соседстве с Литвой в середине IX в. возникла огромная Русь, вскоре присоединившаяся к ареалу византийской культуры. Если от скандинавов Литву отделяли курши и земгалы, а от поляков – пруссы и ятвяги, то с Русью Литва граничила непосредственно. В X–XII веках русские узнали литовцев куда лучше, чем поляки и немцы. Есть основания говорить об определенных контактах литовцев и скандинавов. Древнее литовское слово «*vaizbunas*» (купец) происходит от названия города Visby, а литовский этноним «*vokieusiai*» (немцы) – производное от названия области Vак в Швеции, т. е. шведы стали первыми серьезными представителями германских народностей. Хотя Литва осталась в стороне от Даугавы (Западной Двины) как торговой артерии, связывавшей Скандинавию с Русью, отношения со /28/ шведскими викингами были важны. Племенная знать литовцев, а также куршей и земгалов, переняла от шведов систему взвешивания драгоценных металлов, а также понятие о накоплении богатств.

Русские летописи X в. упоминают о походах своих князей против ятвягов; ятвягов можно было встретить и в составе русских дружин. Влияние Руси ощутила и Литва. Русское соседство стало фактором, определившим все дальнейшее развитие Литвы.

в. Первое упоминание о Литве

Контакты с германскими племенами, а также торговля с Римскими провинциями – совпали с довольно резким подъемом в технологиях обработки металла и земледелия в первые века нашей эры. Именно это и было той «хозяйственной» предпосылкой, которая позволила литовскому этносу расширить территорию и ассимилировать своих балтских родственников в середине I тысячелетия и во второй его половине. Возникновение мощного комплекса литовских племен изменило их отношения с балтскими соседями – последние стали постоянным объектом грабежа и экспансии со стороны литовцев. Так была присоединена значительная часть селов; граница с ятвягами медленно, но неумолимо подвигалась к югу, были теснимы земгалы и курши. Ощущалось сильное литовское влияние на Скалву и Надруву (Надровию). Присоединив селов, литовцы стали нападать на своих северных соседей-латгалов. /29/

Успешные походы обогащали племенную литовскую знать. Рабы стали постоянным и растущим общественным слоем, окончательно отделившим быт знати от соплеменной среды. Во второй половине I тысячелетия территорию обитания литовских племен покрыли небольшие (а позднее – весьма обширные) укрепленные усадьбы, стали появляться настоящие деревянные замки. Украшения прибавили в весе, утерев эстетические пропорции и став способом хранения и демонстрации благородных металлов. Открывшиеся хозяйственные и организационные возможности превратили воинские дружины из случайных отрядов в социальную прослойку, а это в свою очередь расширило географию военных походов. Ремесленники обзавелись устойчивым слоем заказчиков, а выборные вожди уступили место именитым наследникам знатных родов. Богатые вожди и воинские командиры, сталкиваясь со шведскими викингами, без труда переняли одаловое право собственности на землю, тем более, что и в самой Литве складывалась аналогичная социальная структура. Всё это в XI–XII веках сформировало *викингское* литовское общество (только лодку здесь заменил конь). Общественная организация литовцев с сильным институтом вождей (впоследствии князей) и воинства далеко обогнала социальную и политическую схему других балтских племен. Наиболее интенсивно этот процесс проходил

на Литовской земле (в узком смысле слова).

Именно такая Литва в 1009 г. упомянута в первом из всех известных источников – в немецких Кведлинбургских анналах. Событие, вызвавшее это упоминание, описано не единожды: был убит миссионер – св. Брунон (Бруно) Бонифаций. Однако там говорится не о Литве, а о Пруссии. Это красноречиво свидетельствует, что немцы и поляки тех времен литовцев еще не знали: все балты (во всяком случае, их наибольшая часть) для них были «пруссамии». Литву Кведлинбургские анналы упомянули потому, что они располагали самой точной информацией, идущей из окружения самого св. Брунона (а он в 1008 г. посетил Русь и имел возможность познакомиться с ее соседями).

Источники, описавшие смерть св. Брунона, рисуют вождя племени Нетимера, располагавшего 300 воинов, наследственной властью и стражей на границах своих владений. Нетимер хотел креститься, что говорит о его весьма широком политическом кругозоре. Он это и сделал. Ему, однако, противостояла сильная оппозиция, от рук которой пал миссионер. О том, что случилось далее, сведений нет. История св. Брунона повествует о такой политической организации литовцев, которой мы не найдем у других балтских /30/ племен даже в XIII в. И тут, естественно, встает вопрос: почему литовское государство сложилось лишь 200 лет спустя.

Ответ мы находим в действиях Руси. В сороковых годах XI в. Русь и Польша совместно воевали против мазовшан и племен, выступивших в их поддержку. Именно в 1040 и 1044 гг. князь киевский Ярослав ходил на Литву (возможно, это был один поход, по-разному датируемый в разных русских летописях). Литовцы были вынуждены признать верховенство Руси и платить ей дань. Подобное положение замедлило развитие нарождающейся литовской государственности. Серьезная опасность угрожала самому существованию Литвы: зависимость могла смениться полным присоединением к Руси, следствием этого должно было стать принятие православия со славянской литургией, что означало бы русификацию еще не ставшего народностью литовского этноса. К счастью для Литвы, Древнерусское государство в начале XII в. распалось, и в 1131 г. литовцы обрели свободу.

Возрожденная политическая самостоятельность вновь ускорила развитие Литвы. В XII в. Литву окружали слабые соседи: Древнерусское и Польское государства рассыпались на отдельные княжества, скандинавская экспансия прекратилась, а другие балтские племена и в дальнейшем оставались объектом литовских набегов. В конце XII и начале XIII в. литовские отряды доходили до Эстонии и Карелии на севере, на юге проникли вглубь Польши и достигли территории современной северной Украины. В русском обществе сложился образ «храброй Литвы». Возникла возможность ускоренного развития литовской общественной элиты и ее военного потенциала, и Литва начала выбираться из ямы вековой отсталости, где она пребывала в силу всемирно-исторических обстоятельств. /33/

II глава РАННЯЯ ЛИТОВСКАЯ МОНАРХИЯ

1. Конфедерация литовских земель

а. Возникновение одального общества

Экономическое развитие Литвы в раннем средневековье определяли два усиливающихся фактора: пахотное земледелие и металлургия, основанная на добыче

местных болотных руд. Рало и соха на конной тяге позволяли обработать площадь, урожай с которой мог обеспечить зерном немалый хозяйственный коллектив. Это в свою очередь позволяло использовать окрестные луга под пастбища и заготовку сена на зиму. Земледелец мог содержать необходимое количество лошадей, коров и мелкого скота, при этом располагая временем для возведения и ремонта бытовых построек. Уже в I тысячелетии, особенно в его второй половине, землепашцы освоили двуполье.

Положение знати, обеспеченное трудом рабов, богатством и влиянием, укрепляло собственность на наследуемые усадьбы (дворища). Земля вокруг них обрабатывалась рабами и оставалась неприкосновенной при общинных переделах. Начала выделяться земельная собственность знати – большой одаль (ограниченный аллод). Это выделение было ускорено и усилено связями с одальным обществом викингов. Дружинники все более вовлекались в грабительские походы (источник приобретения богатств и рабов), подобный образ жизни укоренился в их среде и начал оказывать воздействие на рядовых членов общины. Так стал складываться малый одаль как всеобщее социальное явление. Большой одаль окончательно сложился в XII в, малый – в первой половине XIII в.

В Литве возникло одальное общество индивидуальных семей и индивидуальных хозяйств. Это было весьма важным достижением: зародилась та самая общественная модель, возникла та отправная точка, от которой стартовало феодальное развитие средневековой Европы. Подобное общество развивалось интенсивно, намного быстрее, чем утвердившиеся по всему миру общественно-деспотические структуры, ибо этому способствовала концентрация собственности в руках отдельных собственников. Возникновение обособленных хозяйств потребовало ускоренного развития ремесел: /34/ услуги ремесленников находили все больший спрос. В конце I тысячелетия и особенно в начале II тысячелетия металлургия, кузнечное, слесарное и гончарное дело, обработка и выделка кожи стали отдельными ремеслами. Были приобретены навыки изготовления проволоки, штамповки жести, варки железа и стекольного литья. Богатые замки не могли обойтись без подручных ремесленников, становилось все больше «профессиональных» поселений. Литва по сути обрела такой же технический потенциал, какого достигли окраины Руси и Польши, уступая только важнейшим центрам этих держав. В XIII в. литовские дружины располагали добротными мечами и копьями, кольчужными доспехами и легкими шлемами из прочной стали. В этом столетии наиболее укрепленные литовские замки устояли перед нападениями всех противников.

В XII – начале XIII в. большинство населения Литвы, как и ранее, составляли общинники (которых еще называли лаукиники, *laukininkai* – от *laukas*, т. е. поле,). Индивидуальные семьи членов общины вели раздельное хозяйство, что приводило к распаду кровно-производственных связей. Структуру общины (поля) стало определять не родство, а место проживания, начало складываться территориально организованная община. Пахотная земля, пастбища и сенокосы стали собственностью отдельных семейных хозяйств. В общей собственности поля остались перелески, выгоны, леса, озера, болота. Таким образом, литовское поле пошло по германскому, а не по восточно-славянскому пути общинного развития. Имущественные отношения людей все еще скреплялись родственными связями: индивидуальное наследование было обеспечено, но распоряжаться землей было можно лишь с позволения родственников. Из богатых лауки- /35/ ников обычно происходили воины-дружинники. Военские силы росли и крепились, из разрозненных отрядов они превращались в социальную прослойку. Контрибуции, взимаемые с присоединенных земель, стали данью, а дары «своих» земледельцев вождям и военачальникам сделались обязательными. Наследуемая власть превратила несменяемых вождей в межобщинных посредников и судей, а концентрация власти в одних руках – сделала их князьями. Князья со своими дружинами объезжали общины, взимая с них дань. Возникли князьи повинности – право полюдья (*pasēdis*) и складчина (мезлява, *mezliava*). Земли, состоящие из отдельных полей, стали княжествами.

б. Княжества на литовских землях в конце XII – начале XIII в.

На большей части литовских земель в конце XII – начале XIII веков утвердилось уже по одному князю: в Упите – Рушкис, в Шяуляй – Булюс, в Лаукуве – Викинтас, в Литовской и части Нальшайской земель – Дангерутис и Стакис. Это была еще не личная, а семейная власть: во главе стоял один из членов семейства, однако отдельные замки и окружавшие их поля братья наследовали индивидуально, и они все могли сообща управлять землей. Соперничество между родными и двоюродными братьями явилось продолжением прежнего внутривидового соперничества, но теперь оно совершалось в условиях, когда соперникам принадлежала реальная власть над людьми и немалые источники богатства. Создавались союзы отдельных князей, скрепляемые брачными узами. В конце XII в. по всей Литве возобладала одна группа князей, представителями которой были Стакис и Дангерутис. Этим «высшим» князьям повиновались другие князья. Сложилась конфедерация литовских земель.

Связи между землями конфедерации пока еще не были прочными: высшие князья совершенно не контролировали внутреннюю жизнь других земель и взаимоотношения «низших» властителей. И все-таки, это был первый шаг к политической карьере князей. С конца XII в. начались систематические нападения литовцев на русские земли, литовские дружины стали разорять соседей по берегам Даугавы. Наиболее важные походы координировались высшими князьями или значительной частью земельных вождей. Зародилась первая форма литовской /36/ политики – военная (дружинная) политика. Литовцы стали субъектом истории.

Конфедерация литовских земель начала расширять свое политическое влияние на соседние земли. В Селпилисе (*Sēlpilis*) обосновался литовский гарнизон, тем самым почти вся Села (Селия) отошла в руки литовцев. Всеволод (Висвалдис, Виссевалде), русско-латгальский князь Ерсика (*Герцике*), взял в жены дочь Дангерутиса и стал верным союзником литовцев. Ерсика превратилась в опорный пункт для литовских дружин, готовящих набеги на берега Даугавы и северо-западные русские земли. Для своих соседей Литва стала гегемоном, но еще не могла политически реализовать эту свою гегемонию. /37/

2. Литва и немецкое продвижение на восток

а. Новая роль немцев на Балтике и возникновение Ливонии

Субъектом истории Литва стала именно тогда, когда столкнулась с латинской Европой. Геополитический ареал средневековой Европы сложился на основе индивидуального (аллодного и одалного) хозяйства, обретя идеологическую опору в католицизме и латинской культуре. Общественными отношениями, основанными на индивидуализме, Европа выделялась из всех геополитических ареалов мира. Первые столетия развития средневековой Европы, после распада Римской империи, ознаменованы низким хозяйственным, общественным и культурным уровнем, однако именно в ту пору выкристаллизовалась структура индивидуальных отношений, определившая в дальнейшем стремительное развитие континента. Первым порывом этого развития были Крестовые походы, по окончании которых Европа возвысилась как сообщество, во многом обогнавшее другие геополитические ареалы.

Европейский ареал разделялся на ядро (земли, принадлежавшие Римской империи и монархии франков) и северную, а также восточную периферии, прилегшие к этому ядру в IX–XI веках. Чем больше было развито ядро, тем больше оно воздействовало на периферию.

Главная роль тут принадлежала ближайшему соседу Литвы – Германии. Кроме политического и культурного влияния, с XII в. все заметнее становилась нарастающая немецкая колонизация, так или иначе оставившая след в истории Скандинавии, Чехии, Венгрии и Польши. В упомянутых странах возникли государства, и крещение их руководителей направило немецкую гегемонию скорее в мирное, чем в агрессивное русло. С мелкими славянскими племенами Эльбы и Одера этого не произошло, немецкая экспансия приобрела брутальный характер, и начиная с XII в. один за другим последовали Крестовые походы. В то же самое время купцы процветающих городов Северной Германии захватили господство на Балтийском море.

В IX–XI веках нападения скандинавских викингов практически не тревожили литовцев. Не сталкивались литовцы и с поляками, в XI–XII веках стремившимися навязать свою власть пруссам и ятвягам. Неразвитые общества скандинавов и поляков не были в силах колонизовать края, подвергавшиеся их набегам. Более затронутое прогрессом немецкое общество колонизовало земли славян /38/ по Эльбе и Одру. Немецкие торговые флотилии утвердились по всему Балтийскому морю, открыв новые возможности на незнакомом до того восточном побережье Балтики. Эти сдвиги совпали с началом периода папского могущества, отмеченного все возрастающей интенсивностью миссий в Балтийском регионе к концу XII в. Немецкого купца стал сопровождать монах, монаха – рыцарь. Далеко шагнувшее немецкое общество не признавало права языческих вождей на самостоятельное принятие христианства. На осваиваемые земли смотрели как на объект завоевания и правления, а крещение эти новые отношения должно было лишь оформить. Немецкие пришельцы применяли в отношении Балтийских этносов взгляды и методы Крестовых походов, принудительное крещение и правление.

Именно с этим столкнулись жители устья Даугавы, когда в восьмидесятых годах XII в. здесь была основана фактория любекских купцов. Фактория не замедлила подчинить обитавших здесь финноязычных ливов. Монахи в 1186 г. учредили миссионерскую епархию. По имени ливов новая немецкая колония получила название Ливония. Вместе с третьим епископом Ливонии Альбертом (1199–1229) край начали колонизировать немецкая аристократия и рыцари. В 1201 г. Альберт построил Рижский замок, вокруг которого вскоре вырос город Рига. В Ригу была перенесена епископская резиденция. По образцу действовавших в Палестине военных орденов Альберт в 1202 г. учредил Орден меченосцев, ставший главной военной силой наряду с прибывающими сюда немецкими крестоносцами. В Орден меченосцев вступали рыцари Саксонии. Возникло феодальное владение епископа Риги с растущим горо- /39/ дом, небольшими ленами отдельных рыцарей и набирающим силу крупнейшим вассалом – Орден меченосцев. В 1207 г. Альберт оформил Ливонию как лен Германской империи. Ни окрестные племена балтов, ни полоцкие князья, собиравшие дань на Даугаве, – не смогли помешать разрастанию Ливонии. Недалеко от Литвы уже возникло опасное политическое образование, грозящее не племенными междоусобицами, но Крестовыми походами и по-европейски организованной колонизаторской экспансией.

б. Вытеснение литовских дружин с берегов Даугавы

Литовские дружинники и купцы, постоянно посещавшие устье Даугавы уже в начале XIII в., очень скоро почувствовали перемены, связанные с возникновением Ливонии. Латгалы постепенно признали ее власть. Лучше организованные земгалы еще были в силах давать немцам отпор, но князь Западной Земгалии (Тервете) Вестард (*Вестардус*) был вынужден искать у них поддержки против литовских набегов.

В начале XIII в. князья окраинных земель Литвы стали превращаться в агентов «старших» (или «старейших») князей. Один из князей Упите – Жвьялгайтис (*Žvelgaitis, Свьялгатас*) – в 1205 г., предводительствуя войском старшего князя, разорил земли эстов.

Это войско на обратном пути было разгромлено рижскими немцами, Жвялгайтис погиб. В том же году рижскому епископу покорился русско-латгальский князь из Кокнесе (Кукенойса) Ветсеке (Весцеке, Вячко). Ответный поход одного из старейших князей под Ригу в конце 1207 г. немцы отразили, а в начале 1208 г. из Селпилиса изгнали литовский гарнизон. В том же 1208 г. литовцам удалось от- /40/ разить поход земгалов и рижан на Упите, однако захлебнулось и ответное нападение литовцев на Земгалию. В 1208 и повторно в 1209 г. ливонцы взяли Ерсикю и принудили князя Всеволода стать вассалом рижского епископа. В то же время был изгнан из Кокнесе и Вячко, а в его владениях создан важный опорный пункт на пути возможных литовских походов. Широкая коалиция (1210 г.) эстов, земгалов, куршей, литовцев, полоцких русских и восставших ливов ничего не дала: курши, в одиночку пошедшие на Ригу, были отброшены. В том же году Альберт и полоцкий князь Владимир заключили мир.

Так в первом десятилетии XIII в. Ливония вытеснила литовское воинство с берегов Даугавы. Литовцы впервые столкнулись с рыцарями в тяжелых доспехах и дальнобойными арбалетами. Поскольку в битвах литовцы почти не пользовались луками, а только метали легкие копья, они остро почувствовали техническое превосходство немецких воинов. Во многом случайной и способной лишь на разбойные вылазки литовской военной политике противостояла широкоохватная политика немецких церковных иерархов, которая разделяла и властвовала, а также успешно пользовалась всеми ресурсами Германии.

Ливония пресекла естественный процесс вращающихся родственных племен в государство. Господство литовских ратей на берегах Даугавы со всей определенностью клонилось к сбору постоянной контрибуции и содержанию гарнизонов, как это уже было опробовано в Селе. Литовские племена начинали играть ту же объединительную роль, какую сыграли франки в среде германцев, а также поляне среди восточно-славянских племен. Богатая торговая артерия Даугавы манила литовских князей, и можно предположить, что именно сюда сместился бы государственный центр соединенных балтских племен, как это произошло в Польше (из Гнезно и Познани в стоявший на скрещении торговых путей Краков). Возникновение Ливонии остановило подобное развитие событий. Литовские князья и дружинники лишились важнейшего источника добычи.

Двигаясь вверх по течению Даугавы и вытесняя литовцев, Ливония еще не перехватила инициативу полностью. «Старейшие» литовские князья не хотели мириться с утратой, тем более что земгалы уже оценили немецкую опасность и перестали оказывать поддержку пришельцам. Кроме того, в 1208 г. события в Упите показали ливонцам, что литовские земли невозможно завоевать в результате нескольких военных экспедиций. В конце первого десятилетия XIII в. острие ливонской экспансии обратилось к северу, к землям эстов. Литовские князья не замедлили воспользоваться немецкой оборонительной тактикой близ Даугавы. При их /41/ поддержке князь Всеволод в конце первого – начале второго десятилетия освободил Ерсикю. Немецкие позиции в 1212 г. ослабило восстание ливов и латгалов в Аутине, правда, быстро подавленное. В поисках опоры епископ Альберт в 1212 г. пошел на союз против литовцев с полоцким князем Владимиром. Однако расширился и литовский политический кругозор: старший князь Дангерутис в 1213 г. прибыл в Новгород и заключил союз с этой русской республикой. В том же году литовцы разорили Северную Латгалию и соседние с ней земли эстов. Таким образом, военная и политическая деятельность литовцев охватывала полосу на восток от Ливонии и захваченной ею Эстонии. И все-таки она не принесла желаемых результатов: на пути из Новгорода меченосцам удалось схватить Дангерутиса, и он умер в плену. Самым болезненным был удар 1214 г.: в проигранной немцам битве пал другой старший князь – Стакис.

Гибель двух старших князей не пресекла политическую активность Литвы: в 1214 г. ливонцы попытались захватить Ерсикю, но литовское войско защитило Всеволода. Однако активность литовцев снизилась на несколько лет. Причин этому две: немцы, пусть и с трудом, продвигались вперед в Эстонии, и силы Ливонии прирастали; наследники Дангерутиса и Стакиса были еще совсем юные люди. Последнее обстоятельство проявилось

наглядно при заключении мирного договора между Литвой и Волынским княжеством, когда литовцев представляло сразу пять «старейших» князей: Живинбудас, Дауйотас (*Довъят*) с братом Вилигайло и Дауспругас (*Довспруг*) с братом Миндовгом (*Mindaugas*). Юный возраст четырех последних князей подтверждает как присутствие братьев, так и продолжительность жизни Миндовга (умер не своей /42/ смертью в 1263 г.). Указанные обстоятельства направили внимание литовского воинства на юг: Волынь пропустила литовцев на польские земли, которые и были разграблены. Эти перемены еще не означали отхода от давления в северном направлении, где Литва по-прежнему проявляла активность на свободной от немцев территории. Зимой 1218–1219 г. отряд из 1500 восточных литовцев через Земгалию по льду прошел к о. Саарема, затем двинулся на западное эстонское побережье, но был разбит немцами. В 1220 г. литовцы оказывали некоторую поддержку Вестарду, вытеснявшему немцев из Восточной Земгалии. И все же эти действия не привели к успеху: в конце двадцатых годов и начале тридцатых Вестард сражался с немцами один на один. В 1225, а окончательно в 1229–1231 г. немцы захватили северную часть Куронии (*Kuršas*, или Курса). Меченосцы в 1229 г. разорили Нальшяйскую землю и разбили выступившее против них литовское войско. В итоге – Литва лишилась союзницы-Ерсикки: в 1225 г. Всеволод был вынужден заключить с Ливонией сепаратный мир, в 1230 г. подарить Даугавгривскому (Дюнамюнде, в устье Западной Двины) монастырю земли по реке Резекне, а в 1239 г. немцы уже владели всей Ерсикой. Литовцы в двадцатых годах совершали набеги на русские и польские земли, но в Ливонии почти не показывались (в 1221 г. отряд из 600 воинов оказывал помощь новгородцам). Литовское воинство окончательно потеряло контроль над Даугавой.

Эти успехи Ливонии остановили расширение литовской гегемонии в тех балтских краях, где она шагнула достаточно далеко. Конфедерация литовских земель утратила свои общепольские признаки, которые уже начинала приобретать.

в. Балтийские земли как цель планомерной немецкой колонизации

Благодаря местной колониальной инициативе, Ливония оказалась порождением Саксонии – самого отсталого герцогства Германии. Это со временем и стало опорой миссионерской экспансии Святого престола. Легат папы Гонория III в Балтийских странах Вильгельм (епископ Моденский) в 1225 г. объехал Ливонию. Переговоры легата с земгалами и литовцами не принесли никакой пользы, но его деятельность укрепила связи Рима и Ливонии, а также урегулировала споры Ливонии с Данией. Папы стремились установить здесь прямое подчинение Риму: 1225 г. Гонорий III объявил, что всех новокрещенных Ливонии и Пруссии он принимает под свое попечение. Это было ответом на аналогичный манифест германского императора Фридриха II в 1224 г. /43/

Опора на хорошо организованные и отлаженные церковные структуры давала папам все преимущества перед германским императором, однако главную опасность они видели в стремлении к самостоятельности самих колоний. Так было в Ливонии, вскоре это проявилось и в Пруссии, где с 1206 г. папа Иннокентий III активизировал работу цистерцианских миссий. В 1210 г. этот орден уже получил от папы концессию, а в 1215 или в начале 1216 г. монах-цистерцианец Христиан был поставлен прусским епископом. Начались Крестовые походы против пруссов. Опора при этом делалась на польских князей, чьим сюзереном считался папа, поэтому крещение Пруссии практически воспринималось как укрепление польской власти. Однако потенциал польских князей был слишком мал для ведения подобной нескончаемой войны, тем более не могли ее должным образом поддержать ни польское общество, развитое намного слабее немецкого, ни польская Церковь, располагавшая весьма ограниченными ресурсами. Уже в конце десятых годов в Крестовые походы на Пруссию втянулось германское рыцарство, а 1230 г. на соседней с Пруссией

Кульмской (Хелминской) земле обосновались крестоносцы, приглашенные мазовецким князем Конрадом. До 1241 г. немецкий (Тевтонский) орден покорил все прусские племена, за исключением самбов. Буллы императора Фридриха II (1226 г.) и папы Григория IX (1234 г.) узаконили существование государства крестоносцев-тевтонцев в Пруссии. Мощный орден, опиравшийся на аристократию и рыцарство прирейнских и центральных земель Германии, очень скоро создал сильную территориальную организацию, превратившую заявления императора и папы об опеке в эфемерные декларации.

Если в Ливонии перевес Ордена меченосцев, выявившийся лишь после смерти рижского епископа Альберта (1229 г.), не привел к уничтожению епархии и города Риги как политических единиц, – в Пруссии самостоятельная политическая деятельность епископов была пресечена еще в тридцатых годах, и Тевтонский орден всё взял в свои руки. Колонизаторский поток рыцарей, горожан и духовенства был здесь намного сильнее, а в конце XIII в. к колонизации края присоединилось и немецкое крестьянство, чего в Ливонии никогда не было. В тридцатых годах тевтонцы еще не могли полностью воспрепятствовать интересам литовцев в этом регионе, однако именно здесь зародилась куда большая опасность для Литвы, чем в сравнительно слабой Ливонии.

По мере расширения колонизируемой немцами территории и рос- /44/ та их претензий на самостоятельность, папы старались установить на вновь завоеванных территориях свое прямое правление. Это особенно проявилось в Куронской земле, где до 1234 г. вообще не выделялись лены для немцев Ливонии. Завоевание куршских и прусских племен обозначило перспективу аннексии всего балтского взморья. В данных обстоятельствах папы стремились к тому, чтобы расширяющиеся колониальные владения по левому берегу Даугавы обрели статус, сходный с Куронией. В этом, бесспорно, не были заинтересованы ни Орден меченосцев, ни епископы Риги, перед которыми захваченная Ерсика открыла новые перспективы господства над всем течением Даугавы. Между тем, папский легат побуждал их действовать в противоположном направлении – на Жямайтию, – и осваивать территории, которые им не принадлежали.

Приморская полоса нынешней Литвы была наименее знакомой ещё для скандинавских викингов. Немцы так же плохо представляли себе, какие земли расположены между Куронией и Пруссией. Однако и в этих обстоятельствах легату Вильгельму Моденскому все-таки удалось склонить меченосцев к нападению на жямайтов. Григорий IX в булле 19 февраля 1236 г. объявил о Крестовом походе. Более 2000 саксонцев прибыли в Ливонию, 200 воинов прислал Псков. Магистр Ордена меченосцев Фолквин (*Фольквин, Волквин*) медлил всё лето в надежде избежать экспедиции в мало разведанную область, но в конце концов был вынужден выступить уже осенью, в неудобное для себя время. Пройдя еще не покоренную Земгалию, меченосцы и крестоносцы (не менее 3000 воинов) ворвались на землю Шяуляй (Сауле). Они шли походом на владения князя Лаукувы Викинтаса, но в них долго не задержались. Викинтас был застигнут врасплох, и немцам удалось разорить значительную территорию. Опытный Фолквин не терял времени, и соединенное войско повернуло назад. Однако и жямайты в течение этих дней успели собрать достаточные силы. Лучше всех подготовились и первыми встали на пути захватчиков шяуляйские князья Булёнисы (или Булевичи: Висмантас и его братья). Они и встретили немцев 21 сентября юго-западнее Шяуляй (Сауле). За ночь подоспели отряды Викинтаса (всего жямайтов набралось 3–4 тыс.). Место было болотистое, и тяжелая немецкая кавалерия не могла действовать эффективно, тем более что крестоносцев обуяла пани- /45/ ка. Утром 22 сентября началась битва, завершившаяся полной победой жямайтов. Пал в бою магистр Фолквин, 48 рыцарей, 2000 крестоносных ратников и 180 псковичей.

Битва при Сауле (Шяуляй) стала событием мирового значения. Орден меченосцев был разгромлен и перестал существовать как политическая сила. Немецкая власть в Ливонии дала трещину, обрели свободу курши. Прекратились нападения на балтов с севера, рассыпались в прах планы Рима о создании зоны прямого папского правления. Однако литовская военная политика не смогла в полной мере использовать эту победу. Старших

князей не занимали успехи жямайтов, да и сами жямайты, понесшие в битве немалый урон, активности не проявили. Все это позволило остаткам Ордена меченосцев перевести дух, а папе найти выход, напрашивавшийся еще до битвы при Сауле: присоединить меченосцев к Тевтонскому ордену. Теперь за это решительно взялся Григорий IX, и в 1237 г. проект был осуществлен. Тевтонский орден послал в Ливонию отряд рыцарей, к которому примкнули уже немногочисленные меченосцы. Была создана автономная ветвь Тевтонского ордена – Ливонский орден. Его магистр, как и магистр Прусской провинции ордена, подчинялся Великому магистру Тевтонского ордена, резиденция которого находилась в Венеции.

События развивались в неблагоприятном для Литвы направлении. Историческая победа жямайтов лишь ускорила объединение немецких колоний на Балтике. Правда, она более чем на десятилетие приостановила немецкое продвижение с севера, однако потенциальная возможность комбинированных действий немцев за эти годы лишь возросла. В таких условиях проходил заключительный процесс объединения Литвы. /46/

3. Создание и укрепление Литовского государства

а. Возвышение единого властителя

В 1235 г. русский летописец упомянул о «Литве Миндовга». Следовательно, в то время была и «Литва не Миндовга», т. е. всей Литвой Миндовг еще не правил. Около 1245–1246 г. немецкий хронист (автор Ливонской рифмованной хроники) назвал Миндовга «верховным королем», а это свидетельствует, что Литва уже была объединена. Всё это показывает, что Миндовг как первый властитель выдвинулся около 1240 г.

Мирный договор с Волынью 1219 г. заключили не одни только «старшие» князья. Кроме них, Литву представляли четыре группы князей: князья жямайтов Гердвилас (Эрдвил) и Викинтас (Викинт), князья Упите (Рушкайтисы, или Рушковичи), Бутовт (Бутав), Вембутас, Кетянис (Гитянис), Кентбутас, Вяльжис (Вижлис), Вижейтис (Вижейкис) и Пликене, князья Дялтувы Юодикис, Бутейкис (Путейкис), Бикшис и Лигейкис, шяуляйские князья (братья Булёнисы, или Булевичи) Висмантас, Гедвилас (Эдвил) и Спрудейкис. Князья этих земель покорились Миндовгу. Это же касается и других, по тем или иным причинам не упомянутых в договоре с Волынью: князя земли Нярис Парбуса (Пернар), князя Альшанай (Ольшан) и окрестных земель Буниса, а также племянника Миндовга – Лянгвениса, князя Северной Нальши.

Владения покоренных князей обычно признавало их вотчиной, однако Миндовг стремился обрести собственных агентов (в грамотах Миндовга, относящихся к пятидесятым годам XIII в., эти князья назывались баронами). Некоторые из них лишались своих земель. Столкнулись два резонных подхода: право одальной сеньориальной собственности младших (низших) князей и складывающееся право высшей (сюзеренной) собственности на землю, данное верховному властителю и вытекающее из признания рядовыми князьями своей подчиненности. Поскольку это была коллизия индивидуальных прав, возникало не что иное, как отношения сеньоров-вассалов. Князья были высшей средой формирования таких отношений. На среднем уровне подобные отношения (между младшими князьями и их дружинниками) были уже сформированы. На /47/ низшем уровне отношения сеньоров-вассалов еще не сложились или сложились лишь в виде отношений князей со своими «полями» (общинами). Поскольку подобное взаимодействие не имело экономической основы (существовали хозяйства индивидуальных лаукиников, но не общинные хозяйства), это была лишь временная стадия становления отношений. Подобный комплекс общественных связей являлся не чем иным, как предпосылкой развития феодального общества. Не хватало важнейшего элемента взаимоотношений – правил

присвоения индивидуального продукта, действующих между каждым крестьянином (полянином) и земельным сеньором.

В сороковых годах XIII в. власть великого князя Миндовга еще не была прочной – он прямо управлял не всей Литовской землей (в узком смысле), а лишь ее южной частью с важнейшим замком – Ворутой (*Voruta*). Экономически и политически более значимой была северная часть Литовской земли с Вильнюсским замком и эмпорией (торговым посадом). Она принадлежала старшему брату Миндовга Дауспрунгасу, но тот умер до 1235 г., а его сыновья Товтивил и Эдивид были еще слишком молоды. Это позволило Миндовгу стать старшим в роду и именно в такой ситуации объединить Литву. Источники более ничего не говорят о старших князьях Живинбундасе, Дауётасе и Вилигайле. По намекам некоторых русских летописцев можно судить о том, что они были родственниками и соперниками Миндовга, устраненными в ходе безжалостной борьбы за власть. В этой борьбе семья Миндовга-Дауспрунгаса победила потому, что уже их отец занимал сильную позицию среди других старейших князей. Она несколько поколебалась в связи со смертью Дангерутиса и Стакиса (один из них, вероятнее всего, был отцом Дауспрунгаса и Миндовга), что позволило возобладать Живинбундасу и Дауётасу. Дауспрунгас и Миндовг вернули свои позиции в двадцатых годах XIII в. Их вес в начале тридцатых годов подтвержден женитьбой князя Галицкого Даниила на дочери Дауспрунгаса. Внешние брачные связи дополнялись внутренними: сестра Дауспрунгаса и Миндовга вышла за князя Северной Нальши (отца Лянгвениса), а сестра жямайтского князя (из Лаукувы) была женой Дауспрунгаса и матерью Товтивила и Эдивида. Наиболее верные из младших князей и державшиеся Миндовга родственники составили совет при властителе. Это были Лянгвенис, Парбус, Бикшис, Лигейкис, Бунис, Гярдянис (один из князей Нальши).

Несмотря на то, что власть еще не была достаточно прочной, выдвинувшийся князь сосредоточил в своих руках такие людские /48/ и материальные ресурсы, какими еще не располагал ни один из старейших князей. На землях, покорных воле великого князя, селились по-военному организованные лаукиники из его домена, обязанные сами себя кормить, – *лейти* (лейты, *leičiai*). Это заметно изменило положение Литвы среди ее соседей. Русские стали называть Миндовга великим князем, а немцы – королем.

б. Первые политические шаги Литовского государства

Единовластный правитель Литвы выдвинулся в то время, когда Русь поработили татары (1237–1240), основавшие в низовьях Волги и Дона мощное Золотоордынское государство. Если до того литовские дружины только грабили окраины раздробленной Руси, теперь соотношение сил еще более изменилось в пользу Литвы. Стремясь укрепить свое положение, Миндовг стал посылать подданных княжить на занимаемых русских землях, а сам присваивал их владения. Один из таких князей пытался в 1239 г. обосноваться на разоренной татарами Смоленщине. На это реагировал сам Ярослав, великий князь Владимирский, изгнавший литовцев из Смоленска. Сын Ярослава Александр Невский в начале сороковых годов отразил участвовавшие набеги литовцев на Новгородскую землю и поддержал противостоящего литовцам полоцкого князя. Невзирая на неуспехи в Северо-Западной и Центральной Руси, литовские дружины в середине сороковых годов хозяйничали на русских землях Поднепровья, и южная граница Литовского государства заметно подвинулась, включив Новгородок (Новогрудок), Слоним и Волковыск с окрестностями.

Свои владения расширяла на юг семья самого Миндовга: в Новогрудке обосновался его старший сын Войшелк. В 1242, 1243 и /49/ 1247 г. литовцы пытались нападать на земли Волыни, но в 1245 г. поддержали владимиристо-волынского князя Василия (*Василько*) и брата его Даниила в борьбе против венгров и поляков. Неудачи литовских князей в

Северо-Западной и Центральной Руси шли только на пользу Миндовгу, ибо он усиливался за их счет. В сороковых годах XIII в. заметно расширились пространства, которыми правил Миндовг и его близкие. Остановленные на севере немцами, литовские рати смогли укрепить свою постоянную власть на юге. Созданное на основе литовских племен государство приросло, правда, лишь небольшой частью Руси. Это не было еще завершением «дружинной» (ратной) политики, но эта политика начала приносить постоянные плоды (планомерное усиление власти).

Присоединение первых русских земель совпало с первым восстанием пруссов против Тевтонского ордена, начавшимся осенью 1242 г. Пруссов поддержал князь Восточного Поморья Святополк (*Sventopolkas*), которого теснили крестоносцы. Трудное положение вынуждало Святополка искать союзников, поэтому крепнущая Литва естественно привлекла его внимание. Святополк первым понял, что это – сила, способная противиться немецкой экспансии, однако доктрина Крестовых войн не позволяла князю-католику тесно сотрудничать с язычниками. Выход был найден в тайном союзе, скрепленном в 1244 г.

В самом начале 1244 г. Миндовг с большим, но весьма пестрым войском вступил в Куронию и осадил замок Эмбуте (Амбутен), незадолго перед тем взятый Ливонским орденом. В Эмбуте ливонцы утвердились, когда вновь заняли Куронию, оставленную ими после проигранной битвы при Сауле (Шяуляй). До этого на куршей давили только жямайты. Появление литовского сюзерена в Северной Куронии было не чем иным, как попыткой распространить власть Литвы на новые балтские племена. Миндовг метил туда, где Ливония еще не успела закрепиться, ибо литовское войско было не в силах штурмовать мощные немецкие замки. Удача не сопутствовала литовцам и при Эмбуте: сравнительно малые силы Ливонского ордена выбили их из Куронии. Поражение было горьким: хотя жямайты продолжали борьбу, Миндовг не мог оказать им поддержку. Однако восстанием пруссов он все же воспользовался, окончательно установив свое владычество над Скальвией (*Скаловией*), Надрувой (*Надровией*) и Северной Судувой (*Судовией*). Находившийся в Надруве культовый центр Ромува (своеобразная межплеменная балтская амфикиония) оказался на контролируемой Литвой территории. Источники больше не упоминают о князе Гердвиласе, подписавшем договор с Волынью (ок. 1219 г.). Возможно, его земли и не достались Миндовгу, однако их связь с литовским сюзереном несомненно укрепилась.

Союз Миндовга и Святополка привлек внимание папы. Иннокентий IV в буллах, относящихся к началу 1245 г., категорически воспретил Святополку объединяться с литовцами. В Европу информация из Ливонии попала уже в двадцатых годах XIII в.: Литву упомянула хроника немца Альберика (*Alberic*), скомпилированная из многих источников. Теперь действия Литвы начали сталкиваться с универсальными общеевропейскими интересами. В том же самом 1245 г. император Фридрих II выдал Тевтонскому ордену концессию, где в список подлежащих завоеванию стран входила и Литва. Союз со Святополком распался с поражением Миндовга под Эмбуте, еще до появления булл Иннокентия IV. Святополк был вынужден примириться с тевтонцами в 1248 г. Восставшие пруссы капитулировали в 1249 г. (Христбургский договор). Ливонский орден завершил присоединение Куронии еще в 1245 г. Немецкие колонии неуклонно теснили Литву.

В самом Великом княжестве Литовском власть Миндовга укреплялась неравномерно и непоследовательно. Задетые властителем, младшие князья стремились сплотиться. Взаимное соперничество князей стало приобретать характер борьбы верных вассалов Миндовга с его противниками, обратившимися даже за поддержкой к немцам. Во второй половине 1245–1246 г. вспыхнула опасная распря на стыке Нальши и Упите: в борьбе против Лянгвениса его соперники – братья Милгринас, Дучюс и Гинейка – пошли на союз с Ливонским орденом. Земли Лянгвениса были разорены, погиб его брат, сам он попал в немецкий плен, но был выкуплен. В конце концов Лянгвенис вторгся в окрестности Цесиса (*Вендена*; погиб местный комтур), а его враги были принуждены покинуть Литву. Выступление Милгринаса, Дучюса и Гинейки было обычным эпизодом, который, однако, продемонстрировал, на какие силы могут опереться в Литве немецкие колонии. Это

было опасно особенно потому, что половина Литовской земли (в узком смысле) принадлежала не Миндовгу, а его племянникам – сыновьям старшего брата. Дети Дауспругаса могли стать осью коалиции, противостоящей Миндовгу.

в. Междоусобная война 1249–1252 гг. и коалиция против Миндовга

Миндовг понимал, что по мере приближения немецких владений к Литве, история Милгринаса, Дучюса и Гинейки может повториться в куда большем масштабе. Он решился выступить первым и ликвидировать опасность в зародыше. В конце 1248 г. литовское войско под предводительством Викинта, Товтивила и Эдивида, было послано вглубь Центральной Руси. Пройдя Смоленск, близ реки Протвы литовцы разбили войско московского князя Михаила Ярославича Храброго (он погиб), брата Александра Невского. Подобно тому, как в 1239 г. соединенное русское войско под командой суздальских князей близ Зубцова (в верховьях Волги) разгромило литовцев. Этим вскоре воспользовался Миндовг и захватил владения Товтивила и Эдивида. Кроме того, он послал своих людей, чтобы они умертвили детей Дауспругаса и их дядю.

В политическом плане Миндовг очень точно рассчитал удар. Его домен легко и быстро удвоился, были устранены главные возможные соперники. Миндовг заметно укрепил своё положение, однако недооценил внешние факторы: эти соперники приходились родней галицкому князю и не замедлили этим воспользоваться. Товтивил, Эдивида и Викинт не стали ждать эмиссаров Миндовга и бежали под защиту Даниила, который горячо их поддержал, возмущившись расправой над своими родственниками и поняв, какой опасностью ему грозит окрепшая Литва. Он отказался выдать Миндовгу беглецов, и в середине 1249 г. хорошо снаряженный им Викинт явился в Жямайтию. Он без труда подкупил жямайтскую и ятвяжскую знать. Викинта поддержало его княжество и старые союзники – шяуляйские Булевичи. Только Южная Жямайтия стояла за Миндовга. При посредничестве Даниила Викинт во второй половине 1249 г. вошел в сговор с Ливонией. На литовский трон была выдвинута кандидатура Товтивила. В то же время волынское и галицкое войско ворвалось в Великое княжество Литовское и разрушило Здитовский, Волковыский и Слонимский замки.

/52/

Против Миндовга выступила мощная и действенная коалиция, опиравшаяся на враждебные ему силы в самой Литве. С русским и половецким войском, предоставленным Даниилом, Товтивил вошел в Литву. В конце 1249 г. и начале 1250 г. происходили военные действия, не давшие перевеса ни одной из сторон. Товтивил, нуждаясь в передышке, прибыл в Ригу. Ливонцы сердечно его встретили, особенно епископ Рижский Николай. Здесь Товтивил принял католическую веру.

Католическое крещение Товтивила показало, что претендент является немецким ставленником. Даниил был вынужден согласиться, ибо сам вел переговоры со Святым престолом о церковной унии. Ливонцы в свою очередь должны были примириться с вотчинными правами Даниилова шурина, а также с его претензиями на великое княжение. Конечно, этот статус определяло само существование литовского государства: хотя бы для вида с Товтивилом следовало вести себя как с реально признанным государем. Таким образом, сильная позиция Миндовга заставляла его врагов отходить от доктрины Крестовых войн и возвращаться к давней практике самостоятельного крещения языческих вождей. Противники Миндовга осознали, что признание Товтивила и действия в его поддержку были самыми большими опасностями для Миндовга.

Объявив Товтивила немецким ставленником, Ливонский орден приступил к практическим действиям. В первой половине 1250 г. его войска ворвались в Литву. Путь был знаком – из Кокнесе (*Кукенойс, Кокенгузен*) и Айзкраукле (*Аскраде, Ашраде*) в Нальшу. Не встретив сопротивления, немцы вступили в домен Миндовга. Истощенный войной Миндовг не рискнул вступить в открытый бой и укрылся в одном из своих замков (предположительно

– в Вороте). Сил у него, по всей видимости, было достаточно, поэтому ливонцы не стали идти на штурм, а ограничились разорением окрестностей. Миндовг удержался, но и победа Ливонского ордена была очевидной. Его даровитый магистр Андреас Штирланд (*Стирланд*) не замедлил этим воспользоваться. В середине 1250 г. последовали еще два набега. Целью первого была поддерживавшая Миндовга Южная Жямайтия, в ходе второго ливонцы впервые захватили Земгалию.

Положение Миндовга было серьезно. Он не хуже своих врагов понимал опасность возвышения Товтивила. После захвата Земгалии тайный посланник Миндовга прибыл к Андреасу Штирланду. Посланник привез богатые дары и передал магистру пожелание Миндовга убить Товтивила. Это уже был шаг, диктуемый государственной политикой, хотя Миндовг сделал его как предводитель дружины. Однако Андреас Штирланд был человеком, способным распознать суть предмета. Он прекрасно понимал, что означает /53/ фигура Товтивила и насколько она соответствует политическому содержанию литовской власти. Поэтому, оставив Товтивила в стороне, магистр обратился к самому Миндовгу. Во второй половине 1250 г. делегация Ливонского ордена во главе с Андреасом Штирландом прибыла к Миндовгу. Обе стороны нашли общий язык, и магистр предложил литовскому вождю принять крещение. Формально Андреас Штирланд вел себя так же, как и епископ Николай в случае с Товтивилом. Однако он вел переговоры с реальным правителем, поэтому было затребовано и реальное вознаграждение. Сговор осуществился за счет Жямайтии, большую часть которой Миндовг согласился передать Ордену. Формально выйдя за рамки доктрины Крестовых войн, Андреас Штирланд добился куда большего, чем если бы строго ее придерживался. Для Миндовга эта сделка была, пожалуй, единственным выходом. Стремлением отыскать его было продиктовано и первое предложение, однако он очень быстро сообразил, какие новые возможности открывает этот решительный шаг.

Миндовг принял крещение в начале 1251 г. Действия епископа Николая утратили смысл, и Товтивилу вскоре пришлось бежать к Викинту в Жямайтию. После выхода Ливонского ордена коалиция против Миндовга начала рассыпаться. Священник Ливонского ордена брат Христиан, готовивший Миндовга к крещению, фактически стал его политическим инструктором, ознакомившим литовского князя с политической структурой Европы и межгосударственными отношениями. В июле 1251 г. посланник Миндовга Парбус, сопровождаемый представителями Ливонского ордена, был принят Иннокентием IV. Без посредничества Ордена аудиенция не была бы дана, но в дальнейшем литовский посол и сам отлично исполнял свою миссию. В нескольких буллах Иннокентий IV признал крещение Миндовга, объявил Литву леном св. Петра и назначил коронацию ее руководителя. Литва была официально признана христианской страной, т.е. принята в европейскую политическую систему. Признание главенства Рима практически мало ограничивало властелина Литвы, но защищало от нападений Тевтонского ордена, совершаемых согласно концессии, выданной теми же папами. За два года Миндовг прошел большую политическую школу, сумел создать и реализовать свою государственную программу.

Товтивилу оставалось ориентироваться на Галич (Галицию). С войском, данным ему Даниилом, при содействии жямайтов и ятвягов, он в середине 1251 г. выступил /54/ против Миндовга. Миндовг вновь положился на прочность замковых стен и укрылся в Вороте. На этот раз ему помогал отряд, присланный Ливонским орденом. Товтивил был вынужден отступить. Это был перелом: инициативу перехватил Миндовг. Во второй половине того же года он осадил один из важнейших замков Викинта – Тверай (Тверяй, *Твиремет*). Осада не завершилась взятием замка, но Миндовг смог расправиться с Булевичами: Висмантас, Гедвилас и Спрудейкис погибли. Приблизительно в то же время умер и Викинт. По просьбе Товтивила галичане в начале 1252 г. разграбили южные области Великого княжества Литовского (был разрушен Гродненский замок), однако это не помогло племяннику Миндовга. Во второй половине 1252 г. он снова бежал в Галич. Щедрыми дарами Миндовг привлек на свою сторону много жямайтов и ятвягов. Война с Галичем и Волынью еще не закончилась, но это была уже действительно внешняя война – внутри Литвы Миндовг своих

врагов одолел. Он не только укрепил свою власть, но приобрел (правда, не слишком надежного) союзника – магистра Ливонского ордена. Литва получила международное признание.

г. Литовское королевство

Перед Литвой двери в европейскую политическую систему отворились в ту пору, когда папы уже укротили императора Германии. Санкционировавший крещение Литвы папа Иннокентий IV был человеком, который привел Святой престол к исторической победе и сумел этой победой воспользоваться. От Ливонии до Рима простерся массив, состоящий из подопечных папы, его клиентов или политических глашатаев. В этот массив попала и Литва. Признание крещения Миндовга было лишь составной частью экспансионистской политики Иннокентия IV, еще одним козырем в его переговорах с русскими князьями о церковной унии. Литва была объявлена христианской страной, когда стала очевидной бесперспективность переговоров папы с Александром Невским и, напротив, проявилась близость позиций Рима и Галиции (Галича). Князь Даниил поддерживал связи с папой, осуществляя широкую династическую политику, втягивавшую Галич в соперничество Чешского и Венгерского королевств с Австрийским герцогством.

В июне 1253 г. Даниил выступил против Чехии. Подобные /55/ действия потребовали большого напряжения сил и внимания. В поход были вовлечены исполнители его замыслов в Литве – Товтивил и Эдивид. Всё это позволило Миндовгу получить передышку в затянувшейся войне с Волынью и Галичем. 6 июля 1253 г. он был коронован. К этому акту Миндовг должным образом подготовился. Был построен (возможно, в Вильнюсе) Кафедральный собор, прибывший с большой свитой Андреас Штирланд привез короны, изготовленные в Риге. Короновал Миндовга Кульмский (Хелминский) епископ Гайденрейх, которому папа Иннокентий IV поручил это еще в 1251 г. Была увенчана короной и супруга монарха, как этого требовал коронационный формуляр (регламент). Скрупулезное исполнение церемониала свидетельствует, что коронация литовского владыки была тщательно продуманной и подготовленной политической манифестацией. Знаменателен политический расклад заинтересованных участников коронации. Лагерь Андреаса Штирланда позаботился о технической стороне дела. Епископ Гайденрейх был доминиканцем, папа Римский назначил его духовным попечителем Тевтонского ордена. Не известны епископы-ассистенты (не менее двух), однако упоминание о коронации Миндовга в трактате анонимного современника «Начало мироописания» позволяет думать, что она прошла по всем правилам, а намеки некоторых источников позволяют догадываться о том, что одним из ассистентов мог быть Куронский епископ-францисканец Генрих. Его Иннокентий IV назначил духовником Миндовга. Не участвовала традиционная цистерцианская конгрегация, однако этот пробел был с лихвой заполнен представителями могучих молодых орденов – францисканцев и доминиканцев (последним Иннокентий IV поручил объявить интердикт императору Фридриху II). Их следует считать прямой папской агентурой. Тем самым были вполне выражены интересы римского сюзерена, для чего были найдены соответствующие креатуры, а должные роли распределены так, чтобы ни одна корпорация не получила значительного перевеса. Иннокентий IV хорошо понимал проблемы новокрещенных королевств. Он даже на первое время велел воздержаться от сбора десятины в краю, еще не привычном к ренте. В плеяде выдающихся пап XIII в. он выделялся как гениальная личность, предвосхитившая великие горизонты теократического примата: отстранение императоров давало возмож- /56/ ность манипулировать правителями и корпорациями, поддерживать равновесие между ними и приучать их самих к зависимости от этого равновесия.

Правителю столь отдаленного периферийного лена св. Петра такая позиция папы предоставляла большие возможности. Это было важно, ибо руководство Тевтонского ордена

не проявляло склонности к однозначному признанию достижений дипломатии Миндовга. Летом 1252 г. в Ливонию был послан наместник великого магистра Эберхардт фон Зейн с целью корректировать нестандартные действия Андреаса Штирланда. А Миндовгу приходилось много платить: во время коронации Ливонскому ордену были выданы грамоты, подтверждающие передачу значительной части Жямайтии. Миндовг хорошо понимал, что свои враждебные действия Тевтонский орден и епископы Ливонии способны перенести в область дипломатии, но сложный расклад политических сил в Ливонии мешал увидеть возможные препятствия. Назначенный в 1251 г. архиепископом Ливонским (с 1255 г. – Рижским) Альберт Свербер (*Suerbeer*), уже проигравший борьбу с Тевтонским орденом за влияние в Пруссии, мечтал отыгратся за счет Литвы, для чего и включил ее в состав своей церковной провинции. Миндовгу вновь пригодился лагерь Андреаса Штирланда: король вознамерился сделать своего крестного Христиана епископом Литвы. Это его намерение не мешало планам Иннокентия IV: создав Ливонское (Рижское) архиепископство, папа не хотел концентрировать в нем все вновь окрещенные территории. В 1254 г. Христиан был возведен в сан епископа Литовского. Была удовлетворена и другая просьба Миндовга: епископ Литовский ставился в прямое подчинение Риму. Это было большим успехом: почти одновременно Литва была признана, получила ранг королевства и создала, пусть и не на уровне митрополии, отдельную церковную провинцию. Последнее вызвало широкое соперничество, в него включилась и Гнезнинская (Польша) митрополия. В 1253 г. в сан епископа Литвы был рукоположен доминиканец из поляков Вит, однако сведения о нем в Литве не сохранились.

Успешное окончание внутренней войны, весомые дипломатические победы и поддержка Андреаса Штирланда укрепили положение Миндовга и всего Литовского государства. В 1254 г. был заключен мир с Волынью и Галичем. Как и в случае крещения, этот договор потребовал от сторон компромисса, тем более что и в самой Литве, даже в семействе Миндовга, возникли «русские» проблемы. После гибели Висманта его вдова (не позднее 1252 г.) стала второй женой Миндовга, получившей при крещении имя Марта (*Morta*). Марта стала ревностной католичкой и опорой немецкого духовенства в Литве. При таких обстоятельствах естественный отпор со стороны детей от первой жены приобрел форму религиозного противостояния. Старший сын Миндовга Войшелк принял православие, тем более что он управлял Черной Русью (Новогрудком, Волковыском и Слонимом). Так же, как и Марта, Войшелк ревностно исповедовал свою новую веру. Заключившие мир Миндовг и Даниил должны были учитывать стремления своих вассалов. Выход был найден: за Литвой признавалось право на присоединенную ею Черную Русь, но вместе с тем по возможности удовлетворялись личные интересы правителей и их приближенных. Сын Даниила Роман, которому не удалось даже с помощью брака закрепиться в Австрии, получил Черную Русь в качестве вассала Миндовга. Приблизительно в это время в Полоцке утвердился Товтивил, признавший главенство Миндовга. Все эти компенсации были даны и получены за счет Войшелка, который удалился в монастырь. С детьми Миндовг вообще не церемонился: Войшелк должен был выдать свою сестру за другого сына Даниила – Шварна (*Svaromir, Švarnas*). От папы Миндовг получил подтверждение на право владения присоединенными к Литве русскими землями. Этим он опередил Даниила, который в случае заключения церковной унии так же рассчитывал получить от папы концессии. Таким образом южные и восточные рубежи Литвы были защищены юридически.

Крещением и коронацией были разрешены далеко не все проблемы, связанные с северным и западным соседством. Осенью 1253 г. должен был удалиться от дел Андреас Штирланд, которого давно «вытеснял» орденский капитул. Миндовг лишился серьезного союзника. Однако руководству Тевтонского ордена было на руку и далее сохранять двусмысленную позицию, позволявшую расширять влияние в Литве. Поэтому Эберхардт Зейн был весной 1254 г. отозван из Ливонии. Сменивший Андреаса Штирланда Аннон Зангерсхаузен открыто не выступал против Миндовга, а его преемник (на рубеже

1256–1257 г.) Бургхард Горнгузен (*фон Хорнхаузен*) обменивался с королем Литвы любезными письмами и подарками. Последствия всего этого – дарственные грамоты Ливонскому ордену на Селу (Селию, 1255 г.) и повторная на Жямайтию (1259; вкуче со Скалвой (Скаловией), Надрувой (Надровией) и Северной /58/ Судувой (Судовией). Епископу Литвы в 1254 г. Миндовг отписал земли в Жямайтии, но Христиан, будучи не в состоянии взимать с них десятину, передал право на её сбор Ливонскому ордену. Он же в 1254 г. получил от папы декларацию об опеке на себя и на земли, полученные от Миндовга. Тевтонский орден (как и Ливонский) явно готовил для Миндовга ловушку, в которой оказался князь Восточного Поморья при начале первого восстания пруссов. Но и Миндовг тоже не сидел сложа руки. В 1255 г. он получил разрешение папы Александра IV на коронацию своего сына, что возводило Литву в ранг наследственного королевства. Преемников у Миндовга хватало: акты пятидесятых годов упоминают его сыновей Руклиса и Гирстукаса, детей, по всей видимости, от первой жены, ибо дети Марты, которые тоже имелись (неясно, можно ли к ним причислить упоминаемого в 1263 г. Рупейкиса), вряд ли были способны в то время заверять акты. В начале шестидесятых годов более не упоминается верный Миндовгу племянник (сын сестры) Лингвен (*Лянгвенис, Лугвений*), но его заменил другой племянник Тройнат (Трянёта), человек широкого кругозора, даровитый военачальник и политик, не гнушавшийся никакими средствами. Тройнат стал правой рукой стареющего Миндовга, поскольку ни король, ни его сын военными способностями не отличались.

Возвышение Тройната имело серьезные последствия. В Литовском королевстве, достигшем внешних дипломатических успехов, нарастало политическое напряжение. Прежде всего встал вопрос о срастании с государством католической Церкви, которую представляли немецкие священнослужители. Само христианство не вызвало большого недовольства в домене Миндовга и Нальше: выношенная и выкормленная русскими и польскими мамками литовская аристократия шла по типично синкретическому пути, внешне принимая верховного христианского Бога, а в повседневном быту обращаясь к своим божествам. Наиболее существенным пунктом противоречий был вопрос о содержании Церкви (в литовском обществе еще не сложилось понятие и приятие ренты) и национальные раздоры. Немцы успели стать нацией ненавистных пришельцев, а эти чувства еще более обострялись событиями в Жямайтии и личными конфликтами (напр., помехами, чинимыми Ливонским орденом при продаже литовских товаров). В таких условиях Тройнат использовал антинемецкие настроения для пополнения своего политического капитала. Если Марта в королевском /59/ окружении стала опорой немцев, а Войшелк – русских, то Тройнат все более вживался в роль поборника национальных ценностей. Дети Марты, о карьере которых тревожилась мать, имевшая влияние на короля, были причиной возникновения новых проблем. Двор короля раздирали противоречия, и руководители Тевтонского ордена это отлично видели.

В быту литовской знати военная добыча продолжала играть большую роль. Мир с Ливонией закрыл дорогу на север, но добрые отношения с Вольнью и Галичем открыли путь на юг. Около 1256 г. дружины галичан и литовцев разорили окрестности Киева. С этого началась новая волна литовского проникновения в Русские земли. Эти действия шли вразрез с интересами Золотой Орды. Зимой 1258–1259 г. большое татарское войско возглавил лучший ордынский полководец (темник) Бурундай (*Боролдай, Буронды*), который вынудил Даниила и Василия (*Василька*) поддержать наступавших на Литву татар. Татары и русские разорили Литовскую и Нальшайскую земли. Однако в виду опасности литовская знать действовала сплоченно – Товтивил и покинувший монастырь Войшелк отобрали у Романа Черную Русь, а его самого взяли в плен. Основные литовские силы избегали решительной битвы и отступали на северо-запад. Эта тактика принесла плоды: татары и русские ушли из Литвы. Но край, истощенный внутренними распрями, вновь был разграблен. Епископ Христиан покинул Литву и больше в ней не показывался. Потрясенной нашествием Бурундая Литве с одной стороны грозили крестоносцы, с другой – галичане. А сама Литва

переживала болезненный период становления монархии и интеграции в Европу.

д. Борьба жямайтов один на один с крестоносцами и битва при Дурбе

Соглашения Миндовга с Ливонским орденом раскололи конфедеративные связи литовских земель. Жямайты остались одни. Руководство Тевтонского ордена, посылая в Ливонию Эберхардта Зейна, поставило перед ним, помимо других, задачу возглавить борьбу против жямайтов. Эта борьба виделась из Венеции (где располагалась резиденция великого магистра) как поддержка завоевания Самбии. Вместо с тем была оценена опасность проникновения жямайтов в Южную Куронию: следовало оттеснить их от моря. Осенью 1252 г. в устье реки Дане ливонцы построили Клайпедский замок (Mimele). Место было выбрано очень удачно: в точке, где скрестились интересы жямайтов и самбов. Ответ обоим племен был скорым: летом 1253 г. их войска осадили Клайпеду, но не смогли ее взять. Стремясь закрепить успех, Эберхардт Зейн в конце того же лета разорил жямайтские земли, а осенью заново перестроил Клайпедский замок. В том же 1253 г. крестоносцы из Пруссии начали нападать на Самбию. Ход войны с самбами показал, что Ордену ничто не сулит легкой победы, как в борьбе с более мелкими племенами. Войско крестоносцев, зимой 1253–1254 г. вторгшееся в окрестности Гирмавы (*Girmava*), было разбито. Стало ясно: одним ударом завоевать Самбию и Жямайтию не удастся. Помимо прочего, еще и это было причиной отзыва Эберхардта Зейна из Ливонии поздней весной 1254 г. Военные действия против жямайтов были оставлены на усмотрение самого Ливонского ордена.

Эти события не разделили клайпедский и самбийский театры военных действий. В начале лета 1254 г. Клайпеду атаковала большая флотилия самбов, однако немцы отбились. Временное исключение Жямайтии из стратегических планов Тевтонского ордена не означало прекращения операций его Ливонского ответвления против Самбии. Летом 1254 г. магистр Ливонского ордена Аннон Зангерсхаузен пытался атаковать самбов с Куршской косы, но был отброшен. Крестоносцы, вновь убедившиеся в упорстве самбов, обратились за помощью к королю Чехии Пржемыслу (*Пржемыслу*) II. Большое чешское войско в январе 1255 г. разгромило Самбию и передало ее Тевтонскому ордену.

Военные действия в Самбии позволили жямайтам перевести дух, а ее поражение развязало руки Ливонскому ордену. Его добрые отношения с королем Литвы не позволяли жямайтам надеяться на помощь Миндовга, однако отбушевавшая внутренняя война многому научила жямайтских князей. Хотя с исторической арены исчезли такие союзники как Викинт и Булевичи, однако конфедеративные связи внутри Жямайтии сохранились, как и ее политически традиционные связи со всей Литвой (ведь и внутренняя война была не борьбой племен, а распрей княжеских группировок внутри самих племенных образований). Жямайтские князья, собираясь на совет, координировали общие действия против Ливонского ордена. /61/ В 1255 г. совет избрал военачальника – князя Альгмина – и поддержал выдвинутую им программу действий. Альгмин подчеркивал губительность разрушения общелитовских связей. Главным средством для восстановления этих связей он полагал укрепление общих позиций в Куронии. По видимости чрезмерные амбиции Альгмина на самом деле являлись глубоким пониманием сути событий. Именно из Южной Куронии, и конкретно – из Клайпеды, Ливонский орден стремился завоевать Жямайтию, а за десять лет до того сам Миндовг набегом на Эмбуте начал осуществлять общебалтскую политику Литвы, прерванную крещением и коронацией.

В начале 1256 г. жямайты разорили Куронию. Ливонцы нанесли мощный ответный удар по Жямайтии в середине 1256 г. Обе стороны пытались ослабить вражеский тыл, а сама война не меняла характер борьбы за Куронию, выявившийся еще в 1252 г. В начале 1257 г. жямайты осадили Клайпеду. Замка они не взяли, но разгромили спешивший на помощь осажденным отряд нового ливонского магистра Бурхарда Горнгузена. Борьба, не дававшая

никому перевеса, истощила противников, поэтому весной 1257 г. было заключено перемирие сроком на полтора года. Договор о свободной торговле был некоторой компенсацией для жямайтской знати за ее воздержание от разграбления Куронии. Время действия перемирия совпало с возобновлением пропаганды Крестовых походов в Европе. В папских буллах среди непокоренных язычников упоминались литовцы. Это свидетельствовало, что Тевтонский орден и польские князья не признавали границ и национальных интересов христианского Литовского королевства. Возобновить военные действия после окончания перемирия готовился не только Ливонский орден, но и жямайты; с этой целью вновь был созван совет князей. Война разгорелась осенью 1258 г. Конфедерация жямайтских земель выставила 3000 воинов.

Во второй фазе войны выявилось превосходство жямайтских воинов на открытом поле. Сразу после начала военных действий жямайты разбили близ Скуодаса ливонское войско под командой комтура Кулдиги Бернарда Гарена (фон Харена). Пали 33 рыцаря, немало куршей бежало с поля битвы. В конце 1258 г. жямайты вновь появились в Куронии. Их армию близ Вартай (*Vartajai*) настигло ливонское войско во главе с магистром Бургхардом Горнгузенем. При общем нежелании ввязываться в крупную битву, жямайты смогли оторваться от преследователей и уберечь захваченную добычу. Эти успехи все больше влияли на настроения куршей, а в особенности земгалов. Последние в самом конце 1258 г. восстали и изгнали ливонских наместников. На эту болезненную потерю Ливония энергично реагировала: на стыке 1258-59 г. объединенное войско Ордена, епископов и датчан из Северной Эсто- /62/ нии во главе с Бургхардом Горнгузенем осадило Тервете; замок Тервете выстоял, но ливонцы вблизи него основали свою базу – замок Дубяле. На это жямайты в начале 1259 г. ответили осадой Дубяле (*Добеле*). Как и следовало ожидать, эта операция не доставила успеха жямайтам, плохо владевшим осадной техникой, и сами они понесли значительные потери. Возвращение Ливонского ордена к привычной тактике строительства замков несколько охладило жямайтов, привыкших к господству на поле боя. Правда, для использования против них такой тактики Ордену требовалось значительно больше сил и ресурсов, чем в начале XIII в. на Даугаве или в тридцатых годах в Пруссии. Однако после завоевания Самбии (окончательно – в 1256 г.) ливонцам могло оказать поддержку Прусское ответвление Ордена. Общими силами крестоносцы весной 1259 г. на земле Каршувы (*Karšuva*) воздвигли замок св. Георгия. Это событие знаменовало начало третьей фазы войны, направившей ее по пути, не приемлемому для жямайтов.

Позиционная война сковывала силы жямайтов и уменьшала их боевую добычу. В Каршуве повторялась клайпедская история, и руководство жямайтов хорошо осознавало эту опасность. Их соединенные силы построили напротив твердыни противника свою крепость, которая стала базой для непрерывной блокады замка св. Георгия. Таким образом князья Жямайтии сумели преодолеть навязанную им тактику, однако теперь уже Орден наступал, а жямайты оборонялись. Ровно на полпути между Ливонскими и Прусскими владениями Тевтонского ордена возникла крепость, которую жямайты не могли уничтожить.

Замок св. Георгия стал ареной постоянной борьбы. Навязанная жямайтам тактика заставила их отыскать противоядие. Осаду замка они сочетали с разграблением Куронии, и это позволяло обеспечивать войско и всё сильнее воздействовать на настроения куршей. Запасы в замке св. Георгия иссякали, и руководство Ордена предприняло новый поход для прорыва блокады и восстановления связи с замком. Летом 1260 г. соединенное войско Ливонского и Тевтонского орденов при поддержке датских подразделений из Северной Эстонии во главе с магистром Ливонского ордена Бургхардом Горнгузенем, маршалом Пруссии Генрихом Ботелем и шведским принцем Карлом вступило в Каршуву. Новая тактика жямайтов принесла плоды: влияние немцев в Куронии заметно ослабло, поэтому появление жямайтов могло не ограничиваться лишь разграблением Куронии. Соединенное крестоносное войско было вынуждено спешно следовать в Куронию, где близ озера Дурбе их встретили жямайты (4000 воинов).

Одно из величайших сражений XIII в. – битва при Дурбе – произошло 13 июля 1260 г.

Военные силы Тевтонского ордена не /63/ освоили в должной мере стройную систему взаимодействия рыцарей и боевых помощников (слуг), набранных из лояльного местного населения. Армия крестоносцев представляла собой пестрое воинство, состоявшее из рыцарей, ратников и набранных по призыву балтов. Курземские призывники требовали, чтобы, в случае победы, им были возвращены их близкие, попавшие в плен к жямайтам. Латгалы и ливы считали пленников военной добычей, подлежащей обыкновенному дележу. Отсутствие единого командира не позволило утихомирить спорящих, в войсках началось брожение. По ходу боя курши оставили вверенный им участок, многие повернули оружие против немцев. Заколебались эстонцы. В таких условиях немцев охватила паника, и в скором времени битва превратилась в резню. Жямайты легко настигали бегущих. Пало 150 тевтонских рыцарей, среди них Бургхард Горнгузен и Генрих Ботель.

Дурбе стало величайшим военным поражением Тевтонского ордена в XIII–XIV в. Эта битва продемонстрировала силу конфедерации Жямайтских земель и в корне перевернула политическое положение в Балтийском регионе.

е. Последствия битвы при Дурбе

Весть о разгроме Тевтонского ордена при Дурбе тотчас облетела страны Балтийского бассейна и другие регионы. Немецкие гарнизоны немедленно покинули замки св. Георгия и Дуобяле. Восстали и изгнали немцев курши. Они сразу обратились за помощью к жямайтам, согласились признать их власть, приняли в замке Дзинтаре значительный жямайтский гарнизон. 20 сентября 1260 г. восстали все прусские племена, за исключением колонизованной немцами и поляками Помезании (*Pamedē*). Это было Великое восстание пруссов, сковавшее действия Тевтонского ордена на полтора десятилетия.

Опасность отдалилась от Жямайтии, жямайты оказались в авангарде балтской освободительной борьбы. Однако битва при Дурбе, физически уничтожившая ядро крестоносцев в Балтийских странах, не могла положить конец системе миссионерских завоевательных войн в Европе. Помощь Тевтонскому ордену спешно организовал папа Александр IV. На рубеже 1260–1261 г. ливонцы заняли куронские замки Дзинтаре (был уничтожен и жямайтский гарнизон) и Асботе. В январе 1261 г. крестоносцы атаковали пруссов в Самбии и Натангии (*Нотангии*), но были разбиты выдающимся прусским полководцем, натангом (*нотангом*) Геркусом Мантасом при Пакарвьяй. 3 февраля того же года жямайты разгромили ли- /64/ вонцев у Лелварде (*Lielvarde*), и это позволило временно обрести свободу эстонцам на острове Саарема. Жямайты были на вершине успеха, однако пример Дзинтаре свидетельствовал о повторении пройденного: превосходство литовцев в открытом поле не могло помешать немцам занимать замки.

Отношения Литвы и Тевтонского ордена после Дурбе внешне не изменились. Миндовг очень дорожил международным признанием Литвы, в силу чего спокойно наблюдал за событиями. Однако напряжение возрастало. Немецкое духовенство сохранило влияние на определенную часть литовской аристократии, группировавшейся вокруг королевы Марты. А общее настроение всё очевиднее склонялось на сторону жямайтов; им умело пользовался Тройнат, стремившийся стать его выразителем. Руководство Ливонского ордена, располагавшее нужной информацией, готовилось обратить себе на пользу возможные конфликты в окружении короля: в фальсификатах актов, где Миндовг (будто бы) передает свои владения Ливонскому ордену при отсутствии законных наследников, как раз и содержится эта дата – 1260 г.

Успех жямайтов не вскружил голову их князьям, которые понимали, что создались наилучшие условия для осуществления программы Альгмина. В конце лета 1261 г. делегация жямайтов прибыла к Миндовгу. Она просила принять Жямайтию под власть короля Литвы и начать войну против Тевтонского ордена. Миндовг колебался, но всё решило давление, оказанное Тройнатом. Тройнат еще более расширил программу Альгмина в расчете на

энергичную поддержку латгалов. В Ворути и Вильнюсе хорошо видели закулисные ходы крестоносцев. Условия жямайтов были приняты, немецкие священнослужители изгнаны, король приказал /65/ готовиться к войне. Возникла острая нужда в союзниках, и было условлено действовать заодно с Новгородом.

Осенью 1261 г. литовское войско вступило в Ливонию. Литовцы разграбили окрестности Цесиса (Вендена), но подмоги от новгородцев так и не дождались. Латгалы не пошли против немцев. Окружение Марты вновь подняло голову – и сам Миндовг заявил Тройнату о своем недоверии. Король сознавал, что Тевтонский орден борьбу с ним представит как отход литовцев от христианства, а «балтийские» планы Тройната оказалось не так-то просто осуществить. Вместе с тем Миндовг хорошо понимал и то, что у него не осталось выбора – следовало продолжать войну. Поэтому Тройнат сохранил положение фаворита. Впрочем, начало войны с крестоносцами пришлось на период, когда еще не был избран новый папа вместо умершего весной 1261 г. Александра IV. Новоизбранный папа Урбан IV ранее бывал в Балтийских странах, поэтому лучше других иерархов Церкви знал их взаимоотношения. В конце 1261 г. появились его буллы, направленные в поддержку Тевтонского ордена, однако не содержавшие никаких выпадов против Миндовга, аналогичных прежним нареканиям Святополку. Урбан IV понимал положение дел, а Миндовг в свою очередь не спешил прояснить свою конфессиональную принадлежность, поэтому связи Литвы и Рима формально не были прерваны.

Летом 1262 г. Тройнат взял реванш за неуспех под Цесисом. Большое литовское войско во главе с ним разорило Плоцкое княжество (погиб мазовецкий князь Земовит) и Кульм (Хелмин, или *Хелмно*). Литовская рать захватила немалую добычу, а восставшие пруссы обрели серьезную поддержку. Тройнат получил подтверждение правильности избранной им программы действий. События /66/ при королевском дворе толкали его еще дальше. В 1262 г. умерла Марта, и Миндовг взял в жены ее младшую сестру, отняв ее у одного из Нальшайских князей – Довмонта (*Daumantas*). У Тройната, осознавшего собственную популярность, появилась возможность объединиться с обиженным Довмонтом против Миндовга.

Между тем, события всё еще развивались в направлении, определенном битвой при Дурбе. Осенью 1262 г. Товтивил поддержал поход новгородцев на Ливонию. 9 февраля 1263 г. литовское войско под началом Тройната, перед тем разорив побережье Западной Эстонии, разбило ливонцев близ Даугавгривы (Дюнамюнде). Однако в январе того же года немцы взяли куронские замки Лашай, Мяркяй и Груобине (Зеебург). Фактически балтийская политика Альгина и Тройната лишь увеличила трофеи литовских ратей, но ничего весомого не принесла.

Правда, одна важная победа была достигнута: Жямайтия вновь объединилась с Литвой. Значение этого объединения в Литве хорошо понимали: следуя расчету (или по велению Миндовга), Тройнат с Довмонтом отбыли в Жямайтию. Сам Миндовг активно использовал слабость соседей, отправляя войска на их земли. Военная верхушка получала вознаграждение за сдержанность в пятидесятых годах и понесенные ею убытки во время нашествия Бурундая. Осенью 1263 г. был совершен большой поход на Брянск. Он не увенчался успехом, но вовсе не эта неудача стала роковой для Миндовга. Уходом войска воспользовался Довмонт, исподтишка напавший на Миндовга и убивший его и его сыновей Руклиса и Рупейкиса. Тройнат сбросил маску, поддерживав убийцу. Войшелку пришлось спешно бежать в Пинское княжество.

Так Тройнат руками Довмонта устранил не только Миндовга, но и его сыновей. Тем самым Товтивил и Тройнат остались ближайшими родственниками Миндовга, обладавшими реальной силой. Между ними вспыхнула распря, закончившаяся убийством Товтивила в конце 1263 г. Занявшего трон Тройната поддержали в домине Миндовга, другие земли Восточной Литвы и Жямайтия. Миндовг столько успел, что даже его убийство не дало ни малейшего повода к распаду государства.

Вместе с Тройнатом в Литве победило язычество. Литва сделала значительный шаг

назад, но начатая балтийская политическая линия была продолжена. В первой половине 1264 г. соединенное войско литовцев и ятвягов напало на замок Велува в Пруссии. Осада не удалась, но характер и /67/ направление действий говорили о повторении событий при Кульме (Хелмине) 1262 г.: Тройнат был единственным литовским вождем, наносившим удары по Пруссии. Для Литвы, утратившей международное признание, балтийская политика была наилучшим исходом, однако государство еще не было достаточно зрелым для подобных шагов. Литва еще не осилила науку быстрого возведения замков в соседних странах, не могла обеспечить их провиантом и достаточным гарнизоном. Расширяя свои владения на Руси, она опиралась на местные силы, к которым приспособлялись прибывшие из Литвы князья. У балтских племен таких структур еще не существовало. Конечно, другого выбора у Литвы не было, потому Тройнат делал лишь то, что мог. Однако кровавый дележ наследия Миндовга продолжался: в середине 1264 г. сторонники Войшелка убили Тройната. Балтийское направление литовской политики пресеклось.

ж. Православные эпигоны Миндовга

Войшелка посадила на трон дружина Миндовга. Литовская земля без помех признала его великим князем. Войшелка поддержал старый соратник Миндовга, князь Нальши и Полоцка Гярдянис, однако большинство князей Нальши и Дялтувы, поддержавшее убитого Тройната и сочувствовавшее Довмонту, не признало Войшелка. Но одолеть Войшелка у них не хватало сил. Литва раскололась.

Войшелку пригодились его тесные связи с Галичем. Ему на помощь во второй половине 1264 г. в Литву прибыло войско галичан, под началом шурина Войшелка – Шварна. Объединенные силы Войшелка и Шварна ворвались в Нальшю и Дялтуву. Упорное противоборство продолжилось и в 1265 (даже в 1266) году. Хотя Войшелку и Шварну нелегко было брать замок за замком, однако их противники не смогли объединиться и были в конце концов уничтожены. Большинство погибло, нальшенцы бежали: Шюкшта – в Ливонию, Довмонт – в Псков. Значительная часть Дялтувы и Нальши была присоединена к домену Великого княжества. Войшелк укрепил свое положение. О его связях с жямайтами сведений у нас нет.

Войшелк наладил добрые отношения с Ливонским орденом, однако не подтвердил никаких земельных дарений, сделанных /68/ Миндовгом. Поначалу в его совете преобладали русские, но после разгрома оппозиции в Нальше и Дялтуве верх взяли литовцы. Став князем псковским, беглец Довмонт принялся мстить Гярдянису, принявшему сторону Войшелка, – в 1266 г. псковичи под командованием Довмонта разорили Нальшю и захватили жену и сыновей Гярдяниса. Довмонт повторил набег в 1267 г., Гярдянис пал на поле боя. Эти набеги вынуждали Войшелка ориентироваться на Галич. Литовская политика стала пассивной, была прекращена поддержка балтских племен, атаковавших Тевтонский орден.

Тем временем Ливонский орден успешно расправлялся с куршами. В 1263 г. пали Крятинга и Импильтис, в 1264 г. – Греже. В середине 1267 г. курши капитулировали. Последним большим успехом пруссов было взятие Бартенштейна в 1264 г. Вслед за тем обозначилось превосходство немцев. Прежние походы литовцев, хотя и не стали преградой взятию немцами балтских замков, все-таки замедляли и затрудняли тевтонское наступление. Но все это было в прошлом. Сам Войшелк тяготился гражданской жизнью, принудившей его (во время нашествия Бурундая и расправы над убийцами Миндовга) покинуть желанный монастырь. При восшествии на престол, он дал клятву через три года вернуться в келью. Так он и сделал, уступив трон Шварну в 1267 г.

Преобразование галичанина в великого князя сделало Литву галицким протекторатом. Ни Войшелк, ни Шварн еще не создали православных приходов, но в православную веру стала переходить литовская знать. Известно, что православными стали братья кярнавского князя Тройдена (*Traidenis*) Бардис, Лиесис, Сирпутис и Свалькянис. Сам Шварн наибольшее

внимание уделял своим владениям в Галиче (Холмском княжестве). Всё это угрожало Литве обрусением, включением в политическую систему Галиции и Волыни. /69/

Как и Войшелк, Шварн не мешал расширению владений Тевтонского ордена. Между тем, враждебные Литве силы Европы применяли против нее обретенный Миндовгом статус лена св. Петра. Чешского короля Пржемысла II папа Климент IV в 1268 г. признал преемником Миндовга и дал ему позволение отвоевать у язычников Литовское королевство. Пржемысл II стремился посадить в Литве своими вассалами польских князей. На стыке 1267–1268 г. он прибыл в Пруссию, но был принужден спешно вернуться, дабы отбить нападение баварцев на свои земли. По смерти епископа Христиана (после 1271 г.) должность епископа Литовского не была упразднена. Еще в 1291 г. им был брат-священник Тевтонского ордена Иоанн. Эти епископы жили в Германии и были политическими орудиями Ордена. Так остатки добытого Миндовгом международного признания стали в руках соперников Литвы средством дипломатических манипуляций. Поскольку крещение и коронация Миндовга аннулировали полученную Тевтонским орденом концессию на завоевание Литвы, Орден прибрал к рукам миссионерское Литовское епископство и накапливал подлинные акты дарения, совершенные Миндовгом, а также их фальсификаты.

Сложившееся положение не удовлетворяло литовскую знать. Они не желала лишаться обретенной государственности. Тем более ее раздражала пассивность в отношении крестоносцев. Государственная организация позволяла возобновить походы литовцев на Ливонию, как это показали действия Тройната. Эти походы были заметно эффективнее, чем разрозненные набеги прежних времен. Поведение Шварна не отвечало подобным чаяниям. Враждебные ему силы объединились вокруг кярнавского князя Тройдена, связанного дальним родством с семьей Миндовга. В 1269 г. Тройден изгнал Шварна и завладел увеличившимся доменом Войшелка. Победила национальная династия и национальная политика. Литва окончательно выбрала путь, намеченный Тройнатом. /70/

4. Консолидация раннелитовского государства (последняя треть XIII в. – начало XIV в.)

а. Возникновение Литовской военной монархии и укрепление ее позиций

Литва защитила свою независимость и возобновила активную политику в то время, когда Тевтонский орден еще не окончательно подавил выступления пруссов и земгалов. Это было благоприятным для Литвы обстоятельством, ибо освобождение из-под сильного влияния Гапицко-Волынского княжества требовало заметных усилий. Тройден выстоял в борьбе с волынянами, в которой погибли его братья Бардис, Лиесис и Свалькянис. Все-таки, потакая желаниям знати, литовское войско уже в феврале 1270 г. разграбило о. Саарема (*Эзель*). При возвращении на материк, на ледяном перешейке близ Карусе ему преградили путь силы Ливонского ордена, епископов и датчан из Северной Эстонии под началом магистра Оттона фон Лютенберга. Литовцы отразили атаку и вынудили немцев отступить (погибли магистр и 52 рыцаря), но и сами потеряли 1600 воинов. Такие потери не остановили литовских набегов: вскоре был разбит и погиб вице-магистр Ливонского ордена Андрей Вестфальский (пали 20 рыцарей ордена).

Казалось, повторяется ситуация времен Тройната: литовские рати разоряют Ливонию, а немцы тем временем неуклонно двигаются вперед. В Земгалии в конце 1271 г. ливонцы взяли Тервете, весной 1271 г. – Межуотне, а в начале лета того же года – Ракте. В июне 1272 г. земгалы капитулировали. В 1274 г. крестоносцы окончательно усмирили пруссов. Немцы достигли рубежей, оставленных после битвы при Дурбе. Но в этот раз они пошли дальше. В том же 1274 г. крестоносцы Пруссии атаковали надрувов и скалвов, а Ливонский

орден в 1274 г. построил крепость Дюнабург (совр. Даугавпилс) на Даугаве. Как раз в 1272–1275 г. Тевтонский орден получил новые концессии от папы на владение Пруссией. Тройден расценил постройку Дюнабургского замка как захват литовской территории и немедленно подступил к его стенам с большим войском. По сравнению с прежними действиями, литовское нападение было куда лучше технически подготовлено, но все же взять Дюнабург не удалось. Однако в этом случае важнее были не отдельные успехи, а проявившиеся стратегические возможности Литвы. В апреле 1274 г. сам Тройден атаковал галицкого князя Льва (до той поры воевать приходилось лишь с Волынью) и занял Дрогичин (Дорогичин). Галичан поддержали татары. В 1275 г. галицкий князь Лев, волынские князья Мстислав и Владимир, при содействии других русских князей и татар, предводительствуемых темником Ягурчином, – вторглись в Черную Русь. Русские отбили Дрогичин, была сожжена жилая и предзамковая часть Новгородка (Новогрудка), но сам Новогрудский замок (обороняемый, следует полагать, братом Тройдена Сирпутисом) выстоял. В 1276 г. был заключен мир. Эта война была не слишком ожесточенной: в это же время галичане атаковали ятвягов, а литовцы опустошали Люблинскую область Польши. Всё это свидетельствовало о военно-политическом равновесии на южной границе Литвы и крахе гегемонистских претензий Галича. Все-таки следовало накапливать силы на юге, и в 1276 г. было заключено краткое перемирие с Ливонией.

В 1276 г. Тройден расселил беглецов из Пруссии по замкам Южной Литвы и Черной Руси. Подобные средства, а также координация военных усилий на севере и на юге, наряду с технически грамотной, пусть и не завершенной, осадой Дюнабурга свидетельствовали о значительном прогрессе Литвы в военном деле. Государство уже было способно расселять и обеспечивать военных колонистов, следовательно, имелся определенный земельный фонд и начала функционировать земельная рента. Крепкая власть великого князя предпринимала всё это в военных целях. Таким образом в Литве создавалась модель военной монархии. В сложившемся окружении это был наилучший выход.

Эти факторы уже влияли на события конца семидесятых годов. Хотя Литва и не смогла серьезно помочь Надруве и Скалве, которые были захвачены крестоносцами в 1274–1277 г., немалая часть надрувов и скалвов ушла в Литву. Скалвы, по примеру пруссов, создали в Жямайтии и окрестностях Каунаса военные поселения, усилившие оборону Литвы. Надрувы обосновались в Восточной Литве. В октябре 1277 г. соединенное войско литовцев и ятвягов разрушило Кульм (Хелмин). Все эти действия наглядно свидетельствовали о наличии последовательной балтской политики, начавшей приносить плоды. Пусть редкими военными выступлениями, но Литва смогла поддержать наиболее стойких противников Тевтонского ордена, дала приют беглецам, и это воодушевляло сражавшиеся племена балтов. Потому и надрувский культовый центр с приходом крестоносцев переместился в Литву. Перед скалвами, /72/ надрувами, ятвягами, земгалами – помимо покорности завоевателям – открылась возможность совместной судьбы с Литвой или спасения на ее территории.

В лице Тройдена Литва обрела талантливого стратега и организатора, способного разумно распорядиться предоставленными возможностями и точно координировать тактические моменты. Это было необходимо. Восстания пруссов и куршей, спасшие Литву от немецкой интервенции в критические для нее шестидесятые годы, были подавлены. Ливонский орден, как показало возведение Дюнабурга, уже непосредственно угрожал Литве, крестоносцы Пруссии в 1277 г. начали завоевание Судовии, а Галич с Волынью только искали повода расквитаться за свои неудачи первой половины семидесятых годов. Передышка, полученная в 1276 г., длилась недолго – зимой 1278–1279 г. волынские князья Мстислав и Владимир, сын галицкого князя Юрий, при поддержке татарского военачальника Мамшея, вновь напали на литовские владения Черной Руси. Новгородок (*Новогрудок*) против татар устоял, а осадившие Гродно (*Городно*) русские были отброшены вылазкой прусского гарнизона. Нападение удалось отразить местными силами, что было очень кстати, ибо в конце февраля 1279 г. в Литву вторглось войско Ливонского ордена и датчан Северной Эстонии. Ливонцы проникли достаточно глубоко: были разорены окрестности Кярнаве.

Местные военные ополченцы сумели быстро собраться и настигли крестовое войско уже в Ливонии. 5 марта при Айзкраукле ему было нанесено тяжелое поражение (погиб магистр края Эрнест Расбург, 71 рыцарь и предводитель датчан Эйларт). В ходе битвы крестоносцам изменили земгалы. На их земле немедленно поднялось восстание, изгнавшее немецкие гарнизоны и администрацию.

Айзкраукле было важным тактическим успехом литовской военной монархии и ее балтской политики. Князь Земгалии Намейс признал верховенство Тройдена, а Тройден в свою очередь ввел его в великокняжеский совет. Литовское войско под командой Намейса осенью 1281 г. разорило Самбию, блокировав крестоносцам подходы к Судовии. Жямайты довольно энергично помогали земгалам обороняться от ливонцев. Складывалась единая стратегия, включающая действия собственно Литвы, земгалов и ятвягов. Единение всей Земгалии с Литвой позволило земгальской знати влиться в ряды набирающих силу литовских землевладельцев. Однако это было только началом, Айзкраукле все-таки являлась лишь тактической победой. В 1283 г. крестоносцы Пруссии завершили пора- /73/ бошение Судовии. Как в случае со Скалвой (Скаловией) и Надрувой (Надровией), немалые числом ятвяги подались в Литву и внесли известную пестроту в топонимику ее юга и юго-востока (речь о селах Дайнавы, как их именовали литовцы). Земгалам удалось большее: все восьмидесятые годы они отражали нападения Ливонского ордена. И все-таки великокняжеское войско, хотя и достигало Южной Эстонии, в Земгалии не показывалось. Литва еще была не в силах строить на присоединившихся землях замки и содержать гарнизоны. Ее стратегия и политика всё еще определялись страстью к захвату военной добычи, привычной для малоземельной знати. Невзирая на сложное положение у северных и южных рубежей, литовцы в 1278 г. опустошили Ленчицкую область Польши. Во избежание литовских набегов князь Плоцкий (Мазовия) Болеслав II в 1279 г. взял в жены дочь Тройдена Гаудемунду, принявшую христианское имя София. Так своеобразно соединилась старая литовская военная практика с нарождающейся династической политикой.

Тройден умер в конце 1281 или самом начале 1282 г. Историография относит восьмидесятые XIII в. годы ко времени внутреннего разлада Литвы, но это, вероятнее всего, следствие недостатка информации о властителях Литвы у немецких и русских источников. В 1285 г. погиб великий князь Литовский Домант, возглавивший поход литовцев на тверские земли, а в конце восьмидесятых уже упоминаются имена князей, обладавших твердой властью. Всё это позволяет думать, что преемственность власти в Литве не была нарушена. Военная монархия сформировалась. Такое направление развития определялось наличием частью слабых, частью более сильных и агрессивных соседей, а также все более очевидной политической и культурной изоляцией.

б. Литва по отношению к внешним влияниям

Можно соглашаться или не соглашаться с теорией вызова Арнольда Тойнби (*Arnold Toynbee*), но если применять ее к истории Литвы, тогда конец XIII в. представляется хорошей иллюстрацией этой теории. На рубеже Немана Тевтонский орден был остановлен; началась позиционная столетняя война. Орден нападал, Литва защищалась. И в то же или почти в то же время начался процесс интенсивного присоединения русских земель к Литве, хронологически совпавший с оборонительной войной на западе и на севере.

С конца восьмидесятых годов XIII в. письменные источники выделяют правящую династию, в историографии именуемую Ге- /74/ диминовичами. Первым князем, к ней несомненно принадлежавшим, был Бутигейд, упоминаемый по имени с 1289 г. Об анонимном литовском правителе немецкий хронист упоминает в записях 1286–1289 г. Считая этого анонима Бутигейдом или не считая его таковым, – согласимся, что в перечне великих князей Литвы с 1285 по 1289 г. практически нет пробелов. Это можно признать

подтверждением генеалогической связи между Домантом (или Тройденом) и Гедиминовичами. Однако и в этом случае подобная связь должна признаваться косвенной, ибо генеалогическая традиция Гедиминовичей с конца XIV в. полагает зачинателем рода не Тройдена или Доманта, а не упомянутого ни в каких других источниках Сколоменда.

Династия Гедиминовичей опиралась на тот же самый домен, расширенный Миндовгом и Войшелком, – Литовскую землю и большую часть Нальши и Дялтувы. Как и во времена Тройдена, важнейшими центрами домена были Вильнюс и Кярнаве. Они уже заметно выделялись в иерархии замков, а Ворута утратила значение, приданное ей Миндовгом. Если не при Бутигейде, то во времена его ближайших наследников к Вильнюсу и Кярнаве прибавился третий важный центр – (Старые) Тракай (*Троки*), а Вильнюс выдвинулся как постоянная столица. Выделение столицы совпало с окончательным возвышением великого князя и субмонарха над другими членами правящей династии. Подобная структура отвечала более сильной позиции великого князя, в сравнении с временами Миндовга и Тройдена, когда правителя окружала плотная среда его братьев, племянников и свояков. Наряду с монархом и субмонархом (это место отвоевывал наиболее отличившийся брат или сын властителя) особое значение обретали центры, ставшие его постоянными резиденциями. Историческая традиция XVI в. изначальным центром считала Кярнаве, данные первой половины XIV в. выделяют Вильнюс как резиденцию монарха, а Тракай – как место пребывания субмонарха. Субмонархом Бутигейда был его брат Бутвид. Самое позднее в начале XIV в. домен великого князя (и субмонарха) охватывал Центральную и Северную Литву. Мелкие местные князья из Альшанай (*Ольшан*), Гедрайчяй (*Гедройцев*) и Свирияй никаким политическим влиянием не располагали. Домен правителя не просто расширился, но в нем сформировалась прочная сеть замков и поселений (дворов). Замки и дворы стали административными центрами, старосты замков – наместниками, судьями и военачальниками. Сложившаяся система повинностей обеспечивала хозяйство замка данью (гарантируя ее сбор) и гарнизоном из /75/ посменно дежурящих окрестных жителей. Государство уже было способно собрать довольно людей как для строительства новых и укрепления старых замков, так и для содержания их гарнизонов. Так была реконструирована система замков в низовье Немана. Ее центром несколько позже стал каменный Каунасский замок, была перестроена Велюона (Юнигеда), добротны оснащены Паштува и Пештве (*Pieštve*). Валы из утрамбованной обожженной глины и высокие деревянные стены, укрепленные снопами, а также столбовыми и срубными конструкциями, стали трудно преодолимы даже для хорошо технически оснащенного немецкого войска.

Неманская замковая система отразила экспансию крестоносцев Пруссии. Немцы уничтожили замки Колайняй и Мядрабе, наиболее выдвинутые на запад, но укрепиться на их территории не смогли. Линия фронта стабилизировалась. Гарнизоны литовских и немецких пограничных замков постоянно совершали вылазки, разорявшие окрестности вражеских крепостей. С конца XIII в. не прекращались большие и малые обоюдные походы вглубь вражеской территории. Литва проявила себя как равный противник, хотя Орден сохранил роль нападавшего. Еще в 1281 г. литовцы захватили Ерсикю и выменяли ее на Дюнабург. Тактическая цель Тройдена была достигнута.

Хуже складывались дела в Земгалии. В 1290–1291 г. Ливонский орден завершил ее покорение, при отсутствии действенной поддержки земгалам со стороны великого князя. Значительная часть земгалов перебралась в Литву. Отдельными «полями» они обосновались в Шяуляй и других землях Жямайтии. Их села возникли даже на левобережье низовий Немана. Восточные земгалы расселились в Упите. Дальше ливонцы продвинуться не смогли. На севере образовалась линия фронта, приблизительно совпадающая с нынешней границей Литвы и Латвии. Не удалось защитить земга- /76/ лов, поскольку напряжение восьмидесятых годов на южных границах сменилось не меньшим напряжением на западных рубежах, куда и требовалось направить главные силы. Военные действия конца XIII в. показывают, что Жямайтия вместе с великокняжеским доменом составила единую стратегическую систему, существование которой стало определять всю стратегию

Тевтонского ордена. Особенно активны жямайты были на северо-западе. В последнем десятилетии XIII в. их князь Мажейка разорял Северную Куронию. Тем временем жямайты окончательно завладели Южной Куронией, исключая Клайпеду. Близ Паланги литовская граница вышла к Балтийскому морю. Замки Импультис и Крятинга не были восстановлены, однако в первой половине XIV в. эти земли обороняли Кульский и Буоженский замки.

Мажейка был последним жямайтским князем, упоминаемым в исторических источниках. Великокняжеская власть аннулировала институт князей в Жямайтии, однако сделано это было не в одностороннем порядке, а с согласия жямайтской военной знати. В большинстве земель эта знать сохранила власть и влияние, но должна была участвовать в общих военных действиях, предпринимаемых государством. В области Паграуде (неподалеку от современной Кведарны) возник замок, принадлежащий субмонарху (в последние годы XIII в. и в начале XIV в. им был брат Витеня Гедимин (источники называют замок его именем). Позднее для субмонарха нашлась другая опора, но именно эта (Паграуде) была звеном, связавшим Литву с Жямайтией. За верность Литва платила жямайтам всесторонней поддержкой, которую оказывал в первую очередь субмонарх. Как в административной, так и в военной структуре Литвы жямайтские земли сохраняли широкую автономию.

Устранение жямайтского князя был лишь внешне разительным переломом, весь процесс интеграции Жямайтии растянулся на столетия. И сам этот перелом был довольно сложным. Тевтонскому ордену удалось в последнем десятилетии XIII в. переманить на свою сторону часть жямайтских вельмож. Великому князю пришлось силой сломить их сопротивление, а недовольные были вынуждены бежать к крестоносцам. Подобные явления повторялись и в первой половине XIV в. Отдельные жямайтские земли заключали с Орденом перемирия. Великие князья, терпеливо и постепенно устраняя препятствия, до поры должны были с ними мириться. В конце XIII – первой половине XIV в. в Жямайтии многократно повторялось то, что происходило на /77/ севере Нальши во времена Миндовга. С восьмидесятых годов низовья Немана и Жямайтию постоянно атаковали крестоносцы. Построенный в 1289 г. замок Рагаине стал опорной приграничной базой их регулярных нападений. Литовцы на Пруссию ходили реже, однако эти набеги уже не были исключительным событием, как в шестидесятые годы. В 1289 г. Бутигейд разорил Самбию, в 1293 г. литовцы пытались взять замок скалвов на Немане, в 1289 г. они разрушили город Штрайсберг, в 1299 г. опустошили Натангию, а 1302 г. – Любаву. В развернувшейся позиционной войне Литва с самого начала оказалась способна отвечать Ордену чувствительными походами вглубь его территории. Эти походы приобрели стратегический характер, их цель была – ослабить хозяйственный потенциал противника, однако не осталась в забвении и прежняя функция: захват военной добычи. Возможности этой последней заметно расширились в условиях единого государства: большие воинские соединения могли пригнать большее число пленных, и среди них мужчин, которые до этого истреблялись. Литовские походы на Польшу становились все более опустошительными: в 1286 г. разорена Гостинская, в 1292 г. – Куйявская, в 1294 г. – Ленчицкая, в 1299 г. – Добжинская, в 1307 г. – Калишская земли.

Но больше всех приходилось терпеть Руси. Только во время правления Миндовга на русские земли было совершено более 30 походов. В конце XIII в. их масштабы выросли, а последствия приняли новый характер: менялись политическая система и границы. На юге мощное Гапицко-Волынское княжество еще представляло угрозу, особенно когда основные литовские силы собирались на западной границе. В 1289 г. Бутигейд и Бутвид в целях обеспечения безопасного тыла были вынуждены уступить Волыни Волковыск. Однако в последние годы XIII в. угроза со стороны Волыни уменьшилась.

В конце XIII в. из-под власти Литвы ускользнул Полоцк, но причиной тому было не сопротивление русских, а вмешательство Ливонского ордена. На стыке XIII–XIV в. южная и восточная границы Литвы изменились незначительно, но на всех этих рубежах хозяйничали литовские дружины и назревала большая опасность литовской экспансии на Руси, что

подтверждает теорию Тойнби о перетекании вызова.

Вышеописанные явления и сдвиги указывали, что Литовское государство уже прочно встало на путь структурного политического развития. Оно на минимальном уровне реализовало намеченную Альгмином и Тройнатом программу: хотя присоединенные анклавы родственных балтских племен были невелики, но их пополнило значительное число земгалов, судувских беженцев, ассимилированных куршей, а также группы скалвов, надрувов и пруссов. Так был сделан шаг за рамки этнически литовских племен. /78/ Важно, что это стало краеугольным камнем государственной политики. Еще Гедимин включил в свой церемониал титулование земгальских князей, а правители Литвы XIV и XV в. предъявляли претензии на балтские земли в Ливонии и Пруссии. Эти претензии указывали на военное равновесие в XIII в.: Литва утвердилась как политическая единица Балтийского региона, препятствующая распространению немецкой экспансии на всё восточное побережье Балтики. Военная монархия, не преуменьшая экономического значения опустошительных набегов на соседей, стремилась расширить их территориальный охват и рассматривала их как составную часть государственной стратегии. В таких условиях крепла династия Гедиминовичей. После смерти Бутигейда (около 1291 г.) его сменил субмонарх Бутвид. Преемником Бутвида (около 1295 г.) стал его сын Витень.

в. Зарождение регулярной внешней политики

В конце XIII – начале XIV в. столкновение папы и короля Франции закончилось впечатляющей победой последнего. Вскоре папы обосновались в Авиньоне и попали под влияние французских королей. Триумф национальной монархии в Западной Европе знаменовал новую эпоху позднего средневековья, в которой универсальные институты уже не играли прежней политической роли. Прерогативы германского императора стали лишь титульной принадлежностью крупных и мелких династий Центральной Европы, а также источником обогащения. Эти династии возвысились в регионе, который после сокрушения императора составил из конгломерата монархов-подданных Римской курии. Господствующие позиции в регионе заняли государственные образования, созданные Люксембургской и Анжуйской династиями, со своими центрами в королевствах Чехии и Венгрии.

Тевтонский орден, весь XIII в. лавировавший между папами и императорами и всегда бывший от этого в выигрыше, без труда приноровился к изменениям политической системы в Европе. На востоке католической Европы не было национальной монархии, которая на ее западе уничтожила сестру крестоносцев – корпорацию тамплиеров, позарившись на ее богатства. Напротив, Тевтонский орден создал территориальное государство, которое, пользуясь превосходством своей хозяйственной и социально-корпоративной /79/ структуры над государствами региона, само угрожало их существованию или целостности. Лидеры крестоносцев вполне осознали значение изменений в Европе и эффективно их усвоили. Понимая, что для Тевтонского ордена наиважнейшими стали владения в Пруссии, где с конца XIII в. проходила немецкая крестьянская колонизация, – великий магистр в 1309 г. перенес свою резиденцию из Венеции в Мариенбург. В том же году Орден захватил Восточное Поморье (Померанию), все попытки польских властителей вернуть его оказались тщетными. Возникли тесные связи между крестоносцами и князьями Европы, которые надолго обеспечили поддержку большинству военных операций Ордена.

Специальная военная экспедиция крестоносцев еще в 1295 г. провела разведку на Немане – от Гродно до Рагайне. Начались методические нападения на земли в низовьях Немана и соседних жямайтов. Мощные замки Велюоны, Пештве и Паштувы не были взяты, но немцы разграбили их окрестности, тем самым облегчив подход к ним. В 1298 г. были разрушены предзамковые укрепления Велюоны и Пештве, в 1300 г. разорены окрестности

Аукаймиса (*Aukaimis*), в 1303 г. – Каршувская земля, в 1305 г. – области Паграуде и Гродно, в 1306 г. – разрушен Гродненский замок, а область Паграуде разграблена дважды. В эту пору литовская оборона лишилась замков Скронайте, Бебирвайте и Путве, охранявших подступы к Жямайтии. Замок Путве был крупнее других: в одном и том же году дважды пришлось разрушать его передовые укрепления. Немцы взяли Путве благодаря измене. Предатели помогли тевтонцам взять замок Аукаймис в Южной Жямайтии в 1302 и 1305 г., однако он был восстановлен. В 1304 и 1307 г. походы Ордена были поддержаны немецкими крестовыми ратниками из Прирейнских областей. В 1306 г. войт епископа Самбии Филипп Боланд на литовской территории разбил полторатысячное войско Витеня (погибло 17 представителей литовской и русской знати). Всё это говорило о широком и постоянно растущем масштабе боевых операций крестоносцев из Пруссии. В это время Тевтонский орден уже был способен тревожить Литву так часто, что допустимо вести речь о непрерывных военных действиях. Подобно тому, как и на запад от Велюоны, – в южном приграничье Жямайтии были разрушены замки, выдавшиеся далеко вперед, а их окрестности опустели. Оборонительная система Литвы не была уни- /80/ тожена, однако уже в первом десятилетии XIV в. хозяйственная деятельность на окраинах государства стала практически невозможной. Значительную часть зоны военных действий немцам удалось перенести на литовскую территорию.

Правда, активность немцев не была безответной. В 1302 г. литовцы разорили окрестности Кристбурга, в 1302 и 1303 г. – Любавы. Это были не слишком болезненные уколы. Но в 1308 г. большое литовское войско опустошило Самбию, а в 1311 г. – Самбию и Натангию. Последним походом руководил сам Витень. В 1306 г. было отбито тщательно подготовленное немецкое нападение на Гродно. Временами военные действия переносились на территорию Ордена, даже в его глубинные области. В конце XIII и начале XIV в. выдвинулись даровитые литовские полководцы: Сурминас – в низовьях Немана, Сударгас – в Жямайтии.

Первое десятилетие XIV в. показало, что в военном противостоянии на Немане Литва была равноценным противником Тевтонскому ордену. На севере, пользуясь ослаблением Ливонии, сама Литва перехватила инициативу.

Во второй половине XIII в. купечество в Литве оформилось как социальный слой. Тройден к этому факту отнесся вполне равнодушно, однако в конце XIII в. сделки литовских купцов, хотя и значительно уступавших по торговой активности русским и немцам, составили заметную часть в рижской торговле. Заинтересованность города Риги в литовском сырье заметно росла, торговая артерия Даугавы превратилась в приманку не только для литовского воинства, но и для купцов из Литвы. Важный ганзейский город Ригу стеснял контроль Ливонского ордена, а его военные предприятия мешали использовать возрастающий экспорт из Литвы. Старые счеты Ордена и рижских архиепископов в подобных условиях привели к острому конфликту. Отмирание универсалистских политических доктрин открыло перед рижанами и архиепископом перспективу переориентации на литовских монархов. Так созрело содружество Литвы с номинальным сеньором Ливонии и ее крупнейшим городом.

В конце марта 1298 г. в Ригу прибыло литовское посольство. Был заключен военный союз с городом Ригой, его церковными властями и связанными с ними монастырями, а также с посланниками Ганзы. Литовская сторона подтвердила обязательство принять христианство. Поздней весной того же года к Риге подступило литовское войско под началом Витеня. Военные действия шли с /81/ переменным успехом. В первом бою с ливонцами победу одержали литовцы и рижане (пал магистр края Брунон и 22 рыцаря), были разрушены ливонские замки Каркус и Бертольдсмюлле (*Нейермюлен*). Однако в скором времени на подмогу ливонцам прибыл комтур Кенигсберга (*Karaliaučius*) из Пруссии, и литовско-рижское войско было сокрушено. Невзирая на это, рижане держали литовский гарнизон в отдельном, специально для него предназначенном, замке. Подобные действия очень мешали Ливонскому ордену. В 1307 г. литовцы выбили ливонцев из Полоцка, который

окончательно был включен в состав Великого княжества Литовского. Ненадежность коммуникаций и напряженность на западном рубеже не позволяли Витеню бросить на север большие силы. В 1313 г. литовцы лишились Дюнабурга, а рижане заключили с Орденом перемирие. Однако добрые отношения между Литвой и Ригой сохранились. Нападения Ливонского ордена на Литву с 1297 г. прервались до 1330 г.

Не менее важными, чем военные, были дипломатические усилия. Рижский архиепископ пожаловался папе Римскому на Ливонский орден. Курия послала фогтов (судей) в Ливонию, открылась долгая тяжба, в ходе которой Рижский архиепископ и город Рига оправдывали свои связи с Литвой агрессивным поведением Ордена, однажды уже отпугнувшего от христианства Миндовга и земгалов. Как известно, версия крещения и «открещения» (возврата в язычество) Миндовга была односторонне раздута орденскими политиками, теперь ее историческая подоплека была реанимирована и использована против них самих. Правящая Вильнюсская династия вряд ли сумела бы вспомнить чуждые конфессиональные тонкости, определявшие политику Литвы два поколения назад, но сама эта версия отвечала насущным задачам и была полезна двору. Политическую пользу крещения теперь осознало всё окружение великого князя, а само крещение стало не только политической перспективой, но средством дипломатического маневрирования. Первые трещины в стене политической изоляции Литвы обозначились тогда же, когда возвысились и укрепились национально-династические центры, явившиеся на смену политическим универсалиям. Всё это совпало с началом позднего Средневековья.

Отражение начавшегося Тевтонского нашествия совпало с изменением соотношения сил на востоке в пользу /82/ Литвы. На стыке XIII–XIV в. или в самом начале XIV в. в зону влияния Литвы попали Туров и Пинск. В то же самое время, если не ранее, был присоединен и Минск. Приращение земель сопровождалось распространением политического влияния на все более обширные русские территории. Русские уже составляли значительную часть населения Великого Литовского княжества. В 1316–1317 г. Литва получила отдельного православного митрополита для своих православных подданных. Завязались сложные дипломатические отношения с Константинопольским патриархатом. Витебск, некоторое время входивший в состав Литвы еще при Войшелке, в 1320 г. был присоединен окончательно. В эту же пору, если не раньше, Вильнюсу покорились друцкие князья. Литовская политика на Руси стала приобретать широкий размах.

Присоединение русских земель увеличивало военный потенциал Литвы. Витень, как и Тройден, был даровитым стратегом и неплохим тактиком. Действовавшую против крестоносцев литовскую армию пополнили русские отряды. Витень, желая сбалансировать наступательный перевес тевтонцев, всё большие силы направлял на разграбление глубинных областей Пруссии. В апреле 1311 г. он опустошил Вармию и Барту. Однако на обратном пути литовскую дружину близ Ваплаукиса нагнал великий комтур Генрих Плоцке с крупными силами (150 рыцарей Ордена) и нанес ей чувствительный удар. Поражение при Ваплаукисе на время расстроило планы литовских набегов на Пруссию и позволило Ордену усилить нажим на приграничные регионы. Летом 1311 г. практически одновременно полуторатысячное войско крестоносцев с успехом атаковало Паграуде, а 2000 тевтонских ратников – Шальчининкай. Нападение на Шальчининкай оказалось особо болезненным: был совершен прорыв вглубь великокняжеского домена, разрушены 3 замка, угнаны в плен 700 человек. Походом руководил победитель при Ваплаукисе – Генрих Плоцке, проявивший себя как зрелый и деятельный тактик. Крестоносцы еще в конце XIII в. стали применять на Немане флотилию. Усиливая вторжение и желая максимально обезопасить возведение замков по линии фронта, они стремились к стратегическому господству над всем течением реки. Трудным был для Литвы 1313 г. В апреле на левом берегу Немана близ Бисене, под руководством самого великого магистра Карла Трирского, был возведен замок Скирснямуне. Орден желал устранить литовские замки последнего рубежа – Бисене и Велюону. Летом Бисене отразил штурм, тщательно подготовленный Генрихом Плоцке, ставшим маршалом Ордена, лишь осенью тевтонцам удалось сжечь предзамковые укрепления. Однако

Сурминас, собравший необходимое количество лодок, потопил большую ладью крестоносцев, на которую те возлагали много /83/ надежд. Положение на Немане несколько выровнялось. В 1315 г. жямайты разрушили окрестности Рагайне, а осенью того же года Витень осадил Скирснямуне. Осада была хорошо обеспечена, но литовцев оттеснили крупные силы тевтонцев, прибывшие на подмогу под началом великого магистра Карла Трирского. Таким образом, в 1314–1315 г. литовцы смогли сдержать наступление крестоносцев, но не смогли окончательно остановить его. Маршал Генрих Плоцке в начале 1314 г. два раза ходил на Мядининкскую землю, а осенью вторгся в Черную Русь и сжег Новгородок (Новогрудок). Хотя крестоносцы несли большие потери, этими фланговыми ударами они очевидно стремились ослабить литовскую оборону на Немане. Осенью 1315 г. были разрушены предградья Велюоны, в 1316 г. – разграблена Паштувская земля, в апреле 1316 г. пал замок Бисене. Этот успех тевтонцы пытались развить. Укрепленные предградья Велюоны были уничтожены в 1317, 1318 и 1319 г.; в 1318 г. сожжены подступы к замку Пештве. Эти операции Ордена сопровождалось двумя набегами на землю Мядининкай в 1316 г. и разрушением передовых укреплений Гедиминова замка в Паграуде летом 1317 г. И все же литовская оборона не была прорвана. Как свидетельствуют постоянно повторяемые налеты на предзамковые укрепления, – эти последние немедленно восстанавливались. Не были возобновлены вторжения в Южную Литву и Черную Русь. Правда, на Неманском направлении крестоносцы немного продвинулись. Очевидным было также стремление ослабить оборону жямайтов. В июле 1320 г. штатный организатор и исполнитель фланговых операций Генрих Плоцке с достаточно крупным войском (40 рыцарей) вновь совершил набег на Мядининкай. На сей раз крестоносцам не удалось внезапное нападение – жямайты уже подтянули силы и уничтожили немцев. Погиб энергичный Генрих Плоцке и 29 рыцарей Ордена. Это было серьезным тактическим поражением крестоносцев. Литовская оборона оказалась способной координировать действия своих различных структур. Нажим тевтонцев ослаб.

Витень умер в 1316 г. Трон унаследовал не его сын Жвялгутис, а брат и субмонарх Гедимин, ибо место в династии еще определяла не столько родственная близость, сколь завоеванное фактическое положение. Витеня можно назвать последним литовским викингом: с ним вместе ушли в небытие остаточные проявления военной (дружинной) политики. Боевая добыча и пленники еще оставались большим соблазном для литовского воинства, но они уже не были главной целью. Второе десятилетие XIV в. показало, что военный потенциал Литвы возрастает примерно так же, как и военный потенциал Тевтонского ордена. Литва обеспечила для себя возможность политического развития. /84/

5. Хозяйство и общество Литвы в XIII–XIV в.

а. Уровень производства

Возникновение элементов одального хозяйства стало важной вехой в развитии земледелия Литвы. Двухпольный севооборот и сменные железные сошники (нороги) не были в новинку, однако они сделались основными показателями земледельческой техники, поскольку индивидуальную хозяйственную деятельность уже не удовлетворяли подсечно-огневая практика и примитивные, уродующие землю рало и соха. Конечно, эта древняя технология не исчезла (она была незаменима при освоении новых площадей), но наряду с ней уже начали осваивать трехполье. Выращивание зерновых культур сопровождалось расширением посевов льна и конопли. Все больше становилось в хозяйствах скота и птицы, особенно развилось коневодство, в чем было особенно заинтересовано государство.

Литовскому слову «*lašiniai*» (сало) в расчетных листах польского королевского двора (конец XIV в.) не нашлось латинского соответствия, а литуанизмы «*paltis*» и «*kumpis*» (шмат и окорок) прочно вошли в терминологию «белорусских актов» Литвы (XV – XVI в.). В литовском именнике овощей и фруктов господствуют славянские заимствования, но в XIV в. литовцы уже «переняли» у соседей большинство садовых и огородных культур (в конце XIV в. в актах землевладения уже упоминаются сады). Безусловно, литовское огородничество и садоводство делало лишь первые шаги. Немецкие сады в Пруссии были таким соблазном для литовского войска, что порой массовые расстройства желудка становились помехой боевым действиям. Мед и воск поставляло лесное бортничество, но уже интенсивно культивировалось пчеловодство.

Возникновение сети замков привело к новшествам в ведении хозяйства. Резко выросла потребность в услугах ремесленников. Быстрое восстановление замков и предградий указывает на то, что государство располагало большим количеством опытных плотников. В середине XIII в. проявилась, правда, не очень острая, нужда в каменщиках. Около середины XIV в. была создана целая система каменных замков (Вильнюс, Тракай, Мядининкай, Лида, Крево, Каунас, Гродно). Появился литовский тип кирпича, балтская техника кирпичной кладки, скорлупная (*kiautinė*) конструкция, сочетающая каменную и кирпичную кладку. Господствовала «решетчатая» замковая планировка. Источники конца XIV в. упоминают мосты, водяные мельницы, верши и речные переправы /85/ (перевозы). Государство стало проявлять, пусть слабую, заботу о дорожных покрытиях, а вблизи замков возникли деревянные мостовые. В войне с Тевтонским орденом было ощутимо техническое превосходство последнего, однако до второй половины XIV в. труд литовских металлургов, кузнецов, кожевников и шорников помогал сгладить последствия хозяйственного отставания. Разрыв увеличился, когда совершенствование немецкого цехового производства позволило Ордену в полной мере воспользоваться техническими достижениями. Правда, военная монархия и тут целенаправленно концентрировала свои силы и средства, направляя работу ремесленников. В главных литовских замках появились арсеналы, в 1382 г. упоминается литовская артиллерия. Литовский трапециевидный щит среднего размера взяли на вооружение немцы, поляки, русские и чехи. Конечно, всегда и везде желателен краткий путь. Долгое время литовские ратники обходились без лука, предпочитая метание легких копий. Проще было привлечь русских лучников.

В XIII–XIV в. литовское земледелие еще не давало возможности вести интенсивную внутреннюю колонизацию, тем более, что этому препятствовала война, не прекращавшаяся десятилетиями. Все же его уровень позволял государству содержать систему замков и дворов, а военно-служилым – выделиться в особый слой. Ремёсла, хотя они и не достигали уровня европейской цеховой специализации, обеспечивали общественные производственные потребности, запросы элиты на предметы роскоши, а также нужды государственного военного механизма. Все это позволяло литовским правителям проводить активную политику: осуществлять оборону на западе и расширять экспансию на востоке.

б. Складывание феодальных отношений

Укрепление князей на отдельных землях и формирование их общественной иерархии означало одновременно и их превращение в постоянных получателей прибавочного продукта, производимого жителями «полей». Тем самым поляне становились постоянными подданными князей и их же кормильцами. Княжеские дружины, помимо военной, приобрели управленческую функцию, стали исполнителями проводимой князьями административной деятельности. За это, вне сомнения, князья делились с дружинниками продуктом, получаемым от полян. Подобные отношения сложились в /86/ процессе и сразу после создания литовского государства. На противоположных полюсах общества расположились: его правящая прослойка, составлявшая меньшинство, и крестьяне, или народ, т. е.

большинство населения. Патриархальные рабы сохранились, но уже не ими производимый продукт составлял наибольшую часть того, что князья были способны присвоить. Рабский труд применялся, по преимуществу, в домашнем хозяйстве. По мере масштабного разрастания военных походов всё большее число дружинников обзаводилось рабами. Это укрепляло и расширяло их хозяйства. Рабский труд много значил для обеспечения благосостояния дружинников, ибо львиную долю продукта, произведенного полянами, получали князья.

Возникновение одаловой собственности стало причиной того, что общественное развитие пошло по пути усиления индивидуальных начал. Семья (в XIII в. это была переходная стадия от большой семьи – к малой) все более выделялась из рода, оставляя ему из всего комплекса прав на недвижимость лишь сферу наследования. Однако и тут родовой принцип еще не предполагал безраздельного неограниченного владения: земля не могла отчуждаться от рода. Все-таки это не помешало складыванию индивидуальных форм распоряжения собственностью. Князь и его администрация стали требовать исполнения повинностей каждым отдельным хозяйством, а не общиной. Не позднее начала XIV в. подворный сбор (*kieminėjimas*, взимание дани со всей общины) сменился десятиной, взимаемой с хозяйства, а полюдье (*pasėdis*) и складчина-мезлява (*mezliava*) остались лишь способом обеспечения самих сборщиков дани (включая князей) непосредственно во время их пребывания в народе. Тем самым дань утратила большую часть признаков контрибуции и превратилась в земельную ренту. Поскольку рента напрямую связывает данника с господином, складывается не какая-либо другая, но феодальная зависимость: над индивидуальной реальной собственностью землевладельца возникает номинальная собственность правителя на эту же землю. Подобное положение раскололо земельную собственность и предоставило правителю перспективу реального обладания землей, т. е. укрепления зависимости подданного.

Заступничество князей, наличие добытого в походах богатства и рабов позволяло значительной части дружинников приобретать большие или расширять имеющиеся земельные площади. Кормящиеся от централизованной феодальной ренты (дани полян правителю), эти люди могли лучше вооружиться и покинуть хозяйство ради /87/ военной или же административной деятельности. Их военные и административные обязанности стали куда важнее общих фортификационных и транспортных повинностей (ангарий – *angarijos*), унаследованных от древности. Число таких людей возрастало, ибо они были востребованы и на местах. Дружины и стали ядром этой прослойки. Выявлялось разделение повинностей на военную и трудовую. Возрастающие ангарии легли на плательщиков ренты – полян, которые стали крестьянами. Князья и богатые военно-служилые (люди) превратились в феодалов.

XIII–XIV века были периодом раннего, или начального, феодализма. Князь не вмешивался в дела конкретного распоряжения землей, таким образом между ним и его данниками сложились отношения сеньора с вассалами. Конечно, военно-служилые вассалы были феодалами настолько, насколько была велика (или мала) часть получаемой ими централизованной ренты. Рабовладение уже не определяло общественного развития, но все еще оставалось укладом. Общественное развитие определялось новым, но все более укореняющимся феодальным укладом, т. е. усиливалась не рабовладельческая, но феодальная формация. Четкой границы между феодалами и крестьянами еще не было, ибо всё решал характер исполнения повинностей. Наиболее зажиточные крестьяне, взявшиеся исполнять воинскую повинность, становились феодалами, а обнищавшие феодалы, не способные ее отбывать, были вынуждены платить ренту и становились крестьянами. Те крестьяне, которые лишались своих хозяйств, должны были работать на более обеспеченных (преимущественно на феодалов). Они не считались рабами, но – будучи не в силах расплатиться за подспорье – становились лично зависимыми от более состоятельных. Это были первые крепостные. Поскольку они закладывали сами себя, их называли *закладниками*. Если господин наделял их землей для ведения хозяйства, такие невольники становились паробками или койминцами (*kaimynai*).

Военно-служилые не имели крестьян-работников (исключая койминцев), поэтому еще не образовался слой крупных и средних землевладельцев, не было рыцарских дворов (поместий). Лишь малочисленная феодальная верхушка в достатке располагала рабами, койминцами и закладниками. Это была прослойка, закрепившая и обеспечившая свое элитное положение. Она рельефно выявилась в начале XIV в. и приняла русское наименование «бояре» (*bajorai*). Рядовые военно-служилые именовались *оружными* (*ginkluotieji*), *замковыми* (*pilėnai*), *конными* (*raiteliai*), *добрыми* (*gerieji*) людьми. Только во второй половине XIV в. всё больше подлинных феодалов и полу-феодалов начали называться дворянами или боярами. Имя «добрые люди» сохранилось за ма- /88/ лоимущими военно-служилыми и слоем, заполнившим промежуток между отбывающими военную и трудовую повинности.

Складывание системы индивидуальных повинностей разделило крестьян по роду деятельности и виду отбываемой повинности. Возникли категории повинностей. Большинство крестьян отдавало зерновую десятину. Лесные пасечники назывались бортниками и рассчитывались медом и воском. Люди, кормившиеся рыболовством по берегам рек и озер, считались рыбаками; дань с них взималась рыбой. Наряду с основной данью следовало платить скотиной и продуктами животноводства, яйцами птицы; исполнять ангарии, обеспечивать замки дровами и сеном. От жителей лесов и лесных опушек требовались звериные шкуры, особенно бобровые и куньи; образовались категории, для которых это занятие стало главной повинностью (*кунники*, *бобрятники*). Особое место заняло необходимое для старших князей коневодство. Выросли конные заводы. Сложилась категория коневодов, конюхов (*ašvininkai*), позднее с ними слились *лейтми* (*leičiai*), для которых смягчались иные повинности. Ремесленники расплачивались своими изделиями. Система замков и дворов усилила контроль администрации великого князя за «полями», определился и стал более точным подсчет повинностей. Это позволило в конце XIV в. заменить десятину *дяклом* (*dėkla*) – данью, которая уже не зависела от величины урожая. Земельная рента утратила последние признаки контрибуции.

Литовское обычное право развивалось на основе индивидуальной собственности, т. е. складывалось феодальное право, объединяющее владение землей с повинностями, а условия владения – с характером повинностей. При таких обстоятельствах личность выделялась как правовой субъект. Наказания вводила великокняжеская власть, но преступление перед личностью еще воспринималось /89/ как обида и возмещалось *композициями* (отплатой, вознаграждением обиженному). Возобладание малой патриархальной семьи привело к законодательному определению роли женщины, поскольку и она была потомком индивидуального собственника. Исчезли даже редкие случаи покупки людей, полигамии и полиандрии, возросла роль приданого, возникла вдовья доля, сестры могли стать наследницами бездетных братьев; при отсутствии сына землю наследовали дочери. Двойные женские композиции, о которых надолго забыли германские и славянские нации, прочно держались в литовском праве. Наиболее вероятно, что это определялось *одалем*, возникшим ранее государства. Благодаря ему присяга (вместе с *соприсяжными*), а не соревновательный судебный поединок, стало основным критерием доказательности. Одалем же продиктованы чрезвычайно строгие наказания за воровство. За первую или мелкую кражу виновнику отрезали уши, крупные и повторные кражи карались смертью (однако во всех случаях требовались очевидные улики).

В Литве XIII–XIV в., при отсутствии слоя крупных и средних землевладельцев-вассалов, а также церковного землевладения (из-за чего старосты и наместники не становились постоянными земельными управителями), еще не сложилось крупное феодальное землевладение и не возник удобный канал для расширения крепостных отношений. Поэтому не выстроилась феодальная лестница сеньоров-вассалов, не образовались ленное право и рыцарская корпорация. Но необходимые для этого предпосылки сформировались во второй половине XIV в., ибо выявилась основа феодальной общественной модели. В Литве эта модель возникла с некоторым опозданием. Такую

задержку определило позднее возникновение государства и церковного землевладения, отсутствие катализатора процессов феодализации. /90/

в. Возникновение городов

Литовская общественная модель, характерная для одальной европейской периферии, фактически повторяла путь, проделанный этой периферией. Даже в пору политической изоляции литовское общество пребывало в зависимости как от военных, так и от торговых связей, которые вызывали к жизни и постоянно подталкивали процессы развития феодализма. Одним из таких процессов было создание городов. Создавались именно феодальные города, которые формировались как носители специфических («городских») повинностей, имели признанный сеньором особый «повинный» (а также и правовой) статус и были выделены из деревенских общин. Экономической основой такого процесса были ремесла и торговля, что еще не отличало феодальный город от других городских сообществ. Однако, базирующийся на этой основе «повинный» статус узаконивал не что иное как сообщество индивидуально работающих людей, и это узаконивание совпадало с возникновением товарных отношений, заменивших натуральное хозяйство. Феодальный город объединял лично свободных индивидуальных ремесленников и его развитие неизбежно вело к административному и правовому самоуправлению, превращению городов в коллективных вассалов по отношению к правителям и крупным сеньорам. Конечно, для Литвы XIII–XIV в. это было далекой исторической перспективой, которую способен разглядеть историк и о которой вряд ли подозревали современники. Однако зачатки литовских городов формировались именно как сообщества индивидуализированных специфических повинностей.

Возникновение феодальных городов Литвы определял уровень, достигнутый ремеслами и торговлей в условиях формирующихся феодальных отношений. Хозяйство крупных резиденций разрасталось, росли запросы феодальной элиты. Эти запросы уже не удовлетворялись продуктами натурального хозяйства, а элита располагала сравнительно большими богатствами, ис- /91/ точником которых были военная добыча и собираемая рента. Торговля «заморскими» предметами роскоши становилась всё более интенсивной, введение «благородного» эквивалента стало необходимым. Будучи пассивной стороной торговых отношений, литовская знать не имела возможности получать достаточное количество монет из европейских стран. Деньги ей заменяли продольные полукруглые слитки, часто с поперечными нарезками, на основе скандинавской весовой системы, т. н. литовские рубли (или *ilgieji*), в которые переплавляли накопленное серебро. Возникшая в XI–XII в. эмиссия слитков приобрела регулярность и начала приспособляться к изменениям центрально-европейской денежной циркуляции: во второй половине XIV в. вес литовского рубля, ориентированного на пражские гроши, уменьшился с 200 до 180 граммов. Хождение местного денежного эквивалента свидетельствовало о способности элиты приобретать товары, а не менять на них другие натуральные продукты. Эта способность стимулировала появление местных профессиональных купцов и ремесленников. Именно эти люди стали селиться рядом с крупными резиденциями, таким образом и сложились «призамковые» поселения. Поселения Вильнюс и Кярнаве можно считать городами со второй половины XIII в. Призамковыми поселениями городского типа были русские Гродно и Новгородок (Новогрудок), русские жили и в Вильнюсе. В городе Вильнюсе выявилась уличная сеть, появились первые мостовые.

Сложившееся сословие горожан (мещан) стало определять экономическую политику великих князей. Гедимин заключил с Ливонией два торговых договора. Они предусматривали равноправие в урегулировании споров и определяли торговый путь из Ливонии в Вильнюс, считавшийся мирной зоной. Стремясь к тому, чтобы немецких купцов в Литве стало как можно больше, Гедимин пообещал не взимать *мыто* (таможенную

пошлину) и не применять дорожное право (по которому упавший с воза товар переходил в собственность правителя страны). Во второй половине XIV в. роль вильнюсских купцов выросла настолько, что они были освобождены от мыта по всему Великому княжеству Литовскому. Расширялся круг торговых интересов. Во второй половине XIV в. были предоставлены льготы купцам из Торуня. В городах Литвы стало накапливаться определенное количество иностранных денег (преимущественно пражских /92/ грошей). Это позволило Ольгерду (*Algirdas*) ввести денежный сбор – т. н. серебщину. Воинская повинность для горожан стала связана с обороной городской территории.

Уже торговые договоры Гедимина свидетельствовали, что завязывается постоянное партнерство Вильнюса с Ригой и другими немецкими городами. На Литву распространились интересы горожан-немцев, проявилась и их демографическая экспансия. Поначалу возникали немецкие фактории, вскоре ставшие колониями. Великие князья поощряли этот процесс: Гедимин поддерживал строительство в Вильнюсе храма для купцов (его появление указывало, что фактория превращается в колонию). В семидесятых годах XIV в. немецкая община в Вильнюсе настолько окрепла, что стала играть существенную политическую роль. Возникновение немецких общин в городах государств, находящихся к востоку от Германии, стимулировало переход этих городов к самоуправлению: им предоставлялось *немецкое право* как опробованный общественный эталон. Будучи наиболее богатыми торговцами и самыми квалифицированными ремесленниками, обладая немецким правом и являясь носителями идей самоуправления, немцы составили элиту городских поселений. Местных горожан было больше, но они не обладали таким социальным статусом. Большую часть населения городов составлял плебс, не наделенный правами горожан. Условия найма фактически делали его положение адекватным положению закладника в деревнях. Но и при этом города оставались привлекательными для бедноты, стремившейся избежать феодальной зависимости. И в Литве стало действовать общее для феодальной Европы правило: городской воздух делает человека свободным.

В Западной Европе поначалу возобладали крепостничество. И лишь по мере вовлечения двора в торговые отношения стали возникать города. Генезис городов Литвы идет из предкрепостной эпохи, когда двора еще не существовало. Соответственно, признаки развития феодализма проявлялись без определенной закономерности, они переплетались во времени, расслаивались и сливались. Но не следует забывать, что литовские города были слабыми и малонаселенными. За исключением Вильнюса и Кярнаве, на занятой литовцами территории городов не было. И два упомянутых города возникли в центре великокняжеского хозяйственного домена. Это были важнейшие резиденции монарха, и именно данное обстоятельство, а не общее экономическое развитие края, стало тут стимулирующим фактором. Явления, подгоняющие социальное развитие, были слабы, они играли малую роль в экономике и политике. /93/ Литва развивалась как государство феодальной Европы, но это был крайне периферийный вариант, в большинстве проявлений лишь слабо имитирующий общественное развитие.

г. Государственная структура

Устранение удельных князей, возникновение сети замков и дворов объединило территорию Литвы в руках одной правящей династии. Землями управляли покорные агенты-наместники правителя и старосты замков. Границы земель утрачивали прежнее значение и менялись, сами земли зачастую мельчали: из провинций, различавшихся этнической спецификой, они превращались в административные единицы – волости (русский термин). Появился институт тиунов (слово, также заимствованное из русского языка) – организаторов исполнения повинностей, завершивший создание административной системы. Приблизительно со второй половины XIV в. эта система уже контролировала, пусть поверхностно, внутреннюю жизнь «полей» и волостей. Суд наместников и старост

регулировал взаимоотношения жителей.

Сеть замков и дворов была становым хребтом государства, старосты и тиуны – его нервной системой, земельная рента – кровообращением. Управлять этим механизмом только при помощи совета, составленного из своих родственников и ближайших вассалов, великий князь был уже не в силах. Совет при великом князе расширился, включив в себя крупнейших наместников. Однако ни административные обязанности, ни сидение в совете еще не стали постоянными должностями, наместники и старосты считались временными поверенными правителя, а не уполномоченными с устоявшейся и юридически очерченной компетенцией. Государственные структуры все еще должны были опираться на сходы жителей (копы, *kuopos*), однако все очевиднее становились попытки ограничить их функционирование или подчинить их себе. *Полевые* сходы дополняли суд администраторов (тиунов), особенно в спорах о земельных границах. Нежелательные земельные и волостные сходы заменялись действовавшими в масштабе всего государства съездами княжеских представителей и вельмож еще сохранных земель. Самые важные вопросы решал совет при великом князе, имевший лишь совещательный голос; набирал его сам правитель – заново к каждому заседанию. Кроме правящей династии во главе с монархом, другие государственные институты в XIII–XIV в. еще не сложились. Иначе и быть не могло, поскольку феодалы еще не сплотились в дворянство или боярство – слой, определяемый общим происхождением и юридически обозначенный. /94/

Правящая династия развивалась по мере усиления государства. На домен опирался великий князь (а при случае – и субмонарх). В крупных присоединенных княжествах правили его ближайшие родственники – братья и сыновья. Последние обычно наследовали братьям. Поэтому, будучи собственностью всей династии, Великое княжество фактически принадлежало только великому князю, право которого управлять доменом и изменять владения других членов династии было неоспоримо. Конечно, право требовалось – и довольно часто – подкреплять силой, но в таких случаях великий князь действовал не один. Создание группировок внутри правящей династии было неизбежным.

Ядро раннего монархического войска составлял слой военно-служилых, которые посменно осуществляли гарнизонную службу в замках. В случае опасности и накануне походов объявлялся призыв. Успех как оборонительных, так и наступательных операций определялся внезапностью и быстротой, поэтому ядро армии должно было быть конным. В актах XV в. по старой традиции военная служба определялась как служение с оружием и на коне, а готовность к войне оценивалась по степени чистоты оружия и сытости лошадей. Наместники и старосты были одновременно и военачальниками. Территориальные отряды считались подразделениями великокняжеского войска. Еще в начале XV в. сам правитель оделял их знаменами. В доступных источниках литовский флаг впервые упоминается в 1337 г. Не было четких ограничений по призыву военно-служилых из волостей. Еще в первой половине XVI в. бояре разных местностей становились под знамена то одной, то другой административной единицы.

Внешне единая структура в форме великокняжеского домена охватывала почти всю Восточную и Центральную Литву. Великокняжеской администрации практически не было в Жямайтии, располагавшей широкой автономией. Исключением была опорная резиденция субмонарха, но во второй половине XIV в. и её не /95/ стало. Зато недвусмысленно проявилась прямая зависимость жямайтов от правителя Тракай, а не от великого князя. Автономия всей Жямайтии опиралась на автономию ее земель, поскольку в крае не было ни официального центра, ни объединяющих органов. Огромную, если не решающую, роль в XIV в. стала играть земля Мядининкай и замок Мядвегалис, возвысившиеся как новая территориальная структура. Самостоятельная Шяуляйская земля во второй половине XIV в. попала под сильное влияние великого князя, заметно проредившего ее знать и отделившего южную окраину (современные Титувенай). Сбор войска в Жямайтии объявлял не великий (или тракайский) князь, а сход ее земельных вельмож, не имевший строго обозначенных прерогатив и постоянного состава. Еще в XVI в. действовал обычай, согласно которому

жямайты не могли быть удаляемы из территориального войска для выполнения особых военных заданий.

По сути не был целостным и сам великокняжеский домен. В долине Нявежиса замки были редкостью. Бывшая Нальша носила характерное название *Завелье* («за Вилией», по-литовски «*Užnerys*», т. е. местность за р. Нярис), а ее воинские контингенты пользовались той же привилегией неразделимости, что и жямайты. Главной хозяйственной базой являлся домен времен Миндовга – на юг от р. Нярис. Еще в конце XIV в. Нярис называли границей Литовской земли (в узком смысле).

Закрепление «полей» и рост административных пунктов имели еще одно следствие: возникали новые феодальные центры. Их возвышение совпало с выделением субмонарха из окружения государя. Резиденции монарха в Вильнюсе и субмонарха в Тракай (*Троки*) стали центрами двух отдельных княжеств, на которые раскололся великокняжеский домен. Тракай были отдельным княжеством уже в тридцатых годах XIV в. Его привилегированный статус полностью установился в годы правления сына Гедимина – Кейстута (*Kęstutis*, после 1337 г.). Родню Кейстута нельзя было удалить из ее княжества. В Тракайское княжество был включен г. Гродно и /96/ вновь приобретенные Брестская земля и Подляшье. В этнической Литве ему принадлежали долина Нявежиса, значительная часть земли Упите, система замков на нижнем Немане, Занеманье, западная и южная части домена Миндовга. В середине XIV в. как отдельные центры стали выдвигаться Крево и Кярнаве, но этот процесс не достиг завершения.

Ближайшие русские земли были интегрированы в великокняжеский домен. На границе Полоцкого княжества их центром был Браслав (Бреславль, или *Брячиславль; Brėslauja*), на юго-востоке – Минск. Важнейшим присоединенным центром был Новгородок (Новогрудок). Правда, он, как и Крево или Кярнаве, временно становился владением отдельного члена династии. Еще более прочно были встроены в домен Волковыск и Слоним. Сложилась т. н. зона литовской Руси, в которой имелись литовские и ятвяжские этнические островки, но не крестьяне определяли степень этнической дифференциации. Однако в Черной Руси рядом с прусскими возникли литовские военные колонии. Русские военно-служилые люди были вовлечены в управление государством. Всё это на протяжении XIV в. крепко привязало литовскую Русь к домену.

В XIV в. Литовское государство увеличилось в несколько раз за счет присоединения обширных русских пространств. От Полоцка на востоке и от Турова, Пинска, Слуцка на юге начинался ареал вассальных княжеств, составлявший огромную часть территории и населения государства. Со времен Гедимина в титул князя часто включалось упоминание «русский». Крупными русскими княжествами завладели Гедиминовичи, в мелких остались местные русские князья. Гедиминовичи и их дружинники принимали православную веру и быстро находили общий язык с русской знатью и православным духовенством. Важнейшими вассальными повинностями были дань, участие в военных действиях и совете при великом князе (если на него приглашали). Сохранились границы княжеств и вся структура управления (это означало, что литовцы не меняли привычного порядка – «старинны»). Уже не было произвола золотоордынских баскаков и отдельных татарских военачальников, хотя дань Золотой Орде осталась, поскольку в этих землях признавался ее сюзеренитет. Эти изменения устраивали русскую знать, крестьян и горожан. Поскольку каждое русское княжество зависело от Вильнюса по отдельности, конгломерат русских земель не стал противовесом литовскому домену и Жямайтии. В подобной политической системе Вильнюс очевидно доминировал. /97/ Политические права Гедиминовичей в русских землях были ограничены. Обычное право позволяло великому князю удалять местных владык, однако он был обязан подыскать им соответствующую замену. На практике такие замены, естественно, не были равноценными.

Присоединяя русские земли, Литва столкнулась с иной общественной структурой. Территориальная русская община до возникновения *одаля* не распалась. Великие (большие) семьи перекраивали собственные «внутренние» земли, переносили межи. Поэтому, будучи

хозяйственными единицами, те не были совершенно отделены друг от друга, их положение в большой мере зависело от состояния всей общины. Русское общество занимало промежуточное положение между аллодными (одальными) и общинными деспотическими структурами; одальная собственность лишь в малой степени утвердилась в отношениях элитных имущих слоев общества. Поскольку литовские князья и их приближенные поддерживали связи лишь с элитой русских земель, претензии на собственность не вызывали конфликтов. Но если в литовских землях развивался феодализм, – в русских землях подобного пока не было, ибо рента взималась не с отдельных хозяйств, а с общин (дворы лишь распределяли повинности). В культурном смысле Литва двигалась к византийской цивилизации. Если не считать князей, обосновавшихся на русских землях, литовцы оставались язычниками, – это означало, что в национальном, конфессиональном и цивилизационном отношении Великое княжество Литовское стало дуалистическим государством.

До самого конца XIV в. титул литовского монарха не обретал завершенности (так было во всех ранних монархиях). Очень часто католики Литвы именовали правителей королями, а русские – великими князьями. Это было бытовым титулованием. Правовая и сакральная доктрина признавала королевский титул лишь за теми правителями Европы, кто получал его с согласия папы или императора. Миндовг добился этого, но после его гибели языческая Литва утратила статус королевства.

До определенного времени великий князь успешно лавировал, доминируя в пестром лоскутном государстве. Больше всего стараний прилагалось для того, чтобы заменить родных и двоюродных братьев сыновьями. Династия Гедиминовичей расслаивалась на отдельные семейства; самые дальние в прямом смысле отдалялись от Вильнюса. Однако наиболее резко это проявилось в последней четверти XIV в. До того политическая система Литвы себя оправдывала. Литовское государство обрело значительный политический и военный потенциал.

д. Образование литовской народности

Ко времени создания государства литовский этнос прошел уже значительный путь развития от небольшого племени до целостного племенного комплекса. В отличие от большинства государств Центральной Европы, объединивших не один этнос, Литва выросла из одного – литовского – племени. Потому для этого государства не была актуальной проблема ассимиляции племенной знати, и процесс формирования литовской народности происходил легче и быстрее.

Народность складывается, когда возникает потенциальный хранитель национального самосознания – социальная элита, которая постоянно кормится дополнительным продуктом, создаваемым общественным большинством, и потому обладает возможностями осуществлять организационную и политическую деятельность. Иначе говоря, нация должна обладать прочно и четко поляризованной социальной структурой, способной породнить – на принципе единства противоположностей – народ, производящий дополнительный продукт, и социальную верхушку, присваивающую этот продукт. Чаще всего подобное положение возникает и укрепляется в условиях государства. Так случилось и с Литвой.

Феодальное сословие сложилось не сразу, ибо племенная знать в этническом и политическом отношении лишь постепенно склонялась к государственному строительству. Подобный перелом в сознании состоялся на исходе XIII в., когда, наперекор всем сложностям, верхушка возникшей феодальной прослойки проявила явную заинтересованность в том, чтобы Литовское государство существовало. Литовский монарх воспринимался как свой правитель, а служение ему – как достойное и выгодное поведение. Угроза Литовскому государству становилось угрозой этому выгодному и достойному положению. Таким образом племенную ориентацию немногочисленных князей, наместников

и старост сменила государственная ориентация. Это и было изначальным восприятием национальной принадлежности. Оставшаяся часть феодалов относилась к наместникам и старостам как к «своим», т. е. как к руководителям, вышедшим из их же рядов, а великий князь в их глазах был главнейшим гарантом такого положения. Кстати, этот «свой» порядок они не отличали от прежнего племенного порядка, традиция позволяла им воображать, что и раньше всё было так же или очень похоже. Итак, этническая ориентация значительной части феодалов была полу-племенной. Еще в большей степени племенная ориентация была присуща народу. Все эти прозаические моменты были основой, на которую накладывалось восприятие своего языка, своих обычаев и своих ближних, порождавшее не только материальное, но и духовное приятие собственной жизни.

Появление слоя феодалов, влияние сети замков и дворов на внутреннюю жизнь «полей» соединяло людей новыми и более крепкими, пусть и сложными, узами. К середине XIV в. разросся слой /100/ феодальной элиты, стало больше наместников, старост и их подручных. Приятельские и родственные отношения связывали этих подручных с большинством военно-служилых на местах. Тем самым слой «национально настроенных» все более прирастал числом, а его политическое влияние в среде феодалов (а через них – и в народе) становилось решающим. Это явление охватило весь литовский этнос, потому мы можем его считать показателем возникновения нации как этнической общности. Национальное самосознание литовцев проявилось как идеология, явным ориентиром которой было государство.

После того, как литовское государство осуществило минимальную (точнее – рудиментарную) программу объединения балтских племен, в литовский этнос влились отдельные группы других балтских племен. Поскольку это «вливание» происходило в эпоху становления литовской народности, а сами группы были невелики и разрозненны, они были быстро и без труда ассимилированы. Несколько дольше проходила ассимиляция селов и южных куршей, ввиду того, что они включались в литовское государство вместе со всей территорией их компактного проживания. Однако территории эти не были обширны, потому окончательная ассимиляция их населения мало отличалась от общего складывания литовской народности. Ассимиляцию селов во многом определило установление литовской администрации (городище Шейминишкеляй близ Аникщяй – характерные остатки пункта управления; в конце XV в. аникщяйскому наместнику подчинялся и отдаленный Рокишкис).

При наличии широкой автономии Жямайтии, литовская народность формировалась как сочетание двух субнаций. В середине XIV в. качествам подобных субнаций уже вполне отвечали жямайты и аукштайты. Правда, понятие «жямайт» было несколько более сложным: Жямайтия, хотя и входила в ареал литовской народности, всё же была отдельной областью; в значительно меньшей мере это относится к Аукштайтии.

«Свой» монарх стал воплощением национальной идеологии. Это – наиболее распространенный вариант возникновения народностей и национального самосознания, и Литва тут не была исключением. /101/

6. Возникновение литовской державы

а. Создание литовской политической системы на Руси

Формирование основ феодализма и укрепление военной монархии создали прочную и хорошо политически организованную структуру Литовского государства. В начале XIV в. это преимущество Литвы остро почувствовала Русь, раздробленная и раздавленная татарами. Литовская экспансия в русских землях приобрела огромный размах, наряду с обороной на

западе она стала основой государственной политики. Несчастье Руси стало источником политического процветания Литвы.

На Руси в начале XIV в. выделились два-три княжества, ставшие постоянными центрами объединения русских земель. Это были Суздаль, несколько выдвинувшийся еще в XIII в., и вскоре его обошедшие Тверь и Москва. Унаследованная от прошлого суздальская политическая традиция сделала его противником Литвы еще в XIII в. Костромской князь Василий, в поисках союзника против Суздаля, в 1266 г. взял в жены дочь областного литовского князя Витовта. Теснейшие отношения у Литвы завязались с Тверью. Захваченный Довмонтом и привезенный на Русь сын Гярдяниса Андрей (*Andrius*) был крещен и стал тверским епископом, истово вершившим церковную политику князя Михаила. Благодаря ему в 1309 г. было начато преследование митрополита Руси Петра, взявшего сторону соперницы Твери – Москвы. И хотя Андрей был вынужден в 1316 г. уйти в монастырь, его деятельность очень мешала московским князьям. Сын убитого татарами в 1318 г. Михаила – Дмитрий «Грозные очи» – в 1319 или 1320 г. женился на дочери Гедимины, крещенной под именем Марии. Поскольку Золотая Орда поддерживала слабейшую из соперниц – Москву, Тверь выбрала союз с Гедимином. Усиление литовских позиций на подвластной татарам Руси не осталось без ответа: в 1315 г. татары атаковали Литву. Литва понесла потери, но само нападение не изменило общей картины. В 1318 г. литовские послы посетили столицу золотоордын- /102/ цев Сарай-Берке. Хотя этот демарш не повлиял на политику Золотой Орды, он создал условия для расширения литовского политического кругозора, куда теперь был включен ближний восточный ареал. Война 1318–1321 г. хана Узбека с хулагуидским Ираном (самый большой поход состоялся в 1319 г.), в некоторой степени развязала руки Гедимину, особенно на южном направлении. Именно в эту пору (1320 г.) Литва окончательно подчинила Витебск, а жямайты выиграли битву при Медниках (*Medininkai*). В конце десятих и в двадцатых годах XIV в. к Литве были окончательно присоединены ее южные соседи – Пинское, Туровское и Слуцкое княжества. Эти действия сочетались с церковной политикой. Помимо учреждения православной митрополии, Гедиминовичи также поддерживали Пинский монастырь и широко использовали активную деятельность Туровского епископства. Присоединение Витебска и союз с Тверью открыли для литовского влияния Центральную Русь, что уже было в известной степени подготовлено прошлыми, пусть и малоудачными, военными действиями (1239, 1248, 1263, 1285 г.). Уже в первом десятилетии XIV в. сторонником Литвы стал брянский князь Святослав, но в 1310 г. его устранили представители иной княжеской ветви, впоследствии связанные с Москвой, – Дмитрий и Иван. Но главную роль играла, конечно, Тверь. Имея такую опору, Гедимин воспользовался прежними связями Литвы со Псковом. Наперекор Довмонту (умершему в 1299 г.), особенно во времена Войшелка и Шварна, литовские дружины и личные связи сделали свое дело. По всей видимости, на службу к Гедимину пошел сын Довмонта Давид (кажется, можно верить сведениям хрониста XIV в. Рейнгольда Гейденштейна, имевшего доступ к не дошедшим до нас Полоцким летописям). Давид стал старостой Гродно, а в начале 1322 г. псковичи избрали его своим князем. Псков попал под протекторат Литвы; заключая договоры, Гедимин брал ответственность и за него. Подобные сдвиги в корне меняли отношения Литвы и Руси. Рядом с начавшими укрепляться политическими центрами самой Руси – Тверью и Москвой – Литва выдвинулась как третья сила, объединяющая русские земли. Наибольшее внимание в первой половине двадцатых годов XIV в. Гедимин уделил югу. Вероятнее всего, в 1322 г. погибли гапицко-волынские князья Андрей и Лев. Если Литва и не принимала участия в этих событиях, она ими не преминула воспользоваться. В двадцатых годах или несколько позже (вероятно, не сразу) Литва завладела Подляшьем. Еще около 1320 г. зятем волынского князя /103/ стал сын Гедимины Любарт, получивший православное имя Дмитрия. Правителем всего княжества стал в 1324 или 1325 г. ставленник Польши Болеслав-Юрий (*Boleslovas Jurgis*); Гедимин этому не противился. Главный удар Гедимин нанес по Киеву. Здесь в первой половине двадцатых годов при активном содействии литовского войска князем стал брат Гедимины,

после православного крещения принявший имя Федора.

Расширяя свои земли и влияние на Руси, Гедимин должен был принимать во внимание и возобновившиеся нападения Тевтонского ордена, и сюзеренитет Золотой Орды. В Киеве рядом с Федором остался и татарский баскак (наместник-сборщик налогов). Однако все это теперь уже сочеталось с обретенными Литвой позициями; как нельзя кстати пришлась передышка 1320 г. Рядом с разросшимся Литовским государством начала создаваться целостная политическая система на Руси с двумя важными сателлитами – Псковом на севере и Киевом на юге. Литва захватила главные русские торговые пути. Мыто, налоги и вассальная дань приобретали куда большее значение, чем военная добыча, однако и военные действия еще не утратили экономического значения. Теперь военные услуги стали своеобразным политическим товаром, особенно востребованным на северо-западной Руси, в чьих республиках (Новгороде и Пскове) приглашаемые князья фактически выполняли функции военачальников и судей.

Хотя Галицко-Волынский княжеством завладел ставленник Польши, само соперничество из-за такого большого княжества усилило позиции Литвы на юге Руси. Литва естественным образом стала щитом, обороняющим сюзеренитет Золотой Орды от экспансии Польши и Венгрии. Литва и сама по себе являлась силой, с которой Польша была вынуждена считаться. Сразу укрепиться в Киеве Гедимину не удалось; кроме всего, это следовало делать с осторожностью, ибо здесь татарский надзор был сильнее, чем в других русских землях. Соперничество Литвы с возвышающейся Москвой наиболее проявилось в центральной и особенно Северо-Западной Руси. Зять Гедимины Дмитрий Тверской именовался великим князем Владимирским; в 1324 г. он энергично вмешался в дела Новгорода. Воспользовавшись временным отстранением новгородского архиепископа Моисея, державшего сторону Москвы, наместник Дмитрия сделал Новгород безопасным для Литвы вплоть /104/ до 1326 г. На литовскую православную митрополию ориентировался князь козельский Андрей. Полоцкий епископ стал главным иерархом западной Руси после митрополита Литовского (Киевского), имевшего резиденцию в Новгородке (Новогрудке). Однако Гедимин еще не смог закрепить в своей политической системе церковную юрисдикцию митрополита Литовского, поскольку ради этого пришлось бы ломать сложившиеся традиции русской церковной организации. Между тем, московские князья этим умело пользовались.

Успехи Твери и Литвы московский князь Иван Калита ограничил своим умелым обращением с ордынским ханом. Прибытие татарских послов в Вильнюс в 1324 и литовских посланцев в Орду в 1326 г. ничего существенного не принесло. Вытребованный (по наущению Москвы) в 1326 г. в Сарай-Берке Дмитрий Тверской был там же убит. Погиб и сопровождавший его союзник – новосильский князь Александр. Новые репрессии вызвало убийство свирепствовавшего в Твери Чолхана (Щелкана), ставленника хана Узбека. Брат убитого Дмитрия Александр был вынужден укрываться в покорном литовцам Пскове. Сидящий в Москве митрополит Руси Феогност в 1329 г. отлучил Александра от церкви, а архиепископ новгородский Моисей, которому подчинялись псковские приходы, энергично взялся за исполнение этого интердикта. Александр бежал в Литву, гегемония Твери рухнула. Возникла реальная опасность литовскому влиянию на всей Руси, поскольку Феогност, после смерти митрополита Феофила в 1330 г., получил разрешение патриарха Константинопольского покончить с литовской церковной митрополией. Все-таки было немало сделано и сторонниками литовской церковной организации, идеологической опорой которых стал культ Даумантаса-Довмонта, прозванного во Пскове св. Тимофеем (имя, принятое Довмонтом при крещении). Эта деятельность хорошо сочеталась с политикой равновесия, проводимой правящими слоями Новгорода и не позволявшей ни одной стороне взять верх в республике. По мере возвышения Москвы предпринимались действия, соответствующие обстановке. Весной 1330 г. архиепископ Моисей отправляется в монастырь, а в начале 1331 г. архиепископом Новгородским избирается нейтральный Василий-Калека. Новому архиепископу пришлось следовать через Литву во

Владимир-Волинский, где его должен был рукоположить митрополит Феогност, занятый ликвидацией литовской митрополии. Гедимин оказывал давление на обоих иерархов с тем, чтобы близкий ему Арсений был объявлен первым псковским епископом. Он также хотел на- /105/ вязать Новгороду свои военные услуги. Глава русской церкви был вне досягаемости великого князя Литовского, потому кандидатура Арсения не прошла. С новгородским священнослужителем, зависимым от общественного мнения республики, удалось сговориться. Новгородцы согласились принять литовские гарнизоны в замки своего северного пограничья, а Василий-Калека, в конце 1331 г. вернувшийся в Новгород, остался благосклонен к Литве. В 1330 г. для правления Псковом вернулся из Литвы Александр Тверской, и архиепископ Василий в 1333 г. крестил его сына Михаила. В то время Литва не только защитила свои позиции во Пскове, но шагнула и в Новгородскую республику: в 1333 г. в Новгород прибыл сын Гедимины Наримонт и был крещен под именем Глеба. Ему республика поручила пограничные замки Шведской Финляндии – Ладогу, Орешек, Кексгольм и половину Копорья. Эти военные услуги были решающим средством расширения влияния в республиках Северо-Западной Руси. Очень важным для начала тридцатых годов было включение в литовскую политическую систему Смоленска, испытывавшего сильное давление Москвы. Золотая Орда в этом споре недвусмысленно поддерживала Москву: осенью 1333 г. татарские военачальники Коллонтай и Чирича при содействии брянского князя Дмитрия, осадили Смоленск, но не смогли его взять. Эта неудача пособников Москвы позволила князю Глебу (сыну убитого в 1310 г. Святослава) в конце того же года завладеть Брянском. Брянск, как и Смоленск, заключил с Литвой договор о совместной обороне. Фактически это означало литовский протекторат, что признал и князь смоленский Иван в своем акте конца тридцатых годов. В этом десятилетии к Литве стали склоняться Новгород-Северский и Чернигов.

Кристаллизация Литовской и Московской держав всё более проясняла, что именно они становятся главными соперницами на просторах Руси. Понимая это, обе стороны поначалу избегали непосредственного столкновения. Иван Калита в 1333 г. выбрал в жены своему сыну и будущему преемнику Семену литовскую княжну Айгусту, крещенную под именем Анастасии. Конечно, это был всего лишь символический жест, не повлиявший на усиливающееся соперничество. У Москвы было большое преимущество: она через посредство митрополита всея Руси, находящегося на ее территории, могла контролировать русское духовенство. Правда, литовские правители, восприняв от русских князей важную для православия функцию опекунов Церкви и приобретя значительное число православных членов династии, смогли не только склонить на свою сторону православных иерархов своего государства, но и обзавестись союзниками за его пределами. И все равно это не привело к созданию церковной организации, равновеликой Мос- /106/ ковской – последняя явно доминировала на арене борьбы за русские земли. Для Литвы было полезно отдаление Москвы от Южной Руси, и это обстоятельство Гедиминовичи хитроумно использовали. Конечно, и тут им мешала позиция Золотой Орды: Москва для ханов была традиционным и умеющим угодить вассалом, а суверенная Литва (даже признающая ордынский сюзеренитет на русских землях) – неизвестной величиной. В тридцатых годах XIV в. сочетание подобных плюсов и минусов выявило перспективные для Литвы и Москвы направления экспансии. Для Литвы стала недостижимой Северо-Восточная Русь, а для Москвы – Поднепровье и Галицко-Волинская Русь. В свою очередь на северо-западе Руси и на землях к западу от Москвы литовские позиции оказались непрочными. В 1335 г. в Новгороде снова стал набирать силу сторонник Москвы Моисей. Наримонт, хотя и оставил вместо себя сына Александра, отбыл из новгородского пограничья (он стал полоцким князем). Летом того же года литовцы разорили Торжок (Новгородскую область, в которой всегда были заинтересованы великие князья Владимирские и Московские), а Иван Калита вскоре разрушил смоленские пограничные крепости Осечень и Рясно. При нападении шведов на Новгородскую республику (1337 – 1338 г.) гарнизоны литовских замков были пассивны, поэтому Александр Наримонтович в 1338 г. их покинул (хотя и остался их наместником).

Фактически Литва лишилась своих достижений в Новгороде. В конце 1340 г. сторонники Москвы убили князя Глеба, и Брянск попал под московское влияние. Тем временем Смоленск зимой 1339 г. отразил нападение татар, подталкиваемых Москвой. Сын Гедимины Ольгерд, правивший Витебском, в 1341 г. попытался (в отместку Москве) присоединить к Смоленску Можайск, но его поход не удался. Золотая Орда была недовольна стремлением Гедимины сблизиться с западом и укорениться на Руси, однако в 1340 г. татары все-таки поддержали Литву против Тевтонского ордена. Это было логическим продолжением политики татар на юго-западе Руси, хотя Гедимину не удалось полностью склонить Орду на свою сторону. Сумевший в 1337 г. вернуться в Тверь, князь Александр в 1339 г. был вызван Узбеком в Орду и убит. Литовское влияние во Пскове еще сохранялось.

Наибольшим успехом Литвы было завладение Волинью в 1340 г. Это исполнил Лю- /107/ барт, когда сановно-вельможная оппозиция отравила Болеслава-Юрия. Гедиминова «политика зятьев» спустя 20 лет была применена Ольгердом в Витебске. Великое княжество Литовское выросло в полноценную державу. Рокировки членов династии, связанные с присоединением русских земель, происходили по мере усиления круга, наиболее близкого сыновьям Гедимины, и превращения этих земель в составную часть Литовского государства. На стыке тридцатых-сороковых годов сыновья Гедимины распределили власть так: Ольгерд владел Крево и Витебском, Кейстут – Тракай, Монивид – Слонимом, Наримонт – Пинском, Кориат – Новгородком (Новогрудком), Любарт – Волинью. Полоцк, управляемый братом Витеня и Гедимины Войном, переходил из рук в руки, но оставался под контролем ближайших членов династии. Псков, Киев, Смоленск были важнейшими протекторатами Литвы, опорными точками ее политической системы на Руси.

Среди западных соседей Руси Литве досталось особое место: она присоединила немалую часть русских земель. Литовская власть отличалась от сюзеренной власти Золотой Орды на подвластных русских землях. Это тоже была власть людей чужой национальности и веры, но эту «чуждость» смягчало то, что литовские князья становились православными. Этим литовская власть была привлекательнее власти Золотой Орды. Великое княжество Литовское продвигалось все ближе к положению нового династического центра Центральной Европы. Литовские государи понимали, что их страна не принадлежит католической цивилизации и является для неё чужеродным телом, однако преодоление такого противоречия стало краеугольным камнем их политики.

б. Дипломатическая акция Гедимины в 1323–1324 г. и ее последствия

Гедимин продолжал политику Витеня как на востоке, так и на западе. Возникший союз Литвы и Риги был выгоден обеим сторонам и в то же время весьма перспективен. Данное Витенем обещание рижанам (возможно, это был лишь тактический шаг) креститься стало уже стратегическим фактором, требовавшим более решительных и вместе с тем ответственных действий. Упорная война с Тевтонским орденом возбуждала в литовцах ненависть к католической вере, особенно в Жямайтии. Растущее число русских подданных и учреждение православной митрополии вынуждало великого князя считаться и с этой религией. Поддерживая связи с католической Церковью, великие князья учитывали ее отношение /108/ как к язычеству, так и к православию. Поэтому католический храм Витень построил в Новгородке – на этническом литовско-русском пограничье. После этого он обратился к папскому уполномоченному в Ливонии Франциску Молианетти и рижскому архиепископу Фридриху с просьбой прислать в этот храм двух францисканцев. Предполагалось решить проблему предоставлением концессии католическим миссиям и их материальной поддержкой. Замысел Витеня был прекрасно понят в Тевтонском лагере: во время похода Генриха Плоцке на Новгородок в 1314 г. этот храм был разрушен.

Деструктивная деятельность Тевтонского ордена, вне сомнения, мешала осторожному сближению великих князей с католицизмом, однако предоставляла их дипломатии

великолепные аргументы, которые вскоре были использованы. Вся эта ситуация позволяла рижанам заявлять, что они заботятся о приобщении Литвы к католицизму. Поскольку их поддерживал архиепископ Рижский, были приведены в действие его связи с папой. В 1317 г. папа Иоанн XXII прислал Гедимину письмо с настоятельным советом принять крещение. Это письмо свидетельствовало об изменении ситуации: по мере того, как в Центральной Европе выявлялись династические центры, а Литва представляла мощной державой, категорическое следование доктрине Крестовых войн становилось невыгодно курии. Однако Гедимин медлил с ответом: мешало напряженное положение воюющей страны, к тому же Литва в конце десятых годов страдала от неурожая и голода. Для шага к католицизму требовался более удобный момент.

Победа при Мядининкай в 1320 г. развязала Гедимину руки. Хотя Тевтонский орден стремился отыграть, разорив в 1322 г. земли Вайкяй, Расейняй и Арёгалы и едва не захватив замок Пештве, этот большой поход мог состояться лишь по прибытии подмоги из Чехии, Силезии и Прирейнских областей. А между тем Литва уже пользовалась обретенной во Пскове опорой, что позволило ей достичь наиболее удаленных земель Ливонии и Эстонии. Во время похода крестоносцев в Южную Жямайгию, литовское войско разорило Тартуское (Дорпатское) епископство и захватило несколько тысяч пленных. Знать Чехии и Прирейнских областей поддержала Орден и в начале 1323 г., но тщательно подготовленному походу помешали сильные морозы. Более привычные к холодам литовцы и русские под началом Давида в то же время разорили Северную Эстонию, принадлежавшую Дании. В марте жямайты разрушили город Клайпеду, в августе литовцы разграбили Велувскую (*Vēluva*) волость в Самбии, а в сентябре – Добжинское княжество, склонявшееся к Ордену. Со стороны Литвы военные действия приобрели размах, утерянный в битве при Ваплаукисе.

Обретенный Литвой перевес не был значительным, тем более /109/ это не было привычным явлением. Оценив ситуацию, Гедимин решил ею воспользоваться. В Вильнюсе были построены францисканский и доминиканский храмы, отстроен храм в Новгородке. В Литву прибывало все больше доминиканских и францисканских монахов, часть их начала работать писарями великого князя. При необходимости их приглашали на совет при властителе. В конце 1322 г. Гедимин отослал Иоанну XXII письмо, в котором изложил зрелую и обоснованную концепцию: правители Литвы хотят принять католическую веру, но они должны обороняться от крестоносцев, заинтересованных не в крещении язычников, а в завоевании страны. Очень удачно это утверждение иллюстрировала уже использованная рижанами версия о вынужденном отходе Миндовга от христианства. Посланник Гедимины вез это письмо в Ригу, но был перехвачен крестоносцами. Предвидя, что Гедимин может отправить письмо повторно, они дозволили посылному следовать дальше, однако уничтожили княжескую печать. В таком виде письмо достигло папы, вызвав, как и предполагали ливонцы, определенные сомнения. Их помог развеять архиепископ Фридрих, укрывшийся от крестоносцев в Авиньоне. Несколько переоценивая свое участие, он с оптимизмом сообщил о случившемся Гедимину. Письмо Фридриха Гедимин получил весной 1323 г., когда военный перевес Литвы стал вполне очевиден. Учитывая благоприятную ситуацию и впечатление, произведенное «испорченным» письмом, Гедимин еще более широко развернул свою /110/ деятельность. В конце мая были отправлены его послания городам Саксонии и Готланда, а также доминиканским и францисканским провинциям Саксонии. В посланиях указывалось, что папа получил письмо Гедимины о крещении, и великий князь ждет посыльных с ответом. Также сообщалось о возможном перехвате послания к папе. Одновременно Гедимин объявлял о мире и льготных условиях торговли. Тогда же или несколько позже Гедимин отправил второе послание папе. В этот раз письмо благополучно достигло Риги, а уже рижане позаботились о его безопасности в городах Германии. Все послания до адресатов дошли.

Последовательность составления и отсылки писем раскрывает политическую программу Гедимины. Он информировал о возведении храмов и просил обеспечить их миссионерами. Особое место занимало приглашение рыцарям, купцам, ремесленникам и

крестьянам – прибыть и поселиться в Литве. Намечался подлинный немецкий колониционный бум: Гедимин желал сделать в Литве то, что происходило в Поморье, на Готланде, в Силезии, Чехии, управляемой немцами Пруссии. Как и правители этих стран, литовский монарх не спрашивал, на каком языке говорят новые подданные, способные принести с собой прогрессивную технологию. Поскольку Тевтонский орден мог не пропустить ожидаемых поселенцев, было указано, что желателен путь через земли Гедиминова зятя – плоцкого князя Вацлава. В отместку Гедиминову Тевтонский орден усилил антилитовскую пропаганду. В октябре 1323 г. епископ Вармии Эберхардт выступил с соответствующим обращением к верующим, а в ноябре кустод францисканцев Пруссии Николай – к самому папе. Тем не менее меры, принятые Гедимином, повлияли на общественное мнение Ливонии: представители города Риги, рижского капитула, францисканцев, доминиканцев, Ливонского ордена и наместника Дании в Таллине (Ревеле) постановили отправить в Литву послов для выяснения намерений Гедиминова. Послы прибыли в Вильнюс 8 сентября и провели предварительные переговоры, а 2 октября от имени вышеназванных поручителей (включая епископов Ливонии) заключили с Литвой мирный договор, в котором оговаривались и условия наибольшего благоприятствования в торговле. Договор от 2 октября был важным успехом литовской дипломатии, однако, если учесть общее положение дел, он все-таки мало стеснял тевтонцев. Они не придерживались договорных условий: /111/ продолжилась пограничная война, перехватывались посланники Гедиминова. В декабре 1323 г. Ливонский орден заключил с Новгородом договор, направленный против Литвы и Пскова. Год или два новгородцы грозили Пскову войной.

Письма Гедиминова достигли Иоанна XXII в момент, когда созрел и был готов разразиться конфликт между папой и императором Германии Людовиком Баварским (в марте 1323 г. немецкое войско вступило в Северную Италию и разгромило силы папского легата, а 8 января Иоанн XXII начал процедуру отлучения Людовика). Стимул к поддержке Тевтонского ордена, даже при наличии известных упущений в первом письме Гедиминова, при таких обстоятельствах был весьма слабым, ибо Орден неприкрыто тяготел к императору. В ноябре Иоанн XXII выслушал мнение короля Франции Карла IV относительно демарша Гедиминова. Протектор Авиньона не противоречил стремлениям Гедиминова, между тем Людовик Баварский в своих апелляциях (Нюрнбергская в декабре 1323 г. и Франкфуртская в январе 1324 г.) протестовал против действий папы. Это ускорило процесс отлучения императора (23 марта 1324 г. он был официально отлучен от Церкви) и было весьма на руку Гедиминову. Ответ короля Франции Иоанн XXII получил, когда уже фактически решился на открытую конфронтацию с императором, что автоматически гарантировало поддержку архиепископу Рижскому. 10 февраля 1324 г. Тевтонский орден был подвергнут официальному осуждению за обиды, чинимые христианам, и действия, препятствующие обращению язычников в христианство. Весть о том, что дела у архиепископа заметно пошли на лад, Гедимин получил от рижан еще ранней осенью 1323 г. 25 января 1324 г. он еще раз обратился к городам Саксонии, повторив приглашение колонистам. Если в ранних посланиях Гедимин, сообщая об ожидаемых папских легатах и благосклонном ответе папы, нигде не вдавался в подробности, – то в последнем письме он указывал, что решение папы ему известно. Поэтому дата отправки письма не случайно почти совпала с осуждением Тевтонского ордена.

Руководство Тевтонского ордена было информировано еще полнее, чем Гедимин. Поскольку ситуация в курии складывалась явно в пользу Литвы, оно предложило Гедиминову в дар 1000 марок за согласие принять крещение из рук Ордена. Понимая, что в этом случае будущие епископства Литвы подпадут под юрисдикцию митрополий Ордена, и располагая обнадеживающей информацией, Гедимин не принял предложения крестоносцев. Тогда последние /112/ стали осыпать подарками жямайтов, а также запугивать их и русских тем, что великий князь готов принять немецкую веру. Ухудшились отношения между Литвой и Мазовией, теснимой Тевтонским орденом и Чехией (в послании Гедиминова городам Германии от 25 января Мазовия упоминалась как страна, благоприятная для транзита).

Подготовленный крестоносцами поход, для участия в котором прибыли графы Шпангеймы из Германии и члены знатного семейства Розенберг из Чехии, в начале 1324 г. провалился из-за оттепели, но мелкие нападения были удачны: в марте разорены владения Давида близ Гродно, а в мае – разрушено предзамковое укрепление Гедиминовой крепости в Жямайтии. Литовцы отквитались в июле месяце, без успеха напав на Скирснямуне. Тем временем разрастался конфликт между папой и императором: 22 мая в загсенхаузенской апелляции Людовик Баварский объявил Иоанна XXII еретиком. При таких обстоятельствах 1 июня 1324 г. Иоанн XXII отправил ответ Гедимину. Папа указывал, что удовлетворяет прошение Гедимины, в связи с чем шлет в Литву своих легатов. Это были французские бенедиктинцы – епископ Алеттский Варфоломей и аббат монастыря св. Готфрида из Пюйи отец Бернард. Варфоломей имел опыт общения с православными, а в самом папском письме наряду с упоминанием язычества и приятия Христа затрагивался мотив отказа от православия. Дело в том, что Иоанн XXII был папой, возобновившим усилия по обновлению Церковной унии, а Литва в ту пору узаконила православную митрополию и рвалась в Киев, где в 1320 г. была учреждена должность католического епископа. Не ведавший всех тонкостей, Иоанн XXII понимал, что крещение Литвы было важно в обоих этих аспектах. Папа предупредил о своих действиях Тевтонский орден письмом от 1 июня. 31 августа он утвердил договор между Литвой и Ливонией (от 2 октября 1323 г.) и предписал соблюдать его положения всему Тевтонскому ордену (формально данное предписание обретало силу лишь после крещения Литвы, но прибывшие папские легаты потребовали перемирия тотчас же). Папские легаты достигли Риги в конце сентября – начале октября 1324 г. Полученные новости приостановили их дальнейший путь в Вильнюс. Закулисная деятельность Тевтонского ордена принесла плоды, поэтому предполагаемое крещение Гедимины натолкнулось на серьезные препятствия. Для выяснения ситуации легаты в начале ноября прислали своих представителей в Вильнюс. Гедимин принял их не конфиденциально, как они рассчитывали, а в присутствии своего совета. Когда посланники легатов упомянули о его желании креститься, выраженном в письмах, Гедимин сделал вид, что не велел писать ничего подобного. Францисканец Бертольд, записывавший второе послание великого князя папе, ока- /113/ зался обвиненным в том, что неверно понял правителя. Представителям легатов удалось разузнать, что изменить решение Гедимины вынудили угрозы со стороны язычников и православных, инспирированные крестоносцами, и что он чрезвычайно об этом сожалеет. Деятельности католических миссионеров в Литве великий князь не препятствовал. С такими вестями посланники легатов вернулись в Ригу. Папские легаты хорошо поняли сложившееся положение и его причины. Не желая лишать Гедимины возможности продолжать начатое, они утвердили договор о четырехлетнем перемирии.

Литовская дипломатия впервые всерьез столкнулась с политическим искусством Тевтонского ордена. Первую битву она проиграла, однако наметила вехи, на которые ориентировалась политика Вильнюсского двора весь XIV в. Литва не избавилась от политической изоляции, но в значительной мере ее ослабила. Советник Гедимины, доминиканец Николай, метко охарактеризовал действия великого князя: акцию крещения следовало связывать не со слабым епископом, а с могучей династией Венгрии или Чехии, т. е. Гедимин по инерции мыслил в категориях XIII в., упуская из виду новые реальности, сложившиеся в Центральной Европе. Гедимины можно оправдывать тем, что добрые отношения Люксембургов с Тевтонским орденом очень затрудняли восприятие новейшей перспективы. Венгерский фактор также был недостаточно ясен: Литва пробивалась в Юго-Западную Русь, – ареал традиционных аннексионистских стремлений Венгрии.

Однако под боком у Литвы вырос новый политический центр – воссозданное в 1320 г. Польское королевство. С ним еще мало кто считался, но это королевство было таким же заклятым врагом крестоносцев, как и Литва. Дипломатический «западный» прорыв Литвы естественно должен был предполагать сближение обоих противников Тевтонского ордена. В начале 1325 г. Гедимин заключил военный союз с королем Польши Владиславом Локетком, а в октябре того же года выдал свою дочь (М. Стрийковский называет ее Альдоной) за его

сына Казимира (Альдона получила христианское имя Анна). Польше угрожала могущественная Чехия Люксембургов, король которой Иоанн претендовал на польский трон. Владислав Локетек, опасавшийся Чехии, императора и Тевтонского ордена, естественным образом склонялся к противнику Людовика Баварского – папе, который, кроме того, был и сюзереном Польши. Союз с Польшей предоставил Гедимину новые возможности сочетать свою политику с интересами папы.

Иоанн XXII в борьбе с Людовиком Баварским стремился вытеснить из Бранденбурга его сына Людовика, ставшего маркграфом этого владения. Нанося удар по Бранденбургу, король Польши не только защищал себя, но и оказывал услугу папе. Это устраивало и Гедимины. Во второй половине февраля – начале марта 1326 г. соединенное литовско-польское войско нанесло значительный урон Бранденбургу. Гедимин послал туда 1200 отборных всадников под командой Давида. Под сильным давлением папы Тевтонский орден вынужден был пропустить литовцев. Вторжение язычников вызвало огромный негативный отклик как в самой Германии, так и в соседних странах (возвращавшийся после успешного похода Давид был исподтишка убит разгневанным мазовецким дворянином). Гедимин оказал Иоанну XXII услугу, но возбужденное общественное мнение Европы вынудило папу отмежеваться от язычников. Так Литва утратила последнюю возможность сближения с Авиньоном.

Все-таки Бранденбургский поход был успехом политики Гедимины: он упрочил военный союз с Польшей. В феврале или марте 1326 г. Литве удалось заключить перемирие с угрожавшим Пскову Новгородом; к перемирию присоединился и Ливонский орден. Смерть Давида не ослабила литовского протектората над Псковом. Таким образом, дипломатическая акция Гедимины соответствовала новым возможностям Литвы и, хотя не достигла главной цели, принесла определенные результаты. На исходе четырехлетнего перемирия северо-восточные и юго-западные границы Великого княжества Литовского были защищены. Литовская дипломатия, пусть ненадолго, сама вышла на международную арену и добилась первого долговременного соглашения о западной границе.

в. Первые удары представителей центрально-европейских династий

Землетрясение, случившееся на исходе перемирия, вынудило тевтонский гарнизон покинуть замок Скирснямуне (1328 г.). В это время, а возможно, несколько ранее, жямайты сумели отстроить замок Путве. Так что передышка несколько улучшила позиции. Литвы. Первые нападения крестоносцев совершались по традиционным фланговым направлениям: в 1328 г. были подвергнуты опустошению окрестности Гродно и разрушены предзамковые укрепления Путве и Аукаймиса. Эти набеги Орден осуществил своими собственными силами. Ливонцы, не способные защитить Клайпеду от жямайтов, в 1328 г. передали ее Прусскому ответвлению Ордена. Жямайты окончательно утвердились в Паланге, а крестоносцы Пруссии – на всем восточном берегу Куршского залива.

В начале 1329 г. с большим войском в Пруссию прибыл король /115/ Чехии Иоанн, а также множество рыцарей из Германии, Франции, Англии и Нидерландов. Иоанн Люксембургский, ранее одолевший князей Мазовии, считал Пруссию и Литву ареалом собственных интересов, а Тевтонский орден – главным исполнителем своих намерений. Эти намерения были провозглашены еще в третьей четверти XIII в. Премыслом II, а претензии Иоанна на польскую корону делали их куда более реальными. Войска Чехии и Тевтонского ордена ворвались в Жямайтию. На помощь жямайтам пришли дружины великого князя, предводительствуемые близким родственником Гедимины (вероятнее всего, братом) Маргирисом, но силы все-таки были не равны. Желая избежать кровопролития, уже далеко не юный, но физически очень крепкий Маргирис вызвал Иоанна на поединок. Непривычные к единоборствам литовцы нарушили правила, из-за чего Маргирису пришлось сдаться.

Лучшие силы были сохранены, Маргирис вскоре выкуплен из плена, но Жямайтия осталась без должной защиты. Пали пять важных жямайтских замков: Гедиминов замок, Гягужкальнис, Аукаймис, Жесдите и Мядвегалис. В этом последнем (и вблизи него) сдались в плен несколько тысяч жямайтов. Иоанн посчитал это покорением Жямайтии и оставил пленных на месте, позволив им принять крещение. Более опытные руководители Тевтонского ордена хотели пленных истребить или угнать в Пруссию, но на споры не было времени, поскольку пришло известие о том, что поляки вторглись в Кульм (Хелмин, Хелмно). Владислав Локетек желал не только помочь Гедимину, но и воспользоваться тем, что силы врага скованы в Жямайтии. Польша от этого только проиграла: объединенные силы Ордена и Чехии заняли Добжинь. Разгромленной Жямайтии такой поворот событий весьма помог: после отхода противника не было речи о признании власти Ордена и принятии христианства. /116/

В 1329 г. в Жямайтии чуть было не повторилась трагедия Самбии 1255 г. Такой военной неудачи не только жямайты, но и вся Литва еще не испытывали. Была нарушена оборонительная система Жямайтии. Она, правда, была восстановлена, но Гедиминов замок, находившийся неподалеку от связанной с Пруссией Клайпеды, уже не мог удовлетворить монарха или субмонарха: в тридцатых годах Маргирис избрал основной опорой ареал Юкайняй-Молавенай (окрестности современной Видукле), который источники упоминают в связи с кампанией 1329 г. Литва впервые столкнулась с интервенцией могущественного представителя центрально-европейских династий, и только случайность спасла ее от болезненных последствий такой интервенции. Вытеснение христиан из Палестины (1291 г.) завершило эпоху классических Крестовых походов, но направило их слабеющий поток в Балтийский регион. На Литву подобные испытания стали обрушиваться с начала XIV в., но самое страшное было то, что в этот поток влились монархи Центральной Европы, ранее почти не участвовавшие в Крестовых войнах.

К счастью, потенциал представителей этих династий был слишком мал, и они не могли осуществлять походы систематически. Реальной была угроза эпизодических ударов, а здесь, как показал 1329 год, действовал фактор случайности. Вмешательство Польши сковало силы Тевтонского ордена на несколько лет. Это позволило Гедимину оказать поддержку рижанам, испытывавшим давление Ливонского ордена. В начале осени 1329 г. их представители пригласили Гедимина занять замок Рижского архиепископства. В середине сентября литовское войско во главе с ним достигло низовий Даугавы, но Орден, узнав о готовящейся операции, уже успел занять замок архиепископа. Гедимин должен был удовлетвориться разорением довольно обширного пространства (вплоть до Южной Эстонии). Этот поход и опустошение окрестностей Пилтене в Куронии в начале марта 1330 г. уже не могли помочь Риге. Окруженная орденским войском, она капитулировала в конце марта 1330 г. Литва потеряла очень важного союзника, а у Ливонского ордена оказались развязаны руки.

Победа Ливонского ордена над Ригой была предопределена ходом событий. Литва могла послать гарнизон в тот или другой замок Ливонии, но удержать на вражеской территории целую систему замков не позволяли скудные ресурсы ее призывного войска. Между тем, вмешательство представителей крупных европейских династий в войну Тевтонского ордена с Литвой вызвало приток в Пруссию достаточно мелкой знати из Европы – крестоносцы дождались более серьезной поддержки, чем ранее. В начале 1331 г. войско в составе нескольких немецких графов и 100 рыцарей Ордена разорило Вайкяйскую землю, тогда же гарнизон крепости Рагайне уничтожил подступы к Гедиминову замку. Напуганный реакцией Германии и разочарованный отношениями с Гедимином, Иоанн XXII вознамерился «заморозить» конфликт между Ливонским орденом и рижанами в его сложившемся виде и в мае 1330 г. повелел обеим сторонам прекратить военные действия. Фактически /118/ тем самым был подтвержден контроль Ордена над Ригой и отказ от связей с Литвой. К счастью для Литвы, война между Тевтонским орденом и Польшей затягивалась; на помощь полякам пришла Венгрия. Желая поддержать Польшу, в сентябре 1330 г. Гедимин во главе большого

войска вторгся в Южную Пруссию. Литовцы еще не успели соединиться с поляками, когда на них обрушились мощные силы Ордена; однако Гедимин избежал рискованной битвы. После соединения сил союзников выяснилось, что венгры отказываются воевать заодно с язычниками (Венгрия, вне сомнений, косо смотрела на литовскую экспансию в Южной Руси). Попав в сложное положение, Владислав Локетек должен был учесть настроения своих могущественных союзников и в то же время расплатиться с Гедимином за напрасную военную экспедицию. Хотя на этот раз великий князь Литовский и был удовлетворен, ему стало понятно, что сблизиться с Венгрией через посредство Польши не удастся, а сил у Литвы и Польши недостаточно для частых и рискованных дальних походов вглубь Пруссии. Не оставалось другого выхода как довериться одной лишь своей стратегии. В начале 1331 г. военный союз Литвы и Польши распался. В том же году Тевтонский орден одержал над поляками Пиррову победу близ Пловцев, потеряв много рыцарей. Это еще более затянуло военные действия, и Литва получила передышку на Немане. Руководство Тевтонского ордена пыталось лишить Гедимина подобной передышки. Одолев Ригу, Ливонский орден усилил пограничные замки и возобновил нападения; к нему на подмогу были направлены некрупные крестоносные отряды. На стыке лета-осени 1330 г. магистр края Эберхардт Монгейм вторгся в жямайтские земли. Этот поход ливонцев на время сковал силы правителя Литвы, однако в 1332 г. тот же магистр опустошил бывшую область князя Мажейки в Жямайтии. Крестоносцы Ливонии и Пруссии разоряли жямайтские земли и в начале 1333 г. в том же году экспедиции Эберхардта Монгейма дошли до Укмярге и Полоцка. В 1334 г. он опустошил окрестности Дубингяй и Шяшуоляй, а несколько позднее вновь совершил нападение на Полоцк. У Ливонского ордена не было тех резервов, что у крестоносцев Пруссии, однако отдельные замки на северном рубеже Литвы не могли противостоять им столь же упорно, как оборонительная система в низовьях Немана, потому ливонцы достигли окрестностей Вильнюса (Дубингяй и Шяшуоляй), истребив тут 1200 человек. В феврале 1335 г. Эберхардт Монгейм вновь совершил нападение на Жямайтию. Всё же эти ежегодные рейды не были легкой прогулкой для Ливонского ордена: после смерти великого магистра Лютера Брауншвейгского (1335 г.) и возобновления нападений из Пруссии, во второй половине тридцатых годов они были прекра- /119/ щены. Высшее руководство Тевтонского ордена ливонский фронт считало второстепенным и активизировало действия на этом театре лишь в отдельных необходимых случаях.

Лютера Брауншвейгского сменил многоопытный воин Дитрих Альтенбург. Его приход к власти совпал с переменами на театре войны между Тевтонским орденом и Польшей. В 1333 г. скончался упорный противник Ордена Владислав Локетек. Его преемник, зять Гедимина Казимир III, не был склонен продолжать мало удачную для Польши войну. В 1335 г. бои прекратились, и Дитрих Альтенбург смог направить основные силы против Литвы. Изменение направления атаки совпало с новыми ударами центрально-европейских династий; всё это происходило в соответствии с тщательно просчитанной и обоснованной стратегией великого магистра. В феврале 1336 г. последовал реванш бранденбургского маркграфа Людовика за нападения Давида 1326 г. Вместе с маркграфом в поход отправился сам Дитрих Альтенбург, графы Намюра и Эно, при поддержке французских и австрийских рыцарей (числом более 150). Целью была опорная резиденция Маргириса в Жямайтии (окрестности Юкайняй-Молавенай). Была осаждена крепость Пиленай (*Пилене*), в которой со всем имуществом укрылись окрестные жители. Обороной руководил сам Маргирис, охраняемый своей дружиной. Когда стало ясно, что устоять не суждено, все находящиеся внутри, как воины, так и мирные жители, подожгли замок и покончили с собой. Так же поступил и Маргирис, сражавшийся до последней минуты.

Пиленская трагедия вошла в историю как пример героизма. Она оценена и как проявление национального менталитета: одинаково стойко держались дружинники и простые жители, жямайты и воины великокняжеского домена. Вместе с тем, это была большая потеря для обороны Литвы: после этого события весь XIV в. источники уже не упоминают опорного пункта великого князя и субмонарха в Жямайтии. Дитрих Альтенбург,

хорошо понимая значение этого успеха, стремился без промедления им воспользоваться: в том же году, вместо утраченного замка Скирснямуне, между Велюоной и Пештве он начал строить замок Мариенбург (или Георгенбург), желая вклинить его в литовскую оборонительную систему. Гедимин по достоинству оценил этот маневр: значительные силы литовцев настигли магистра и разорили постройку. Литовское государство уже было способно препятствовать немцам в возведении замков, если строительство не поддерживалось силами могущественных властителей.

Однако подобные силы имелись, и напряженность, создаваемая Тевтонским орденом, всё возрастала. В начале 1337 г. в Пруссию прибыл король Чехии Иоанн, его сын, маркграф Моравии Карл, /120/ многие представители знати из Франции, Бургундии, Испании, Нидерландов, герцог Баварии Генрих, легницкий князь Вацлав. Для Литвы возникла опасность, пожалуй, еще большая, чем в 1329 г., но походу воспрепятствовала оттепель. Как видно, к нападению готовились не только Люксембурги, но и Виттельсбах Баварский – представитель рода, давшего германского императора и рвущегося в первые ряды европейских династий. Поддержка со стороны этого рода сопровождала Орден и в начале лета 1337 г. Тот же герцог Генрих помог Тевтонскому ордену на участке Пештве-Велюона построить, оборудовать и обеспечить всем необходимым замок Байербург. Сделано это было вполне внезапно, неожиданно для литовцев. Гедимин отреагировал быстро, осадив новый замок крестоносцев. Великому князю помогали жямайты и князь тракайский (не называемый по имени сын Гедимины). Как и в других случаях, тут проявилось неумение литовцев брать замки. После трех недель осады немецкий арбалетчик застрелил тракайского князя, и в это же время на помощь Байербургу подошло войско крестоносцев под командованием маршала Генриха Дусмера. Литовцы отступили, а Дусмер, преследуя жямайтов, дошел до земли Мядининкай. Так был исполнен замысел Дитриха Альтенбурга, провалившийся в 1336 г.

Возведение замка Байербург было не только стратегическим военным успехом крестоносцев. В конце того же 1337 г. император Людовик Баварский предоставил Тевтонскому ордену две грамоты дарения на Литву. Таким образом вершилась единая военно-политическая акция, поддержанная правящей династией Виттельсбахов. Первый успех начавшегося вторжения вселил в немцев надежды на скорое завоевание Литвы. Байербургу предназначалась роль центра будущей церковной провинции, включающей всю Литву. Виттельсбахи пытались создать противовес политике Люксембургов на востоке. Он был необходим, поскольку приостановление войны между Польшей и Тевтонским орденом было обусловлено Вышеградским соглашением между королями Венгрии, Польши и Чехии. В этом соглашении выражалась поддержка претензий короля Чехии на императорский трон. При таких обстоятельствах союз Виттельсбахов и Тевтонского ордена еще более укрепился, но в то же время от Ордена отдалялись Люксембурги, которые поддерживали его еще в начале 1337 г. Гедимин уловил эти перемены, поскольку его дочь Офка (вероятнее всего, сокращение христианского имени Евфимия) в 1331 г. вышла замуж за галицкого князя Болеслава-Юрия. В июне 1338 г. к Вышеградской тройке присоединился традиционный союзник Тевтонского ордена Галицко-Волынское княжество. Для городов Тевтонского ордена закрылись торговые пути на юго-восток. И хотя литовское войско, /121/ вторгшееся в 1338 г. в Пруссию, было разбито близ Галялаукяй, – становилось ясно, что победы Тевтонского ордена являются все-таки тактическим, но не стратегическим успехом. Перелома можно было достичь лишь ударом могущественных Люксембургов, но после Вышеградских соглашений их интересы переместились на другие направления. Случайная интервенция Люксембургов, не исчерпавшая своего потенциала и не ставшая планомерным давлением, мало в чем помогла Тевтонскому ордену, а помощи Виттельсбахов оказалось недостаточно для покорения Литвы. С конца 1338 г. напряжение стало спадать. 1 ноября 1338 г. был заключен десятилетний торговый договор Литвы и Ливонии: с потерей торговых путей на юго-востоке для купцов орденских земель стали весьма привлекательны эти пути на севере. Байербург по существу не изменил равновесия на Немане: большой поход Ордена против Велюоны в 1339 г. был не слишком удачен. Правда, и положение Литвы после

поражений 1336–1338 г. несколько пошатнулось: в конце тридцатых годов увеличилось число перебежчиков к крестоносцам. Однако общего хода войны это не изменило. Попытка набрать в Германии крестовых воинов для нового похода в 1340 г. не удалась. Нападения Тевтонского ордена прекратились почти на два года. Можно сказать, Орден сам не выдержал военного напряжения, но были тому и другие причины.

Намеченное Вышеградским соглашением направление чешской политики меняло положение во всем регионе восточной Балтики. В провинцию францисканцев Чехии были включены и литовские миссии. В конце 1341 г. в Пруссию прибыл маркграф Моравии Карл. Как раз в это время язычники Литвы расправились с двумя францисканцами – Мартыном из Адды и Ульриком из Адлехонвиц (последний топоним – чешский). В 1340 г. умер галицкий князь Болеслав-Юрий, его преемником стал Любарт. Тем самым Волынь, входящая в Вышеградскую четверку, включалась в Великое княжество Литовское. Эти факты заставляют обратиться к сообщению информированного чешского хрониста Бенеша Вейтмильского: правитель Литвы, пригласивший в конце 1341 г. католических священнослужителей, собиравшийся креститься, за что был отравлен своими же. Этому свидетельству нельзя всецело доверять, но всё более активная деятельность чешских миссионеров в Литве остается очевидной. Смерть Гедимины в конце 1341 г. подтверждают и Новгородские летописи. Ушел в могилу один из наиболее выдающихся властителей Литвы, создатель Литовской державы.

В историографии уже стало традицией изображать Гедимины мирным цивилизатором, администратором и способным дипломатом. Не отрицая этого, следует подчеркнуть его заслуги как полководца и стратега, которые обычно замалчиваются. Гедимин был разносторонним монархом и политиком, осознавшим национальные и государственные нужды, возможности и опасности. В Европе тех лет небольшому и отсталому литовскому народу уже не осталось места, но успешное развитие литовского государства позволило его отвоевать. Гедимин понимал, какие шаги надо предпринять для этого и потому он упорно стремился к крещению. Как и Миндовг, он обогнал современное ему литовское общество и остался во многом непонят. Как и Миндовга, его следует считать крестителем Литвы, т. е. проводником, пролагателем дороги в Европу, хотя он и не достиг своей цели.

Гениальный создатель литературных портретов, Николай Гоголь пробовал свои силы и в истории. Гедимины он сравнил с великаном, которого окружали соседи-карлики. Историческая карьера Гоголя не задалась, и данной характеристике можно возразить: современниками Гедимины были поляк Владислав Локетек, татарин Узбек и русский Иван Калита, которых никак не назовешь карликами. А великие магистры Тевтонского ордена – Лютер Брауншвейгский, Карл Трирский и Дитрих Альтенбург? Однако представитель романтической историографии, мастер исторического портрета все-таки выбрал Гедимины. /123/

7. Поколение великих стремлений

а. Преодоление первого династического кризиса Гедиминовичей

Явнут (*Евнутий*) после смерти Гедимины завладел Вильнюсом и стал великим князем. Великокняжеское окружение уже оттеснило от трона боковые линии Гедиминовичей, и «братский» вариант прихода к власти Бутвида стал невозможен. Однако и Явнут должным образом не утвердился; он не только не был старшим сыном (старшим был Монивид), но и не главенствовал в иерархии братьев при живом отце: Кейстуту принадлежала резиденция субмонархов – Тракай, Ольгерд (он был старше Явнута) владел замком Крево и Витебском, Кориат – Новгородком (Новогрудком), Монивид – Кярнаве и Слонимом, а Вильнюс достался

Явнута лишь после смерти отца.

Противоречивые описания смерти Гедимины заставляют предположить, что она наступила внезапно. К тому же, иерархия сыновей Гедимины не успела устояться – свидетельством тому, например, положение Кейстута: второй столицей (Тракай) он владел лишь четыре года, заменив, вероятнее всего, брата, обладавшего статусом субмонарха-соправителя. Смерть Гедимины застала врасплох Кейстута, увязшего в делах Руси Ольгерда, а тем более – Явнута, не обладавшего преимуществами или получившего их в самый последний момент. Владения других братьев были мельче или дальше от центра, и голос их значил меньше. Спустя два года проявилась склонность Явнута к православию и его блокирование с Наримонтом-Глебом, уже принявшим православную веру. В свою очередь обозначился союз Кейстута и Ольгерда, твердо державшихся язычества. К этому союзу примыкали или, во всяком случае, с ним считались другие братья. Приход к власти Явнута усилил православную партию Гедиминовичей. Ясно и то, что Ольгерда и Кейстута такое положение не удовлетворяло с самого начала. /124/

Неожиданная или мало ожидаемая смерть Гедимины лишь подчеркнула те проблемы развития династии и власти, которые не могли не возникнуть при быстром переходе от ранней монархии к большой и неоднородной державе. Крепнущие феодальные отношения повышали значение отдельных резиденций, формировали из них постоянные центры власти. Домен уже раскололся на Вильнюсское и Тракайское княжества, поднимались Крево и Кярнаве, сходное значение обретал близко расположенный русский Новгородок. Если правитель подобного центра располагал сильной опорой не в домене (как Ольгерд в Витебске и Кейстут в Жямайтии), равновесие иерархии Гедиминовичей нарушалось. До определенного момента был возможен единственный выход: замедлять распад домена и не позволять укрепляться в больших русских владениях Гедиминовичам, которые там находились. Положение, занимаемое Явнутом, способствовало противоположному развитию событий. Великое княжество Литовское в будущем могло оказаться конгломератом разрозненных и взаимно почти не связанных княжеств.

Явнут пришел к власти, когда на границах с Тевтонским орденом еще было спокойно. В ночь с 22 на 23 марта 1343 г. произошло Великое восстание эстонцев (восстание Юрьевой ночи) в управляемой датчанами Северной Эстонии, втянувшее в свой водоворот силы и владения Ливонского ордена. Эстонцы были жестоко усмирены, и Дания в 1346–1347 г. продала Ордену Северную Эстонию. Государство крестоносцев еще более расширилось, однако все эти годы стоили ему, в особенности ливонской ветви, огромного напряжения. Литовцам, естественно, это было на руку. Только в 1343 г. крестоносцы предприняли поход в низовьях Немана, но и он был связан лишь с переносом замка Байербург в более удобное для Ордена место. В 1342 г. Ольгерд и Кейстут защитили Псков от нападения Ливонского ордена. Это позволило сделать псковским князем старшего сына Ольгерда, крещенного под именем Андрея. При отражении нападения погиб сын полоцкого князя Война (брата Гедимины) Любко. После смерти Война в том же 1342 г. Андрей стал полоцким князем, оставив во Пскове своим наместником Юрия, сына Витовта (этот Витовт – князь, не упоминаемый источниками). События вокруг Пскова и Полоцка выявили союз Ольгерда и Кейстута, укрепивших свое положение.

После смерти Болеслава-Юрия успешно складывались дела Любарта. Он утвердился во всей Волыни, его верховенство признал лидер галицкой знати Дмитрий Дедко. Попытка Польши занять Галицкое княжество и в 1340 г. не удалась и вызвала острую реакцию татар. По просьбе Дедко они в 1341 г. напали на Польшу. Вторжение татар полякам удалось отразить, но оно несколько лет /125/ удерживало Польшу от нападений на Червонную Русь.

Внешне благоприятные для Литвы события на самом деле таили в себе новые угрозы. Все происходило по инерции, без участия великого князя. Тем временем на всем западном пограничье Великого княжества Литовского назревали крупномасштабные военные действия. В 1339 г. умерла Анна, жена Казимира III Великого, и прервалась последняя, весьма слабая, связь между королем Польши и Гедиминовичами. Еще более проявилось

желание Казимира иметь надежный тыл на западе и двигаться на восток. В 1343 г. он заключил Калишский мир с Тевтонским орденом, отказавшись от Поморья. Он неспешно готовился к нападению на Любарта. Наибольшую опасность представлял Тевтонский орден, способный в любой момент возобновить набеги.

Группировка Ольгерда и Кейстута чувствовала эту опасность, а слабая власть Явнута располагала к попыткам ее свергнуть. Зимой 1344–1345 г. (вероятнее всего, в начале 1345 г.) Кейстут внезапным ударом занял Вильнюс. Ольгерд несколько запоздал к месту событий, но дружинники Кейстута уже схватили Явнута, пытавшегося бежать. переворот удался, Кейстут признал Ольгерда великим князем. В свою очередь Ольгерд признал исключительное положение Кейстута: Тракайское княжество стало вотчиной Кейстута и его наследников, было условлено некоторыми вновь обретаемыми владениями править сообща (это коснулось вскоре присоединенных Поднепровских волостей, также Кейстуту принадлежала определенная часть Вильнюса). Братья, за исключением Наримонта, признали итоги переворота. Явнут бежал в Москву и там осенью 1345 г. принял православие (под именем Иоанна), Наримонт нашел убежище у татар. Однако ни Москва, ни татары не собирались оказывать беглецам военную поддержку, поэтому оба они вскоре вернулись в Литву. Наримонту был возвращен Пинск, а Явнут получил Заславль и отдельные земли на Волыни. По смерти Монивида Кярнаве забрал себе Ольгерд, а Слоним – Кейстут.

В лице Ольгерда и Кейстута победила национальная часть иерархии Гедиминовичей, а сама иерархия вновь обрела сильного властителя. Вскоре после переворота Ольгерд расправился с православными придворными. Получила продолжение политика Гедимины. Ольгерд и Кейстут видели положение и понимали, что только согласные действия могут сделать и сохранить стабильной разрас- /126/ тающуюся Гедиминову державу. В этом смысле они и впрямь оказались способны действовать сообща (немецкая историография назвала их идеальной парой братьев). Однако это был субъективный фактор, а объективная реальность – окончательно выделенное Тракайское княжество, т. е. западная часть домена, включая русские Гродно, Брест (Берестье) и земли Подляшья. При таком положении фактор времени как бы не учитывался, хотя само время было по-прежнему неумолимо, его лишь «замедлила» деятельность Ольгерда и Кейстута.

Значение прихода Ольгерда к власти проявилось в том же 1345 г. В конце года в Пруссии собралось около 200 более и менее крупных властителей, среди них король Чехии Иоанн, маркграф Моравии Карл, король Венгрии Людовик Великий (он же Лайош I Великий или Людовик Венгерский), голландский граф Вильгельм IV, граф Гюнтер Шварцбург (позднее объявленный императором Германии). Из всех крестовых экспедиций эта задумывалась и была самой внушительной. Сгруппировал свои силы и Тевтонский орден. Целью похода были низовья Немана. Литовское руководство использовало накопленный опыт, должным образом оценив психологические особенности столь крупного соединения рыцарских и монарших сил. Вовремя пущенный слух о скором вторжении литовского войска в Самбию застал врасплох крестоносцев и их союзников, уже выступивших в поход. Они решили защищать свою землю. Литовцы не появлялись, время бежало, высокородное воинство не признавало общего руководства, кроме того, начинал действовать фактор возможной оттепели. Как и следовало ожидать, мощный кулак разжался. В это время Ольгерд вторгся в Ливонию. Литовцы уже вполне освоили осадную технику: они уничтожили замок Тервете и предзамковые укрепления Елгавы (Митава). Всё повергая огню и мечу, Ольгерд дошел до Турайды. Погибло около 2000 человек, многие были угнаны в плен. В Сигулде великого князя встретили восставшие против Ордена ливы. Их вождь просил литовцев о помощи и обещал признать их власть. Ольгерд услышал то, чего 80 лет назад так ждал и не дождался Тройнат, однако его реакция была противоположной. Узнав, что ливы желают изгнать немецких господ, литовский правитель велел отрубить их вождю голову и прибавил, что деревенщине не бывать королем.

Для Ливонского ордена, едва усмирившего эстонцев, этот удар был весьма чувствителен. За исключением действий, предпринятых по особой договоренности с

крестоносцами Пруссии в 1348 г., он фактически не нападал на Литву вплоть до 1358 г. Важнее всего, конечно, была компрометация руководства Тевтонского ордена и его военной /127/ доктрины. Козлом отпущения стал великий магистр Людольф Вейцау, которого в итоге постигло серьезное нервное расстройство. Так или иначе, но столько и таких представителей европейских династий уже никогда не приходило на подмогу Тевтонскому ордену. В этой операции Ольгерд проявил себя как даровитый стратег, способный не только добывать информацию, но и умело ее использовать, предвидя ход событий и обращая их во вред врагу (эту его особенность позднее подчеркивали русские летописи). Однако отношение к восставшим ливам продемонстрировало политическую ограниченность Ольгерда. Вельможное чванство, презрение к простонародью и поверженным племенам, упоение победой и погруженность в заботы текущего дня, – всё это затмевало грядущую перспективу и сущность событий. От Гедимины Ольгерд унаследовал державу и державное мышление, однако часто не усматривал скрытых возможностей, чем особенно выделялся его отец.

С результатами подобной политической ограниченности Ольгерд столкнулся позднее, а для второй половины сороковых годов решающим было солидное наследие Гедимины и впечатляющая победа 1345 г. На действия усилившихся сторонников Москвы (в Новгороде, 1346 г.) Ольгерд в 1347 г. ответил военным походом. Литовцы заняли Шелонь и Лугу; Порхов и Опочка откупились контрибуцией в 300 рублей, новгородское войско не осмелилось принять битву. В итоге всех этих неудач толпа, собравшаяся в Новгороде на вече, растерзала промосковски настроенного посадника Евстафия (*Остафия*) Дворянинцева. Великий князь Московский Семен Гордый не был избран князем Новгородским. В 1348 г. Новгород заключил с Литвой мир и принял нейтралитет. Около 1344 г. Любарт договорился с Казимиром Великим и защитил свои права на Волынь. Не прояснена зависимость Галицко-Волынского княжества, известно лишь, что в ту пору поляки завладели Санокком. Учрежденная заботами Любарта в 1337–1338 г. галицкая православная митрополия (фактически исполнявшая роль бывшей литовской митрополии) была ликвидирована усилиями Московского (всея Руси) митрополита в 1347 г. В борьбе против московской дипломатии уверенный в успехе Ольгерд совершил ошибку. В 1349 г. он неосмотрительно послал Кориата и его сына Эйкша к золотоордынскому хану Джанибеку, недооценив симпатий хана к Москве. Джанибек захватил литовских послов и выдал их великому Московскому князю Семену Гордому. Ольгерду пришлось выручать брата и племянника. Как только он отказался от претензий на земли в верховьях Оки (Верховские княжества), пленников отпустили. Компромисс был скреплен и родственными связями: в 1350 г. /128/ Ольгерд женился на сестре супруги Семена Гордого и тверского князя Михаила Ульяне (первая жена Ольгерда к тому времени умерла). Конец сороковых годов, как и прежде, демонстрировал военную мощь Литвы и дипломатический успех Москвы. Тогда было трудно предсказать, какая из сторон получит перевес.

Ольгерд понимал, что всё решает оборона на Немане, и стремился перенести военные действия на территорию Тевтонского ордена. В феврале 1347 г. он и Кейстут разорили Барту, угнав многих пленных. Весной, введя в заблуждение пограничную стражу крестоносцев, литовцы опустошили Самбию. Осенью Кейстут прошел походом от Рагайне до Вонсдорфа, где разгромил соединение крестоносцев (погибло 14 рыцарей). Победа на территории Ордена свидетельствовала об улучшившемся вооружении и организации литовского войска. Однако великий магистр Генрих Дусмер, сменивший в 1345 г. Людольфа Вейцау, наращивал силы для нового вторжения. В начале 1348 г. в Пруссию прибыли английские и французские рыцари, были собраны все силы Ордена. Хронисты преувеличивают, говоря о 40 000 воинов, но это действительно было огромное войско. В конце января оно, под командой маршала Зигфрида Дагенфельда и великого комтура Винриха Книпрое, вторглось в Литву. Удар был согласован с Ливонским орденом, магистр которого Госвин Герике в середине февраля разорил Жямайтию. Силы крестоносцев Пруссии растекались по низовьям Немана, они осмелились оставить позади себя Каунас. Нападение Ордена совпало с давно готовившимся

походом литовцев: кроме них самих, в операцию были втянуты силы из Владимира, Бреста, Полоцка, Витебска, Смоленска и Пскова. Под руководством Ольгерда и Кейстута, они преградили немцам дорогу на Тракай. Желая сберечь добычу, тевтонское войнство отступило. 2 февраля литовцы настигли их у реки Стревы. Битва на Стреве продемонстрировала излишнюю самоуверенность Ольгерда и в условиях боя. Бесшабашно преследуя неприятеля, литовцы и русские увязли в болоте, и естественная преграда, столь часто выручавшая их, стала на сей раз губительной. Руководство Ордена сумело перегруппировать силы, немцы контратаковали и оттеснили литовцев на речной лед, который не выдержал веса воинов и начал трескаться. Литовцев и русских обуяла паника, и они, понеся большие потери, отступили. Называя тысячи и даже десятки тысяч погибших литовцев и русских, хроники, вне сомнения, сгущают краски, но "потери были огромны, а поражение – очевидно. Погиб князь Наримонт.

Победа на Стреве дорого стоила и крестоносцам: пал комтур Данцига, войт Самбийского епископства, 50 отборных воинов при главном знамени. Тевтонцы не преследовали литовцев и поспешили отступить. Однако моральный эффект был велик. Тевтонский орден /129/ взял реванш за 1345 г. Магистр Ливонии в начале марта 1348 г. совершил второй поход в Северную Жямайтию и разрушил замки Кулай (близ Скуодаса), Буоженай, Дубису (Бубяй) и убежище куронских беженцев возле озера Бридвайшис. От псковичей и смолян, бившихся вместе с литовцами, о Стревском поражении узнали на Руси. Преувеличенные потери литовцев, указываемые русскими летописями (40 000), доказывают, сколь огромное впечатление произвела эта битва. Изменились настроения Пскова. После того как в 1348 г. Юрий Витовтович пал в бою с ливонцами, псковичи отказались принять предложенного Ольгердом наместника. В 1351 г. московское войско совершило нападение на Смоленск. В его лагерь прибыли литовские посланники с дарами, и подобного вежливого предупреждения хватило, чтобы москвичи повернули назад.

Тевтонский орден энергично использовал результаты Стревской победы. Весной и летом 1348 г. были опустошены земли Арёгала, Пернарава, Гайжува и Паштува, первый раз разрушен Велюонский замок (в плен угнано 150 человек). Но Литве помогла свирепствовавшая в Европе эпидемия чумы. Она отразилась и на связях Ордена со своим тылом в Германии. В 1349 г. литовцы восстановили замок Велюону. Тогда же был уничтожен Байербург. Шяуляйская земля, откупавшаяся от ливонцев и пропускавшая их войска, теперь включилась в общую оборону Жямайтии и всей Литвы. Так или иначе, сороковые годы окончились для Литвы полным устранением династического кризиса и сохранением возможностей экспансии, накопленных еще Гедимином.

б. Десятилетие возвышения Литвы

В 1350 г. компромисс между Литвой и Москвой был необходим обеим сторонам. Брачные связи Ольгерда дополнил Любарт, взяв в жены Ольгу, дочь князя ростовского Константина. Несколько позже (в 1356 г.) Кориат женился на дочери великого князя Московского Ивана II Красного. Однако по мере ослабления Золотой Орды обе стороны видели открывающиеся новые возможности и стремились ими воспользоваться. Все же в пятидесятых годах XIV в. открытого столкновения удалось избежать. Москва желала подчинить своему влиянию Смоленск. Ольгерд на это ответил временным присоединением Ржева в 1355 г. Суздальский князь Борис в 1354 г. взял в жены дочь Ольгерда Агриппину. С Ольгердом породнились князья новосильский и звенигородский. В 1356 г. умер брянский князь Василий, и его княжество вошло в состав Литвы. Москву начали окружать союзники и сателлиты Литвы. Москва в ответ на это упорно давила на Смоленск. После смерти смоленско- /130/ го князя Ивана в 1358 г., его сын и наследник Святослав отказался от литовского протектората, а москвичи выбили литовский гарнизон из Ржева. Ольгерд в отместку в 1359 г. отнял у Святослава Мстиславль и вновь занял Ржев. В ту пору или

несколько ранее у Смоленска была отнята и Белая. Смоленское княжество оказалось в полукружье литовских владений – с севера, запада и юга. Карачевский князь Святослав взял в жены дочь Ольгерда Феодору. Козельский князь Иван стал вассалом Ольгерда. Литва все глубже проникала в Центральную Русь.

Военное давление и династические связи Ольгерд стремился сочетать с церковной политикой, где его позиции были слабее. В 1352 г. он попросил у Константинопольского патриарха назначить митрополитом его кандидата – Феодорита. После отказа патриарха Феодорит отправился в Болгарию, и Тырновский патриарх рукоположил его в митрополиты не только Литвы, но и всея Руси. Константинопольский патриарх Филофей начал переговоры с Ольгердом, но в то же время (по смерти Феогноста) назначил митрополитом Руси московского кандидата Алексия. Возникло соперничество из-за общерусской митрополии, чего и добивался Ольгерд. В поисках компромисса Ольгерд отказался от Феодорита и выдвинул новую кандидатуру – родственника своей жены, тверского иеромонаха Романа. За его назначение Ольгерд обещал патриарху принять православие. В 1354 г. Константинопольским патриархом стал более благосклонный к Ольгерду Каликст. Он в 1355 г. назначил Романа митрополитом всея Литвы (отделив Киев). Это не отвечало чаяниям Ольгерда, но отдельную православную церковную провинцию он все-таки получил. Хотя политические связи с патриархом Тырновским оборвались, упрочились связи православных Великого княжества Литовского и Болгарии, и это принесло неплохие плоды в будущем. Обещанное Ольгердом принятие православия свидетельствовало об определенном повороте литовской политики: восточное направление по важности сравнялось с западным. Начали сказываться определенный отрыв Вильнюсского княжества от борьбы с Тевтонским орденом и успешная экспансия на Руси. Этот успех воздействовал не только на Ольгерда – образ мощной Литвы распространился по всей Восточной Европе. Именно такой Литву воспринял и изобразил византийский историк Никифор Григорий (ум. в 1360 г.).

Последствия чумной эпидемии Тевтонский орден ощущал до 1352 г. Эффект, вызванный победой на Стреве, понемногу тускнел. Изменилась ситуация в Центральной Европе. В 1346 г. погиб Иоанн Люксембургский, а его преемник Карл I всё внимание удел /131/ лил экономическому развитию Чехии и улучшению ее администрации. В 1347 г. он стал еще и императором Германии (Карлом IV). Особенно близкие крестоносцам Виттельсбахи остались всего лишь Баварскими герцогами. Король Венгрии Людовик Великий еще более сблизился с польским королем Казимиром Великим. Всё это отдалило от Тевтонского ордена самые могучие династии Центральной Европы, однако правители и рыцари мелких земель наводняли Пруссию еще обильнее, чем в первые десятилетия XIV в. Главное, что в середине XIV в. заметно возрос экономический потенциал управляемой крестоносцами Пруссии, и это умножило военную мощь Ордена. В 1352 г. великим магистром стал талантливый воин, администратор и дипломат, стревский триумфатор Винрих Книпрوده. Именно при его правлении участились и усилились нападения на литовское порубежье. Их предпринимали гарнизоны тевтонских пограничных замков, а сеть таких замков стала более густой.

Приграничный геноцид в пятидесятых годах еще не получил большого размаха, и в Литве не осознали его опасности, а если и осознали – не нашли средств и способов для отражения внезапных и частых нападений. Вместе с тем Винрих Книпрوده с самого начала возобновил более глубокие рейды. В феврале 1352 г. великий магистр, поддержанный европейскими крестовыми войнами, одним ударом опустошил земли Арёгалы, Расейняй и Гайжувы, однако грянувшая оттепель заставила его бросить добычу и пленных. Литва уже успела собрать войско. Ольгерд и Кейстут повели его к низовьям Гилии. Разделив армию на пять частей, они разорили пространства вплоть до Павандяняй, Шакаяй, Каймаса и Лабгувы и захватили до 2000 пленных. В походе участвовали и смоляне. В первой половине пятидесятых годов Тевтонский орден более серьезных походов не предпринял. Тем временем литовцы опустошили значительные площади Пруссии в 1353 г. (был разрушен замок Рёссель) и 1354 г. (разрушен замок Вартенберг). В 1355 г. между Литвой и Орденом

велись переговоры. В середине пятидесятых годов положение стало меняться: в 1355 г. крестоносцы при поддержке австрийского герцога Альберта разорили земли Мядининкай, Арёгалы и Вайкяй. Ольгерд и Кейстут в 1356, возможно, в 1357 г. ответили большим походом, достигнув Алленштейна и Гутшадта. Передышка первой половины пятидесятых закончилась, но перевеса Орден так и не получил. /132/

Воины Владимира (т. е. Любарта) бились в сражении у Стревы не случайно. Присоединение Волыни к Великому княжеству Литовскому делало ее частью общей оборонительной системы, а польская угроза формировала единый западный фронт от низовий Немана до верховий Южного Буга. Главным организатором этого фронта был Кейстут. Казимир Великий в конце 1348 г. окончательно замирился с Чехией, а летом 1349 г. подтвердил Калишский мир (1343 г.) с Тевтонским орденом. Воспользовавшись поражением литовцев у Стревы, он осенью 1349 г. занял Галицкое княжество, значительную часть Волыни (Любарту остался лишь Луцк), а также Подлясье и Брест – владения Кейстута. Эта операция была частью большой политической кампании. Король Польши не только был активным участником соглашений с Чехией и Тевтонским орденом, он также взялся посредничать между папским престолом и Литвой относительно крещения последней. Под его влиянием папа Климент VI 10 сентября 1349 г. отправил Кейстуту буллу, в которой одобрял желание креститься и обещал короновать его. Гнездинскому архиепископу было поручено организовать «кампанию по окрещению» Литвы. Этой акцией Казимир Великий стремился включить будущие приходы Литвы в Гнездинское архиепископство и вместе с тем ввести в заблуждение Кейстута накануне войны.

Трудно сказать, почему о крещении переписывались с Кейстутом, а не с Ольгердом. Возможно, причиной тому само положение Кейстута, возможно – желание посеять раздор между правящими князьями, а возможно – признаваемое кое-кем гипотетическое пребывание Кейстута великим князем в 1349–1351 г. Не отметая планов Казимира Великого о расширении Гнездинского архиепископства, его заботу о крещении Кейстута следует считать тактическим маневром, ибо военные действия он начал еще до того, как Кейстут получил буллу Климента VI. Победы Казимира сделали неактуальным предложение папы: главным для Кейстута стало возвращение утерянных земель. В мае 1350 г. Кейстут вторгся в Польшу, разорил Луковскую, Радомскую, Сандомирскую и Ленчицкую области. В Мазовии литовцы разрушили Черский и Варшавский замки, но были разбиты у Сохачева настигшим их войском Казимира Великого. Как и многие средневековые сражения, эта битва мало на что повлияла. В августе того же года литовцы отвоевали Брестский, Владимирский и Белзский замки и опустошили Львовскую область. Вмешательство главных сил Великого княжества Литовского изменило ситуацию: опытное войско Кейстута умело брать замки и покоряло обширные пространства. Победы были омрачены лишь тем, что Любарта взяли в плен.

Военные действия 1349–1350 гг. показали, что Литве легче удержаться на Волыни, а Польше – в Галиче. Вопрос о крещении Литвы, вне зависимости от исхода боевых действий против Казимира Великого, как свидетельствуют дальнейшие события, не был снят с повестки дня. Лелеющему грандиозные планы Казимиру Великому (по меньшей мере, он рассчитывал занять Волынь) понадобилась помощь папы и Венгрии. В 1350 г. Казимир Великий сообщил папе о соглашении между литовцами и татарами относительно создания на русских землях католической митрополии. Папа в марте 1351 г. выделил польскому королю половину взимаемой десятины. Летом 1351 г. в Люблине собрались силы Польши, Венгрии и Мазовии. Ввиду болезни Казимира Великого их повел на Литву Людовик Венгерский. Король Венгрии вторгся в русские земли Тракайского княжества, где его встретило войско Кейстута. После начала переговоров был заключен военный союз: условлено, что Кейстут вместе с братьями и всем народом примет крещение, а Людовик у папы выхлопочет для него корону и поможет вернуть земли, отторгнутые Тевтонским орденом. Кроме того, король Венгрии освободил из неволи Любарта, а Кейстут пообещал не взимать мыта с венгров, прибывающих в Великое княжество Литовское. Военные действия

были прекращены. Кейстут с венграми отправился в Буду, где должен был принять крещение, но по дороге бежал.

Подобно Казимиру Великому осенью 1349 г., Кейстут использовал переговоры о крещении как тактический ход. Все-таки, само постоянное наличие в повестке дня вопроса о принятии христианства указывало на его актуальность. Однако, как и в отношениях с Тевтонским орденом, тут всё решали военные действия и они возобновились, поскольку Польша и Венгрия не оставляли попыток присоединить Волынь. В марте 1352 г. войска Казимира Великого и Людовика Венгерского осадили замок Белз, обороняемый Юрием Наримонтовичем (в феврале Ольгерд с Кейстутотом отражали нападение крестоносцев). Ранение Людовика, а также вторжение татар в Галицкую и Люблинскую земли привели к компромиссу: Юрий Наримонтович удержал Белз, но был принужден стать вассалом не Великого княжества Литовского, а Венгрии. Это было временной уступкой. Осенью 1352 г. заключен договор о двухлетнем перемирии. Галич (Галиция) признавался за Польшей, Волынь (а также Белз и Хелм) – за Литвой. Вскоре этот договор был нарушен. В мае и июле 1353 г. Любарт разорил Львовскую и Галицкую, а сентябре – Завихостову земли. Казимир Великий в 1354 г. договорился с татарами, а в 1355 г. при поддержке венгров, татар и мазовшан (10 ноября 1354 г. папа Иннокентий VI специальной буллой объявил о крестовом походе) напал на Волынь, но большого успеха не добился. Вопрос о крещении Литвы вновь оказался в повестке дня международной дипломатии (Казимир Великий просил подключить к этой акции также королей Чехии и Венгрии). 17 декабря 1357 г. король Польши в письме папе сообщил, что литовцы хотят креститься, и повторил просьбу о присоединении их будущих храмов к Гнездинскому архиепископству.

Казимир Великий, без сомнения, исходил из тактических соображений. Однако, как и в 1349 г., он руководствовался не только ими, понимая, что крещение Литвы при посредстве Польши повысит и укрепит польское влияние. Но для начала требовалось обеспечить прочный и широкий фундамент для подобной акции, и Казимиру это удалось. 21 апреля 1358 г. Карл IV (I) направил властителю Литвы послание с предложением принять католическую веру. В качестве императорского агента с правителем Литвы поддерживал связь Генрих Плауэн, проклинаемый хронистами Тевтонского ордена за отступничество. Верхушка Гедиминовичей положительно отозвалась на предложение императора (некоторые исследователи наиболее древний фундамент вильнюсского кафедрального собора датируют не XIII, а серединой XIV в., связывая это с переговорами 1358 г.). В июле-сентябре 1358 г. один из братьев Ольгерда посетил Карла IV (I) в Нюрнберге и пообещал, что монарх Литвы на пасху прибудет во Вроцлав для крещения. 21 июля последовало второе письмо Карла IV (I) с тем же предложением.

В письмах Карла IV (I) Литва именовалась Ливонией. Это указывает на не самую лучшую осведомленность короля Чехии. Однако, подтвердив прежние концессии, данные императорами Германии Тевтонскому ордену, он не включил в список Балтийских областей Литву, подаренную Ордену Людовиком Баварским (1337 г.). Вскоре Карл IV (I) отправил в Литву делегацию, представлявшую как Чешское королевство, так и германские имперские инстанции: архиепископа Пражского Эрнеста из Пардубице, опавского князя Николая и магистра Тевтонского ордена Вольфрама Неленбурга.

Личность Карла IV (I) соединила династию Люксембургов и /135/ светскую верхушку европейской монаршей иерархии. Слились в один два варианта крещения – запоздалый проект Гедимины и предвидение его прозорливого советника Николая. Возникновение и существование Литовской державы отдавало в руки Ольгерда то, что Миндовгу пришлось усваивать как новичку и к чему следовало стремиться, пользуясь посредничеством вчерашнего и завтрашнего противника. Как и Гедимин, Ольгерд воспринимал крещение как ответственный политический шаг и выдвинул собственную программу принятия христианства, согласно которой вся Русь должна была принадлежать Литве, а Тевтонский орден обязан переселиться на пустынный юг Руси для защиты христиан от татар. По выселении Ордена Литве предстояло присоединить балтские земли, отодвинув западную

границу до Алны и Преголи, а северную – до Даугавы.

То, чего требовал Ольгерд, было идеальной моделью вхождения Литвы в Европу и не менее идеальным вариантом развития и преуспевания Литовской державы. Санкциями императора относительно Руси следовало юридически обезопасить восточную экспансию Литвы от претензий крестоносцев. Удаление Тевтонского ордена с Балтики решило бы проблему «немецкой веры» внутри Литвы и избавило от соседства, опасность которого наглядно демонстрировали примеры Польши, лишившейся Поморья, и Гедимина с его неудавшимся крещением 1323 – 1324 г. Претензии на территорию немецких колоний были весьма умеренны: немецкое феодальное землевладение и сеть церковной организации были бы чужеродным телом в структуре Литовского государства; их дозу следовало ограничить.

Увы, этой умеренности в решении существенных вопросов Ольгерду как раз не доставало. Ольгерд говорил как державный монарх, полагавшийся лишь на свою силу. Подобный образ мышления превращал крещение в средство политической тактики, но не стратегии, – в жупел, которым удобно жонглировать как на востоке, так и на западе. Тем самым Ольгерд потерял реальную политическую перспективу, которую в свое время сумели осознать вчерашний викинг Миндовг и творец державы и державной политики Гедимин. План Ольгерда был заманчивым, но не реальным (схожую территориальную программу, но при заведомо лучших исходных позициях, удалось осуществить Польше лишь 100 лет спустя). Отложив этот план на будущее, следовало избрать промежуточный вариант с тем, чтобы решить главный вопрос о католическом крещении, однако для Ольгерда этот вопрос не был главным. Нереальность требований завела переговоры в тупик – делегация Карла IV (I) покинула Литву. На пасху император приехал во Вроцлав, но никого из Литвы не дождался. Крещение не состоялось. /136/

Ольгерд не использовал выгодную возможность, предоставленную ходом событий, в целом удачных для Литвы. Эти удачи, особенно на востоке, породили излишнюю уверенность в собственных силах. Конечно, этим пороком страдал не один Ольгерд, так полагали многие его современники. Региональная «История человечества» Г. Гельмольта метко определяет Литву той поры как одного из гегемонов восточной части Европы. Однако происходили сдвиги, которых Ольгерд не заметил. Самое важное, что он по достоинству не оценил опасность отрыва Литвы от процессов развития всей Европы.

в. Определение границ экспансии Великого княжества Литовского

В том же 1358 г., когда проходили переговоры между Ольгердом и Карлом IV (I), Ливонский орден возобновил нападения: магистр провинции Госвин Герике в Шяуляйской земле разрушил замок Дубиса (Бубяй). Вскоре он опять вторгся в Жямайтию, на которую с юга напал великий магистр Винрих Книпрде. Это была согласованная операция. В 1359 г. ливонцы разгромили окрестности Папиле, а в феврале 1360 г. – землю Упите. Литовцы активно оборонялись: в 1359 г. они совершили поход в Ливонию, в феврале 1361 г. опустошили окрестности Лиелварде и Елгавы (Митава). Ливонцы рассчитались за это в 1361 г. рейдом в Северную Литву. Крестоносцы Пруссии в 1359–1361 г. значительных походов не предпринимали, а две экспедиции приостановили сами, не решившись атаковать противника. Однако в 1361 г. их разведчики детально обследовали окрестности Каунаса: Винрих Книпрде готовил большую и согласованную операцию обеих орденских группировок. Как нарочно, в 1361 г. во время случайного столкновения Кейстут попал в плен к крестоносцам (историк Дарюс Баронас обратил внимание на то, что источники весьма неопределенно описывают это обстоятельство). Приблизительно в ноябре того же года ему удалось бежать, но устранение на полгода ведущего литовского военачальника, особенно в преддверии важных событий, было на руку крестоносцам.

В середине марта 1362 г. войско и флот крестоносцев Пруссии достигли Каунаса. Вел

их Винрих Книпроде, его сопровождали главный маршал и многие комтуры. В походе участвовали рыцари из Германии, Англии и Италии. Удар, нацеленный в самый центр литовской оборонительной системы на Немане, был тщательно технически подготовлен. Крестоносцы отрезали замок от берега рвом, /137/ соединившим Неман с р. Нярис и усиленным валами и изгородью. Кейстут уже поспешил на помощь Каунасу, однако крестоносцы отбросили и изолировали его воздвигнутыми укреплениями. Многочисленные плотники изготовили огромные тараны, крытые галереи и зажигательные башни. Подошел Ольгерд со своими дружинами, но и их не хватило для снятия осады. Литовцы смогли только затянуть ее на две недели, пока кольцо окружения полностью не сомкнулось. Штурм крепости занял более двух недель, ибо осажденные под началом сына Кейстута Войдата упорно и изобретательно защищались. Литовцы уже стреляли из луков (правда, в состав гарнизона входили и русские стрелки), изготовляли стрелы, успевали быстро заделывать бреши в стенах. 10 апреля по Неману приплыл магистр Ливонии со своим подкреплением. Штурмовали посменно, не давая осажденным спать. 16 апреля (в великую субботу) Каунасский замок пал. Несколько сотен воинов гарнизона бились буквально до последнего, в плен попали 36 человек во главе с самим Войдатом, бросившихся на прорыв (их жизни спасло лишь высокое положение командира). Но укрепляться в Каунасе крестоносцы не решились: отслужив обедню в пасхальное воскресенье, уже в понедельник крестовое воинство выступило и отплыло в Пруссию. Ольгерд и Кейстут также не рисковали преследовать неприятеля.

Разрушение Каунаса было качественно совершенно новой операцией, обозначившей новый этап войны. Она свидетельствовала о некотором прогрессе в военной-технической подготовке литовского войска, но вместе с тем показала, что он недостаточен и отставание от Тевтонского ордена не преодолено. Однако и немцам потребовался целый год для возобновления нападений. В 1363 г. крестоносцы разрушили замок Нового Каунаса, наскоро сооруженный для прикрытия старых стен, и на том же месте построили свой замок Готтесвердер, уничтожили замки Пештве и Велюону и опустошили пространства от Арёгалы до Шеты. Оборонительная система на Немане была прорвана, а боевые действия перенесены в Центральную Литву. Участник осады Каунаса, Ливонский орден напал на Северную Литву еще трижды в 1362 г. и дважды в 1363 г. Замок Готтесвердер литовцы вскоре разрушили и отстроили Велюону, но в этом месте уже не утвердились. В 1364 г. Винрих Книпроде и магистр Ливонского ордена Арнольд Фитингхоф договорились соединить свои силы уже в Центральной Литве и осуществили замысел; крестоносцев поддержал пфальцграф Роберт II. Силы обоих магистров, соединившиеся в Жямайтии, достигли окрестностей Укмярге. Кейстуту удалось уничтожить продовольственные и фуражные запасы ливонцев, что затруднило их обратный поход, но было очевидно, что земли за Каунасом уже не /138/ находятся в безопасности. Осенью 1364 г. Кейстут разорил земли епископа Самбии, но это не меняло существа дела.

Ухудшение обороны западных рубежей не сразу сказалось на восточной литовской экспансии. Литве было на пользу убийство золотоордынского хана Джанибека в 1357 г. и смерть великого князя Московского Ивана Красного в 1359 г. Власть в Золотой Орде стала переходить из рук в руки, а Москву наследовал несовершеннолетний сын Ивана Красного Дмитрий. В 1362 и 1363 г. Ольгерд изгнал из Подолья (Понизья) правивших там мелких татарских ханов и присоединил его к Великому княжеству Литовскому. Примерно в то же время он удалил своего дядю Федора из Киева, присоединив его к литовскому государству. Подолье досталось Кориату и его сыновьям, Киев – сыну первой жены Ольгерда Владимиру. Митрополит Роман учреждал свою церковную власть повсеместно, где только проявлялись политическая власть и влияние Литвы. В конце пятидесятых годов успешно складывалась дела на юго-западе. Южные границы Тракайского княжества подтверждались договором 1358 г. между Кейстутом и князем Мазовии. При посредничестве Казимира Великого дочь Ольгерда, получившая христианское имя Иоанны, вышла в 1360 г. замуж за штеттинского князя Казимира IV; однако этот брак не изменил литовско-польских отношений (Иоанна

умерла в 1368 г.).

Влияние Москвы на севере и востоке Руси крепло вне зависимости от малолетства ее великого князя. Важную роль тут сыграли Сугерий и будущий православный святой – митрополит Алексей, выдающийся дипломат и организатор. Церковная политика всегда была ахиллесовой пятой Литвы, к тому же в 1361 г. умер митрополит Роман. Нового митрополита Литвы Константинопольский патриарх не назначил. Дмитрий Московский одержал победу над князем суздальским в споре за титул великого князя Владимирского. Дмитрий Суздальский принял сторону Московского Дмитрия и с его помощью отобрал Нижний Новгород у своего брата, зятя Ольгерда Бориса. Он же, ради укрепления союза, в 1366 г. отдал за Дмитрия Московского свою дочь. Устранив влияние Литвы на своих восточных границах, Дмитрий Московский начал оказывать давление на Тверь. Это уже был прямой вызов Ольгерду, и Дмитрий готовился к открытой борьбе. В 1367 г. московское деревянное укрепление (Кремль) было заменено каменной крепостью. При поддержке митрополита Алексея и Дмитрия Московского вассалы тверского князя Михаила Василий и Иеремия в 1367 г. заняли Тверь и принудили Михаила бежать в Литву. С помощью литовцев Михаил осенью того же года вернулся в Тверь. В ответ на это Дмитрий Московский осенью 1368 г. сам совершил поход на Тверь. Михаил вновь был вынужден спасаться в Литве. /139/

Ольгерда эти события застали в то время, когда особенно ухудшилось положение на западных рубежах. Успехи Ордена в начале шестидесятых годов затронули даже семью Кейстута. В июле 1365 г. к крестоносцам бежал сын Кейстута Бутовт с двумя близкими родственниками Сурвилами (вскоре они были приняты в Тевтонский орден под христианскими именами Иоанна и Фомы). Руководство Тевтонского ордена сумело сделать Бутовта своим ставленником. При участии епископов Вармии и Самбии, а также английских и немецких крестоносцев, он был крещен в Кенигсберге под именем Генриха. В середине августа был подготовлен большой поход с целью доставить Бутовта прямо в Вильнюс. Войско Ордена через низовья Немана и Жеймьяй дошло до Укмярге, переправилось через Нярис близ Папарчяй. Достигнув Вильнюса, крестоносцы подожгли его предместья. Мощных вильнюсских замков они не трогали, им также не придало уверенности бегство четверых слуг Бутовта. Стало ясно, что этот авантюрист не имеет в стране никакой опоры, поэтому крестоносцы повернули назад. При отступлении они сожгли замки Майшыгалу и Кярнаве (тут пострадал и город), предусмотрительно покинутые гарнизонами, а также разорили землю Шлавайшува близ Каунаса. Бутовта приютил король Чехии, до самой смерти изменника (в 1380 г.) титуловавший сына Кейстута князем Литвы.

Если не считать вторжений Андреаса Штирланда и Бурундая (совершенных в разительных условиях), враг впервые достиг литовской столицы. Знаменательно, что литовские гарнизоны были вынуждены покинуть свои замки (даже мощный Кярнавский), а подобное случалось только в приграничье, да и то крайне редко. Как и ранее, силовое давление Ордена шло волнами: в 1366 г. для разграбления областей Паштувы, Арёгалы, Велюоны и Раудоне потребовалось лишь два похода, причем весьма скромного масштаба. Зато в 1367 г. крестоносцы Пруссии разрушили восстановленный Новый Каунасский замок, дошли до Павандяняй и Варлувы (за Каунасом), в 1368 г. – взяли замок Стрева. Событиями на Волыни можно объяснить малую боевую активность Кейстута в 1366–1368 г. Ливонский орден в эту пору опустошал Северную Литву (преимущественно землю Упите): в 1365 г. – трижды, в 1367 – дважды, в 1368 г. – дважды. Винрих Книпроеде осенью 1367 г. разрушил Велюону, а летом 1368 г. в том же районе построил замок Мариенбург. Литовцы отквитались в 1365 г. разрушением замков Ангербург, Скальвяй, Рагайне и Каустричяй. Перевес был явно на стороне крестоносцев, они начали утверждаться близ Немана.

Ухудшилось положение Литвы и на Волыни. Под давлением татар и поляков, до первой половины 1363 г. два сына Кориата – Юрий и Александр – были вынуждены признать верховенство короля Польши в Подолье. Летом 1363 г. Казимир Великий принудил стать своим вассалом белзского князя Юрия Наримонтовича. Любарт сражался с поляками до 1366 г. Мирный договор того же года признал за Польшей Владимир-Волынскую область

(там польским вассалом стал Александр Кориатович). Договор подтвердили Ольгерд, Кейстут и Явнут. Кейстут в некоторой степени рассчитался за это в 1368 г., разрушив четыре замка в Мазовии. Это чуть позже позволило Юрию Наримонтовичу избавиться от польской зависимости.

При таких обстоятельствах Ольгерд вступил в открытый бой с великим князем Московским. В ноябре 1368 г. литовское войско под руководством Ольгерда и Кейстута внезапно вторглось в земли Московии. К нему присоединились силы Твери и Смоленска. Дмитрий Московский не ждал столь внушительного нападения. Воспользовавшись замешательством противника, Ольгерд шел вширь и вглубь, истребляя разрозненные отряды москвичей (пали стародубский князь Семен и князь Константин Оболенский). Передовое московское соединение, поддержанное полками Коломны и Дмитрова, литовцы разбили 21 ноября у р. Тростны; командиры соединения – воевода великого князя Дмитрий Минин и воевода серпуховского князя Владимира Акинф Шуба – погибли. Вероятно, именно в этих битвах получил боевое крещение сын Кейстута, восемнадцатилетний Витовт. Великий князь Дмитрий заперся в каменном Московском кремле. Великолепно понимая, насколько рискован штурм такой крепости в отрыве от коммуникаций, Ольгерд три дня разорял окрестности Москвы. Литовская знать увеличила свои богатства за счет множества подмосковных церквей и монастырей. Обратное литовское войско шло по не тронутым войной областям, которые также подверглись разграблению. Удар Ольгерда был впечатляющим. Михаил возвратился в Тверь, Дмитрий отказался вмешиваться в дела Тверского княжества. Спорные земли отошли Михаилу, ему был выдан непокорный вассал Иеремия. Первое столкновение Литвы и Москвы закончилось однозначной победой Ольгерда. Такова была внешняя сторона событий, но имелся и более глубокий смысл. Ольгерду пришлось пройти почти 1000 километров, Дмитрий же оставался на месте и у него всё было под рукой, поэтому по степени напряжения их позиции несравнимы. При этом Ольгерд отвлекал силы оттуда, где они были всего нужнее. Русские союзники помогали Ольгерду под страхом проклятия, которым грозил митрополит Алексей. Поэтому будущее определялось не вторжением литовского войска, а его отходом от Москвы.

Дмитрий это прекрасно понял. Еще во время Ольгердова похода отряды москвичей пытались атаковать Смоленскую землю. В 1370 г. они же напали на Брянск и Тверь. Михаилу вновь пришлось бежать в Литву. Во второй половине ноября 1370 г. Ольгерд и Кейстут вновь выступили на Москву. Дмитрий уже собрал внушительное войско и продолжал подкреплять его новыми силами. Готовые к битве отряды преградили дорогу литовцам под Волоколамском (*Волоком Ламским*). Литовцы их разгромили, но даром потратили время, штурмуя Волоколамскую крепость (там погиб опытный московский полководец, березуйский князь Василий). Ольгерд снял осаду и вновь подступил к самой Москве. Здесь он простоял восемь дней, предав округу огню и разору. В то же время были начаты переговоры с Дмитрием. Последнему была ясна цель Ольгерда: литовцы не собирались брать Москву, но стремились унижить и ослабить Московского великого князя. Это не могло не волновать Дмитрия, но и Ольгерда тревожило накопление свежих русских сил в Перемышле и Пронске (Рязанское княжество). Перемирие оказалось на руку обеим сторонам, и оно было заключено. Ольгерд вернулся, властно продиктовав условия соглашения, а много наобещавший, но оставшийся невредимым, Дмитрий мог и не выполнять своих клятв. Однако внешне оба соперника хотели продемонстрировать добрую волю: двоюродный брат Дмитрия, серпуховско-боровский князь Владимир Храбрый, женился на дочери Ольгерда Елене.

Оба московских похода совершались в условиях разраставшейся войны с крестоносцами. В апреле-мае 1369 г. Винрих Книпроде, разрушив отстроенный Новый Каунас, на том же месте вновь возвел Готтесвердер. В августе-сентябре литовцы осадили и взяли Готтесвердер, усилили его собственным предзамковым укреплением и восстановили Новый Каунас. В ноябре главный маршал Ордена Хенинг Шиндекопф разрушил все три литовские крепости. Повторилась трагедия 1362 г.: поспешивший на подмогу Кейстут

пытался спасти замки, но не смог им помочь. Утвердиться в окрестностях Каунаса литовцам не удалось. В начале 1370 г. маршал Ливонии Андреас Штенберг разорил Упите, а комтур Кулдиги – землю Мядининкай. /142/

Стремясь уравновесить активность Ордена, Ольгерд и Кейстут во главе большого литовско-русского войска в феврале 1370 г. вторглись в Самбию. Был взят замок Рудава. Близ него литовцев настигли крестоносцы под началом Винриха Книпрوده. Великому магистру удалось разрезать силы Ольгерда и Кейстута. Последний был вынужден отступить. Ольгерд успел закрепиться в лесу, но и оттуда был выбит. Поле боя осталось за крестоносцами, но это была Пиррова победа. Пали их самые видные вожди – главный маршал Хенинг Шиндекопф (ему в лицо попало брошенное литовцем копье), комтур Бранденбурга Конрад Гаттенштейн и вице-комтур Генрих Штокхейм, комтур Редена, 26 рыцарей Ордена и 3 рыцаря-крестоносца из Европы. Хотя у литовцев уже были лучники, все же они предпочитали метать легкие копья (при схожих обстоятельствах погиб под Волоколамском князь Василий). Это умение особенно вырuchало в ближнем бою, однако оно одновременно свидетельствовало, как неравномерно проявлялся прогресс в литовском военном деле.

Проиграв бой близ Рудава, Ольгерд и Кейстут все же достигли своей тактической цели: превентивный удар по Ордену был нанесен. В таких условиях Ольгерд в конце 1370 г. мог выступить на Москву. Суть, однако, заключалась в том, что действие подобных превентивных ударов было не долгим. Еще в том же 1370 г. крестоносцы одним махом разорили пространства, для опустошения которых ранее требовался отнюдь не один поход. Это были Кальтиненай, Видукле, Вайкяй, Расейняй, Арёгала, Гайжува, Паштува. Кейстут кружился как белка в колесе: в середине 1370 г. он разорил окрестности Ортельсбурга, в начале ноября помогал Любарту на Волыни, во второй половине месяца уже шел вместе с Ольгердом на Москву. Военные действия против поляков (они совпали со смертью Казимира Великого, последовавшей 5 ноября) были успешны: литовцы заняли Владимир и все Волынские земли, утраченные по договору 1366 г.

Литовские князья и воины не слезали с коней. Ресурсы военной монархии, переросшей в великую державу, еще приносили плоды. В начале семидесятых годов (если это не произошло в конце шестидесятых) к Великому княжеству Литовскому были присоединены Чернигов, Новгород-Северский (их получил сын Ольгерда Корибут), Стародуб, Рьльск (доставшиеся Патрикею Наримонтовичу) и Трубчевск (которым стал управлять ранее утвердившийся в Брянске сын Ольгерда Дмитрий). Второй поход Ольгерда на Москву произвел достаточно сильное и длительное впечатление. Михаил Тверской даже был утвержден Золотой Ордой в качестве князя Владимирского. На стыке 1370–1371 г. Ольгерд обратился к Константинопольскому патриарху Филофею с жалобой на митро- /143/ полита Руси Алексия. Жалоба была вполне обоснованна, в ней говорилось об огромных расходах, произведенных Алексием в очевидно политических целях и легших тяжким бременем на всю русскую Церковь. Умудренный Филофей отнесся к жалобе со всей серьезностью и отправил в русские епископства своего уполномоченного Киприана. С этим болгарским священнослужителем Ольгерд нашел общий язык. Тяжба Киприана и Алексия затянулась, однако она успела ослабить влияние Алексия в православных приходах Великого княжества Литовского. На сей раз великий князь Московский, благоволивший Алексию, был вынужден проявить непослушание духовному центру православной Церкви. Впервые религиозная политика Ольгерда привела к стойкому успеху. Казалось, его походы на Москву оправдались. Однако потенциал Москвы и казна ее правителя делали свое дело. Организованная Дмитрием Московским коалиция русских князей не пустила Михаила Тверского во Владимир, а сам Дмитрий подкупил ханских представителей, сопровождавших тверского князя. Михаила Тверского начали утомлять мелкие уколы, переросшие в подлинную войну. Наконец в эту войну вмешался сам великий князь Московский. Михаилу вновь понадобилась помощь Литвы. Весной 1372 г. Тверь поддержали отдельные литовские части под началом Кейстута, его сына Витовта и сына Ольгерда – Андрея Полоцкого.

Однако этого не хватило, и летом 1372 г. Ольгерд был вынужден вновь идти походом на Москву. /144/

Третий московский поход был особенно тяжел для Ольгерда, ибо положение на западном фронте делалось угрожающим. Теплая зима 1371 г. помешала Винриху Книпруде совершить поход, ставший уже традиционным для начала года. Однако в конце зимы и весной ливонцы тремя нападениями разорили большую территорию – долину среднего течения Упите и Нявежиса. Летом крестоносцы Пруссии опустошили Мядининкай, Видукле, Арёгалу, Гайжуву и Паштуву. Дважды они достигали окрестностей Дарсунишкиса: военные действия грозили переместиться в среднее течение Немана. На стыке лета и осени ливонцы разграбили всю землю Упите, затронув соседние области между реками Нявежис и Швянтойи, а также Жямайтию. Приграничный геноцид уже превратил в пустошь низовье Немана, юго-западную Жямайтию и земли в Занеманье. В такой ситуации отвлечение крупных сил на восток делалось чрезвычайно рискованным. Тем временем Дмитрий Московский основательно подготовился. Он встретил Ольгерда и верных ему тверяков у Любутска, где и разбил литовский авангард, неосмотрительно оторвавшийся от главных сил. Уже в этом проявился стратегический талант Дмитрия, спустя восемь лет определивший события мирового значения: он не соблазнился частичным успехом и остался на укрепленной лесистой местности за глубокой балкой. У Ольгерда не было выбора: медлить не позволяла тевтонская опасность, а нападение, даже в случае удачи, грозило недопустимыми потерями. Вновь последовало перемирие, но теперь условия диктовал Дмитрий. Мир в подобных условиях означал не что иное, как отдание Твери на волю судьбы, т. е. Москвы. Любутск был тактической и моральной победой Москвы. В 1373–1374 г. Москва тревожила Тверь мелкими вооруженными нападениями, но Литва уже не реагировала. В конце лета 1375 г. москвичи осадили город и замок Тверь. Михаил был вынужден покориться Дмитрию. Литва не смогла защитить своего верного и активного союзника на Руси. В 1375 г. патриарх Константинопольский Филофей официально поручил Киприану вершить дела православных верующих Великого княжества Литовского. Однако успех церковной политики Ольгерда уже не сопровождался военным успехом.

Московскими операциями Ольгерд как стратег и тактик добился всего, чего было возможно. Оценив растянутость коммуникаций, он обустроил в Оболецком рай- /145/ оне Витебского княжества целые литовские села, задачей которых было обеспечивать всем необходимым войска, идущие на восток. Сами военные действия не должны вызывать нарекания – они были обдуманными и четкими. Однако многое решали не боевые, а политические факторы, являвшиеся результатом многолетних разнородных наслоений, упущений и возможностей. Тут достижения Ольгерда не были однозначными, что и предопределило итог.

На фоне тверской драмы весьма драматично развивались и события в самой Литве. В 1373 г. крестоносцы Пруссии вновь атаковали окрестности Дарсунишкиса. Магистр Ливонского ордена Вильгельм Фриммерсхейм на стыке зимы и весны разграбил Нальшю (от Таурагнай и Лабанораса до Дубингяй и Гедрайчяй), а маршал Андреас Штенберг разрушил предзамковые укрепления в Ужпалаяй. Однако, высвободив военные силы на востоке, литовцы уже могли более успешно обороняться. В том же самом 1373 г. Кейстут совершил недалекий поход в Пруссию, а сын Ольгерда Скиргайло опустошил окрестности Дюнабурга. Летом того же года Кейстут оплатил Винриху Книпруде за ранее проигранные сражения: несколько раз пытавшийся перейти Нярис в нижнем течении, великий магистр был отброшен. Литва в 1373 г. получила еще одну возможность завязать переговоры о крещении: по инициативе князя Мазовии Земовита III, не согласного с политикой польского короля (с 1370 г.) Людовика I Великого, папа Григорий XI обращался с посланиями по этому вопросу к Ольгерду, Кейстуту и Любарту. Соответствующие письма получили Людовик I Великий, князь Владислав Опольский и сам Земовит. Однако в условиях тевтонской агрессии подобные переговоры ничего дать не могли, и проект Земовита провалился.

Литовские силы на западе были мобилизованы очень вовремя, ибо давление

Тевтонского ордена быстро возрастало. Ранней осенью 1374 г. крестоносцы Пруссии опустошили области за Нявежисом. Летом 1375 г. на Литву обрушился комбинированный удар: ливонцы, вступившие в Нальшу, подошли к Вильнюсу; но самым страшным был рейд из Пруссии. Главный маршал Готфрид Линден в феврале месяце преодолел Неман в среднем течении, разорил Стаклишкес, Сямялишкес и земли вдоль р. Стревы и достиг Тракай. В сентябре ливонцы разграбили Упите. Литовцы рассчитались за это в марте походом Кейстута в Подвинье (удар вдоль р. Даугавы), а в ноябре – походом полоцкого князя Андрея на Дюнабург. Крестоносцы Пруссии нанесли сильный удар по Центральной Литве в 1375 или 1376 г. (неопределенно датируется в хрониках). Однако Кейстут летом 1376 г. сумел основательно разорить области Елгавы и Дуобяле в Ливонии, а в Пруссии (вместе с Ольгердом и /146/ Скиргайло) – Скалву (Скаловию) и Надруву (Надровию). События на Волыни осенью 1376 г. принудили Кейстута направить удар на юг (попутно он «задел» Сольдау в Пруссии). В конце октября Любарт и Юрий Наримонтович разорили Сандомирскую землю в Польше и достигли Тарнува. В условиях крайнего напряжения поздним летом или ранней осенью 1377 г. Кейстуту пришлось повторить поход на Волынь, подвергавшуюся нападениям Польши. Его появление несколько разрядило обстановку, но Литва была вынуждена пойти на уступки: она потеряла Белз, а собственным сюзеренитетом на Волыни пришлось поделиться с королем Польши. Последняя уступка была лишь временной, ибо уже в 1378 г. Любарт избавился от польской зависимости.

В 1365 г. крестоносцам в походе на Вильнюс помогла измена Бутовта. В феврале 1377 г. Тевтонский орден провел особую подготовку к нападению на столицу Литвы. Под началом главного маршала 12000 воинов, разделенных на три отряда, переправились через Неман близ Дарсунишкиса и Мяркине. В то же время магистр Ливонии разорял Северную Литву. Крестоносцы Пруссии прошли мимо Тракай и подступили к Вильнюсу. На отражение этого наступления сил у Литвы не хватило. Переговоры и застолья с немецкими военачальниками привели к тому, что Ольгерд сумел защитить лишь часть города, принадлежавшую ему лично. Вильнюсский замок немцы не взяли; их фуражные обозы были уже уничтожены воинами Витовта, что значительно затруднило возвращение крестоносной армии. В марте месяце Кейстут со своими и Ольгердовыми сыновьями отомстил противнику, предприняв поход в Куронию. Оборона Литвы не была сломлена, но становилось всё более очевидно, что зона главных военных действий неумолимо близится к самому центру великокняжеского домена.

Таковыми были условия, когда в мае 1377 г. умер Ольгерд. В Майшыгале запылал погребальный костер, обративший в пепел тело монарха, достигшего наибольшего могущества из всех, когда-либо правивших на литовской земле. Костер истории был безжалостен к этой мощи. Самому Ольгерду стали зримы пределы восточной экспансии – и крестовые рыцари в Вильнюсе. Англо-саксонская историческая наука недавно заинтересовалась и очаровалась историей Литвы: Стивен Роуэлл (*Stephen Rowell*) всесторонне исследовал и обосновал феномен Гедимина в литовской истории, а Уильям Урбан (*William Urban*) подчеркнул, что Великое княжество Литовское, имея повсюду открытые границы, оказалось способно оборонять их на удивление долго и эффективно. Уход Ольгерда с исторической арены обусловил исчезновение и этой удивительной способности. Были тому и другие существенные причины. Вне Литвы значительно выросли две враждебные ей державные силы – Тев- /147/ тонский орден и Московское великое княжество. Возможности неограниченной экспансии были исчерпаны. Подобное исчерпание совпало с кульминацией тевтонского давления: в годы политической карьеры Кейстута Тевтонский орден совершил около 100 крупных походов против Литвы (литовцы – около 40). Едва сложившийся литовский народ провел в сражениях целый век. Расширяя свою державу, он создал историческую альтернативу войне с авангардом католической Европы. По смерти Ольгерда возникла угроза этой альтернативе, а тем самым – смертельная опасность для самого литовского народа. Литву мог спасти только прогресс, а именно – прогресс в европейском смысле. Сила была нужна для приобщения к этому историческому

прогрессу, но сама сила была лишь временным историческим фактором. Для Ольгерда сила была – всё и вся. Ценность и ущербность применения силы для достижения желаемого прогресса, историческую необходимость ее обуздания – Ольгерд не смог оценить или же оценил недостаточно. Его смерть приблизила историческую расплату – возмездие Литве за пристрастие ее властелина к сильным политическим средствам. /148/

8. Кризис восьмидесятых годов XIV в. и крещение Литвы

а. Возобновление русского политического влияния на литовскую историю

По смерти Ольгерда великим князем Литовским стал его старший сын от второй жены Ягайло (*Jogaila*). Это означало, что православные сыновья от первой жены Ольгерда были окончательно устранены из ближайшего к правителю круга Гедиминовичей. Желая смягчить возможное неудовольствие, Ягайло письменно подтвердил их право на земельные владения (однако дал это право не всем претендентам). Этот шаг великого князя, раздвигающий рамки соглашения Ольгерда и Кейстута от 1345 г., юридически оформил превращение Литвы в конгломерат разделенных вотчинных владений, но не устранил противоречий между отдельными группами Гедиминовичей – особенно между язычниками и православными. Полоцкий князь Андрей прекратил борьбу против Ливонского ордена и зимой 1377 – 1378 г. отбыл во Псков. Псковичи избрали его своим князем, а Ливонский орден пообещал поддержку.

Несогласием старших братьев Ягайло было усугублено ослабление литовских позиций на Руси после победы Москвы над Тверью в 1375 г. (от литовского «присутствия» избавились Новосиль и Смоленск). Андрей явно стремился воспользоваться затруднениями Великого княжества Литовского для создания локального политического центра русских земель. В первой половине 1378 г. его благосклонно принял Новгород, а в середине того же года – великий князь Московский Дмитрий. Московитяне, не скрывавшие желания сбросить татарское иго, в августе 1378 г. разбили татарское войско на р. Воже. В битве на Воже участвовал и Андрей, оставшийся в Москве на длительное время. Его деятельность была на руку Дмитрию Московскому.

В феврале 1378 г. умер митрополит Алексей. Для Киприана формально открылась дорога в Москву, но Дмитрий медлил с признанием Киприана. После горячих споров в Константинополе зимой 1379–1380 г. Киприан остался лишь митрополитом православных Литвы. Литовская дипломатия частично отыгралась в Новгороде: стремясь к сохранению нейтралитета, новгородцы в начале 1379 г. призвали Юрия Наримонтовича. Однако главные события складывались в пользу Москвы. Зимой 1379–1380 г. ее войска, вторгшиеся на восточную окраину Великого княжества Литовского, взяли Брянск и Трубчевск, а также разорили Стародубскую землю. Брянский князь Дмитрий перешел на сторону Москвы и /149/ отступил вместе с ее войском, возвращавшимся домой. Этого Ольгердова сына Дмитрий Московский встретил еще радушнее, чем Андрея, поручив ему управление Переяславлем. Андрея и Дмитрия поддержал их брат, киевский князь Владимир. До поры исправный политический механизм династии Гедиминовичей оказался на пороге кризиса, – и куда более значительного, чем во времена, последовавшие за смертью Гедимины: с приходом к власти в центре нового поколения язычников отверженные периферийные православные становились выразителями локальных интересов своих русских провинций.

У Москвы еще не доставало сил на то, чтобы оторвать Брянск и Полоцк от Великого княжества Литовского, однако не прервались связи этих земель с их находящимися в Москве князьями. Литва, испытывавшая постоянное давление Тевтонского ордена, не могла этому помешать. Ягайло в поисках выхода сблизился с Золотой Ордой, которая также искала

союзников против непокорной Руси. Союз литовцев и татар стал естественным следствием возвышения Москвы. Золотоордынский хан Мамай договорился с Ягайло о совместном большом походе против великого Московского княжества в конце лета – начале осени 1380 г.

Для русских не было тайной готовящееся вторжение татар и литовцев. Князю Дмитрию удалось собрать почти все силы Северо-Восточной Руси. При активной поддержке Церкви оборонительная кампания превратилась в освободительную войну. Соединенные русские силы преодолели Дон в верхнем течении и на Куликовом поле сразились с татарским войском. Умелый маневр не позволил соединиться литовским и татарским войскам: Ягайло оказался на расстоянии дневного перехода от места битвы. В сражении, произошедшем 8 сентября, русские одержали историческую победу. Ягайло удалось нанести удар по по арьергарду уходящего русского войска и захватить обильную добычу, но это был несущественный успех. Моральный эффект Куликовской победы был огромен, князь Московский обрел имя Дмитрия Донского.

Русь, еще целое столетие вынужденная терпеть татарское иго, вновь заявила о себе как субъект всемирной истории. Московское великое княжество стало бесспорным гегемоном и объединителем Руси. Ягайловы братья Андрей и Дмитрий сражались на стороне русских против союзников Литвы (их мнение многое решило при обсуждении плана переправы через Дон). Хотя полочане в Куликовской битве не участвовали, однако победа Дмитрия Донского повлияла не только на них, но и на настроения жителей других /150/ русских земель Великого княжества Литовского. С этими настроениями Вильнюсу отныне приходилось считаться в значительно большей степени, чем раньше. Однако частичная победа литовского войска в заключительной фазе Куликовской битвы несколько приостановила династический кризис Гедиминовичей. В 1381 г. Ягайло отдал Полоцк своему брату Скиргайло. Полочане вскоре восстали против него, однако главной причиной восстания была не прочная связь с Андреем, а местная традиция: они не желали князя-язычника, поэтому более ориентировались не на Москву, а на Ливонский орден. Скиргайло осадил Полоцк, но осада затянулась. Из Новгорода должен был выехать Юрий Наримонтович, и в 1381 г. эта республика заключила договор с великим князем Московским. В том же году Дмитрий Донской признал митрополитом Киприана, но теперь этот компромисс мало что значил для Литвы: после Куликовской битвы Киприан в самом лучшем случае мог быть лишь нейтральным.

Положение Литвы облегчилось во второй половине 1382 г.: в августе золотоордынский хан Тохтамыш внезапным ударом взял Москву и сжег ее. Дмитрий Донской вновь был вынужден признать главенство Золотой Орды. Примечательно, что при обороне Москвы пал внук Ольгерда Астей. Это поражение Дмитрия Донского надолго замедлило движение Руси к освобождению, а Москва перестала быть опорой православных Гедиминовичей. Установилось прежнее равновесие, возникшее после битвы при Любутске в 1372 г.

Соседство огромной Руси и сильной самостоятельной Литвы объективно делало их историческими антагонистами. Созданная за счет русских земель, Литовская держава была единственным гарантом безопасности литовского народа перед лицом могучего соседа. В 1380 г. Литва исполнила в русской истории роль, которую Русь сыграла в литовской истории в 1131 г. Но был и другой аспект: экспансия Литвы грозила втянуть немногочисленную литовскую народность в водоворот исторического развития Руси. Поэтому литовцы должны быть благодарны Дмитрию Донскому, как англичане – Жанне д'Арк. Конечно, возвышение Руси таило опасность для литовской державы, но лишь в отдаленной перспективе. Не умаляя исторического значения и эффекта Куликовской битвы, надо признать, что этой победы Руси оказалось недостаточно для устранения Литвы с занятых ею русских земель. Для русской народности они оказались утеряны навсегда, ибо тут сложились условия для развития самостоятельного восточно-славян- /151/ ского этноса. Это была историческая обида, нанесенная Литвою России, и историческая заслуга Литвы перед будущими украинской и белорусской народностями.

б. Конфликт Кейстута и Ягайло и его последствия

Ягайло как наследника Ольгерда признал и поддержал тракайский князь Кейстут, самый опасный из возможных соперников. Тем самым было продлено соглашение между Ольгердом и Кей- /152/ стутом. Кейстут, в ответ на свою поддержку, ожидал от Ягайло безоговорочного признания статуса Тракайского княжества и активнейшего содействия в борьбе против Тевтонского ордена.

Набеги Тевтонского ордена продолжались. В начале осени 1377 г. Винрих Книпрое при поддержке герцога Австрии разорил земли Видукле и Кражяй в Жямайтии. В самом конце 1377 г. было совершено вторжение в Черную Русь и окрестности Каунаса. Ливонский орден в мае 1377 г. и феврале 1378 г. опустошал Упите, а крестоносцы Пруссии в 1378 г. – литовские и русские земли Тракайского княжества. Кейстут активно сопротивлялся: в марте 1377 г. он разорил Кулдигскую область в Куронии, в 1378 г. разрушил замок Экерсберг в Пруссии, а в 1379 г. едва не взял Клайпедский замок.

Вильнюсское княжество слабо проявляло себя в этой борьбе. Ягайло был скован действиями Андрея и успехом Москвы. То, что было естественным и обязательным для Ольгерда и Кейстута, что являлось залогом их прочного положения, – для Ягайло и его младших братьев, выросших в обособленном Вильнюсском княжестве и знакомых лишь с русским направлением литовской политики, казалось лишь экзотическими особенностями Тракайского княжества. Кстати, и Кейстут, и Ягайло видели безуспешность Ольгердовой иступленной борьбы на два фронта, но каждый эту проблему стремился решить по-своему. Кейстут желал, чтобы великий князь отказался от экспансии в русских землях и все силы направил против Тевтонского ордена. Ягайло, напротив, был склонен бросить Тракайское княжество на волю судьбы с тем, чтобы обратить все силы против победоносной Москвы. Многие определяло и окружение Ягайло (его братья и мать Ульяна), которое шло еще дальше и мечтало прибрать к рукам Тракайское княжество, и тут удары тевтонцев были как нельзя кстати. И без того острое противостояние Вильнюсского двора и Кейстута еще более подогревал возвысившийся шурина Ягайло – боярин Вайдилла (*Войдыла*, женившийся летом 1377 г. на его сестре Марии).

Различные и даже противоположные политические предпочтения Вильнюсского и Тракайского дворов складывались постепенно, поначалу была сильна традиционная общность, которую усиливало давление со стороны крестоносцев. По мере обнаружения этих предпочтений еще наблюдались попытки прийти к взаимоприемлемому компромиссу. Кейстут не возражал против поездки Скиргайло по странам Европы, предпринятой во второй половине лета – начале осени 1379 г. Брат Ягайло под предлогом скорого крещения посетил руководство Тевтонского ордена, короля Чехии (и /153/ императора Германии) Вацлава IV и короля Польши и Венгрии Людовика Великого. Этот демарш свидетельствовал, что верхушка Гедиминовичей возвращается к политической программе Гедимины, отказываясь от тактического сближения Ольгерда с православием. Однако Вильнюсский двор, отправляя в поездку Скиргайло, шел еще дальше: кое-что с крестоносцами обсуждалось за спиной Кейстута, – совершались попытки добиться крещения за его счет. Тевтонский орден незамедлительно обнаружил, что политический фронт Вильнюса и Тракай развалился, и потому не противодействовал «крестительному» вояжу Скиргайло. Это был первый шаг, ведущий к двум компромиссам, изменившим характер войны между Литвой и Тевтонским орденом. Эти компромиссы узаконил Тракайский договор от 29 сентября 1379 г. об ограниченном перемирии.

Тракайский договор от имени Литвы утвердили Ягайло и Кейстут. По его условиям на десять лет прекращались военные действия у границ русских, т. е. христианских, земель Великого княжества Литовского и Тевтонского ордена. Ограничение боевых действий было внешним компромиссом. Другой компромисс был внутренний – между Ягайло и Кейстутом.

Для Кейстута он был очевидно невыгоден, ибо тракайский князь почти ничего не выигрывал (перемирие затрагивало лишь незначительную полосу русских земель княжества). Это была уступка Кейстута великому князю: ценой своих интересов он согласился поддержать тактическое сближение Литвы с Тевтонским орденом. Теоретически Ягайло мог оказывать помощь Кейстуту в зоне военных действий, и эта возможность, видимо, склонила последнего к принятию условий Тракайского договора.

Руководители Тевтонского ордена не ошиблись, рассматривая компромиссы с Литвой как средство ее политического раскола и выделения Тракайского княжества из общего фронта обороны Литвы. Все более явные тенденции противостояния Вильнюсского двора Кейстуту обрели ускорение. Уже при заключении Тракайского пакта представители Ордена посетили Вильнюс, где состоялись тайные переговоры. 27 февраля 1380 г. Ягайло один договорился о перемирии с Ливонским орденом (сроком до Троицы), не включив в него Тракайское княжество и Жямайтию. Этот шаг еще мог быть оправдан положением Полоцкого княжества: оно было включено в мирную зону и его следовало оградить от влияния Ливонии в момент, когда Скиргайло там действовал против Андрея. Однако 31 мая того же 1380 г. в Довидишкяй был подписан договор, который невозможно оценить иначе как заговор Ягайло и Тевтонского ордена против Кейстута. Это было тайное перемирие в обход Тракайского княжества. Были предусмотрены варианты маскировочного прикрытия: действие договора не прерывалось в случае, если Ягайло оказывался вынужден помочь Кейстуту или если крестоносцам пришлось бы «задеть» владения Ягайло.

При заключении договора в Довидишкяй (встреча произошла под видом охоты) присутствовал старший сын Кейстута от его второй жены (Бируты) Витовт, с раннего детства близко друживший с Ягайло (отцы обоих двоюродных братьев видели в этой дружбе залог продления их договоренности). Его приглашение должно было развеять возможные подозрения Кейстута. Позиция самого Витовта неясна. Навряд ли 31-летний мужчина, впоследствии проявивший себя как тонкий политик, не понимал, что Ягайло втайне от Кейстута сговаривается с Тевтонским орденом. Однако последовавшие затем события не позволяют назвать Витовта участником заговора против отца. Он, вероятнее всего, знал существо переговоров, но не хотел открытого конфликта с более сильным Ягайло в надежде сманеврировать и избежать заключительной коллизии. Так или иначе, соглашение в Довидишкяй было изменой, ценой которой Ягайло стремился развязать себе руки для борьбы с Москвой, где действовали такие же изменники Андрей и Дмитрий. Династический кризис Гедиминовичей приобрел всеобщий размах.

Ягайло не смог воспользоваться передышкой, предоставленной соглашением в Довидишкяй: через три месяца Мамай, не дождавшийся его поддержки, был разбит на Куликовом поле. Тем временем Кейстута, оставленного в одиночестве на западном фронте, /155/ жестоко терзали крестоносцы. В феврале 1381 г. Тевтонский орден, двигаясь в направлении на Тракай, разрушил Науяпилис. В июне была разграблена Жямайтия до земли Мядининкай включительно. В разгар этих сражений Гюнтер Гоенштейн (комтур Остероде) сообщил Кейстуту о тайных соглашениях Ягайло с крестоносцами. Гюнтер Гоенштейн был крестным отцом дочери Кейстута Дануты (христианское имя – Анна), вышедшей замуж за мазовецкого князя Януша, поэтому его сообщение могло выглядеть как личная услуга. Однако очевидно желание самого Ордена вызвать острейший конфликт между наиболее могущественными князьями Литвы. Тракайский двор по получении этого известия не был единым: Витовт просил разгневанного Кейстута не начинать открытой войны с Ягайло; Кейстут все же решился на эту войну. На рубеже октября-ноября 1381 г. он во главе войска отправился в Пруссию, но – не дойдя до нее – резко повернул к Вильнюсу. Витовт, молчавший о замысле отца, с ним не согласился и демонстративно отбыл в Дрогичин и Гродно.

Как и в 1345 г., великолепный тактик Кейстут застал великого князя совершенно не готовым к отпору. Вильнюс был взят, Ягайло и его близкие попали в руки Кейстута. В архиве были обнаружены тайные договоры. Витовт был вытребован из Гродно и приперт к

стене. С победившим Кейстутом было бессмысленно спорить, и Витовт не решился лавировать. Видимо, под его влиянием Кейстут милостиво обошелся с Ягайло. Ягайло должен был письменно признать Кейстута великим князем. Кейстут его отпустил и отдал ему вотчинные земли (Крево и Витебск). С Ягайло следовало обращаться осторожно, имея в виду его братьев, владеющих землями значительной части державы. Тут Кейстут действовал гибко. Войску Скиргайло, осаждавшему Полоцк, и самим полочанам посольные сообщили, что осада снимается. Обе стороны подчинились Кейстуту, а Скиргайло был вынужден бежать в Ливонию. Этим был обезврежен Андрей, вскоре объявившийся в Полоцке и признавший верховенство Кейстута. Признали Кейстута и другие сыновья первой жены Ольгерда, не питавшие горячей любви к Ягайло. Ценой несущественных уступок был найден компромисс с Москвой: Кейстут договорился с ней о границах, отказавшись от претензий на Смоленск и Верховские княжества на Оке. Таким образом была подкреплена политическая программа Тракайского двора: приостановление экспансии на восток и сосредоточение всех сил на западном фронте.

Обезопасив себя с востока, Кейстут стал действовать без промедления. В январе 1382 г. он разорил окрестности Велувы, Теплявы, Фридланда и Альтенбурга, достигнув берегов Преголи и Алны. Слабое февральское контрнаступление крестоносцев на окрестности Пуни и Алитуса отразил Витовт. В апреле Кейстут уничтожил предзамковые укрепления Георгенбурга (Юрбаркас). Это, скорее всего, было превентивной кампанией, помешавшей крестоносцам вторгнуться в низовья Немана и близкие к ним области Жямайтии (в Георгенбурге были застигнуты маршал Ордена и три комтура). Эти первые четыре месяца 1382 г. изумляют необычайно целенаправленными и согласованными военными действиями литовцев, практически парализовавшими крестоносцев. Они свидетельствовали, что концентрация военного потенциала Великого княжества Литовского под руководством такого полководца, как Кейстут, позволяет очень эффективно обороняться от Тевтонского ордена.

Однако монархия Гедиминовичей развивалась в противоположном направлении. Отстраненные, но не удаленные сыновья второй жены Ольгерда чувствовали свою силу и не преминули ею воспользоваться. Тут сыграла важную роль обширность территорий, которыми они управляли. Новгород-Северский князь Корибут (крещенный в православии как Дмитрий) первым восстал в мае 1382 г. В руки Кейстуту попался дирижировавший заговором Вайдила. Он был повешен, но мятеж разрастался. Кейстут не решился обнажить замки на прусском фронте и с малым войском поспешил выступить против мятежника. Это было ошибкой: Корибут без труда разбил отряд великого князя, оторвавшийся от основных сил. Это поражение Кейстута роковым образом совпало с действиями Ягайло и его сторонников в Вильнюсе (ими командовал староста немецкой общины Ганул). В отсутствие Витовта весь гарнизон, оставленный там Кейстутом, был уничтожен. 12 июня в Вильнюс из Витебска прибыл Ягайло. Предпринятый Ольгердовичами переворот удался. Витовт спешно собрал небольшое войско и спустя несколько дней попытался отбить Вильнюс, но был разгромлен Ягайло, стянувшим к столице достаточно сил. Между тем, в конце июня в Литву вторглись войска Тевтонского ордена под командой маршала Конрада Гаттенштейна. Крестоносцы 30 июня разрушили замок Эйгуляй под Каунасом и двинулись вглубь страны. Витовт еще слабо ориентировался в широкомасштабных операциях. Ягайло и Скиргайло наступали со стороны Вильнюса, крестоносцы двигались от Каунаса, – неприятель стягивал кольцо вокруг Тракай. А Витовт, понесший потери и не успевший собрать всех тракайских воинов, был вынужден отступить в Гродно. Ягайло через посредство Скиргайло мог держать связь с Ливонским орденом, но он вряд ли успел наладить контакт с верховным командованием Тевтонского ордена в Пруссии. Поэтому его войско и армия Ордена не сошлись в одной точке. Лишь 6 июля в замке Бражуоле (близ Тракай) он и представители Ордена заключили краткое перемирие (до 8 августа), в соответствии с которым крестоносцы обязались не вступать в соглашения с Кейстутом. Последнее условие свидетельствует, что руководители Тевтонского ордена не считали себя связанными прежними договоренностями,

они начинали новую игру и могли предлагать свои услуги любой из сторон и партий расколовшейся Литвы. 18 июля силы Ягайло и Ордена осадили Тракай. Гарнизон замка составляли отборные воины Тракайского княжества, наотрез отказавшиеся сдаться. Однако гарнизон был невелик и видел всю безнадежность сопротивления. Осаждавшие с успехом воспользовались такой ситуацией, перемежая угрозы щедрыми посулами и объявляя сроки, отпущенные на размышление. Выторговав право на свободный выход, гарнизон 20 июля покинул замок, который Ягайло отдал своему брату Скиргайло, тем самым назначив нового тракайского князя. У Витовта не было ни сил, ни охоты препятствовать осаде Тракайского замка. После падения Тракай, армия Ордена вернулась в Пруссию.

Кейстут встретился с Витовтом в Гродно. Оба они могли опереться лишь на оставшуюся у них русскую часть Тракайского княжества. И в этом положении энергия и опыт отца искали выхода. Кейстут отослал Бируту в Брест, оставил для ее прикрытия Витовта в Гродно, а сам сумел проскользнуть в Жямайтию. Созванные в Мядининкай старейшины земель должны были решить, как вести себя в условиях немецкого вторжения и переворота, совершенного Ягайло. Жямайтов более всего занимали интересы их автономии, потому они не спешили вмешиваться в борьбу за литовский трон. Однако попытки крещения, а также сговор Ягайло с крестоносцами вынуждали их к принятию решения. В Вильнюс были отправлены посланники с вопросом к Ягайло: не собирается ли он креститься. Можно предположить, что подобный вопрос получил и Кейстут, который, вне сомнений, ответил на него отрицательно, чего как раз не сделал Ягайло. Этим было предопределено решение жямайтов, и они отдали собранное войско под начало Кейстута. Тем временем мазовецкий князь Януш, пользуясь внутрилитовской борьбой, занял Дрогичин и Мельник, разорил окрестности Сурожа, Вельска и Каменца, но был отброшен от Бреста, где укрывалась Бирута. Витовт на это не реагировал: теперь он со всей решимостью устремился загладить собственные ошибки и поспешил на помощь отцу. 3 августа Кейстут и Витовт прибыли под стены Тракай. К ним присоединился Любарт, явившийся с Волыни.

Прибытие жямайских посланников помогло Ягайло предугадать действия Кейстута. Он не только направил свое войско к Тракай, но и дождался подмоги – от магистра Ливонского ордена Вильгельма Фриммерсхейма, по дороге разорившего земли жямайтов. Близ захваченной резиденции Кейстута оба войска расположились для решительной битвы. Соединенные силы Ягайло и ливонцев были более многочисленны, к тому же вскоре подоспели и крестоносцы Пруссии под началом главного маршала. Можно себе представить, каково было самочувствие жямайтов, без особой охоты вмешавшихся в монарший спор. Всё это не было тайной ни для Ягайло, ни для самого Кейстута. В лагерь Кейстута прибыл мастер психологической эквилибристики Скиргайло. Как и две недели назад (при падении Тракай) он сумел направить переговоры в русло поэтапных соглашений. Для начала Скиргайло обратился не к Кейстуту, а к Витовту, прося о содействии. При посредстве Скиргайло Витовт был принят Ягайло и ему было обещано восстановление *status quo* (на ноябрь 1381 г.). Заручившись гарантиями безопасности, данными Ягайло, Витовт вместе со Скиргайло отправился к Кейстуту. Ситуация была такова: Витовт возобновил отношения с Ягайло, Ягайло предоставил гарантии безопасности, силы крестоносцев все прибывали, а настроения жямайтов не внушали доверия. Кейстуту пришлось понадеяться на соглашение в полевом лагере Ягайло, ибо перспектива битвы не сулила надежд на победу. Именно этого и добивался Ягайло: прибывшие к нему Кейстут и Витовт были схвачены, а войскам объявлено, что князя отправляют в Вильнюс для дальнейших переговоров. Не особенно важно, поверили жямайты этому сообщению или нет, главное – они получили предлог для возврата домой, чем немедленно воспользовались. Покинула Литву и армия крестоносцев, сделавшая свое дело. Тракайского двора не осталось, победа Ягайло была абсолютной.

За исключением дядиной популярности, Ягайло ни с чем не приходилось считаться при решении судьбы Кейстута и его близ- /159/ ких. Вот тут триумфатор Ольгердович продемонстрировал свое пресловутое мастерство промедления и искусство оставаться в тени при обделывании темных дел. Скиргайло увез Кейстута в замок Крево, где спустя несколько

дней слуги Ягайло (преимущественно – русские) его задушили. Официально было объявлено, что Скиргайло по возвращении обнаружил Кейстута наложившим на себя руки. Из Крево останки славного воина были перевезены в Вильнюс и торжественно сожжены. Ягайло отдал дяде должные почести и как бы остался в стороне, что не помешало расправиться с попавшими в его руки близкими Кейстута: Бирута была утоплена, а ее дядя Видмонт и двоюродный брат Бутрим – замучены. Ягайло удовлетворил жажду кровной мести своей сестры Марии за повешенного Вайдилу, а заодно избавился от вдовы Кейстута, внушавшей ему опасения. С другом юности Витовтом, демонстративно раздувая его решающую роль в Тракайских переговорах, повели себя мягче: его убийство было на время отложено, а сам он с княжескими удобствами содержался под охраной в том же Кревском замке. Жена Витовта (позднее получившая христианское имя Анна) была оставлена на свободе, ей даже позволили видеться с мужем. Этот демонстративный жест позволил умной и волевой женщине перехитрить упоенных победой врагов. Узнав о готовящейся расправе над мужем, она велела одной из своих служанок остаться в комнате Витовта вместо князя, переодетого в женское платье. Побег удался. Источники, сохранившие рассказ Витовта, не удосужились упомянуть о судьбе спасшей его служанки, однако она, без сомнения, была замучена. Жестокая реальность жизни в XIV в. не оставляла ей выбора: откажись она выполнять приказ, с ней точно так же расправилась бы ее госпожа. А для литовской истории поступок этой несчастной женщины был решающим: она спасла человека выдающихся способностей, чью роль в дальнейших событиях невозможно переоценить.

Осенью 1382 г. этот человек должен был всё начинать с нуля. Витовт из Крево бежал в Мазовию, однако он был нежелательным гостем для своего шурина Януша, страшившегося Ягайло. Сыну Кейстута ничего не оставалось как искать убежища в землях Тевтонского ордена. В самом конце 1382 г. он так и сделал. Великий магистр Цёльнер Раттенштейн (*Конрад Цёльнер фон Ротенштейн*, сменивший недавно умершего Винриха Книпроеде) принял Витовта и его брата Товтивила, крещенного в Мазовии под именем Конрада, но не протезировал им, опасаясь портить отношения с Ягайло. Витовт даже не был крещен. Однако крестоносцы понимали, /160/ что сын популярного Кейстута им может еще пригодиться: даже орденские хронисты записали повествование о том, как разверзшаяся земля поглотила костер с пеплом Кейстута.

Осенью 1382 г. Ягайло расплатился с Тевтонским орденом, помогшим ему вернуть трон. По договору от 31 октября Ягайло обязался принять крещение, уступил Ордену Жямайтию вплоть до реки Дубисы, пообещал поддерживать Орден, быть с ним в мире и не воевать ни с кем без его согласия. Этот договор являлся бесспорным успехом Тевтонского ордена и очевидным ограничением суверенитета Великого княжества Литовского. Однако была у него еще одна сторона: Орден признал за литовским властителем право на самостоятельное крещение, и для Литвы уже это было удачей. Хотели того крестоносцы или нет, но, помогая устранить Кейстутувичей, они позволили младшим Ольгердовичам завладеть всем великокняжеским доменом и тем самым возвратили ситуацию 1345 г., когда власть в Литве сосредоточила у себя руках крепко спаянная династическая группа. Мало того: Ягайло по удалении Кейстута начал осуществлять именно его, а не свою заявленную ранее политику. После того как Тохтамыш нанес мощный удар Москве, Ягайло обрел надежный тыл на востоке и не спешил следовать Дубисскому договору: не уступал Жямайтию, медлил с крещением, отобрал у мазовчан Дрогичин и Мельник и не торопился предстать перед великим магистром. Завершающая встреча, намеченная на 19 июля 1383 г. на острове посреди Немана близ устья Дубисы, не состоялась из-за взаимного недоверия сторон и нежелания /161/ прибыть на место свидания первыми. Это означало не что иное как разрыв отношений и войну. Орден ее объявил 30 июля 1383 г.

На сцену был выпущен Витовт. Уже в конце 1383 г. он взялся склонить жямайтов на сторону Тевтонского ордена. Крестоносцы поддерживали его, слали подарки старейшинам жямайтов. Сын знатной жямайтки Бируты дождался признания ее сородичей. Это еще не значило, что они вполне признали власть крестоносцев, но это было очевидным

непризнанием власти великого князя Ягайло и нового тракайского князя Скиргайло. 11 сентября 1383 г. в Тракайское княжество вступило войско крестоносцев под предводительством Цёльнера Раттенштейна. К нему присоединился Витовт с 3000 жямайтов. Осажденный замок скоро капитулировал, немалая часть литовцев перешла на сторону Витовта. В Тракай крестоносцы оставили свой гарнизон и, сопровождаемые Витовтом, двинулись к Вильнюсу. Город был razoren, но замок выдержал нападение, поэтому 22 сентября крестоносцы повернули назад в Пруссию.

Эта операция Ордена в точности повторяла сценарий лета 1382 г., только литовские действующие лица поменялись местами. На сей раз интересы литовского государства защищали Ольгердовичи, а Кейстутовичам досталась роль предателей. Однако результат был противоположен: Литва выстояла. В довершение всего войска Ягайло и Скиргайло 25 сентября осадили Тракай. Крестоносцы были истощены походом на Вильнюс, и Тракайский гарнизон, лишенный поддержки, 3 ноября покинул замок по соглашению о беспре- /162/ пятственном выходе. Уже в ту пору раскрылся недюжинный политический талант Витовта, вынужденного служить Ордену: еще под стенами Вильнюса некоторые представители жямайтских земель, поддавшись его уговорам, отдали Ордену своих заложников. 21 октября 1383 г. Витовт был крещен (под именем Виганд). Орден доверил ему замок Новый Мариенбург на Немане (ниже устья Дубисы). Здесь собрались сторонники Витовта: кроме бывших с ним ранее Товтивила и Анны, явился младший брат, брат Анны Судимонт, муж сестры Анны – альшенский (ольшанский) князь Иоанн Альгимонтович (*Jonas Algimantaitis*). В конце января 1384 г. руководство Тевтонского ордена определило статус Витовта, заключив с ним письменный договор. Великий магистр признал его законным тракайским князем и обещал возвращение вотчины. Витовт признал верховенство Ордена, передал ему Жямайтию и Каунасскую область. В начале февраля 1384 г. некоторые жямайтские земли (среди них Мядининкай) признали власть Тевтонского ордена. Крестоносцы в мае-июне 1384 г. в районе Каунаса построили замок Новый Мариенвердер и также доверили управление им Витовту. 14 июня 1384 г. был подтвержден январский договор между Орденom и Витовтом, дополненный пунктом о преемниках последнего (регулировавшим вопрос о наследстве дочери и братьев Витовта, а также о переходе его владений под юрисдикцию Ордена в случае отсутствия потомков). В то же самое время силы Витовта и крестоносцев совершили рейд к Укмярге.

И Тевтонский орден, и Ягайло удостоверились, что Витовт – это не Бутовт. Он с блеском использовал связи Тракайского княжества с жямайтами и тот факт, что Ольгердовичи в этих краях были явными чужаками. Повязав Витовта всевозможными правовыми актами, руководство Ордена не осознало, что он действует не в их, а в собственных интересах. Однако всё это великолепно понял Ягайло. С весны 1384 г. его тайные посланники начали переговоры с Витовтом, постоянно находившимся в прифронтовой полосе. Поскольку Тракай управлялись Скиргайло, для начала Витовту была обещана часть вотчины, а впоследствии (после возврата Полоцка под власть Скиргайло) и сам замок Тракай. Вдобавок Ягайло пообещал Витовту земли на Вольни, и соглашение состоялось. В июле Витовт из Нового Мариенбурга двинулся к Георгенбургу (Юрбаркас), выманил командиров и разорил его, затем вернулся и разрушил Новый Мариенбург, после чего перешел с войском в Литву. В конце сентября Ягайло и Витовт осадили Новый Мариенвердер, а 6 ноября взяли его штурмом и разрушили.

Круг замкнулся: в конце 1384 г. Тевтонский орден был отброшен на позиции 1379 или даже 1377 г. Все договоры, навязанные Гедиминовичам, остались лишь клочками пергамента. В эти пять /163/ или семь лет отчетливо проявился технический прогресс в литовском военном деле. Еще в 1382 г. Кейстут при осаде Георгенбурга применил бомбарды, а штурм Нового Мариенвердера включал в себя, помимо бомбард, постройку моста и возведение укреплений на подступах к замку. Компромисс Ягайло и Витовта на некоторое время отдалил угрозу большого династического кризиса, а Скиргайло в Тракай был далеко не в том положении, которое обеспечил себе Кейстут. Такова была внешняя сторона тех

бурных событий, однако под ней скрывались огромные изменения. Династический кризис стал закономерным и неизбежным, а вмешательство Тевтонского ордена в пользу той или иной стороны – привычным явлением. Жямайтия, не подвластная великому князю и отказавшаяся выполнять свои обязательства перед крестоносцами (обещанные Витовтом), и далее оставалась в двусмысленном положении. Война с Тевтонским орденом – на фоне таких потрясений – всё продолжалась. Новое поколение Гедиминовичей столкнулось с теми же проблемами, но оно само удалило с исторической арены выдающегося полководца Кейстута.

Романтическая традиция изображает этого князя столпом язычества и злейшим противником принятия христианства. На самом же деле он был личностью, мыслившей на редкость рационально и способной ясно увидеть и оценить главные и второстепенные цели. Литовская государственность была для него высочайшей ценностью, Тевтонский орден – величайшей угрозой для этой ценности. Всё остальное рассматривалось, исходя из этих двух постулатов. Кейстут как никто другой из его предшественников и преемников сумел определить свое место в государственной и династической иерархии, а также понять, что в наличных условиях власть субмонарха обеспечит ему куда более весомое положение, чем шаткая великокняжеская позиция на пятачке властной вершины. Он был душой диархической системы, не позволившей до поры проявиться династическому кризису. Он на несколько десятилетий задержал валун этого кризиса на крутом политическом уклоне, но в конце концов этим же валуном был раздавлен.

В конце XIV в. по соседству с Литвой происходили важные перемены, а Литва всё еще не решила главных проблем – войны и крещения. /164/

в. Кревский договор и его суть

Если при подготовке заговора против Кейстута вдова Ольгерда Ульяна многое сделала для соглашения с крестоносцами, – теперь, при срыве Дубисского договора, тевтонские политики обвиняли ее в антикатолицизме. С устранением Кейстута вокруг Ульяны сгруппировалась православная оппозиция католическому крещению. Зимой 1382–1383 г. Ягайло для вида пошел на мировую со сторонником Кейстута Андреем, оставив его княжить в Полоцке. На Северной Руси проводилась традиционная политика: в 1383 г. Патрикею Наримонтовичу удалось заполучить новгородские замки Орешек и Кексгольм и половину Копорья. В 1384 г. эти замки были заменены Руссой и Ладогой, а значение Патрикея несколько снизилось. Появление Ягайлова брата в Новгороде уменьшило влияние Москвы, но и с ней Ягайло пришлось договариваться, чтобы развязать себе руки на западе. В 1384 г. был заключен договор с Дмитрием Донским, предусматривающий брак Ягайло с дочерью великого князя Московского. Его дополняло отдельное соглашение Ульяны с Дмитрием, касавшееся подготовки православного крещения Ягайло и признания верховенства великого Московского князя. Оно, вне сомнений, было совершенно невыгодно для Литвы, тем не менее таковым выглядел протокол о намерениях Ульяны, разгневанной Дубисским договором. Сам Ягайло продолжал политику Гедимины, для которой открылись новые возможности. /165/

После того как литовцы утвердились на Волыни, а поляки – в Галиче (Галиции), отношения с Польшей стали стабилизироваться. В конце 1382 г. Любарт, воспользовавшись смертью Людовика Великого, разорил значительные пространства в Польше, укрепив тем самым свое положение на Волыни. Людовик Великий не оставил после себя сыновей, поэтому польская знать осенью 1384 г. признала наследницей трона его дочь Ядвига и теперь стремилась с выгодой выдать ее замуж. Претендентов на руку Ядвиги нашлось немало, из женихов составилось даже несколько группировок. Вельможи из Малой Польши высказались за брак Ядвиги с великим князем Литовским.

Ягайло наладил связи с поляками еще до восшествия Ядвиги на престол. 18 апреля 1383 г. он предоставил жителям Люблина право свободной торговли. Конкретные

предложения от поляков Ягайло получил не позднее осени 1384 г., когда в октябре Вильнюс тайно посетила польская делегация, а Краков – представители Ягайло. Официальные переговоры проходили в январе 1385 г. в Кракове. В делегацию Литвы вошли христиане – князя Скиргайло, Иван Ольшанский, Борис Кориатович и вильнюсский староста Ганул. Из Кракова они (за исключением вернувшегося в Литву Скиргайло) отправились в Буду к вдове Людовика Великого Елизавете и заручились ее согласием. В конце февраля 1385 г. в Литву прибыли делегаты от Елизаветы и Польши – ксендз Стефан, Потоцкий каштелян Владислав, люблинский староста Влодек из Харбиновиц. Последний гостил у Ягайло и раньше. В Кревском замке 14 августа был подписан согласительный акт.

По Кревскому акту Ягайло (пол. *Ягелло*) обязался соединить Великое княжество Литовское с Польским королевством, принять вместе со всем народом католическую веру, вернуть утраченные обоими государствами земли, а жениху Ядвиги, сыну австрийского герцога Леопольда Вильгельму, выплатить 200 000 золотых отступного за разорванную помолвку. В начале 1386 г. в Волковыске представители Польши вручили Ягайло акт о его признании королем и владыкой Польши. 12 февраля Ягайло с большой свитой отбыл в Краков, 15 февраля был крещен, 18-го повенчан с Ядвигой и 4 марта коронован как монарх Польши. На престолах Великого княжества Литовского и королевства Польского оказалось одно и то же лицо. Была заключена персональная (личная) уния, но клаузулой Кревского договора была не она, а неблагоприятная для Литвы правовая коллизия.

Ни в Кревском, ни в каком другом акте не упоминалось ограничение вотчинных прав Ягайло на Великое княжество Литовское, никакая практика межгосударственных отношений, никакая юридическая трактовка этих его прав не затрагивала. Напротив: эти /166/ права не раз выдвигались как основа юридических решений. Этими правами Ягайло ни с кем не поделился. Выработанная вскоре административная рутина обоих государств трактовала Великое княжество Литовское как отдельное политическое образование, а Ягайло – как его реального главу. Всё это указывало, что Кревский договор не уничтожил литовскую государственность; соединение не означало ее внутреннего вассалитета или вхождения в состав Польши. Однако та же рутина, с санкции Ягайло, требовала от всех субъектов политического права в Литовском государстве признания сюзеренных прав Польского короля и Польского королевства (короны). Соединение означало сюзеренитет Польского королевства над великим княжеством Литовским или внешний вассалитет последнего. Ягайло, объединяющий на основе персональной унии оба престола, стал в качестве великого князя Литовского вассалом себя самого – как короля Польши.

Состояние внешнего вассалитета испытали многие европейские государства. Правда, большинство раньше или позже вышли из этого состояния. Литва встраивалась в европейскую политическую систему, едва лишь вступив в подобное состояние. Сам Кревский акт, четко не очертивший и не детализировавший отношений вассалитета (соединения, примыкания), описал лишь их определяющую внешнюю установку, дав волю стихии практического применения этой установки. Видимо, этого пожелали обе договаривающиеся стороны, каждая из которых стремилась к своей главной цели (Ягайло – к польской короне, польский королевский совет – к подчеркнутому превосходству над Литвой). В такой ситуации всё должны были определять не правовые, а реальные взаимоотношения обоих партнеров. Тут и таилась наибольшая опасность для литовского государства.

К моменту заключения Кревского договора в Польше уже интенсивно складывалась структура сословной монархии. Наряду с монархом ее государственность воплощал институт государственного совета. Уже проявлялась и вскоре обрела силу еще одна инстанция – дворянский (шляхетский) сейм. Центральные и местные полномочные представители были уже узаконенными сановниками, а не агентами верховной власти. Общество считало страну государством (королевством Польским), а не собственностью монарха, монарха – высшим воплощением государственности; а не собственником. Дворяне уже ощущали себя народом. В Польше имела мощная, организованная Церковь, располагавшая статусом отдельной

церковной провинции, т. е. бывшая важной частью средневековой европейской межгосударственной структуры. Литва же была раннесредневековой монархией, ее феодалы еще не успели стать организованным дворянским сословием. Совет при великом /167/ князе был еще только случайным и нерегулярным сходом монарших слуг, а не государственной инстанцией, агенты монарха не были законными полномочными представителями или сановниками. Не было сейма. Выделяющиеся в военно-служилую прослойку дворяне еще не составляли сословия, их не объединяло понятие народа. Себя как народ воспринимали только князья и высшая знать страны. Большинство жителей края осознавало себя наполовину этнически, наполовину – как подданных. Не было понятия государства (в Кревском акте было записано о королевстве Польском и о землях Литвы и Руси). Церковную организацию в Литве еще предстояло строить. Поэтому Кревский договор фактически заключили польское государство и великий князь Литовский... Последний в наибольшей степени воплощал литовскую государственность; в какой-то степени ее воплощал высший круг династии Гедиминовичей (младшие братья Ягайло и Витовт).

Оказались в выигрыше и польская знать, и верхушка Гедиминовичей; для деятельности первой открывалось пространство Литвы, для второй – Польши. Но это была разного рода деятельность: польская – государственной, литовская – династической. При наличии единого правителя разграничивать сферы деятельности должны были инстанции обоих государств, но в Литве, помимо монарха, таких инстанций не существовало. Гедиминовичам (напр., брату Ягайло – Вигунту-Александру) предоставлялись княжества в Польше, а польские представители, уполномоченные правителем, посылались в Литву. Литовское войско помогало полякам, а польское – литовцам. Но в первом случае положение контролировали местные польские государственные инстанции, а во втором – это было во власти лишь общего монарха. А того в Кракове окружал польский государственный совет и другие сановники. Итак, поляки осваивали Литву, литовцы – Польшу, но первые действовали организованно через инстанции, а вторые – поодиночке. Практически это неминуемо приводило к встраиванию литовцев в польские государственные инстанции и мешало возникновению подобных инстанций в Литве. Иначе говоря, Литва превращалась в провинцию. Вся эта практика нашла отражение в деятельности канцелярии польского короля, взявшейся обслуживать и литовское делопроизводство (канцелярия при литовском монархе еще не была заведена, при необходимости обращались к услугам привлекаемых писарей). Даже при отсутствии внешнего польского сюзеренитета, подобное взаимовлияние двух государств привело бы к атрофированию литовской государственности, но теперь это отмирание усугубляли претензии представителей сюзеренной Польши. Ягайло любил бывать в обеих державах, но главным местом его пребывания все-таки стала Польша. В Польше Ягайло был не только король, но и признанный Европой монарх, а в Литве он еще был для Европы – никто. Кстати, опасность для литовской государственности проявлялась и через собственного властителя: Литву никто не поработал, но служение своему монарху становилось службой чужой стране, а литовцы у себя дома – делались людьми второго сорта.

Подобное положение было закономерно обусловлено язычеством и отсталостью Литвы. Уже советники Гедимины указывали, что путь в Европу и к достижению прогресса лежит через признание чужой гегемонии (этим путем шли все страны восточной части Центральной Европы). Наличие своего монарха гарантировало, что и в таких условиях не будет нарушено развитие собственной государственности. Уния с Польшей избавила властителя Литвы от подобной участи: Ягайло стал монархом и занял в центрально-европейской иерархии место рядом с королями Чехии и Венгрии. Гедиминовичи с честью вышли на европейскую арену, но это было осуществлено за счет своей национальной государственности.

Кревский договор создал в Польше новый династический центр Центральной и Северной Европы. Это было закономерным следствием развития региона. Вскоре (в 1397 г.) Кальмарская уния создала еще один такой центр в Дании. До смерти Людовика Великого и даже после нее сама Польша пребывала в тени гегемонистской Венгрии. Теперь в такую же

ть попала Литва. Ее отсталость и немногочисленность литовского народа (в собственном государстве он составлял меньшинство населения) делали гегемонию славянской Польши особенно опасной для Литвы. Временно приостановленный династический кризис и перевес Тевтонского ордена обретали новое очевидное и недвусмысленное выражение по мере усугубления процесса провинциализации Литвы.

г. Акция Ягайло по крещению Литвы

Крещение Ягайло официально означало крещение народа и государства. Отныне Ягайло (ставший после крещения Владиславом по имени своего крестного отца – князя Владислава Опольского) считался христианским властителем. Вместе с Ягайло крещение приняли его братья-язычники Каригаило (после крещения Кази- /169/ мир), Вигунтас (Александр), Швитригаило (*Свидригаило*, в крещении Болеслав). Ставший православным Витовт (Ягайло заставил его так поступить по возвращении в Литву) воспользовался этим поводом и возобновил исповедание католичества под именем Александра. Так в Кракове была окрещена династия. Это был основополагающий политический акт, в дальнейшем уже учреждались епископства и приходы для постепенного крещения людей на местах. Процесс крещения затягивался надолго. В подобных условиях Ягайло приходилось оглядываться на христианское окружение Литвы и учитывать яростную тевтонскую пропаганду, которая стремилась принизить значение происходящего. Поэтому было необходимо как можно быстрее, шире и убедительнее провести акцию по крещению края. С этой целью Ягайло в начале 1387 г. прибыл в Литву. Польская церковь вяло выполняла миссионерскую работу и не была готова к осуществлению этой акции, ее высшие иерархи остались в стороне. Ягайло сам провел огромную организационную кампанию, к которой привлек толковых помощников. Подключение административного механизма Литвы (тиуны собирали людей к прибытию священнослужителей) позволило достичь значительного успеха. Крещение приняло дворянство, а в окрестностях административных центров (замков и дворов) крестились селяне. Подобная мощная единовременная кампания выделила Литву из всех ранее окрестившихся стран региона: они совершали всё это в условиях, когда государство было еще не способно осуществить подобную акцию. Административный контроль над сельскими общинами позволил без труда учредить первые приходы, но эта деятельность требовала затрат, потому она не была достаточно широкой и скорой. Все-таки уже в 1387 г. был построен каменный кафедральный собор в Вильнюсе. Первые приходы были учреждены в Укмярге, Майшыгале, Лиде, Неменчине, Мядининкай (близ Вильнюса), Крево, Гайне и Обольцах. Это были местности в Вильнюсском и Витебском княжествах, принадлежащие самому Ягайло. Управляемое Скиргайло Тракайское княжество осталось за рамками этой первоначальной кампании. Примечательно, что, закладывая основы сети приходов (вынужденно редкой), Ягайло особое внимание уделял литовским землям, наиболее близким к русскому погра- /170/ ничью (Гайна, Обольцы). Тем самым сознательно пресекалась дорога для распространения православия (напр., его принял ольшанский князь Иван Альгимонтович, он же *Йонас Альгимантайтис*). Строящиеся приходские костелы получали привилегии на содержание, подтверждавшие выделение земель и крестьян с их повинностями. Предполагаемому Вильнюсскому епископу Ягайло 17 февраля 1387 г. предоставил особенный привилегий, включающий выделение земельной площади с несколькими домами в Вильнюсе, замок Таурагнай с прилегающей волостью, села Лабанорас и Молетай, местечки Дамбрава, Вяркяй и Бокштас, т. е. одарил епископа небольшим княжеством. Земли епископа и приходов освобождались от всех повинностей, даней и платежей. Эти акты путем рецепции формировали привилегированное церковное землевладение, а также патронат великого князя над учреждаемыми храмами (патрон подбирал кандидатов на церковные должности). В Литве не была введена всеобщая выплата церковной десятины, ибо с самого начала учреждалось церковное землевладение. Однако позднее в отдельных случаях

взимание десятины практиковалось. Спустя два года – привилеем от 10 января 1389 г. – Ягайло дополнительно наделил храмы правом взимания шести рублей серебром в год и десятиной с некоторых деревень. Превосходно сочетая работу вышколенного административного аппарата и немногочисленных, прибывших из Польши, рядовых священников и монахов, – Ягайло весьма эффективно внедрил католичество в наиболее важных точках страны. Историческая традиция, рожденная поколением, жившим после смерти монарха, приписывает Ягайло перевод молитвы «Отче наш» на литовский язык (с польского). Подобное суждение следует расценить лишь как заботу об осуществлении перевода, но и она подтверждает заслуги Ягайло в распространении основ верования. Два акта определили статус католической веры как государственной религии. Привилеями от 17 февраля 1387 г. закрепил за дворянами-католиками их земли на правах вотчины. Привилеями от 22 февраля 1387 г. запрещал католикам брак с православными, а в смешанных семьях предписывал последним принять католичество. О языческой вере не было даже речи, все язычники должны были стать католиками. Так возник характерный для государств средневековой Европы конфессиональный императив, а православные не получили сословных привилегий. /171/

Ягайло переступил порог, о который споткнулся Гедимин и который никак не решался перешагнуть Ольгерд. Польских и чешских священнослужителей литовцы не считали носителями немецкой веры: они говорили на языке, похожем на язык близких русских, которые были такими же подданными своего монарха. Дворяне и тиуны покорно следовали за великим князем, народ – за тиунами. Ягайло окрестил Литву как ее великий князь, призвавший на помощь рядовых польских священников и руководивший ими. Польские епископы и прелаты в этой кампании не участвовали, так что Литву окрестила не Польша, Литва крестилась сама. Однако культурный уровень и культурные связи нового христианского государства были таковы, что оно само не могло сообщить об этом событии папе и христианским монархам. И тут Ягайло /172/ действовал уже как король Польши – через польские инстанции. В ту пору Западная Церковь переживала раскол, и Польша признала пап, чьим местопребыванием был Рим. Источники противоречат друг другу, однако ясно, что Ягайло посылал к папе Урбану VI не одного гонца (первый из них, Николай Трамба, был перехвачен и заточен в Австрии, мстившей, по всей вероятности, за Ядвига; другими могли быть Познаньский епископ Доброгост и поверенный декретный доктор Святослав). 17 апреля 1388 г. в булле, адресованной Ягайло, Урбан VI признал крещение Литвы состоявшимся. Ягайло получил поздравление от французского короля Карла VI. Но все эти поздравления направлялись королю Польши. Поступок великого князя Литовского был заслонен его сюзереном.

Крестоносцы не признали крещения Литвы. Тевтонская пропаганда объявила его показным и недействительным. О крещении жямайтов речь вообще не шла. Однако главный шаг был сделан, и его санкционировал глава католической церкви (окончательно Урбан VI признал Литву католической страной в булле от 19 апреля 1389 г.). В 1388 г. Доброгост рукоположил в сан Вильнюсского епископа польского францисканца, епископа Серетского (Молдавия) Андрея. Был учрежден Вильнюсский кафедральный капитул. Вильнюсское епископство непосредственно подчинялось папе.

Приблизительно за год в Литве было введено католическое вероисповедание, создана и материально обеспечена дееспособная церковная организация. Великое княжество Литовское официально стало христианской страной. Конфессиональное отставание от Европы было преодолено.

д. Первые проявления польского гегемонизма и Островский договор

Кревский договор помешал Ульяне сблизить Литву с Москвой. Открывшиеся перед

верхушкой Гедиминовичей новые династические перспективы лишили мать Ягайло значительной части прежнего влияния. Усиление позиций Ягайло, связанное со вступлением на польский трон, заставило покориться его старших братьев – Владимира, а позднее и Дмитрия. Однако затихнувший конфликт с Андреем вспыхнул с новой силой. Андрей претендовал на Витебск и продолжал тесно сотрудничать с Москвой (в 1385 г. его сын Николай выступил вместе с Дмитрием Донским против рязанского князя Олега). Однако, как и в начале конфликта, Андрей более ориентировался на Ливонский орден. Заключенный с магистром /173/ ром края Робинотом Эльзеном 10 октября 1385 г. договор признавал Ливонский орден сюзереном Полоцкого княжества. Союзником Андрея стал смоленский князь Святослав. В конце зимы 1386 г. северо-восточную область Литвы охватили военные действия. Робинот Эльзен три недели разорил Восточную Литву, достигнув Ошмян и угнав в неволю 3000 человек. Андрей захватил Витебский замок. Святослав присоединил две волости и осадил Мстиславль.

Сравнительно слабые противники нанесли Ягайло немалый вред. После отъезда великого князя в Краков нарушилась оборонительная система страны. Между тем, коронный совет Польши уже во время коронации Ягайло предпринял шаги для распространения своей гегемонии на Литву. Некоторые братья Ягайло и Витовт должны были остаться в Кракове в обеспечение союзных обязательств. Литовские князья при всей роскоши содержания и обилии угощений были под зорким присмотром поляков и фактически стали их заложниками. Таким образом коронный совет начал осуществлять контроль над династическим институтом Литвы.

Война на северо-востоке Великого княжества Литовского заставила отпустить князей-заложников. От них была взята письменная присяга на верность Ягайло, Ядвиге и польской короне, а в поддержку дан отряд польских рыцарей. Собрав еще некоторое число литовских воинов, Скиргайло, Витовт, Корибут и Лугвений-Семен (*Lengvenis Simonas*, принявший православие младший брат Ягайло) в апреле 1386 г. поспешили к месту событий и на реке Вехре разгромили войско Святослава Смоленского. Святослав погиб, его сыновья Юрий и Глеб попали в плен, осада Мстиславля была снята. Юрия отпустили в Смоленск как вассала Литвы, Глеб остался в заложниках, город Смоленск заплатил выкуп. Андрей остался изолирован в Полоцке. Патрикей Наримонтович еще держался в Новгороде, где в 1386 г. усилились антимосковские настроения. Однако в том же 1386 г. возобновились нападения прусской ветви Тевтонского ордена: маршал Конрад Валленрод разорил области Укмярге и Ошмяны. В 1387 г. он дошел до Майшягалы. В 1388 г. окрестностей Укмярге достиг новый маршал Ордена Энгельгардт Рабе. Литовцы вторглись в Пруссию в 1388 г., но общая военная инициатива очевидно принадлежала крестоносцам. В 1388 г. Ягайло встретился с руководством Тевтонского ордена, но соглашения не достиг.

Всё это совершалось в пору, когда Литва проводила кампанию массового крещения, а ее войско летом 1387 г. помогало полякам возратить Червонную Русь, которую Людовик Великий отдал Венгрии. В этой операции участвовал Витовт и другие литовские князья. Скиргайло осадил Полоцк, а в конце марта – начале апреля 1387 г. взял его. Захваченный Андрей был отправлен в распоряжение Ягайло, который, заточив его в Хенцинском замке, повел себя не как великий князь Литвы, но как король Польши. Полоцкое княжество Ягайло закрепил за Скиргайло. В 1388 г. присягу на верность польской короне принес старший брат Ягайло Дмитрий, порвавший связи с Москвой. Лугвений-Семен стал князем новгородским, и это был заметный успех Ягайло. Ягайло по смерти Любарта (около 1385 г.) оставил его сыну Федору Владимир-Волынский, а большей частью Волыни стал управлять напрямую, назначив заместителем острогского князя Федора. Однако подобными единичными действиями Ягайло не мог упрочить свое положение в Литве. Ему было сложно из Кракова управлять Вильнюсским княжеством. В поисках выхода Ягайло был вынужден опереться на одного из своих братьев, которому наиболее доверял. Такой фигурой стал Скиргайло, имевший перед Ягайло много серьезных заслуг еще со времен конфликта с Кейстутом. В 1387 г. за ним были письменно закреплены права на Полоцкое и Тракайское княжества, ему

было поручено управление Вильнюсским княжеством, а сам он возвышен над всеми другими Гедиминовичами. Обретя подобное положение, Скиргайло поклялся в верности польской короне.

Предоставление полномочий Скиргайло было административным экспромтом, не создавшим никакой новой государственной должности или административной системы. На общем фоне взаимоотношений Польши и Литвы это было лишь перекариванием литовских земель при назначении временного монаршего агента. Права Скиргайло в Вильнюсском княжестве не были четко обозначены. В 1389 г. был уволен вильнюсский староста Андрей Гаштольд (*Goštautas*), а гарнизоны большей части замков заменены присланными поляками, руководить которыми стал польский дворянин Клеменс Москожевский. Все эти события разрушали государственность Великого княжества и нарушали его суверенитет.

Управление литовскими землями, осуществляемое из Польши, не прекратило распрей между князьями Литвы. Конфликт Ольгер- /175/ довичей и Кейстutowичей, утихший с прибытием в Литву Витовта, продолжал тлеть взаимной ненавистью Витовта и Скиргайло (считавшегося прямым убийцей Кейстута). Витовта задевало возвышение Скиргайло и невыполнение обещания вернуть Тракай. Понимая это, Ягайло в 1387 г. предоставил Витовту значительную часть Волыни (с Луцком) и 29 мая 1387 г. публично примирил двух смертельных врагов. Наученный Витовтом в 1382–1384 г., король не желал с ним ссориться. Дабы удовлетворить других своих родных и двоюродных братьев, Ягайло отдал Кярнаве Вигунту-Александру, а Новгородок – Товтивилу-Конраду. Эти действия дробили великокняжеский домен и, временно умеряя аппетиты отдельных князей, не устраняли тенденций к феодальной раздробленности. Смышлёные люди (такие, как Витовт) углядели в таком положении выгодные возможности и не преминули ими воспользоваться. Деятельный сын и наследник Кейстута успел превратить Гродно и Луцк в важный региональный центр Великого княжества Литовского. В 1388 г. он первым в истории Литовского государства предоставил евреям (Брестской общине) привилей, устанавливающих их права. Витовт и в дальнейшем развивал добрые отношения Кейстута с Москвой: в 1387 г. его по пути из татарского плена навестил сын Дмитрия Донского Василий, тогда же он был помолвлен с дочерью Витовта Софией. Эти связи благословлял митрополит Киприан, возвысившийся благодаря компромиссу Литвы и Москвы. При дворе Витовта на правах почетных гостей жили пленники – комтур крестоносцев Марквард Зальцбах, через которого князь поддерживал связи с Тевтонским орденом, и Глеб Смоленский. Преследуя свои цели, Витовт не гнушался поддержки людей, имевших влияние на королевский двор в Кракове: Луцк он получил при содействии матери Ягайло Ульяны, помолвка Софии сопровождалась хлопотами старосты Червонной Руси Яна Тарнов- /176/ ского и краковского воеводы Спитека из Мельштына (*Спытко Мельштинский*). Последний случай многое говорит о положении удельных литовских князей в политической системе, созданной Кревским договором: их благополучие во многом зависело от прихотей польской знати.

Ягайло понимал, что в лице Витовта растёт конкурент, способный в будущем ослабить его положение в Великом княжестве Литовском. Помолвка Софии не была утверждена, у Товтивила был отнят Новгородок, у Ивана Альгимонтовича – Ольшаны (Альшенай). Письма Витовта стали перехватывать, его приближенных задерживать, допрашивать и лишать свободы. Ягайло отказался письменно подтвердить принадлежность Витовту Гродно и Луцка. Всё это провоцировало открытый конфликт. Подобные конфликты с неизбежностью порождала сама структура Великого княжества, но в случае с Витовтом с особенной наглядностью проявлялись гегемонистские устремления Польши. Замена литовских исполнителей польскими, размещение польских гарнизонов в литовских замках, пребывание монарха в Кракове – всё это грубо нарушало нормы, привычные литовской феодальной элите. Как уже говорилось, Литву никто не завоевал, но ее князья и дворяне почувствовали себя на вторых ролях в своей же стране. Мнение элиты влияло и на общественные настроения в целом. Растущее всеобщее недовольство искало лидера, и такому человеку, как сын Кейстута Витовт, не требовалось объяснять, что происходит. Потому естественным

результатом его зреющего конфликта с Ягайло должно было стать восстание. Отвоеванное положение, а также связи Маркварда Зальцбаха позволяли рассчитывать на поддержку Тевтонского ордена, обманутого Витовтом в 1384 г.

Витовт восстал в конце 1389 г. Воляняне его не поддержали. В Слуцке племянника Ягайло Григория, сына Константина, умирили князь Заславля Николай Явнутович и князь Городка Иван. Всё должно было решаться в этнической Литве. Воспользовавшись отъездом Скиргайло в Полоцк, Витовт, под прикрытием свадьбы одной из княжон, хотел занять Вильнюс, но Судимонт выдал его планы Корибуту, который помешал осуществлению замысла. Центром восстания стало Гродно.

Как предполагал Витовт, Тевтонский орден и на этот раз согласился его поддержать. Однако, имея все основания не доверять Витовту, крестоносцы не спешили идти на Тракай или Вильнюс. Витовт отпустил Маркварда Зальцбаха, отправил в Пруссию брата Сигизмунда и его сына Михаила, сестру Римгайлу, Ивана Ольшанского и свыше ста дворян. Получив заложников, великий ма- /177/ гистр Цёльнер Раттенштейн прислал в Гродно своих уполномоченных – Маркварда Зальцбаха, комтура Арнольда Бурглена и Фому Сурвилу. Там же, в Гродно, 19 января 1390 г. был заключен договор: Витовт признал верховенство Ордена, а Орден обязался его защищать. В Гродно обосновался тевтонский гарнизон под началом Маркварда Зальцбаха. В начале 1390 г. польское войско во главе с Ягайло заняло Брест и Каменец. В обоих замках были посажены польские старосты – Гинча из Росковиц и Зиндрам из Машковиц. Внутрелитовская война превратилась в войну между Польшей и Тевтонским орденом за Литву. У сторонников Ягайло и Витовта не было иного выхода, как поддерживать тех или других интервентов. Новые династические возможности, предоставленные Кревским договором, провели черту между интересами верхушки Гедиминовичей и литовскими национальными и государственными интересами.

В феврале 1390 г. большое войско Тевтонского ордена, при участии Витовта, вторглось в Литву. Весь Кярнавский замок был сожжен самим его гарнизоном, а Майшыгалу взяли и разрушили крестоносцы. При поддержке поляков Ягайло и Скиргайло 16 апреля 1390 г. заняли Гродно. Вблизи Каунаса крестоносцы построили Риттерсвердер, а рядом с ним – замок Меттенбург. При посредничестве Витовта была возобновлена практика соглашений с жямайтами. 26 мая 1390 г. жямайты пообещали Ордену военную поддержку и заключили с ним торговый договор. Примечательно, что помощь была обещана и Витовту, а спорные случаи должна была разбирать комиссия, состоящая из тевтонских и жямайтских арбитров под руководством маршала и Витовта. Фактически признавался кондоминиум Ордена и Витовта в Жямайтии.

В конце лета 1390 г. большое войско крестоносцев (при участии ливонцев) и Витовта (по преимуществу – жямайты), вступило в Литву. С ним шли 300 англичан под командой графа Дерби (будущего короля Генриха IV; англичане все еще «искореняли язычество»). Возникший между англичанами и немцами спор о том, кому принадлежит право нести священное знамя св. Георгия, разрешили Витовт и его супруга Анна (Она). При переправе через Нярис был разбит Скиргайло, взяты в плен двоюродный брат Ягайло Семен (сын Явнута) и племянник Глеб (сын Константина). Начавшаяся 11 сентября осада Вильнюса длилась 5 недель. Был взят деревянный «Кривой» замок, где погиб брат Ягайло – Каригайло- /178/ Казимир. Гарнизон каменных верхнего и нижнего замков под командой Клеменса Москожевского удержался, хотя мощная артиллерия крестоносцев нанесла замкам значительные разрушения. Пал брат Витовта Товтивил-Конрад, обе стороны понесли большие потери. Несмотря на то, что крестоносцы и Витовт вынуждены были отойти, – все отчетливее проявлялось всеобщее неприятие Ягайло и поддержка Витовта. Прибывшее летом 1390 г. посольство великого князя Московского Василия I (Дмитрий Донской умер в 1389 г.), вывезло из Литвы – через Данциг, Ливонию, Псков и Новгород – его невесту Софию. Став тестем Московского князя, Витовт усилил свои позиции.

Невзирая на вассалитет Витовта по отношению к Тевтонскому ордену, последнему приходилось учитывать реальное положение этого князя в Литве. Орден отдал ему замок

Бартенштейн в Пруссии. Ход боевых действий определял не Витовт и его воины, но, как показал осенний 1390 г. поход на Вильнюс, это была отдельная серьезная сила. На личной печати Витовт стал изображать себя всадником (ранее это было прерогативой великого князя Литовского). Внутрелитовская война, идущая на фоне польской и немецкой интервенции, становилась все более ожесточенной (напр., голова погибшего в Вильнюсе Каригаило была отрублена и насажена на пику). На разоренных землях свирепствовал голод. Всё это косвенно усиливало популярность Витовта в Литве, престиж его возрастал. Ягайло отвечал на это усилением польских гарнизонов на территории Литвы. В Вильнюсе Клеменса Москожевского сменил Ян Олесницкий. Фактически это означало, что лагерь Витовта становится опорой национальных интересов, а тем самым интервенция Тевтонского ордена – неприятной, но всего лишь тактической необходимостью. Если в начале 1390 г. предательство Витовта выглядело менее предосудительным, чем Ягайло, – в конце того же года деятельность Витовта в еще меньшей степени напоминала измену.

Конечно, руководству Тевтонского ордена ход событий представлялся иначе. Великий магистр Конрад Валленрод (Цельнер Раттенштейн умер в 1390 г.) при поддержке Мейсенского маркграфа Фридриха IV, Саксонских графов Шварцбурга, Глихена и Плауэна, французских (ими командовал маршал Бусико), шотландских и английских рыцарей, в конце лета 1391 г. объявился под Каунасом. От Стревы великий магистр и его подручные повернули на Тракай, а маршал и Витовт – /179/ на Укмярге. Тракай сжег сам Скиргайло. После подхода великого магистра замок Укмярге был взят, польские пленники отосланы в Пруссию, а литовцы и русские присоединились к Витовту. Вильнюс остался недосягаем: после применения Скиргайло тактики «выжженной земли» недостаток еды и фуража заставил Витовта и крестоносцев вернуться в Пруссию. Одним из важных результатов похода было усиление замка Риттерсвердер, к нему пристроили мощные деревянные предзамковые укрепления. Строительство было доверено Витовту. Из этого следовало, что Тевтонский орден волей-неволей был вынужден признать его роль, а сам Витовт вбил клин в Ягайлову оборонительную систему. Литовские дворяне и русские бояре все чаще переходили на сторону Витовта. Осенью 1391 г. он взял Мяркине (польские пленные были отданы Ордену). При появлении Витовта под Гродно литовцы и русские заперли поляков в замковой башне и сдали ему город. В начале 1392 г. Витовт и крестоносцы, разбив Корибута близ Докудова, взяли Новгородок (Новогрудок). Ягайло прибегнул к крайним мерам. Непопулярный Скиргайло был удален из Вильнюсского княжества, власть сконцентрирована в руках Яна Олесницкого. В обмен на военную /180/ помощь, нужда в которой всё более возрастала, князю мазовецкому были переданы Дрогичин и Мельник. Было намерение вместо Скиргайло назначить преданного полякам Александра-Вигунта, но он скоропостижно умер. Ягайло оставалось опираться лишь на Польшу; но, чем больше рыцарей втягивалось в войну, тем острее проявлялось их недовольство. Рыцари не желали отправляться в чуждую им Литву.

Яростная борьба продолжала сотрясать этническую Литву, а на восточной границе ощутимо возрастала московская угроза. Москва ослабляла позиции Литвы, но вместе с тем действовала и как союзница Витовта. Тохтамыш поручил Василию I управлять Нижним Новгородом, Тарусой, Муромом и Мещерой. Василий I совершил нападение на Новгород, чем наконец принудил Лугвения (*Лингвена*) отказаться от власти в этой республике. Восточную границу Великого княжества Литовского атаковал рязанский князь Олег. Тем временем конкурент Ягайло Владислав Опольский пытался сколотить антипольскую коалицию Венгрии, Чехии и Тевтонского ордена. В таких условиях борьба с Витовтом стала для Ягайло чрезвычайно важной проблемой.

Уже 6 лет Ягайло был королем Польши. Они не прошли даром для этого хитроумного политика. Взойдя на польский престол, он позаботился о своих вотчинных правах на Великое княжество Литовское, но совершенно не учел политических интересов литовского дворянства. Дворяне, пусть им пока не удалось создать сословные институты, уже хорошо понимали свое место в государственной структуре. Всё более склоняясь к Витовту, они тем

самым возвышали необходимого им антимонарха. Это и делало Витовта /181/ выразителем национальных интересов; он это хорошо понимал и еще успешнее этим пользовался. Наконец и Ягайло всё это понял. Надо признать, он умел отказываться от максималистских доктрин и находить достойные компромиссы. Ягайло решился пойти на значительные уступки Витовту и при этом сохранить правовую основу своей вотчинной и сюзеренной власти. Замыслы Ягайло были одобрены реально мыслящими членами коронного совета, а никого другого в них не посвящали. В начале 1392 г. в Пруссию прибыл тайный эмиссар Ягайло, брат мазовецкого князя, Плоцкий епископ-элект Генрих. Он встретился с Витовтом и рассказал о предложениях Ягайло. Дабы развеять подозрения крестоносцев, он посватался к сестре Витовта Римгайле (и вскоре на ней женился, отказавшись от епископского сана). Ягайло сулил Витовту целиком Тракайское княжество и пост своего наместника во всем Великом княжестве Литовском. Говоря иначе, предлагаемый компромисс делал Витовта фактическим, а Ягайло – лишь номинальным властителем Литвы.

Витовт принял предложения Ягайло, но сразу действовать не мог, ибо следовало позаботиться о предоставленных Ордену заложниках. По мере укрепления своего престижа Витовт уже в 1391 г. начал освобождать их под самыми разными предлогами. Теперь Витовт осторожно продолжал это делать, не привлекая внимания крестоносцев. Он собрал почти всех заложников, за исключением брата Сигизмунда. В мае 1392 г. Витовт при содействии Маркварда Зальцбаха отправился походом на Литву, достигнув Мядининкай (близ Вильнюса). Прибывшие в Пруссию (в том же мае месяце) послы короля Венгрии Сигизмунда Люксембурга отвлекли внимание руководства Ордена, и это позволило Витовту должным образом подготовиться к решительному шагу. В июле он собрал своих дворян и атаковал Риттерсвердер. Разгромив его, повернул к Гродно, укрепил его и разрушил две соседние тевтонские крепости – Новое Гродно и Меттен. 5 августа прибывший в Литву Ягайло встретился с Витовтом в Островском дворе (близ Лиды). Витовт явился на встречу как истинный князь – с военным отрядом и придворными. Был заключен Островский договор. На сей раз Ягайло свои обещания выполнил неукоснительно: Витовт получил назад Тракайское княжество и стал наместником великого князя Литовского.

Островский договор состоял из нескольких актов, четко разделявших прерогативы Литвы (как вотчины Ягайло) и сюзеренной Польши. Тем самым был определен и очерчен принцип государственности Литвы, обойденный в Кревском договоре. Получая должность наместника Ягайло, Витовт обещал быть верным польской короне и не покидать ее. Это была формула верности, а не омагиум /182/ (отдание себя в полную власть). В практике европейского ленного права это соответствовало скорее внешнему, чем внутреннему вассалитету. Оба Гедиминовича уже овладели основными постулатами ленного права, поэтому свои договоренности они изложили много яснее, чем в Кревском акте. Островские соглашения исправили двусмысленность Кревского договора.

Наиважнейшей была не правовая, а фактическая сторона Островского договора. В Литовском государстве возникла центральная и отдельная от Польши инстанция. Хотя учрежденная должность наместника и была в подчинении Польши и номинального монарха Литвы на принципах вассалитета, – она стала заслоном, ограничившим деятельность польских сословных инстанций в Литве. Тем самым нарушенное развитие литовской государственности было возвращено в нормальную колею. Литовское княжество было достаточно велико, чтобы дать отпор аннексионистским потугам польских политиков, – если силы его были накоплены и направлены в это русло. Должность наместника как раз создавала для этого все возможности, и досталась она человеку, как будто специально рожденному для нее. Вхождение Литвы в Европу обрело совершенно иной характер: Литва совершала его как государство, пусть и с ограниченным суверенитетом. Кризисное состояние как следствие проявлений отсталости Литовского княжества, – было преодолено. Островский договор стал сравнительно успешным завершением раннемонархического и языческого периода. /183/

9. Культура языческой Литвы

а. Верования литовцев

Народы восточной части Центральной Европы принимали христианство по мере создания их государств или вскоре после возникновения государственности. В Литве между двумя крестителями (Миндовгом и Ягайло) сменилось четыре поколения. Сложилось редкостное возмещение для племенного языческого верования – далее развиваться в условиях организованного общества. Если в латышской мифологии господствовало женское начало, то самые могущественные божества литовского культа относились к мужскому роду. Правда, это применимо и к прусской мифологии, но последняя многое позаимствовала у близкого моря и соседних народов, чего не скажешь о литовцах в догосударственную эпоху. Влияние идеологии пруссов следует отметить, об этом с очевидностью свидетельствует амфикиония (межплеменное святилище) в Ромуве (Надрува). В конце XIII в. она, кстати, переместилась в Литву.

Мужское начало возобладало в верованиях общества, руководимого воинами, а позднее князьями, но оно не уничтожило женских божеств, лишь отодвинуло их на второе место. В первые века новой эры культ матери всех богов (с характерной атрибутикой «кабаньих» амулетов) сохранился в фетишизации плодородия земли и питаемых ею жизненных сил, в бытовых изображениях свиньи и тучи. Где-то в глубине персонифицируемой природы таились Жямина (от «žemė» – земля) и Мядейна (от «medis» – дерево), а человеческую судьбу определяли Аушрине (от «aušra» – утренняя заря) и Вею Мотина, мать всех ветров («vėjas» – ветер). Однако у Аушрине был брат Аушвейтас, а конкретными защитниками земледельца и хранителями крестьянского добра были Лауксаргис (от «laukas» – поле и «sargas» – сторож) и Жяменатис (от «žemė» – земля и «pats» – сам). Живущий в лесах и на деревьях Пушкайтис (от «pušis» – сосна) рассыпал повсюду своих посланцев-бесенят. Лайме (счастье) и Гильтине (смерть) сопровождали человека от рождения до могилы, а целомудренная Аустя (от «austi» – ткать) опекала пчел и была благосклонна к достойным людям.

Боги занимались преимущественно своими делами. Их следовало умолять и умастить, чтобы они, погружаясь в свои /184/ заботы, не обидели человека. Литовские боги еще не обрели антропоморфного облика, однако выявились пределы и объем их могущества. Через них литовец воспринимал вселенную. Его мироощущение четко выделяло землю, лес, воздух, воду (мир воспринимался как земля, плывущая по водам). Характерное для индоевропейцев «утроение» явлений литовцы восприняли и продолжили, не отрываясь от природных стихий, но их гармонично сближая в «сфере деятельности» божеств. Человек общался с богами на небе, на земле и под землей. Литовская мифология довольно оригинально развивала общие индоевропейские мифологические мотивы. Ей знакомы сюжеты о всемирном потопе и племени великанов. Человеческий род происходил от старцев («senukai»), имевших любовную связь с землей. Эру великанов воплощал Пракоримас – великаный бог. Представления о загробной жизни были связаны с реальным существованием. Эпоха военной демократии оставила четкий след в культе героев. Государей в мир иной сопровождал многочисленный инвентарь. Отправление культа предков у простого человека сопровождалось поминальными угощениями.

Возникшие воинское, а затем и дворянское, сословия не могли удовлетвориться таким пантеоном, воплощавшим неясные природные проявления. Потребности общественной элиты привели к воцарению главных богов. Кстати, первоначально это были три сферы божественного промысла. Им соответствовали три главных мужских божества – Пяркунас (*Perkūnas*), Кальвьялис (*Kalvelis*) и Андевис (*Andievis*). Кальвьялис был связан с огнем,

Андевис – с культом ужей и Луной. Особняком стоял культ Пяркунаса, у которого были явные параллели: древнегреческий Зевс, римский Юпитер, а в особенности славянский Перун и скандинавский Тор. Пяркунас правил молниями и преследовал айтварасов (*aitvaras*) – многообразных представителей нечистой силы с непредсказуемым поведением. Как и другие индоевропейские народы, литовцы приносили человеческие жертвы.

Персонификация природных сил привела к возникновению священных лесов, вод, животных. Образовались места отправления обрядов (*alkai*) и прослойка служителей культа. Они предсказывали будущее, собирали предназначенные богам дары (до трети военной добычи). Однако эта прослойка не выросла в касту жрецов, не обрела социальной и политической роли, ибо выразителями культа стали князья. Лишь под влиянием христианства кафедральный храм мог быть превращен в языческое святилище. Таких пунктов могло появиться и больше, но суть не менялась: языческое верование не достигло ранга религии, служители культа не стали Церковью, образы божеств и фрагментарные сюжеты их бытова- /185/ ния и отношений с людьми не доросли до уровня мифов, тем более – мифологических циклов.

Практическая сторона мироощущения литовцев проявилась в увязывании хода небесных светил со сменой времен года и в создании земледельческого календаря. Существовал довольно обширный именованный звезд и созвездий, литовцы умело ориентировались в небесных позициях. Год был разбит по месяцам на основе календаря, поэтому появился дополнительный «выравнивающий» месяц. Были отмечены равноденствия и солнцестояния, но представление о неделях отсутствовало. Цикл удлинения и сокращения дня тесно увязывался с земледельческим календарем. Год выявился как главная единица измерения времени, но системы летосчисления не было. Прошлое воспринималось статично. Подобный уровень позволял найти общий язык с христианами и воспользоваться христианским календарем для измерения временных отрезков.

Верование литовцев лишь в разрозненных эпизодах усматривало реакцию богов на поведение человека, чаще всего взаимоотношения людей и божеств воспринимались как некая сделка, в которой средством оплаты выступали мольба и жертвоприношение. Достоинство и благородство связывалось с местом посмертного /186/ пребывания лишь у воинов (позднее – дворян): храбрые воители заслуживали почета в среде живых и в королевстве мертвых. Это была половина пути к образцу германской Валгаллы. В целом же достойное поведение нормировала не столько божественная воля, сколько традиции и мнение окружающих: это было делом самих людей, а не божеств. Однако подобных установок хватило для формирования общественной морали. Политическая концепция Гедимины четко определяла аморальное поведение, выводя его из агрессивности целей и низости действий Тевтонского ордена. Языческая Литва, столкнувшись с колониальной идеологией военных орденов, сумела твердо сказать, что заявленным идеалам воинствующих миссионеров полностью противоречат их земные дела.

б. Литовский язык

Возникновение государства породило необходимость в налаживании и укреплении связей между элитами различных областей, а государственная организация для своего обслуживания потребовала новых понятий и средств выражения. Всё это сказывалось на развитии языка и обогащало его. Литовские говоры племенного периода несколько упростили сложную систему индоевропейских глаголов, отсутствовали пассивные конструкции (страдательный залог). С исчезновением аориста и перфекта время стало выражаться презенсом, претеритом и футурумом (ср.: последнего не было в готском языке, когда Ульфилла переводил на него Библию). Сформировались причастия, однако их страдательная форма еще не получила развития. Еще не было специальных форм числительных от 1 до 19, точного личного местоимения третьего лица, местоимение и

прилагательное полностью не слились в виде местоименных прилагательных. Сохранился еще средний род некоторых местоимений. Основу языка составили самостоятельные слова, хотя количество служебных слов возрастало. Все эти перемены позволили племенным говорам обрести новые объединительные черты и тем самым удовлетворить потребности нарождающихся общественных отношений. /187/

в. Фольклор

Мироощущение литовцев было тесно связано с природой, и этим обусловлено важное место эпоса о животном мире в устном народном творчестве. В отдельных произведениях чрезвычайно художественно изображены картины противостояния рода и семьи, переполненные образами животных и растений. Лирическим драматизмом этих образов пронизано всё народное творчество. Сегодня трудно сказать, какая по объему часть фольклора была лирической, но именно она наиболее успешно выдержала испытание временем. На этой основе выросла разновидность малого военного эпоса – песни о князе Судайтисе, о том, как были истреблены его воины и разрушен замок. Были очень популярны песенные циклы о гибели воина (как его собирают в поход, провожают, ожидают, получают горестную весть) или выкупе его из неволи. Художественность этих песен – величайшее достижение литовского устного творчества. Страдание выражалось не в форме бытовых жалоб, а в жанре подлинной трагедии, многое говорившей о существе и подробностях реальной жизни: о войне и разрухе, о разлуке с любимыми и утрате близких. В этих песнях царит лирическое начало, но сами они обретают несомненный эпический акцент, силу трагедийного обобщения.

Отдельные события стали основой эпического повествования. Источники упоминают песни о Гурдасе Гентвилайтисе, о гедрайчском князе Даумантасе (Довмонте). В форме поэтических повествований сложились и сохранились предания о походе Ольгерда на Москву, о Гедимине и Вильнюсе, Кейстуте и Бируте. До сих пор остается загадкой цикл песен о князе Шарунасе: его архаические образы выражены строками сравнительно новой формы.

Ранне-монархический период удержал и сберег сутартинес (*sutarinè*, от *sutari* – ладить, быть в согласии: многоголосные полифонические песни) и трудовые песни, возникшие в родо-племенную эпоху. Струнные инструменты типа канклес (близкие русским гуслиям), бирбине (свирель), рога составляли музыкальный инвентарь. При отсутствии грамоты фольклор не оставил каких-либо образцов письменного литературного творчества. /188/

г. Искусство

Художественное творчество литовских ремесленников получило известность еще до возникновения государства. Наиболее развитой областью было изготовление украшений, где уже само изделие становилось произведением искусства, а не набором прикладных художественных элементов. В XIII–XIV в. мало менялся используемый материал: преобладали латунь и бронза, чуть чаще стало применяться серебро. Была в ходу техника литья и штамповки жести, инкрустации из стекла и эмали. Значительная часть изделий сохраняла традиционные формы с преобладанием геометрического орнамента. Сохранялась и привычная номенклатура украшений: ожерелья, браслеты, пряжки, заколки. Военная добыча и торговля познакомили литовских мастеров с образцами русского и немецкого ювелирного дела. Формы изделий стали более разнообразными, а художественные решения более цельными. Работавшие при монаршем дворе немецкие ювелиры отличались собственным стилем и особыми навыками, которые были усвоены литовскими мастерами.

Прикладная живопись нашла выражение в деревянной архитектуре, керамике, ковке, резьбе по кости. Большого прогресса достигло художественное ткачество. В начале XV в. изделия литовских ткачей часто преподносились как великокняжеские подарки.

Возникшее в Литве XIII в. каменное строительство опиралось на т. н. балтийскую технику кладки (из крупного кирпича), которую можно считать периферийным вариантом романского строительства. Немецкая и русская строительные технологии, многое переняв у местных каменщиков, породили оригинальные местные формы. Именно на такой почве в XIV в. были достаточно широко применены элементы европейского архитектурного декора (хотя освоены оказались лишь самые простые из них). Несмелые попытки художественного декорирования опирались на романский стиль, позднее – на готику. Литве не доставало основных аккумуляторов институционального искусства – храмов. При постройке замков готика использовалась достаточно сдержанно, даже скованно.

В XIV в. Литва понемногу знакомилась с готикой, но это почти не нашло отражения в собственной художественной продукции. /189/

д. Применение письменности

Бесписьменное литовское общество при создании государства сразу столкнулось с двумя письменными системами – латинской и русской. Этот дуализм нашел выражение уже в княжеской сфрагистике: использовались печати с русской и латинской легендами. Письменность применялась почти исключительно для внешних сношений. В XIII в. такие потребности были ничтожны. Акты дарения, адресованные Миндовгом Ливонскому ордену, были составлены орденским писарем и поданы монарху для приложения личной печати. Однако развитие связей с европейскими странами вызвало потребность в собственных грамотеях: поскольку Миндовг направлял послания Ливонскому ордену (что несомненно), он мог писать и Римскому папе. Обязанности писцов исполняли немецкие монахи. Во времена Гедимина в Вильнюсе открывались миссии доминиканцев и францисканцев, к услугам этих монахов прибегали при написании посланий в католические края. Соответственно использовались и русские писцы, в случае нужды составлявшие грамоты и по-гречески (Ольгерд переписывался с Константинопольским патриархом). Однако постоянная великокняжеская канцелярия не была учреждена вплоть до самого крещения Литвы, потому в государстве письменность не получила распространения. Сдвиги в этой области стали проявляться только в семидесятых годах XIV в., когда великий князь начал выдавать удельным князьям акты, подтверждающие их право на землевладение. В конце семидесятых годов и в начале восьмидесятых заметно оживилась переписка с зарубежьем, а после заключения персональной унии с Польшей и введения христианства резко возросла потребность /190/ и во внутреннем делопроизводстве. Его обслуживали писцы канцелярии польского короля и местные русские писари.

Случайное и нечастое употребление грамоты не способствовало выявлению специфических черт латинской или русской письменности Литвы. Никакой нужды в составлении актов на литовском языке в таких обстоятельствах, конечно, не возникало, однако развитие общественных отношений более или менее стимулировало распространение письменной атрибутики. Со времен Миндовга князья пользовались печатями. Чаще всего на печатях изображались особые отличительные значки (меты), но иногда встречались легенды с именами князей. В начале последней четверти XIV в. возникла сфрагистика у высшего слоя дворян. Преобладали русские легенды, но на печатях великих князей чаще делались латинские надписи. Легенды на печатях тракайских князей были латинскими либо немецкими.

Развитие сфрагистики оказывало влияние на геральдику князей и крупных дворян. Аллодиальное землевладение вело к широкому распространению личных отличительных значков (мет). Княжеские знаки стали формироваться в особые циклы. Хотя эти циклы не

получили графической завершенности, меты социальной верхушки стали заметно обособливаться, а это свидетельствовало, что они превращаются в особые знаки.

Составление письменных договоров вынуждало князей знакомиться с христианским календарем и средневековой дипломатической терминологией. В княжеских резиденциях стали появляться архивы. На исходе XIV в. образ жизни, характерный для элиты литовского общества, властно потребовал овладения письменностью.

е. Связи литовской элиты с русско-византийской культурой

Использование русского языка и письма, а также распространение православия в княжеской среде, постоянно сталкивающейся с русскими, – всё это ознакомило определенную часть высшего общества с русской письменной культурой, православной литургией и церковным искусством. Учрежденный Войшелком монастырь, вероятно, продолжал существовать; его следует отождествлять с известным в XIV в. Лавришовским монастырем, находившимся в районе верхнего Немана. В начале сороковых годов XIV в. упоминаются православные монахи в Вильнюсе (среди них и сестра Гедимины). Возникли потребности, необходимые для поддержания этих связей. Их удовлетворяли /191/ русские или балканские мастера, если шла речь о выполнении новых заказов. Возникли тексты, соответственно оформленные и переплетенные. С XIV в. сохранились Лавришовское и Мстижское евангелия, которые можно считать памятниками письменности и искусства православной литовской элиты. Язык и миниатюры, использованные в оформлении этих евангелий, не отличаются какими-либо специфическими особенностями от других русских рукописей. Однако уже начинали складываться причины для таких отличий. Византийское искусство становилось определяющим для быта православной элиты. Появились княжеские печати, скомпонованные из нескольких гемм. На печати Ивана Альгимонтовича /192/ был изображен кентавр, позднее ставший гербом альшенских (ольшанских) князей (это существо было персонажем русской художественной литературы). Элементы оформления русских церквей, близких к литовским землям (напр., в Гродно), стали использоваться в архитектуре княжеских дворцов и католических храмов. Самый древний слой христианских терминов литовского языка составили русские заимствования.

Условия для распространения русско-византийской культуры была вполне благоприятными, поскольку она располагала уже сформировавшейся моделью, а ее носители жили в одном государстве с литовцами. Однако она не обладала политическим престижем, и государство не слишком поддерживало деятельность православных организаций. Великое княжество Литовское было государством языческого народа, управляемого государями-язычниками, а русско-византийская культура – всего лишь цивилизационный феномен его вассальных провинций.

ж. Политическая культура

Со времен Миндовга литовских монархов отличал довольно широкий политический кругозор – их представления о межгосударственных отношениях в Центральной и Восточной Европе были вполне адекватными. Вильнюсский и Тракайский дворы, породнившиеся с соседями и наблюдавшие их в битвах и во время переговоров, ознакомились с новым образом жизни и ценностными предпочтениями, а материальные возможности позволили применить эти ценности к себе. Русский, немецкий и польский языки были знакомы, хотя широко не употреблялись. Их понимали даже рядовые воины еще в начале XIV в. О том, насколько точно перенимался образ жизни феодальной центрально-европейской элиты, свидетельствует убранство Вильнюсского, Тракайского и Кревского замков. Были знакомы

потребности, развлечения, моды элитных слоев соседних государств, а наличные источники доходов делали все это доступным и позволяли обустроиваться в сходной среде и местности. На сторону литовцев переходили отдельные немецкие рыцари, они попадали в княжеское окружение, и таким образом монарший двор получал представление о рыцарских идеалах и этикете. Кейстут был не только враг, но и достойный соперник крестоносцев: любой из них почитал за честь пожать ему руку, но не всякому он ее подавал. /193/

Общение с элитой соседних феодальных стран, пусть и стесненное, формировало навыки европейского мышления, позволяло осознать свое место и ценность. Немецкий поэт Шёндок главного героя поэмы «Литовец» изобразил как доблестного рыцаря-язычника, крещение которого стало радостным событием для рыцарей-крестоносцев. Концепция самостоятельного крещения, которую с особенной точностью изложил Гедимин, стала основой всей государственной политики Литвы. Однако подобные устремления противоречили мировоззрению национального большинства, пребывавшего вне европейского тяготения. Конфликт между христианской ориентацией власти и языческой инертностью населения стал со времен Миндовга главной внутренней политической проблемой.

3. Суть языческой отсталости

В формировании институциональной культуры средневековой Европы роль христианства была решающей. Центральноевропейские страны включились в этот процесс, когда культурный уровень Европы можно было охарактеризовать как монастырскую культуру. В XIV в., в конце которого крестилась Литва, культурный уровень Европы следует признать университетской культурой. Разрыв между Литвой и наиболее культурными странами Европы был весьма велик. Страны восточной части Центральной Европы соз- /194/ дали национальные модели универсальной латинской культуры: общество руководствовалось христианской идеологией, имущественные и судебные казусы разрешались при помощи письменных правовых актов, в школах внедрялась латынь и преподавались семь вольных искусств, возникла религиозная (а в Чехии и светская) литература на местных языках, историография достигла уровня национальных хроник, цеховая организация возвела институциональное искусство в ранг обобщенного готического стиля, выявились национальные разновидности этого стиля.

Ничего вышеозначенного в языческой Литве не было. Она еще не обладала ключом к достижению всего этого – письменностью. В географическом смысле находясь на европейском континенте, геополитически Литва была за его пределами. Перед ней был только один путь: принятие католичества. /194/ – /197/

III глава ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОСЛОВНОГО ОБЩЕСТВА

1. Приобщение Литвы к Европе

а. Радикальный курс на суверенитет и катастрофа при Ворскле

Ягайло и польский коронный совет расценивали Островский договор как выделение

места для Витовта в политической системе, созданной Кревским актом, при условии неизменности самой этой системы. Польское войско осталось в Литве. Однако этим войском уже распоряжался Витовт. Полученные преимущества Витовт направил против отдельных Ольгердовичей, которые без энтузиазма согласились покориться сыну Кейстута. Чтобы не вызвать возражений короля и великого князя, Витовт поначалу действовал как агент Ягайло. Оба они стремились сократить число удельных князей. Поэтому в 1392 г., после смерти Ульяны, наместником в Витебск Ягайло назначил своего сокольничего Федора Весну. А когда самый младший Ольгердович – Швитригайло – убил этого наместника и завладел Витебским княжеством, Витовту было поручено разобраться с ним. При содействии Юрия Смоленского Витовт принудил Швитригайло к сдаче и отправил его к Ягайло в Краков (1393 г.). Поскольку Корибут на просьбу выступить против Швитригайло ответил отказом, Витовт в 1393 г. отнял у него Новгород-Северский. Управлять этим княжеством до особого распоряжения Ягайло стал Федор Любартович (*Teodoras Liubartaitis*), перемещенный сюда из Владимира-Волынского, а Луцк перешел в ведение Витовта. Общими усилиями Ягайло и Витовта в 1393 г. из Подолья был устранен, несмотря на поддержку молдаван, Федор Кориатович (*Teodoras Karijotaitis*), который бежал в Венгрию. До весны 1394 г. польские войска заняли Восточное Подолье. Последнее досталось Витовту, а Западное Подолье в качестве польского лена получил вельможа Спитек из Мельштына (*Спытко Мельштинский*). Основной проблемой для Витовта был обосновавшийся в Минске Скиргайло. Бывший главный союзник Ягайло не желал признавать наместником великого князя своего смертельного врага, поэтому он по /198/ собственному усмотрению освобождал тевтонских пленников. Это самоуправство еще более охладило Ягайло. В конце 1392 г. Ягайло формально примирил Витовта и Скиргайло, но в 1393 г. делать то же самое была вынуждена королева Ядвига. Скиргайло получил несколько замков на Волыни, ему также был обещан Киев. Весной 1394 г. Витовт занял Овруч и Житомир, чем вынудил покориться Владимира Ольгердовича. Осенью того же года Владимир был удален из Киева, ему отдали небольшое Копыльское княжество. Киев получил Скиргайло. Этот компромисс удовлетворил его, и он освободил путь Витовту. В начале 1397 (может быть, – еще в 1393) г. Скиргайло умер, и в литовские летописи попало сообщение о том, что он был отравлен. Эта смерть, естественно, была на руку Витовту, но никто не мог найти доказательства его причастности. Иоанна Ольшанского назначил наместником в Киеве уже сам Витовт. Дмитрий Ольгердович, получив от Ягайло еще и Брянск, сразу же стал лоялен Витовту. При заступничестве Витовта и других князей Ягайло в феврале 1394 г. освободил Андрея и передал его Витовту, который не замедлил воспользоваться услугами этого Ольгердовича, державшего сторону Кейстутовичей. С грамотой от Витовта Андрей отбыл во Псков, где князем был избран сын Андрея Иван (*Jonas*). Так – около середины девятых годов – Витовт устранил важнейших удельных князей, заменив их своими наместниками, и взял в свои руки реальную власть в Великом княжестве Литовском. Сохранились лишь небольшие или совсем мелкие Черниговское, Острожское (на Волыни), Полесское, Ратненское, Копыльское, Заславское княжества. Центральной власти достались доходы устраненных князей, непосредственно подконтрольная ей сеть замков охватила всё Великое княжество, а Ягайло без Витовта уже не мог решить ни одного практического вопроса, касавшегося этого госу- /199/ дарства. С 1395 г. Витовт во всех без исключения документах начал титуловаться великим князем Литовским (до того он так именовал себя только в русских актах, регулировавших внутренние дела).

Политика Литвы на Руси, координируемая из Кракова, была непродуктивна в отношении Москвы, ослабленной набегом Тохтамышша еще в 1382 г. Когда же руководство этой политикой стало осуществляться из Вильнюса, позиции Литвы заметно упрочились. С Лугвением, княжившим в Новгороде, Витовт установил добрые отношения, и теперь во главе Псковской и Новгородской республик стояли благоволившие ему люди. Новгород в 1393 г. заключил с Витовтом мирный договор, воевал с Москвой и оказывал давление на дружественный Москве Псков. Витовт же во время встречи с Василием Московским мог

изображать миролюбие, ни за что не ручаясь. Усиление литовского влияния на Руси позволяло Витовту вмешиваться в дела Смоленска. Под его давлением был удален князь Юрий, а власть перешла к брату Юрия Глебу. А когда Глеб попытался выскользнуть из-под литовской опеки, в 1395 г. к Смоленску подошел Витовт. Глеба обманом залучили в лагерь Витовта, где он был схвачен, а литовское войско 28 сентября заняло Смоленск. Наместниками стали князь Йомант и Василий Борейкович (*Bazilius Bareikaitis*); смоленский гарнизон был усилен польскими рыцарями. Князь Юрий бежал в Рязань.

Присоединение Смоленска сблизило Москву и Тверь. Василий Московский и Михаил Тверской заключили антилитовский союз; их поддержал рязанский князь Олег. Усилившиеся позиции Литвы /200/ вынуждали Москву действовать через сателлитов: Олег при поддержке мелких русских князей атаковал Любутск. Витовт вел себя точно так же: не сам он, а Лугвений из Новгорода разорял Рязанские земли. Избегая открытой борьбы, обе стороны искали точки сближения: Лугвений в 1394 г. женился на дочери Василия I, а Василий I не поддержал поход Олега на Любутск. В начале 1396 г., при участии митрополита Киприана, Витовт встретился с Василием I в Смоленске, а спустя два месяца – в Коломне. Витовт не противоречил сюзеренным претензиям Василия I на Новгород, а Василий I молча признал присоединение Смоленска к Литве. Демонстрацией их согласия должно было стать совместное указание обоих монархов новгородцам: начать войну с Ливонским орденом. Однако новгородцы отказались его выполнять. Витовту такой оборот был даже выгоден, поэтому он не реагировал. Василий I увяз в противоборстве с Новгородом, это привело к войне 1397 г., не принесшей ощутимых результатов. Москва оказалась вне поля деятельности Витовта. Михаил Тверской, женатый на сестре Витовта, сблизился с ним еще раньше. Сюзеренитет Литвы признали некоторые княжества верхней Оки (Карачевское, Мценское, Козельское, Серпейское, Масальское и, возможно, Перемышльское). Хотя на Руси Витовт действовал в основном через союзников и сателлитов, он был вынужден направить туда немало сил. Между тем, требовалось отражать удары крестоносцев на западе. Истратив 50 тысяч марок на поддержку Витовта, Тевтонский орден мстил методично и непрерывно. В 1392 г. крестоносцы сожгли Сурожский замок (из него едва успел бежать зять Витовта Генрих с женой Римгайлой). В 1393 г. были разрушены замки Гродно, Мяркине, Деречин и Лида. Хотя основные силы Витовта в ту пору действовали на Руси, однако в октябре 1393 г. жямайты сумели сжечь город Клайпеду. В первой половине 1394 г. крестоносцы отдельными набегами разорили окрестности Новгородка-Лиды и Расейняй. Самый большой поход Тевтонский орден предпринял в середине августа того же года. Целью было восстановление замка Риттерсвердер близ Каунаса. Витовту удалось помешать этому строительству, однако он не сумел сдержать наступление тевтонского войска вглубь края. Крестоносцы возле Папарчяй обошли сильно укрепленный литовский лагерь. Попавший к ним в руки Судимонт (шурин Витовта) был убит. 22 августа были осаждены замки Вильнюса. Их умело обороняли польские гарнизоны, а сам Витовт блокировал врага извне, нарушив его снабжение. Хотя крестоносцам удалось разбить Витовта под Рудаминой, 21 сентября они были вынуждены снять осаду и вернуться в Пруссию. Отступающих крестоносцев Витовт и его соратники-жямайты тревожили нападениями из засад. Обе стороны понесли большие потери. /201/

Поход 1394 г. показал, что Витовту удалось использовать прогресс, которого литовцы достигли в военном деле (особенно в применении технических новшеств), для создания факторов, решивших исход целой кампании. И все-таки Литва были потрясена. Витовт пытался смягчить последствия тевтонских ударов активностью в Ливонии. Невзирая на военные действия, между Литвой и Ливонией шла торговля (Гедиминовы соглашения были в 1367 г. дополнены еще одним торговым договором). Ливонский орден поддерживал Витовта в 1389–1392 г. в борьбе против Ягайло. В свою очередь Ягайло вернулся к традиции Гедимины, поддержав в противовес Ордену Рижского архиепископа Иоанна IV. Этот последний, пользуясь тем, что литовский монарх уже был христианином и в то же время королем Польши, попросил его о заступничестве. Но Ливонский орден опередил его, заняв в

1391 г. несколько архиепископских замков. По ходатайству ливонцев папа удалил Иоанна IV, назначив его патриархом Александрийским и отдав Рижское архиепископство брату великого магистра Иоанну Валленроду. Витовт наладил связи с оппозицией, которой в Ливонии руководил Дорпатский (Тартуский) епископ Дитрих Дамерау и которая выдвинула своего кандидата в архиепископы – Оттона из Штеттинского княжеского рода. Дипломатия Ягайло, поддержанная штеттинскими князьями, принесла плоды: в 1395 г. император Германии Вацлав Люксембург запретил Тевтонскому ордену совершать нападения на христианскую Литву, а Ганзейским городам посоветовал взять сторону Оттона Штеттинского. К императорскому запрету присоединился папа Бонифаций IX. В марте 1395 г. Оттон и Дитрих Дамерау заключили с Витовтом союз, в который вошли также мекленбургские князья Иоганн и Ульрих. Племянница Витовта (дочь покойного Товтивила-Конрада) вышла замуж за поморского князя – Барнима V. Сам Витовт взял замок Визна в Мазовии, ранее захваченный крестоносцами.

Связи Польши, умело используемые Ягайло, и христианский статус Литвы были новыми явлениями, которые помогли широкомасштабной дипломатии Витовта. Епископская оппозиция Ливонскому ордену нашла сильную опору, была ослаблена международная изоляция Литвы. Всё это позволило Витовту в 1395 г. начать переговоры с крестоносцами. Злосчастная кампания 1394 г. научила Витовта не повторять ошибок Ольгерда, расплывая силы. Присоединение Смоленска и уступки Василия Московского склоняли Витовта избрать Ягайлову, а не Кейстутову ориентацию, тем более, что сложились особо благоприятные предпосылки для сотрудничества с золотоордынским ханом Тохтамышем. Последнего в 1395 г. на реке Тереке разгромил среднеазиатский эмир Тимур (Тамерлан). Летом 1395 г. Тимур со своим войском явился в Рязанском княжестве. Тохтамыш отступил в Крым, а с 1396 г. находился близ границы Великого княжества Литовского, ища поддержки Витовта.

На переговорах с Витовтом Тевтонский орден требовал Жямайтию и подкреплял давление военными действиями: в октябре 1395 г. состоялся опустошительный поход на Жямайтию и Черную Русь. Таким образом завышалась цена желанного мира, позволявшего Витовту упрочить позиции перед лицом Ягайло и Польши. В 1396 г. Витовт уже мог демонстрировать первые знаки несогласия с Польшей. Он навязал князю острогскому (на Волыни) свою инвестицию, тем самым фактически отменив привилегии, данный Ядвига в 1393 г. и соединивший Острог с Польским королевством. На переговорах с крестоносцами 22 июля 1396 г. уполномоченные Ягайло отклонили территориальные требования Ордена к Литве и согласились лишь на краткое перемирие. Тем временем Витовт актом от 28 июля обязался не оказывать поддержки Тартускому епископу и не пропускать через территорию Литвы его союзников. Перемирие было заключено до 29 сентября. Осенью 1396 г. оно было продлено до 23 апреля 1397 г. Хотя представители Ягайло вновь отклонили территориальные требования Ордена, Витовту удалось подключить к переговорам обиженного им Тартуского епископа. Витовт, располагая поддержкой Ягайло, не торопился идти на уступки крестоносцам, а там временем военная напряженность ослабевала. 13 мая 1397 г. на переговорах в Гродно было окончательно отклонено пропагандистское требование Ордена (выдвинутое далеко не впервые) о том, чтобы Литва гарантировала верность католицизму. Перемирие вновь было продлено. Крестоносцы использовали его, чтобы заставить Дитриха Дамерау принять их условия, но для Витовта это уже не было актуально. Жямайтия как языческий край не была субъектом всех упомянутых перемирий, но она успешно оборонялась: в 1396 г. был разбит комтур Рагайне Марквард Зальцбах, вторгшийся на ее территорию.

Обеспеченную передышку на западе Витовт использовал для осуществления своих восточных планов. Поддерживая Тохтамыш, литовская армия в 1397 г. перешла Дон и нанесла поражение силам Золотой Орды. Татарские пленные были расселены в Литве. Летом 1398 г. был совершен еще более мощный поход. Литовцев сопровождал отряд из 60 всадников-крестоносцев. На подходах к Крыму был построен замок Таване (*Иоганнесбург*). Еще в 1393 г. Тохтамыш отправлял письма Ягайло в Краков, в обход Витовта, но теперь

именно Витовт стал покровителем Тохтамыша и его защитником от Тимура. Не позднее 1398 г. Тохтамыш бежал в Великое княжество Литовское. На Руси Витовт достиг большего, нежели Ольгерд. Улучшились отношения с Тевтонским орденом, и содействие Польши было все менее необходимо, а попытки его навязать стесняли и раздражали Витовта. Витовт стремился показать, что Ягайло мешает ему находить общий язык с крестоносцами. Руководство тевтонцев, не веря в чистосердечие Витовта, изображало доверие. Польский коронный совет понял, что спустя 5–6 лет после подписания Островского договора все попытки добиться реального сюзеренитета над Литвой – обречены на провал. Положение Витовта уже не позволяло обращаться с ним так, как в 1386–1392 г., но польская дипломатия нашла способ для выражения своих претензий: в 1398 г. королева Ядвига потребовала, чтобы Витовт осуществлял платежи за дарованные ей земли.

Требование Ядвиги было своеобразным Троянским конем: дар и связанные с ним платежи являлись скорее личным, чем го- /204/ сударственным делом. Однако феодальное право не знало разделения монаршей собственности на личную и общественную. Дарения Ядвиге располагались на территории Польши (Куява) и Литвы (Могилев), но, в принципе, даром можно было назвать и все Великое княжество Литовское как отплату за приданое, т. е. за Польское королевство. Витовт это хорошо понял, поэтому к требованию Ядвиги отнесся как к провокации. Созванные на совет виднейшие дворяне подобное поведение расценили как вызов и указали, что они издревле оставались людьми свободными. Демарш Ядвиги был категорически осужден и отвергнут, и это означало не что иное как непризнание сюзеренитета Польши, обусловленного Кревским договором. Витовт уже готовился объявить себя королем.

В назревающей литовско-польской коллизии у Ягайло не было прочной позиции. Есть информация, что в 1398 г. он поддерживал попытки Витовта получить из рук папы королевский венец. В этом случае пострадали бы вотчинные права Ягайло на Литву. Однако имелся некий династический сговор, необходимый самому Ягайло в силу особенностей его положения в Польше: он еще не дождался от Ядвиги наследника, а она сама была на стороне Тевтонского ордена. Витовт торопился воспользоваться этими трудностями, улучшал отношения с Тевтонским орденом и расширял экспансию на востоке. 23 апреля 1398 г. в Гродно с представителями Ордена, возглавляемыми великим комтуром Вильгельмом Гельфенштейном, был заключен предварительный договор. Жямайты передавались Ордену, и Витовт брал на себя обязательства оказать помощь в постройке 2 или 3 замков. Витовт вернул пленных, а крестоносцы – Витовтова брата Сигизмунда, остававшегося в заложниках с 1392 г. Псков признавался зоной интересов Ливонского ордена, а Новгород – Литвы. Витовт обещал не пропускать через территорию Литвы никаких войск, враждебных Ордену, и не воевать с католическими странами. Отношения с Польшей не были /205/ окончательно порваны, предполагалось, что, в случае надобности, Ягайло утвердит этот договор.

Гродненский договор изолировал Швитригайло, покинувшего Краков и с 1397 г. выражавшего претензии на литовский трон, а Витовту позволил сделать последний шаг в переговорах с Тевтонским орденом. В октябре 1398 г. Витовт встретился с великим магистром Конрадом Юнгингеном на Салинских островах на Немане (ниже Каунаса). Со стороны Ордена участвовали магистр Ливонского края Венемар Брюнгеней, епископы Вармии и Самбии. Витовта сопровождали Вильнюсский епископ Андрей, брат Сигизмунд, копальский князь Владимир, Юрий Пинский, Йомант Клеческий и группа видных дворян. Были утверждены пункты Гродненского договора. По заключении договора дворяне провозгласили Витовта королем. Подобная манифестация и была главной целью Витовта, а уступки Ордену – лишь способом ее достижения. Витовт добился успеха, получив поддержку дворянской верхушки, обеспеченную благодаря устранению главных удельных князей. Это была внутривитовтская опора, а достижения во внешней политике – покорность вернувшегося в Литву Швитригайло и крепнущее влияние в Золотой Орде.

Слух о походе на татар в 1397 г. достиг папы (не без помощи Витовта). Бонифаций IX объявил крестовый поход, признав тем самым Великое княжество Литовское пограничным

бастионом католичества. Экспансию на Руси Витовт совместил с этой новообретенной политической функцией. Летом 1399 г. был предпринят особо внушительный поход. Под командой полусотни князей на битву отправились литовские и русские силы. Тевтонский орден прислал 1600 воинов под началом Маркварда Зальцбаха (среди них были Фома и Иоанн Сурвилы). Ядвига и польский коронный совет не одобрили эту кампанию, но и не препятствовали поддержке Витовта со стороны мазовшан и подолян, руководимых Спитеком из Мельштына. К этому христианскому войску присоединился и Тохтамыш.

Крупный крестовый поход под началом правителя Литвы был первым подобным событием в литовской истории. Витовт придал этому выступлению большой размах и отправился на войну с королевской роскошью. Армию сопровождал длинный обоз, в составе которого были пушки, стрелявшие пороховыми зарядами. Понадеявшись на численность своего войска, а также на тяжелую польскую и немецкую кавалерию, Витовт чересчур углубился в пустынные степи. Он стремился утвердить в Сарай-Берке Тохтамыша и с его помощью прибрать к рукам всю Русь. У реки Ворсклы армию Витовта встретило войско ставленника Тамерлана – Темир-Кутлужа, руководимое опытным полководцем беклярибеком /206/ Эдигеем. Эдигей пошел на переговоры, позволив Витовту выдвинуть свои требования. Это было приманкой, на которую польстился гордый властитель Литвы, рассчитывая без боя подчинить своему влиянию всю Золотую Орду. Тем временем к Ворскле с новыми силами подошел Темир-Кутлужа. Теперь крестоносному войску предстояла битва с куда более мощным противником. Опытные воины советовали Витовту уклониться от сражения, но их не послушали. Потерпевший фиаско на дипломатическом поприще, Витовт проявил себя как незрелый тактик. Его армия могла обороняться в хорошо укрепленном лагере, но 12 августа ей было приказано отыскать брод для перемены позиции. Войско еще не успело построиться в боевые порядки, как налетели татары. Витовт еще успел прикрыть центр тяжелой польской и немецкой кавалерией, но пользы от этого было уже немного, поскольку превосходящие силы татар окружили христианское войско почти со всех сторон. Повторился классический Крассов сценарий разгрома. Армия Витовта была почти полностью уничтожена. Только литовских и русских князей погибло более двадцати, среди них Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Йомант, Иван (*Jonas*) Вельский, бывший смоленский князь Глеб. Пало десять рыцарей Тевтонского ордена (погиб и Фома Сурвила), Спитек из Мельштына пропал без вести. Витовту, Сигизмунду, Швитригайло и Маркварду Зальцбаху удалось спастись. Большие потери понесли и татары, сам Темир-Кутлужа был смертельно ранен, однако их победа была полной. Эдигей разорил Киевскую область и русские земли вплоть до Луцка, с Киева были взяты 3000 рублей контрибуции. Все планы Витовта на господство в Золотой Орде – рассыпались в прах.

Рухнули не только Витовтовы надежды на торжество в русских и татарских просторах. Оплаченное жямайтами замирение с Тевтонским орденом должно было избавить Литву от гегемонии и сюзеренитета Польши. Теперь всё это оказалось напрасным. Успешно начавший крепить государственность и международное положение Литвы, Витовт не предусмотрел всех опасностей, утратил чувство реальности и, пойдя на неоправданный риск, жестоко проиграл. Радикальный политический курс приходилось менять и отыскивать другие пути для достижения своих целей.

б. Формирование целенаправленной политики Витовта

Несмотря на поражение при Ворскле, первые годы правления Витовта отмечены значительными свершениями. Были объединены Вильнюсское и Тракайское княжества, а поскольку это совпало /207/ с устранением видных удельных князей, подобное слияние сделалось необратимым. В руках великого князя оказалось столько властных рычагов, что стало возможным создание системы наместников, а также единой сети замков на большей

части территории государства. Мир на западе реанимировал торговлю, Неман превратился в новую важную торговую артерию, ведущую к городам Пруссии. Катастрофа при Ворскле, стоившая жизни многим князьям, позволила Витовту включить их владения в свой домен. Возникла постоянно функционирующая и планомерно растущая великокняжеская канцелярия, заслуга которой – внедрение письменности в административную практику и оживление сношений с зарубежьем. Само поражение у Ворсклы стало для нетерпеливого Кейстутова сына серьезной школой. Внешние последствия этого катаклизма выразились в учреждении Каунасского францисканского храма в благодарность Богоматери за спасенную жизнь, а внутренние – в выработке самообладания, которого холерику-Витовту всегда недоставало. Это новое свойство помогло Витовту, чей разум всегда был щедр на идеи, создать долговременную систему деятельности. Обладая талантом политика и стратега, Витовт каждодневным трудом постигал науку дипломата и тактика.

Военное поражение прежде всего ослабило Литву перед лицом Польши. Оно совпало со смертью Ядвиги во время родов (за месяц до битвы на Ворскле), изменившей всю династическую ситуацию. Прервалась правовая связь, породившая Ягайло с Польшей. Польская знать не имела общего взгляда на эту проблему, и Ягайло, желая сильней надавить на нее, намекнул на свое возможное возвращение в Литву. Этот демарш помог победить мнению, что следует укрепить статус Ягайло в Польше, а тем самым упрочить связи с Литвой. Это означало не что иное как возобновление сюзеренных претензий к потрясенной Литве. Витовт убедился в этом по прибытии на похороны Ядвиги. Он не раскрыл своих карт, что не снизило давления польских политиков на Витовта и его приближенных. От них требовали заявить о верности польской короне (такие акты составлены в 1400 г.). Витовт был вынужден с этим согласиться, однако в новых условиях он смог защитить свои позиции. И польский коронный совет, и сам Витовт оценили значение высшего литовского дворянства, подключив его к выработке нового соглашения. Это соглашение было оформлено Витовтом и литовским дворянством Вильнюсским ак- /208/ том от 18 января 1401 г. и дворянством Польши в Радомском акте от 11 марта 1401 г. Заключенная т. н. Вильнюско-Радомская уния подтвердила и конкретизировала предусмотренный Кревским актом польский сюзеренитет над Литвой. Это положение было подкреплено гарантиями дворянства обеих сторон: литовского – в верности польской короне, польского – в поддержке Литвы и обязательности привлечения литовцев к выборам короля. Витовт декларировал верность польской короне и провозглашался пожизненным великим князем Литовским на основе признания вотчинных прав Ягайло. Таким образом вассалитет Литвы и Витовта стал более четко оформлен. Однако вместе с тем был подтвержден принцип верности (но не *омагиум*), заявленный Витовтом еще в Островском договоре и соответствующий внешнему, а не внутреннему вассалитету ленного права. В выигрыше остался и сам Витовт, юридически оформивший свои великокняжеские прерогативы (Ягайло с этого времени стал именоваться верховным князем Литвы).

Вильнюско-Радомский договор был компромиссом, более определенно отрегулировавшим вопросы о государственном статусе Литвы и номинальном сюзеренном статусе Польши, о личных правах Витовта и вотчинных правах Ягайло. Гарантируя польскую гегемонию над Литвой, он вместе с тем гарантировал Великому княжеству поддержку Польши. Отступление Витовта было не напрасным. Поддержка со стороны Польши была необходима, поскольку восточные планы рухнули и вместе с ними утратили всякий смысл уступки Тевтонскому ордену. Жямайты, преданные Салинским договором, и не думали сдаваться на милость крестоносцам. Отлаживая взаимоотношения с Польшей, Витовт поначалу соблюдал обязательства перед Орденом, даже помогал ему брать жямайтских заложников. Витовт создавал впечатление дружественности, имея в виду не самые лучшие отношения Ордена с Польшей. Таким образом тонко и малозаметно ослаблялась позиция польской короны, что давало Литве возможность посредничества и повышения своего престижа. Так Витовт и повел себя во время польско-тевтонских переговоров о спорной Добжинской земле, причем сумел стать советником великого

магистра в его переписке с Краковским двором. В конце 1399 – начале 1400 г. позиция Ягайло в отношении Ордена заметно смягчилась. Когда это было достигнуто, когда стали проясняться контуры Вильнюско-Радомского договора, когда в Литве стало нарастать возмущение действиями Ордена в Жямайтии, – Витовт начал принимать жямайских беженцев (крестоносцы их насчитали более 4000). Посланцам Ордена было указано, что согласно букве договора выдаваться должны только «зависимые (несвободные) люди», а в архаичной структуре Жямайтии определить таковых было довольно сложно. По заключении Виль- /209/ нюско-Радомского договора Витовт стал недвусмысленно поддерживать жямайтов.

Лавировать между Польшей и Тевтонским орденом Витовта вынуждали потери на Руси. Разгром на Ворскле сразу усилил положение Москвы. Новгородская республика, хорошо знакомая с кознями Витовта, выказывала оскорбительное бесстрашие. Стороны даже объявили друг другу войну, но подобной демонстрацией ограничились. Осенью 1400 г. Литва заключила мир с Новгородом и Псковом. Вскоре был подтвержден мир с Москвой и Тверью, однако положение Литвы заметно ослабил Смоленск, освободившийся от нее в августе 1400 г. Витовт немедленно ответил на это: осенью 1400 г. четыре недели литовское войско держало осаду Смоленска. Была применена артиллерия, но город выстоял. Смоленская операция затянулась. Витовту не удалось возродить свою гегемонию на Руси, существовавшую до битвы при Ворскле, но мир с Новгородом и Псковом хотя бы отчасти развязал ему руки.

Решаясь поддержать жямайтов, Витовт мог положиться на их стойкость и боевое искусство. При этом он сознавал, что Тевтонский орден уже достиг вершины своего могущества (в 1398 г. крестоносцы заняли остров Готланд), и Жямайтия была для Ордена последним звеном, связующим его владения в один территориальный массив. Желая предупредить и сдержать традиционных союзников Ордена, Витовт в 1401 г. отправил некоторым монархам Европы послания, в которых разъяснял, почему он поддерживает жямайтов. Тевтонский орден и Витовт оказались в состоянии войны. В мае 1401 г. жямайты изгнали тевтонские гарнизоны и администрацию и признали власть Витовта. Крестовый поход против христианской Литвы уже нельзя было объявить, однако германские рыцари выступали заодно с крестоносцами. Руководство Ордена с 1401 г. прощупывало почву: какова позиция Ягайло в отношении Витовта. Ягайло удалось затянуть переговоры и отдалить серьезные военные действия до начала 1402 г. Он отправил небольшой польский отряд в помощь Витовту. Между тем крестоносцы завязали контакты со Швитригайло, который не удовлетворился данным ему (после гибели Спитека) Западным Подолем. В январе 1402 г. самый младший из Ольгердовичей бежал в Торунь, а 2 марта заключил с Тевтонским орденом договор на условиях Салинского соглашения 1398 г. Это значило, что крестоносцы поддерживают его как претендента на литовский престол. В январе 1402 г. крестоносцы Пруссии разорили окрестности Гродно, в марте месяце ливонцы ворвались в Жямайтию. Жямайты расквитались за это в мае: была сожжена Клайпеда. Сам Витовт взял Готтесвердер близ Каунаса. Однако Тевтон- /210/ ский орден сумел сгруппировать все силы, и инициатива полностью перешла в его руки. В июле 1402 г. великий комтур Гельфенштейн двинулся на Вильнюс. У Витовта не хватило сил воспрепятствовать этому натиску, и враг достиг Вильнюса. Вместе с крестоносцами прибыл Швитригайло, однако жители его не поддержали. Среди горожан были сторонники Швитригайло, но Витовту удалось выследить заговорщиков и предать их смерти. Спалив Мядининкай и Ошмяны, крестоносцы через Пярлам и Исрутис вернулись в Пруссию. Ничего не изменил и большой январский поход 1403 г. под командой маршала Вернера Теттингена: крестоносцы уничтожили Мяркине, но под Тракай успеха не добились. В обоих этих случаях Витовт перерезал вражеские коммуникации и тем самым чрезвычайно затруднил отступление. В апреле 1403 г. литовцы разрушили замок Дюнабург. Вскоре Витовт взял Юрбаркас (Георгенбург).

Литва выдержала чувствительные удары крестоносцев, однако понесла большие

потери. Походы Ордена к окрестностям Вильнюса грозили стать повседневностью. Папа Бонифаций IX буллой от 3 сентября 1403 г. запретил Тевтонскому ордену нападать на Литву. Тем не менее невозможность совершать крестовые походы не оградила от обыкновенных войн, которые велись между христианскими странами. Витовта весьма затрудняли претензии Швитригайло. Поддержка со стороны Польши была незначительной, Ягайло более всего занимала необходимость отбить у крестоносцев Добжинскую землю. В такой ситуации Витовту приходилось с особым вниманием относиться к тевтонской угрозе и замыслам Ягайло. В июне 1403 г. Витовт был вынужден дать обещание, что без ведома Ягайло он не заключит перемирие с Орденом. Сделав уступку Польше, он сразу «сыграл на повышение» перед крестоносцами: на переговорах в сентябре 1403 г. (на острове посреди Дубисы) великому магистру Конраду Юнгингену было заявлено, что без позволения Польши Жямайтию не отдадут (полномочия польских участников встречи не были признаны). Витовт хитроумно прикрывался зависимостью от Польши, но и у Ордена был запасен ответ: крестоносцы отклонили требование Литвы удалить из Пруссии Швитригайло. Так постепенно определялись значимость и цена двух субъектов будущего компромисса – Жямайтии и Швитригайло. В январе 1404 г. великий магистр откровенно говорил об этом с Ягайло и Витовтом. Было заключено кратковременное перемирие и вскоре достигнуто соглашение. 22–23 мая 1404 г. Польша и Литва заключили в Рационже договор с Тевтонским орденом. Польша получила право выкупить Добжинскую землю, а Литва вновь должна была уступить Жямайтию. Витовт выгадал только то, что Швитригайло лишился поддержки Ордена и, по прибытии /211/ в Литву, покорился ее великому князю. Уступки, полученные Польшей за счет Литвы, на самом деле все более втягивали ее в конфликт между Орденом и Литвой. Замысловатая (с первого взгляда) политика Витовта давала ему передышку то на западе, то на востоке, позволяя менять направления политической атаки с тем, чтобы вернуться с новыми силами или в иной, более выгодной для него, ситуации.

Литва не собиралась мириться с утратой Смоленска. Это понимали смоленский князь Юрий, а также державшие его сторону князья пронский, козельский и муромский. Военные действия продолжались и после неудачного для Витовта похода к Смоленску осенью 1401 г. Лугвений вместе со стародубским князем Александром отразил нападение на Брянск одного из рязанских князей (Рослава), а его самого взял в плен. В 1403 г. Лугвений занял Вязьму. Василий Московский и Федор Рязанский ослабили поддержку Юрия Смоленского. Однако и новый поход на Смоленск в апреле 1404 г. не принес успеха литовскому войску. Лишь после Рационжского мира Витовт смог направить сюда дополнительные силы, и 26 июня того же года занял Смоленск. Верховенство Витовта признали фоминский и березуйский князья.

Умиrotворение Швитригайло, прекращение военных действий на западе и присоединение Смоленска заметно упрочили положение Витовта. Раскрутив карусель разменных уступок, он приобрел политический навык и вкус к многоступенчатым соглашениям. Улучшение отношений с Тевтонским орденом Витовт стремился использовать для получения поддержки со стороны Ливонского ордена на Руси и скрытного противодействия польскому гегемонизму. Из-за этого в июле 1404 г. ему пришлось содействовать крестоносцам в Жямайтии, а в сентябре в Каунасе он заключил с ними договор о военной взаимопомощи. В договоре было подчеркнуто, что Витовт сможет забрать из Жямайтии 250 дворян. Таким образом была с успехом намечена важная перспектива. Против Каунасского договора восстал польский коронный совет. Витовту пришлось возобновить присягу верности Ягайло и декларативно откреститься от Каунасского договора. На деле Витовт соблюдал его условия, а возникающие у крестоносцев претензии переправлялись в Краков. Так, за счет жямайтов, Витовт рассчитывал получить помощь и от Ордена, и от Польши.

Помощь эта была нужна, ибо конфликт вокруг Смоленска ши- /212/ рился и требовал новых сил. Юрий Смоленский нашел прибежище в Новгороде. В ответ на это Витовт нарушил интересы Новгорода и заключил в 1405 г. с Ригой торговый договор, направивший поток товаров в Полоцк. Полочане получили привилегию на посредничество с городами

Руси. Однако объединительная политика Витовта и его энергичные действия против русских земель вызвали раздражение православных в самом Великом княжестве Литовском. В 1405 г. Туровский епископ Антоний призывал золотоордынского хана Шадибека атаковать южные области Литовского государства. В начале 1406 г. интенсивные военные действия против Пскова вызвали вмешательство Москвы. В нее прибыл Юрий Смоленский. Усилия Москвы были поддержаны православной оппозицией Великого княжества Литовского, к москвичам перебежал сын Иоанна Ольшанского Александр. Витовту оказывали содействие польские рыцари, а также отряд крестоносцев под командой Торуньского комтура Фридриха Цоллерна и войта Жямайтии Михаила Кухмейстера. Нападения москвичей на Вязьму и Серпейск были отражены, Лугвений занял Воротынский, а сам Витовт – Одоев. Стародубский князь Александр был схвачен при попытке перейти на московскую сторону. При обоюдной невозможности достичь существенного перевеса 8 сентября 1406 г. было заключено перемирие сроком до 28 июня 1408 г. Это не помешало Витовту в 1407 г. занять Мценск. В том же году Лугвений вновь стал князем Новгородским.

За помощь, оказанную Тевтонским орденом, Витовт заплатил в январе 1408 г. содействием ливонцам в разорении Пскова. Поддержка крестоносцев и Польши была необходима и в дальнейшем, поскольку православная оппозиция сделала ставку на Швитригайло. В июле 1408 г. самый молодой из Ольгердовичей бежал в Москву. Его сопровождали путивльский князь Александр, перемышльский князь Семен, хотятовский князь Михаил, а также православный епископ Брянский. Для Витовта это был серьезный удар накануне возобновления войны с Москвой, поэтому Василий I принял беглецов с распростертыми объятиями. Подобную неудачу уравновесила помощь, данная Тевтонским /213/ орденом и Польшей. Крестоносцы выделили 1800 всадников. Большим отрядом поляков командовал маршалок Збигнев из Бжезя. Два войска – литовское и московское – сошлись у реки Угры. Василий I придерживался испытанной оборонительной тактики, принесшей 36 лет назад успех его отцу под Любутском. Однако наученный уроком Ворсклы Витовт также не рисковал. Увидев, что Витовт, как и в 1406 г., пользуется поддержкой немцев и поляков, Василий I смирился с присоединением Смоленска к Великому княжеству Литовскому. Завязались переговоры, приведшие к подписанию мира.

За эти успехи Витовт дорого платил в Жямайтии. Еще в августе 1404 г. на встрече с великим магистром Конрадом Юнгингеном на острове Риттерсвердер (посреди Немана) Витовт пообещал 10 лет не принимать беглых «зависимых (несвободных) крестьян», позволил Ордену строить мельницы на обеих сторонах Нявежиса, а жямайты под его нажимом обязались покориться Ордену. В начале и летом 1405 г. Витовт совершил поход в Жямайтию и принудил ее земли признать власть крестоносцев. Близ Шушве с помощью немецких ремесленников он возвел замок Кёнигсбург, гарнизон которого составили 40 людей Ордена и 400 назначенных Витовтом поляков. Обеспечение гарнизона легло на Витовта. Нападение жямайтов на Кёнигсбург осенью 1405 г. не увенчалось успехом. В нем обосновался войт Жямайтии Михаил Кухмейстер (он выучил литовский язык). Строили замки и сами крестоносцы. В 1407 г. они восстановили Фридбург и, при содействии Витовта, завершили обустройство Дубисского замка. Сюда переселился Михаил Кухмейстер. Уполномоченные Ордена начали перепись населения. Появились первые немецкие колонисты. Сопrotивление подавлялось взятием заложников и оперативным террором.

Всё это Витовт был принужден терпеть. Крестоносцы (как и поляки) были необходимы для закрепления в Смоленске. Кстати, идя на уступки полякам, Витовт упорно защищал государственное единство. Ягайло в первое десятилетие XV в. однозначно поддерживал Витовта. Подлясье (исключая Дрогичин) он забрал у Мазовии в свое непосредственное управление, а в 1408 г. отдал его Витовту. Витовт лавировал, и политика рациональных уступок начала приносить плоды. Москва была вынуждена согласиться с расширением литовской сферы влияния на Руси. Православная оппозиция лишилась веского ориентира. Из политического расклада был удален Швитригайло. Об упрочении позиций Витовта наглядно свидетельствовало поведение Ворсклинского триумфатора – Эдигея. Едва завершилась

война между Литвой и Москвой, в том же 1408 г. он подверг нападению Московское княжество. Татары разорили Переяславскую, Ростовскую, Дмитровскую земли, взяли /214/ большую контрибуцию с города Москвы. Удар Эдигея ослабил Москву, что привело к бегству Швитригайло, укrywшегося у тех же татар. После набега на Московию Эдигей предложил Витовту союз, но тому не было расчета портить едва налаженные отношения с Москвой. На сей раз Витовт не прогадал: заключенный в апреле 1409 г. Псковский мир Василий I утвердил без промедления. В 1409 г. сын Тохтамыша Солдан не без помощи Витовта получил власть в Золотой Орде. Швитригайло, вернувшийся в Литву и принятый Витовтом в конце лета или начале осени 1409 г., попытался войти в сношения с крестоносцами (2 октября он заключил с ними тайный договор), но был обезврежен и, с согласия Ягайло, заключен под стражу. Литва по крупицам возвратила позиции, добытые перед катастрофой на Ворскле.

Это была Литва, уже начавшая меняться. Раздача крестьянских хозяйств положила начало крупным дворянским владениям. Они еще не были многочисленны, но именно отсюда войско получало наилучшим образом вооруженных воинов. Уменьшение монаршего земельного фонда компенсировалось доходами от растущих городов. В 1408 г. Витовт предоставил Магдебургские права вновь разросшемуся Каунасу и возобновил их для Бреста (получены от Ягайло в 1390 г.). В том же году самоуправление получил г. Тракай. Около 1408 г. закончена перестройка Тракайского островного замка, начато строительство каменной крепости в Лишкяве – на левом берегу Немана. Был заново укреплен и обеспечен артиллерией Каунасский замок. Вырос совет при великом князе, его члены расширили свой кругозор. Основу совета составили виднейшие дворяне, постоянно входившие в верхушку административного аппарата. В резиденциях крупнейших наместников были учреждены канцелярии. Росла самооценка высшего дворянства, их менталитет многое заимствовал из рыцарского кодекса. Во время переговоров на острове среди Дубисы (1403 г.) крестоносцы непочтительно отозвались о Витовте, и их представители были вызваны на поединок литовскими дворянами. Несмотря на уступки Польше, именно в первое десятилетие XV в. Витовт начал пользоваться особой «маестотичной» печатью, атрибутом суверенных властителей.

Достигнутое положение стало фундаментом куда более взвешенной политики, чем за 10 лет до этого. Витовт понял, что много важнее вернуть Жямайтию и объединить литовский народ – основу государства, чем ввязываться в бесконечную войну за полную гегемонию на Руси или в Золотой Орде. Такая позиция диктовала единственно возможный тактический ход: лавирование между Тевтонским орденом и Краковом сменить на более тесный союз с Польшей и, опираясь на него, устранить немецкую опасность.

Еще в 1408 г. на встрече с великим магистром Ульрихом Юн- /215/ гингеном Ягайло и Витовт не пошли ни на какие уступки в споре о границах. Заключив мир с Москвой, Витовт обратил главное внимание на Жямайтию, стал поддерживать беглецов; отданные ему жямайтские дворяне стали активными проводниками его влияния. Крестоносцы ужесточили контроль, расправились с непокорными дворянами, закрыли границу с Литвой, чем еще более озлобили жямайтов. После требования выдать новых заложников атмосфера предельно накалилась. Жямайты ждали малейшего знака из Литвы. Поздней весной Витовт этот знак подал, и в мае месяце жямайты восстали. В июне были изгнаны последние тевтонские гарнизоны. Посланный Витовтом во главе литовских отрядов Румбовд переправился через Нявежис. Край перешел под власть Великого княжества Литовского. Ради Жямайтии Витовт решился на новую войну с Тевтонским орденом.

в. Война 1409–1411 гг.

Решаясь на освобождение Жямайтии, Витовт видел, что война с Орденом неизбежна. Действительно, едва началось выступление жямайтов, крестоносцы в Рагаине конфисковали

корабли с зерном, которые Ягайло послал в Литву, страдавшую от неурожая. Руководство Ордена понимало, почему Витовт уступал Польше, и стремилось теперь не допустить вовлечения Кракова в литовско-тевтонский конфликт. Великий магистр Ульрих Юнгинген, настроенный весьма воинственно, полагал угрозы наилучшим средством достижения своей цели. На польском берегу реки Древенцы крестоносцы построили укрепленную мельницу, кроме того, сожгли /216/ пограничные деревни в Мазовии. Руководство Ордена пыталось возбудить польскую знать против замыслов короля. Ягайло управлял Польшей уже 23 года и успел достаточно упрочить свое положение, однако он и теперь действовал сдержанно и осмотрительно. Делегация Польши, в первой половине июня 1409 г. прибывшая в Пруссию, обсуждала по преимуществу польские дела и не допускала никаких намеков на военную опасность. К тому времени отношения Ордена с Витовтом еще не были окончательно порваны, и крестоносцы старались затянуть переговоры. Когда же конфликт Литвы и Ордена сделался очевидным, для теvтонцев стало чрезвычайно актуально прояснить позицию Польши, но теперь уже с ответом медлил Ягайло. Делегации во главе с Торунским комтуром, посетившей Польшу, было заявлено, что этот вопрос король должен решать вместе со всеми сановниками государства. Состоявшийся во второй половине июля в Ленчице съезд был склонен решать пограничную проблему путем переговоров, но не отметал возможность войны в случае несговорчивости крестоносцев. Такой же позиции придерживалась прибывшая в Пруссию большая польская делегация, возглавляемая Гнезнимским архиепископом Николаем Куровским. Польские дипломаты делали упор на обиды, нанесенные Польше, но Ульрих Юнгинген добивался ответа на вопрос о Витовте. Николай Куровский сдержанно, но недвусмысленно указал, что король не оставит своего брата. Великий магистр эту сдержанность счел нерешительностью и решил воздействовать на Польшу еще большим устрашением. Крестоносцы вторглись в Добжинскую землю. Тогда Ягайло призвал на воинскую службу рыцарей. Военные действия приобрели традиционно оборонительный характер, а это Ягайло и было нужно. Тевтонскому ордену не удалось изолировать Литву.

Уже в июне 1409 г. разведчики крестоносцев сообщали, что Витовт твердо решил воевать. В конце лета Витовт всё высказал напрямую великому магистру. В августе Витовт и Ягайло обратились с письмами к монархам Европы для объяснения причин назревающей войны. В письме Витовта, изобилующем всеми красотами европейского церемониального красноречия, крестоносцы без обиняков именовались врагами. Послание Ягайло было более сухим. Он должен был согласиться с посредничеством короля Чехии Вацлава IV. 8 октября 1409 г. было объявлено перемирие между Польшей и Тевтонским орденом сроком до 24 июня 1410 г. В его условиях Литва не упоминалась, Жямайтия (как языческий край) не была предметом перемирия, Ягайло обязывался не поддерживать жямайтов и их союзников, Занеманье, Жямайтия, польские земли Сантока и Дрезденка – признавались владениями Тевтонского ордена, возврат Польше Добжинской земли увязывался с ре- /217/ альным укреплением власти крестоносцев на упомянутых землях. Весьма пристрастное решение Вацлава IV не давало Литве никаких мирных гарантий; оно не было приемлемо и для Польши. Зыбкость положения была очевидна, и все три государства встали перед неизбежностью войны и настоятельной необходимостью к ней готовиться. На сей раз Витовт достиг двух важнейших целей: фактической передышки до начала 1410 г. и решения Польши вступить в войну.

Вступление Польши в войну меняло всю стратегическую ситуацию. Она не только обладала большим, чем Литва, потенциалом, но могла выставить тяжелую рыцарскую кавалерию, которой недоставало Литве. Этого не оценило руководство Тевтонского ордена, знавшего о военных возможностях Польши лишь по участию отдельных отрядов, данных в поддержку литовцам, или по разрозненным стычкам на польской границе. Однако это хорошо понимали Витовт и Ягайло, сделавшие всё, чтобы события развивались именно так, а не иначе. В ноябре 1409 г. они встретились в Бресте, где обсудили план близкой войны. Для Литвы это был шанс, которым она до сих пор не располагала. Поэтому Витовт согласился

действовать, приравливаясь к военным акциям Польши, если они будут разумными и оправданными. Брестское совещание стало тайным обсуждением стратегии грядущей войны (на нем Ягайло сопровождал лишь канцлер Николай Трамба, и Витовта – татарский хан Солдан). Сегодня трудно сказать, чьи идеи стали основой военного плана, но – так или иначе – Витовт им неукоснительно следовал. Сутью замысла был наступательный характер войны: войска обеих союзниц должны были встретиться в Мазовии (на территории Польши, но в месте, наиболее близком к Литве) и оттуда вступить на территорию Ордена. Это было дерзким решением, ибо до той поры атакующей стороной всегда выступал Тевтонский орден.

Ранней зимой в Беловежской пуще и других лесах Ягайло добыл много зверя и отправил засоленное мясо по Нареву и Висле в Плоцк. По его приказу была начата заготовка материала для постройки моста через Вислу. Так за полгода до событий подготавливалась база для королевского двора и всего польского войска в Мазовии. Польша договорилась о мире с Штеттинским княжеством, ее делегации посетили монаршие дворы Германии, Франции и Англии. Они мало чего достигли, но все эти действия указывают на серьезно продуманную и всестороннюю подготовку к предстоящей военной кампании. Витовт избрал наиболее актуальное для себя направление дипломатии: в начале 1410 г. он нанес визит королю Венгрии (и наместнику Германского императора) Сигизмунду Люксембургу в Кезмарке. Это был весьма полезный разведывательный /218/ ход: Витовт удостоверился, что Сигизмунд поддерживает Тевтонский орден, но не склонен ввязываться в большую войну. Вместе с тем правитель Литвы мог оценить свое значение в политике Центральной Европы: желая вбить клин в польско-литовскую коалицию, Сигизмунд посулил Витовту королевский венец. В ту пору для Литвы, вне сомнений, была много важнее польская поддержка, поэтому Витовт это предложение отверг и сообщил о нем Ягайло, с которым встретился в Сонче по возвращении из Кезмарка. Здесь вновь был обсужден план военной кампании. Вскоре оба властителя объявили в своих странах воинский призыв. Желая усилить позиции Ягайло, Витовт дал ему 20 тыс. грошей для найма чешских солдат и предоставил знамя (отряд) под командой Сигизмунда Корибутовича.

Внезапным нападением на Брест Тевтонский орден несколько расстроил планы Витовта. Ульрих Юнгинген поощрял и Ливонский орден к нападению на Литву. Руководство Тевтонского ордена узнало, что литовское и польское войска должны будут соединиться, но не было вполне уверено в сроках и последовательности этих действий. А Витовту следовало учитывать угрозу и с севера, и с запада. Он приложил много усилий, чтобы выторговать перемирие у крестоносцев Пруссии. 26 мая это ему удалось – до окончания польско-немецкого перемирия 24 июня. Приблизительно в то же время удалось договориться о перемирии и с Ливонским орденом. Его болезненный магистр Конрад Фитингхоф сумел уклониться от настояний великого магистра. Когда 30 июня ливонцы решили послать помощь тевтонцам, события уже ушли далеко вперед.

В таких условиях войско Великого княжества Литовского собиралось и готовилось к походу в Мазовию. Эту работу Витовт прикрывал обманными демонстрациями и распространением ложных слухов. В начале лета 1410 г. наблюдатели и лазутчики Тевтонского ордена установили, что значительные литовские силы движутся в направлении Нарева, однако впечатление, будто литовцы собираются атаковать Скалву (войско Витовта даже вторглось в нее), было столь велико, что Наревскому направлению крестоносцы должного внимания не уделили. А именно туда шли основные литовские силы, лучшая кавалерия и артиллерия под началом Альберта Монвида (*Albertas Manvydas*). Витовт опасался удара крестоносцев в направлении Вильнюса, поскольку этническая Литва оставалась оголена, а тевтонские походы 1394 и 1402 г. показали, что подобное развитие событий таит в себе огромную угрозу. Соединение с польскими силами за /219/ пределами своей страны было большим риском, но без этого риска представлялось невозможным осуществление намеченного стратегического плана.

Ягайло также действовал в соответствии с общим замыслом: польское войско

концентрировалось в Мазовии (главным пунктом был Червинск). В конце июня Витовт был уже в полной готовности, основные литовские части покинули страну. Витовт был осведомлен о действиях Польши, но, идя на гигантский риск, он желал увериться, что в Мазовии собираются главные польские силы. Поэтому его посланники попросили Ягайло, чтобы литовцев встретил мощный польский заслон (во избежание неожиданностей). Это пожелание Витовта Ягайло без труда выполнил, послав целых 12 польских знамен (хоругвей). Препград не осталось, и войска обеих стран соединились близ Червинска. Из ранее подготовленного материала был наведен мост через Вислу, и союзные силы в полном порядке переправились на ее правый берег. Главное политическое командование было возложено на короля и сюзерена Литвы Ягайло. В составленном военном совете Литву представлял единственно Витовт, но уже в походе он стал фактическим командующим всех объединенных сил. У реки Укры Витовт устроил смотр литовскому войску, разделил его на отряды и вручил командирам знамена.

Союзники, вступив на территорию Ордена, двинулись в сторону Мариенбурга. Тевтонский орден хорошо подготовился к войне. Из германских земель пришли многочисленные отряды наемников и добровольцев. Тяжелая конница – залог успеха крестоносцев – была представлена особенно обильно. Решительно настроенный Ульрих Юнгинген рассчитывал одним ударом покончить с союзниками, и, по его мнению, промедление было на руку крестоносцам: противник сам шел навстречу роковому столкновению. Великий магистр отверг посредничество, предложенное посланниками короля Венгрии. Более всего он опасался, что союзники уклонятся от решающей битвы. Когда стала ясна стратегическая цель литовцев и поляков, войско Ордена двинулось им навстречу. Противники сошлись у реки Древенцы близ Кауерника. Крестоносцы успели хорошо укрепиться на своем берегу, силовой прорыв был излишне рискован. Союзники отступили и, обойдя Алленштейн, вновь направились к Мариенбургу. Ягайло надеялся, что, напуганное демонстрацией столь грозной мощи, руководство Ордена будет вынуждено пойти на переговоры. Перед Алленштейнским маневром он отправил парламентаря к Ульриху Юнгингену в расчете на положительный ответ (нежелание рисковать усилила полученная королем весть о том, что Венгрия объявила Польше войну). Великий магистр, уверенный в своих силах, отклонил предложения Ягай- /220/ ло. Витовт, надо полагать, мысленно одобрил такое поведение магистра, ибо и сам стремился к генеральному сражению.

Польско-литовский маневр под Алленштейном вынудил крестоносцев ночью под проливным дождем совершить спешный переход, чтобы закрыть противнику дорогу на Мариенбург. Поздним утром 15 июля оба войска встретились у озера Лаубнер (Любен) между селениями Танненберг и Грюнфельд. По названию первой местности произошедшую битву локализует немецкая, по второй (под именем Грюнвальд) – польская историография. Последнее наименование утвердилось в литовской литературе в качестве дословного перевода: Жальгирис (*Žalgiris*).

Тевтонский орден на поле боя вывел 52 знамени, Польша – 51, Литва – 40. Историки приводят разные числа участников битвы (не вполне ясно, сколько человек включало одно знамя). Наиболее вероятно, что союзники выставили 18–20, а Орден – 12 тыс. человек. Ясно одно: союзная армия имела преимущество численное, крестоносцы – качественное. Тевтонское войско было построено в три линии. Обе стороны оставили значительные силы в резерве (крестоносцы – 16 знамен). Правым крылом тевтонского войска командовал великий комтур Конрад Лихтенштейн, левым (против него стояли литовцы) – маршал Фридрих Валленрод. Всеми войсками Ордена командовал Ульрих Юнгинген, до поры остававшийся при резерве. Ягайло был укрыт в защищенном месте, откуда было удобно наблюдать за ходом боя. Польские сановники приказали слугам, чтобы те не допускали короля к месту сражения, если он вознамерится лично участвовать в битве (так и случилось). Витовт занимался построением и литовского, и польского войска.

День выдался жаркий. Утомленная ночным переходом и палимая солнцем, армия

Ордена рвалась в бой. Желая еще более измотать противника и ожидая, когда солнце перестанет бить союзникам в глаза, Ягайло медлил вступать в битву и не давал команду к атаке. Поводом для отсрочки служили месса и затянувшийся обряд посвящения в рыцари. Поначалу это было выгодно союзникам (большая их часть находилась в лесной тени), но время близилось к полудню, и предстоящая битва грозила затянуться до поздней /221/ ночи, что могло повлечь непредусмотренные последствия. Забеспокоились польские рыцарские командиры. Но более всех тревожился Витовт, – ведь откладывалось начало сражения, которого он так жаждал. Ягайло надеялся на переговоры. И лишь по прибытии орденских герольдов с дерзким требованием не избегать открытого столкновения (Ягайло и Витовту были присланы два обнаженных меча), стало окончательно ясно, что демонстрация силы не оказала должного действия на крестоносцев. Витовт решил воспользоваться моментом и скомандовал литовской армии наступать. Лишь после того, как литовцы и крестоносцы сошлись в бою, Ягайло отдал приказ полякам о вступлении в битву.

Сегодня трудно установить, только ли выступление литовских частей привело к тому, что бой состоялся, однако бесспорно: именно с этой целью Витовт послал свое войско вперед. Это было огромным риском, и Орден немедленно использовал временную изоляцию литовской армии. Вся третья линия была передана в ведение Фридриха Валленрода, и на литовский фланг обрушилась железная лавина тяжелой конницы. Когда поляки пришли в движение, Конрад Лихтенштейн направил прицельный удар по большому знамени, препятствуя их организованному вступлению в битву. В результате начальные действия союзников были несогласованны, и литовскому войску пришлось в одиночку сдерживать основной удар. Тактическое отступление, к которому литовцы прибегали в подобных случаях, было невозможно, ибо это могло нежелательно отозваться на польском войске, еще не втянувшимся в бой. Долгим был этот час, стоивший литовцам огромных потерь. Витовт еще пытался удерживать расстроенные ряды. Но тут в бой вступила тяжелая польская кавалерия. На польском фланге положение выровнялось, и Витовт мог скомандовать истощенному войску начать отходной маневр.

Литовцам, хотя и с большими потерями, удалось оторваться от преследования Фридриха Валленрода. Кризисный момент сражения миновал. Часть литовского войска прикрыла польский фланг справа. Тогда отличились смоляне, потерявшие большую часть людей, но сдержавшие неприятеля. Крестоносцы, преследуя отходящие литовские знамена, нарушили собственный строй, потеряли время и теперь возвращались на место главных событий разрозненными группами. Поляки смогли перерезать им путь, и значительная часть тевтонского войска уже не была способна влиять на ход битвы: таким образом оправдался запоздалый маневр Витовта, а также его первая рискованная атака. Свен Экдаль (*Sven Ekdahl*), которому исторические исследования принесли славу в мировой науке, как и Грюнвальдским триумфаторам – во всемирной истории, назвал маневр Витовта решающим событием битвы. Бросив в /222/ бой главные польские силы, Витовт обрушился на немецкий фланг под командованием Конрада Лихтенштейна. Ульрих Юнгинген был вынужден ввести в действие свои 16 резервных знамен. Когда все резервы Ордена оказались втянуты в бой, Витовт применил свежие польские силы и начал окружать крестоносцев. Тевтонцы, ведомые великим магистром, пошли на прорыв, однако их смяли отряды литовцев, возвратившиеся после выполнения обманного маневра. Зажатые с боков построения крестоносцев уже не могли воспользоваться превосходством своих тяжелых латников. Численный перевес союзников сделал свое дело, и жаркий июльский день закончился совершенным разгромом крестоносного войска. Пали Ульрих Юнгинген, Фридрих Валленрод, Конрад Лихтенштейн, почти все видные тевтонские военачальники, 200 рыцарей (примерно треть Прусской ветви Ордена). Союзники заняли лагерь крестоносцев, добыча была великая. Часть тевтонских знамен (среди них высшего ранга – св. Марии), а также знатных пленников (один из которых – олесницкий князь Конрад Белый) получил Витовт. По приказу командиров были заранее разбиты винные бочки тевтонцев, чтобы чрезмерное возлияние не подкосило победителей. Однако после гигантского напряжения

опьянение победой проявилось невероятной усталостью: три дня литовское и польское войска отдыхали.

Вечером 15 июля Тевтонский орден, Польша и Литва были уже не те, что утром того же дня. Правда, требовалось еще много усилий для упрочения перемен (или для их устранения), но всё это уже относилось к последствиям, определенным Грюнвальдской битвой. Витовт рисковал еще более, чем при Ворскле, но это был уже иной – взвешенный и просчитанный – риск, сделавший его победителем и важнейшим лицом сражения, изменившего мировую историю. Витовт-тактик догнал наконец Витовта-стратега. Этот пьянящий успех принесли своему владыке рядовые литовские и русские воины, воплотившие его рискованные замыслы. Лишь половина из них вернулась домой. В сознании современников сражение при Грюнвальде сразу получило имя Великой битвы. Оно на дол- /223/ гие столетия определило всю историю восточной части Центральной Европы.

Однако был и тактический момент, возникший после Грюнвальдской битвы. Союзная армия достигла Мариенбурга лишь 25 июля. Не участвовавший в сражении комтур Швеца Генрих Плауэн использовал эти десять дней с большой пользой для Ордена. Собрав 5 тыс. воинов, он поспешил к Мариенбургу, сжег город и заперся в замке. Союзники осадили замок, но было поздно. Войска Литвы и Польши в открытом бою действовали на удивление умело. Осада, в ходе которой литовцы и поляки применили артиллерию, продемонстрировала техническое превосходство немцев. Подошли силы Ливонского ордена, весьма немногочисленные, что, тем не менее, очень встревожило Витовта: этническая Литва оставалась беззащитной перед нападением. Он стал искать контактов с ливонцами, надеясь на переговоры. За пропуск их маршала (с военным отрядом) в Мариенбургский замок Витовт выторговал двухнедельное перемирие. Литва выиграла, но осаде Мариенбурга это повредило: ливонский маршал получил деньги от Генриха Плауэна и смог нанять бойцов, а тем временем среди осаждавших начались болезни. 11 сентября Витовт прервал осаду и отбыл в Литву. 20 сентября был вынужден отступить и Ягайло. Большая часть прусских замков была занята поляками и литовцами. Гарнизоны Витовта обосновались в замках Балга, Ортельсбург и Растенбург. В них были привлечены прусские витинги, с которых взяли присягу на верность. По возвращении Ягайло и Витовта в свои страны значительная часть Пруссии осталась в их руках. Было предусмотрено, что ее восточная область достанется Литве.

Слух о Грюнвальдской битве разнесся широко. Витовт обрел всемирную военную славу. В Германии господствовало мнение, что всё решило множество «язычников» (литовцев и татар), пришедших на помощь полякам. Официальная польская дипломатия поначалу пустилась в оправдания католика Ягайло, который-де имел право опереться на подданных любого вероисповедания, как собственных, так и предоставленных Витовтом. Однако чем громче становилась слава, тем большим был соблазн присвоить лавры победителя. Подобный подход уже в середине XV в. восторжествовал в польских источниках. Литовцы ответили тем же, при этом обвинив поляков в попытках вообще уклониться от битвы, но литовская версия была письменно реализована позднее – в начале XVI в.

Ягайло и Витовт во главе победивших армий триумфально прошествовали по своим странам. В храмах звонили колокола, литовцы благодарили нового могучего Бога, даровавшего им победу, к которой безуспешно стремились поколения их предков.

Если в общей перспективе развития Балтийского региона роль /224/ Тевтонского ордена была сыграна, – конкретный ход войны еще не свидетельствовал об этом. Польша и Литва были небогатыми странами, они не располагали достаточными ресурсами и опирались лишь на мобилизованное войско. Содержавшие сами себя призывники могли участвовать в военных действиях весьма ограниченное время; государство не было способно обеспечить или заменить гарнизоны, оставленные в замках Пруссии. Между тем, руководство поверженного Ордена, располагая определенными средствами, смогло поддержать необходимую численность своей армии. Крестоносцы стали возвращать себе один замок за

другим. 9 декабря 1410 г. обе истощенных воюющих стороны объявили о месячном перемирии.

В январе 1411 г. вновь собранные по призыву войска Литвы и Польши возобновили военные действия. Витовт должен был вновь следовать в Польшу, борьба завязалась подле Быдгоща. В Литву, оставленную без прикрытия, вторгся Ливонский орден. Война проходила вяло. Все три государства были истощены, и условия прекращения боев диктовались самой обстановкой: Жямайтией управлял Витовт, Тевтонский орден вытеснил со своей территории польские и литовские гарнизоны, Польша, проявившаяся как главная военная сила, угрожала Привислиню – богатейшей области Пруссии. 1 февраля в Торуне был заключен мир. Польше была отдана Добжинь, Тевтонский орден выплачивал контрибуцию в 100 тыс. коп грошей, Жямайтия переходила под власть Литвы вплоть до смерти Ягайло и Витовта. Витовту приходилось следовать в русле интересов Польши, без которой не было бы победы при Грюнвальде. Не было бы ее и без участия литовских воинов, но это участие Литве очень дорого стоило. Измученной Литве требовалась помощь Польши, но получить ее было можно, лишь применяясь к польской стратегии, а это опять вовлекало Литву в заколдованный круг – необходимости выводить войска с собственной территории. На сей раз Витовт должен был удовлетвориться условиями Торуньского соглашения. Кстати, выплата контрибуции ввергла Тевтонский орден в глубокий финансовый кризис.

Не было никаких гарантий, что не придется вновь воевать за Жямайтию. Однако это уже была сфера политических мер и военных коалиций, а не свирепая вековая борьба на уничтожение. Впервые Великое княжество Литовское вырвалось из постоянной войны, из тисков напряженности на всех своих рубежах и реальной угрозы утратить этническую территорию. Тевтонский орден, как огромный валун, перекрывал Литве путь в Европу. Эта преграда была устранена. /225/

2. Городельская уния

Воцарение Ягайло на польском престоле не только связало Великое княжество Литовское с Польшей, но и расширило поле деятельности династической верхушки Гедиминовичей на пространствах обоих этих государств. Островский и Вильнюско-Радомский договоры ограничивали действия Витовта лишь литовским государством, однако даже неэквивалентные гарантии польского дворянства литовским феодалам некоторым образом увязывали эти действия с Польшей. Тем самым претензии Швитригайло становились не только заботой династии Гедиминовичей. Ягайло как высший иерарх, манипулируя владениями Швитригайло, не всегда учитывал интересы обоих государств, из-за чего, как и в других случаях, более всего страдала Литва. Устранение Швитригайло в 1408 г. привело наместников Ягайло в Поднепровские земли. С точки зрения государственных отношений это было не что иное как расширение прямой польской юрисдикции на отдельные области Литвы. Однако сближение Швитригайло с Москвой и Тевтонским орденом подорвало его династическую деятельность и еще более сблизило Ягайло с Витовтом. Еще в 1409 г. Ягайло пообещал передать Витовту Западное Подолье. В марте 1411 г. наместники Ягайло были отозваны из Поднепровских земель, которые были включены в Великое княжество Литовское. В 1411 г. Витовт на ленных правах получил Западное Подолье, которым стал управлять присланный из Литвы наместник. Авторитет, обретенный победой при Грюнвальде, Витовт разумно употребил для увеличения своего влияния в Польше. Он стал настраивать против Ягайло польских дворян, требовавших от короля расширения своих привилегий и назначения на важные придворные должности удобных им людей (таких, как возвысившийся в канцлеры Познаньский епископ Войцех Ястжембец). Литва становилась опорой для верхушки Гедиминовичей во властно-политической системе, руководимой Польшей.

Островский и Вильнюско-Радомский договоры в равной мере защищали как

династические интересы Витовта, так и тесно с ними связанные государственные интересы Литвы. По мере расширения деятельности Витовта в Польше возникла дилемма – какие из этих интересов получают перевес? Десятилетия деятельного правления Витовта привели к структурным переменам в литовском обществе. Уже при заключении Кревского договора было указано, что его одобряет (высшее) дворянство. Внезапное расширение великокняжеского домена подключило новых людей к общественной деятельности, оживило политическую карьеру пред- /226/ ставителей знати. В межгосударственных договорах и зарубежной переписке это участие стало весьма заметным. Вельможи приобрели личные печати, украшенные собственными знаками, которые еще не стали гербами. Это была среда, наиболее ущемленная Кревским договором, узаконившим польскую гегемонию. Связи с Польшей способствовали заинтересованности в союзе с Краковом (литовские дворяне получили совещательный голос при выборах короля Польши), однако это не устраняло стремления воспользоваться возможностями благоустройства, предоставленными развивающейся государственностью. Посему договор с Польшей высшее литовское дворянство в первую очередь расценивало с точки зрения собственной государственности, и великий князь должен был с этим считаться. Он и сам был заинтересован в литовской государственности, ибо лишь эта опора давала ему влияние в Польше. Все это мешало проявиться серьезной коллизии интересов между дворянством Литвы и Витовтом, однако эти интересы уже проявили себя как самостоятельные, пусть и взаимосвязанные, политические факторы.

Победа при Грюнвальде показала Литве и Польше, какие успехи может принести их союз, а Торуньский мир (отнюдь не равноценный победе) – насколько им еще нужен этот союз. Вклад Литвы и Витовта в эту победу укрепил их позиции, но не настолько, чтобы вырваться из польской зависимости. Поэтому стала необходимой ревизия правового положения Литвы и Польши (а также их монархов), которая могла состояться лишь в рамках оформленной польской гегемонии.

В конце сентября – начале октября 1413 г. Ягайло, Витовт, представители польской и литовской знати собрались в Городле – на территории Польши, неподалеку от литовской государственной границы. Совещание закончилось 2 октября подписанием актов, по-новому регулирующих отношения Польши и Литвы. Совместная грамота Ягайло и Витовта гласила, что литовские и русские земли (т. е. Великое княжество Литовское) вновь присоединяются к Польскому королевству. Общие дворянские (шляхетские) сеймы для обсуждения государственных дел обеих стран было намечено созывать в Люблине или Парчеве (на польской территории). По сравнению с неясным термином «соединение (примыкание)», которым оперировал Кревский акт, «присоединение» означало очевидное подавление литовской государственности, а для высшего литовского дворянства, едва начавшего политически проявлять себя, это знаменовало включение его в польские сословные институты (подобной уступкой Польше пытались предохранить Жямайтию от претензий Тевтонского ордена). Тем самым Ягайло часть своих /227/ вотчинных прав на Литву передал польскому государству, а его титул верховного князя Литвы по существу становился лишь элементом польского королевского титула. Основной упор в претензиях Ягайло на Литву из области его литовских вотчинных прерогатив перешел в круг прерогатив короля Польши как сюзерена Литвы. Ягайло сделал так потому, что был вынужден своими литовскими вотчинными правами поступаться в пользу Витовта: совместная грамота правителей и акт литовских дворян ввели наследственный институт великого князя Литовского, отменив заявленное в Вильнюско-Радомском акте возобновление прямого правления польского короля в Литве после смерти Витовта. В Городельских актах об этом нет упоминаний, но высшая польская знать (шляхта, паны) объявила Витовта опекуном малолетней дочери-наследницы Ядвиги и Ягайло. Он занял первое место в польском коронном совете. Таким образом Витовт стал вторым по значению лицом во властной системе, возглавляемой Польшей.

Городельский договор был большой личной победой Витовта, достигнутой ценою

правовых уступок, вредных для литовского государства. С юридической стороны Городельская уния была для Литвы еще более неудобна, чем Кревский договор, однако фактически являлась полной его противоположностью. Прежде всего – закреплялся наследственный институт отдельного правителя Литвы. Поэтому съезды польских и литовских дворян становились пустой декларацией, поскольку зависели от воли великого князя Литовского, обладающего огромной властью. Учреждаемые (по акту Ягайло и Витовта) должности воевод и каштелянов Вильнюса и Тракай, хотя и копировали польскую административную структуру, – по сути лишь укрепляли положение литовской знати. То же самое можно сказать и о рецепции польской геральдики, заявленной в совместном акте монархов и грамоте польского дворянства. Гербами обзавелись семьи 47 литовских магнатов; при отсутствии общих сословных институтов дворянская верхушка Литвы адаптировала польскую геральдику, не подкрепив это заимствование никакими административными узлами. Грамоты литовских и польских дворян по существу повторяли соответствующие обязательства Вильнюско-Радомского договора, но в польском акте ничего не говорилось об участии литовцев в выборах польского короля. Устранение последнего условия охраняло Польшу от влияния литовского дворянства, пусть и по вассальным каналам. Юридически это (непредоставление права совещательного голоса) было еще более однозначным утверждением подчиненности литовцев Польше, однако фактически этим было наглядно подчеркнуто отсутствие реальных сословных связей между двумя государствами.

Городельский договор выявил определенное различие между /228/ позициями Витовта и верхушки литовского дворянства. Если до сих пор по польскому вопросу они совпадали, то открытие пространства для деятельности в Польше привело к тому, что личные «польские» интересы Витовта перестали совпадать с интересами государства. Все-таки главное было не в этом несовпадении, а в совпадении большей части интересов. Витовт понимал, что его позиции в Польше зависят от значения и положения Великого княжества Литовского, поэтому ориентировался в первую очередь на него. Если в первое десятилетие XV в. Витовт без колебаний возобновлял присяги на верность Польше (1405 и 1406 г.), вступая для собственной пользы в отношения с Тевтонским орденом, – теперь никакие формулировки, подчиняющие Литву, не мешали ему по разным поводам проявляться как суверенному монарху. Посланник Бургундского герцога Жильбер Лануа, посетивший Литву в 1413–1414 г., называл ее королевством и Витовта титуловал литовским королем, т. е. не обнаружил польского сюзеренитета.

Городельская геральдическая адаптация использовалась в государственном управлении укрепившейся элитой Литвы. Во главе ее /229/ стояли видные люди: назначенный вильнюским воеводой Монивид, тракайским воеводой – Явн, вильнюским каштеляном – Мингайло, тракайским каштеляном – бывший каунасский староста Сунгайло, ошмянский староста, кревский староста Гаштольд, дворный маршалок Чюпурна (умерший в начале десятых годов XV в.). Они составили ядро великокняжеского совета, а сам этот сановный совет приобретал черты все большего постоянства. В вельможном землевладении возникли первые лично зависимые крестьяне, пожалованные великим князем – велдомые (*veldamas*, лично подвластный). Поначалу только высшая знать пользовалась гарантированными Городельским актом правами на владение пожалованными землями (бенефициями). Они были ни чем иным как верхушкой складывающегося феодального сословия, которая первой обрела этот сословный статус. Это была социальная и политическая сила, более монарха заинтересованная в том, чтобы литовское государство, гарант достигнутого ею положения, существовало и крепло. Если в Салинском или Вильнюско-Радомском договорах список дворян допустимо воспринимать как символическую рецепцию, то в Городельских актах они уже выступали как реальный юридический и политический субъект. Поэтому, несмотря на имевшиеся юридические манипуляции, вытекающие из определенной коллизии интересов великого князя и аристократии, Городельский договор упрочил положение литовского государства и предначертал направление его структурного развития. Это была польская

рецепция – начальные заимствования, необходимые для формирования самостоятельных сословных институтов.

д. Крещение жямайтов и его последствия

Совпадение династической борьбы Ольгердовичей и Кейстутовичей с принятием христианства не позволило великим князьям крестить жямайтов. Не решился на это и Тевтонский орден, управлявший Жямайтией в начале XV в. Литовская дипломатия уже успела этим воспользоваться: Витовт в посланиях 1401 и 1409 г. сообщил европейским монархам о бездействии крестоносцев. После освобождения Жямайтии то же самое мог сделать Орден, посему правитель Литвы был обязан без промедления решать проблему этого последнего языческого острова. В начале десятых годов XV в. Витовт направил в Жямайтию чешского миссионера Иеронима Пражского. Это было своеобразной разведкой перед акцией массового крещения. Чрезмерное рвение Иеронима разозлило людей, и он был отозван. Витовт понял, что в этой кампании он должен будет участвовать сам. /230/

Осенью 1413 г. Витовт вместе с Ягайло проплыл по Неману до Дубисы и поднялся по ней до окрестностей Бятигалы. Монархов сопровождал целый отряд магнатов и группа избранных священнослужителей, в основном из приходов Литвы. Вполне вероятно, что они везли с собой восковые дощечки с литовскими текстами молитв. Была выбрана область, где при крестоносцах находился административный центр, немалую роль тут сыграла и близость Каунаса. Собранным Витовт и Ягайло повелевали креститься; некоторые священники уже изъяснялись по-литовски и могли растолковать религиозные истины (много потрудился местный немец, Тракайский настоятель Матфей). На капищах вырубались деревья и гасился священный огонь. Об организации этой непростой работы позаботился староста Жямайтии Кезгайло. Крещение жямайтийских дворян было увязано с началом действия великокняжеских привилегий. Монархи пробыли в Жямайтии неделю и вернулись в Тракай. Возможно, были заложены один-два храма, но приходы пока еще не учреждались. Следовало продемонстрировать, что Жямайтия начала креститься, и это было исполнено.

Возобладавшее общественное настроение позволило получить поддержку Констанцкого собора. Весной 1416 г. была высказана идея, что в Жямайтию должны отправиться его миссионеры, и в конце лета делегация тронулась в путь. Совершила она не слишком много, но был важен сам факт ее пребывания. Вслед за нею осенью того же года в Жямайтию прибыли Вильнюсский епископ Петр из Кустыни и несколько литовских священников. Это было уже воистину всенародное крещение. Оно длилось всё лето 1417 г., тогда же в Жямайтию была вновь направлена делегация Констанцкого собора. Приходские храмы начали строиться уже в 1416 г. Делегатов Констанцкого собора сам Витовт встретил в Каунасе и сопроводил в Жямайтию. В избранной им местности Варняй (земля Мядининкай) был учрежден кафедральный собор. В октябре 1417 г. Львовский архиепископ Ян Жешувский и Вильнюсский епископ Петр из Кустыни рукоположили в епископы Жямайтии Матфея Тракайского (к тому времени уже ставшего настоятелем Вильнюсского кафедрального собора). Матфей не только знал литовский язык, но и требовал, чтобы его выучили те, кого он посвящает в сан. В 1417 г. существовало уже восемь приходов: в Видукле, Кальтиненай, Кельме, Расейняй, Арёгале, Велюоне, Кражяй и, вероятнее всего, в Луоке. В Велюоне был построен каменный храм. Епископу и капитулу Жямайтии Витовт в 1417 г. назначил ренту деньгами и натурой (следовало считаться с жямайтийскими крестьянскими общинами). Только в июне 1421 г. он предоставил церкви волости Биржувеная, Майвеная, Кражяй, Мядининкай и велдомых в волостях Кальтиненай, Кражяй, Видукле /231/ и Расейняй. Спустя несколько лет Ягайло прибавил епископу Жямайтии денежную ренту от соляных копей в Величке. Литовское государство своими силами окрестило Жямайтию и создало ее церковную организацию.

Жямайтийское епископство было учреждено именем Церковного собора. Требовалось получить подтверждение папы и защититься от претензий Рижского архиепископа включить Жямайтию в свою митрополию. Не на пользу Литве была также деятельность Львовского архиепископа. Тут Витовту было нелегко, ибо Святой престол не любил менять традиционно установившиеся отношения. Папа Мартин V в булле от 11 сентября 1421 г. отдал Жямайтию под опеку Львовского архиепископа и Вильнюсского епископа. Эта формулировка еще не означала примата Львовского архиепископства, однако она связывала Жямайтию с польской церковной провинцией. Она была далее включена в Гнездинскую митрополию. Крещение Жямайтии было совершено не в качестве окончательного крещения Литвы, а как приобщение к Церкви оставшейся нехристианизированной области. Всё это было противопоставлено тевтонской пропаганде о фиктивном крещении Литвы.

Официально в Литве не осталось язычества. Этническое пространство литовского народа охватили два католических епископства. Приходы возникли и в бывшем Тракайском княжестве, где во время крещения Литвы они не были созданы. В Великом княжестве Литовском Витовт построил более 30 католических храмов. Большинство из них получили литовские земли (Даугай, Пярляя, Старые и Новые Тракай, Швянчёнис, Дубингяй, Кярнаве, Ошмяны, Пуня, Дарсунишкис, Утяна). В Вильнюсе, в замке, был возведен храм св. Анны, в городе – большой францисканский костел, в Каунасе (кроме францисканского) – приходской костел. Храмы в дар от Витовта получило колонизуемое мазовецкими дворянами Подлясье (в Дрогичине, Гонёндзи), возникли они и на русских землях (в Витебске, Пинске, Волковыске, Бресте, Гродно). Францисканцев Витовт поместил в Каунасе, Ошмянах, Пинске, Дрогичине, августинцев – в Бресте, бенедиктинцев – в Старых Тракай. Дополнительные дарения были сделаны ранее обосновавшимся в Мядининкай августинцам, доминиканцам – в Луцке, Гродно, Новгородке (Новогрудке). Витовт построил в два с половиной раза больше храмов, чем Ягайло и все вельможи вместе взятые. Внедрению католичества было положено доброе начало. Работу Витовта на этом поприще современники приравнивали к акции крещения, проведенной Ягайло, а последующие поколения только повысили такую оценку. Однако всё делалось еще весьма поверхностно. Число приходов росло медленно. Во времена Витовта без них так и остался целый регион в Северной и Центральной Литве. К 1410 г., /232/ по подсчетам одного францисканского миссионера, крещено было лишь около 20 000 литовцев. Распространять христианство было сложно: небогатая страна не могла выделять Церкви большие земельные площади, священников еще не готовили не местах. Все-таки о репрезентативной стороне неплохо позаботились, помня о пропаганде Тевтонского ордена, которая объявляла крещение Литвы фикцией. Епископы заняли места первых сановников государства. После пожара Вильнюсского кафедрального собора в 1399 г. Витовт его не только отстроил, но и расширил.

И Ягайло в 1387 г., и Городельский привилей 1413 г. провозглашали католичество господствующей религией. Сословные и имущественные права были гарантированы только католикам. Только они могли занимать новые высшие должности в монаршем домне. Действовал запрет на браки католиков с православными (за исключением случаев, когда православный переходил в католичество). Создание католических епископств в этнической Литве было лишь частью акции по распространению католицизма во всем Великом княжестве Литовском. На русских землях не только возводились католические храмы и располагались католические монастыри. В 1404 г. Витовт учредил Владимирское католическое епископство (в 1425 г. перенесено в Луцк). После 1424 г. возникло Каменецкое епископство на Западном Подолье. Католические епископства Витовт хотел соединить в Литовскую церковную провинцию, однако этим стремлениям не было суждено сбыться, поскольку папы традиционно поддерживали уже сложившиеся структуры. Даже Вильнюсское епископство, которое ни один папский вердикт не присоединил к какой-либо митрополии, было включено в Гнездинское архиепископство. Тем не менее, даже не организованная в собственную митрополию, католическая Церковь стала конфессиональной опорой литовских властителей перед лицом православного большинства населения.

Обращение Литвы в католичество изменило внутригосударственные религиозные отношения: отныне литовская конфессия оказывала влияние на русских, а не наоборот, как было ранее.

Католицизм воспринимался и применялся Витовтом как политическое средство, возможности которого он оценивал по достоинству. Понимал он и присущие этой религии особенности мировоззрения, но увыв, в узко практическом плане, как политик. Уже на предсмертной исповеди он признался, что /233/ не верил в бессмертие души. Однако заступнице Деве Марии он доверялся всецело и насаждал ее культ. Из построенных Витовтом храмов костел бенедиктинцев в Старых Тракай посвящен явлению Девы Марии и св. Бенедикту, Тракайский храм – явлению Девы Марии, Кражайский – непорочному зачатию Девы Марии, Пярлойский – Деве Марии и св. Франциску Ассизскому, Каунасский францисканский, Расейнский, Велюонский, Кельмеский – успению Девы Марии. Витовт разумно пользовался правом патронажа. Папы утверждали рекомендованных им кандидатов в епископы. Таковыми были четвертый Вильнюсский епископ Петр из Кустыни (1414 – 1421), первый и второй епископы Жямайтии Матфей (1417 – 1421) и Николай Дзержович (1321 – 1453). Два последних перед тем были настоятелями в Тракай – исповедниками великого князя. Матфей стал пятым Вильнюсским епископом.

Католическая вера стала составной частью достигнутого Витовтом европейского менталитета. Те же веяния распространялись и в среде литовской элиты.

е. Первая попытка Церковной унии

Победа Витовта на западе упрочила положение Литвы на востоке и позиции литовской элиты в Великом княжестве Литовском. Стремясь подчеркнуть этот факт и ответить на недавно подавленные выступления Швитригайло и православной оппозиции, Ягайло и Витовт летом 1411 г. совершили объезд русских земель. Во время поездки Витовта посетил князь Рязанский, до той поры весьма враждебно настроенный. Усилилось литовское влияние во Пскове. Новгород колебался, и Витовт, оказывая давление на эту республику, отозвал оттуда Лугвения. В 1411 г. он демонстративно объявил Новгороду войну. Вскоре Лугвений смог вернуться в Новгород. С Новгородом и Псковом были подписаны договоры, обязавшие эти республики помогать Литве в случае войны между ней и Ливонским орденом. В Золотой Орде ухудшалось положение Эдигея; в 1411 г. Джелал-Эдин (*Саладин*) убил его ставленника Булата. В конце того же года Эдигей был вынужден бежать в Хорезм, а в 1412 г. Джелал-Эдин, при поддержке Витовтова войска, утвердился во всей Золотой Орде.

Отзвуки битвы при Грюнвальде помогли Литве добиться по- /234/ добных успехов, однако далее следовали слухи о Торуньском мире, мало что изменившем. Новгородские летописцы в записях 1410 г. отметили большие потери войск Витовта и Ягайло. Достижения 1411–1412 г. могли оказаться лишь малым фрагментом хода гигантского маятника, отмеряющего историческое время огромной Руси и южных степных пространств. В конце 1412 г. власть в Золотой Орде захватил сторонник Эдигея Керим-берды, перед тем убивший Джелал-Эдина. В 1413 г. Золотая Орда переживала внутренние распри, покуда в 1414 г. вернувшийся из Хорезма Эдигей не поставил ханом Чекриоглана. Во время правления Джелал-Эдина усилились князья Нижнего Новгорода, и сблизившаяся с Литвой Тверь вновь подпала под влияние Москвы. Осенью 1412 г. Лугвений был вынужден покинуть Новгород. Москва, хоть и ослабленная Эдигеем, оставалась для Литвы неодолимой силой на Руси. Литва еще была нападающей стороной, однако реальностью являлось то, чего Витовт достиг перед битвами при Ворскле или Грюнвальде, а не те надежды, которые он лелеял накануне Ворсклинской катастрофы. Литва, даже поддержанная Польшей, не могла на востоке достичь большего, чем достиг Ольгерд. Поддержка Польши и консолидация Великого княжества Литовского лишь на некоторое время законсервировали положение, но на большее сил не хватало.

Четкое разделение Руси на зоны господства Москвы и Литвы и превращение Литвы в католическое государство обусловили положение православной Церкви на западных русских землях. В 1406 г. умер митрополит Руси Киприан, с успехом балансировавший между Литвой и Москвой. Витовт желал, чтобы в митрополиты был рукоположен Полоцкий епископ Феодосий, однако Константинополь по традиции склонялся на сторону Москвы. Митрополитом в 1408 г. стал грек Фотий. Витовт требовал, чтобы Фотий назначил своей резиденцией Киев, однако последний выбрал Москву и Владимир. Не желая терять влияние и доходы, Фотий посещал Литву в 1409, 1411 и 1412 г. Внешне продолжалась линия Киприана, но Фотий явно ориентировался на Москву, и подобное положение не удовлетворяло правителя Литвы.

Устранение виднейших удельных князей меняло православную иерархическую структуру в литовском государстве. Князья отчасти опекали епископов, обладавших незначительными земельными владениями, отчасти (в таких княжествах, как Полоцк) делились с епископами властью. Теперь опекуном большинства епископов и главным совладельцем земли становился великий князь. В Великом княжестве Литовском вошло значительное Смоленское епископство. Политическое подавление православной оппозиции и провозглашенные в привилегиях (1387 и 1413 г.) права католического сословия заставляли православную элиту искать компромиссы для улучшения своего положения. Открытая конфронтация с литовской властью, к которой склонялся Фотий, высшему православному духовенству представлялась бесперспективной, оно стремилось к сближению с этой властью и получению от нее гарантий своего положения в новых обстоятельствах. При таких условиях фискальная политика Фотия, направлявшего часть доходов в Москву, была неприемлема как для великого князя, так и для православных иерархов. Возможно, что по сигналу Витовта, епископы подали ему жалобу на имущественные злоупотребления Фотия. Витовт немедленно повелел своим приближенным составить опись имущества православных епископств. Фотий в 1414 г. прибыл в Великое княжество Литовское и попытался встретиться с Витовтом, но не был принят. Витовт, оценив создавшееся положение, решил продолжать политику создания отдельной православной церковной провинции, а не завладения митрополией всея Руси. В начале 1414 г. в Новгородок были созваны православные епископы Великого княжества Литовского, которые вручили Витовту жалобу на действия Фотия. В Константинополь было направлено прошение назначить для Литвы отдельного Киевского митрополита. Осенью 1414 г. епископы собрались вновь. Витовт в Киевские митрополиты предложил кандидата – широко образованного и плодотворно работавшего на ниве славянской богословской литературы болгарского монаха Григория Цамблака (Самвлака, или *Семивлаха*). Григорий Цамблак (*Семивлах*), родня покойному митрополиту Киприану, уже успел проявить себя в монастырях Греции, Болгарии и Сербии. Во второй половине первого десятилетия XV в. он прибыл в Великое княжество Литовское, где написал «Похвальное слово Киприану». Это сочинение прославляло благосклонного к Литве митрополита и многое говорило о позиции самого автора. Дело в том, что автор некоторое время был настоятелем монастыря Нямцы в Молдавии, а около 1410 г. сестра Витовта Римгайле (вдова мазовец-кого князя Хенрика) вышла замуж за господаря этой страны Александра Доброго. Григорий Цамблак в принципе одобрял унию православной Церкви с Римом и, как показали дальнейшие события, для Витовта это также было немаловажно. Избранию авторитетного кандидата в митрополиты Витовт обеспечил поддержку православных епископов, однако Константинопольский патриарх Евфимий, по традиции настроенный против воссоздания отдельной литовской митрополии, поддержал Фотия. Не дремала и московская дипломатия. По прибытии в Константинополь Григорий Цамблак был не только не рукоположен, но и отчитан. Одной из причин столь раздраженной реакции Константинополя было автономистское движение епископов Сербии и Болгарии, которые желали самостоятельно выбирать митрополитов: Византийская Церковь опасалась того же в Литве. Витовт решился на компромисс: в марте 1415 г. съезд епископов обратился к патриарху с просьбой назначить отдельного митрополита, при этом конкретная

кандидатура не предлагалась и выражалось согласие с тем, чтобы это был грек, а не славянин. Посыльным был дан срок сначала до 20 июля, затем до 15 августа, однако известия от них не поступали. Разгневанный и не дождавшийся сопротивления со стороны епископов, Витовт – по совету Григория Цамблака, хорошо усвоившего каноны церковного права – пошел на решительный шаг. В Новгородке (Новогрудке), в церкви пресвятой Девы Марии, собрались 8 епископов (среди них Феодосий Полоцкий, Исаак Черниговский, Дионисий Луцкий, Иероним Владимирский, Севостьян Смоленский, Харитон Холмский, Евфимий Туровский), настоятели некоторых монастырей, князья и дворяне; председательствовал Витовт. 15 ноября 1415 г. Григорий Цамблак был избран и рукоположен в митрополиты Киевские. Собравшиеся заверили Константинополь, что связей с ним не порывают, но перечислили аргументы, повлиявшие на их позицию.

Патриарх Евфимий и митрополит Фотий на постановление Новогрудского собрания ответили проклятием Цамблака. По смерти Евфимия в марте 1416 г. это проклятие повторил его преемник Иосиф II. Православные епископства Великого княжества Литовского /237/ наполнились циркулярами, объявлявшими Цамблака вероотступником. Григорий Цамблак правильно оценил ситуацию: эти обвинения служили лишь прикрытием неприятия отдельной Литовской митрополии. К Церковной унии Константинопольский патриарх и император Византии относились благосклонно, но в тот момент сама Западная Церковь была поглощена более важными проблемами. Поэтому вопросы об унии и отдельной митрополии не слились воедино. На таком фоне появились в десятых годах XV в. произведения, обозначаемые как полемика Цамблака. Эти образцы богословской риторики, основной акцент которых – верность догматам православия, отличали высокий художественный уровень и выдающаяся эрудиция. В 1415 г. Григорий Цамблак написал «Вероисповедание», позднее признанное всеми восточнославянскими православными, включенное с XVI в. в московские ежемесячные молитвенники. Целая серия проповедей была посвящена отдельным церковным праздникам: «Слово о Великой неделе» (переработанное из более раннего сочинения, написанного еще в Нямцах), «Слово о Вознесении», «Слово о Преображении», «Слово на Успение Пресвятой Богородицы», «Слово о воздвижении Креста», «Похвальное слово св. Дмитрию», «Похвальное слово Тырновскому патриарху Евфимию».

Хотя проклятия Фотия не могли сравниться по уровню с риторикой Григория Цамблака, но их практический эффект вынуждал Витовта лавировать. Он позволил некоторым епископствам и приходам, по их желанию, общаться с Фотием. Летом 1416 г. Эдигей разорил Киевскую область и Волынь, и это еще более затруднило деятельность Цамблака. Тем не менее в конце того же года Витовту удалось посадить на престол в Золотой Орде своего ставленника Еремфердена. Это несколько упрочило положение Витовта и Цамблака. В 1417 г. победил ставленник Эдигея Дервишхан, однако это уже не оказывало воздействия на православных Великого княжества Литовского.

Григорию Цамблаку, пусть и не без труда, удалось выдержать давление Фотия. На Констанцском соборе вновь был затронут вопрос о Церковной унии. Ягайло и Витовт решили установление отдельной митрополии увязать с унией, /238/ поэтому в начале 1418 г. Цамблак был послан в Констанц. Там на соборе в присутствии папы Мартина V он произнес две программные речи. В «Приветственном слове папе Мартину V» (25 февраля) митрополит приветствовал идею Церковной унии и просил о благоприятном решении папы по этому вопросу. В «Похвальном слове отцам собора» (в последний день февраля) одобрение унии не было конкретизировано. В этом случае Цамблак приспособился к общей ситуации: как у собора, так и папы (в целом одобрявших унию) в тот конкретный момент были более важные дела: в церкви происходил раскол. Между тем и Цамблаку, и Витовту были нужны вполне конкретные решения.

Внешне весьма эффектное появление Григория Цамблака в Констанце не повлекло за собой никаких перемен. Конфликтная ситуация длилась, и Витовт не хотел обострять отношения с Константинополем и Фотием, тем более, что межконфессиональные трения

грозили возобновлением православной оппозиции (в 1418 г. при помощи некоторых русских князей и бояр был освобожден из заточения Швитригайло). Все эти события были тесно связаны с общей политикой Литвы на Руси, в начале 1418 г. Псков заключил с Ливонским орденом договор, направленный против Литвы. Витовт несколько отыгрался на юге. В 1419 г. его ставленник Кадерберды начал против Эдигея довольно успешную борьбу, затянувшуюся вплоть до 1420 г. Оба они погибли, и 1421 г. власть в Золотой Орде получил близкий Витовту Улу-Мухаммед. Фотий в свою очередь искал контактов с Витовтом, тем самым косвенно признавая стремление православных епископов Великого княжества Литовского к самостоятельности. В таких условиях Григорий Цамблак стал не нужен и удалился от политической деятельности. В 1421 г. Витовт позволил Фотию действовать на территории Великого княжества.

Григорий Цамблак обогатил византийскую культуру Великого княжества Литовского богословскими произведениями высочайшего уровня. На фоне политической ситуации десятых годов XV в. это был не самый важный шаг Витовта, лишь дополнивший его католически ориентированную политику. Объединенная и обособленная церковная провинция Великого княжества Литовского была для Витовта лишь дальней перспективой, многое тут зависело от политических ходов Рима и Константинополя, от множества конкретных исторических факторов. Однако эпизод с Григорием Цамблаком (*Семивлахом*) свидетельствовал об определенном переломе: политика Литвы в отношении православной Церкви отчасти была увязана с общей конфессиональной политикой Европы и соответствовала укрепившимся позициям литовской элиты в Великом княжестве Литовском.

/239/

ж. Десятилетие Пизанской и Констанцской политики

Торуньский мир не удовлетворил ни Литву, ни Польшу, ни Тевтонский орден, ибо он подписывался, когда силы воевавших сторон были на исходе. Не были достойно решены ни вопрос о принадлежности Жямайтии, ни вопрос о границах Литвы. Непостоянство рубежей Жямайтии, связанное как с распространением жямайтского этноса на земли куршей и скалвов, так и с захватами крестоносцев, позволяло любой стороне трактовать эту тему так, как ей в данный момент было выгодно. Поэтому еще до окончания военных действий, в январе 1411 г. Румбовд разорил Скалву (Скаловию) и безуспешно пытался занять Рагайне. Несколько позже Витовт заявил, что Литве должен принадлежать Георгенбург (Юрбаркас), т. е. земли в низовьях Немана, захваченные крестоносцами. Литва высказала претензии на Клайпеду. Литовская сторона называла Жямайтией всю территорию, ограниченную нижним Неманом и Нявежисом, и считала ее жителей частью литовского народа. Тевтонский орден именно в это время начал применять критерии «племенных территорий», поскольку прежние концессии, выданные папами и императорами Германии, с принятием Литвой христианства утратили всякую ценность. В конце 1411 г. посетивший Витовта войт Жямайтии Михаил Кухмейстер пытался отодвинуть границы Жямайтии и Занеманья далеко на восток и север, все обезлюдившие в результате войны пространства (пустоши) отдав Ордену. Дипломатия Тевтонского ордена опиралась на концепцию прав завоевателя (*ius belli*), пригодившуюся ей еще в 1358 г. на переговорах Карла IV с Ольгердом. Между тем литовская дипломатия формировала принципы этнического государства и его этнических границ.

Торуньский договор указывал, что граница Жямайтии должна быть установлена по соглашению сторон. Спорные вопросы решались арбитрами (верховным арбитром предполагался папа). Это переводило проблему пограничного урегулирования в сферу широких международных отношений. Не располагавшая международными связями, заслоненная сюзеренной Польшей и не успевшая вырастить дипломатов должного уровня, Литва сразу оказалась в проигрышном положении. Витовту ничего другого не оставалось

для защиты своих интересов, как доверяться (в большинстве случаев) политикам Польши. Однако он старался использовать те моменты, когда возникала возможность действовать самому. А главное – делал всё, чтобы реально утвердиться в Жямайтии. В ходе восстановления оборонительной системы нижнего Немана в 1411 г. были отстроены замки Пештве и Велюона. В последней разместилось 400 воинов. Предвидя, что о его споре с Орденом так или иначе станет известно венгерскому королю и германскому наместнику Сигизмунду Люксембургу (в 1411 г. он стал императором Германии), Витовт посетил его весной 1411 г. Тевтонский орден, в первой половине того же года выплативший две первые доли контрибуции, третий взнос, намеченный на 4 ноября, задержал. Крестоносцев более всего затрудняла нехватка средств, но они свои действия мотивировали тем, что литовцы и поляки не освобождают пленных. Ставший великим магистром деятельный Генрих Плауэн рассылал европейским монархам жалобы на Литву и Польшу, «единящихся с турками и татарами». Ягайло в декабре 1411 г. ответил на это письмами, в которых указал, что он выполняет условия мирного договора, а Орден не платит контрибуцию. Передача Витовту Западного Подолья, на которое претендовала и Венгрия, объединило Литву и Польшу против Сигизмунда Люксембурга и позволило Витовту рассчитывать на содействие Ягайло. Между тем, становилась все более громогласной тевтонская пропаганда, направленная в первую очередь против Литвы (в мае 1412 г. Орден просил, чтобы папа объявил крестовый поход против «язычников-литовцев» и запретил Польше их поддерживать). В октябре 1412 г. Орден обратился к князьям Германии, ставя в вину Витовту восстание жямайтов 1409 г. На встрече представителей Польши, Литвы и Тевтонского ордена в Морине (в низовьях Вислы) стороны не пришли к соглашению; поляки и литовцы были обвинены в том, что отклоняют папский арбитраж. Дипломатическая деятельность крестоносцев была всесторонне подкреплена: еще в начале 1412 г. короли Франции и Англии, настроенные Орденом против Польши, выступили с обращениями к папе.

При таких обстоятельствах Витовт не мог обойтись без Польши, а всё дело, как и следовало ожидать, попало в руки арбитра – Сигизмунда Люксембурга. Сигизмунд как император Германии был заинтересован поддержать Тевтонский орден, однако его в первую /241/ голову беспокоили собственные проблемы, усугубленные непрочным положением императора в Германии, турецкой угрозой для Венгрии и опасностью раскола католической Церкви. 4 января 1412 г. Сигизмунд заключил с Орденом договор о союзе, сопроводив его далеко ведущими обещаниями, но деньги за это крестоносцы уже уплатили. Поэтому хитроумный Люксембург, следуя закоренелой привычке, мог не спешить, тем более, что венгерская знать вовсе не собиралась воевать с Польшей. Еще летом 1411 г. в Вильнюс к Витовту и находившемуся там же Ягайло прибыли делегация Венгрии и папский легат, а в начале марта 1412 г. Витовт в сопровождении литовской и польской свиты посетил Сигизмунда в Венгрии. При участии папского легата в Любовли состоялось соглашение по наиболее важным вопросам. После того, как Витовт подготовил почву и отбыл, в Любовле появился Ягайло, а 15 марта 1412 г. был подписан венгерско-польский договор, к которому присоединилась Литва. Подолье было оставлено за Литвой и Польшей, на срок до 5 лет после смерти Витовта, Ягайло и Сигизмунда. Тогда же, 15 марта Сигизмунд направил письмо Тевтонскому ордену, сообщив о заключенном договоре. Витовт перед посланником Сигизмунда подтвердил договор 15 апреля 1412 г. в Тракай.

12 августа 1412 г. Сигизмунд Люксембург подтвердил Торуньский договор, тем самым окончательно связав себя с ним в качестве суперарбитра. Польская и, следом за ней, литовская дипломатия адресовались к императору Германии потому, что он стал центральной фигурой собора, готовящегося к обсуждению вопроса о церковном единстве. Переориентироваться в выборе арбитра становилось сложно, ибо это было связано с проблемой признания папы. А их после Пизанского собора, пытавшегося преодолеть раскол (1409 г.), оказалось целых три. Польша и вслед за ней Литва, ранее установившие связи с Авиньоном, теперь обратились к Пизе. Здешний папа Иоанн XXIII (с мая 1410 г.) проявлял благосклонность к ним, он же условился с императором о созыве Церковного собора. Булла

Иоанна XXIII (декабрь 1413 г.) предписывала открыть собор в 1414 г. в городе Констанце, и в начале ноября того же года он действительно состоялся.

Подтверждение Торуньского договора, сделанное Сигизмундом Люксембургом, предусматривало присылку его комиссара для обследования и установления границ. 1 октября 1412 г. это было поручено венгерскому лиценциату обоих прав (церковного и светского) Бенедикту Макре. Макру, прибывшего в Мариенбург поздней /242/ осенью 1412 г., руководство Тевтонского ордена встретило неприветливо. В Тракай Макра прибыл на Пасху и был встречен Витовтом чрезвычайно радушно. Великий князь возвел его в рыцари и щедро наградил, не забыв подчеркнуть, что Орден не известил его о прибытии императорского комиссара. Дипломатическая ошибка тевтонского руководства фактически позволила Витовту подкупить Макру. Деятельность императорского уполномоченного и в дальнейшем была мастерски использована. Бенедикт Макра своим местопребыванием избрал Каунас, хотя крестоносцы могли ему предложить отнюдь не худшие бытовые условия в Рагайне. В январе 1413 г. в Каунас прибыли делегации Польши и Литвы (последней руководил секретарь Витовта Николай Сепенский), личные представители Витовта и Ягайло, уполномоченные их дочерей (как наследниц) – Софии и Ядвиги, а также полномочные представители великой княгини Анны и жямайтов. Против тевтонских послов Витовт применил манипулирование охранными грамотами, то запрещая, то разрешая передвижение их свиты. Таким способом он /243/ спровоцировал руководство Тевтонского ордена, которое попыталось унижить Витовта, указав на то, что его печать недействительна, если рядом отсутствует оттиск печати Ягайло. Витовту именно это и было нужно, ибо вызывающее поведение крестоносцев еще более настроило против них Макру.

Обработка Бенедикта Макры была лишь составной частью игры. Дарственными актам, предъявленными крестоносцами, литовская сторона при поддержке поляков противопоставила концепцию национального государства и его законных границ. Спорная территория (включая Пруссию) была обозначена как область обитания балтов. Таково было мнение литовского дворянства, с которым представители Ордена столкнулись, уже находясь в Литве. Во время каунасских переговоров Витовт, угощая делегатов, как бы невзначай назвал Пруссию своей вотчиной и поинтересовался у крестоносцев, где располагается их родина. Между тем, руководитель польской делегации, ученый Андрей Ласкарь доказывал, что Бог и язычникам даровал право на обладание своей землей. Глава тевтонской делегации, маршал Михаил Кухмейстер, ранее бывший войтом Жямайтии, верно оценил ситуацию, однако уже не мог исправить прежние ошибки своего руководства. Предъявляемые крестоносцами концессии литовцы отвергали как фальсификаты. В то же время Макре была предоставлена возможность широкого общения с местными жителями, которые, вне сомнений, свидетельствовали не в пользу Ордена. Тем не менее, 15 января 1413 г. Ягайло и Витовт решились дать Ордену гарантии возвращения Жямайтии после их смерти. Таким образом они создавали о себе впечатление как о сторонниках неукоснительного соблюдения договора. Говоря о возврате пленных, литовцы продемонстрировали скалвов, перешедших на их сторону и отнюдь не склонных возвращаться под власть Ордена. Макра сделал вывод о том, что Литва точно следует условиям договора. Разногласия по проблеме торговли Витовт также сумел представить в выгодном для себя свете. Даже контрибуцию, которую Орден выплачивал Польше, литовцы обрисовали как наносимое оскорбление, поскольку от них утаивалась законная половина. Литовцам удалось доказать, что предъявляемые Тевтонским орденом документы являются недействительными. Переговоры были прерваны при очевидном моральном поражении тевтонской делегации.

Если в международной сфере литовская дипломатия была еще совершенно незрелой, – в конкретике балтского ареала она действовала виртуозно, используя все преимущества своего положения. Это и предопределило решения Бенедикта Макры. В мае 1413 г. он сделал заявления о границах Жямайтии, о Велюоне и Клайпеде. Обе эти местности были признаны за Жямайтией, т. е. за Великим /244/ княжеством Литовским. Эти заявления не содержали детального определения границы и не касались принадлежности Занеманья. 10 июня 1413 г.

Макра еще констатировал, что властители Литвы и Польши покорны императорскому арбитражу, чего нельзя сказать о Тевтонском ордене. Окончательное постановление императорского комиссара от 12 июня предусматривало денежный штраф для той стороны, которая вторгнется на территорию оппонента до разрешения спора императором.

Решения Бенедикта Макры носили рекомендательный характер. Тевтонский орден еще в марте 1413 г. отверг посредничество Макры, порвал с ним связи и заявил, что императорский комиссар подкуплен. Дипломаты Ордена действовали при дворах Фландрии, Чехии, Франции и Бургундии, по его указке представители сословий Пруссии направляли обращения князьям и городам Германии. В них выражался протест против решений Макры, а литовцы изображались как агрессивные варвары. Эту деятельность увенчал сочиненный в 1412–1413 г. издевательский трактат «Разыскание о Ягайло и Витовте». Написанный на немецком языке, он оказывал воздействие лишь на жителей Германии, однако стал достоянием разнообразной читательской аудитории. Трактат изображал Гедиминона конюхом Витеня, убившим своего повелителя и женившимся на его супруге. Использование этого Геродотова сюжета о царях Лидии должно было бросить тень на происхождение Витовта и Ягайло, тем самым опровергая их право на вотчинные владения. «Разыскание» имело отклик, о чем свидетельствуют сочинения в его духе, наличествующие в немецкой литературе XV в. Однако уже сама разработка сюжета говорила о том, что крестоносцы волей-неволей приняли точку зрения именно правящей династии Гедиминовичей, опиравшейся на природное право. Это было победой литовской элитарной политической культуры и молодой христианской литовской дипломатии, правда, еще робующей перед своей польской наставницей. Конечно, на фоне европейских межгосударственных отношений этот успех не выглядел чрезмерным.

Располагая материалами Макры, Сигизмунд Люксембург в апреле 1414 г. пригласил в Буду представителей Польши (выражавших заодно интересы Литвы) и Тевтонского ордена. Обе стороны повторно изложили свои соображения. Решения Макры помешали протевтонским симпатиям Сигизмунда проявиться со всей очевидностью. Хитроумному Люксембургу не оставалось ничего другого, как вновь затянуть решение вопроса. 14 июня 1414 г. заканчивались его двухгодичные полномочия суперарбитра. Спор между Литвой, Польшей и Тевтонским орденом по логике событий должен был дожидаться нового арбитража.

Дипломатическая борьба лишь затушевала волевые акции Ягайло /245/ и Витовта. В 1413 г. была заключена Городельская уния, упрочившая военный и политический союз Литвы и Польши, и начато крещение Жямайтии. Обе соперничающие стороны понимали, что всё будет вновь решать военная сила. Спаситель Тевтонского ордена Генрих Плауэн осенью 1413 г. даже начал военные действия на границах Мазовии. Однако значительная часть тевтонской знати оценила опасность столь безоглядных поступков и отлучила Плауэна от власти путем переворота. Руководство Ордена, отнюдь не склонное к уступкам Витовту и Ягайло, действовало более гибко и известило их о своих мирных намерениях. Ягайло и Витовт приняли посланцев Ордена в ноябре 1413 г. в Тракай. Король и великий князь согласились с предложенной идеей съезда и наметили провести его в 1414 г. в Куявии (в Польше). Была достигнута договоренность об устранении препятствий для торговли. В условленное время в Грабов (Куявия) прибыли Витовт, Ягайло и Михаил Кухмейстер, избранный великим магистром Ордена в январе 1414 г. Представители Литвы потребовали аннулировать условие о возврате Жямайтии Ордену. Беседуя с глазу на глаз, Ягайло и Кухмейстер в принципе договорились, что Жямайтия навечно остается в составе Литвы, но ее границы должны быть более тесными, чем того требует Литва. Однако стороны не пришли к итоговому соглашению, и переговоры прекратились. Польша и Литва начали подготовку к войне. 18 июля 1414 г. Ягайло, Витовт, мазовецкие и некоторые силезские (глогувский, опольский, опавский, ратиборский) князья объявили войну Тевтонскому ордену.

Союзники придерживались стратегии 1410 г., принесшей им столько выгод. Потому

литовское войско, покинув свой край, вновь шло на соединение с поляками. В Пруссию они вступили во второй половине июля. Тевтонский орден теперь уже не решался вступать в открытый бой, однако его спасали мощные прусские замки, полностью укомплектованные гарнизонами и обеспеченные провиантом. Технически более слабые поляки и литовцы не могли их взять, зато они немилосердно опустошали беззащитный край. Вскоре посланники крестоносцев появились в королевском лагере, суля незначительные уступки. Условия не удовлетворили союзников, и война на измор продолжилась. Орден засылал в тыл союзникам свои отряды, также подвергшие край разграблению. Страдала и оставленная без прикрытия Литва, что беспокоило Витовта. Тем временем Иоанн XXIII прислал легата, Лозаннского епископа Вильгельма, с предложением прекратить войну. Ягайло получил соответствующее письмо и от Сигизмунда Люксембурга. Ресурсы призывного войска истощались, замки не удавалось взять, поэтому следовало воспользоваться предложенным посредничеством. 7 октября 1414 г. в лагере Ягайло близ Бродницы было заключено /246/ двухгодичное перемирие (до 8 сентября 1416 г.). Война на измор ничего не переменила, но было решено передать спорное дело на рассмотрение Констанцкого собора. Договорились и о свободной торговле, в которой были заинтересованы обе стороны.

Стало ясно, что Польша склонна продолжать войны до той поры, пока не овладеет Кульмом и Поморьем, а Тевтонский орден в состоянии только обороняться. Так что Литва могла быть спокойна относительно того, что и в будущем сможет участвовать в действиях атакующей стороны и тем самым защищать Жямайтию. Однако перспектива подобных войн была не слишком отрадной, поскольку не обеспечивала долгосрочного мира и прочных границ страны. Витовт, истощенный войной, терпеливо сносил провокации крестоносцев и их дерзкое поведение, но постепенно сумел взять в свои руки обмен пленниками и урегулирование приграничных конфликтов. Всё это повышало престиж Литвы. Между тем, уже начал заседания Констанцкий собор, приступивший наконец к рассмотрению спора Литвы и Польши с крестоносцами. На соборе эти страны были причислены к немецкой нации и составили ее меньшинство. Голосовали на соборе нациями, и поэтому перспективы Польши и Литвы выглядели плачевно. Интересы Литвы защищала польская делегация, главой которой был Гнездинский архиепископ Николай Трамба. Он прибыл в Констанц в конце января 1415 г. В составе польской делегации были епископы и доктора Краковского университета. Из них особенно отличились Андрей Ласкарь и Павел Влодкович (Владимири). При необходимости литовцы присылали своих людей для укрепления польской делегации. Они уже разбирались во внутриевропейских отношениях и изучили менталитет европейцев. Геральдику литовских представителей хронист Констанцкого собора Ульрих Рихенталь без колебаний включил в составленный им гербовник. Делегацией Тевтонского ордена руководил Рижский архиепископ Иоанн Валленрод и прокуратор в Риме Петр Вормдит. Иоанн Валленрод проявлял аристократический подход к делам, не особенно углубляясь в детали, а педантичному Петру Вормдиту недоставало кругозора. Однако в материальном плане делегация тевтонцев ощущала себя куда лучше, ибо в Констанце имела собственный дом, а кроме того, ее питали близлежащие владения Ордена. Обе стороны стремились воспользоваться услугами специалистов из других стран, завязать полезные контакты. Сигизмунду Люксембургу был выслан подарок из Литвы – зубр, но императору достались только его мясо и шкура.

В первой половине 1415 г. Констанцкий собор принудил отказаться от власти «римлянина» Григория XII, изолировал «авиньонца» Бенедикта XIII, отказавшегося это сделать, и взял под стражу /247/ Иоанна XXIII, начавшего борьбу с собором. Для Литвы и Польши последнее событие было невыгодно, ибо этот папа в январе 1415 г. аннулировал данные Тевтонскому ордену концессии на завоевание новых земель, а в феврале назначил Ягайло и Витовта своими викариями в русских землях. Однако выхода не было, поэтому следовало считаться с Констанцким собором и его патроном – императором Германии. Сигизмунд Люксембург 20 апреля 1415 г. возобновил Любавльский договор 1412 г. 11 мая 1415 г. собор создал комиссию для разрешения спора Польши и Литвы с Тевтонским

орденом. В нее вошли по два представителя от каждой нации, председательствовал флорентийский кардинал Забарелло. Однако эта комиссия оказалась пустой формальностью. Началась война подметных писем. Тевтонскому ордену мешали родственники отставленного и заточенного великого магистра Генриха Плауэна, которые перехватывали письма и посылаемые деньги. Определенной потерей для Польши и Литвы было устранение Иоанна XXIII. Делегации Польши и Тевтонского ордена обменивались письменными обвинениями, но в скором времени прояснилась позиция Сигизмунда Люксембурга. Председательствуя 13 июля 1415 г. на немецком национальном заседании, он спросил у польской делегации, признает ли она императорскую власть. Это был очень скользкий вопрос, на который мудрый Андрей Ласкарь дипломатично ответил, что король Польши является самостоятельным государем. Сигизмунду помогли делегаты Тевтонского ордена, заявившие о своей покорности императору, что, естественно, загнало поляков – участников этой словесной игры – в угол. Сигизмунд Люксембург получил повод для демонстрации своей благосклонности к Ордену. Кроме всего прочего, крестоносцы 16 июля 1415 г. получили от него секретное послание с обещанием решить спор в их пользу. В свою очередь 5 июля Павел Влодкович представил трактат «О папской и императорской власти над язычниками». В трактате удачно излагалась концепция природного права: духовное начало превалирует над светским, поэтому император является орудием папы; вся власть от Бога, она законна, и ее следует отделять от веры; потому власть правителей-язычников также законна, однако папа может защищать своих подданных-христиан; мирные язычники не подлежат захвату, крещение – дело свободной воли и Божьего промысла; из этого следует, что насильственное крещение недопустимо; допустимы лишь оборонительные войны; никто не имеет права дарить языческие земли. Павел Влодкович схоластически сформулировал принципы политической доктрины Гедиминовичей и предложил логическую схему их применения. Все эти дискуссии показывали, что словесная война не приводит к победе ни одну из сторон, как и реальная война в Пруссии. 18 июля /248/ 1415 г. Сигизмунд Люксембург отбыл в Южную Францию. Делегация Ордена знала, что он предпримет, ибо при императоре действовал ее агент Бунцлау, копировавший получаемые Сигизмундом письма.

В ту пору происходило крещение жямайтов, и у Витовта возникла возможность использовать этот факт. В ноябре 1415 г. на Констанцкий собор прибыла делегация из 60 окрещённых жямайтов во главе с подольским старостой Георгием Гедговдом, жямайтским дворянином Георгием Голимином и секретарем великого князя Николаем Сепенским. На стыке января-февраля 1416 г. она появилась на пленарном заседании собора. Ее участники предъявили «Жалобу жямайтов», в которой было указано, что жямайты – часть литовского народа, принявшая крещение, а крестоносцы в годы своего правления их не крестили, а только грабили. Была также повторена жалоба, написанная по этому поводу в 1407 г. Эти жалобы, без сомнения, были инспирированы Витовтом. Делегация жямайтов произвела хорошее впечатление. В грамоте от 13 февраля 1416 г. литовцы и поляки предложили переселить Тевтонский орден на границу с Турцией. В конце февраля делегаты /249/ Ордена подготовили ответ, в котором повторяли свои традиционные измышления и обвиняли Витовта в подстрекательстве жямайтов. В 1416 г. возобновилась война трактатов. Тевтонскому ордену помогал доктор из Бамберга Иоганн Форбах, пытавшийся доказать, что язычники сродни диким зверям. В ответ на это чех Маврикий Рвачка из Праги и Павел Влодкович обвинили Иоганна Форбаха и крестоносцев в ереси. Их поддержал авторитетный французский эрудит Жан Жерсон, игравший на соборе большую роль. В моральном плане делегация Польши и Литва, которую эта делегация представляла, получили перевес, но не дождались никаких выгодных для себя постановлений. Перемирие, заканчивавшееся в сентябре 1416 г., было продлено до 12 июля 1417 г. Тем временем Витовту удалось добиться, чтобы Констанцкий собор назначил его попечителем Дорпатского (Тартуского) епископа (с целью охраны его от Новгорода и Пскова). Однако встреча Ягайло и Витовта с великим магистром Тевтонского ордена и магистром Ливонии в Велюоне 16–17 октября 1416 г.

закончилась ничем. Правители Литвы и Польши в нескольких письмах конца 1416 г. и начала 1417 г. предупредили собор, что Тевтонский орден не поддается на уговоры. Позднее у Витовта вызвало беспокойство перемирие, заключенное между Ливонским орденом и Псковом в сентября 1417 г..

Положение не изменилось и после возвращения на собор Сигизмунда Люксембурга в январе 1417 г. Именно в это время много шума наделали сочинения доминиканца Иоанна Фалькенберга, нанятого тевтонцами. В пасквиле «Берись за меч» доказывалось, что поляки и их король отступили от христианства. В официальном трактате «Наука о папской и императорской власти» утверждалось, что власть императора не меньше папской власти, и он вправе распоряжаться языческими странами. Фалькенберг требовал убить польского короля и запугивал Европу «сыном сапожника» Витовтом, «обещавшим напоить своих коней из Рейна». Польская делегация подняла шум, и Фалькенберг был взят под стражу. Специальная комиссия 4 июня 1417 г. осудила его выступление. Самого Фалькенберга осудили и некоторые нации, но на пленарном заседании это не было сделано.

11 ноября 1417 г. Констанцкий собор избрал папой Оттона Колонну, принявшего имя Мартина V. Это был сторонник Тевтонского ордена, к тому же оскорбленный в пылу спора польской делегацией. Однако церковную политику Витовта Мартин V поддержал. Он принял православную делегацию, возглавляемую Григорием Цамблаком. В 1418 г. Мартин V утвердил произведенное Иоанном XXIII назначение Ягайло и Витовта викариями на русских землях. Констанцкий церковный собор завершил работу 15 мая 1418 г., не приняв никакого решения о Жямайтии. 13 мая /250/ Мартин V на год (до 13 июля 1419 г.) продлил перемирие, о котором в апреле 1418 г. уже предварительно договорились полномочные представители обеих сторон в Куявском Бресте. Новый папа пытался прислать своего легата для разрешения спора на месте. Это совпало с инициативой Ливонского ордена, выдвинутой еще летом 1417 г.: созвать непосредственные переговоры сторон, на что дал согласие Витовт. Польша и Литва не хотели вмешательства Мартина V и торопились осуществить предложение Ливонского ордена. Им удалось убедить папу подождать, и во второй половине октября 1418 г. состоялся переговорный съезд в Велюоне, инициированный Тартуским епископом.

На этот съезд правители Литвы и Польши отправились уже после начала восстания крестьян Жямайтии, случившегося весной 1418 г. Причиной восстания стали новые повинности, вводимые местной знатью, стремившейся получить то, чем обладала знать в великокняжеском домене. Пострадали хозяйства нескольких крупных феодалов, были затронуты некоторые храмы. Восставшие проникли и во владения крестоносцев, которым нанесли известный ущерб. Витовту пришлось объясняться по этому поводу; тевтонская пропаганда трубила о сопротивлении жямайтов христианству, хотя мотивы восстания были социальными, а не конфессиональными. Староста жямайтов Кезгайло, при содействии Витовта и дворян Жямайтии, быстро подавил восстание. Эти волнения совпали с куда более серьезными политическими событиями. Подчеркнутые Городельским актом привилегии католикам, а также конфликт Витовта с Фотием, – оживили светскую православную оппозицию, знаменем которой вновь стал Швитригайло. В конце марта 1418 г. князь Даниил Острогский, Александр Нос и Андрей Смоленский при поддержке большинства бояр Волыни освободили заточенного в Кременецком замке самого юного из Ольгердовичей. Заговорщики взяли Луцк, однако великокняжеские администраторы их быстро изолировали. Швитригайло был вынужден бежать через Валахию в Венгрию, а затем в Австрию, и наконец прибыл к находящемуся в Констанце императору Сигизмунду. Хитрый Люксембург, оставшийся по обыкновению внешне безучастным, стремился использовать его, однако гораздо более опасными выглядели контакты Швитригайло с Тевтонским орденом, завязавшиеся в апреле 1418 г.

Швитригайло прибыл в Велюону, где руководство крестоносцев смогло воспользоваться им как мощным раздражителем для Витовта. Оно прислало представительную делегацию. Великого магистра Михаила Кухмейстера сопровождали

магистры Германии и Ливонии, Рижский архиепископ, епископы Поморья, Вармии и Тарту, виднейшие комтуры, представители князей и городов Германской империи (среди них архиепископы Рейнланд-Пфальца и Майнца). Делегаты Ордена заявили, что их не заботит ни Торуньский договор, ни Будские соглашения. Витовт и Ягайло отменили предложение Ордена о подчинении папскому арбитражу, мотивируя это тем, что папа не вполне ознакомлен с делом, и прекрасно понимая, на что рассчитывает соперник. Обе стороны разъехались даже не попрощавшись; было только условлено продолжить (при содействии императора) переговоры о продлении перемирия. Ни одна из них не преминула послать жалобы Сигизмунду Люксембургу.

Второй Велюонский съезд стал дипломатической победой крестоносцев. В спор Польши, Литвы и Тевтонского ордена оказались втянуты владения Германского императора, что отдавало все карты для разрешения спора в руки Сигизмунду Люксембургу. А тут еще Мартин V 6 февраля 1419 г. послал своих легатов – епископа Сполетто Якова и Фердинанда из Лугоша – в Польшу. Его булла от 20 января 1419 г. воспрещала Ягайло и Витовту воевать с Тевтонским орденом. В свою очередь курфюрсты Германской империи рассылали письма в поддержку крестоносцев Мартину V, Сигизмунду Люксембургу и Ягайло. Последний пытался лавировать, даже дал согласие на встречу с Сигизмундом Люксембургом в Шпиже, но в дороге его настигли легаты Мартина V. Королю пришлось отложить встречу и согласиться на посредничество легатов. Был намечен съезд в Гневкове (в Куявии). Литовская и польская делегации прибыли туда в мае 1419 г. Делегация Тевтонского ордена обосновалась в Торуне. Литва требовала Жямайтию с Занеманьем и Клайпедой. Делегаты Ордена, как всегда, опирались на тексты договоров. Крестоносцы соглашались отказаться от Жямайтии, но пытались сузить ее границы. Папские легаты настаивали на принятии тевтонских условий. Делегаты Польши и Литвы ссылались на отсутствии требуемых полномочий. Переговоры были сорваны, и легаты 12 мая 1419 г. в Торуне выдали представителям Ордена грамоту, гласящую о том, что правда на стороне крестоносцев. Польская и литовская дипломатии потерпели сокрушительное поражение.

Сложившаяся ситуация вновь толкала Ягайло и Витовта в объятия Сигизмунда Люксембурга. По свежим следам Гневковско-Торуньских переговоров Ягайло встретился с императором в Кезмарке во второй половине мая 1419 г. Ягайло был принужден пойти на мировую со Швитригайло, который и в Польше располагал поддержкой таких влиятельных вельмож, как Шафранцы. Швитригайло получил Опочненское староство. Внешне Сигизмунд Люксембург в Кезмарке был сама любезность; тут сыграли роль и родственные мотивы (умершая в 1416 г. вторая жена Ягайло была /252/ свояченицей Сигизмунда). Император отправил папе велеречивую жалобу на решение легатов и просил это решение отменить. Всё это вынудило Ягайло 18 мая обнародовать от своего имени и от имени Витовта грамоту о безусловном признании Сигизмунда суперарбитром. Последний в тот же день письменно взял на себя решение дела и обязался закончить его к 29 сентября 1419 г. Позиция Сигизмунда Люксембурга заставила Мартина V несколько смягчиться: в письме от 23 сентября 1419 г. он признавал, что решение его легатов в Торуне не должно нарушать права Ягайло и Витовта, поскольку при его принятии отсутствовали их представители. Однако слухи о Кезмарском соглашении привели к тому, что Тевтонский орден перестал доверять Сигизмунду Люксембургу и отказался признать его суперарбитром. Сигизмунд сделал вид, что собирается оказать силовую поддержку Литве и Польше.

Фиктивная поддержка Сигизмунда Люксембурга и дипломатические неуспехи Польши и Литвы вынудили их перейти к военным действиям, обещавшим превосходство. 15 июля 1419 г. Ягайло и Витовт заключили союз против Тевтонского ордена с королем Дании Эриком. Ливонский орден предполагалось переселить на Кипр, а земли его поделить. Войска Литвы и Польши вновь соединились под Червинском. Началу войны помешал легат Мартина V, Миланский архиепископ Варфоломей Капри. 16 июля он попросил, чтобы Ягайло и Витовт отказались от войны. Его посланники отправились к руководству Ордена, где нашли папских легатов, прибывших туда ранее. Под влиянием представителей папы

Тевтонский орден согласился признать Сигизмунда Люксембурга арбитром. 19 июля великий магистр выдал соответствующую грамоту. Папские легаты продлили перемирие до 13 июля 1420 г. Союзные армии возвратились домой. Так завершилась «отступательная война».

На Сигизмунда Люксембурга вновь обрушились просьбы князей Германии о поддержке Тевтонского ордена. Отягощенный разнообразными заботами, император медлил с осуществлением арбитража, хотя уже наступило обещанное 29 сентября. На встрече в Сонче 8 сентября Сигизмунд Люксембург и Ягайло постановили, что решение будет объявлено 6 января 1420 г. во Вроцлаве, где должен собраться сейм Германской империи. Все произошло, как намечал император. Сигизмунд Люксембург объявил свое арбитражное решение, к полному разочарованию Ягайло и Витовта. За основу были взяты условия Торуньского договора, кроме того, заметно сужены границы Жямайтии и Занеманья.

Ночью с 12 на 13 января весть о Вроцлавском решении достигла Ягайло и Витовта, в то время находившихся в Даугай. Они тотчас отправили во Вроцлав своих секретарей – Збигнева Олес- /253/ ницкого и Николая Цебульку. 30 января их официально принял император. Посланники Ягайло и Витовта резко протестовали против решения Сигизмунда. После вышеозначенного демарша началась обычная для таких случаев переписка и обмен посланниками, но эти события отличала одна деталь, проявившаяся уже во время миссии Олесницкого и Цебульки. Заявление последнего выделялось особенной резкостью. Секретарь Витовта подчеркивал, что его владыка отказывается от дружбы и союза с Сигизмундом, поскольку расценивает его действия как враждебные. Подобное заявление несуверенного князя по адресу главы Римской империи звучало чересчур дерзко. Витовт, до сей поры покорно жонглировавший сюзеренитетом Ягайло и Польши, сделал шаг, говорящий о его особой позиции.

В десятые годы XV в. Литва изменилась еще больше, чем в первые годы правления Витовта. Победа при Грюнвальде обеспечила безопасное существование. Заметно выросли города и оживилась торговля. Происходила сословная структуризация элиты, видные литовские дворяне познакомились с зарубежьем (напр., приняли участие в международном рыцарском турнире в Буде). Находясь в тени польских дипломатов, они тем не менее повидали Церковный собор, приобрели некоторое представление о его тематике и характере. Как великий князь, так и правящая элита смогли убедиться, что Литва еще не готова полноценно и многообразно общаться с Европой. Своеобразным ответом на вызов времени стало появление первых литовских студентов в Краковском университете. Таковыми политическими студентами были и литовские дипломаты, сопровождавшие польских докторов и лиценциатов. Они еще не понимали по латыни, но уже знали, куда и к кому следует обращаться при ее незнании.

Понимание собственного несовершенства привело к принятию необходимых мер. Крепнущая и все более осознающая свои возможности Литва накапливала силы для более смелых шагов в сторону Европы.

3. Большая политика Витовта

Вроцлавское решение показало Польше, что она, даже одержав победу при Грюнвальде, остается в Европе провинциалкой, а Литва получила возможность удостовериться, что ей далеко даже до этой роли. Констанцкий собор 1415 г. осудил как еретика и сжег на костре чешского магистра Яна Гуса, которого ненависть к возобладавшему в чешской Церкви высшему немецкому клиру побудила провозгласить идеи оппозиционного английского богослова /254/ Джона Уиклифа. То, что Витовт и Ягайло сделали на поле битвы, Ян Гус перенес в мир восприятия и мышления. Восточная периферия Центральной Европы, созревшая политически, не желала мириться с доставшимся ей положением аутсайдера, а ее неудовлетворение приняло форму противоборства с немецкой нацией,

которая пользовалась своими преимуществами. В ответ на расправу над Яном Гусом чехи выступили в защиту его идей. В Чехии началась гуситская революция. На диктатуру центральноевропейской духовной элиты чехи ответили всем народом. Польша могла ответить только в объеме своей знати и делала это, пополняя политическое развитие региона. Возможности Литвы ограничивались личностью ее монарха, голос которого был нужен Польше, но которому голос Польши был еще нужнее.

Для едва объединившейся католической Церкви гуситское движение представляло большую опасность. Оно было вовсе не нужно и Сигизмунду Люксембургу, который после смерти своего бездетного брата, короля Чехии Вацлава V (1419 г.), надеялся занять его трон. Чехи и слышать не желали о Сигизмунде, который отдал Яна Гуса на расправу Констанцскому собору. Такое положение вынуждало Сигизмунда Люксембурга уделять особое внимание общественному мнению Германской империи, ибо лишь тут он мог рассчитывать на реальную поддержку своим претензиям на чешский престол. Однако, как вскоре выяснилось, эта поддержка оказалось недостаточной. Насколько это осознавал Витовт в 1420 г., трудно сказать, но уже в ту пору он оценил несоответствие вселенских замыслов Сигизмунда Люксембурга его реальным возможностям. Достигнутое положение уже позволяло Витовту не покоряться роковой необходимости, великий князь многое значил как друг или враг. Укрывавшийся до сих пор в Ягайловой тени, Витовт теперь старался стать самостоятельной и значимой фигурой в политической игре. 11 марта 1420 г. в письме императору Германии он потребовал отозвать Вроцлавское решение и угрожал разрывом дружеских отношений в случае отказа. Это свое требование он подкрепил четко аргументированным тезисом о едином и неделимом литовском народе. Великий князь объявлял, что Вроцлавское решение не является для него обязательным, поскольку грамота Ягайло о признании Сигизмунда арбитром не была скреплена печатью Витовта. Между тем Польша официально признала Вроцлавское решение. Таким образом Витовт показал, что решения короля Польши его не связывают. Это еще не было оппозицией, приведшей к Салинскому договору 1398 г., но и никоим образом не являлось продолжением политики, идущей в русле решений Констанцкого собора. Нельзя сказать, что Витовт начал действовать всегда и во всем самостоятельно, но, когда ему было выгодно, он шел на это без колебаний и не отступал. Заметим, что именно сейчас он вступил в прямой и тесный контакт с Германским императором.

Ответ Сигизмунда Люксембурга Витовту от 10 мая 1420 г. оправдывал Вроцлавское решение, но при этом сулил Литве более приемлемые границы. Обеспокоенным жямайтам Витовт гарантировал, что не уступит их Тевтонскому ордену. В конце зимы 1420 г. Литва предприняла ряд подготовительных военных мер, которые были действительно необходимы, поскольку возобновились нападения крестоносцев на Жямайтию. Тевтонский орден летом 1420 г. вел переговоры со Швитригайло о возобновлении прежних договоренностей. Витовт заявил крестоносцам, что будет следовать перемирию до его окончания (13 июля 1420 г.), не станет препятствовать торговле, продолжит обмен пленными, но требует признания границ Жямайтии, включающих устье Немана и Клайпеду. Едва закончился срок перемирия, поляки вторглись на земли Тевтонского ордена, что было Витовту на руку. При посредничестве Ягайло и польских епископов Витовт 10 августа принял Швитригайло и предоставил ему большое княжество на русских землях (Чернигов, Трубчевск, Брянск, Новгород-Северский). Подобный компромисс, дорого обошедшийся Витовту, в некоторой мере удовлетворил аппетиты амбициозного Ольгердовича и на целое десятилетие исключил эту проблему из круга политических забот Витовта.

Ход событий позволил Витовту встретиться с Михаэлем Кухмейстером в Велюоне 8-11 сентября 1420 г. Вместе с великим магистром прибыл посланник Германского императора Конрад Вейсберг, однако Витовт его демонстративно игнорировал. Соглашение не было достигнуто, но удалось продлить перемирие до 13 июля 1421 г. и договориться о дальнейших консультациях. Польша сносилась с Тевтонским орденом отдельно. Хотя вопрос о Жямайтии не был разрешен, Велюонская встреча была выгодна Литве: безотносительно к

Вроцлавскому решению крестоносцы сами предложили возобновить арбитраж; перемирие было продлено с особым условием о возможности войны между Орденом и Польшей. Так что у Литвы в отношении Ордена руки оказались развязаны, а с Польшей она оставалась близка настолько, насколько ей это было выгодно.

Однако в плане международной политики Вроцлавское решение подталкивало Литву и Польшу к папскому арбитражу, опасаясь которого они и попали в силки к Германскому императору. Ягайло переписывался с Мартином V с самого начала 1420 г. Папа повелел продлить перемирие и предложил обеим сторонам изложить свои аргументы. Вызванная гуситской революцией реакция князей Германии всё более осложняла дела Польши и Литвы в Риме. Мартин V буллой от 6 декабря 1420 г. предписал Ягайло безоговорочно признать Вроцлавское решение. Витовт оказался главным препятствием к подобному примирению. Папе пришлось обращаться в нему отдельно и вновь возвращаться к обсуждению наболевшего вопроса. Исполнять это было доверено кардиналу Вильгельму Филястри в марте 1421 г. Дипломатам Польши удалось нанять способных итальянских юристов Милли и Джеминиани, в требуемой форме представивших аргументы Литвы относительно Жямайтии и Судувы (Судовии). Расширив концепцию национальных прав, литовцы причислили к своему народу судуов. Ягайло и Витовту удалось склонить на свою сторону Бранденбургского маркграфа Фридриха, устроив помолвку королевы Ядвиги (Витовт считался ее постоянным опекуном) с сыном Фридриха. 8 апреля 1421 г. правители Польши и Литвы заключили с Бранденбургским маркграфом союз против Тевтонского ордена. Жених Ядвиги гостил при дворе Витовта, где был радушно принят. Для Сигизмунда Люксембурга возникла опасность соглашения Польши и Литвы с гуситами. При таких обстоятельствах литовско-польской стороне удалось достигнуть того, что в мае 1421 г. рассмотрение дела было отложено. Намеченная на 11 мая встреча не состоялась, а перемирие (при посредничестве Фридриха Бранденбургского) было продлено до 13 июля 1422 г.

Тем временем развитие событий открыло перед Витовтом новые возможности. Сигизмунд Люксембург стремился силой занять чешский трон. Объявив крестовый поход против гуситов, император летом 1420 г. дошел до Праги, но 14 июля был разбит. 28 июля он, тем не менее, был объявлен королем Чехии. Осенью того же года он повторно подступил к Праге, но снова потерпел неудачу. Чешские чашники (видные дворяне и горожане), стремясь найти союзников в монархах Польши и Литвы, предлагали одному из них корону Чехии. С этой целью чешские представители прощупывали ситуацию уже летом 1420 г. В январе 1421 г. Ягайло и Витовт в Варене приняли гуситское посольство во главе с Гинекком из Вальдштейна. Чешская корона была официально предложена Гедиминовичам. В предвидении того, что ее принятие разгневет всю католическую Европу, Ягайло и Витовт не решились на подобный шаг, но и не отвергли столь нужную им дружбу чехов. Особенно расположен к ним был Витовт. В начале июня 1421 г. Чаславский сейм заявил, что Сигизмунд Люксембург не имеет прав на чешскую корону. В том же месяце в Прагу прибыл посланник Витовта, польский рыцарь Вышек Рачинский. Благоклонный, но еще не окончательный ответ Витовта он по собственной инициативе изложил как согласие принять чешскую корону. Так или иначе, Витовт пообещал прислать своего наместника Сигизмунда Корибутовича, а Ягайло 15 августа 1421 г. окончательно отказался от трона Чехии. В том же августе чешский сейм в Кутной-Горе официально избрал Витовта королем Чехии. Несмотря на то, что в сентябре ратиборский князь Януш задержал и выдал Сигизмунду Люксембургу чешских гонцов, следовавших в Литву, – посланники Витовта прибыли в Прагу в октябре 1421 г. Витовт, предвидя реакцию папы, не принял т. н. четырех пунктов, содержащих гуситские догмы, предложил себя в посредники между гуситами и католической Церковью и посоветовал устроить теологический диспут. Диспут не состоялся, но Витовт некоторое время мог изображать посредника. Сигизмунду Корибутовичу было доверено шеститысячное войско, созданное в Червонной Руси, находящейся под управлением Польши. Православные бояре не видели проблемы в гуситско-католической коллизии. От имени Витовта 16 апреля 1422 г. Сигизмунд Корибутович объявил войну Сигизмунду

Люксембургу. В конце апреля он со своим войском отправился в Чехию. В начале мая Чаславский сейм признал его наместником Витовта, избранного королем Чехии, а он в свою очередь поклялся следовать 4 пунктам.

Избрание Витовта показало, что литовцев в Европе начали воспринимать как христианскую нацию, а ее элиту как рыцарей. Представители этой элиты участвовали в знаменитом Будском турнире, а незадолго перед тем племянник Витовта Михаил обучался рыцарству при дворе великого магистра Тевтонского ордена. Дважды (в 1414 и 1421 г.) посетивший Витовта посланник Бургундского герцога Жильбер Лануа отмечал, что литовцы являются христианами. Растущий авторитет Витовта заставлял даже папу считаться с ним. Для разбирательства конфликта между Польшей, Литвой и Тевтонским орденом Мартин V назначил своего советника, доктора права Зенона, а в буллах от 24 ноября 1421 г. очертил его задачи. Кардиналу Брандо, легату Святого престола в Германии и Чехии, в /258/ начале 1422 г. было приказано сотрудничать с Зеноном. Витовт в феврале 1422 г. получил отдельное письмо с призывом занять более лояльную позицию. Мартин V верно оценивал, насколько Грюнвальдский триумфатор популярен в Чехии. Сигизмунд Люксембург в свою очередь в январе 1422 г. выразил протест против миссии Зенона, восприняв ее как попрание своего авторитета. В феврале 1422 г. император воспретил Тевтонскому ордену без его ведома вести переговоры с Литвой и Польшей. Тем временем Зенон уже в начале декабря 1421 г. прибыл в Литву. В конце февраля 1422 г. в Лиде он встретился с Ягайло и Витовтом. Гедиминовичи пытались его подкупить, однако легат не принял даров. Он также посетил Краков и Мариенбург. По его возвращении из Пруссии в Польшу, в мае месяце литовцы и поляки представили свои петиции. Однако Мартин V под сильным давлением Сигизмунда Люксембурга уже буллой от 28 марта 1422 г. повелел Зенону прекратить исполнение миссии. Тевтонский орден не прислал в Польшу своих представителей, переговоры были сорваны, но надо отметить, что Зенон пытался их возобновить и после получения папской буллы. Хотя Мартин V оправдывался перед Сигизмундом Люксембургом в том, что легат превысил данные ему полномочия, Зенону в начале июня 1422 г. все-таки удалось наладить переговоры в Сольце, но они ни к чему не привели. Вместо состарившегося Михаила Кухмейстера великим магистром в марте 1422 г. стал воинственный Павел Руссдорф, и в Сольце даже не удалось продлить срок действовавшего перемирия. Представителя Литвы и Польши 17 июня вручили Зенону свои жалобы. Зенон продолжал исполнять свою миссию и после отказа Тевтонского ордена прислать делегатов. Работу он прекратил в январе 1423 г., но его деятельность утратила всякий смысл, ибо события пошли по другому руслу.

Уже в начале 1422 г. Литва готовилась воевать. Собирали войско и поляки; в Вильнюсе и Кракове хорошо знали, что Сигизмунд Люксембург призывает крестоносцев к бою. С избранием великим магистром Павла Руссдорфа и среди тевтонцев ускорилась подготовка к войне. Войну Тевтонскому ордену Литва и Польша объявили 14 июля 1422 г. Они вновь применили план Грюнвальдской кампании: 28 июля 1422 г. литовские и польские войска соединились близ Червинска, а спустя несколько дней вторглись в Кульм. Как и в 1414 г., крестоносцы избегали открытых столкновений, обороняясь в своих мощных замках. Союзники были не в силах разгрызть столь крепкий орешек, однако и Орден на сей раз не во всем преуспел. Некоторые замки пали: поляки заняли важное пограничное укрепление Голубу, литовцы – Плементскую крепость. Кстати, литовская армия уже вполне широко применяла /259/ арбалеты. Союзники безжалостно разоряли незащищенный край. Несмотря на то, что Ливонский орден совершил нападение на Литву, Витовт не отступил из Пруссии. В Нюрнберге в это время проходил сейм Германской империи, и Сигизмунд Люксембург попытался организовать поддержку Тевтонскому ордену. Германские князья на словах согласились с императором, однако сами действовать не спешили. Самого Сигизмунда сковывал его конфликт с чехами. Крестоносцы выиграли только то, что на театр военных действий прибыли посланники императора. Сложнее Ягайло и Витовту было с жестким запретом Мартина V. Витовт отправил Павлу Руссдорфу мирные предложения, однако не отступал из Пруссии, а на требования императорского посланника отозвать из Чехии

Сигизмунда Корибутовича ответил, что именно он и назначил Сигизмунда наместником. Как и в 1414 г., завязалась т. н. голодная война, но на сей раз для Тевтонского ордена она была заметно тяжелее. Эпоха крестовых походов кончилась, германский тыл уже не оказывал помощи. Орден все чаще должен был рассчитывать только на собственные ресурсы, которые оказывались под ударом противника. Нужна была более действенная поддержка жителей своего края, а это значило, что следует учитывать их мнение. После того, как Орден стал обороняющейся стороной, это мнение безусловно отрицало войну. Сословия Пруссии высказывались за мир. Даже агрессивный Руссдорф понимал, что при сложившихся обстоятельствах претендовать на Жямайтию бессмысленно. Ягайло и Витовт, рискнувшие рассердить папу, оказались правы: в польско-литовском лагере у озера Мельно появились парламентарии крестоносцев. 27 сентября 1422 г. был заключен мир. Польша получила Нешавскую землю, в пользу Литвы Тевтонский орден окончательно отказался от Жямайтии. Не были признаны и определенные Сигизмундом Люксембургом границы: Литва обеспечила себе Палангское взморье, однако Клайпеда и правобережье устья Немана осталось за крестоносцами.

Мельнинский мир подтвердил западные рубежи Литвы, однако их еще не признали ни император Германии, ни ее князя, ибо этот мир аннулировал Вроцлавское решение. Опасность новой войны не была устранена. Сигизмунд Люксембург 1 января 1423 г. запретил Тевтонскому ордену заключать мир с Литвой и Польшей. Мартин V 18 февраля 1423 г. повелел своему легату обеспечить приемлемое для /260/ Ордена соглашение. Всё это делало тевтонских дипломатов несговорчивыми и препятствовало ратификации Мельнинского мира. Делегаты Ордена в начале ноября 1422 г. не явились на условленную встречу в Гневкове. Не исправила положения и поездка секретаря Витовта Варфоломея в Мариенбург в конце декабря 1422 г. И в Чехии Сигизмунду Корибутовичу, поддерживаемому чашниками, не удалось найти общий язык ни с радикальным большинством гуситов – таборитами, ни с католиками, ориентированными на Сигизмунда Люксембурга (по преимуществу немцами). Витовта как посредника между гуситами и католической Церковью поддержал лишь легат Зенон. Мартин V был настроен категорически против и все резче требовал от Витовта разорвать соглашение с чехами. Пытался повлиять на Витовта и Ягайло, а Гнезненский архиепископ даже получил указание применить церковные кары. Курфюрсты Германии еще летом 1422 г. выдвинули совместное требование об отзыве Сигизмунда Корибутовича из Чехии. В ноябре 1422 г. Мартин V официально повелел Витовту исполнить это в течение двух месяцев, грозя отлучением от Церкви и объявлением крестового похода. Позиции Сигизмунда Корибутовича в конце 1422 г. утратили всякую прочность. Всё это указывало, что Чешский престол может стоить Витовту слишком дорого.

Союз Витовта с гуситами уже начал приносить плоды: Сигизмунд Люксембург был вынужден смягчить свою позицию в отношении Литвы и нащупывать контакты с ней. Это было главным для Витовта. Он поддержал соглашение сановников Польши и Венгрии в Кезмарке, состоявшееся в конце ноября 1422 г., которое подтвердило Любовльский договор от 1412 г. и наметило созвать встречу монархов в следующем году. В конце марта 1423 г. Ягайло и Сигизмунд Люксембург действительно встретились в Кезмарке. Витовт прислал туда своих полномочных представителей – старосту Подолья Георгия Гедговда и секретаря Николая Сепенского. 30 марта договор был заключен. Сигизмунд Люксембург фактически признал Мельнинский мир, Ягайло не требовал от Тевтонского ордена невыплаченной части контрибуции, именем его и Витовта было объявлено об отзыве Сигизмунда Корибутовича из Чехии.

По Кезмарскому договору Витовт порывал отношения с гуситской Чехией и получал международное признание Жямайтии в составе Литвы. За это он заплатил Чешским тронem, но он сам и назначил такую цену, чтобы было чем рассчитаться с Германией за уступки в вопросе о границах. По сути заигрывание Витовта с чехами было политическим маневром в борьбе за Жямайтию. Согласованные границы не были наилучшими, но Витовт добился

главного: Литва на долгое время обеспечила безопасную западную границу. /261/

Хотя в борьбе с Тевтонским орденом и конфликте из-за чешской короны в 1420–1422 г. Витовт действовал заодно с Ягайло, его положение и поведение уже стали иными, чем в десятых годах XV в. Они диктовались уже расчетом, а не необходимостью. Союз с гуситами был игрой с огнем, но Витовт показал себя хорошим игроком и сумел прекратить игру в удобное для себя время. Когда чехи стали ему не нужны, он грубо выставил чашников, прибывших к нему в апреле 1424 г., и повел себя как ревностный католик, не желающий общаться с еретиками. Весной 1424 г. правители Литвы и Польши, дворяне и города демонстративно объявили о союзе, направленном против гуситов. Для успокоения папы в Чехию были направлены письма с угрозами, но в крестовом походе против гуситов не участвовал ни один литовский воин. От Сигизмунда Корибутовича, по собственной инициативе вновь отправившегося в Чехию в июне 1424 г., Ягайло и Витовт категорически открестились.

С конца десятых – начала двадцатых годов позиции Витовта в Польше начали слабеть, ибо его влиянию противостояла польская аристократия. Особо враждебно настроены были Шафранцы и не отстающий от них Збигнев Олесницкий. Витовт помешал этому священнослужителю стать Гнезнимским архиепископом, но Збигнев в 1423 г. получил почти равноценное Краковское епископство. Этот процесс неоднозначно сказывался на положении Литвы. Влияние ее монарха было ее влиянием. С другой стороны, ослабление интереса Витовта к этой сфере заставило его сосредоточить все внимание на государственных нуждах Литвы. Такие люди как Монивиды, Валимонтовичи, Гаштольды, Гедговды располагали широкими международными связями (иностранцы посланники награждали их наравне с монархами) и соответственно воспринимали политические реалии, в частности – литовский народ и Литовское государство. Именно в актах двадцатых годов возникло юридическое понятие «Великое княжество Литовское». Видные дворяне уже стали воспринимать государеву службу как занятие важных мест в державе, а само государство – как сферу осуществления собственных интересов. Пространство, окружающее Великое княжество Литовское, становилось ареной их политической активности, а не театром военных действий. Витовт стремился породниться со своими соседями и окружить страну дружественными землями. Женой великого князя Московского была его дочь София, после смерти мужа в 1425 г. получившая опеку над малолетним сыном Василием II. Тверью правил (умерший в 1425 г.) его племянник (сын сестры) Александр, унаследовавший от родителей симпатии к Литве. Замужем за сестрой Витовта Римгайле был молдавский господарь Александр Добрый (правда, в 1421 г. с нею развелся). В 1422 г. Витовт /262/ сосватал Ягайло свою родственницу Софию (она была дочерью Андрея, сына Иоанна Альгимонтовича Ольшанского). Мазовецкий князь был женат на сестре Витовта Дануте-Анне. Так сложились династические связи Витовта. Так или иначе, но, восстановив добрые отношения с Сигизмундом Люксембургом, Витовт достиг в Центральной Европе положения, какого еще не достигал ни один литовский властитель. Литва, хотя и в тени Польши, втягивалась в политическую жизнь Европы.

Эти сдвиги меняли систему политических приоритетов. Литва могла уже не метаться между Востоком и Западом; сосредоточение внимания на последнем уже не грозило утратой позиций на противоположном фланге. Стало возможным сохранять активную роль на востоке, не прикладывая к этому чрезвычайных усилий. Псков придерживался договора между ним, Литвой и Ливонским орденом. Новгород склонялся к Москве, но при этом колебался. В первой половине 1422 г. Витовт встретился со своей дочерью Софией и митрополитом Фотием. Следствие достигнутого компромисса – незначительная поддержка со стороны москвичей и тверяков в «голодной» войне 1422 г. и отзыв поставленного Москвой князя из Пскова. Это позволило усилить давление на Псков, стремящийся к добрососедству и с Литвой, и с Ливонским орденом. Псковитяне еще в 1421 г. направили посланников к Витовту, но он их не принял. В 1422 г. они просили Москву о посредничестве, но Василий I на это не решился. Не принесло успеха и прибытие псковского посадника к

Витовту в 1423 г. Пользуясь нападениями псковитян на владения Тартуского (Дорпатского) епископа, лишённого поддержки Ливонского ордена, Витовт был готов начать против них войну. Псковитяне рассчитывали на помощь Москвы, но после смерти Василия I в начале 1425 г. были вынуждены обратиться к Новгороду. Не получив от него желаемых гарантий, они вновь отправили делегацию в Литву, но вновь были отвергнуты Витовтом. Витовт не спешил нападать на Псков в ожидании более удобного случая, ибо маленькая республика ему не особенно мешала. Между тем смерть зятя делала его опекуном дочери и внука в Москве, и это, конечно, только усилило влияние Литвы на Руси. Ее вассалами признали себя рязанский и пронский князья. В 1424 г. при нападении татарского хана Кудайдата на Одоевское княжество (вассала Москвы), оно было защищено покорными Витовту князьями. Одоев признал верховенство Литвы. В Золотой Орде, раздираемой несколькими ханами, с 1424 г. прочную власть получил Магомет, которого поддерживал Витовт.

На западе после соглашения с Сигизмундом Люксембургом следовало жестко установить границы с Тевтонским орденом. В середине мая 1423 г. на Велюонской встрече Витовту удалось отклонить требования представителей Тевтонского ордена о передаче Мельнинского договора на утверждение папы или императора. Однако это решение не было скреплено печатями, хотя наметилось сближение в пограничном вопросе и достигнута договоренность о дальнейшем контакте уполномоченных. Переговоры об уточнении границ затянулись, но Ягайло при поддержке Витовта 7 июня 1424 г. в Нешаве удалось добиться обмена заверенными экземплярами Мельнинского договора. Достигнув основных целей, Витовт теперь уже довольно спокойно оценивал конкретную приграничную топографию. Тевтонский войт еще жил в Паланге и съехал только в 1427 г. или несколько раньше, и сделал это лишь под давлением местных жямайтов. Перемену в настроениях Витовта определило медленное, но неуклонное возвращение к политике, когда-то приведшей к Салинскому договору, хотя уже не приходилось жертвовать Жямайтией. Во главу угла встала необходимость улучшения отношений с Тевтонским орденом и Германским императором.

Поворот от резко усиливавшейся Польши к свободным структурам Германии Витовт осуществлял терпеливо и осторожно, не раз обращаясь к действиям, враждебным по отношению к Тевтонскому ордену. Весной 1425 г. Пауль Руссдорф отказался поддержать намеченные Литвой военные действия против Пскова. Установление границы близ Клайпеды приостановилось. В декабре 1425 г. Ягайло и Витовт в Гродно договорились лишь о назначении арбитров для установления границ обеих сторон. В 1426 г. наконец-то была демаркирована северная граница Литвы с Ливонией. Хотя к последней отошли северная часть старых Кекльских куршских земель и южная окраина Земгалии, у моря граница была проведена по реке Швянтойи. В конце 1426 г. Мартин V поручил Витовту опеку Рижского архиепископа. Когда в 1424 г. у Ягайло родился сын Владислав, Витовт был включен в число его опекунов, а присяга на верность Ягайло, которую в 1425 г. давали польские земли и города, содержала признание Витовта в этом статусе. Это одновременно было признанием голоса Литвы при процедуре выборов короля Польши, хотя в Городельском акте 1413 г. эта тема была затушевана. Пользуясь еще сохранившимся влиянием в Польше и желая угодить Тевтонскому ордену, Витовт поддержал претензии последнего на приграничную Любичскую мельницу. В случае, если поляки ее не уступят, великий князь Литовский в январе 1426 г. предусмотрел для крестоносцев компенсацию – Палангское взморье. При этом Ягайло оказался более прозорливым, чем его увлекающийся двоюродный брат. Как сюзерен он наложил вето на предложение Витовта и сохранил за Литвой узкую полосу морского берега. Однако настойчивость Витовта принесла плоды: в мае 1426 г. поляки уступили Любич. /264/

Постепенное установление границ на западе позволило Витовту предпринять задуманные ранее походы на восток. В середине лета 1426 г. литовцы при поддержке польских и чешских рыцарей совершили нападение на Псков. Армия была хорошо подготовлена, обеспечена артиллерией и камнемётами, однако псковитяне упорно

оборонялись, и взять их замки не удалось. Тем не менее край был разграблен, угнано много пленников. При посредничестве Москвы 25 августа был заключен мир. Псков заплатил 1000 рублей контрибуции и в 1427 г. за 450 рублей выкупил пленников. Эти деньги не покрыли военных расходов, но на некоторое время ослабили промосковскую ориентацию Пскова. Республика обязалась не поддерживать ничье выступление против Литвы.

Псковская кампания стала началом цепной реакции на востоке. Внучатый племянник Витовта, тверской князь Борис в 1427 г. возобновил заключенный еще его отцом в 1411 г. военный союз с Литвой. Летом 1427 г. Витовт предпринял поход на Москву, где Василия II хотел устранить его дядя Юрий. Этой силовой демонстрации хватило, чтобы защитить Витовтова внука. София прибыла в лагерь к Витовту, тем подчеркнув важность его покровительства. Часть послушных Москве приграничных княжеств признали верховенство Литвы. В Смоленске Витовта посетили посланники турецкого султана Мурада. От границы Московского княжества Витовт повернул на Киев. Военный поход не потребовался, он превратился в ревизию восточных владений и порубежья.

Крупнейшей кампанией стал поход лета 1428 г. на Новгород. Литовскую армию поддержал мазовецкий князь Казимир, польские и моравские рыцари. Войско вел и нес знамя св. Георгия мендзыжецкий каштелян Винцент Шамотульский. Поход был хорошо технически подготовлен: 10 000 работников прокладывали дорогу через леса и болота, мощнейшую бомбарду по полдня везли 20 пар лошадей. Все это не помогло: осада Новгорода и Порхова не удалась. Однако оба города выплатили по 5000 рублей контрибуции, еще 1000 рублей была обещана за пленников. Поход кардинально не изменил политической ориентации Новгорода, потому и не повлиял на позицию Ливонского ордена. Однако, принудив сильную республику просить о мире, Витовт показал свое превосходство и сильно уменьшил московское влияние на север-запад Руси.

Победы Витовта не обманули руководство Тевтонского и Ливонского орденов: это были частные успехи. Поняв, что Литва ищет более тесных контактов, крестоносцы и дальше затягивали переговоры о несогласованных границах. Это подрывало позиции Витовта в Польше и польские позиции в Литве. Однако Литва, пусть идя на уступки и потери, утвердилась в центрально- и восточноевропейской политике; без участия ее монарха стало невозможным решение проблем региона. В мае 1428 г. Ягайло и Пауль Руссдорф избрали Витовта арбитром в споре о границе близ Дрезденки. И хотя вмешавшийся Сигизмунд Люксембург предпочел решать вопрос по своему усмотрению, его выступление было включено в повестку дня совещания монархов, проводимого при дворе Витовта. У мазовецкого князя Януша Витовт в 1426 г. отобрал последние из оставшихся под его властью земли Подляшья (Дрогичин).

Вильнюс стал политическим центром – как Краков и Мариенбург. Ни в турецком, ни в гуситском вопросе его было нельзя обойти. Витовт начал диктовать свои условия политическому процессу. Литва нашла свое место и утвердилась в центральноевропейском регионе.

и. Борьба за Литовское королевство

С выходом Литвы на европейскую политическую арену вопрос о гуситах стал для Витовта одним из важнейших в его рабочем распорядке. Удачное жонглирование чешской короной делало Витовта и Ягайло в глазах папы потенциальными вершителями судеб этого региона. Такое развитие событий было не по вкусу Сигизмунду Люксембургу и располагало к сближению с Витовтом (чего и желал Витовт) в целях его отдаления от Ягайло. Витовт в свою очередь поддерживал контакты с английским королем Генрихом VI, склонным решать гуситскую проблему на специально созванном Церковном соборе. В таких условиях готовилась встреча Сигизмунда Люксембурга, Витовта и Ягайло. Так Витовт рассчитывал свести свой долгосрочный политический баланс, но шел на это весьма осмотрительно.

Весной 1428 г., оформляя дарение жене Ульяне (Анна умерла в 1418 г.), он подчеркнул ее принадлежность к польской короне: помощь Польши была нужна в Новгородском походе, следовало также опасаться наследников (не сыновей). Однако в конце 1428 г. в письме Германскому императору Витовт высказал мысль о собственной коронации. Спустя двадцать лет вспомнилось предложение Сигизмунда Люксембурга. Цели императора, как и полагал Витовт, не изменились, но ситуация уже была иная, и Литва могла ею воспользоваться.

Возросший политический вес Литвы определил место для встречи на ее территории, вместе с тем следовало учитывать польское соседство и обеспечить кратчайший путь императору. Самым удобным оказался Луцк – мощный замок на богатой Волыни, управлявшейся Витовтом еще на /266/ заре его политической карьеры. После визита Оттона III в Гнезно в 1000 г. это было второе посещение Римским императором государства на востоке Центральной Европы. Сигизмунд Люксембург следовал на встречу как король Венгрии в сопровождении сановников этой страны, однако подчеркивал свой императорский статус и ранг. Ягайло и Витовта окружали толпы их подданных, по преимуществу советников. Прибыли посланники Витовтова внука – Василия II Московского, а также тверского князя Бориса, мазовецкие князья, представители Германской и Византийской империй, Дании, Золотой Орды, силезских князей, Тевтонского ордена, Ганзы, Молдавии, Новгорода, Пскова, папский легат Андрей. Витовт получил возможность продемонстрировать свое богатство и гостеприимство: в кратком своде литовских хроник (летописей) содержатся рассказы современников о количестве употребленной в пищу убоины. Съезд начался в конце первой декады января 1429 г., но Сигизмунд Люксембург прибыл на него только 22–23 января. Легат Андрей стремился расширить концессию Сигизмунда Люксембурга для Ягайло, предоставленную под давлением Мартина V осенью 1428 г. на завоевание и усмирение гуситской Чехии. Император блокировал эту не слишком для него приемлемую идею. Поначалу на первое место он выдвинул вопрос о Молдавии, предлагая разделить этот польский лен. Это была очевидная попытка воспользоваться противостоянием Витовта и Александра Доброго из-за развода последнего с Римгайле. Однако Витовт, не желая ссориться с Польшей, полностью не поддержал предложения Сигизмунда Люксембурга, и был достигнут выгоднейший для Витовта компромисс: по вопросу о важном городе Килии предусматри- /267/ валась встреча представителей Ягайло, Витовта, Сигизмунда и Александра, а арбитром назначался Витовт. Он же становился арбитром и на польско-тевтонских переговорах о границе. Все эти постановления, не вредившие литовским связям с Польшей и не вызывавшие неудовольствия Святого престола, еще более поднимали авторитет Витовта. Витовт мог следовать к главной цели, согласовав свои действия с интересами Германского императора и в то же время не оттолкнув других участников съезда. Ему удалось даже то, что Сигизмунд Люксембург предложил переселить часть рыцарей Тевтонского ордена в устье Дуная для борьбы с турками.

При таких обстоятельствах прозвучало предложение короновать Витовта королем Литвы. Это возвестил сам Сигизмунд, а Витовт изображал приятное удивление. Ягайло живо поддержал этот замысел, что объяснимо его династическим положением: у Витовта не было сыновей, а у Ягайло возникала возможность сделать королем и второго своего сына. Предвидя нелегкий разговор с польским коронным советом, Витовт по-литовски (Сигизмунд Люксембург знал лишь западнославянские языки) предостерег Ягайло от излишне пылких эмоций. Он не ошибся: Гнезненский архиепископ не высказался с достаточной ясностью, но другие члены коронного совета, особенно Збигнев Олесницкий, бурно запротестовали. Польская делегация покинула Луцк. 29 января отбыл Сигизмунд Люксембург, и съезд был закрыт. Вопрос о коронации Витовта необратимо вел к конфликту с Польшей, отодвинув в сторону все иные вопросы, ради которых был созван съезд в Луцке.

Витовт предполагал, что эта дилемма перерастет в большую дипломатическую войну и демагогическую бурю, но на войну польская /268/ знать решится лишь в самом крайнем случае. Поэтому он без колебаний принял предложение императора. Дипломатическая борьба закипела уже при отъезде монархов из Луцка. Еще по пути в Венгрию, в Ланцуте,

Сигизмунд Люксембург получил письмо от Ягайло. Коронный совет уже успел должным образом сориентировать короля: Ягайло упоминал права польской короны на Литву, договоры об унии, характеризовал коронацию Витовта как незаконную и подрывающую отношения двух государств. Сигизмунд тотчас ответил Ягайло: защищая свое предложение, он призвал трех монархов встретиться на Прусской границе для обсуждения этого вопроса. Копию письма от Ягайло он переслал Витовту и руководству Тевтонского ордена. Императорский посланник нашел Витовта в Эйшишкес, где великого князя на пути из Луцка встречали не участвовавшие в съезде сановники во главе с Вильнюсским епископом Матфеем. Из Эйшишкес Витовт отправил Ягайло послание, в котором подверг критике унижающие его тезисы польской стороны. Вскоре последовало второе послание, содержащее гневный вопрос, является ли Литва свободной страной, и доказывавшее, что коронация не противоречит договорам Польши и Литвы. Витовт отвергал оскорбления, нанесенные не только ему, но и его совету. Этот мотив уже касался положения государства и его институтов. Тут же упоминалось и согласие Ягайло, отказ от которого расценивался как нарушение королевского слова. Весь накопленный Витовтом опыт, вся природная мудрость были востребованы для этой работы, долженствовавшей осуществить главную цель его жизни и при этом не вызвать войны с могущественной Польшей. Ягайло чуть смягчил свою позицию, объяснив, что письмо императору было написано без достаточного внимания к его аргументам.

Между тем гуситы, одержавшие новые победы в Силезии и начавшие угрожать Венгрии, вновь напомнили о себе. Витовту очень пригодилось, что вопрос о его коронации помешал настроить Польшу и Литву против чехов. Он и дальше в своей переписке давил на Ягайло, стремясь склонить короля на свою сторону и в сторону кровных династических перспектив, а также противопоставить его антилитовскому большинству коронного совета. Главный огонь был направлен на сторонников гуситов – Шафранцев. Тут Витовт сочетал свои интересы с желаниями Мартина V и Сигизмунда Люксембурга и мог надеяться на поддержку. Император на это и рассчитывал. Подобное положение позволило Витовту выставить без всякого ответа посланников Молдавии, приехавших /269/ обсудить проблемы арбитража. Молдавское дело затягивалось, противоречия между Польшей и Сигизмундом Люксембургом обострялись, а без участия Литвы было невозможно решить это дело. Положение Польши осложнялось и в свете противостояния папы и гуситов, а именно это и требовалось Витовту.

В конце 1429 г. представители Витовта – Румбовд, Георгий Гедговд и секретарь Мальджик – прибыли в Польшу. Дипломатическое давление уже вынудило Ягайло занять компромиссную позицию между своим советом и Витовтом. Он предложил отложить обсуждение вопроса о коронации Витовта до созыва польского сейма. Представители Литвы тотчас этим воспользовались и заявили, что Витовт будет короноваться и в случае негативного ответа Польши. Во время личной аудиенции Ягайло вел себя более решительно и, следуя своим династическим интересам, сообщил, что считает Витовта и его совет совершенно свободными. Из осмотрительности было принято условие о верности клятвам, что объективно делало ключевой вопрос объектом переговоров, в принципе не препятствующих коронации. На Ягайло оказала некоторое влияние и позиция представителя Тевтонского ордена Людвиг Ланзе, также приехавшего на переговоры.

Поняв, что Ягайло выскальзывает из рук, польский коронный совет в начале сентября 1429 г. постановил развернуть дипломатическую контратаку против Витовта. В конце сентября в Литву отправились Збигнев Олесницкий и Ян Тарновский. Принятые Витовтом в Гродно, они предложили сделать его польским королем вместо Ягайло, а в случае объявления Литвы королевством пригрозили войной. Проект принесения Ягайло в жертву свидетельствовал, что польская знать, несмотря на всю свою силу, на фоне гуситского конфликта старается избежать войны. Витовт это всё понимал и умело использовал. Устранение Ягайло он с гневом отверг как недостойное. Он обещал не добиваться литовской короны, но будь она предложена – примет ее. Он подчеркнул, что не желает войны, но если

придется – от борьбы не откажется. Так, внешне сдавая позиции, Витовт не отступил ни на шаг. Относительно претензий Сигизмунда Люксембурга было постановлено, что представители Литвы и Польши встретятся в Хрубешове. Проводив польских посланников до Волковыска, он в их присутствии принял императорского гонца, от имени своего повелителя вручившего Витовту орден Дракона.

В Гродно и Волковыске Витовт добился дипломатической победы: польские угрозы не остановили его, но и отношения с Польшей не были прерваны. Однако это был лишь локальный успех. Несмотря на связи Витовта с Германским императором, в международной сфере Литва не могла соперничать с Польшей. Особенно /270/ /271/ слабы были позиции Литвы в Риме, и польская дипломатия этим умело пользовалась. Мартин V из истории с гуситами сделал вывод о необходимости польской гегемонии. Именно такая точка зрения была выражена в письмах папы Сигизмунду Люксембургу и Витовту. Папа считал императора виновником распри между двоюродными братьями-Гедиминовичами. Он также опасался и Базельского собора, который подготавливал Сигизмунд Люксембург. В свете традиционных отношений между папой и императором Мартину V было невыгодно перемирие между Сигизмундом и гуситами, заключенное еще до начала собора. Легат Андрей ездил в Польшу и Литву с целью сблизить их позиции. Мартин V в письмах Сигизмунду Люксембургу и Витовту признавался, что литовский правитель достоин короны, но призывал к мирному разрешению вопроса и приглашал к себе для переговоров делегации Литвы и Польши. Послание папы сопровождалось аналогичными письмами членов курии, и среди них – обращением видного гуманиста Франциска Аквавивского. Желая угодить Витовту и помешать Сигизмунду Люксембургу, Мартин V вновь назначил великого князя Литовского покровителем Рижского архиепископа.

Когда вопрос о королевстве Литовском оказался в самом водовороте папско-императорского соперничества, доктора из Краковского университета прибегли к теоретической казуистике: поскольку Сигизмунд Люксембург еще не был коронован папой, он, по их мнению, не приобрел всех императорских прерогатив и потому не имел права никого объявлять королем. С точки зрения теории о духовном и светском мече Христовом, они были правы, но со времен Рудольфа Габсбурга этой теории никто не придерживался. Хотя папы и далее короновали императоров, в Германии считалось, что императорскую власть дарует исполняемый курфюрстами акт об избрании. Поэтому легист Сигизмунда Люксембурга Иоанн Креститель Цигала и правоведы Венского университета польским аргументам стремились противопоставить именно этот принцип. Теоретический спор таковым и остался, не повлияв на исход дела о коронации Витовта. Куда более опасными для Литвы были политические ходы Польши.

В марте 1430 г. был созван польский сейм в Едльне. Ягайло желал, чтобы права его сына на польский престол были вновь подтверждены. Дворянство стремилось к расширению собственных прав. Всем этим воспользовался коронный совет для обоснования своей категорической позиции. Кроме того, к исходу заседаний сейма произошли столкновения на польско-чешской границе, к счастью, завершившиеся переговорами. Все это накалило атмосферу; возникла реальная угроза гуситского вмешательства в литовско-польский спор, чего опасались обе стороны. Витовт потребо- /272/ вал присяги на верность от старост приграничных замков. Ягайло задержал готового к отбытию в Рим легата Андрея и заявил, что конфликт с Витовтом он отдает на суд папы. В письме Мартину V Витовт обещал начать войну против гуситов, но о коронации не проронил ни слова. Андрей наконец выехал в Рим. Возникшая напряженность не позволила Тевтонскому ордену выступить в поддержку коронации Витовта. Польше это было на пользу, коронный совет мог руководствоваться воинственными настроениями шляхты. Желая хоть как-то застраховаться, Витовт отправил Румбовда, Иоанна Гаштольда и Мальджика на совещание Пауля Руссдорфа и Ягайло в Торуне, где было условлено о будущей встрече монархов Литвы и Польши.

Поскольку начали исполняться самые горькие опасения Витовта, он рискнул подвергнуть испытанию решимость Сигизмунда Люксембурга. В начале лета 1430 г. он

направил императору письмо, в котором указывалось, что при сложившихся обстоятельствах коронация нереальна, посему он отказывается от короны. В ответном послании 4 июля император подчеркивал серьезность своих намерений и уговаривал Витовта не отказываться от исполнения замысла. Действительно, в Нюрнберге уже были подготовлены короны и вся необходимая документация. Оставались, естественно, некоторые сомнения относительно епископов, поскольку Мартин V не поддержал коронацию. Однако, окончательно убедившись в неколебимости Сигизмунда Люксембурга, Витовт отважился на решительный шаг. Он пригласил Василия II Московского, золотоордынского хана Магомета, великого магистра Тевтонского ордена, литовских и русских князей. Коронация была намечена на 15 августа (Успение Богородицы), в знак особого почитания Витовтом Девы Марии. Это задумывалось не как личное награждение Витовта, но как демонстрация мощи и суверенности Литовского государства, возводящего его в ранг «светлейших, подлиннейших, достойнейших и свободных королей Литвы».

Сигизмунд Люксембург ошибся, полагая, что поляки не осмелятся помешать делегации императора. Короны для литовской монаршей четы были посланы через Польшу. Авангард делегации, в котором императорские уполномоченные Сигизмунд Ротт и Иоанн Креститель Цигала везли документы, был остановлен, избит, а документы отняты. Оказалось, что стража стояла по всем польским границам. Оставшиеся члены делегации, узнав о случившемся, не стали пересекать границу, поэтому короны полякам не достались, но и в Литву не попали. Намеченные коронационные торжества были свернуты. Отпущенные поляками Ротт и Цигала прибыли в Литву. Оповещенный о произошедшем, Витовт перенес коронацию на ближайший Богородичный праздник – 8 сентября (рождение Девы Марии). Однако поляки еще более усилили охрану границ, и способ доставки не был найден. Была отменена и вторая дата коронации. В поисках выхода миновал и третий срок – 29 сентября (день св. Михаила). Тем временем Мартин V направил Кульмскому епископу запрет на коронацию Витовта. Это значило, что Витовт не мог рассчитывать на услуги как своих, так и прусских епископов. Неумолимая Польша начала одерживать верх.

Однако не остались втуне и усилия Витовта. Было выяснено, что в самом крайнем случае, с санкции императора, короны могут быть выкованы и в Вильнюсе. Витовт отослал письмо Мартину V; внешне он покорялся папской воле, но при этом втягивал в диалог понтифика, не без труда добившегося принципиального признания собственного авторитета. Ответ Мартина V, хотя в нем не говорилось о коронации, звучал благосклонно. Была достигнута новая договоренность с Ягайло: король Польши поддержал Витовта, а великий князь гарантировал престол для его сына. Сигизмунд Люксембург решил отправить короны через Пруссию, подкрепив посланников военным отрядом, о чем сообщил Витовту. 9 октября в Литву прибыл Ягайло в сопровождении членов коронного совета. На совещании 10 октября он, невзирая на протесты Збигнева Олесницкого, твердо поддержал Витовта. Немалую часть советников Витовт подкупил. 16 октября Ягайло отослал своих советников домой, дело явно стало клониться в пользу коронации. Однако в тот же день Витовт занемог (даже упал с коня). Его отвезли в Тракай, но он уже не поднялся с постели и 27 октября умер. Витовт так и не дождался письма от Мартина V.

Смерть Витовта оставила глубокий след в памяти современников и стала фатальной датой во всей литовской истории. Не были использованы сложившиеся условия для юридического увенчания всех его достижений. Не удалось использовать даже то, что было с таким трудом завоевано, и виной всему – личные счеты Гедиминовичей. Едва стало ясно, что Витовту не суждено выздороветь, Швитригайло повел себя как будущий властелин: он потребовал покорности от старост замков. Витовт, всегда одерживавший верх, на сей раз ничего не мог сделать. Холерический темперамент Витовта уже не влиял на итог его сорокалетних усилий: умирая, он отдавал Великое княжество Литовское в руки Ягайло. Литовские историки чаще всего отвергают версию Яна Длугоша, но при этом не оценивают по достоинству фатальную ненависть Витовта к Швитригайло Ольгердовичу, который его всю жизнь донимал, оставаясь недоступен для мести. Спасаясь от двоюродных братьев,

Витовт начал свою политическую карьеру – и окончил ее, отнимая у последнего из Ольгердовичей возможность осуществления подобной карьеры. /274/

Для Витовта, прошедшего школу Ворсклы, это был нехарактерный шаг и сделан он был без оценки всех обстоятельств (как в свое время при Ворскле). Литва была уже не та, но Витовт сам сделал то, что сделал. Уже во время его похорон (а погребальные действия продолжались 8 дней) сторонники Швитригайло заняли Вильнюсский и Тракайский замки, а сам он был провозглашен великим князем. В энергичной личности Швитригайло великокняжеский совет и литовская знать видели лучшего, если не единственного, кандидата на роль продолжателя Витовтова дела. В этом случае высшая аристократия предпочла всем другим путь утверждения литовской государственности. Ее не остановило даже русское окружение Швитригайло, ибо главным на тот момент представлялось противостояние гегемонистской Польше.

Действия литовской знати вытекали из программы Луцкого съезда и не учитывали установок Городельского договора, требовавших согласия Польши при выборах монарха Литвы. Ягайло ничего иного не оставалось, как согласиться с решением литовцев и великодушно благословить избрание Швитригайло: самому младшему из Ольгердовичей был послан великокняжеский перстень. Швитригайло не отклонил королевского благословения, в целом выгодного ему, но и не сделал его основным элементом собственной инаугурации. Создалось двусмысленное положение: король Польши одобрил самостоятельное решение литовской знати, но ни она, ни избранный ею великий князь не считали себя зависимыми от его одобрения или неодобрения.

Возвышение Болеслава Швитригайло продлило политическую ситуацию, сложившуюся перед смертью Витовта, и превратило в ничто концессию, предоставленную королю Ягайло умирающим Витовтом Кейстутовичем. Изменилось лишь соотношение сил: не обеспечив сына литовским престолом, Ягайло потерял интерес к проекту объявления Литвы королевством, а Швитригайло не располагал в Польше теми связями, которые обладал Витовт. В целом новый великий князь продолжил начертанную Витовтом политическую линию. 8 ноября 1430 г. он направил Сигизмунду Люксембургу письмо с предложением о союзе с подключением к оному Тевтонского ордена. Сигизмунд Люксембург в свою очередь пообещал прислать в Литву королевские короны. Однако теперь Польша становилась куда большей угрозой. Она единым фронтом выступила против коронации литовского монарха и вернулась к интерпретации своего сюзеренитета над Литвой, приглушенного во второй половине правления Витовта. Ягайло еще находился в Литве, а члены коронного совета приказали польским и русским воинам Западного Подолья (Бучацким, Крушине, Грицку Кердеевичу) взять под стражу подольского старосту Иоанна Довгирда. /275/ Довгирда заманили в ловушку, схватили, а весь край присоединили к Польше. Швитригайло не стал лишать Ягайло свободы, но окружил его и его свиту своими стражниками. Угроза королю отчасти удержала поляков от серьезных военных действий, однако взялась за дело их дипломатия. Вникнув в их жалобы, Мартин V под угрозой анафемы заставил Швитригайло отказаться от ареста Ягайло. 7 ноября 1430 г. в Тракай было заключено перемирие между Литвой и Польшей.

Условия перемирия полностью удовлетворили Швитригайло. В Подолье к Бучацкому был послан польский рыцарь Заклика с грамотой от Ягайло, в которой тот приказывал замки Подолья передать Литве. Заклику сопровождал уполномоченный от Швитригайло – князь Михаил Баба. Однако польские коронные советники не связывали себя обещаниями королю Ягайло, они велели Бучацкому схватить обоих уполномоченных, что тот и сделал. Перемирие было сорвано, литовское войско заняло Городельский, Збаражский, Кременецкий, Олесский замки, однако было отброшено от Смотрича. Отряды волынцев появились в польской Червонной Руси, около Трембовля и Львова; их поддержали местные жители. 6 декабря 1430 г. съезд на Варте призвал польскую шляхту на выручку Ягайло, однако это не потребовалось, ибо, выполняя указание Мартина V, Швитригайло освободил своего старшего брата. В январе 1431 г. на Сандомирском съезде поляки сформулировали

условия мирного договора с Литвой: последняя передавала Польше Подолье и Волынь, а великий князь Литовский выступал с просьбой, чтобы Польша подтвердила его полномочия. Эти требования в Литву привезло официальное посольство во главе с Познаньским епископом Станиславом Цёлеком. Также поступили предложения о встрече двух монархов в период 23 апреля – 20 мая 1431 г. Эти предложения были устно отвергнуты Швитригайло, который пообещал направить королю отдельную грамоту: на сложные манипуляции польских инстанций он отвечал нарочитым промедлением. Перемирие было намечено сроком до 15 августа, и за это время великий князь рассчитывал вникнуть в сложность своего положения. Литовское посольство под руководством друцкого князя Василя во второй половине апреля прибыло в Польшу. В официальном ответе Швитригайло подчеркивал, что является законным преемником Витовта и потребовал возврата захваченных замков Подолья. Польский посланник Ян Лютек, прибывший в Литву в середине июня и жестко повторивший прежние требования, был собственноручно избит Швитригайло и выдворен вон. Младший Ольгердович уверенно продолжал начатую Витовтом работу, но ему не доставало Витовтовых связей и умения гибко навязывать оппонентам свою волю. В конце июня польская армия уже шла походом на /276/ Волынь. 4 июля 42 польских вельможи объявили войну, тем самым сорвав перемирие. 21 июля Ягайло направил Сигизмунду Люксембургу письмо, в котором назвал Швитригайло узурпатором.

Швитригайло не удалось избежать открытой войны – в отличие от Витовта, положившего на это все свои силы и способности. На взгляд курии Литве сильно повредила смена монархов, которая позволила польской дипломатии манипулировать договорами, ранее навязанными Литве и потерявшими силу. Литовская дипломатия еще не доросла до равноправной борьбы. Литва отчасти утратила тот международный престиж, которого добился Витовт в начале коронационной кампании. Правда, Швитригайло многого достиг в отношениях с ближними соседями. Литву поддерживала Молдавия. Под давлением Литвы и Сигизмунда Люксембурга решительно повел себя Тевтонский орден. 19 июня 1431 г. в Скирснямуне был заключен договор между Литвой и Тевтонским орденом. Невзирая на явную неблагосклонность папы по отношению к Швитригайло, со стороны Литвы этот договор ратифицировали ее епископы (Вильнюсский – Матфей, Жямайтский – Николай, Луцкий – Андрей). В начале 1431 г. было достигнуто соглашение с Новгородом, а в конце – со Псковом. С апреля 1431 г. велись переговоры с гуситами. Швитригайло изображал расположенность к ним, но объединяться не рисковал и о ходе переговоров информировал Сигизмунда Люксембурга.

Деятельность Швитригайло говорила о том, что он хорошо усвоил приоритеты и приемы политики Витовта, однако следовать великому предшественнику было непросто, особенно в подготовке к военным операциям, которые стали неотложными. Польское войско под номинальным командованием самого Ягайло переправилось через Буг. В конце июля поляки заняли Владимир-Волынский. Обе стороны обменялись посольствами (к Швитригайло прибыли Войцех Мальский и Лавр Заремба, к Ягайло – князь Константин и Шедибор), но согласия не достигли. 31 июля на реке Стырь поляки разбили литовское войско, которым командовал сам Швитригайло. В плен попали великий и дворный маршалки Румбовд Валимонтович и Иоанн Гаштольд. Поляки осадили Луцк. В замке был большой и хорошо вооруженный (имелись даже бомбарды) гарнизон. Его храбрый и умелый командир Юрша организовал оборону изобретательно и надежно. 13 августа поляки начали штурм, но были отбиты. Их стали тревожить партизаны из местных жителей, которых поддерживали соотечественники с Червонной Руси, находившейся под управлением Польши. На сторону Литвы перешел замок Ратно. Положение противоборствующих сторон несколько выравнивалось, и, хотя бои продолжались, перепо- /277/ воры были возобновлены. Тем временем Тевтонский орден, следуя договору в Скирснямуне, 17 августа объявил Польше войну, а молдаване разорили окраины Галича (Галиции). Особенно страдало польское пограничье, атакуемое крестоносцами с 23 августа. В таких условиях 2 сентября 1431 г. в Чарторыске было заключено двухгодичное (до 24 июня 1433 г.) перемирие.

Чарторыйское перемирие обозначило первый этап открытого литовско-польского конфликта. Инициатива и военное превосходство Польши были отчасти уравновешены успешной обороной Луцка и симпатиями русских к Литве по обе стороны государственной границы. Оправдала себя и локальная литовская дипломатия: действия Тевтонского ордена в некоторой степени остановили войну на Волыни. Не распались и связи с Польшей: было условлено о встрече представителей двух сторон 2 февраля 1432 г. для обсуждения условий прочного мира. Однако с точки зрения европейской дипломатии перевес Польши был очевиден. Европейские дворы были настроены против «схизматической» Литвы и ее сторонника – Тевтонского ордена. Папа Евгений IV повелел Тевтонскому ордену прекратить войну с католиками-поляками и наказать еретиков-чехов. Базельский церковный собор, открывшийся в январе 1431 г., был оппозиционен папе Евгению IV, потому достаточно нейтрален и склонен вникнуть в суть разногласий между Литвой и Польшей. Это влияло и на поведение папы. Довольно успешно пользуясь политическим наследием Витовта, Швитригайло пополнил его своими личными связями на Руси. Новгород согласовывал свои действия с правителем Литвы, дружественную позицию занял Псков, Литву поддерживали Тверь и Одоев. 15 мая 1432 г. была окончательно утверждена Скирснямунский договор (дополнение его новыми печатями отнесли на 15 августа). Однако всё это не могло уравновесить главную победу польской дипломатии: придав Швитригайло образ «схизматика и узурпатора», она договорилась с гуситами о совместных военных действиях против Тевтонского ордена. Полякам также удалось перетянуть на свою сторону Молдавию. В начале 1432 г. расстроились намеченные между представителями Литвы и Польши переговоры. Общими усилиями удалось назначить встречу монархов обеих стран на 15 сентября. В Литву наезжали польские посланники. Сандомирский воевода Петр Шафранец предложил себя посредником в устранении Ягайло и провозглашении Швитригайло королем Польши. Это была не только его идея: то же самое предложение привезли условно освобожденные из-под стражи Иоанн Гаштольд и Румбовд Валимонтович. Эта комбинация была единственным способом устранения помехи, каковой для Польши являлся Швитригайло. В целом же польские политики неуклонно стремились к своей главной цели – присоединению Литвы. Это направление еще более укрепил сейм в Серадзе в апреле 1432 г. Хотя официально объявлялось, что Швитригайло может быть признан правителем Литвы на условиях Вильнюско-Радомского договора, однако по сути сейм более заботился о средствах продолжения войны. В июне в Польшу для обсуждения будущих военных действий прибыли представители гуситов. Великолепно отлаженная явная и тайная политика Польши создала для Литвы и Тевтонского ордена угрозу нового вторжения – еще более серьезную, чем в 1431 г.

Однако наибольшая опасность таилась в самой Литве. Швитригайло, несмотря на всю свою недюжинную энергию, оказался намного слабее Витовта в качестве организатора. Особенно это ощущалось в делах военных. Государственные должностные лица утратили чувство уверенности и безопасности: каждый боялся оказаться в положении Довгирда, Гаштольда и Румбовда. Всем этим питалось глубочайшее неудовольствие литовского дворянства и знати: люди из русских краев приобрели значительный вес, пришлось потесниться некоторым выкорышам Витовта, а особенно его дворянской клиентуре. Врагами Швитригайло стали дворный маршалок Иоанн Гаштольд, новгородский наместник Петр Мантигирдович, дядя Софии Ягайловой Семен Ольшанский. Исходя из личных мотивов, их поддержал сын бывшего киевского князя Владимира Ольгердовича Олелко (Александр). К этой группе не принадлежали, но отделились от Швитригайло великий маршалок Румбовд, вильнюсский каштелян Христин Остик и Вильнюсский епископ Матфей. Это были влиятельные люди. Начал складываться заговор, душой которой стал Лавр Заремба, часто посещавший Литву как польский посланник (последний раз он наведлся в Вильнюс в мае 1432 г.). Служебная биография этого человека изобиловала незавидными ситуациями, из которых ему всегда удавалось выпутаться. Польская дипломатия нашла замечательного мастера интриги. Конспиративные способности Зарембы и его щедрые

посулы произвели впечатление на литовских сановников, утративших чувство реальности и недовольных своим владыкой. Польские политики попали в самое уязвимое место литовского государственного механизма: деформированная Кревской унией династическая структура и молодой, еще не осознавший преимуществ солидарности, государственный совет – не сумели мобилизовать все усилия для воплощения важнейших державных интересов.

В конце августа Швитригайло отбыл в Брест, где, как было намечено, 15 сентября он должен был встретиться с представителями Польши. Во время ночевки в Ошмянах (с 31 августа на 1 сентября) на него совершили нападение люди Лавра Зарембы. О готовящемся ударе в последнее мгновение узнал и предупредил /279/ верный сподвижник Швитригайло Иоанн Монвидович. Швитригайло удалось вырваться, и он, покинув беременную жену, в сопровождении 14 человек (среди которых был вильнюсский воевода Георгий Гедговд) бежал в Полоцк. Избранное направление указывает, что в этнической Литве уже хозяйничали заговорщики. Уже в пути Швитригайло успел получить обещание поддержки из Вильнюса, но столицу уже захватили его противники. Они также утвердились в Гродно, Бресте, Подляшье. В великие князья мятежники выдвинули младшего Витовтова брата – Сигизмунда. Стремление к литовской национальной гегемонии смешалось с государственной изменой. Русские земли Великого княжества Литовского остались верны Швитригайло, их боярство также стремилось к национальной гегемонии.

Литовское государство раскололось, гражданская война стала очевидной. Ситуация в чем-то напоминала 1382 г., только теперь тракайская ветвь Гедиминовичей ощущала себя увереннее в самой этнической Литве, и ее поддерживали интервенты. Как в свое время у Ягайло, так теперь у Сигизмунда I не было иного выхода, как принять условия интервентов. В противном случае нашлась бы другая креатура, и противоборствующие литовские лагеря ожидал бы еще более страшный раскол. Сигизмунд I ознакомил Краков с ситуацией и попросил утвердить его великим князем. В Польше зазвонили церковные колокола, в конце сентября в Гродно было отправлено полномочное посольство короля Ягайло под началом Збигнева Олесницкого. 15 октября 1432 г. был заключен Гродненский договор, который повторял условия Вильнюско-Радомской унии, но за наследниками Сигизмунда Кейстуовича закреплялись Тракайские владения. Волынь отдавалась Литве, Западное Подолье – Польше. Направленные против Польши договоры были аннулированы. Сигизмунд I обязался не претендовать на корону. От имени Ягайло Збигнев Олесницкий исполнил ритуал посвящения, вручив Сигизмунду меч. Спустя три дня грамоту о согласии с договором признал сын Сигизмунда Михаил. 3 января 1433 г. Ягайло утвердил Гродненский договор.

Трехлетний «луцкий» период литовского суверенитета, годы осуществления программы объявления Литвы королевством, – канули в прошлое. Переступая порог Европы, Литва споткнулась, – не без помощи Польши. Великий труд Витовта на сей раз не дал ощутимых результатов. Это произошло спустя два года после того, как в мир иной отправился незаурядный правитель, умевший совершать невозможное. Ирония судьбы – Витовтов труд продолжил его смертельный враг, еще большая ирония – судьба прервала этот труд руками его брата. Польша с успехом осуществляла Кревскую программу, глашатай ее исторического величия – Збигнев /280/ Олесницкий – ликовал. Витовт выволок Литву из той бездны, куда ее ввергла вековая отсталость. Историческая наука дала ему имя Великого, но умолчала о главном: если бы у Литвы не было Витовта, вряд ли она сохранилась и ныне такой, какова она есть. В 1432 г. над ней снова нависла огромная опасность.

к. Восьмилетие окрепшего польского сюзеренитета

Ошмянский переворот расколол Великое княжество Литовское на два воюющих лагеря.

Поддержав Сигизмунда I (признающего ее превосходство), Польша не только уничтожила все Городельские завоевания Витовта Великого, она устремилась к срыву даже Гродненского договора. Делегация Польши, возведшая на престол Сигизмунда I, 15 октября 1432 г. издала привилей о равных правах католиков и православных Великого княжества Литовского. Сигизмунд I уже готовился к такому шагу, он был необходим для умиротворения русской части Литовского государства, взявшей сторону Швитригайло, – но совершили его представители Польши, присвоившие важную прерогативу этого государства. Согласие великого князя Литовского было упомянуто лишь как обстоятельство, дополнившее соответствующий акт польских институтов. В литературе нет единого мнения, скрепил ли Ягайло своей печатью этот привилей, однако в любом случае это не меняет сути дела, ибо сам король 30 октября 1432 г. предоставил привилей аналогичного содержания Луцкой земле. Это уже говорило о намерении растащить Литовское государство: в привилее было отмечено, что эта земля не будет отделена от Польского королевства. Часть литовской знати, особенно род Валимонтovichей, не поддержала Ошмянский переворот, распахнувший двери перед польской экспансией. Несмотря на очевидные связи Швитригайло с Россией, аристократия видела в нем проводника независимой политики. На рубеже октября-ноября 1432 г. Сигизмунд I раскрыл заговор. Тракайский воевода Явн, великий маршалок Румбовд, Жямайтский староста Михаил Кезгайло, укмяргеский староста Шедибор были схвачены, Явн и Румбовд убиты. После расправы с креатурой Витовта – Кезгайло из Дялтувы, – Сигизмунд I назначил старостой Жямайтии человека из местных, Мядининкского тиуна /281/ Голимина, тем самым укрепив традиционные связи Кейстутовичей с Жямайтией. Жямайты были верны Сигизмунду.

Получив известие об ограниченной помощи, посланной ему из Ливонии, и опираясь на поддержку Валимонтovichей, Швитригайло с войском, собранным в русских землях, в конце ноября 1432 г. двинулся на Литву. Это определило и позицию руководства Тевтонского ордена. Хотя Ливонскому ордену было поручено поддерживать Швитригайло, в конце декабря 1432 г. тевтонский дипломат Людвиг Ланзе все еще жил при дворе Ольгердовича, сам Пауль Руссдорф в дела Литвы не вмешивался, тем более, что и Сигизмунд пообещал не нарушать Скирснямунский договор (за исключением его антипольской части). В булле от 1 января 1433 г. Евгений IV освободил подданных Швитригайло от присяги на верность правителю. Сигизмунд I провозгласил, что воюет за католичество против Швитригайло, желающего «схизматизировать» Литву. Не считаясь с зависимым от нее Сигизмундом, Польша спешила осуществить свои замыслы в южных землях Великого княжества Литовского. После подписания Гродненского договора поляки заняли Олесский замок. Ягайло уже от своего имени назначил в Луцк перебежавшего к нему старосту, князя Александра Носа. Большое польское войско под началом Винцента Шамотульского и Яна Менжика вторглось в Восточное Подолье. Оно захватило почти все замки, Брацлав был сожжен старостой Федором Несвижским, поставленным Швитригайло. Однако Швитригайло смог прислать подкрепление (была получена помощь не только от русских, но от татар и валахов) в Подолье. 30 ноября 1432 г. при переправе через р. Морахву, польское войско попало в засаду, устроенную Федором Несвижским. Полякам удалось с большими потерями вырваться, но это не помешало Федору отвоевать всё Восточное Подолье. В начале апреля 1433 г. Александр Нос перешел на сторону Швитригайло. Рухнули планы Польши захватить Волынь и всё Подолье. Поздней весной 1433 г. Александр Нос разбил и на время пленил хелмского старосту Грицка Кердеевича. В Подолье Федор Несвижский одержал верх в столкновении с каменецким старостой Михаилом Бучацким и вскоре, заманив в засаду, взял его в плен. Все эти события свидетельствовали о прочной власти Швитригайло в русских землях Великого княжества Литовского. Он контролировал и православную Церковь. По смерти митрополита Фотия в 1431 г. Константинопольский патриарх на его место назначил кандидата от Швитригайло, Смоленского епископа Герасима. Перехватив инициативу на юге, Швитригайло направил силы Александра Носа и Федора Несвижского против Сигизмунда I: подоляне и волыняне осадили Брестский замок. Тут Сигизмунду вновь

помогли поляки, изгнавшие верных Швитригайло русских из Брест- /282/ ской области. В Крыму в 1433 г. утвердился ставленник Сигизмунда Хаджи-Гирей.

Отражение польской атаки на Волини и в Подолье совпало со вспышкой активности самого Швитригайло в начале 1433 г. Поддержанный Ливонским орденом, он явился в Восточной Литве. Ливонцы разрушили замок Ужпалай и угнали 3000 пленных, однако избегали открытых столкновений с Сигизмундом I и отступили. В отместку жямайты в апреле 1433 г. разорили Куронию. Сигизмунд I укреплял свою власть в Литве. Его литовскому окружению претил польский напор. Эти чувства особенно ярко выражал образованный и умный, знавший западные страны Георгий Бутрим. Однако Кейстутович слишком зависел от Польши, чтобы всерьез учитывать подобные настроения. В 1433 г. он был вынужден возобновить Гродненский договор. События лета того года еще более ослабили позицию сторонников последовательной национальной и державной политики, борющихся как с польским, так и с русским влиянием.

В начале июня большое польское и гуситское войско вторглось на земли Тевтонского ордена. Крестоносцы не сумели оказать серьезное сопротивление, край был жестоко разорен. Жямайты в то время опустошали окрестности Клайпеды. 13 сентября было заключено перемирие до 24 декабря, к нему присоединилась и Литва Сигизмунда I. Тевтонский орден официально отказался от союза со Швитригайло. 15–21 декабря 1433 г. в Ленчице подписан окончательный мир, в соответствующий акт был вписан пункт о гарантиях для сословий договаривающихся сторон. Прусская ветвь Тев- /283/ тонского ордена была сломлена. В июле 1433 г. старосты принадлежащей Польше Червонной Руси договорились с Федором Несвижским и Александром Носом об ограниченном перемирии сроком до Рождества (позднее оно было продлено до Пасхи 1434 г.). Польша и Швитригайло получили свободу рук в собственном тылу, и каждый из них усилил давление на Сигизмунда Кейстутовича. В конце лета и осенью воляняне разорили Подляшье, а также окрестности Бреста и Мстиславля. Во второй половине июля и в августе 1433 г. армия Швитригайло и Ливонского ордена заняла Минск, Борисов, Крево, Заславль, Эйшишкес, Лиду, разбила Петра Мантигирдовича, ведшего войско Сигизмунда I к Молодечно. Пострадали города Вильнюс и Тракай, был уничтожен польский отряд Каунасского гарнизона. В руки Швитригайло попал изменивший ему князь Михаил Ольшанский, который был зверски убит. Сторонникам Сигизмунда I пришлось прибегнуть к партизанской войне, скрываться по лесам. Однако из-за того, что в войске вспыхнул конский мор, а население оказывало помощь партизанам, – Швитригайло не удалось утвердиться на занятых землях, и он отошел в Лукомль. В таких обстоятельствах Сигизмунд I не мог действовать самостоятельно, ибо утраченные территории он вернул лишь с помощью подоспевших поляков.

На международной арене Швитригайло не потерял связей с Базельским церковным собором. Еще осенью 1432 г. его с миротворческой миссией посещал уполномоченный собором Лаврентий де Дамиани. 22 марта 1433 г. православные князья Ярослав (сын Лугвения Ольгердовича) и Андрей, а также еще 14 бояр – по инициативе Швитригайло – заявили собору, что он придерживается католической веры. В письме от 26 ноября 1433 г., которое вручил нанятый им юрист Симон де Балле, Швитригайло основывал свои права на литовский престол тем, что он сын Ольгерда. Уже в конце 1431 г., когда вспыхнул конфликт между Базельским собором и Евгением IV, Швитригайло старался поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами. Внимание вполне нейтрального собора он привлекал идеей Церковной унии. В 1434 г. Евгений IV стал более благосклонен к Швитригайло, в буллах титуловал великим князем и даже назначил его капеллана Петра епископом Жямайтии. Собрания сословий Пруссии, проходившие в конце 1433 и в первой половине 1433 г., все-таки высказались за мир с Польшей, поэтому усилия посланников Швитригайло на заседавшем в декабре 1433 г. Торуньском соборе (даже при поддержке представителей Ливонского ордена) не принесли результата. Не помогли и аргументы Сигизмунда Люксембурга в пользу отзыва Ленчицкого договора, изложенные в письме сословиям Пруссии и Ливонии от 28 февраля 1434 г. Однако вмешательство императора укрепило

меж- /284/ дународные позиции Швитригайло. Объединение поляков и гуситов совпало с определенным потеплением в отношениях императора и папы (31 мая 1433 г. Евгений IV короновал Сигизмунда Люксембурга). Нанятым Польшей юристам – Каспару де Перуджиа и Симеону де Терамо – на Базельском соборе пришлось много потрудиться, чтобы были отклонены требования Андреаса Пфафендорфа (прокуратора Тевтонского ордена и Швитригайло) об анафеме за связь поляков с еретиками. Эти словесные бои в принципе не изменили сложившегося положения, но – так или иначе – канцелярия Римской империи и далее именовала Болеслава Швитригайло «дорогим братом» императора.

Швитригайло удерживался на большей части территории Великого княжества Литовского, что имело по меньшей мере двойственное значение. Во-первых, это была часть Литовского государства, продолжавшая сохранять добытый в 1429 г. суверенитет. С другой стороны, эта часть подталкивала в объятия Польши центр Литовского государства вместе с самим ядром государства – литовским народом. Такое положение раскалывало литовскую знать, не желавшую ни польской гегемонии извне, ни русской – внутри Литвы. На сторону Швитригайло перешел Георгий Бутрим, избравший государственный, а не национальный приоритет политической ориентации. Тем временем Георгий Гедговд остался на службе у Сигизмунда I, руководствуясь прежде всего национальными стимулами. Противоборствующие стороны не смогли договориться. В начале 1433 г. Сигизмунд I убил не только прибывших посланников Швитригайло, но и своих послов, общавшихся с Ольгердовичем. Однако переписка между двумя претендентами, Ягайло и даже самим Евгением IV (через Вильнюсского епископа Матфея) в первой половине 1434 г. не прервалась. Ливония и далее поддерживала Швитригайло. Ее сословия, собравшиеся в апреле 1434 г. в Валмиере, заявили, что не связывают себя Ленчицким договором.

Зимой 1433–1434 г. Швитригайло с двумя армиями вторгся в этническую Литву, но ничего не добился. 1 апреля 1434 г. умер Ягайло; смерть престарелого короля ничего не изменила. Польское войско, снаряженное еще при нем, в июне месяце ворвалось в Подолье. Король Владислав III (старший сын Ягайло) объявил привилей, уравнивший бояр Червонной Руси и Подолья с польской шляхтой. Поляки все еще стремились завладеть Восточным Подольем и Волынью, однако упрочившееся положение Сигизмунда I направило со- /285/ бытия в несколько иное русло. На стыке лета и осени Иоанн Гаштольд, привлеченный на свою сторону Александра Носа, именем Сигизмунда I захватил Луцк. Киев уже занял было Олелко (Олелько), но подоспевший Иоанн Монвидович сохранил его для Швитригайло. Только Федор Несвижский в сентябре месяце передал полякам Брацлавский и Кременецкий замки в Подолье. Кстати, это было непросто: Федора русские схватили, освободить его удалось лишь с помощью старост русских земель Польши Винцента Шамотульского и Михаила Бучацкого. А в Крыму сторонники Швитригайло в 1434 г. свергли Хаджи-Гирея. Сигизмунд I в 1434 г. должен был возобновить присяги на верность Польше, однако он и сам оказался в силах кое-что отвоевать у Швитригайло. Незначительный успех поляков в Подолье показал, как непросто аннексировать часть даже расколотого Великого княжества Литовского. Брацлав и Луцк Швитригайло вскоре вернул. В 1435 г. Федор Несвижский воевал уже на его стороне. Таким образом, в 1434 г. прояснился характер войны внутри Литовского государства. Польша сумела расколоть Литву и вернуть свой сюзеренитет на ее большей части, но не сумела завоевать ни одну из ее частей. Сами эти части воевали между собой за гегемонию в одном государственном образовании и не стремились к разделению. Польше для утверждения своей гегемонии оставалось лишь поддерживать одну из частей против другой. В 1433 г. упрочились позиции Сигизмунда Люксембурга: чешские чашники т. н. Пражскими компактатами достигли компромисса с Базельским собором. Гуситы раскололись, и Польша фактически лишилась возможности пользоваться их услугами.

Укрепившийся Сигизмунд I позаботился об упрочении своего положения социально-правовыми актами: он стремился привлечь на свою сторону наиболее широкие слои дворян и горожан, а также опередить некоторые польские инициативы, направленные на раскол Великого княжества. В 1432 г. был расширен магдебургский привилей Вильнюсу.

6 мая 1434 г. был выпущен привилей дворянам, предназначенный для всего Великого княжества Литовского. По нему подвластные дворянам крестьяне освобождались от зернового дьякла в пользу великого князя, было дано обещание не наказывать без суда, а дворянские права распространены на православных. По тем вре- /286/ менам это были значительные уступки, хотя некоторые из них (ненаказание без суда) еще долгое время оставались лишь правовыми декларациями. Не было недостатка в русских сторонниках Сигизмунда, как и в литовских сторонниках Швитригайло. Возник и стал действовать сословный фактор. Конечно, настроения русских определял простой бытовой расчет: за Сигизмундом стояла такая сила, как Польша, с чьей армией шутить не стоило.

Летом 1434 г. войска собирали как Швитригайло и Ливонский орден, так и Сигизмунд I. Инициативу удерживал Швитригайло, однако его нападению на Литву помешали обильные дожди и борьба на южных русских землях. Небольшое войско Ливонского ордена, разорявшее Северную Литву, уничтожили жемайты. Стало проявляться растущее влияние Сигизмунда I на русских подданных. В середине 1434 г. митрополит Герасим (чья резиденция располагалась в Смоленске) еще помогал Швитригайло поддерживать отношения с Базельским собором и Евгением IV, однако на стыке зимы и весны 1435 г. он уже примкнул к тем русским боярам, которые хотели передать Смоленск Сигизмунду. Заговор раскрыл Георгий Бутрим, который и захватил Герасима. Реакция неуравновешенного Швитригайло была страшной: в конце июля Герасима живьем сожгли на костре в Витебске. Тридцатые годы XV в. с их бессмысленной жестокостью – пятно на литовской истории.

Определенное равновесие в Великом княжестве Литовском знаменовало собой лишь новое накопление сил перед решающей схваткой, к которой обе стороны всерьез готовились. Активные военные действия начались только в конце лета 1435 г. Швитригайло с отрядами из Смоленска, Витебска, Киева и Полоцка двинулся в Восточную Литву. Возле Браслава он соединился с войском Ливонского ордена (епископы Ливонии Орден не поддержали) под началом магистра края Франциска (Франке) Керскорфа и маршала Вернера Нессельроде. Ливонцев поддерживал небольшой отряд воинов из Германии. Нашлось место и Сигизмунду Корибутовичу, бежавшему из Чехии после битвы у Липан (победа 1434 г. чашников над таборитами). Соединенное войско двинулось к Укмярге. Сигизмунд I собрал литовские силы и отдал их под команду своего сына Михаила. Прибыли на подмогу и немногочисленные татары. Главными союзниками были поляки, предводительствуемые опытным воином Яковом Кобылинским. С литовцами они соединились в Тракай. В каждой войске было менее, чем по 20 000 человек. В конце августа противники сблизились в окрестностях Укмярге: русские и ливонцы собирались идти походом на Вильнюс и Тракай, а литовцы и поляки стремились этого не допустить. 30 августа враги увидели друг друга на противоположных берегах озера Жирная (*Žirnaja*) и вытекающей из него очень быстрой ре- /287/ чушки. Двое суток бой не начинался из-за сильного дождя. Ранним утром 1 сентября русские и ливонцы двинулись с левого берега в сторону Укмярге, пустив впереди обоз. Его прикрывал большой отряд под началом нарвского войта Иоанна Коннинга и полоцкого старосты Михаила. Вслед за ними шли главные силы Ливонского ордена под командой магистра Керскорфа и маршала Нессельроде. Войско Швитригайло должно было служить арьергардом. Лишь только отряд прикрытия преодолел мост над Жирнаей, этот маневр заметил Яков Кобылинский. Поляки тотчас атаковали растянутую неприятельскую цепь, нацелив главный удар через Жирнаю по отряду ливонских командиров. Их немедленно поддержали литовцы Михаила Сигизмундовича. Польский отряд ударил по обозу. Отбив их атаку, Иоанн Коннинг поспешил назад – на подмогу своим. Однако исход боя был ясен: главные силы ливонцев оказались сокрушены, Франциск Керскорф и Вернер Нессельроде пали. Русско-ливонское войско было рассечено на две объятые паникой части, которые литовцы (их боевитость отметил даже всегда выделявший поляков Ян Длугош) и поляки не замедлили разгромить. Бегущим русским и ливонцам путь преградила река Швянтойи (Святая); многие из них утонули или были убиты преследователями на ее берегах.

Швитригайло и Иоанну Коннингу удалось бежать. В плен попали Сигизмунд Ротт и смертельно раненный Сигизмунд Корибутович (вскоре скончавшийся), многие русские князья и высшие представители Ливонского ордена. Многие сделавший для коронации Витовта Ротт был умерщвлен: руками литовцев Польша мстила человеку, отдавшему всю душу делу возвышения монархов Литвы. Победа Сигизмунда I была абсолютной. На поле битвы он возвел храм, вокруг которого позднее выросло поселение Пабайкаса.

Швитригайло добрался до Полоцка вместе с князем Юрием Лингвеневицем и 30 воинами. Битва при Укмярге-Жирнае стала роковой и для него, и для Ливонского ордена. Произошел перелом не только во внутривосточной борьбе, но и в Ливонской войне, и во всей политической истории. Это и определило действия воюющих сторон. Польша, затянувшая переговоры с Сигизмундом Люксембургом и превозмогшая его давление в 1434–1435 г., теперь поставила его перед свершившимся фактом. 31 декабря 1435 г. в Куявском Бресте Тевтонский орден (представляя и Ливонский орден, который не принимал участия в переговорах) обязался перед Польшей и Сигизмундом I не поддерживать и не признавать никакого великого князя Литовского, если его избрания не одобряет король Польши и коронный совет. В конце 1436 г. этот договор был ратифицирован Ливонским орденом. Польские политики стремились добить Ливонский орден, но желали это сделать руками /288/ литовцев: войско Якова Кобылинского после битвы покинуло Литву. Однако Сигизмунд I, почувствовавший себя заметно увереннее, следовал своим, а не польским интересам. В охваченную страхом Ливонию никто не вошел. Михаил Сигизмундович во второй половине сентября осадил Витебск. Шестинедельная осада ничего не дала. Не удалась и зимняя осада Полоцка. Сказались понесенные потери и ограниченные возможности призывного войска. Это по большей части было лишь попыткой воспользоваться смятением в лагере Швитригайло. Кое-что принесло успех: власть Сигизмунда признали Смоленск, Мценск, Стародуб. Весной 1435 г. Базельский Церковный собор отдал Рижское архиепископство под покровительство Сигизмунда I.

Швитригайло отошел в южную часть своих владений, В конце зимы – начале весны 1436 г. он с успехом оборонялся от поляков, вернул себе Мценск и Стародуб, однако в международном плане он уже был обречен. Его бросил на произвол судьбы Ливонский орден, а Германский император Сигизмунд Люксембург посоветовал ему пойти на мир с Польшей, т. е. умыл руки. Летом 1436 г. Сигизмунд I овладел Полоцком и Витебском, окончательно утвердился в Смоленске. Всего этого он достиг своими силами. Хотя польская армия одерживала победы, постоянно посылать ее в отдаленные области Великого княжества Литовского становилось все сложнее. Сокрушив Швитригайло, Польша наблюдала его борьбу с Сигизмундом в ожидании момента, которым могла бы воспользоваться без особых силовых затрат. Это было не что иное, как вынужденное признание возросшего авторитета Сигизмунда I. Основной упор в расшатывании Литовского государства польские политики перенесли на дипломатию. Чем сильнее становился Сигизмунд, тем стоворчивее делался слабеющий Швитригайло. Осенью 1436 г. он пошел на предложенные поляками переговоры; в ноябре было заключено краткое перемирие. Вновь стал актуальным проект раздела Великого княжества Литовского. Теперь уже условия диктовались обоим борющимся сторонам, но важнейший момент польская дипломатия все-таки упустила: одна из сторон (на сей раз Сигизмунд I) вновь усилилась. Поэтому оба претендента согласились признать превосходство Польши с условием, что они будут править всей страной.

Следует признать историческую заслугу Швитригайло: он сохранил в неприкосновенности идею независимости Литвы вплоть до момента, когда его противник обрел силу, достаточную для того, чтобы Польша с ним считалась.

Швитригайло слабел, а Сигизмунд I не терял времени даром. Уже в начале 1437 г. шла подготовка к походу на юг. Литва, истощенная войной, с трудом собирала силы. Только в августе два /289/ войска смогли выступить на Киев и Луцк. Первое разгромил Юрша, бывший в то время киевским наместником. Второе осадил Луцкий замок, но осаду прервала весть о соглашении Швитригайло с поляками. 4 сентября 1437 г. Швитригайло признал

верховенство Польши. В соответствии с этим он передавал Луцк Польше, а после его смерти к полякам переходили все управляемые им земли. Луцк тотчас занял Винцент Шамотульский. Теперь уже Швитригайло взял на себя роль главного проводника польских интересов – в противовес Сигизмунду, озабоченному единством Литовского государства. Договор между Польшей и Швитригайло должен был в октябре 1437 г. утвердить Серадзийский сейм, которому предстояло решать, созрел ли момент для раздела Великого княжества Литовского. Польские политики колебались и решили не рисковать: неистовый Швитригайло не внушал доверия, посему было постановлено вновь поддержать испытанного и сговорчивого Сигизмунда I. Всё это рассматривалось лишь как этап завладения всем Литовским государством. Для гарантии Швитригайло вновь был использован в качестве пугала. В Литву прибыла делегация во главе с Гнезнимским архиепископом и Збигневом Олесницким. У Сигизмунда I не было выбора, поэтому 6 декабря 1437 г. он Гродненским актом возобновил Гродненский договор 1432 г. И все же это не было повторением ситуации 1432 г., потому суть соглашения, при сохранении старой формы, несколько изменилась. Прежде всего, Сигизмунд в этом акте фигурирует как реальный, а не кем-либо назначенный, правитель страны. Кроме того, серьезные обязательства взяла на себя и польская сторона: тем же актом от 6 декабря она обещала до 25 января 1438 г. передать Сигизмунду Луцк, не поддерживать Швитригайло и соблюдать условия заключенной унии. Последний пункт должен был застраховать Литву от традиционных аннексионистских притязаний Польши и четко формулировал положение о внешнем вассалитете Литвы, который Польша стремилась превратить во внутренний. Король Владислав III этот акт утвердил 16 декабря 1438 г.

Вторым Гродненским договором Сигизмунд I воссоздал ситуацию, которую сформировал его великий брат при начале своего правления. Швитригайло теперь опускался до уровня тех удельных князей, которых Витовт устранил в последнем десятилетии XIV в. Свой последний акт Сигизмунд Кейстutowич обнародовал в Луцке 23 апреля 1438 г., в Остроге – 2 сентября, в Пшемьсле – 6 декабря. Источники не указывают, где он находился в 1439 и в начале 1440 г., но в 1440 г. Сигизмунд I правил всеми землями Великого княжества Литовского. Поляки медлили с передачей ему Луцка, но на рубеже 1438–1439 г. их вытеснили сами жители Луцка. /290/

Внутрилитовская война завершилась победой литовской знати. Она была достигнута ценой утраты полного суверенитета и перспектив возведения Литовского государства в ранг королевства, что были завоеваны Витовтом. Победители теперь могли обойтись без польской подмоги, но пример Швитригайло грозно напоминал о нежелательности конфликта с Польшей. Как и в конце XIV в., Литве пришлось искать контактов с немцами, чьи ближайшие владения – Ливония и Пруссия – были разгромлены поляками и самими литовцами. Однако традиция общения с императорами Германии, выпестованная Витовтом и продолженная Швитригайло, пригодилась Сигизмунду I, тем более, что гегемонистские наскоки Польши то на Восток, то на Запад, вызывали стойкое раздражение высших слоев Германской империи. По смерти Сигизмунда Люксембурга (9 декабря 1437 г.) к власти пришел его зять, Альберт II Габсбург. Для австрийских герцогов династическая экспансия на восток Центральной Европы значила не меньше, чем для Люксембургов, долгое время занятых тем же. Интересы Габсбургов и крепнувших Ягеллонов столкнулись в Чехии: часть чехов, не желавшая Альберта, призвала на престол младшего брата Владислава III – Казимира. На стыке 1438 – 1439 г. вооруженные столкновения между немцами и поляками закончились вытеснением последних из Чехии. В сложившихся обстоятельствах Альберт II принялся искать союзников против Польши. Сигизмунд I, оценив ситуацию, поспешил ею воспользоваться, тем более, что его победа над Швитригайло уже не вызвала сомнений. Однако вступать в открытый союз с императором было опасно. Трудно сказать, были ли у них налажены связи в 1437 – начале 1438 г., когда оживился обмен посольствами между Литвой и Тевтонским орденом. Польша на них взирала с большим подозрением. Несомненное наличие связей между Сигизмундом I и Альбертом II источники фиксируют лишь в середине 1438 г. Осенью 1438 г. Альберт уже знал, что Сигизмунд весьма

благосклонно смотрит на союз с ним. В 1439 г. посланники императора ездили в Литву, однако обещанное большое посольство так и не прибыло. Сигизмунд I не решился вступать в союз без Тевтонского ордена, а Тевтонский орден так же боялся Польши. Сигизмунд колебался, но его стремление к суверенитету проступало всё отчетливее: узнав о том, что на мирных переговорах с Альбертом в Чехии Польша трактовала Литву как несамостоятельную страну, он заявил императору, что является совершенно независимым властителем, законно унаследовавшим власть от своего брата Витовта. Таким образом, Сигизмунд I продолжал политическую игру Витовта Великого.

Эта игра основывалась на ближне-региональной политике, условия для проведения которой улучшились после поражений Тевтонского и Ливонского орденов. Теперь они наиболее нуждались в Литве; Великое княжество Литовское по существу превращалось в естественный центр потенциальной оппозиции крепнущей Польше. Сигизмунд I мог воспользоваться несогласием в руководстве крестоносцев, которое усугублялось по мере ослабления позиций этой корпорации. Чем слабее становился Мариенбург, тем прочнее в Ливонии делалось положение саксов (вестфальцев) – давней базы Ордена меченосцев. Они вытесняли с руководящих вершин представителей Центральной Германии (рейнцев), тесно связанных с ядром Тевтонского ордена. В конце 1437 г. после смерти магистра края Генриха Бокфорда рейнцы избрали на его место Генриха Нотлебена (его утвердил великий магистр Пауль Руссдорф), а вестфальцы – Гейденрейха Финке, утвержденного Германским магистром Ордена Эберхардтом Зансгеймом. Пауль Руссдорф готовился силой поддержать своего кандидата, но для этого требовалось пройти по территории Жямайтии. Вестфальцы соответственно просили Сигизмунда I не пропускать прусских крестоносцев. В начале февраля 1439 г. в Литву прибыло Ливонское посольство, тогда же в Тракай был заключен союз между Литвой, Рижским архиепископом Хеннингом и вестфальским лагерем Ливонского ордена. Сигизмунд I пообещал не пропускать никаких войск в Ливонию и за выкуп освободил часть ливонских пленных, взятых в битве при Укмярге. На этот союз рассчитывал опереться Альберт II; летом 1439 г. в Литву приехали его посланники Михаил Шток и Опец Зейдлиц. Сигизмунд I колебался, опасаясь, что Прусская ветвь Тевтонского ордена может сговориться с Польшей. Под давлением императорских дипломатов Пауль Руссдорф в сентябре 1439 г. через Бранденбургского комтура Иоанна Бенгаузена заверил великого князя Литовского относительно своих мирных намерений. Стало очевидно: руководство Тевтонского ордена и правитель Литвы в страхе перед Польшей ожидают, что против нее решительно выступит кто-то третий. Пауль Руссдорф ратовал за союз между Литвой и Германской империей, а вместе с тем уговаривал литовцев не идти на контакт с ливонскими вестфальцами. Сигизмунд I с симпатией относился к Паулю Руссдорфу, а наблюдательный посланник великого магистра сделал существенный вывод, что великий князь не заключит союза с императором, пока подобного союза с Литвой не подпишет Тевтонский орден. Конфликта с Польшей опасался не только Сигизмунд, но и та часть литовской знати, которая не желала союза с императором.

То, что происходило в Великом княжестве Литовском, не было тайной для польских политиков. В середине осени 1439 г. в Литву прибыло польское посольство. Сигизмунд I был вынужден 31 октября возобновить Гродненский договор. За четыре дня до этого /292/ события умер Альберт II. Престолы Германии, Венгрии и Чехии стали ареной нестабильной политики. Сигизмунд I лишился надежной опоры для сопротивления польскому гегемонизму. Заметив ослабление его позиций, в начале 1440 г. Литву наводнили польские рыцари, ранее воевавшие на ее территории и теперь требовавшие выплатить вознаграждение за оказанные услуги. Литовская политика была заморожена в состоянии, напоминавшем первые годы после Ворсклинской катастрофы. Сигизмунду I не хватало решительности Швитригайло, но в конкретных условиях, наверное, даже лучше было не рисковать.

Несогласие между Сигизмундом I и значительной частью крупных феодалов (которых стали именовать панами) проявлялось не только в международной политике. Угроза со стороны Швитригайло заставляла их действовать заодно; с ее устранением конфликт

обострился. Влияние панов заметно возрастало, и великокняжеский совет стал обретать черты института постоянного аристократического представительства; в такой ситуации великий князь попытался ввести в рамки оба эти явления. Поскольку города были немногочисленны и слабы, у него не было иной опоры, кроме рядовых дворян. Еще Витовт обнаружил и запретил переход мелких дворян в зависимость к крупным земельным магнатам. Сигизмунд I стремился расширить свою дворянскую клиентуру, возвышая рядовых землевладельцев и давая дворянство зажиточным крестьянам. Это вызвало неудовольствие знати, обнаружившей конкуренцию. Еще в XVI в. панская историческая традиция изображала Витовтова брата как «повелителя крестьян». Положение усугублялось паранойей, чьи симптомы всё более проглядывали в поведении великого князя. Множились обоснованные слухи о готовящейся расправе с большинством панов, о чем позволяли догадываться увольнения с должностей, напр., смоленского наместника Иоанна Гаштольда. В таких условиях тайные сторонники Швитригайло составили заговор. Руководил заговорщиками православный князь Ян Чарторыйский, его правой рукой был киевский боярин Скабейка. Их поддерживали вильнюсский воевода Иоанн Довгирд и тракайский воевода Петр Лель. Большая часть литовских панов знала или догадывалась о зреющем заговоре, однако выбрала роль пассивного наблюдателя. Они не любили и побаивались поляков, но еще более не любили русских и опасались гнева Сигизмунда I. Этим несложным расчетом и была продиктована их выжидательная позиция: позволяя проявиться сторонникам Швитригайло, они отнюдь не предполагали уступать в главном. Судьбу монарха предрешил именно такой политический расклад. 20 марта 1440 г. заговорщики, скрыв своих людей в сенных возах, захватили Тракайский полуостровный замок. Они ворвались в покои великого князя и убили его. /293/

Кровавая развязка конфликта между болезненным властителем и амбициозной знатью привела к тому, что Литва оказалась зажата между двумя опасностями: перспективой острого соперничества группировок и усиления польской экспансии. Успешно преодоленная гражданская война грозила смениться гибельным кризисом, подобным Ошмянским событиям 1432 г.

л. Шаг группировки Иоанна Гаштольда

Убийство Сигизмунда I соратники Швитригайло всесторонне подготовили: устранив великого князя, Ян Чарторыйский и Петр Лель заняли тракайский полуостровный, а Иоанн Довгирд – вильнюсские верхний и нижний замки. Заговорщикам не удалось захватить Михаила Сигизмундовича: в тот момент он присутствовал на мессе в Тракайском приходском костеле (было Вербное воскресенье). Как Польша не собиралась соблюдать Гродненский договор, так и Сигизмунд I с сыном позаботились, чтобы некоторые /294/ сановники присягнули на верность Михаилу. После смерти последнего Кейстутова сына Михаил Голигин сохранил для наследника тракайских князей островной замок. Большая часть замковых старост Тракайского воеводства также поддержала Михаила Сигизмундовича. С особой энергией действовал брестский староста Оначас, благодаря которому во власти Михаила, кроме самого Бреста, остались Лида и Гродно с их каменными замками. Михаила традиционно поддерживали жямайты. Верный Михаилу староста Дрогичина и Мельника Юрий Носуа впустил в эти замки гарнизоны мазовецкого князя Болеслава (свояк Сигизмунда), а в Бельск – отряд Владислава. Мазовшане, естественно, надеялись Подляшье забрать себе, но до поры демонстративно поддерживали Михаила, а он этому не противился. Взавший его сторону Нарбут (*Narbutas*) отнял у Иоанна Довгирда верхний Вильнюсский замок. В акте от 5 апреля 1440 г. сын Сигизмунда уже титуловался великим князем Литовским.

Стране грозила новая внутренняя война, тем более, что распри в центре государства позволили возродиться сепаратистским стремлениям в недавно присоединенных областях.

Уже на Страстной неделе (27 марта 1440 г.) восстали жители города Смоленска. Сменивший отозванного Иоанна Гаштольда Андрей Сакович разгромил их отряды, но восстание разрасталось. Наместник и верные ему бояре вынуждены были покинуть Смоленск; мятежники рас- /295/ правились с не успевшим бежать областным маршалком Петриком. В правители смоляне призвали дорогобужского князя Андрея, которого вскоре изгнало литовское войско, однако покорить область не смогло. В Смоленске утвердился Мстиславский князь Юрий Лингвеневи́ч, управлявший предместьями Новгорода.

После убийства Сигизмунда I Швитригайло нашел прибежище в Польше: из Грудской и Щерцкой земель для него создали небольшое княжество. 6 июня 1440 г. в Глумаче (на границе с Молдавией) он обнародовал акт о верности королю Польши, в котором титуловал себя верховным князем Литвы. Главной опорой Швитригайло была Волынь, знать которой объявила о его признании. Польшу устраивало такое положение, поскольку перед ней вновь открывалась возможность расколоть Великое княжество Литовское. В коронном совете высказывались разные мнения, но явно возобладал план Збигнева Олесницкого, в соответствии с которым следовало использовать обоих претендентов. И Швитригайло, и Михаилу предполагалось выделить отдельные, зависимые от Польши, княжества, а большую часть государства подчинить прямой власти польского короля.

Хотя Швитригайло получил поддержку Вильнюсского и Тракайского воеводств, немалая группа магнатов его сторонилась. Она не была однородной, но ее объединял страх перед возможной мстью со стороны каждого из претендентов. По сути эта группировка наиболее полно выражала противоречие между постоянными советниками великого князя, становящимися институциональным панским советом (радой панов), и государями, не желавшими мириться с подобной реальностью. Члены группы по-разному оценивали намерения Польши, но не их взгляды влияли на расслоение аристократии: и те, и другие были вынуждены налаживать связи с могущественным соседом. Существенным было лишь то, насколько перспективным окажется способ поддержания этих связей. Эта отдельная группировка определилась на рубеже апреля-мая 1440 г. Группу составили Вильнюсский епископ Матфей, краевой маршалок Радзивилл Остикович, выживший в заключении староста Жямайтии Михаил Кезгайло, Николай Немирович, Петр Мантигирдович, Иоанн Гаштольд, Георгий Ольшанский. Последний был дядей сыновьям Ягайло с материнской стороны, сыном Семена – участника Ошмянского переворота 1432 г. Об убийстве Сигизмунда I Иоанн Гаштольд, покинувший Смоленск, узнал в Воложине. Он /296/ приложил много труда, чтобы собрать единомышленников в Ольшанах (Альшеная), у князя Юрия. Гаштольд и стал душой группировки. Ольшанский съезд объединил значительную часть влиятельнейших вельмож Литвы и наметил главные вехи их деятельности.

Ольшанская (Альшенская) группировка, или группа Иоанна Гаштольда, стремилась наладить контакты с королем Польши и польским коронным советом самостоятельно, а не через кого-либо из претендентов-Гедиминовичей. На первый взгляд эта позиция отвечала экспансионистским намерениям Польши, однако явно не соответствовала желаниям большинства членов группы. Они прежде всего старались не позволить Польше воспользоваться услугами Михаила Сигизмундовича и Швитригайло, а это было не что иное, как стремление к сохранению единства Литвы. Действовали без промедления: в середине мая к Владиславу III были посланы Андрей Довойно и Рачко. Короля Польши они нашли в Кезмарке: юный Ягеллон намеревался занять венгерский трон. Южное направление польской экспансии устраивало Литву. У литовских посланцев был веский аргумент и жупел – Михаил Сигизмундович. Всё это заставляло польских политиков вслушиваться в их речи. Литовцы предлагали послать в Вильнюс брата короля, тринадцатилетнего Казимира. Исторические хроники рода Гаштольдов, относящиеся к XVI в., зафиксировали и сами способы «обработки» подростка: ему рассказывали о литовских пуцах – охотничьем рае (Казимир на всю жизнь остался страстным охотником). Владислав III и коронный совет приняли предложение литовцев, однако в своей интерпретации и на своих условиях. В конце мая 1440 г. Казимир отбыл в Литву.

Первый шаг Ольшанской группировки оказался удачным, однако он был предпринят с условием внешнего подчинения польским политическим установкам. Казимир был послан в Литву не как литовский монарх, а как наместник короля Польши. Его сопровождала свита королевских сановников и отряд в 2000 польских рыцарей. Панам, призвавшим Казимира, предстоял нелегкий труд: следовало не только от его имени упрочить власть и найти согласие с пришлыми поляками, но также превратить королевича в свое орудие. Казимир был постепенно изолирован от польского окружения, которое не могло обойтись без панского совета (рады панов) Литвы. Рядовые дворяне поддерживали Михаила. Польская свита Казимира должна была защитить вверившегося ей Яна /297/ Чарторьского от толпы, желавшей расправиться с ним. Теперь Михаилом пугали сторонников Швитригайло, которые понимали, что не смогут бороться против польского протектората и этнического большинства жителей Литвы, державших сторону Михаила. Дабы не дать объединиться этим двум силам, они поспешили сами объединиться с радой панов и стали поддерживать их во всех начинаниях. Иоанн Монвидович примкнул в группировке Иоанна Гаштольда; ей были переданы Вильнюсский нижний и Тракайский полуостровной замки, верхний Вильнюсский замок был отобран у сторонников Михаила. Сам Михаил, признавший в Свислочи власть Казимира, рассчитывал получить в качестве вотчины Тракайское княжество, однако рада панов уже была в состоянии воспрепятствовать разделу страны. Михаил, вместе с 500 всадниками покинувший Тракайский островной замок, нашел приют в Мазовии. Группировка Иоанна Гаштольда, все более утверждавшаяся во власти именем Казимира, терпеливо и последовательно шла к главной цели – объявлению королевича великим князем. Связи с мальчиком укреплялись, его было нетрудно убедить в том, что великий князь выше наместника. Рада панов, ставшая хозяйкой положения, наконец-то решилась на самый важный шаг. Пасхальный цикл уже завершился, а в начале лета не было Богородичных праздников, однако – чтобы не пользоваться обычным воскресеньем – был выбран день святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Ранним утром 29 июня 1440 г., когда поляки еще спали, в Вильнюсском Кафедральном соборе Казимир был объявлен великим князем Литовским.

Церковные колокола и ликующая толпа разбудили представителей Польши, когда всё уже свершилось. Как и в случае возвышения Швитригайло, никто не спрашивал позволения у Польши и не сверялся с договором об унии. Этот факт, наверное, не был неожиданностью для польской стороны, однако изумление вызвал не он сам, а способ совершения и игнорирование намерений Польши. Фактически это было не что иное, как самостоятельный государственный акт, возрождение неограниченного суверенитета Великого княжества Литовского. Ольшанская группировка осуществила виртуозный ход: объявляя о полном суверенитете Литвы, она вместе с тем обеспечивала возможность компромисса с Польшей. Этой возможностью еще надо было суметь воспользоваться, ибо Польша не собиралась признавать независимость Литвы. Однако момент для Литвы был благоприятен: увязнувший в венгерских делах Владислав III, не был склонен воевать со страной, отдавшей свой трон польской ветви династии Гедиминовичей. Следовало ожидать давления со стороны Польши, но это была уже не та конфронтация, жертвой которой пал Швитригайло. Диалог не прервался, хотя каж- /298/ дая из сторон интерпретировала его в выгодном для себя смысле. В Венгрию к Владиславу III отправилась литовская делегация. Поляки расценивали это как просьбу об утверждении избрания Казимира. Литовская сторона отрицала такую интерпретацию, и налаженные связи оберегали Литву от более резких возражений Польши.

Ольшанский съезд, по сути, начертал политическую программу литовского панства, впервые проявившегося как самостоятельная сила, главной идеей которой было сохранение литовской государственности и нахождение конкретных путей к достижению этой цели. Одним из подобных путей было признание за Литовским государством сателлитной (но не вассальной!) роли в политической системе, создаваемой крепнущей Польской державой. Литовское панство, представлявшее данную проблему как обоюдную, понимало, что это наиболее вероятная точка равновесия для обеих сторон (когда Польша стремится к аннексии,

а Литва – к полной политической независимости). На политическую арену оформившийся литовский панский совет (рада панов) явился в ту пору, когда династия Гедиминовичей уже почти рассталась с ролью выразителя государственных чаяний Литвы: Ягеллоны отвернулись и оторвались от страны, Кейстутовичи деградировали и вымирали, а периферийные и православные ветви опустили до положения ходатаев по русским областным делам.

Таким образом оказался найден, быть может, единственный способ упрочить полный суверенитет Литовского государства, не вызывая бескомпромиссного конфликта с Польшей. Литву еще ожидали многие годы трудных переговоров, но это все-таки была не война. Еще надо было распространить власть Казимира на всё Великое княжество Литовское, однако в этой сфере важнейшие деяния уже были совершены. Литовская государственность выдержала испытание первыми попытками встраивания в европейскую политическую систему и нашла, пусть не идеальный, но все же приемлемый способ самоутверждения. Прошедшее школу Витовта младшее поколение его современников выполнило минимальную из намеченных им политических программ. И они при помощи его же железной руки – может статься, в последнее мгновение – успели вскочить на подножку уносящегося европейского экспресса. /299/

2. Полстолетия мирной передышки и окончательной утраты великодержавия

а. Претворение в жизнь программы Ольшанского (Альшенского) съезда

Втягивание польских экспансионистов в дела Венгрии развязало руки группировке Иоанна Гаштольда, возвысившей Казимира. И Швитригайло, и Михаил, по сути, были предоставлены сами себе. Швитригайло и далее именовал себя великим князем Литовским. Вскоре после убийства Сигизмунда I он завладел Волынью (во всяком случае, так утверждает Ян Длугош; первый из его актов, изданных в Луцке, датирован 9 ноября 1443 г.). Поскольку главные сторонники Швитригайло поддержали Казимира, Альшенская группировка, возобладавшая в раде панов, его до поры не трогала. Только от обязанностей тракайского воеводы был еще в 1440 г. отстранен Пётр Лель и воеводой стал Иоанн Гаштольд. Когда в 1441 г. литовское войско заняло Смоленск, на должность наместника вернулся Андрей Сакович. Более всего рада панов стремилась ослабить опору Михаила в Мазовии. Этот Кейстутович, не отказавшийся от претензий на престол, искал поддержки Тевтонского ордена. Поскольку крестоносцы избегали вмешательства в литовские дела, Михаил обратился к вельможам Польши. Однако превращение Казимира в великого князя Литовского расстроило их ряды, поэтому сын Сигизмунда I не дождался единодушного согласия польского коронного совета. Тем временем рада панов занимала его позиции одну за другой. Главной из них была Жямайтия. Стремление жямайтов к автономии, жестко ограниченное Витовтом, сопровождалось симпатиями к Кейстутовичам. В 1441 г. жямайты, изгнав старосту Михаила Кезгайло и некоторых удельных тиунов, избрали старостой Довмонта, откровенно исполнявшего языческие обряды. Попытки Иоанна Гаштольда применить силу были отражены жямайтами. Рада панов стянула к Каунасу значительные войска, но вместе с тем пошла на переговоры. Одному изгнанному тиуну – Контовту – удалось найти со всеми общий язык, и он на время занял место старосты. Его переговорную миссию в сентябре 1441 г. продолжил присланный Казимиром Мантигайло. На рубеже 1441–1442 г. жямайты признали Казимира великим князем, а Вильнюс – их автономию. Казимир предоставил жямайтам привилегии с подтверждением их статуса, старосты и тиуны

стали выборными. Это не помешало /300/ Михаилу Кезгайло вскоре снова стать старостой. По инициативе рады панов, действовавшей от имени Казимира, были налажены добрые отношения с Тевтонским орденом. На исходе переговоров Вильнюса с жямайтами, крестоносцы окончательно отказались поддерживать Михаила.

Рада панов успешно применяла компромиссы и на русских землях. В начале 1441 г. она признала Олелко удельным киевским князем. Родня Владимира Ольгердовича вернула себе власть над этой землей, но покорилась Казимиру. Найти общий язык помогло породнение Олелко с Иоанном Гаштольдом. Наиболее гибко действовали в отношении Швитригайло. Самые упорные аннексионисты, сгруппировавшиеся вокруг Збигнева Олесницкого, еще надеялись отделить от Великого княжества Литовского Волынь, Брест, Кременец и всё Восточное Подолье, а Швитригайло считали наилучшим орудием для осуществления этих планов. Сам Швитригайло пользовался положением Ольгердова сына и поддерживал прямые связи в Владиславом III. Посетив короля летом 1441 г. в Буде, он получил в управление еще и Хелмскую землю, однако после завладения Волынью никаких гарантийных актов в благодарность за это Польше не представил. Неопределенная позиция Швитригайло какое-то время удовлетворяла раду панов Литвы, поскольку ей приходилось вести трудные переговоры с Польшей. Польские политики поддерживали старост, захвативших Подляшье, и стремились к установлению связей с Олелко; объединялись и активизировались сторонники Михаила Сигизмундовича. В ноябре 1441 г. в Парчеве собрались представители Литвы и Польши. Каждая из сторон требовала, чтобы была признана именно ее интерпретация власти Казимира на Литве. Поляки напомнили о правах Михаила на Тракайское княжество и настаивали, чтобы Подляшье отошло к Мазовии. Никто не хотел уступать, однако контакты продолжались. И это было главное: фактически брали верх программные постулаты Ольшанского съезда. Такое развитие событий наконец позволило раде панов сговориться со Швитригайло. Весной 1443 г. он признал верховенство Казимира, а Волыньское княжество было за ним оставлено пожизненно (единственный сын Швитригайло умер еще ребенком). В сравнении с другими восстановленными удельными княжествами, это был своеобразный апанаж, его правитель титуловался великим князем Литовским. Признание Швитригайло законным представителем династии и предоставление ему статуса бывшего государя привело к легализации его земель в составе Великого княжества Литовского.

Достигнутый компромисс со Швитригайло позволил раде панов Литвы направить все усилия против Мазовии, захватившей /301/ Подляшье, и ее постоянного подопечного Михаила (все три его жены были мазовецкими княжнами). В начале 1444 г. литовское войско вступило в Подляшье и Мазовию, затронув и принадлежащий Короне Луков. Литовцам помогали татары. Командовал войском Иоанн Гаштольд, однако номинальным командующим был объявлен следующий за армией великий князь. Прикрываться именем Казимира Ягайловича требовалось ввиду особой деликатности отношений с Польшей. Хотя мазовшане были лучше вооружены, все решил численный перевес литовцев и их боевой опыт, накопленный в тридцатых годах. Мазовецкий полководец Николай Повала и закаленный в битвах Михаил (его правая рука) не сумели оказать серьезное сопротивление. Литовцы заняли не только Дрогичин, но и Венгров. Польша реагировала болезненно, началась мобилизация. Мазовецкий князь Болеслав в августе месяце прибыл на специально созванный Петроковский съезд. Однако Владиславу III мешали затруднения в Венгрии, имели место и братские чувства к Казимиру. Всё это привело к тому, что в коронном совете возобладали идеи мирной дипломатии. При этом Збигнев Олесницкий горячо апеллировал к сентиментам Казимира как польского королевича. Литва также старалась не обострять положения, хотя некоторые ее вельможи недальновидно пытались воспользоваться добытым перевесом. Было решено признать Подляшье за Литвой в обмен на «мазовецкую» компенсацию (6000 пражских грошей).

Постоянное достижение правильно выбранных промежуточных целей позволило Ольшанской группировке возродить единство Великого княжества Литовского и упрочить ее

центральную власть. Иоанн Гаштольд еще более упрочил свое положение: после смерти в 1443 г. Иоанна Довгирда, он стал вильнюсским воеводой. С середины сороковых годов источники упоминают его как канцлера Великого княжества Литовского (эта должность традиционно совмещалась с постом вильнюсского воеводы). Ольшанская группировка сумела сделать раду панов жизнеспособной инстанцией в стране, еще не создавшей зрелую сословную структуру. Немаловажно, что малолетний августейший чужестранец обучился литовскому языку, усвоил литовские традиции, но главное – ему было привито самосознание литовского монарха (всю жизнь Казимир подчеркивал, что он является наследником и продолжателем дела своего великого дяди Витовта). Иоанн Гаштольд разумно сочетал свое влияние с растущими амбициями великого князя, прикрывал свои действия его именем, постепенно втягивая государя в процесс управления и осторожно направляя течение дел в желаемое русло. Это совершалось в условиях, когда ненависть сторонников Михаила разрасталась и становилась всё необузданнее. Про- /302/ изошло несколько покушений на жизнь молодого монарха. Самое опасное подготовили мелкие воложинские князья Сухты, подстерегавшие великого князя во время охоты, но Казимир был спасен вовремя подоспевшим Иоанном Гаштольдом. После передачи Литве Подляшья Михаил продолжал оставаться в Мазовии; поляки предоставили ему ренту и небольшое земельное владение. Литва неуклонно улучшала свое международное положение. Были возрождены дружеские отношения с Новгородом и Псковом, заключен союз с Молдавией. Весной 1444 г. Литва поддержала Новгород против угрожавшего ему Ливонского ордена. Зреющий конфликт остановило свидание Казимира с великим магистром Конрадом Эрлихсгаузенем в Скирснямуне 12 мая 1444 г. Было условлено, что 8 сентября представители Литвы и Ливонии встретятся на границе между Полоцком и Дюнабургом. В отношениях с Ливонией Литва всё увереннее брала инициативу в свои руки.

10 ноября 1444 г. близ Варны турки разбили венгерско-польскую армию; погиб Владислав III. Польский трон оказался свободен; Казимир был единственным оставшимся в живых Ягеллоном. Варненская катастрофа разделила Польшу и Венгрию, перечеркнула южное направление польской экспансии. Это означало, что ее давление будет перенесено на северо-восток. Литве угрожало то, что ее монарх будет призван на польский престол со всеми вытекающими последствиями, т. е. возобновлением Кревского договора. И /303/ у Михаила возникли новые претензии, нашедшие отклик в Польше. Некоторые ее политики теперь были склонны возродить не Кревский, а Гродненский договор 1432 г. Эти планы обсуждались в Польше в начале 1445 г. Из Новгорода Михаилу оказывал поддержку Юрий Лингвеньевич, которого кое-кто желал возвести в великие князья Литовские. Всё это осложняло обстановку, однако литовское государство уже консолидировалось, да и рада панов обрела ценнейший опыт и почувствовала твердую почву под ногами. Люди, предложившие Ольшанскую программу, и теперь отыскивали достойное политическое решение. Великодержавным наскокам польских политиков они противопоставили династические интересы Казимира: юный Ягеллон считал себя законным наследником отца и брата, а не выборным королем. Поскольку он был нужен польскому коронному совету для осуществления нового союза Литвы и Польши, свои аргументы с позицией Казимира должны были согласовывать поляки, а не наоборот. Тем самым Великое княжество Литовское предстало как династическая опора Ягеллонов в Польше, а Ягеллоны становились кровно заинтересованы в политическом существовании литовского государства. Всё это позволило как Казимиру, так и раде панов Литвы предъявить полякам свои условия.

Серадзийский сейм 23 апреля 1445 г. потребовал, чтобы Казимир прибыл в Польшу как регент, что знаменовало новую попытку присоединения Литвы. Эту же мысль настоятельно проводил Збигнев Олесницкий, летом того же года приславший письмо /304/ Вильнюсскому епископу Матфею. Подобные предложения не нашли отклика в Вильнюсе. Представители Литвы – Иоанн Немирович и Вильнюсский архидиакон Мартын – прибыли на польский сейм, созванный осенью в Петрокове, и потребовали признать Литву суверенной. Королева София желала выхлопотать польский трон для своего сына ценою

принятия любых литовских условий, пусть даже при ограниченном влиянии Польши. В октябре в Гродно прибыла высокая делегация польского сената (коронного совета), уполномоченная Серадзийским сеймом. В нее входили Гнезнийский архиепископ Винцент Кот, Краковский епископ Збигнев Олесницкий, краковский воевода Тенчинский, познаньский – Гурка, куявско-брестский – Иоанн из Лихина, воевода (Червонной) Руси – Пётр из Спровы, а также канцлер Иоанн Конецпольский. Делегация предложила Казимиру титул выборного польского короля, однако стать королем Польши на таких условиях Казимир отказался. Переговоры не были сорваны только благодаря посредничеству его матери, и великий князь пообещал прислать свой ответ 6 января 1446 г. после консультаций с панам Литвы.

Панам Литвы удалось увязать свое стремление к государственному суверенитету с мотивами вотчинной власти для Ягеллонов. Такой ход переговоров отдалял перспективу войны. 30 ноября 1445 г. в Вильнюсе был созван съезд панов (вальный сейм) Литвы, на который прибыли Швитригайло и Олелко. Швитригайло всецело поддержал суверенную политику, и такая позиция бывшего великого князя оказалась весьма впечатляющей. Литовские политики оценили создавшееся положение – Польша была истощена катастрофической Варненской кампанией, в Московии шла междоусобная война. Намеченная на 8 сентября 1445 г. встреча представителей Литвы и Ливонии состоялась с некоторым опозданием 15–20 сентября. К соглашению не пришли, но ощутимый перевес был на стороне Литвы: ливонцы поклялись не нарушать мира. Это усиливало позиции Литвы в Новгороде, и Юрий Лингвеньевич, при посредничестве великого магистра Тевтонского ордена, по- /305/ просил у Казимира позволения вернуться княжить в Мстиславль. Это позволяло – в ответ полякам – направить в январе 1446 г. своих представителей (каунасского старосту Судивоя Валимонтовича и секретаря Швитригайло Янушку) в Мариенбург с тайным предложением о заключении военного союза. В таких обстоятельствах прибывшая в Петроков литовская делегация во главе с двоюродным братом королевы Софии, друцким князем Василием Красным, заявила, что Казимир может прийти в Краков лишь как суверенный властитель Литвы и вотчинной Польши. Иначе говоря, Литва соглашалась с персональной унией двух суверенных стран. Литва не получила положительных ответов на свои предложения. Конрад Эрлихсгаузен уклонялся от военного союза, однако не отказывался поддерживать более тесные отношения. В июне 1446 г. представители Литвы и Тевтонского ордена встретились близ Юрбаркаса и обсудили вопросы о демаркации границ и торговле. Польша, пытавшаяся навязать свой взгляд на проблему, не прибегла к силовому давлению. Всё это объективно делало занятую Литвой позицию и ее намерения политической реальностью и отодвигало в прошлое Кревскую модель взаимоотношений. Перед политиками Польши встала дилемма: соглашаться с вотчинными претензиями Казимира на польский престол или идти на риск разрыва династических отношений с Ягеллонами и фактически самим отказаться от договора об унии с Великим княжеством Литовским. Победило последнее мнение. Збигнев Олесницкий предложил избрать королем Бранденбургского маркграфа Фридриха Гогенцоллерна. Радикализм Краковского епископа уменьшал число его сторонников, поэтому на Петроковском сейме 30 июня 1446 г. был принят более мягкий вариант: постановлено избрать королем мазовецкого князя Болеслава (даже Казимир сделал вид, будто не возражает). Подобным ходом руководители Польши нацеливались в самое уязвимое место династической политики Казимира, желая побудить его к большей сговорчивости. Естественно, это заставляло Ягеллона отказаться от вотчинных притязаний на Польшу и тем более подогревало его заинтересованность в опоре на независимую вотчинную Литву. Возможное избрание Болеслава повредило бы Казимиру и в Литве, ибо в таком случае мазовшанин оказал бы несомненную поддержку своему шурину Михаилу. В подобных условиях литовская и польская стороны договорились о встрече на высшем уровне. В сентябре 1446 г. поляки созвали сейм в Парчеве. Литовские паны вместе с Казимиром прибыли в Брест. Первое столкновение в войне нервов выиграла литовцы: при обоюдном нежелании следовать к месту переговоров первыми, поляки в конце

концов сдались, и в Бресте появилась их делегация с самыми широкими полномочиями. /306/

Тем не менее Брестские переговоры шли очень тяжело. Представители Польши упорно увязывали коронацию Казимира с подтверждением акта об унии. Подталкиваемый династическими интересами Литвы, Казимир волей-неволей должен был держать сторону литовцев. Рада панов юридически жестко сформулировала свою концепцию: в акте, который А. Левицкий датирует 1446 г., Казимир обозначил взаимные межгосударственные отношения как дружеские и равноправные, а государственные границы Литвы – как территорию времен Витовта Великого, т. е. включающую занятые поляками Ратно, Лопатин, Ветлу, Олеску и Западное Подолье (С. Роуэлл расценивает этот акт как более позднюю фиксацию решений Казимира и датирует его 1453 г.). На сей раз Польша была принуждена строить свою политику с расчетом на будущее и временно затушевать аннексионистские замыслы. Она удовлетворилась формулировкой о заключении «братского союза», как было отмечено 17 сентября в акте о согласии Казимира принять польскую корону. Этим актом Казимир также пообещал прибыть в Польшу до 24 июня 1447 г. и подтвердить привилегии обеим странам. Последнюю клаузулу каждая из сторон могла трактовать по-своему, но в ней таилась угроза усиления великодержавных притязаний Польши. Сам Казимир сохранял возможность лавирования между двумя берегами. 19 сентября польская делегация обнародовала грамоту, в которой объявила о согласии на то, чтобы местом резиденции общего монарха считались оба государства и он не был ограничен в выборе придворных.

Рада панов Литвы должна была примириться с тем, что Казимир становится и королем Польши, однако ей удалось очень много достигнуть: это вписывалось в строго юридические рамки персональной унии. Брестский компромисс стал вехой, оказавшей долговременное влияние на сложные литовско-польские взаимоотношения. Он не устранил сюзеренных претензий Польши, но превратил их в такую же отдаленную политическую цель, как и стремление Литвы к неограниченному суверенитету. Это означало, что взаимоотношения двух государств определялись не их правовым, а фактическим компонентом; тем самым декларирование неограниченного суверенитета Литвы становилось политической реальностью. Этапная задача программы Ольшанского съезда была решена. /307/

Отъезд Казимира в Польшу рада панов ознаменовала важным внутренним правовым актом. 2 мая 1447 г. Казимир предоставил дворянам страны новый привилегий (быть может, указанная в его тексте дата – 1457 г. – должна, как и ранее, отсылать указанный акт к записям, отразившим политическую ситуацию пятидесятых годов). Он значительно более детально обозначил их сословные права, а его редакция провозглашала ленный принцип – соглашение между государем и подданными. Две его клаузулы были направлены на защиту внешних интересов складывающегося дворянского сословия: великий князь обязывался беречь единство державы и не назначать чужестранцев на государственные должности.

25 июня 1447 г. в Кракове Казимир был объявлен королем Польши. Кревская ситуация больше не повторилась. Литовское общество обрело подлинные черты сословного устройства, и политики Польши уже не нашли в нем институционального вакуума. Великое княжество Литовское на персональную унию с Польшей шло, будучи защищено определенными правовыми актами и оформленными достижениями в развитии сословной структуры.

б. Отказ от русской политики Витовта Великого

Внутренняя война в Великом княжестве Литовском между Швитригайло и Сигизмундом I совпала с ожесточенной борьбой за Московский престол, начавшейся сразу после смерти Василия I (т. е. еще в 1425 г.). Внук Витовта Великого Василий II с весьма переменным успехом защищал свою власть от дяди Юрия, а также от его сыновей – Василия Косого и Дмитрия Шемяки. Благодаря московской смуте северо-восточная граница Великого

княжества Литовского оказалась безопасна. Сигизмунд I был склонен протезировать внучатому племяннику, однако не располагал силами для активного вмешательства в московские дела. Василия II поддерживал даже Иван Баба – сторонник Швитригайло, бежавший из Великого княжества и отличившийся при временном успехе сына Софии в 1436 г.

Рада панов от имени Казимира в 1440 г. заключила договоры о добрососедстве и свободной торговле с Новгородом и Псковом. 8 июня 1442 г. был возобновлен заключенный еще Сигизмундом I в 1437 г. военный союз с господарем Молдавии Ильей. Литва не сумела сохранить достигнутое Витовтом Великим влияние на рас- /308/ колотую Золотую Орду, однако она поддержала борющихся за независимость крымских татар и обрела дружелюбных соседей на южных границах. Сторонники Швитригайло, победившие в Крыму во второй половине 1433 г., до 1436 г. избавились от воздействия распавшейся Золотой Орды и пришедшей ей на смену Большой Орды. Благодаря междоусобице, последний из ее ханов – Улу-Мухаммед – двинулся на север и в 1437–1438 г. попытался утвердиться в Белеве, принадлежавшем Великому княжеству Литовскому. Литва сумела дать отпор, и тогда татары Улу-Мухаммеда пошли в Волго-Камское междуречье, где и обосновались в 1439 г. Вскоре здесь возникло Казанское ханство, что было чрезвычайно неудобно для Москвы. Тем временем поддержанный Литвою Хаджи-Гирей в 1438–1439 г. возвратился в Крым и с 1443 г. стал полноправным главой Крымского ханства. Так, не прилагая новых усилий к освоению татарских земель, поколение наследников Витовта Великого пользовалось его политическими наработками. И хотя Великое княжество Литовское отразило давление Большой Орды в тридцатых годах XV в. (в чем особенно отличился мценский староста Григорий Протасевич), его юго-восточные степные границы несколько стеснились.

Поначалу внутренняя война, а затем сложности во взаимоотношениях с Польшей заставляли литовских политиков как на своих русских землях, так и в целом на Руси искать путей наименьшего сопротивления, и эти поиски были достаточно плодотворными. Поэтому Литва осталась в стороне от важнейшей в международном плане Флорентийской Церковной унии между Западом и Востоком, заключенной в 1439 г. Власть Византийской империи стремилась укоренить ее, но не получила согласия своей Церкви и большинства граждан. Митрополит Руси Исидор поддержал унию, однако Василий II категорически отверг ее и в 1440 г. взял митрополита под стражу. В 1441 г. Василий II создал Исидору условия для побега в Великое княжество Литовское. Правда, и здесь господствовало мнение, далекое от воззрений Витовта. Казимир и рада панов в ту пору искали компромиссов с русским боярством и духовенством и потому не желали обострять отношения конфессиональными проблемами. Кроме того, следовало иметь в виду значение церкви в делах всей Руси. Литовское руководство не хотело расстаться с ролью католического форпоста; а прими Москва унию – и Литва бы утратила это свое значение. Поэтому митрополита Исидора не приняли как светские, так и духовные руководители Литвы. Они не возражали против возвышения ярого противника /309/ унии – Ионы, ставшего митрополитом в 1448 г.

Наибольшее внимание литовские политики уделили московским династическим спорам. Победа Василия II в 1436 г. несколько упрочила его положение, однако воспользоваться ее результатами не позволили набеги Казанских татар в конце тридцатых – первой половине сороковых годов. В 1445 г. соперники Василия II воспользовались этим и затеяли козни против него. К власти стремился Дмитрий Шемяка, союзник которого Иван (князь можайский) правил землей на самой литовской границе. Казанские татары поддержали Ивана и в начале 1445 г. разорили Вяземскую и Брянскую области. В ответ на это литовское войско несколькими отрядами под началом Судивоя, Радзивилла Остиковича, Андрея Саковича и Иоанна Немировича разорило Козельскую, Верейскую, Калужскую, Можайскую области, а также земли Тверского княжества, склонившегося на сторону Шемяки. Преследовавшие литовцев можайцы были разбиты, а у Твери отнят Ржев. За всеми этими событиями наблюдал из Смоленска Казимир. Однако в феврале 1446 г. Василий II был смещен и ослеплен, а престол занял Дмитрий Шемяка. Часть сторонников Василия II нашла

приют в Великом княжестве Литовском.

Смута, разыгравшаяся на Москве в середине сороковых годов, предоставила Литве удобный повод укрепить свое положение на Руси. Именно в эту пору многие предместья Новгорода были отданы во власть тиунов Казимира, некоторые волости платили ему подати. Однако Казимир, уже многое определявший в литовской политике, слабо использовал эти возможности, поскольку наибольшее внимание уделял отношениям с Польшей. Тут стали проявляться первые признаки несогласия Иоанна Гаштольда и его группировки с великим князем. Лидеры рады панов желали всесторонне использовать трудности Москвы, они не возлагали больших надежд на Василия II и противились упрочению его власти. Необходимость выбора назрела на рубеже 1446–1447 г., когда вся власть досталась Василию II (опять не без содействия /310/ Литвы: близ Углича пал боярин Юшка Драница). Дмитрий Шемяка и Иван Можайский еще не были окончательно добыты, и Литве стоило поддержать их. В начале 1448 г. Казимир, предвидя возвышение Ивана Можайского на Москве, заключил с ним договор о дружбе, однако Иван вскоре повздорил с Дмитрием Шемякой. Подмоги просили у Литвы и враги Василия II, поэтому внук Витовта в 1448 г. вел с ней переговоры; Вильнюс посещали его посланники. Весной 1448 г. посол Казимира, смоленский наместник Симеон Гедиголд, заявил в Москве, что юрисдикция противника унии – митрополита Ионы – признана православными епископствами Великого княжества Литовского. Казимир продолжал колебаться, но в том же 1448 г. решил не поддерживать врагов Василия II.

Действия Казимира в 1449 г. были скованы событиями в самой Литве. Ее южные границы были безопасны: добрососедство проявляли не только татары Крыма, но и Молдавия, с чьим новым господаром Стефаном Великим 25 июня 1447 г. был возобновлен военный союз. Однако Михаилу Сигизмундовичу зимой или весной 1449 г. удалось договориться с ханом Большой орды Сеид-Ахметом, который несколько ранее изгнал из Крыма Хаджи-Гирея. При поддержке Сеид-Ахмета Михаил летом 1449 г. занял Новгород-Северский, Киев, Стародуб и Брянск. Радзивилл Остикович выбил его оттуда (операцией номинально командовал Казимир, обеспечивший участие польского отряда). В августе 1449 г. удалось вернуть Хаджи-Гирея в Крым. Осуществлению именно этой кампании помог Василий II и поддерживавшие его казанские татары.

В целом Литве пригодилась поддержка внука Витовта Великого, однако возможность воспользоваться московской смутой была упущена. Поскольку бороться с соперниками за престол был вынужден как Казимир, так и Василий II, 31 августа 1449 г. их представители Герман и Степан Бородатый заключили долговременный союз, который разграничил сферы влияния обеих стран на Руси: Новгород и Псков были оставлены Москве, Тверь – Литве, а Рязань – самой себе (на практике это означало, что она предоставлена Москве). Литва отказалась от Ржева. Московская /311/ доля была очевидно больше, и по этому договору Казимир признавал свое отступление от Руси. Это был отказ от завоеваний Витовта Великого.

Уступки Казимира Москве, сделанные в трудный для нее момент, вызвали неудовольствие Иоанна Гаштольда и других членов рады панов. Казимир руководствовался своими династическими интересами, но тем самым он ориентировал на запад, в первую очередь – на Польшу, всю литовскую дипломатию. Объективно (т. е. подтверждено последующими событиями) такое направление наиболее отвечало возможностям Литвы и реальным политическим приоритетам. Однако, если исходить из требований момента, это означало утрату политического влияния на Руси, чего ни в коем случае не желала группировка Иоанна Гаштольда.

Казимир вовремя совершил «русский маневр». Воплотить замыслы Витовта было возможно лишь с помощью Польши и при значительном ослаблении Москвы. Ни на то, ни на другое надежды не было. Мощь Москвы возрастала, и противовес ей следовало искать на западе при одновременной интеграции уже поглощенных русских земель. Это Казимир и делал.

в. Утверждение состояния персональной унии

В династическом плане коронация Казимира 1447 г. повторяла Кревскую ситуацию 1385–1386 г., однако отличалась от нее по существу. Теперь общему монарху приходилось считаться не только с польскими, но и с литовскими сословными институтами. Дворянское (шляхетское) сословие Польши ощущало себя куда увереннее, чем во времена Ягайло, поэтому для польского короля был /312/ особо важен институт великого князя Литовского, воплощаемый им же. Казимир сознавал, что в обеих странах он непременно столкнется с аристократическими оппозициями, и умел обратить затруднение в преимущество, выступив в качестве арбитра между этими группировками. Он отлично понимал, что польская оппозиция для него опаснее, чем литовская. Последняя на рубеже сороковых-пятидесятых годов зримо проявляла себя лишь в экстремальных выходках сторонников Михаила Сигизмундовича. Михаил стал орудием Збигнева Олесницкого, направленным против рады панов Литвы.

Совпадение интересов Збигнева Олесницкого и Михаила заставило Казимира сразу направить свои усилия против могущественного Краковского епископа, фактически управлявшего Польшей до прихода младшего сына Ягайло. Конфликт между королем и виднейшим представителем духовенства вспыхнул еще в 1447 г. Казимир быстро сориентировался и обнаружил самые слабые стороны своего соперника. Дворянство ненавидело епископа за учиненную им расправу над польскими гуситами в 1439 г. У возвысившегося олигарха были неприятели и в среде духовенства. Папа в ту пору боролся с группой непокорных участников Базельского собора (только в 1449 г. было достигнуто соглашение, и единым для всех папой избран Николай V). В таких условиях Казимир мог опираться на личных врагов Збигнева Олесницкого и провозвестников гуманизма, уже обнаружившихся среди польской интеллигенции. Лидер последних Иоанн Остророг в то время уже вынашивал идею «Мемориала», выразившего мысль о независимости страны и написанного не позднее 1460 г. Борьбу со Збигневом Олесницким Казимир сочетал с постепенным устранением папского контроля при назначении духовных иерархов, что было поддержано как средним духовенством, так и светской знатью. Подобное положение позволило Казимиру избежать утверждения привилеев Польскому королевству (а тем самым, и присоединения Литвы к Польше) на Петроковском и Люблинском дворянских съездах, состоявшихся в августе 1447 г. и в мае 1448 г. В этом последнем участвовала делегация Литвы (епископ Матфей, Иоанн Гаштольд, Иоанн Монвидович, Петр Монтигирдович, Юрий Ольшанский, Юрий Лингвеньевич). Ей пришлось отменить требование Збигнева Олесницкого о полном присоединении Великого княжества Литовского к Польскому королевству. На Петроковском съезде 1449 г. Казимир уже уверенно выставил условие об утверждении привилеев королевству, указав при этом, что затруднительные для Литвы требования полякам следует согласовать с ней самой. На исходе сороковых годов влияние Краковского епископа было достаточно ограничено. Позиции рады панов Литвы заметно укрепились. /313/

Сеид-Ахмет еще поддерживал Михаила Сигизмундовича, но для последнего, после принятия Казимиром польской короны, уже не осталось места в Мазовии. Зимой 1449–1450 г. и в августе 1450 г. он предпринял набеги на юго-восточные окраины Великого княжества Литовского, но они уже ничего не решали. На исходе 1450 г. Михаил попал в руки казанцев, союзников Василия II, и оказался в Москве. Ему не оставалось ничего иного, как рассчитывать на покровительство сына своей двоюродной сестры. Призвав на помощь сторонников Михаила в Литве, Збигнев Олесницкий оказывал давление на Казимира с тем, чтобы тот предоставил сыну Сигизмунда I апанаж, аналогичный данному князю Швитригайло. Весной и в начале лета 1451 г. этот вопрос обсуждался Польским коронным

советом и радой панов Литвы; надо полагать, что нужные связи устанавливал и Симеон Олелкович (Олелькович), посещавший в том же году Москву. Однако в июле месяце Казимир уже был в силах категорически отвергнуть все ухищрения заступников Михаила. В начале 1452 г. Михаил Сигизмундович был отравлен. Не выяснено, кто это сделал, однако было очевидно, что устранена сильная личность, мешавшая как Казимиру и группировке Иоанна Гаштольда, так и Василию II, явно бравшему верх над Дмитрием Шемякой и не желавшему из-за своего двоюродного дяди портить отношения с великим князем Литовским. Збигнев Олесницкий лишился еще одной опоры.

В 1451 г. политическое значение Михаила таяло по мере того, как предпринимались попытки решить вопрос о будущем наследстве Швитригайло – Волыни. Эта земля стала подлинным яблоком политического раздора между Литвой и Польшей, – проблемой, которая была важна сама по себе и заодно проясняла позицию общего монарха. Здоровье последнего из сыновей Ольгерда слабело, и было ясно, что близится решающее столкновение. Польский коронный совет опирался на записи Сигизмунда I, рада панов Литвы – на историческую традицию и фактическое положение. Произшедший в начале 1451 г. съезд высшей литовской знати, на котором было определено продолжить переговоры с Польшей, оценил /314/ и всю ситуацию вокруг Волыни. В 1451 г. самочувствие Швитригайло резко ухудшилось, это случилось как раз накануне сентябрьского съезда в Парчеве, на котором встретились делегации Литвы и Польши (по 12 представителей). Обе стороны были разгневаны; Иоанн Гаштольд в последний момент остался в Бресте, других литовских делегатов пришлось прикрывать самому Казимиру. Кульминацией стал юридический спор между Вильнюсским и Краковским епископами, в ходе которого Матфей предъявил оппоненту достойные логические аргументы. Договориться не удалось. Между тем, ближе к концу 1451 г., на Волынь отправилось литовское воинское соединение под командой Радзивилла Остиковича, Юрия Ольшанского, брацлавского старосты Юрши и пинского князя Юрия. Эти действия были согласованы со Швитригайло. В Луцке уже несколько месяцев жил уполномоченный рада панов, конюший великого князя Григорий Волович, заботившийся о том, чтобы самые важные административные должности на Волыни заняли верные Литве люди. Поляки уже в 1451 г. потребовали от Казимира присоединить Волынь к Польше, в Луцк был направлен их наблюдатель. Волынская знать, собравшаяся в начале 1452 г., пребывала в неуверенности, но рада панов удалось склонить ее на свою сторону предоставлением привилегий о местной автономии. Привилегий волынцам касался замещение важнейших областных должностей и осуществления местного права. Швитригайло заставил волынских вельмож присягнуть на верность Великому княжеству Литовскому. 10 февраля 1452 г., когда в замках Волыни расположились сторонники Литвы и литовские воины, Швитригайло умер. Почти одновременный уход Михаила Сигизмундовича и Швитригайло устранил серьезные препятствия как для рада панов, так и для самого Казимира.

И великий князь, и рада панов осознавали все преимущества союза, столь необходимого для них в тот момент. Поэтому расхождения относительно русской политики не затмевали приоритета – политики польской. Хотя влияние Збигнева Олесницкого ослабевало, опасность со стороны Польши оставалась главной политической проблемой для Литовского государства. Уже в конце февраля 1452 г. в Польше возникли планы военных действий для завоевания Волыни. Наибольшее напряжение вызвал Сандомирский съезд, в марте 1452 г. огласивший идею детронизации Казимира. Казимиру удалось опередить своих противников при помощи великопольских вельмож. Петроковский съезд, созванный Збигневом Олесницким и краковским воеводой Яном Тенчинским в мае месяце, провалился. На сей раз Волынь ускользнула от Польши, но возможности лавирования в Польше для Казимира заметно уменьшились. /315/

В таких обстоятельствах на рубеже августа и сентября 1452 г. на польский Серадзский съезд явились представители Литвы Андрей Довойно и Михаил Монтовтович, которые на угрозы ответили угрозами. Соглашение вновь не было достигнуто, но теперь перед радой панов Литвы открылась куда более грустная политическая перспектива.

Династические притязания Ягеллонов, которые воплощала личность Казимира и которые прозорливая группировка Иоанна Гаштольда до поры использовала в качестве литовского политического орудия, превратились в обособленный политический фактор. Этот фактор расколол единый фронт польской аристократии, но и оказался вне контроля рады панов Литвы. С начала пятидесятых годов в странах, управляемых Ягеллонами, наблюдалось непростое распределение политических сил. Как в Польше, так и в Литве вокруг монарха сплотились выдвинутые им люди, а влияние лагерей Иоанна Гаштольда и Збигнева Олесницкого постоянно слабело, что вызывало неминуемую взаимную конфронтацию этих лагерей.

На Серадзийском съезде Польскому коронному совету удалось вырвать у Казимира тайное обещание – подтвердить привилеи Польскому королевству. Политика Ольшанского съезда, до той поры осуществляемая вполне успешно, испытала первый серьезный удар. /316/ Группировка Иоанна Гаштольда болезненно реагировала на действия Казимира и склонялась к выдвижению нового великого князя. Эти планы не получили завершения, названный кандидатом Радзивилл Остикович слабо выглядел в качестве антимонарха, не было прояснено отношение к Казимиру (устранять его окончательно или позволить претендовать на роль субмонарха в Литве). Однако против Польши были предприняты определенные шаги: в начале 1453 г. Радзивилл отправился к Сеид-Ахмету, чтобы уговорить его направить силы на Червонную Русь, откуда исходила наибольшая опасность для Волыни. Это был рискованный шаг, ибо реакцию бывших союзников Михаила Сигизмундовича мало кто мог предсказать. Дезавуировать миссию Радзивилла Казимиру помог его верный соратник Хаджи-Гирей. Он изгнал Сеид-Ахмета, а Радзивилл попал в руки крымских татар и позднее, когда обстоятельства переменились, был отпущен. В этом случае Иоанна Гаштольда не поддержал Вильнюсский епископ Матфей, однако ядро Ольшанской группировки все же решилось на конфликт с государем. Весной 1453 г, когда Казимир находился в Литве, люди Иоанна Гаштольда начали силой устранять поляков, сопровождавших великого князя. Во время стычки был ранен даже сам монарх. В мае месяце умер епископ Матфей, авторитет которого удерживал от крайних мер как Казимира, так и Иоанна Гаштольда. И все-таки действия литовцев произвели впечатление на Казимира. Он уже не мог до конца примириться с Иоанном Гаштольдом, однако стал четко разделять личные и государственные интересы. Ягеллон опирался на лично приверженных ему дворян, с учетом настроений всей рады панов, заставлявшей его решительнее обращаться с поляками.

Казимиру удалось вывести на первые роли польские и литовские группировки, желавшие определенного компромисса. Однако между этими двумя лагерями связей не было. Компромисс они понимали лишь как достижение собственных целей при помощи гибких, а не самых крайних мер. В таких условиях было условлено встретиться в Парчеве, и это случилось в июне 1453 г. Обе стороны явились на встречу вооруженными. Литовская делегация, как и в других случаях, остановилась в Бресте. В Парчев были направлены ее представители: Андрей Сакович, Иоанн Немирович, Онач, князя Юрий Ольшанский и Борис. Радикальные настроения вновь взяли верх над здравомыслием. Разглагольствования Збигнева Олесницкого в конце концов возмутили литовцев. Когда поляки предложили передать спор на рассмотрение арбитража папы и Германского императора, в ответ они получили издевательский совет – обратиться к татарскому хану. Литовские представители покинули Парчев. Некоторые литовские паны демонстративно отказались от /317/ полученных в Городле польских гербов, и этот шаг позднейшая литовская историческая традиция представила как массовое возвращение городельских гербов.

Со стороны казалось: сын Ягайло угодил в тупик, созданный нескончаемым спором подвластных ему стран; он не в состоянии навязать компромиссные решения их сословным институтам и стоит перед лицом неизбежного вооруженного конфликта. Однако, по сути, в этот тупик угодили радикальные фланги государственных институтов, вышедшие из-под монаршего контроля. Казимир отвоевал пространство для действий в обеих странах и с

успехом пользовался им в династической политике, обусловленной особенностями этого пространства и своего двора. Череда бесплодных переговоров привела к тому, что у властителя появилась возможность самому принимать компромиссные решения и навязывать их обеим сторонам. 30 июня 1453 г. Казимир утвердил привилеи Польскому королевству, но в своем акте ни словом не обмолвился о какой бы то ни было зависимости Великого княжества Литовского. Этот акт частично удовлетворил обе стороны, снизил градус их противостояния и тем самым погасил напряженность. Конфликт Литвы и Польши был отодвинут в сферу словесных, а не реальных битв. Фактически Казимир осуществил политическую программу Ольшанской группировки, следуя при этом своим династическим, а не литовским государственным интересам. По существу оказался подтвержден статус персональной унии.

Великое княжество Литовское уже полтора десятка лет существовало в условиях мира. Оживилась внутренняя колонизация, начавшаяся еще в последние десятилетия правления Витовта Великого. Вильнюс утверждался как самоуправляемый город. Кярнаве, сожженная в конце XIV в., уже не смогла восстановиться, но ее заменили ставшие городами Тракай и Каунас, в особенности последний, расположившийся у слияния Немана и Нярис (Вилии). Он все более зримо превращался в растущий торговый узел Литвы и Пруссии. Множились дороги и мосты, усилилось движение по ним, разрасталась сеть трактиров, таможи начали приносить все больше дохода. Паны не забывали и о себе: в первые годы правления Казимира их земельные владения заметно расширились. Выросла прослойка феодальной элиты, отлично понимавшей свои сословные и политические цели и занявшей важнейшие позиции в государственной структуре. Интрига Лавра Зарембы в таком государстве и обществе уже не могла быть повторена. /318/

2. Ограниченность европейской политики

Ход событий в Европе позволял Литве приобщиться к цивилизации этого ареала только через Польшу. Этим определялось оживление и углубление отношений с Польшей в каждом из десятилетий XV в., независимо от политических баталий по поводу литовского суверенитета. Южно-русские торговые пути, контролируемые великим княжеством Литовским, привлекали внимание польских городов – преимущественно Львова и Кракова. Поляки и немцы из Польши появились в Вильнюсе и Бресте. Особенно тесно были связаны с Польшей церковная организация Литвы и ее школы. Однако все эти связи слабо влияли на экономику. Между тем, Рига и города Пруссии (Данциг, Торунь, Эльблонг, Кенигсберг, Клайпеда) все активнее торговали с Литвой. Однако возрастающая польская гегемония не позволяла радикально развивать политические отношения с Тевтонским орденом и Ливонией, столь нужные Литве как противовес политическим притязаниям Польши. Скирснямунский договор так и не был возобновлен. Со смертью Альберта II оборвались установленные Витовтом Великим связи Литвы и Германской империи. Отчасти причиной тому был шаг Ольшанской группировки, перенесшей вопрос о суверенитете Литвы из области военного соперничества в сферу политических дебатов, что заметно ослабило прямую угрозу польской экспансии. Всё это превращало региональную государственную политику Литвы в локальную, однако позволяло на этих позициях руководствоваться своими, а не польскими интересами. Правда, подобные политические приоритеты носили характер сиюминутности, а не широкой перспективы.

Раде панов Литвы удалось достичь того, что умершего в 1453 г. Вильнюсского епископа Матфея сменил местный человек – Николай Дзержович из Шальчининкай. Это уже был немалый успех, определивший соответствующий порядок назначения епископов как государственных сановников Литвы.

Величайшее из достигнутых завоеваний – мир на северо-западных границах Великого

княжества Литовского. Открылся путь для немецких купцов и колонистов в литовские земли. Это не было осуществлением государственной программы колонизации, к которой когда-то обращался Гедимин, однако уже в начале XV в. в Каунасе обосновалась немецкая община, вскоре выросло число немецких ремесленников в Вильнюсе, а ганзейская торговля охватила бассейны Немана, Нярис и Нарева. Вопросы регулирования свободной торговли, во времена Витовта Великого бывшие лишь дополнением к политическим соглашениям, в середине XV в. стали одной из важнейших проблем, обсуждаемых в Вильнюсе и Мариен- /319/ бурге. По традиции эти проблемы затрагивались монархами лишь декларативно, без погружения в рутинную практику местных администраций и городских самоуправлений. Города Пруссии налагали на прибывающих в страну литовских купцов все предусмотренные для таких случаев ограничения, а юное самоуправление городов Литвы еще не умело ответить тем же. Поэтому в первой трети XV в. отношения литовских и немецких купцов не были равноправными, а позднее ганзейцы вспоминали о временах Витовта Великого как о золотом веке. Приблизительно около середины XV в. города Вильнюс и Каунас разрослись настолько, что стали теснить своих немецких конкурентов. К тому времени последние успели уже утвердиться на развивающемся рынке Литвы; в Каунасе были учреждена ганзейская купеческая контора. С ростом объема и оборота торговли в городах Литвы стал возникать слой зажиточных купцов, способный бороться с организованной ганзейской конкуренцией. Как и в Пруссии, тут стало систематически применяться складовое (штапельное) право, не позволявшее пришлым купцам заниматься розничной торговлей с местными потребителями. Положение литовских купцов внутри страны стало понемногу выправляться, хотя еще всю вторую половину XV в. немецкие купцы сохраняли активно атакующую роль. Забота о собственных купцах заставила власти обеих стран вникать в вопросы торговли, особенно это заметно с третьей четверти XV в.

Пабайская битва изменила взаимоотношения Великого княжества Литовского и Ливонского ордена. В Пруссии литовская государственная администрация, – вслед за крестьянами, пришедшими осваивать опустевшее порубежье, – столкнулась с надежной пограничной стражей крестоносцев и сумела овладеть лишь отрезком Юрбаркас – Скирснямуне в низовьях Немана. В начале 1448 г. был заключен мирный договор между великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом. Для слабого Ливонского ордена вести подобные молчаливые приграничные баталии было куда сложнее. Литовская реколонизация отодвигала на север установленную в 1426 г. границу, а Литовское государство не только не избегало связанных с этим конфликтов, но – напротив – было склонно их провоцировать. Конечно, Литва не хотела войны, ибо все ее внимание было приковано к Польше, однако инициатива на переговорах о границе находи- /320/ лась в ее руках. Ливонский орден, хорошо понимая ситуацию, затягивал эти переговоры: впустую прошли встречи представителей в 1446 и 1447 г., не осуществились контакты, намеченные на 1448 и 1451 г. И все же граница с Ливонским орденом понемногу «отступала» (за исключением небольшой полоски Куронского епископства близ Жямайтии, из всех ливонских владений с Литвой граничил лишь Орден).

Единственным стимулом для литовской политики подняться вместе с немецкими колониями до регионального уровня – было стремление втянуть Тевтонский орден в союз против Польши. Однако руководство крестоносцев этого избегало – после чувствительных поражений тридцатых годов. В августе 1453 г. великий магистр Конрад Эрлихсгаузен отклонил подобное предложение перед лицом конфликта из-за Волыни, спровоцированного радой панов. Положение Тевтонского ордена осложнялось недовольством его подданных. Города и дворянство Пруссии пыталось избавиться от надзора строгой военной корпорации и ожидало гарантирования своих сословных привилегий от Польской монархии, чей зерновой и сырьевой экспорт в середине XV в. был неотделим от благосостояния прусских городов. Учрежденный в 1440 г. союз дворян и горожан Пруссии восстал против Тевтонского ордена в начале февраля 1454 г. Представители союза по прибытии в Польшу попросили короля о покровительстве. 6 марта 1454 г. Казимир издал акт о присоединении

Пруссии, одновременно предоставивший ее сословиям широкую автономию. Началась война между Польшей и Тевтонским орденом.

Эта т. н. тринадцатилетняя война настигла Великое княжество Литовское сразу после отражения новой попытки Польши захватить Волинь: осенью 1453 г. был разоблачен заговор видных волинских сановников, стремившихся передать край полякам. В начале ноября того же года собрание литовской знати постановило объявить призыв дворян на воинскую службу и ввело военный налог. Вмешательство в восстание прусских сословий отвлекло внимание поляков и сразу ослабило опасность поглощения Польшей Литовского государства. Тем самым перспектива государственных взаимоотношений Литвы и Польши еще более отодвинулась в область туманного будущего, а это было на пользу Литве, ибо помогало укорениться политике, избранной Ольшанским съездом, и всем производным этой политики. Сама война между – Тевтонским орденом и Польшей поначалу, казалось бы, не представляла для последней большой опасности и сложности. Большинство городов Пруссии активно поддерживало Польшу, крестоносцы потеряли значительную часть замков, орденская казна опустела. Всё это не побуждало Польшу искать помощи у Литвы. На Брестском съезде /321/ литовской знати, состоявшемся в апреле 1454 г., Казимир и представители Польши просили только о том, чтобы через Жямайтию и Пруссию не были пропущены войска Ливонского ордена. Литва эту просьбу удовлетворила. Исполнить ее было нетрудно: жямайты не желали видеть на своей земле ненавистных крестоносцев.

Легкая (на первый взгляд) для Польши война затягивалась. Тевтонские наемники, пусть малочисленные, вскоре доказали свое превосходство над призывным польским шляхетским войском. 18 сентября 1454 г. Казимир проиграл большой бой у Коница (среди личных охранников короля были люди из Литвы, с чьих слов пошла долгая анекдотическая традиция о надоевшем литовцам Держиславе Ритвянском, каштеляне из Роспши, а также легенды о геральдике отдельных дворянских родов). Литва получила неожиданную передышку в своих запутанных отношениях с Польшей. В этой ситуации становились все более явными политические возможности Великого княжества Литовского и умение его правящей элиты ими воспользоваться. Затянувшаяся война между двумя западными соседями стала удобным поводом использовать их затруднения и получить от этого максимальную выгоду. Наименее рискованно было поддержать Польшу и отторгнуть земли у обреченного Тевтонского ордена. Так рассуждал и действовал староста Жямайтии Ян Кезгайло: воспользовавшись восстанием Клайпеды против крестоносцев, он в 1455 г. по собственной инициативе ее занял. Эту инициативу большинство рады панов не поддержало, поскольку для небогатого края содержание призывного гарнизона в захваченном замке становилось тяжкой ношей. Прибывшие из Кенигсберга 200 ливонских воинов в ноябре 1455 г. выбили жямайтов из Клайпеды в тот момент, когда Данциг уже выслал корабли с продовольствием для них. Часть рады панов, державшая сторону Иоанна Гаштольда, была склонна воспользоваться затруднениями Польши и отнять Западное Подолье и утраченный кусок Западной Волини (Олеску, Лопатин, Ратно). В этом случае пришлось бы выступить не только против польских инстанций, но и против самого Казимира. Решался вопрос не просто о приоритетах внешней политики, но о самом направлении развития государства. В конце 1454 г. умер князь Олелко. Его старшего сына Симеона Казимир признал не Киевским князем, а лишь наместником. Симеон Олелкович был женат на сестре Иоанна Гаштольда. Породнившийся со знатнейшей православной ветвью Гедиминовичей, Иоанн Гаштольд пытался настроить панов на союз с оставшимися удельными князьями, тем более, что специально для этого создавалась опора: в Новгород-Северской земле были выделены владения для бежавшего из Московского княжества Ивана Можайского и Василия, сына Дмитрия Шемяки. Подобное развитие событий /322/ грозило созданием олигархии, состоящей не только из панов, но и вновь набирающих силу удельных князей, а также могущественных сановников. Тем более, что сторонники Иоанна Гаштольда, задумавшие выдвинуть нового великого князя, кандидатом избрали Симеона Олелковича. Фактически Иоанн Гаштольд очутился в позиции, с которой стартовал Швитригайло, и тем самым зачеркнул свои же собственные завоевания,

достигнутые выполнением программы Ольшанского съезда. Между тем, старинный соратник Швитригайло Иоанн Монвидович поддержал семью Кезгайло, стоявшую на стороне Казимира. Рада панов Литвы, как и любая олигархическая структура, умела отыскивать решения в экстремальных ситуациях, однако не успевала увязывать свои действия с новыми факторами. Деятельность на Руси и на русских землях самого Великого княжества была случайной, а инициатива жямайтов всегда доставалась воле стихий. Тринадцатилетнюю войну Литва встретила без единой и целенаправленной политики.

Группировка Гаштольдов-Олелковичей скопировала маневр Сеид-Ахмета, уже однажды провалившийся. В начале 1455 г. хан ворвался в юго-восточные земли Великого княжества Литовского. Казимир вновь обратился к Хаджи-Гирею. Повторился сценарий 1453 г., только на сей раз разгромленный Сеид-Ахмет повернул не в степи, а на Киев, где его принял Симеон Олелкович. Татары утвердились в самом Киевском замке. В конце зимы 1455 г. Казимир уже был в Литве, где собралась верная ему часть рады панов. По его повелению из Польши в Киев отправилось соединение под началом русского воеводы Андрея Одровонжа. Поляков поддержал их ставленник в Молдавии Петр. Они взяли Киев, а Сеид-Ахмет с сыновьями попал в неволю.

Хотя Казимир опирался на польское войско, однако действовал как монарх Литвы. Вскоре Сеид-Ахмет был привезен – в Литву и заключен в Вильнюсе (позднее – в Каунасе). Ягеллон избегал крайностей, поэтому стремился договориться с группировкой Гаштольдов-Олелковичей, хорошо понимая, что расправа над ними вызовет только новые конфликты. Иоанн Гаштольд сохранил свои /323/ должности. Симеон Олелкович остался киевским наместником, однако лишь пожизненно. Удельным князьям не было позволено обрести прежнюю силу. В 1455 г. умер Збигнев Олесницкий, и радикальные силы в Польше, как и в Литве, заметно ослабли.

Отпор, данный оппонентам в Польше и Литве в 1455 г., позволил Казимиру некоторое время уделять всё внимание войне с Тевтонским орденом. Литва держалась вооруженного нейтралитета, выгодного Польше. К этому ее подталкивал Казимир еще в начале 1454 г., когда на западном пограничье (в конце 1453 г.) были размещены призывные гарнизоны. Конечно, войско вскоре пришлось распустить, но положение государства даже после событий бурного 1455 г. осталось неизменным. Жямайты в 1458 г. помогли Данцигской флотилии блокировать Клайпеду, Ян Кезгайло нарушил сообщение между Каунасом и Кенигсбергом. Ливония была изолирована от Пруссии, и это Тевтонский орден особо болезненно ощутил в 1459 г. Династическая позиция Казимира была защищена. Рада панов все-таки обнаружила некий политический приоритет для Литвы: и далее сохранять дружественную Польше политику на Балтике, усиливая давление в Западном Подолье. Осенью 1456 г. в Ленчице представители рады панов Николай Немирович и Евстафий категорически потребовали вернуть Западное Подолье и обеспечить постоянное пребывание Казимира в Литве. Казимир реагировал вяло, и тогда вновь возродилась идея сделать великим князем Симеона Олелковича. Епископ Николай, семья Кезгайло, Иоанн Монвидович и далее поддерживали Казимира. Эту группировку вскоре пополнил Олехно (Александр) Судимонтович. В конце ноября 1456 г. Казимир отправился в Вильнюс (вместе с ним впервые была великая княгиня Елизавета Габсбург). /324/ В декабре на съезде литовской знати монарх попытался расправиться с Иоанном Гаштольдом, однако вновь был вынужден отступить. Раде панов было обещано возобновить привилегии Великому княжеству, а Иоанн Гаштольд подкуплен щедрым пожалованием земель близ Жасляй. Рада панов Литвы все успешнее осваивала науку повторения требований польской знати.

Казимир осознал, что борьба с Тевтонским орденом прежде всего была войной денег, и направил это оружие крестоносцев против них самих. Получая дотации и ссуды от богатых городов Пруссии, он стал перекупать «контрактные» гарнизоны орденских замков. Перевес Польши становился все заметнее, но конца войне не было видно. Германская империя была не в силах спасти свой форпост, хотя ее высшая дипломатия и помогла крестоносцам. Войну против Тевтонского ордена папа Римский по традиции расценил как союз с мятежниками

против церковной военной корпорации. В 1457 г. Казимир был отлучен от церкви. Против непопулярной войны восстала оппозиция в Малой Польше. Польские затруднения несколько усиливали анемичную политику Литвы: эпицентр тяжести из области дебатов о государственном существовании и суверенитете переместился в сферу пограничных споров. И хотя в 1458 г. умер Иоанн Гаштольд, давление на Польшу в связи с Западным Подолем не прекратилось. Воспользовавшись победой Казимира над малополяками на Петроковском съезде в сентябре 1459 г., рада панов в 1460 г. вновь выдвинула этот вопрос и даже начала подготовку к военным действиям. На Вильнюсском съезде весной 1461 г. Казимиру удалось отразить возобновившиеся попытки выдвинуть Симеона Олелковича наместником и субмонархом. Действуя подобным образом, рада панов Литвы обеспечивала определенную перспективу. Дело в том, что польское влияние склонялось в сторону Крыма (генуэзская колония Кафа в июле 1462 г. признала верховенство Польши), упрочились польские позиции в Молдавии, в прямое подчинение королевству (с пресечением одной из мазовецких княжеских ветвей) попал Белз. Всем этим Польша затягивала петлю вокруг южных границ Великого княжества Литовского. Поэтому в конце лета 1462 г. староста Брацлава Михаил Чарторыский на Южном Буге уничтожил соединение польских наемников, следовавшее в Крым. В 1463 г. претензии на Западное Подолье были возобновлены в категорической форме. Теперь тактика затягивания переговоров понадобилась Польше, истощенной войной. В Литву прибыл калишский воевода Остророг и великий маршалок Ян Ритвянский. Переговоры то назначались, то откладывались. В это время поляки предложили Литве завоевать земли Скалвы (Скалови) и Надрувы (Надровии), а сам Тевтонский орден переселить в Западное Подолье. Рада панов от- /325/ давала себе отчет, что это значит для Литвы – атаковать такие приграничные замки крестоносцев, как Мемель (Клайпеда), Тильзит (Тильже) или Рогнит (Рагайне). Литва отказалась воевать, а Польше вновь удалось избежать переговоров о Западном Подолье. Жямайты вплоть до самого окончания тринадцатилетней войны зорко стерегли свои границы (в феврале 1466 г. они уничтожили отряд ливонцев, попытавшийся проникнуть в Пруссию). Силы Тевтонского ордена иссякали, и 19 октября 1466 г. был заключен Торуньский мир. Западная Пруссия и Вармия с богатыми городами, мощнейшими замками (в их числе – с Мариенбургом), с землями, добротнo возделанными руками немецких колонистов, – отходили к Польскому королевству. Ордену осталась лишь восточная часть его территории, населенная самбами, колонизованная мазовшанами, литовцами и куршами и не имеющая (за исключением Кенигсберга) крупных городов. И на этой части Тевтонский орден должен был признать верховенство Польши.

Торуньский мир пресек даже иллюзорные связи Германской империи с Тевтонским орденом. Польский сюзеренитет простерся по взморью до Клайпеды, а в сфере теоретических притязаний – даже на земли Ливонского ордена. Самыми важными, естественно, были политические и экономические последствия войны. Польша овладела устьем Вислы и немецкими городами, более богатыми, чем сама польская столица. Ее зерновой экспорт, приобретший особую интенсивность как раз в середине XV в., теперь мог развиваться через собственные порты. Польская политическая гегемония в восточной части Центральной Европы окончательно утвердилась.

Великое княжество Литовское после Торуньского мира утратило возможность грозить Польше и требовать Западное Подолье. И все-таки оно осталось в выигрыше: спор с Польшей о суверенитете Литвы перестал быть приоритетной проблемой. Польские политики увидели преимущества фактического положения; таким образом, юридическое оформление гегемонии стало для них желаемой, но не ближайшей перспективой. Развитие событий оправдало шаг Ольшанской группировки и подтвердило политическую линию властителя, избранного благодаря этой группировке. Торуньский мир был заключен на исходе жизни первого поколения литовцев, не видевших войны в своем краю и получивших надежду на то, что войны не увидят и их дети. У Литвы возникла возможность подключиться к жизни Европы в качестве государства, однако ее политическое общение с европейскими странами продолжала контролировать Польша.

Это произошло в тот момент, когда в 1458 г. в Чехии и Венгрии представителей крупных европейских династий сменили ставлен- /326/ ники среднего национального дворянства Георгий Подебрад и Матфей Гуниади, а османы завоевали (1453 г.) Византийскую империю. Над восточной частью Центральной Европы нависла серьезная исламская опасность с юга, которую, правда, на некоторое время сдержала победа Венгрии при Белграде 1456 г. Великое княжество Литовское обеспечило себе государственное существование в этом регионе, но активной роли не приобрело. Фактически был осуществлен минимум политической программы, намеченной Витовтом Великим. Это произошло на исходе жизни первого поколения его потомков.

д. Окончательный уход Литвы из Руси

Уже в начале шестидесятых годов XV в., накануне победы Польши в тринадцатилетней войне, Казимир возвысился как могущественнейший монарх восточной части Центральной Европы. Его успех в Пруссии и установление определенного равновесия между Литвой и Польшей совпали с затруднениями Георгия Подебрада в Чехии. В 1462 г. папа Пий II аннулировал Пражские компактаты, а в 1465 г. чешская знать объединилась против короля в т. н. Зеленогорский союз. Этим был окончательно подорван проект соглашения европейских властителей, предложенный Георгием Подебрадом в 1464 г. и направленный на упрочение политической стабильности и укрепление зарождающихся национальных монархий Центральной Европы перед лицом Римской курии и растущих притязаний династии Габсбургов. Зеленогорский союз не желал сильной королевской власти, но и не ориентировался на Германию. Это заставляло его искать опору в национальных монархиях Польши и Венгрии, а также при дворах династий, ставших таковыми. Перед Казимиром открылась возможность занять чешский престол, однако поддерживать Зеленогорский союз он не торопился. Ягеллон верно оценивал реальное положение и не хотел, расплываясь между многими целями, повторять ошибки своего старшего брата.

Все описанные события усиливали династическое положение Казимира на западе, однако при этом занимали всё его внимание. Литве этого внимания доставалось ровно столько, сколько требовалось государю, чтобы удержать власть в ней. А поскольку внимание рады панов было поглощено отношениями с Польшей, русская политика Литвы была совершенно заброшена. Между тем, в Московском княжестве завершилась внутренняя смута, и соотношение сил на пространствах Руси стало резко меняться.

Василий II чутко воспринимал перемены в политике Литвы и /327/ ловко ими пользовался. В нарушение договора 1449 г. Тверь в 1454 г. была принуждена совершенно покориться Москве. В 1456 г. под полный контроль Москвы попала Рязань. В том же году Василий II совершил нападение на Новгород. Новгородцы не получили от Литвы никакой поддержки, лишь по собственной инициативе на их стороне сражался зять Дмитрия Шемяки Александр Чарторыйский. Москва навязала Новгороду Яжелбицкий договор, укрепивший зависимость от нее. Формально государственность Новгорода не была затронута, и сторонники пролитовской ориентации не были ликвидированы. Василий II старался сохранить видимость соблюдения договора от 1449 г. Пассивное поведение Казимира по отношению к Руси внешне оправдывали две застарелые иллюзии. Одна из них – еще не стершийся образ прежней литовской мощи. Византийский историк Лаоник Халкокондил, замечательно описавший восток Центральной Европы, определил литовцев как воинственный и могучий народ. Вторая иллюзия – сюзеренитет татарских ханов на русских землях. Завершая объединение Руси, московские князья все еще его признавали. Таким образом, Литва оглядывалась в прошлое, а Москва – смотрела в будущее.

Исчезновение литовского влияния на просторах Руси совпало с усилением центральной администрации в самом Великом княжестве Литовском. Тем самым между русскими землями, принадлежащими Литовскому государству, и независимыми русскими

княжествами замаячила перспектива не только политического размежевания. Желая сохранить литовское влияние на Руси, часть знати стремилась обеспечить за элитой удельных княжеств имеющиеся владения по обе стороны государственной границы Литвы. Поскольку со второй половины пятидесятих годов подобные возможности стали заметно сужаться, поведение этой элитной группы становилось все менее предсказуемым. В ту пору она еще мешала Москве, но очень скоро всё могло диаметрально перемениться. Предвидел это Казимир или нет, но он явно не желал жертвовать своей династической политикой, которая определялась его положением в Польше. Однако та же династическая политика заставляла его оглядываться на действия Римской курии, а это так или иначе реанимировало вопрос о церковной унии. Часть литовской православной элиты надеялась благодаря ей улучшить свое положение. Весьма благожелательно воспринимала унию рада панов, которую раздражала всё более активная деятельность Московского митрополита. Уже в 1456–1457 г. предпринимались попытки обзавестись независимым от Москвы митрополитом. На рубеже лета и осени 1458 г. это было исполнено: при согласии Рима в митрополиты Киевские был возведен униат Григорий. Ему подчинилась часть православных епископов Великого княжества Литовского, протестанты Московского митрополита Ионы были отвергнуты. Эти события вызвали отклик и за пределами Литовского государства. В марте 1458 г. Иона, избранный новым архиепископом Новгородским, не спешил признавать духовную власть Московского митрополита. Возвышение Григория совпало с прибытием новгородского посольства в Литву. Новгородцы просили назначить князя в некоторые предместья; им стал Юрий Острогский. Это вселяло надежду, что Новгородский архиепископ подчинится церковной юрисдикции Киевского митрополита. Однако никакой поддержки из Литвы ее сторонники в Новгороде не получили. В январе 1459 г. Новгородский архиепископ принял посвящение от Московского митрополита, а в августе того же года Юрий Острогский покинул Новгородскую землю. В конце 1459 г. митрополит Иона созвал в Москве церковный собор с целью осуждения Киевского митрополита Григория. Из Великого княжества Литовского перебежал в Москву Черниговский епископ, однако на московский собор не явились Новгородский архиепископ и Тверской епископ. Эти колебания лишь подчеркивали разделение церковных юрисдикций, происходящее рядом с государственной границей Литвы. В целом, Киевская митрополия утвердилась в Великом княжестве Литовском. Если в начале XV в. о ней пекся великий князь, то в третьей четверти века это стало заботой православной элиты Литвы. Своей склонностью к унии эта элита противопоставила себя и Константинополю, патриарх которого в 1458 г. окончательно разорвал связи с Римом. Однако взгляд на унию не был в Литве однозначным. Ее не желали Олелковичи и Юрий Ольшанский. Они даже признали Иону Московского. Осенью 1459 г. в Литву прибыл папский легат Николай Ягупиччи, после чего Брестский собор, состоявшийся весной 1460 г., окончательно утвердил Григория митрополитом. Однако Смоленский и Брянский епископы подчинились Московскому митрополиту.

Размывание литовских политических связей на русских землях за пределами Литовского государства было лишь одним из явлений, предпривших обособленное развитие русских земель Великого княжества Литовского. Боярство этих земель, достаточно слабое, сумело выделить собственную элиту, на которую опирались государственные наместники. Она была вовлечена в нарождающиеся сословные структуры. Православные духовные должности эта элита считала полем исключительно своей деятельности. Киевская митрополия, от кого бы они ни зависела – от Рима или Константинополя, – была наилучшим гарантом такого состояния. С момента назначения Григория уже не бывало властных пустот, требовавших возобновления православной митрополии Великого княжества Литовского. В 1468 г. Григорий отказался подчиняться Риму и получил посвящение Константинополя. Исходя из традиций русской Церкви, следует признать его превосходство над Ионой Московским, не имевшим подобного посвящения. Быть может, Григорий лелеял мечту распространить свои прерогативы на все русские земли. Однако в конкретных

условиях всё решали не посвящения, но реальное покровительство со стороны светских владык. Вопрос об унии, как и об отношениях с Константинополем, становился многоплановым, ибо в ту пору Святой престол налаживал связи с Московскими государями и даже начал питать надежды на большее. При таких обстоятельствах идея унии получала всё больший отклик именно в среде русской боярской элиты. Одним из виднейших представителей этого направления стала семья Солтанов. Придворный Казимира Александр Солтан по время поездки в Иерусалим (1467–1469 г.) летом 1468 г. посетил папу Павла II. В 1471 г. он и его брат Иоанн прибыли в Рим к папе Сиксту IV. Вопросами унии занимался орден бернардинцев, получивший благоприятствование в Литве.

Встроенность русской боярской элиты в литовскую государственную службу ослабляла ее связи с удельными князьями. Этим пользовалась центральная власть. В начале 1471 г., по смерти Симеона Олелковича (3 декабря 1470 г.), киевским наместником был назначен не его брат Михаил, но сын Иоанна Гаштольда Мартын. Мартыну Гаштольд пришлось сломить сопротивление киевской знати и занять свой пост силой. Однако спустя семь лет посетивший Киев венецианский посол Каспар Контарини свидетельствовал о панибратских отношениях нового наместника и русского боярства /330/ из его окружения. Сам Мартын женился на православной дочери Юрия Ольшанского Марии. Деятельность бернардинцев и другие факторы вскоре начали давать результаты: в католичество стали переходить представители русских боярских семей, возвысившихся на государевой службе. Такими, к примеру, были Иван Сапега, Иван Ильинич. Великий князь и католическое большинство рады панов откровенно давили на православную Церковь, ограничивая строительство новых храмов. Реакция на это русской феодальной элиты была неоднозначной. В княжеской среде зрело раздражение, боярская элита склонялась к церковной унии. Связи с русскими землями по обе стороны литовской государственной границы заметно ослабли, а сословная ориентация русских бояр на литовскую правовую систему возросла. Это совпало с переменами общегосударственного масштаба, а наибольшее отражение нашло в изменениях состава рады панов. Ее большинство составило новое поколение, многие представители которого возвысились благодаря личным успехам на государевой службе.

Эти процессы были важны для будущего развития, однако в ту пору они лишь сопутствовали прекращению литовских политических связей на Руси. Политически инертная Литва не смогла оценить перемен и в татарском мире. Великое княжество Литовское возлагало главные надежды на традиционный союз с Крымским ханством, а разногласия между ним и Большой Ордой считала отголосками маловажных политических манипуляций. Признаваемый русскими землями сюзеренитет татарских ханов со времен Витовта Великого был чистой иллюзией, ибо искавший в Литве убежища Тохтамыш отказался от дани, наложенной на эти русские земли. В 1461 г. Хаджи-Гирей издал грамоту, «поручающую» великому князю Литовскому не только подвластные татарам русские земли, но и Новгород. Однако по мере усиления Москвы татарская власть на Руси неуклонно слабела. Для Казимира она была противовесом, уравнивающим его бездеятельность; теперь же сходил на нет и этот фактор. Литва укрепляла связи с Большой Ордой, расценивая их как дополнение к добрым отношениям с Крымом. А на самом деле создавалась предпосылка для ухудшения этих отношений. Хаджи-Гирей еще придерживался традиционно дружественной позиции. В 1465 г. папскому посланнику Людовику Бононскому он обещал выступить против турок, если против них выступит Казимир. Мнение последнего по этому вопросу в 1463 г. пытались выяснить Пий II и Венецианская республика, но всё осталось на стадии планов (поляки лишь помогли молдаванам отобрать Килию у турецких подручных). Никто не мешал Турции, как и Москве, распространять свое влияние на территориях, для Литвы жизненно важных. Силы Польши и Венгрии были разоб- /331/ щены, ибо Матфей Гуниади стал главным препятствием для династической политики Казимира. Между тем, новый (с 1462 г.) великий князь Московский Иоанн III на рубеже шестидесятых-семидесятых годов нашел общий язык с могущественным в Крыму Ширинским родом. Это оказало большое влияние на дальнейшие события.

Иоанн III, подчеркивая строгое соблюдение им договора от 1449 г., в конце 1462 г. или в 1463 г. предложил Казимиру возобновить его. Понимая истинный смысл этого предложения, Казимир ответил отказом, однако литовские интересы на Руси так и оставил в забвении. По мере резкого усиления Московского великого княжества Новгород становился местом, где четко проявлялись итоги этого процесса. В начале ноября 1470 г. умер Новгородский архиепископ Иона, пытавшийся лавировать между Киевским и Московским митрополитами. Архиепископом был избран несомненный сторонник Москвы Феофил. За неделю перед этим в Новгород прибыл Михаил Олелкович. Сторонники Москвы захватили духовные, а Литвы – светские позиции во власти. Последние группировались вокруг сыновей покойного посадника Исаака Борецкого и руководившей ими энергичной матери, известной в истории под именем Марфы-Посадницы. Феофил отбыл в Москву за митрополичьим благословением, а Новгородское вече не только возвысило Михаила Олелковича, но вдобавок потребовало признать сюзереном не великого московского, а великого литовского князя. В литературе до сей поры спорят, действовал ли Михаил Олелкович по собственной инициативе или по указанию Казимира, поэтому не раскрыта роль последнего в новгородских событиях 1470–1471 г. Однако ясно, что прибывший в Литву в последние дни 1470 г. Казимир решил не назначать Михаила Олелковича наместником киевским. Михаил остался в Новгороде. Зимой 1470–1471 г. московский посол в Большой Орде Григорий Волнин столкнулся с агентом Литвы, татарин Киреем. Кирей был посланником литовской власти, но остается неясным, кто конкретно уполномочил его – некие сановники или сам великий князь. Казимир пробыл в Литве до поздней весны 1471 г., проверяя состояние замков на северо-восточном пограничье. Новгородцы весной 1471 г. составили договор о военном союзе Литвы и Новгорода, но вряд ли Казимир его утвердил. Надо учитывать и то, что польская знать отказалась материально поддержать Казимира, южные земли Великого княжества Литовского были разорены Крымскими татарами, а 22 марта 1471 г. умер Георгий Подебрад. Его смерть меняла всю династи- /332/ ческую ситуацию в Центральной Европе. Даже если Казимир одобрял действия новгородцев, весной 1471 г. уже не мог уделять им внимание. Пусть с опозданием, на устранение из Киева отреагировал Михаил Олелкович: 15 марта 1471 г. он покинул Новгород. Славная русская республика была отдана воле великого князя Московского. Долго ждать не пришлось: летом 1471 г. в нее вторглось московское войско. Накануне 61-ой годовщины Грюнвальдской битвы совершилось кровавое погребение русской политики Витовта Великого: новгородцы были 14 июля жестоко разгромлены у реки Шелонь. Коростенским договором Иоанн III продиктовал им свои условия. Государственность Новгорода формально еще сохранялась, однако он был объявлен вотчиной великого князя Московского, а его иностранная политика поставлена под жесткий контроль.

Литовские войска не пострадали при Шелони, однако на берегах этой реки были окончательно похоронены останки литовского влияния на Руси. Теперь уже не Литва решала вопрос о сроках и характере присоединения оставшихся московских протекторатов – Новгорода, Пскова, Твери и Рязани. Таков был очевидный результат династической политики Казимира. По сути, эта очевидность прикрывала куда более глубокий процесс – неостановимое объединение Руси, превращение ее в Россию. Великое княжество Литовское, сконцентрировав свои усилия на востоке, могло бы на несколько десятилетий замедлить этот процесс, но всё равно не сумело бы его остановить. При Шелони нашло могилу развитие политики Витовта Великого, но не ее суть. Эта политика рассматривала экспансию на востоке лишь одним из средств, необходимых для упрочения положения Литвы в Европе. Не менее важной задачей было устранение немецкой и польской опасностей, а также установление связей со странами Центральной Европы и структурное вращение Литвы в их регион. Углубляя размежевание между русскими землями, управляемыми Литвой и не подвластными ей, династическая политика Казимира волей-неволей способствовала такому вращению. И эти сдвиги (с трудом осознаваемые современниками, да и самим Ягеллоном), как показало недалекое будущее, сполна окупали утраченное Литвой по ту сторону ее

восточной границы.

В начале 1472 г. Святой престол предпринял конкретные шаги для привлечения Московского великого княжества к Церковной унии. Для Иоанна III это был лишь маневр с целью расширить международные связи и взять в жены опекаемую папами Софию Палеолог, племянницу последнего Византийского императора Константина XI. Этот маневр получил определенный отклик в русских землях Великого княжества Литовского. Унионистские симпатии боярской элиты были поддержаны князьями: они не желали уступить Москве такую инициативу. В начале 1473 г. большая группа /333/ мирян и духовных лиц обратилась к папе с просьбой об объединении Церквей. Просьба была повторена в 1475 г. и еще раз возобновлена в марте 1477 г. при выборах нового Киевского митрополита Мисаила (возможно, акты 1473, 1475 и 1477 г. являются позднее скомпилированными фальсификатами, более зримо выражавшими чаяния и деяния той поры). К папе Сиксту IV отправилась многочисленная делегация под началом Михаила Олелковича. Однако Римская курия инициативу не поддержала: и для Москвы, и для Литвы эти попытки мало значили в смысле создания широкой антитурецкой коалиции, поэтому о них вскоре забыли. Временное одобрение унии православными князьями было лишь одним из многих шагов для сохранения ситуации. Ничего не выгадав, они вновь встали в оппозицию к унии. Ее, как и ранее, не одобрял Константинопольский патриарх Рафаил. В 1476 г. он назначил Киевским митрополитом противника унии – тверского монаха Спиридона. Весной 1477 г. Спиридон явился в Великом княжестве Литовском; кое-кто его поддержал. Вмешалась рада панов: он был заключен под стражу (позднее, уже будучи на Руси, он прославился своими полемическими сочинениями). Унию одобряли Киевский митрополит Мисаил, архимандрит Киево-Печерской лавры Иоанн, архимандрит Вильнюсского Свято-Троицкого монастыря Макарий. Всё отчетливее проявлялся боярский характер одобрения унии. Позиции православных князей заметно слабели. Эти перемены лишь упрочивали структуру Литовского государства.

Однако растущая мощь соседней Москвы начала оказывать влияние на взаимоотношения татарских ханств. Во второй половине шестидесятых годов уже не Казань нападала на Москву, но Москва – на Казань. По смерти (1466 г.) Хаджи-Гирея борьба между его сыновьями втянула в свой водоворот и московскую дипломатию, однозначно враждебную Большой Орде. Литовская дипломатия охотилась за двумя зайцами. В 1467 г. был возобновлен союз с временно победившим в Крыму Нур-Давлетом, который в конце 1467 г. или в начале 1468 г. повторил вслед за Тохтамышем и Хаджи-Гиреем «дарения» русских земель Литве. Однако уже в июле 1468 г. власть при поддержке Кафы захватил Менгли-Гирей. Могущественный Ширинский клан с ним не считался и явно склонялся на сторону Москвы. Тем временем дипломатическая деятельность Литвы обратилась на Большую Орду, брат хана которой Ахмет в 1469 г. разорил Киевскую, Волынскую и Подольскую земли. Казимира посетил посланник Ахмета. В 1471 г. успешно завершилась упомянутая уже миссия Кирея, совпавшая с началом трагических событий в Новгороде. Однако использованию этих возможностей опять же помешали династические интересы Казимира (ему удалось заполучить чешский трон для своего старшего /334/ сына Владислава, и это вовлекло его в войну с Матфеем Гуниади). Когда в 1472 г. Ахмет совершил нападение на Москву, помощь ему не была оказана. Хотя Иоанн III и после этого признавал верховенство татар, но дань стал выплачивать нерегулярно. Прежний литовский политический багаж еще обладал некоторым весом. 27 июля 1472 г. Казимир в Кракове подтвердил старый договор о союзе с Крымом. Еще в том же году тракайский воевода Богдан Сакович и секретарь великого князя Иван Федорович дополнили его от литовской стороны. Однако уже в 1473 г. агент Иоанна III, кафский еврей Ходжа-Кокос, убедил могущественного Ширин-Мамака и самого Менгли-Гирея в том, что союз Литвы с Большой Ордой направлен не столько против Москвы, сколько против Крыма. В конце 1473 г. в Москву прибыл официальный крымский посол, Ази-Баба, а в марте 1474 г. в Крым – московский посол Никита Беклемишев. Находившемуся в то время в Крыму литовскому

посланнику Ивану Глинскому удалось расстроить антилитовский союз, но Ширины летом 1474 г. разорили южные земли Великого княжества Литовского. Между тем, в 1475 г. враги Менгли-Гирея попросили Турцию о помощи. Менгли-Гирей обратился к Литве и Польше, изображающим союзниц; в Киев к Мартыну Гаштольду прибыл Кафский епископ. Рада панов, желавшая помочь Менгли-Гирею, избегала идти на риск войны с турками без помощи Польши. Польские политики одобряли такую позицию, но воевать в Крыму не хотели. Вот так, с трудом, литовско-польскую конфронтацию на юге меняли возникшие взаимные интересы. А турки уже напали на Крым. Кафа пала 6 июня 1475 г. В плен попал Менгли-Гирей. Крымское ханство было вынуждено признать главенство Турции, ханом стал брат Нур-Давлета и Менгли-Гирея Айдар. Бурные события в Крыму шли одно за другим. В 1477 г. Крым захватила Большая Орда, хан Ахмет посадил там своим вассалом представителя Азовских улусов Джанибека. В 1478 г. к власти вернулся Нур-Давлет, его поддержал Айдар. Они уже начали совместные действия против Литвы. Мартыну Гаштольду удалось разбить их и взять в плен. Это позволило на рубеже 1478–1479 г. одержать верх Менгли-Гирею, вернувшемуся из Турции. Менгли-Гирей окончательно утвердил свою власть, однако сохранял преданность своему османскому сюзерену. Литве это не обещало ничего хорошего.

Наилучшим образом эти перемены оценил Иоанн III, которому уже никто не мешал. В конце 1477 г. московское войско подступило к Новгороду. В начале 1478 г. Марфа-Посадница и другие видные новгородские бояре были схвачены и высланы, а символ свобод Новгородской республики – вечевой колокол – сорван. Славная русская республика была окончательно присоединена к Московскому великому княжеству. Русь практически оказалась объе- /335/ динена. Отношения между Москвой и Вильнюсом совершенно переменились,

В конце 1473 г. или в начале 1474 г. москвитяне затронули Любутск (в связи с этим осенью 1474 г. Москву посетили Богдан Сакович и Василий Любич, а весной 1475 г. Вильнюс – Василий Китай и Мансуров). После завоевания Новгорода Москвой Литва перестала получать платежи с новгородских пригородов, по традиции считавшихся кондоминиумом (Ржев, Великие Луки и др.). Иоанн III выразился в том смысле, что Смоленск, Полоцк и Витебск являются его вотчиной. Приграничные вылазки москвитян стали будничной реальностью. На расширенном собрании рады панов (март-апрель 1478 г.) в Бресте Казимир обсудил создавшееся положение. Было решено готовиться к войне, при этом обнаружилось значительное расхождение в политических приоритетах монарха и рады панов. Паны требовали назначить для Великого княжества Литовского субмонарха. Это была, хотя бы отчасти, новая идея: кандидатами предлагались сыновья самого Казимира – Казимир или Иоанн-Альбрехт. Казимир-отец видел в этом (или делал вид, будто видит) повторение судеб Радзивилла Остиковича и Михаила Олелковича. Возник и призрак дележа власти между Ягайло и Витовтом. Всё это затушевало разумную новизну предложения рады панов, ибо реминисценции были связаны с соперничеством, а именно его паны желали избежать и полагали, что найден достойный компромисс (оба государева сына были наиболее вероятными его преемниками: Казимира он продвигал на Венгерский трон, Иоанн-Альбрехт позднее унаследовал Польшу). Поскольку Казимир не пошел навстречу литовцам, те не стали потворствовать ему. Литва отказалась помочь Польше в борьбе против Матфея Гуниади. А непокорного Польше великого магистра Тевтонского ордена Мартина Трухзеса епископ Вильнюсский Иоанн еще в 1478 г. заверил, что Литва не станет воевать с Орденом.

Брестское собрание выявило политический конфликт между династическими приоритетами Казимира и государственными интересами Литвы, выражаемыми радой панов. Для него это был отрицательный баланс. Труднее говорить о положительном балансе, хотя наблюдался и он. В шестидесятых-семидесятых годах раду панов сформировала Ольшанская группировка и поколение, сменившее ее ровесников. Это были Вильнюсский епископ Иоанн Ласович (1468–1481), Богдан Сакович, Олехно Судимонтович, секретарь епископа Мартын,

вильнюсский воевода Михаил Кезгайло. К ним примыкали Иоанн Нарбут и Радзивилл Остикович. Эти люди были чужды православной элите. Они поддерживали Казимира, но эту поддержку обусловили не его династические комбинации, а раздаваемые должности, т. е. структуры Литовского государства. Они сумели сохранить преемственность наиболее ценных политических принципов Ольшанской группировки. Именно они стремились использовать русскую политику в интересах Литовского государства, а не само государство ставить на службу русской политике. Они неплохо выучились методам локальной политики, и об этом свидетельствуют отношения Литвы с Ливонией. В 1473 г. в Курцуме представители обеих сторон под началом тракайского воеводы Радзивилла Остиковича и маршала Ливонского ордена Конрада Бергенроде уточнили литовско-ливонскую границу. От Швянтойи до Сидарбе (в бывшей Западной Земгалии) осталась граница 1426 г., а далее на востоке Литве удалось ее немного отодвинуть к северу. На Брестской встрече согласия не было, но это не стало причиной конфликта. Отход на второй план ярых польских гегемонистов и удельных литовских князей уменьшил напряжение между Литвой и Польшей. Литва получила передышку на юге, а Казимиру удалось направить энергию Польши на ее запад и юг. Это направление потребовало от Польши многих усилий; события воздвигали одно препятствие за другим. Конфликт с Матфеем Гуниади мешал политике Святого престола, и в 1478 г. Казимир вновь был отлучен от церкви. Литва осталась в стороне, в битвах Казимира с венграми участвовало лишь небольшое число людей, служивших лично великому князю.

Однако была и иная сторона польско-венгерского конфликта. Не только этот конфликт мешал направить силы Центральной Европы против турок. Матфей Гуниади установил связи с Московским великим княжеством, стремясь охватить враждебным кольцом государства, управляемые Ягеллонами. А это еще более усиливало нарастающую московскую опасность для Великого княжества Литовского. В то самое время, когда Литва утрачивала свое влияние в Крыму, ее южные границы оказались в сфере османской экспансии. Требовалась особенно энергичная, а вместе с тем гибкая политика: следовало зорко охранять свои границы, проводить диверсии на московском пограничье, быстро реагировать на любое изменение в татарских ханствах. Исполнить все это было невозможно без слаженной работы рады панов под целенаправленным руководством великого князя, а для Казимира это были задачи далеко не первой важности. Его наезды в Литву были лишь политическими экспромтами.

В октябре 1479 г. Казимир принудил к повиновению Тевтонский орден. В конце того же года он отбыл в Литву, желая посвятить себя ее делам. Активные объединительные усилия Иоанна III восстановили против него собственных братьев – угличского князя Андрея Старшего и волоколамского князя Бориса. Они просили о помощи хана Ахмета и через новгородцев завязывали отношения с Литвой. Напуганный близким соседством Москвы, присоединившей Новгород, Ливонский орден был склонен поддержать Литву. В мае 1480 г. магистр ордена Борк отправил в Вильнюс комтуров Дюнабурга и Кулдиги с предложением военного союза. Псковским послам удалось уговорить раду панов Литвы не спешить с этим шагом; акция ливонцев, в целом выгодная Литве, была провалена. Однако к войне понемногу готовились. Князьям Андрею Старшему и Борису было разрешено отправить в Витебск свои семьи. Казимир надеялся привлечь наемных польских конных латников. Самое главное: были попытки координации действий с ханом Ахметом, чьего старшинства не признавал Иоанн III. Это сделали посланники обеих сторон – Тахир и Стрет. Летом 1480 г. Ахмет со всеми своими воинами подошел к Алексину на границе Великого княжества Литовского. Уже на литовской территории местные проводники препроводили его через Любутск к Воротынску. Здесь он дождался подхода литовских войск, однако они не появились, ибо уже в мае месяце пришла весть о турецких передвижениях у Днестра, т. е. у южных границ Литвы и Польши. Исключительное внимание Казимир направил туда. Рада панов бросила всё на произвол судьбы, уверовав в победу Ахмета. В начале осени Ахмет двинулся на московские земли и попытался перейти Угру. Иоанн III уже успел замирился со

своими братьями и хорошо укрепить подступы к Угре. Вместе с тем он весьма туманно стал намекать Ахмету на возможность возобновить выплату дани. Ожидание истощило татар, и переход Угры не удался. В таких обстоятельствах Ахмету пришлось поверить откровенно пустым обещаниям будущей дани. Он решил не рисковать и в ноябре двинулся назад.

Не состоялась еще одна попытка Литвы воевать чужими руками. Но цена даже такой попытки была болезненно высока. Еще в начале 1479 г. между Москвой и Крымом возобновились переговоры, в 1480 г. приведшие к заключению союза. Крым еще лавировал или только изображал это: в начале 1480 г. в Вильнюс прибыл посланник Менгли-Гирея Ази-Баба. Встреченный довольно холодно, он назвал установленный ханом срок – сентябрь 1480 г., после чего, в случае неполучения ясного ответа, Менгли-Гирей будет считать себя свободным принять московские предложения. Тем временем в Крыму действовал посланник Иоанна III Иван Звенец. Лагерь Олелковичей требовал союза с Ахметом; Казимир медлил. Рада панов наконец решилась действовать, и в сентябре из Вильнюса в Крым отбыло посольство под началом Ивана Глинского. Но было уже поздно. Живших на воле в Киеве, пленных Нур-Давлета и Айдара переманили в Москву; Иоанн III обещал не отпускать их в Крым. Менгли-Гирей сделал окончательный выбор в пользу Москвы. В том же сентябре крымские татары разорили южные земли Великого княжества Литовского. Их войско, возвращаясь с добычей, встретилось по пути в Крым с Иваном Глинским (с ним вместе ехал и Ази-Баба). Пользуясь желанием Литвы наладить добрые отношения с Крымом, Менгли-Гирей разыграл комедию «недопонимания», ставшую на долгое время верным орудием крымской дипломатии. На сей раз 15 октября был возобновлен союз Литвы и Крыма. Теперь уже Крым мог выбирать наиболее выгодного союзника, ибо как Москва, так и Литва опасались его, и обеим он был нужен. А политика Литвы в отношении татар – ловля двух зайцев – в 1480 г. окончательно провалилась. Хотя Москва сразу не избавилась от выплаты дани, но решающий шаг к устранению татарского сюзеренитета был сделан, и впечатление от него действительно позволило расценить «стояние на Угре» как завершающий этап освобождения Руси. Важен был сам момент: тотчас после возвращения из этого похода на Ахмета напали ногаи, и он погиб в бою. Большая Орда еще существовала, но название уже не соответствовало ее истинной мощи. Татары окончательно раскололись, и лишь Крымское ханство, подвластное туркам, осталось грозной силой. 1480 год показал, что Великое княжество Литовское является прекрасным полем для набегов, а союз с Москвой крымчанам очень выгоден.

Летом 1480 г. Мартын Гаштольд из киевских наместников был возведен в тракайские воеводы. Наместником в Киеве стал преданный Казимиру и возвысившийся на его службе, командир литовских дружин в польском войске, русский боярин Иван Ходкевич. Эти должностные перестановки наглядно свидетельствовали о консолидации высшей литовской элиты, о нахождении *modus vivendi* между ней и династией Ягеллонов, а также о стойкой ориентации русских бояр на литовскую государственность. Для политических замыслов православных князей уже не осталось места. Не сыграв должной роли в установлении Церковной унии, не сумев направить литовскую политику на зоркую охрану отдельных владений по обе стороны государственной границы, утратив завоеванные прежним поколением позиции в раде панов, – они теперь пытались повысить свое значение яркой защитой православной Церкви. Подобная позиция толкала их в объятия Москвы. В 1479 г. Михаил Олелкович был посредником между Иоанном III и молдавским господарем Стефаном Великим в заключении брака дочери последнего Елены и сына московского государя – Иоанна. После Мисаила Киевским митрополитом весной 1480 г. стал выходец из бояр Симеон. Константинопольский патриарх утвердил его в июне 1481 г. Михаил Олелкович и его сторонники окончательно переориентировались на Москву. Теперь уже он стремился стать великим князем Литовским под предлогом защиты православия. Князья организовали заговор с целью свержения и убийства Казимира, но он /339/ был раскрыт и ликвидирован весной 1481 г. Федору Бельскому удалось бежать в Москву. Михаил Олелкович и Иван Ольшанский (сын Юрия) были судимы и 30 августа 1481 казнены. Суд

над заговорщиками со всей очевидностью продемонстрировал силовой расклад в Великом княжестве Литовском. Судил их канцлер и вильнюсский воевода Олехно Судимонтович (выдавший дочь Анну за брата Ивана Ольшанского Александра) и маршалок, он же тракайский воевода, Мартын Гаштольд (женатый на сестре Иоанна Ольшанского Анне). Жестокий приговор свидетельствовал о сделанном выборе. Примечательно то, что сыновья осужденных Юрий Ольшанский и Симеон Олелкович вскоре отличились как активные защитники государственных границ Литвы.

В восьмидесятые годы XV в. Литовское государство вступило, утратив всё свое влияние на Руси. Однако наряду с этим оно достигло компромиссной стабильности в персональной унии с Польшей, в нем обозначились возможности государственной интеграции русского боярства. Оно сохранило необходимый минимум заинтересованности в себе у крепнущей династии Ягеллонов. Это были скромные результаты, но и возможности их достижения были скромны. Литовская монархия все-таки решила сложные задачи политического и социального развития. Великое княжество Литовское, бывшее сращением различных этносов и конфессий, ступило на путь формирования единого сословного общества. Это было чрезвычайно важно, ибо лишь такое общество могло устоять перед давлением Польши и получить от нее поддержку в борьбе против набирающей силу Русской державы. Уход из пространства Руси был необходимым условием для всего этого, и он был совершен.

е. Возникновение реальной русской угрозы

На 45-м году правления стареющего Казимира исполнился век с тех пор, как его отец сделал решительный шаг, развернувший Литву в сторону латинского Запада. За эти сто лет Литва необратимо сроднилась с Западом. А поскольку далее на восток простирались иные – византийская и исламская – цивилизации, Литве досталась роль бастиона западной цивилизации. Наследники Витовта Великого понемногу утрачивали его наступательную позицию. В 1480–1481 г. события по меньшей мере выровняли позиционный баланс (если не склонили его на севере в пользу Москвы, объединившей православную Русь, а на юге – в пользу мусульманского Крыма, за которым стояла могущественная Турция). В письмах Менгли-Гирею Иоанн III еще кланялся долу («бил челом» – форма обращения вассала), однако всем было ясно, что Московское великое княжество намного опаснее для Литвы, чем Крымское ханство. Спустя три столетия вновь менялись роли в театре мудрой Клио: отплатив Руси за препятствование в историческом развитии захватом половины ее территории, Литва ожидала теперь предъявления счета за этот захват. Правда, положение было несколько иным по сравнению с временами наследников Нетимера или Ярослава Мудрого: историческая конъюнктура за эти три упомянутых столетия сделала Литву значительным государством. Однако и этой значительности могло не хватить для сдерживания объединенной Руси. Представляющее ее Московское великое княжество было более населенным, чем Литовское государство, а безжалостная борьба против татарского ига создала хорошо организованную военную монархию с деспотической властью, которая чрезвычайно эффективно распорядилась этим потенциалом. У восточных границ Великого княжества Литовского вырос неприятельский колосс.

В татарском мире у Литвы не было иного выхода, как лишь опираться на сыновей погибшего Ахмета – Муртозу и Сеид-Махмета. Был, правда, недолгий перерыв, связанный с попытками прояснения отношений с Москвой и нахождения компромиссов. Маячила надежда на последствия шока, испытанного русскими на Угре, но это было не чем иным, как политикой с позиции слабости, и Москва не преминула это обнаружить. Весной 1481 г. Казимир отправил к Иоанну III преданного ему маршалка и полоцкого наместника Богдана Саковича. Получить хотя бы моральную компенсацию за прекращение традиционных

платежей с предместий Новгорода – было для Литвы вопросом престижа. Иоанн III уже ответил на это своими противоречивыми требованиями: еще ничего не уточняя, он заговорил о занятых Литвой русских землях. Так что объект претензий переместился на подвластную Литве территорию. Переговоры с перерывами шли целый год и прервались весной 1482 г. Кстати, всё это время заметно росли запросы Москвы.

При обоюдном желании избежать прямого столкновения центральным узлом дипломатического поединка стал двор Крымского хана. Иоанн III действовал гибко. Весной 1481 г., в начале переговоров с Литвой, его посланник в Крыму Скрыба не выказывал никакой враждебности к Казимиру. Однако по мере того, как переговоры заходили в тупик, становились все более действенными старания распалить Менгли-Гирея. Иоанн III умел и на него надавить: хан опасался, что из Москвы могут быть отпущены его братья – Нур-Давлет и Айдар. Литовской стороне оставалось лишь продолжать свою шаблонную дипломатию: возобновив, как и в начале 1482 г., натравливание Большой Орды на Москву, она опиралась на результаты осенней (1480 г.) миссии Ивана Глинского. Иван Глинский вернулся в Вильнюс в конце 1480 г. в сопровождении послов Менгли-Гирея под началом Байраша. Крымский хан не возражал против того, чтобы в Литву был отправлен заложником его сын. Он также просил обеспечить ему убежище на случай свержения, претендовал на земли в самом низовье Днепра (т. н. «татары Симеона Олелковича»). Реальными, вне сомнений, были лишь два последних предложения. Менгли-Гирей спешил: сразу по отправке литовцами ответа через Байраша (5 января 1481 г.), те же самые предложения доставил уже другой ханский посланник – Сеид-Ахмет. В ответе, врученном Байрашу, конкретной оказалась лишь гарантия предоставления убежища, относительно других пожеланий были только обещаны переговоры. Сама идея подобного диалога была здоровой, однако малыми были старания для ее развития и осуществления. И Казимир, и рада панов всё еще жили воспоминаниями о Хаджи-Гирее. Тем временем русский посол Михаил Кутузов уже привез в Крым датированную 14 мая 1482 г. просьбу Иоанна III совершить нападение на Великое княжество Литовское. Кстати, Москва приобрела еще один рычаг для воздействия на Менгли-Гирея: с Иоанном III установил контакт бежавший в Большую Орду Ширинский вельможа Эминек.

1481 г. прошел спокойно. Зимой 1481–1482 г. Менгли-Гирей даже сообщил киевскому наместнику Ивану Ходкевичу о направлениях передвижения улусов Большой Орды. А в августе 1482 г. все силы Крымского ханства обрушились на Киевскую землю и Подолье. 1 сентября был взят и сожжен Киев. Пали еще десять замков (среди них Житомир). Канев и Черкассы устояли. В плен попали Иван Ходкевич с семьей, Киевский католический епископ, архимандрит Печерского монастыря. Иван Ходкевич умер в неволе, за большой выкуп были освобождены его вдова и сын Александр. Киевская трагедия произвела тягостное впечатление на русские земли по обе стороны литовской границы. Второе неволевавшее поколение жителей Литовского государства было потрясено.

Во время Киевской катастрофы Казимир находился в Тракай. Он оставался в Литве в конце 1482 г. и пробыл в ней весь 1483 г. Для Литвы той поры была характерна солидарность литовских и русских земель, оперативность рады панов и административного аппарата. Был объявлен всеобщий воинский призыв. Со времен Грюнвальдской битвы и попытки коронации Витовта литовское войско никогда не достигало такой численности (источники приводят данные о 40 000 воинов, скорее всего, завышенные). Силы были разделены на три части. Литовское дворянство осталось в непосредственном подчинении великому князю. Смоленский наместник Николай Радзивилл располагал почти 10 000 воинов. Оставшиеся силы, набранные во многих русских землях и предводительствуемые Богданом Саковичем, были направлены в Киев. Их сопровождали плотники и подручные крестьяне, призванные из русских земель. Папа Сикст IV отпустил на восстановление Киева все средства, полученные от верующих Гнездинского архиепископства. Богдан Сакович руководил восстановлением южных замков, прежде всего Киева, расчетливо используя наличные ресурсы. Крымским татарам больше никогда не удавалось уничтожить такое

количество замков. Литовские политики не продемонстрировали чего-то нового, но энергично применили имеющиеся средства. В 1486 г. Богдан Сакович за заслуги был назначен тракайским воеводой.

После такого поражения труднее всего было дипломатам. Много стараний тратилось на сохранение традиционных связей. В 1483 г. в Большую Орду был отправлен хорошо с ней знакомый Стрет. Положение Большой Орды было незавидным, и лишь в августе 1484 г. Стрет доставил ее посланников в Вильнюс. Ханы Муртоза и Шиг-Ахмет охотно возобновили военный союз. Борьба между Большой Ордой и Крымом усилилась в 1484 г. Поначалу везло Менгли-Гирею, но в 1485 г. он был разбит. Удалось упрочить связи с Большой Ордой на южных границах Великого княжества Литовского, и это затруднило поездки крымских и московских гонцов. Шла работа и в самом Крыму. Туда в начале 1483 г. прибыл Яков, мастер переговоров дел. Литву больше всего заботило возвращение угнанных пленников, но татары не желали отказываться от выгод работоторговли. Менгли-Гирей ссылался на то, что невольники-де уже проданы, но в знак доброй воли вернул их малую часть (т. н. детей Есмана). При общей ориентации Крыма на Москву рассчитывать на большее было невозможно. Тут успешно действовали московские послы – князь Оболенский в 1483 г. и Ноздреватый в 1484 г. Обмен послами между Литвой и Крымом дал лишь то, что в 1483–1486 г. Менгли-Гирей не применял силу. Крымский хан повторно выдвинул требования о денежных субсидиях и землях в самом низовье Днепра.

Всеобщий призыв продолжался в 1483 и 1484 г.; это была тяжелая ноша. На наращивание литовских сил в приграничье Москва ответила тем же. В подобном «стоянии» был определенный смысл: как на Угре русские показали Большой Орде, так теперь Литва дала понять, что территория будет защищена и есть кому ее защитить. Казимир уже воспользовался произошедшими в Великом княжестве Литовском переменами: князя с восточных окраин государства (имеются в виду такие земли, как Вязьма, Мстиславль, Трубчевск, Друцк, Одоев, Воротыньск, Новгород-Северский) незамедлительно и согласно подчинились всеобщему призыву. В апреле 1483 г. с влиятельных князей, правивших в московском пограничье (Новосильского, Воротынского и Одоевского), была взята присяга на верность. Обе стороны не желали большой войны, и /343/ восточная граница Литвы не была нарушена. Поддержание собранного войска в боеготовности затрудняло как Литву, так и Москву, и естественно вело к переговорам. Весной 1484 г. в Москву прибыло литовское посольство во главе с Иваном Забerezинским. Иоанн III согласился хранить добрососедство и выдать свою дочь за кого-либо из сыновей Казимира, однако скрыл это от Менгли-Гирея. Летом 1484 г. обе стороны отвели войска от границы. Литва распустила призывников.

События 1483–1484 г. не позволили киевской трагедии перерасти в военные действия Москвы против Великого княжества Литовского. Вместе с тем они наглядно продемонстрировали оборонительную политику последнего. Правила политической игры уже диктовала Русь, объединенная Москвой. Она выходила на арену мировой политики, а Литва окончательно утратила великодержавную роль. Однако не следует забывать, что со времен Ягайло Литва стала державой лишь на Востоке. И теперь, теряя здесь прежнюю свою роль, она пожинала, пусть скромные, плоды своего утверждения на Западе. В начале восьмидесятых годов зримо выявился положительный баланс Ольшанской программы. Противостояние Литвы давлению Збигнева Олесницкого и продолжателей его замыслов, а также события на юге научили польских политиков расценивать Литву как партнера, а не только как объект претензий. В 1482 г. Литву посетил польский канцлер Станислав из Курозвенек с предложением об объединении военных действиях. Полякам, без сомнения, требовалось направить их в нужное для себя русло, но это уже был лишь дипломатический ход, а не диктат. Была намечена встреча сенаторов обеих стран в 1483 г., однако напряженное положение на восточных границах Литвы не позволило ей состояться. В 1484 г. в Литву прибыл подканцлер Любранский и краковский мечник Николай Тенчинский. Конкретные действия, правда, не были согласованы, но беседы прошли с учетом потребностей обеих сторон, а визит польских представителей даже закончился свадьбой

Тенчинского и дочери канцлера Литвы Олехно Судимонтовича. Если крымская опасность была для Литвы лишь очевидным выражением флангового давления Руси, то для Польши она стала прелюдией нарастающей османской угрозы. Это однако не помешало сосредоточиться вниманию рады панов Литвы, польского коронного совета и самого Казимира. В июне 1484 г. султан Баязет II переправился через Дунай, и силы турок и крымских татар впервые соединились. В середине июля пала Килия, а в начале августа – Четатя-Албэ (Аккерман). Подвластные Казимиру страны ответили на это летней акцией 1485 г.: Польша защитила от турок молдавского господаря Стефана Великого, а Литва прикрывала эти действия от возможного нападения крымских татар, сконцентрировав близ Киева войско под началом Богдана Саковича, со- /344/ бранное по всеобщему призыву. Поворот к югу литовская дипломатия пыталась прикрыть на севере, возобновив в 1484 г. договор о военном союзе с Тверью, яростно сопротивлявшейся аннексии. Однако подобные демонстрации уже не пугали окрепшую Русь, и Иоанн III немедленно воспользовался создавшимся положением. 8 сентября 1485 г. московское войско явилось под Тверью. Тверской князь Михаил в ночь с 11 на 12 сентября успел скрыться в Литву. Его княжество было окончательно включено в Русскую державу.

Рада панов Литвы хорошо понимала, что главная опасность таится на севере, а не на юге. Поэтому, учитывая приоритеты Казимира и польской политики, она требовала внимания к интересам Литвы. Однако по мере роста русской угрозы и обнаружения общего языка с Польшей, становилось невыгодно портить отношения с последней, ибо другой потенциальной опоры против Руси у Литвы не было. Всё это заставляло мириться с династической политикой Казимира, в чьих политических выкладках интересы Литвы занимали последнее место. Тем временем Иоанн III энергично расширял свое государство, уничтожая удельные княжества (осенью 1483 г. в Литву бежал верейский князь Василий).

1486 г. монарх посвятил организации большого антитурецкого союза. Он хотел подключить к нему папу Римского, Германского императора, Венецианскую республику, а также Молдавию и Московское великое княжество. Для этой цели Казимир использовал литовскую дипломатию. Хотя в начале 1486 г. он прибыл в Литву и пробыл в ней до конца года, однако все действия он координировал лишь в направлении создания именно большого союза. Поэтому литовские дипломаты должны были добиться спокойствия на востоке любой ценой, и подобная установка заранее обрекла их усилия на провал. С целью выказать хоть какую-то реакцию на присоединение Твери, в начале 1486 г. в Москву был отправлен новгородский и слонимский наместник Солтан. В ответ на упоминании о пограничных стычках русские предложили представителям обеих сторон встретиться в упомянутых местностях. Встреча состоялась, однако завершилась лишь взаимными обвинениями. Уже в июне пришлось говорить о куда более серьезных нарушениях границы под Мценском и Любутском. В Москву отправился великокняжеский придворный Зенко, а в Рязань – Василий Хрептович. Зенко вез также предложения об антитурецкой коалиции (последний вопрос еще до посольства Солтана зондировал Тимофей Масальский). Иоанн III отказался вступать в коалицию под предлогом больших убытков. Речи о приграничных инцидентах были напрасными, ибо Россия уже вполне ощущала свое превосходство. Ее посланник в Крыму Семен Борисович просил Менгли-Гирея атаковать Киевскую и Подольскую земли. Хан был бла- /345/ годарен Иоанну III за поддержку против Большой Орды, когда та напала на Крым в 1485 г. Великий князь Московский уже не употреблял выражений, приличных вассалу. Литва в 1485–1486 г. не раз обменивалась посольствами с Крымом, но в конкретных условиях это не дало результата. Менгли-Гирей не совершил нападения лишь потому, что на него давила Большая Орда. В Крыму в 1486 г. были задержаны литовские послы Иван Довойно и Яков Домоткан. Подобную «дипломатию» крымские ханы и в дальнейшем применяли всё шире.

Рада панов Литвы оценила улучшение отношений с Польшей. Не говоря уже о династических связях, Польша была единственным сильным союзником против стремительно растущей русской угрозы. Конечно, помощь могла быть оказана только в

обмен на услуги той же Польше. В 1486 г. в Польшу было отправлено посольство под началом полоцкого наместника и дворного маршалка Ивана Забрезинского. Литовцы указали на необходимость координации действий и усилий, пообещали поддержку, но вместе с тем задали вопрос: что следует делать, если одновременно турки нападут на Польшу, а русские – на Литву? Вопрос был весьма кстати, ибо именно в ту пору завязывались отношения между Германским императором и великим князем Московским. Немецкие мастера прибыли в Москву. Во второй половине восьмидесятых годов XV в. в ней стали интенсивно отливать пушки. После того, как Ягеллоны завладели тремя центрально-европейскими государствами (Литвой, Польшей и Чехией), Габсбурги естественно воспринимали их как самых главных своих конкурентов, поэтому их интерес к растущему российскому могуществу мог только обостряться. При таких обстоятельствах на вопрос Ивана Забрезинского Казимир был в состоянии ответить, лишь опираясь на династические аргументы. Это еще более втискивало Литву в рамки династической политики ее властителя. Она была вынуждена покорно ожидать развития событий.

События конца восьмидесятых годов XV в. протекали по еще не устоявшемуся руслу. В 1487 г. Большая Орда пожелала заменить Менгли-Гирея находившимся в Москве Нур-Давлетом, однако Иоанн III позаботился о невыезде этого претендента. Сам он буквально завалил подарками Крымского хана, его сыновей и Ширинских старейшин. Эти расходы полностью себя оправдали. Польским усилиям 1487 г. по выдворению турок из Четатя-Албэ и Килии помешал набег крымских татар на польскую и литовскую части Подолья. К этому приложила руку и Молдавия, ставшая противницей Литвы и Польши. Попытка Литвы поддержать против Менгли-Гирея его брата Айдара сблизила Крым с Венгрией. Весной 1488 г. Менгли-Гирей вновь заверил русского посланника /346/ Шеина, что поддержит его государя. К счастью для Литвы, Муртоза и Сеид-Ахмет и в дальнейшем давили на Крым всю вторую половину восьмидесятых годов. Правда, в 1488 г. татары Большой Орды вторглись в Киевскую и Подольскую земли, но это были лишь поиски пастбищ. В Вильнюсе на всякий случай был задержан посланник Большой Орды Тагир, но эта мера не испортила отношений. Расхрабренные отряды Большой Орды, пытавшиеся в январе 1491 г. разорить Волынь и соседнее польское приграничье, были уничтожены объединенными силами Волыни и Червонной Руси под началом князя Симеона Ольшанского (луцкого старосты) и Николая из Ходжи. Летом 1490 г. в Большой Орде нашли убежище прибывшие из Турции братья Менгли-Гирея Издемир и Нур-Давлет; вскоре они объявились в Киеве. Это ухудшило положение Менгли-Гирея, а в 1491 г., когда Большая Орда начала новое вторжение, оно стало просто критическим. Менгли-Гирея спасли только присланные из Турции янычары, а более всего – удар русского войска в тыл Большой Орде. Этот русский поход завершился плачевно: передовая часть войска была разгромлена, а оставшаяся оказалась беспомощной из-за падежа коней. Однако Крым был спасен. Постоянная напряженность истощала Большую Орду; соотношение сил стало понемногу меняться в пользу Крыма. Политика Крыма в отношении Литвы уже стала стереотипной: в 1490–1491 г. Менгли-Гирей говорил о желании поддерживать добрые отношения, в ноябре 1491 г. его посланники Мунир и Оюз в Москве обещали атаковать Литву при первой же надобности. Весной 1492 г. в низовье Днепра (на юг от Тавани) крымчане осмелились даже возвести небольшую крепость. Набравшая обороты с 1488 г. русская дипломатия достигла в Молдавии того, что Стефан Великий в 1489 г. окончательно встал в оппозицию к Польше (тем самым, и к ее союзнице Литве). Весной 1492 г. Молдавия и Крым заключили союз, направленный против возглавляемых Казимиром государств. Иоанн III с большим успехом развивал отношения с Габсбургами. В 1489 г. Максимилиан I посулил ему корону, а в письме от 22 апреля 1491 г. пообещал помощь в «возвращении Киева». Великий князь Московский сразу раскусил германскую политику обещаний, но, пролагая путь на арену большой мировой политики, он дорожил и такими авансами.

Неприятельское кольцо вокруг династии Ягеллонов оказалось несколько ослаблено смертью Матфея Гуниади в 1490 г. Венгерским тронном завладел король Чехии Владислав.

Успех старшего сына не был самым выгодным исходом для Казимира, однако и благодаря ему Ягеллоны утвердились во всех четырех восточных монархиях Центральной Европы. Их политическая система широкой полосой протянулась от Балтики до Адриатики и Черного моря. Для /347/ Великого княжества Литовского это означало дальнейшее ослабление внимания со стороны Казимира. Пробыв в нем с февраля по апрель 1490 г., он вновь появился только в октябре 1491 г. Такое положение позволило Иоанну III активизировать «малую» пограничную войну. Используя силовой перевес и запутанные правовые взаимоотношения уцелевших окраинных княжеств, он последовательно проводил тактику, которую его послы в Крыму обозначили как «занятие королевских земель». Подобное говорилось для демонстрации силы Руси. Казимиру эти действия преподносились как «законное попечение о вотчинных рубежах». С точностью установить эти рубежи было непросто. Во время московского нестроения и чуть позднее Литва присоединила некоторые мелкие владения, коими не обладала даже во времена Витовта Великого (напр., около 1455 г. Перемышль, а также Хлепень, Рогачёв). Причины зависимости иных владений (вроде Козельска) было даже трудно осмыслить. Особенно неопределенными были границы в верховьях Оки. Здесь как литовскую, так и московскую власть признавали мелкие князья, повязанные родственными узами и сопутствующими им бесконечными распрями из-за наследства. Начавшееся в 1486 г. неприкрытое разорение и покорение зависимых земель приобрело в 1487 г. характер непрерывной войны. Москва энергично поддерживала своих вассалов в верховьях Оки, а именно этого не хватало вассалам Литвы. Им все труднее становилось сдерживать напор, а некоторые начали переходить на московскую сторону. Это еще более осложняло положение княжеств, хранивших верность Литве. Ранее покорившиеся Москве Одоевские и Семеновичи теперь принудили сделать это Ивана Воротынского. Остальные Воротынские и мезецкие князья в августе 1487 г. разгромили московских вассалов, но Перемышль Литва все равно потеряла. В 1488 г. были атакованы мелкие княжества Вяземской земли, принадлежащие Великому княжеству Литовскому. В Калужской земле русские разграбили Мценскую и Любутскую области, в северном пограничье – окрестности Торопца, в Смоленской земле – Дмитров. Участились поездки послов в Москву и Вильнюс со взаимными жалобами и требованиями. Иоанн III указывал, что действия его воинов являются ответом на нападения с литовской стороны. Тем временем давление Руси возрастало. В 1489 г. были вновь разорены окрестности Торопца, Казаринская и соседние волости. Русские заняли половину Дубненской волости, снова пострадал Любутск. Опытные наместники Великого княжества Литовского делали что могли: князь Симеон Соколинский, позднее Зенко, – в Торопце, Дмитрий Путятич и сменивший его князь Иван Трубецкой – в Любутске и Мценске, Иван Завишенец и переведенный из Торопца Симеон Соколинский – в Брянске. Энергично действовал смо- /348/ ленский наместник Иван Ильинич, упорно сопротивлялись Москве верховские князья Дмитрий и Симеон Воротынские.

В 1489 г. Дмитрий Воротынский, не выдержав напряжения, перешел на сторону Москвы. Русь завладела Серенском, Бышковичами, Личиным, Недоходовым, Козельском. В 1492 г. погиб наместник в Торопце Зенко, прославившийся воинской отвагой. Разрозненные и неорганизованные ответные действия Литвы из Любутска, Торопца и Воротынска не смогли остановить наступления Московской Руси. Его охват ширился с каждым годом: в 1490 г. были разорены Усвятская, Хлепеньская, Дубровненская, Ореховненская, Опаковская, в 1491 – Мценская, в начале 1492 г. – Брянская области. Посланник Иоанна III в Крыму Колычев заявил, что его государь начал подлинную войну с Литвой, подчинив себе князей Воротынских и Белевских, а у оставшихся верными Литве князей Одоевских и Воротынских повелел отнять земли. Великое княжество Литовское было способно лишь не пропускать московских гонцов и грабить русских купцов на таможнях. Успешной и активной была оборона на Мценско-Любутском участке. Посланники с претензиями обеих сторон сновали туда-обратно, но сдержать развернувшуюся борьбу не могли.

Это уже была необъявленная война. Иоанн III готовился к действиям куда большего

масштаба и только ждал удобного случая. И тот вскоре обнаружился: 7 сентября 1492 г. умер Казимир. По его смерти восточную часть Центральной Европы, объединенную политической системой Ягеллонов, стала с востока и юга сдавливать враждебная дуга Византийской и исламской цивилизаций. Виднейший специалист по литовской истории З. Ивинскис обозначил год смерти Казимира как поворотную веху в судьбе Литвы, отметившую существеннейшую роль русской угрозы. В мировой истории Литва приняла эстафету у Кастилии, расположенной на другом краю Европы. Кстати, дата смерти Казимира совпала с великим открытием Христофора Колумба и капитуляцией Гранадского эмирата.

Смерть Казимира выявила еще одну веху исторического процесса. Популярнейшая у нас «История Литвы» под редакцией А. Шапоки полувековое правление Казимира называет переходным периодом. Действительно, привезенный из Польши мальчик обнаружил общество, которое было еще невозможно назвать сословным, а ко времени его смерти оно, пусть еще очень юное, стало именно таковым. Подобный уровень общественной зрелости позволил интегрировать населяющие страну народы. Великое княжество Литовское при Казимире утратило державное положение; однако обрело структуру, объединившую правящие слои всех категорий населения. Вот с таким Литовским государством столкнулся русский колосс, выросший у его восточных рубежей. /349/

3. Образование европейской общественно-экономической модели (конец XIV – первая треть XVI в.)

а. Повсеместное введение крепостного права

В конце XV в., а по сути – уже во второй его половине, промежуточное понятие «добрые люди» в Литве исчезло из обихода. Тем самым со всей необратимостью выявилась, пусть и не окончательно перекрытая, граница между феодалами и крестьянами. Отношения феодальной зависимости между хозяином и подневольным тружеником-крестьянином, подкрепленные его собственным двором (дымом), вызвали к жизни административный и правовой контроль над этим двором, осуществляемый наместниками, старостами и тиунами. Администрация верховного сюзерена все более ограничивала имущественные права фактического владельца двора, но вместе с тем все более затрудняла возможность подобного ограничения со стороны родни и крестьянской общины («поля»). Личные наследственные права отдельного крестьянина простирались и на область распоряжения имуществом, однако одновременно туда же проникал и феодально-административный надзор. Сосредоточенный на индивидуальных хозяйствах, этот надзор вел к ужесточению повинностей. Насколько отдельный крестьянин освобождался от родственных и общинных тисков, настолько же он подпадал под контроль администрации, которая стремилась любой ценой прирост производства обратить в свою пользу; существенная часть прироста лишь увеличивала повинности, но не доставалась самому крестьянину. Весь XV в. продуктовая рента развивалась от превращения архаических коллективных даней, идущих от угощения (полюдь, стации, мезлява), к подушной продуктовой подати. Эта подать явилась дополнением к уже устоявшимся для индивидуальных дворов даням и другим ангарийным или сервильным повинностям. В Жямайтии крестьянские полюдья в 1527–1535 г. были заменены подворными платежами (с каждой сохи в конной упряжке). В восточной части этнической Литвы это уже происходило и раньше, поэтому не потребовало конкретных разовых распоряжений. Начали взимать с крестьян и денежную ренту. В XV – начале XVI в. она была еще неве- /350/ лика, ибо товарные отношения только лишь начали развиваться. Зато рост повинностей переместился в сферу отработок: во второй половине XV в., а особенно в его конце, сезонные толоки (*talka*, бесплатные совместные работы) стали

превращаться в регулярную барщину. Сборщики великокняжеских податей стремились заменить непроизводительную барщину денежной рентой – барщинным откупом (осадой). Однако крестьяне чаще всего были не способны собрать требуемую сумму, поэтому внедрить откуп от барщины оказалось трудно. Продуктовую ренту, особенно ее специфические виды, тоже пытались заменять денежными выплатами. Так надолго возникли куньи, бобровые, овсяные деньги. Ангарии, предназначенные на строительство и ремонт замков, мостов и дорог дополнились транспортными поставками. Проявившаяся уже во второй половине XIV в. специализация крестьянских сервильных (производственных) повинностей во второй половине XV в. приобрела четко дифференцированный характер, целенаправленно сближающий их с возникшей барщиной. На рубеже XV–XVI в. господствовали две основные категории крестьянских повинностей – барщинники и данники (оброчники). Деревенские ремесленники в качестве повинности рассчитывались за имеющуюся землю собственными изделиями. С начала XVI в., несмотря на желание администрации заменить барщину откупом, число барщинников довольно быстро росло. Росла и средняя барщинная норма: с двух дней в неделю около середины XVI в. она стала достигать пяти и даже шести дней. Сервиллии (толоки, сенокос), мелкие (птица, яйца) и поручные (дрова, сено) оброки сделались лишь дополнением к продукту, производимому в качестве отработки. Тем самым стирались существенные различия между исполняемыми крестьянскими повинностями. Оброчники сохраняли более архаичный характер повинностей (главными были сдатчики зернового дьякла, а также бортники, поставляющие мед и воск). Еще более выделались рыбаки, кунники, бобрятники, загонщики дичи. Сервильные отработки (толоки, сенокос) по характеру приблизились к повинностям, связанным с коневодством, а сами коневоды стали все четче подразделяться на конюхов и коневодов (т. е. тех, кто в индивидуальном порядке выращивал скакунов для великого князя), а наиболее привилегированные лейти (*leičiai*) должны были избирать ту или иную специализацию. Медленно, но неуклонно барщина, охватившая отдельные дворы и целые села, уменьшала пестрый конгломерат оброчников. До середины XVI в. на барщину требовалось выделять /351/ одного человека с двора, но подобный отрыв работника крестьянское хозяйство переносило с трудом, поэтому барщина мешала крестьянским семьям выделяться в отдельные хозяйства. В сфере повинностей это выражалось в возникновении служб: в двор как единицу податного обложения стали включать несколько дымов (в среднем двух или трех). Поскольку процесс выделения малых семей все-таки совершался, в службы сплывались не только родственники, но и просто сговорившиеся люди (большая их часть называлась товарищами или помощниками). Администрация не столько мешала дымам объединяться в службы, сколько увеличивала нормы барщины. В конце первой трети XVI в. хозяйственные возможности служб стали заметно различаться. Так проявилась экономическая дифференциация индивидуальных крестьянских хозяйств – неизбежное следствие развития одаловой собственности.

Эта дифференциация, опутывая труженика повинностями, развивалась в условиях закрепощения крестьянского хозяйства. Обычное право основывалось на принципе одаловой собственности, однако право высшей собственности монарха сводило этот принцип к исполнению повинностей, что означало хозяйственный контроль администрации. Это связывало фактического владельца хозяйства с назначенными ему повинностями, т. е. он все более приковывался к конкретному хозяйству. Это было не что иное, как начало личной, т. е. крепостной, зависимости. Распоряжаться собственной личностью крестьянин мог, лишь отказавшись от хозяйства. В таком случае он избавлялся от личного утеснения, но вместе с тем утрачивал средства к существованию и оказывался за пределами феодального общества. До середины XVI в. это отрицание крестьянина как носителя личных имущественных прав не было всеобщим: немалая часть крестьянства сохраняла т. н. право выхода, т. е. могла покинуть хозяйство, забрав с собой движимое имущество. Однако эта личная свобода стала уже отъединена от права крестьянина на одаловую собственность. Как это отъединение, так и утрата права выхода (а это уже происходило) привязывала крестьянина личной

зависимостью к хозяйству, т. е. к господину. Крестьянин был прикреплен к земле, что явилось главным условием возникновения крепостной зависимости. До середины XVI в. это условие еще не полностью возобладавало: оно не распространялось на похожих (сохранивших право выхода) крестьян и на отдельных членов *непохожих* семей (официально к хозяйству был прикреплен лишь сам глава семьи).

Права всё более реальной высшей собственности монарха по мере складывания феодальной ренты начали вытеснять одаловое право крестьян на землю. Ограничения права личности распоряжаться землей, налагавшиеся семьей и родней, вскоре стали прерогативой великокняжеской администрации. Согласие родни на отчуждение земли или ее части сменилось согласием правителя. Уже в начале XVI в. это приобрело характер правила, согласно которому действия крестьянина по распоряжению землей не только могут, но и должны пресекаться. Практически оно возобладавало в начале второй четверти XVI в.: стал действовать принцип, по которому крестьянин вообще не мог распоряжаться землей. Осталось в силе только прямое вотчинное наследование хозяйства, почти устранившее наследование по боковым линиям. Крестьянин из владельца земли превращался только в ее пользователя, ибо обычное право развивалось в направлении непризнания его аллодиальной традиции.

Формирование ренты и возникновение реальных великокняжеских прав в отношении крестьянского хозяйства позволило правителям в конце XIV в. часть крестьянских повинностей переуступить дворянам. Повинность отдельного крестьянина доставалась отдельному дворянину, т. е. совершалось феодальное присвоение добавочного продукта. Возникла отчасти зависимая от дворян категория крестьянства – велдомые. Номенклатура и объем повинностей, переуступаемых дворянам, быстро возрастали; тем самым велдомые становились всё более зависимы от дворян. Привилей Сигизмунда I от 1434 г. передал дворянам важнейшую часть взимаемой ренты – дякло. Привилей Казимира дворянам 1447 г. освободил велдомых от ширящейся денежной ренты (серебщины) и новых ангариев (поставок, работ на строительстве каменных замков), а также сервилиев (дополнительных сенокосов). Фактически это означало признание власти дворянина над велдомым и невмешательство великого князя в их отношения, связанные с исполнением повинностей. Тот же самый привилей и судебник Казимира от 1468 г. признали дворянина судьей над подвластными велдомыми и подчеркнули взаимное обязательство монарха и дворян возвращать крестьян, бежавших от другого хозяина. Поскольку еще не все члены семьи подлежали контролю, крестьяне были прикреплены к земле только в общем, но не всеобщем объеме. На личных (панских и дворянских) земельных владениях крестьяне были закрепощены скорее, их право на выход было отменено уже в середине XV в. Наименование «велдомых» стало сменяться названием «вотчинный крестьянин», понятием «вотчинный». Исчезающий выкуп родителям за невесту (хрена) сменился выплатой ее господину, если девушка выходила замуж за чужого крестьянина. С окончанием войн, со второй четверти XV в. для внутренней колонизации открылись новые земельные пространства. Лица, обладающие правом выхода, и отдельные неконтролируемые члены крестьянских семей получили возможность устройства на новом месте, при этом, естественно, подпадая под контроль великого князя или частного землевладельца. Все землевладельцы стремились привлечь на свои земли новых людей, новоселы на какое-то время (чаще всего – 10 лет) освобождались от повинностей, что позволяло им обустроиться. Если такой крестьянин желал покинуть хозяйство до начала исполнения повинностей, он считался должником, а неоплаченные долги превращали его в закладника. Экономическая дифференциация и растущие хозяйственные возможности позволяли землевладельцам увеличивать число закладников и койминцев на своей земле. Постепенно исчезали юридические различия между богатеющей верхушкой койминцев и нищающими велдомыми. С увеличением числа велдомых труд несвободного семейства (челяди) в дворянских хозяйствах уже не мог быть основой их существования. Некоторые члены семейств (челядины) получили на панской земле свои мелкие хозяйства (бонды). Такие мелкие хозяйства (парни, или паробки – это

понятие обрело отдельный смысл) по своему фактическому положению приближались к бедствующему большинству селян. Большая часть несвободного семейства, получающая продовольственную поддержку от пана (месячину), обслуживала лишь домашнее хозяйство. Институт несвободных уменьшался.

В конце XIV в. четкой границы между крестьянами и феодалами еще не было, положение определял характер исполняемой службы (военной или трудовой). Когда возникли предназначенные дворянам великокняжеские привилегии и хозяйства велдомых на содержании у дворян, тогда служебные возможности и правовой статус стали всё очевиднее различаться. Промежуточный слой «добрых людей» дифференцировался: его верхушка примыкала к дворянам – получателям велдомых, а большая часть стала военно-служилыми людьми, считавшимися элитой крестьянства. Самой многочисленной категорией военно-служилых были путные (или путевые – люди при пути, служащие при дороге), исполнявшие при своих панах повинности проводников, охранников, посыльных, гонцов. В случае войны несколько путевых служб выставляли одного всадника. Самые богатые военно-служилые ради несения воинской службы освобождались почти от всех трудовых повинностей. Они были в состоянии приобрести кольчужные панцири, за что именовались панцирными (панцирными людьми, панцирными слугами). Уже во второй половине XV в. ни панцирные, ни путные люди уже не считались дворянами. Наиболее неопределенным оставалось положение среднего слоя «добрых людей». Его наследники претендовали на дворянство. Некоторой части оно было предоставлено, больш- /354/ шинству пришлось присоединиться к военно-служилым. Это были т. н. бояре панцирные, бояре путные, поседные бояре, конники (в Жямайтии). Все военно-служилые сохраняли право на выход. В конце XV в. категория «добрых людей» окончательно исчезла.

Крестьяне в Литве были закрепощены быстро, однако это совпало с окончанием войн и интенсивной внутренней колонизацией. Так же действовал строгий, упроченный военной монархией административный контроль, поэтому у крестьян не было возможности противиться вводимому закрепощению. В XV или в начале XVI в. в Восточной и Центральной Литве не было значительных крестьянских восстаний, их сопротивление выражалось лишь жалобами великому князю, уклонением от повинностей, побегам. Именно беглые составили значительную часть поселенцев на ранее запустевших приграничных землях. В Жямайтии при попытке быстрого введения отношений, уже характерных для монаршего домена, крестьяне восстали в 1418 г. Восстание было подавлено, однако великий князь не решился резко менять традиционный порядок. Закрепощение здесь шло медленнее, крупное панское и дворянское землевладение не сложилось.

На славянских землях Великого княжества Литовского также распространялись крепостные отношения. В XIV и в первой половине XV в. этот процесс здесь шел быстрее, чем в этнической Литве, поскольку направление развития хозяйственных отношений в данной части Литовского государства было унаследовано еще от эпохи русских княжеств. Однако вскоре закрепощение на литовских землях приобрело решающий для всего государства характер. Так произошло потому, что русские крестьянские дворы не были выделены из сельского общинного землевладения (земли только перераспределялись). Славянские крестьянские семьи более долгое время сохраняли черты большого семейства. Поэтому в некоторых русских землях (напр., в волостях Поднепровья) сохранился коллективный характер повинностей. В таких условиях барщина и прикрепление крестьян к земле не имели смысла, административный контроль не проникал в каждый крестьянский двор. Брались не дворы, но целые села. Отдельные лица не испытывали серьезного контроля, однако их хозяйственные возможности были куда меньше. Категория велдомых появилась и здесь, стало распространяться русское боярское землевладение, однако оно было слабее, чем у литовских дворян. Лишь на землях, соседних с этнической Литвой, отношения развивались так же, как и в самой Литве. Из других областей сходным путем шла Воынь, где контроль властей над общинами и частное землевладение существовали вплоть до присоединения этой земли к Великому княжеству Литовскому.

По мере укоренения крепостничества формировалось сословие /355/ бесправных крестьян. Фактически это были люди, не подпадавшие ни под какую, регулирующую правом, сословную категорию. Человек, не исполняющий повинностей, стал считаться бродягой, существом вне рамок закона. Положение крестьянина в Литве по сути не отличалось от положения крестьян в других странах Центральной Европы.

б. Возникновение рыцарского землевладения и дворянского сословия

В конце XIV в. право и государственная административная практика уже традиционно рассматривали людей, несших военную службу, как вполне определенную социальную категорию. Утвердилось понятие дворянства, вытеснившее такие определения феодального генезиса, как всадник, насельник замка (*pilėnas*) или им подобные. «Добрыми людьми» стали именовать лишь слой, переходный от дворян к крестьянам в великокняжеском домене, но он уже начал исчезать по мере всё более четкого выделения дворян и военных слуг. Привилей Ягайло от 1387 г. законодательно обозначил вотчинное дворянское землевладение, их одальную собственность и ленные отношения сюзерена с военными слугами. Тем самым действие привилея и феодального закона распространялось на всех дворян, несущих военную службу. Был сделан первый и самый важный шаг к обеспечению правовых гарантий собственности, к складыванию класса феодалов и определению статуса военной службы.

Ягайлов привилей появился очень вовремя и отразил отношения в Литве, касавшиеся имущества и повинностей. Он утвердил и оформил то, что уже совершалось в жизни. Были утверждены основы ленного права и договорной характер отношений сеньора-вассала. Однако неразвитое дворянское землевладение было еще слишком слабой материальной опорой для таких отношений, им недоставало гарантий экономической безопасности. Великим князьям были потребны не обеспеченные правами, а обеспеченные материальным достатком дворяне, способные нести военную службу. Итогом такого состояния стал переданный дворянам сбор крестьянских повинностей и возникновение велдомых. Дворянское землевладение стало быстро расти; юридически этот рост санкционирован Городельским привилеем 1413 г., подтвердившим владение бенефициями, или выслугами, дополнившими их вотчины. Поначалу бенефиции давались на ограниченный срок (до распоряжения великого князя), однако, как и в случае с предоставлением велдомых, дворянские права в этой сфере расширялись, сроки продлевались до конца жизни получателя, позднее – сына, внука, пока /356/ владение бенефициями не было признано вотчинным. В XV в. это происходило особенно широко, подобная практика распространилась и на первую половину XVI в. Сложилась традиция, согласно которой каждый великий князь отказывался в пользу дворян от исполнения велдомыми полюдья, данного его предшественниками (это уже касалось исключительно угощений во время прибытия великого князя на место). Земельные владения дворян, особенно их верхушки, стремительно росли. «Золотой век» пришелся на времена правления Казимира: недавно появившаяся рада панов, пользуясь отсутствием в Литве великого князя, сама позаботилась о себе и сформировала собственный слой феодалов. В середине XVI в. к владениям великого князя относилась лишь меньшая часть территории страны. Возникли частные владения, чьи собственники содержали индивидуальные крестьянские хозяйства. В первой трети XVI в. обладатели велдомых (вотчинных) составляли уже почти половину всего дворянства. По хозяйственному потенциалу они соответствовали требованиям центрально-европейского рыцарства. Военные уставы, вышедшие с начала XVI в., и нормы воинского содержания определяли, исходя из возможностей этого слоя. Так власть реагировала на острую потребность в рыцарском войске и запоздалое его формирование. С появлением достаточного числа хорошо снаряженных дворян эта проблема была по существу решена:

войско Литвы обрело ядро, обеспеченное рыцарским вооружением. Однако немалая часть дворян не достигла такого экономического уровня, поэтому воинская повинность оставалась для нее тяжелой ношей. В первой половине XV в. еще действовали категорические требования военной монархии, и боевая готовность дворянина должна была обеспечиваться даже за счет заклада или продажи отдельных членов своей семьи. С расширением дворянских прав, в начале XVI в. требования смягчились: за уклонение от призыва отбирали землю (смертная казнь вводилась лишь в самые напряженные моменты войны, но решение об этом принимал сейм). Небогатые дворяне практически становились в строй, обзаводились одолженными или недорого взятыми внаймы конями и оружием, чтобы позднее вернуть их владельцам. Срок, ограничивавший пребывание рыцаря на военной службе по призыву, в Литве строго не устанавливался, однако по мере того, как у призванного заканчивались средства или снег укрывал пастбища, войско стихийно разваливалось, и руководство было вынуждено с этим считаться. В этом смысле литовское войско мало чем отличалось от других европейских феодальных военных формирований. По сути – велдомый в Литве все-таки создал рыцаря.

Законное признание имущественных прав дворянина заставило обратиться и к его личным правам. Привилей Сигизмунда I от /357/ 1434 г. гласил, что без суда, за исключением случаев оскорбления монаршего величества (государственных преступлений), дворяне не будут братья под стражу и наказываться. Привилей Казимира от 1447 г. позволял следовать в другие страны, если с ними не шла война. Еще со времен Ягайлова привилея действовала гарантия того, что великий князь не вмешивается в сватовские и брачные дела дворянских сестер и дочерей. Декларированное в привилеях право на распоряжение собственной землей обрело реальное содержание, чему способствовало складывание товарных отношений, начавшее превращать землю в товар. В первой половине восьмидесятых годов XV в. дворянам было позволено по собственному усмотрению поступать (покупать, менять, дарить) лишь с третью своей земли, т. е. для распоряжения этой частью собственности не требовалось согласия родни и правителя, однако об операциях с землей следовало оповещать старост и воевод, поскольку те вели учет обязанных военной службой.

Быстрее всего расширялись земельные владения дворянской верхушки. Крупные имения сложились уже в первой трети XV в. Появились первые дарения от крупных дворян Церкви (учреждение приходов и храмовых часовен, чаще – записи отдельных земельных участков или крестьян). Во второй четверти XV в. таких землевладельцев стали на польский манер называть панам. Дворянские права развивались и закреплялись путем копирования польских юридических норм, однако эти нормы были приноровлены к реальному положению литовских феодалов. В первой половине XVI в. русско-литовский термин «*bajoras*» (обозначавший и вотчинную наследственную, и служилую знать) стал вытесняться соответствующим польским термином «*szlachta*». Это совпало с торжеством принципа происхождения над принципом военной службы в определении дворянства. Закон (устав) 1522 г. предусматривал критерии и порядок доказательства дворянского происхождения. Наряду с терминами «дворянин» и «шляхтич» вводились понятия «рыцарь» и «землянин». Последние свидетельствовали о возникновении дворян как военно-корпоративной и землевладельческой категории. Однако это понятие было еще достаточно поверхностным. Кодекс рыцарского поведения был известен только панам (речь о поединках, турнирах, обрядах посвящения, атрибутике поясов и стремян), а землянами в первой половине XVI в. именовались по преимуществу только богатые дворяне.

Несмотря на пробелы во внешней атрибутике, великокняжеские привилеи юридически оформили /358/ существование дворянского сословия и его правовую исключительность. Дворянское сословие в Литве складывалось одновременно с созданием экономического потенциала рыцарства и усвоением его жизненных норм, а не выросло, не выкристаллизовывалось из военно-рыцарской корпорации. Подобное происходило и в других странах восточной части Центральной Европы, но в Литве этот процесс шел с

большим запозданием, неполно и поверхностно. Выделение слоя панов стало мешать реализации прав большей части дворянства. Дворяне, оказавшиеся на земельных пространствах, предназначенных в дар панам, становились их вассалами и должны были исполнять военную службу в созываемых ими дружинах. Панами доставались все права сеньора. Не заинтересованные в службе великому князю, паны были склонны превратить всех экономически не состоятельных дворян, оказавшихся в их власти, в исполнителей трудовой повинности, т.е. лишить дворянства, «раздворянить». Поскольку принцип происхождения еще не вполне утвердился, доказать в суде нанесение подобной обиды было сложно. Однако по мере того, как росло неудовольствие дворян, все более осознающих свои права, и уменьшалось число воинов на великокняжеской службе, – этому явлению уделили должное внимание. Наконец, привилей Сигизмунда II от 1529 г. гарантировал, что дворяне, находящиеся на дарованных вельможам землях, остаются во власти великого князя, а не получателя земельного подарка. Вышедший в том же году I Литовский статут объединил сословные права дворян в завершенную и стройную систему. Ленная земельная собственность и воинская повинность были неразрывно увязаны друг с другом, что сформировало комплекс прав и обязанностей сюзерена и его вассалов. Вассальные права дворян, находящихся на службе у панов и князей, основывались на принципе личной свободы дворянина. Если дворянин получил землю от пана, то, при переходе к другому господину, землю он обязан был оставить. Если пан передавал этот бенефиций на правах вотчинного владения, дворянин мог идти на службу к новому пану, не теряя своих вотчинных прав. Все подобные сделки должен был утверждать великий князь. Таким образом в Литве сложилась система вассальной иерархической лестницы – как и в других странах Европы.

Паны и дворяне считались одним привилегированным дворянским сословием. Однако в рамках этого сословия паны приобретали исключительное положение, соответствовавшее их крупным земельным владениям. Прежде всего, лишь они могли занимать высшие должности (исполнять эти должности, как и военную службу, они должны были на свои средства и с собственными слугами, за что получали в вознаграждение часть собираемой ренты). Монопо- /359/ лизация государственных должностей (при том, что администрация еще не отделилась от судопроизводства) естественно вывела панов в особую юрисдикцию: управляющие провинциями панов не судили – это могли делать лишь великий князь со своими советниками и уполномоченные им высокие государственные чиновники. Как крупные землевладельцы паны исполняли военную службу с дружинами, состоящими из их вассалов и слуг, шли на нее со своими отдельными знаменами (хоругвями), потому таких панов принято называть хоругвными (хорунжими). Панские владения обладали административным, правовым и финансовым иммунитетом: паны рядили и судили проживающих там людей, собирали требуемые платежи и сами рассчитывались с казной. Великокняжеские чиновники (врадники), желая найти управу на ответчика в панских владениях, могли вмешаться лишь в том случае, если паны не реагировали на просьбу о разбирательстве. Такое положение превратило панов в узкую элитную прослойку.

Права дворянского сословия оформлялись в процессе правового и административного урегулирования. Тяжкую военную повинность дворяне стремились исполнить в соответствии с имеющимися возможностями, а великий князь в свою очередь старался максимально использовать эти возможности. Поэтому обе стороны были заинтересованы в строгом нормировании исполнения службы. Дать точную (денежную) оценку было непросто, учитывая балансирование большинства дворян на грани экономического выживания. По мере уточнения дворянских прав и упорядочения воинского учета, становилось реальным проведение оценочной кампании: установления фиксированной разрядки снаряжаемых на военную службу в зависимости от имеющегося числа крестьянских хозяйств. Были попытки перенять опыт у Мазовии, где такая система уже сложилась. В 1528 г. было переписано всё дворянство с принадлежащими ему крестьянами, после чего установлено число снаряжаемых воинов. Одного всадника следовало снарядить от восьми служб (у кого их

было меньше восьми, тот скромнее снаряжал всадника). Перепись сопровождалась опубликованием военного устава, уточнившего порядок призыва и нормы вооружений для всадника. Перепись дворянства не только урегулировала нормы несения военной службы, но и стала метрикой, констатирующей наличие дворянства. Проведя подобное урегулирование, Литва обогнала соседние страны, в том числе и Польшу.

В Литве первой трети XVI в. завершалось оформление дворянского сословия, по существу повторившее аналогичные процессы в других странах Центральной Европы. Однако задержка с этим оформлением и исключительное положение панов не позволили развиваться политическим правам рядового дворянства, и в этом Литва отличалась от Польши.

в. Положение и организация церкви

Во время крещения Литовское государство уже оказалось способно создать организационную структуру епископств и приходов. Поэтому Католическая церковь в Литве сразу стала реально действующим институтом. Однако невысокий уровень сельского хозяйства и связанная с этим низкая рента не позволяли быстро расширить сеть приходов. На рубеже XV–XVI в. единственное хорошо организованное Вильнюсское епископство составляло 130 приходов, из которых около ста возникли уже после Витовта Великого. Две трети из этих ста были учреждены уже не великим князем, а знатью. Появились первые епископские дарения (Армонишское – 1452 г., Медведичское – 1483 г., Салакское – 1496 г., Таурагнское – 1498 г.). В конце XV в. группы дворян (по преимуществу – родственников) уже были в состоянии учреждать малые храмы или алтари в них. За первую половину XVI в. количество церковных общин и приходов в Вильнюсском епископстве удвоилось, а дарения со стороны знати еще более выросли (почти 100 храмов). Радзивиллы построили 14 (из них: в Биржай – 1510 г., в Кедайняй – 1518 г., в Дусятос – 1519 г., в Сведасай – 1522 г.), Остики – 4 (в Гягужине – 1507 г., в Муснинкай – 1522 г., в Аланте – 1522 г., в Жодишкисе – 1553 г.), Гаштольды – 4 храма. Заберезинские в 1520 г. учредили Симнасский приход в колонизируемом Занеманье. Переход преимуществ в строительстве храмов и в патронате над ними в руки знати свидетельствовал, что феодальная элита Литвы укрепляла свои позиции не только в государственных, но и в церковных инстанциях, а католическая вера распространилась не только вокруг административных центров страны. Кстати, в Жямайтском епископстве этот процесс происходил медленнее: в середине XVI в. там было лишь 40 приходов. Их сеть охватила почти все волости края, но достигнуто это было не сразу. Такой крупный волостной центр, как Шяуляй, получил приходской храм только в середине XV в., а Ретаваас – лишь в десятых или двадцатых годах XVI в. В Паланге храм возник только в пятидесяти- /361/ тые годы XVI в. Однако на главных направлениях колонизации приграничья в Жямайтском старостве храмы строились весьма интенсивно (в Юрбаркасе – 1430 г., в Жагаре – 1499 г., в Йонишкисе – 1526 г., в Таураге – 1507 г., в Шилале – 1533 г.). Возводились они и во вновь создаваемых центрах (в Платяляй – 1523 г., в Тяльшай – в сороковых годах XVI в.). Неравномерно распространялись храмы и в восточной части Литвы. На территории к северу и северо-западу от Укмярге приходов не было до самого конца XV в. (первые храмы возникли: в Рамигале – 1492 г., в Пасвалисе – 1498 г., в Шете – 1499 г., в Рокишкисе – около 1500 г., в Панявежисе – 1505 г., в Аникшай – 1514 г.). Это, собственно, была северная часть Тракайского воеводства (в XIV в. – княжества). В середине XVI в. приход Вильнюсского епископства охватывал 240–350 км², Жямайтского епископства – почти 600 км², между тем в Польше – всего лишь 50–60 км². И все же сеть приходов распространилась по главным коммуникациям страны.

Епископства Литвы при поддержке государства сразу получили не только организацию приходов, но и капитулов. Капитул Вильнюсского епископства был учрежден уже во второй половине 1388 г. /362/ Его составили два прелата (препозит и декан) и десять каноников. Великие князья пополнили его прелатурами кустода (1397 г.) и архидиакона (1435 г.), а

Вильнюсский епископ – прелатурами схоластика и кантора (1522 г.). В 1524–1536 г. добавились два каноника на содержании епископа. Капитул Жямайтского епископства такими условиями не располагал: в нем были только шесть каноников. Архидиакон в Жямайтском епископстве появился лишь в двадцатых годах XVI в. и стал первым иерархом после епископа (подобный старинный порядок в Вильнюсском епископстве уже не соблюдался). Право назначения каноников (за исключением двух последних епископских дарений в Вильнюсе) принадлежало великому князю, который изредка одно-два места оставлял на усмотрение епископа. От членов капитула требовалось содержать своих викариев (это установил еще Вильнюсский епископ Яков в 1398 г.), что они, естественно, делали неохотно. Ситуацию смягчил великий князь, выделивший в 1542 г. вильнюсскому капитулу 100 коп годовой ренты. Один из каноников исполнял обязанности прокуратора, ведавшего имуществом капитула. Ему помогали два каноника-визитатора. Сложившаяся в первой трети XVI в. структура капитула Вильнюсского епископства по сути не изменилась во всё время существования Великого княжества Литовского. Статус капитула определялся епископскими привилегиями, известными уже во времена первого Вильнюсского епископа Андрея. Позднее их дополнили привилегии, данные великими князьями и папами. Епископ Матфей создал первый статут для Вильнюсского капитула. В 1520 г. папский нунций Захарий Феррери утвердил все привилегии Вильнюсскому капитулу. Все эти меры очень скоро превратили капитул Вильнюсского епископства в церковную организацию центрально-европейского уровня. Между тем, капитул Жямайтского епископства сохранял многие рудиментарные черты.

Еще быстрее и определеннее начал в Литве функционировать институт епископов. Епископов номинировал (рекомендовал) великий князь, избирал капитул, преконизовывал (утверждал) папа. Запоздало складывались подручные (административные) епископальные должности. Вильнюсских епископальных канцлеров (администраторов и судей) источники упоминают только с 1503 г. Много раньше – в 1439 г. – упоминается официал (судья), которому помогал прокуратор (делопроизводитель). В 1510 г. появился генеральный викарий (по существу – заместитель епископа), обязанности которого часто объединялись с обязанностями канцлера или (по примеру Польши) официала. Неофициальным статусом обладал епископский двор, в Вильнюсском епископстве упоминаемый с 1434 г. Вильнюсский епископальный суфраган появился рано (упоминается в 1397–1398 г.), но эта должность не закрепи- /363/ лась. Этот сан был вновь введен только в начале XVI в. Вильнюсские суфраганы носили титул епископа Кафского, а во второй половине XVI в. – Метонского (титулатура была связана с деятельностью в некаатолических краях).

В середине XVI в. Вильнюсское епископство было разделено на пять деканатов: Тракайский, Майшягалский, Антакальнисский, Мядининкский и Рудаминский. Такое деление, концентрируя и обеспечивая управление из небольшого ядра вокруг Вильнюса, указывало на серьезную нехватку квалифицированных священников в приходах. Лишь по прошествии 130 лет после крещения был созван первый Вильнюсский епископальный синод (на рубеже 1520–1521 г.). Второй синод состоялся в конце 1527 г. или в первой половине 1528 г. (он принял статут епископства, напечатанный в 1528 г.), третий – в 1538 г., четвертый – в 1542 г.

В середине XVI в. земельные владения Вильнюсского и Жямайтского епископств охватывали 14 тыс. дымов, из них 11,5 тыс. принадлежали Вильнюсскому епископству. Вильнюсский капитул владел около 1000 дымов, суфраган – около 160, приходские храмы – около 5500. По абсолютному размеру земельных владений Вильнюсское епископство не уступало важнейшим епископствам Польши, однако его структура не была сбалансирована. Наряду с обширными епископскими латифундиями существовали весьма скромные приходские наделы. В середине XVI в. 7 богатейших приходов Вильнюсского епископства владели 20,7 проц. принадлежащих приходам дымов, а 99 беднейших – 11,6 проц.

Всё литовское законодательство, касающееся церковного землевладения, строилось на принципах, изложенных в Ягайловых привилегиях времен крещения. Церковная собственность

была освобождена от всех повинностей, сборов и платежей. Лишь в военное время с них взыскивались сборы (считалось, что духовные лица о них заботятся сами). Новые дарения и пожалования существенно увеличивали земельные владения Церкви. Средние и мелкие дворяне учреждали алтари (во второй четверти XVI в. число храмов, обладавших такими алтарями, выросло в Вильнюсском епископстве до 60), списывали со своих крестьян десятину. Великокняжеская власть в XVI в. стала ограничивать записи в пользу Церкви, ибо уменьшались земельные владения, облагаемые военной повинностью. В случаях смены духовных и светских владений соответственно перераспределялись повинности.

Литва была не в состоянии быстро развернуть сеть качественных школ, потому же не могла решить проблему подготовки священников. Литовские приходы стали объектом польского духовного попечения. Слабые возможности подготовки не позволяли привлечь достаточное количество литовской молодежи, а выучившиеся не могли заполнить все лакуны церковной иерархии. В соответствии со статьей Казимира привилея от 1447 г. рада панов сохраняла епископские должности лишь для жителей Великого княжества Литовского. Однако низшие должности, особенно вакансии местных приходских настоятелей, их мало интересовали. Поэтому та же статья привилея содержала условие, позволявшее великому князю по праву патрона назначать чужестранцев на любые места. Тем более, что никакой закон не ограничивал панского патроната, и в учреждаемые панамы приходы также попадали польские ксендзы. С конца XIV до середины XVI в. в Вильнюсском капитуле литовцы составляли лишь треть. Из 10 известных препозитов (высшей прелатуры) трое были пришлые и трое местные (из Подляшья) поляки. Настоятели, не владевшие литовским языком, в нарушение требований (напр., епископа Матфея) выучить его, стали едва не правилом. И все-таки в условиях, когда на епископском престоле утвердились литовцы или хотя бы жители Великого княжества Литовского, когда церковные должности оказались прочно связаны с деятельностью государственных инстанций, – даже пришлые польские ксендзы должны были учитывать политические интересы литовского общества и, согласно чину, ориентироваться на свои епископства.

Нехватку кадров на административных духовных должностях великие князья, а позднее и знать, пытались восполнить учреждением монастырей. Они осознали преимущества миссионерской деятельности конгрегаций, живущих милостыней, и потому более всего поддерживали орден францисканцев, который получил концессию еще в первой половине XIV в. В конце XIV в. в Литве имелось уже шесть францисканских монастырей. Из францисканцев происходили первые Вильнюсские епископы Андрей (1388–1398) и Яков (1398–1407). Поначалу францисканцы базировались в городах (Вильнюсе, Каунасе). В Вильнюсе в двадцатых годах XV в. они возвели первый каменный храм. Каунасское пожалование Витовт Великий связывал со своим обещанием Деве Марии в пору катастрофы на Ворскле. Францисканцы Литвы принадлежали к Польской провинции своего ордена, но уже в конце XIV в. возник ее литовский викариат. В 1468 г. в Вильнюсе и в 1469 г. в Каунасе начала работу возникшая в Польше ветвь францисканцев-обсервантов (с более строгим укладом), именуемая бернардинцами. Появились их монастыри: в Тикоцине – в 1479 г., в Гродно – в 1494 г., в Полоцке – в 1498 г., в Будславе – в 1504 г., в Тракай – в 1522 г., в Твери – в 1531 г. Один из первых женских монастырей также принадлежал бернардинцам (основан в Вильнюсе в 1495 г.). Бернардинцы первыми в Литве стали организовываться в отдельную провинцию. В 1497 г. в Вильнюсе была учреждена орденская кустодия. Каунасский бернардинский монастырь в 1520 г. не позволил вывозить имущество в Польшу, в 1525 г. не послал своих представителей на ее провинциальный конвент. В 1521 г. предпринимались попытки удалить из Вильнюсского монастыря польских монахов. В 1528 г. основана отдельная кустодия в Каунасе. Наконец в 1530 г. папа Климент VII учредил отдельную Литовскую бернардинскую провинцию. Францисканцы и бернардинцы составили основу монастырей Литвы. Куда меньше распространились в Литве доминиканцы, хотя свои храмы у них были уже во времена Гедимина. Великий князь основал в Вильнюсе их постоянный монастырь только в 1501 г. Нищенствующие ордена получили позволение папы

обзавестись движимым и недвижимым имуществом, появилось оно и в Литве. Из общин св. Бенедикта в Литве только в 1405 г. появился приход бенедиктинцев в Старых Тракай, учрежденный Витовтом Великим.

Со времен Витовта Великого в Литве, кроме Вильнюсского и Жямайтского, были еще Луцкое и Киевское епископства. Однако они существовали в православном краю, приходов имели мало, потому это фактически были католические представительские пункты. Члены Вильнюсского капитула нередко становились Жямайтскими, Луцкими и Киевскими епископами.

По сравнению с другими странами Центральной Европы духовенство Литвы было немногочисленным. Соответственно, не было и характерного для этих стран крупного церковного землевладения. Во владениях Вильнюсского епископства проживало только 3,8 проц. крестьян страны. Бенефиции приносили высшим духовным лицам доход, позволявший обеспечивать приличествующее сану положение, однако сам доход был значительно меньшим, чем у аналогичного польского клира. Члены литовских епископальных капитулов стремились занять еще и места настоятелей, особенно в зажиточных приходах. Таких приходов было два или три десятка, что, естественно, практически отнимало у прихожан пастыря. Несмотря на это, привилегированное церковное землевладение вызывало зависть у дворян, исполнявших тяжкую воинскую повинность. Посвящение в духовный сан могли получить лишь дворяне или, во всяком случае, мещане. Закрепощение отняло подобную возможность у крестьян.

Со времен крещения Литвы епископы занимали самые почетные места в великокняжеском совете. Когда он перерос в раду панов, епископы также сохранили в ней первые роли. Хотя Казимиров привилей 1447 г. требовал, чтобы епископами назначались лишь жители Великого княжества Литовского, до середины XV в. (или до его третьей четверти) среди епископов не было ни одного литовца. В 1462 г. епископом Луцким стал литовец, вильнюсский мещанин Иоанн Лосович. В 1467 г. он унаследовал Вильнюсское епископство у местного поляка Николая. Мещанином был и преемник Иоанна Лосовича Андрей Гошкович (1481–1507), выхлопотавший у папы разрешение на ношение оружия духовенством. Место Вильнюсского епископа уже стало выгодной должностью и привлекло к себе внимание знати: в 1507 г. епископом стал Альберт (Радзивилл, умер в 1519 г.), после него – внебрачный сын Сигизмунда II Иоанн из князей Литовских. Посвящение в епископы Иоанн принял лишь в 1531 г. К епископальным доходам проявляла интерес его мать Екатерина Тельницкая, поэтому папский легат /367/ Захарий Феррери в 1520 г. поручил присмотр за епископством Познаньскому и Краковскому епископам. В 1536 г. Иоанн из князей Литовских стал епископом Познаньским, в том же году его сменил последний представитель ольшанских князей Павел (*Paulius*). При учреждении Вильнюсского епископства его не отнесли ни к какой церковной провинции. Однако Рим делал это с целью непосредственного наблюдения за миссией по крещению Литвы, он не строил планов создания будущей Литовской церковной провинции. В 1415 г. Вильнюсское епископство было причислено к Гнездинскому архиепископству. Жямайтское епископство от самого своего основания было под присмотром польского епископата, и это предопределило его вращение в церковную структуру Польши. /368/ После Витовта Великого ни один из великих князей не заботился о создании Литовской церковной провинции. Оставались связаны с Польшей Луцкое и Киевское епископства. И все же Вильнюсское епископство отвоевало такой же политический и административный статус, как и Краковское епископство. Епископ Краковский как церковный сановник столицы государства занял особое положение наряду с Гнездинским архиепископом. Поэтому верхушку Польской церковной провинции составили Гнездинский архиепископ, а также Краковский и Вильнюсский епископы; важнейшие указания папы шли через эту своеобразную коллегия. Нунций Святого престола считался представителем в двух государствах – в королевстве Польском и Великом княжестве Литовском. В документах Римской курии встречались характерные ошибки, когда Гнезно именовали столицей Литовской церковной провинции.

Статус, завоеванный Вильнюсским епископом, и закрепление епископских вакансий за жителями Великого княжества Литовского несколько выделили епископства Литвы из Польской церковной организации.

Ягайловы привилеи определили права католической Церкви в части управления имуществом и их связь с государственными повинностями. Духовенство сразу получило рецепцию всестороннего иммунитета. Медленный рост политических прав дворян и их закрепление в великокняжеских привилеях не принесли каких-либо сословных привилегий для духовенства. Преамбулы привилеев дворянству упоминали о них как о составной части дворянского сословия. Если епископ занимал высшее место в сословной иерархии, то права рядовых священнослужителей воспринимались как составная часть дворянских сословных прав. Тем самым, не сформировался особый сословный статус духовенства; его привилегии определяли лучшую социальную позицию, но не предоставили исключительных политических прав. Однако и социальный статус был весьма почетен: по польскому образцу духовных лиц титуловали князьями (архаичное восприятие князя). Это слово в подобном смысле, и только в нем, сохранил и современный литовский язык. Привилегии, предоставленные католической Церкви, не отменили признания православной веры в Великом княжестве Литовском, однако православие не получило санкции конфессионального императива – как и во времена язычества. Оно сохранило свою прежнюю структуру и организацию. Великий князь Александр II утвердил устав, данный еще киевскими князьями. Однако высшие православные духовные лица не были допущены в формирующуюся и сформировавшуюся раду панов. Государство начало препятствовать строительству православных храмов, но оно продолжалось благодаря пожертвованиям православных землевладельцев. На землях, находящихся в прямом подчинении великому князю, правители-католики пользовались правом патроната над православными церквями.

В Великом княжестве Литовском не сложилось отдельное духовное сословие. Как и в Польше, духовные лица здесь вошли в общее сословие дворян.

2. Признание городских самоуправлений и складывание сословия мещан

Первый привилей немецкого права, который Ягайло предоставил Вильнюсу в 1387 г., знаменовал начало признания городского самоуправления в Великом княжестве Литовском. Вскоре подобные привилеи получили Брест (1390; повторно в 1408 г.), Гродно (1391 г.) и Каунас (1408 г.). До 1441 г. его получили Тракай, в 1501 г. – Велюона. Немецкое право почти исключительно предоставлялось по образцу Магдебурга, поэтому самоуправление литовских городов стали называть магдебургией, а самоуправляемые города – магдебургскими. В Вильнюсе, Каунасе, возможно, в Бресте, при предоставлении этим городам магдебургского права уже имелись немецкие общины, поэтому первые привилегии самоуправления, данные литовским городам, изначально определили как сам характер городского самоуправления, так и взаимоотношения немецких общин с этим самоуправлением. В столичном Вильнюсе немцы составляли небольшую часть населения, которая сыграла определенную роль при обретении самоуправления, но это самоуправление сразу же стало нормой самоорганизации для большинства горожан, а факт его введения был воспринят как признание положения всех виленчан. Город Каунас получил магдебургию на стадии своего создания (войны XIV в. мешали росту предзамкового Каунаса), когда здесь доминировала община немцев-новоселов. Поэтому до самой середины XV в. немецкая стихия господствовала в каунасской магдебургии, и она в каком-то смысле воспринималась как акт, регулирующий положение немецкой общины. Это определялось еще и тем обстоятельством, что великие князья, не заинтересованные в бегстве крестьян из их владений в города, вводили даже национальные ограничения на прием новых жителей (запрещали принимать немцев). Однако во второй половине XV в. немцы утратили свое исключительное положение в Каунасе. Это был редчайший случай, когда немецкая община сыграла столь важную роль в

обретении и усвоении городом магдебургии. Наличие иноземных купцов и ремесленников, ожививших процесс освоения городом магдебургии, было характерно для большинства стран Северной и Центральной Европы, наибольшую роль тут сыграли немцы (поэтому в Венгрии, Польше или Литве городское самоуправление и называлось немецким правом). Литва выделилась на фоне других стран Центральной Европы тем, что в ней всё это происходило медленнее, и уже со второй четверти XV в. поляки тут стали заметнее немцев. Однако, как и в начальный период обретения магдебургии, польская экспансия в самоуправляемых литовских городах не была подавляющей. В Каунасе, когда он утратил немецкий вид, возобладали не поляки, а литовцы, окончательно утвердившиеся в первой половине XVI в. В Вильнюсе число литовских мещан менялось незначительно, а русские жили в городе еще в начале XIV в. В XIV в. русская община появилась в Кярнаве, очень разнородным был национальный состав в Тракай и Гродно. Поляки преобладали только в городах Подляшья, колонизированного мазовшанами, где наряду с магдебургским вводилось кульмское право. Подобное самоуправление получили Бельск (1430/1440 г.), Дрогичин (1429/1498 г.), Высокая (1503 г.), Ванев (1510 г.), Клещели (1523 г.). За исключением Подляшья, Волыни и Вильнюса в городах Великого княжества Литовского до середины XVI в. поляков были считанные единицы. Немецкое самоуправление распространялось и в старых русских городах, унаследовавших повинный статус русских общинных городов: в Луцке (1432 г.), Кременце (1438 г.), Слуцке (1441 г.), Житомире (1444 г.), Киеве (1494/1497 г.), Полоцке (1498 г.), Минске (1499 г.), Новгородке (1511 г.). В 1500 г. самоуправление получил Браслав, находящийся, как и Гродно, на литовско-русском этническом рубеже. В смысле времени и пространства магдебургии довольно равномерно распределились по всему Великому княжеству Литовскому, вовлекая людей как литовской, так и русской национальности.

Возникновение магдебургий в Каунасе и Вильнюсе знаменовало начало нового этапа в росте городов этнической Литвы: города стали создаваться не только вблизи крупных феодальных резиденций. Этот процесс особенно ускорился на рубеже XV–XVI в. В 1503 г. магдебургию получила Майшягала, в 1516 г. – Аникщай, в 1522 г. – Жасляй и Арёгала, в 1536 г. – Пильвишкяй в Занеманье. Магдебургии обозначили правовую сторону самоуправления – вывод городской верхушки из-под волостной власти. Само это выделение было следствием возникновения общин, несущих городские повинности, которое начало проявляться не только в самых больших предзамковых поселениях, но во всем краю, и указывало исключительно на возникновение товарно-денежных отношений. При переписях такие общины стали определять как местечки (городки), в праве возникло понятие торжища (места постоянной торговли) и соответствующие привилегии, признающие особый повинный статус местечек, но еще не дающие самоуправления (не все местечки получали право торжища). Наряду с гражданами магдебургских городов образовался неполноправный слой местечей.

В первой трети XVI в. городское право во всем объеме санкционирования самоуправлений и торжищ стало неотъемлемой частью общего права страны и стимулом ее развития. Процесс формирования мещан как сословия начался с правового признания самоуправлений столицы и нескольких крупных городских общин (среди них – общины каунасских немцев). В течение XV в. он распространился почти на все города страны и в первой трети XVI в. вовлек в себя общины вновь создаваемых городов и местечек. Предоставление городских прав шло очень неравномерно, что в наибольшей степени относится к предоставлению привилегий местечкам. Формирующееся и сформировавшееся сословие мещан было пестрым, его возникновение сопровождалось зарождением не принадлежащего к нему, но исполнявшего городские повинности слоя местечей. Суть предоставления магдебургии состояла в обеспечении мещанам личных свобод и имущественных прав, а также в выделении общин из юрисдикции администраторов и их судов. Тем самым признавалось правомочие избираемой мещанами администрации и их судов, а также право собственности городов на занимаемую ими землю на правах

коллективного вассала великого князя (или удельных князей). Индивидуальная собственность мещанина и городская собственность соотносились согласно вассальному праву. Копировались и применялись принципы немецкого права, но еще не одно столетие право, разработанное, развитое и действующее в городах Германии, не соответствовало возможностям формирующегося сословия мещан Литвы, поэтому рецепция была неполной и упрощенной. Тем самым, самоуправление городов Литвы, а также права мещан были ограниченными, более узкими, чем в землях Германии, в Пруссии, в Ливонии или Польше. Их формулировали привилегии, предоставляемые не всем горожанам страны, а отдельным городам, чье самоуправление и немецкое право в каждом случае отдельно оговаривались. Собственно самоуправление воплощалось в городских органах власти, состав и прерогативы которых в различных городах также значительно различались. В пору ранних магдебургий особо важное положение заняли городские наместники – войты, которые, подобно прочим наместникам страны, исполняли как административные, так и судебские функции. Не сразу было устранено подчинение войтов крупных и старейших магдебургий, подобных Вильнюсу и Каунасу, воеводским наместникам. Сами войты назначались великим князем. Даже войтами Вильнюса становились не местные горожане, но дворяне или угодные правителю выходцы из городов Польши (лишь в Каунасе уже в начальный период магдебургии появились войты, выдвинутые немецкой общиной). С ростом городов и упрочением их магдебургий власть войтов стала ограничиваться городским выборным правлением (магистратом), которое стремилось, как в других странах Центральной Европы, превратить войта лишь в председателя суда, разбиравшего уголовные дела. Административную работу взял на себя магистрат, а решение гражданских дел – связанный с ним суд бурмистров-советников. Вильнюс с 1413 г. стал подотчетен не старосте, но непо- /373/ средственно воеводе. Привилегией Сигизмунда I от 1432 г. подчинил столицу (через войта) великому князю. Подчиненность каунасских горожан лишь магистрату и войту установил привилегией 1463 г. (если это не было сделано ранее). Прерогативы магистрата и войта более четко разделили только решения великого князя о Вильнюсе (1536 г.) и Каунасе (1540 г.). В середине XVI в. города стали получать достаточно пространственные вилькеры – судебные уставы (Вильнюс – в 1551 г.).

Несмотря на признание законами (привилегиями) сословных прав мещан, они считались податным сословием (воинская повинность считалась для дворянина почетной и дающей особые политические права). Лишь магдебургские привилегии крупных городов освобождали мещан от транспортных поставок (за исключением поставок самому великому князю). Вильнюс обзавелся подобной льготой в 1451 г. Важную часть прав мещан составляло регулирование условий торговли, конкретизируемое для каждой магдебургии. Не сразу сложилась и специфическая для мещан воинская повинность – /374/ защита территории своего города и уход за его укреплениями. Снаряжение всадников для призывного войска страны фактически сменилось денежными выплатами. Мещане должны были предоставлять квартиры для свиты в случае прибытия великого князя, позднее – собиравшимся на сеймы дворянам. Главной повинностью для мещан была вносимая деньгами рента, главные виды ренты – чинш с имеющейся земли или ремесла, а также серебщина (денежный сбор). Следует отметить, что мещане и местичи той поры составляли незначительный процент населения страны. Магдебургии не управляли всей территорией городов: площади, принадлежащие великому князю, Церкви или дворянам, считались территорией их права – юридикой (юрисдикцией).

Граждане, обладавшие правами мещан, составляли малую часть городского населения. Большую часть составлял не наделенный этими правами плебс (беднота). Плебс по преимуществу образовался из бежавших в города крестьян. Города Литвы росли и развивались вместе с укоренением крепостничества, поэтому и здесь, как в других странах, приобрело актуальность правило «городской воздух делает свободным». Оно не стало общепризнанным, поскольку города были слабы. Однако землевладельцы не располагали возможностями отыскивать беглых крестьян в узких городских улицах и их тесных дворах,

поэтому вышеприведенное правило обрело характер срока давности пребывания в городе. Конечно, его официальное непризнание затрудняло побег крестьян в города, но еще более им мешал малый спрос на рабочие руки. Плебс фактически пользовался личной свободой, которую не санкционировал никакой закон, хотя чаще всего ее приходилось подменять отношениями залога (заклада).

Несмотря на пестроту и ограниченность прав, в XV – начале XVI в. в Великом княжестве Литовском возникло городское (мещанское) сословие. Право городов и местечек стало составной частью права страны. Мещане не получили политических прав, те остались монополией дворянского сословия.

д. Возникновение общин евреев и эмигрантов с востока

Крайнее (окраинное) положение Литовского государства в латинской цивилизации Европы и его соседство со степями северного черноморского побережья предопределили иммиграцию тюркского этноса (с востока) и евреев (с запада). Этим Великое княжество Литовское напоминало оказавшееся в подобной ситуации Венгерское королевство, только там эти явления произошли раньше. /375/

Самыми многочисленными тюркскими иммигрантами были татары. Отдельные лица или группы татар могли обнаружиться еще в первой половине XIV в., по мере того, как Литовское государство распространилось на русские земли, управляемые татарами. Однако организованные общины, что, кстати, подтверждается собственно татарской исторической традицией (где Витовт именуется Ватадом), появились в последние годы XIV в. Это было следствием походов Витовта Великого на Золотую Орду. В Литовском государстве были поселены как военнопленные, так и те татары, кто искал в нем убежища. Способ поселения мог влиять на расслоение в среде самих татар, однако более всего оно определялось их же общественными взаимоотношениями, в которые государственная власть почти не вмешивалась. Подобно половцам (кипчакам) в Венгрии, происходящие от кочевников татары были ценны великими князьями как умелые и дисциплинированные всадники. Не было попыток нарушить родовые связи, поскольку на них опиралась татарская военная организация. Во времена Витовта Великого татарские общины поселились в Подолье, в Киевской области, близ Минска и в этнической Литве. В последней их села протянулись от берегов Нявежиса (где до 1409 г. было пограничье), через окрестности Каунаса и Пуни до Гродно и Новгородка. Татары были расселены неподалеку от каменных Лидского, Кревского и Тракайского замков, а также в окрестностях Вильнюса (в деревне под названием «Сорок татар» и близ Нямежского замка). Татары более всего выделялись своим образом жизни. Татары Киевской области и степей Подолья остались животноводами, сохранившими племенную структуру и организацию. Во второй половине XV в., когда границы Литвы стали отодвигаться от степей, большинство этих татар стали подвластны Крымскому ханству, и эта их часть перестала принадлежать Великому княжеству Литовскому. Татары, обосновавшиеся на севере Великого княжества, за свою службу были вознаграждены землей в соответствии с феодальными правоотношениями, стали вести оседлую жизнь и исполнять повинности, обязательные для других жителей государства. Именно они и стали теми, известными из истории, татарами Литвы, которых в разговорной речи называют «липками» («липка» в татарском и турецком языке обозначает литовца; это слово из речи литовских татар попало в польский и белорусский языки).

Расселяясь в Великом княжестве Литовском, татары сохраняли организационные связи своих родов (улусов), однако их разрушал меняющийся жизненный уклад. Родовая татарская знать (беки – князья, мурзы, уланы) получили статус великокняжеских татар и землю, необходимую для исполнения военной службы. Рядовые военно-служилые именовались татарами-казаками, и земли в их распоряжении было немного. Обе эти группы

(обязанных военной службой) составили категорию татар-землян. Большинство неродовитых татар не были закрепощены, однако безземелье или малоземелье толкало их в разнообразные промыслы: ремесла (особенно выделку шкур и кож), полеводство, торговлю лошадьми, извоз (татары-возчики славились порядочностью). Встречались и военно-служилые (особенно путные) татары. До середины XVI в. великокняжеские привилегии не регулировали положения татар. Даже татары-земляне считались не столь привилегированной, сколь податной категорией, получившей землю в виде бенефициев без права распоряжения ею. Однако организованная военная служба постепенно устраняла подобные ограничения, и личные права татар-землян перестали отличаться от общедворянских прав. В 1516 г. великий князь освободил их от серебщины с условием, что они снарядят 100 всадников. Если военную повинность для горожан сменили денежные выплаты, то денежная подать с военно-служилых татар, напротив, переросла в один из видов воинской повинности. В середине XVI в. они уже не вносили никаких платежей; как и дворяне, они были связаны только военной службой. Податные татары образовывали слой (группу) обязанных подушной податью. Татар становилось всё больше, их новые поселения появились на Волыни и в Подолье.

Во время литовской военной переписи 1528 г. были зафиксированы 121 княжеская и уланская и 423 казачьи семьи. Они еще различались по старым родовым знаменам, управляемым татарскими маршалками, однако государственная военная организация уже не ориентировалась на них. Татарские военные контингенты группировались в территориальные татарские знамена под началом своих хорунжих, которые и исполняли указания военного руководства. Родовая традиция выражалась лишь в том, что должности как маршалков, так и хорунжих чаще всего были наследственными.

Не будучи узаконены никакими писаными актами, татары как поданные великого князя располагали правом свободно исповедовать ислам. Таким образом, их общины оберегались конфессиональной замкнутостью, позволившей сохранить самобытную культуру. В масштабе страны татарскую общину долгое время составляли две, аналогичные христианскому населению, сословные категории: не отличимые от дворян (кроме отсутствия политических прав) военные слуги и податное большинство, образом жизни и возможностями наиболее соответствующее слою местичей. Последнее проживало как в городе, так и на селе. /377/

В конце XIV в. Витовт Великий привел из Крыма и поселил в Тракай другую, весьма малочисленную тюркскую общину – караимов. Караимская знать исполняла воинскую службу по охране великокняжеских замков. Рядовые караимы промышляли торговлей, полеводством и ремеслами (особенно прядильным делом). Как и татарам, караимам в Литве была обеспечена свобода веры. Они исповедовали восточную, не признающую Талмуда, отрасль иудаизма. В 1441 г. великий князь предоставил Тракайским караимам магдебургию.

Татары в литовском обществе пополнили структуру дворян и местичей, караимы – мещан, при этом они сберегли конфессиональную автономию и свою вероисповедальную организацию, молельные дома, кладбища и социальный уклад.

Как составная часть европейской городской структуры в Великом княжестве Литовском появились евреи. Основной поток их иммиграции шел в Литовское государство из Червонной Руси, принадлежащей Польше. Начало этой иммиграции трудно установить, но в последней четверти XIV в. присутствие евреев в русских землях Тракайского княжества было очевидно. В 1388 г. Витовт, бывший в то время гродненским князем, предоставил евреям Бреста права, образец которых был взят из привилегии 1264 г., предоставленного евреям Львова великопольским князем Болеславом Набожным. Эта рецепция не только узаконила еврейскую общину Бреста, но и стала правовой основой для всех евреев Великого княжества Литовского. Ею как эталонным актом руководствовались в определении положения других еврейских общин. В 1507 г. в преамбуле хитроумно заменили несколько слов, после чего была получена санкция великого князя на распространение действия этого Витовтова привилегия на всех евреев Великого княжества Литовского. Отдельные привилегии

еврейские общины получали еще в 1526, 1527 и др. годах, однако это не меняло сути основополагающего привилея 1388 г. Брестская община осталась центром для всех еврейских /378/ общин Литовского государства, в ней сохранялись их главные привилегии, в Бресте собирались представители других общин для обсуждения насущных вопросов.

В конце XIV в., кроме Бреста, существовала небольшая еврейская община в Гродно. В XV в. число еврейских общин в Великом княжестве Литовском выросло до полутора десятков. В этнической Литве возникла только одна – в Мяркине. В Вильнюсе еврейской общины не было даже в первой половине XVI в. Сильные еврейские общины появились по соседству с Червонной Русью, на Волыни – во Владимире и Луцке. Витовтов привилей предусматривал для еврейских общин конфессиональный иммунитет, подчиненность великому князю через областных наместников, внутреннее административное и правовое самоуправление, солидарное исполнение повинностей, личную свободу и гарантии управления имуществом. В городах еврейские общины (кагалы) входили в отдельные юридика. Бразды правления в кагалах принадлежали богатой верхушке, социальное и семейное право жестко регулировалось религиозными нормами и ортодоксальным еврейским духовенством. Исповедуемый евреями западный (талмудический) иудаизм связывал их с соотечественниками из других стран Европы в одну диаспору.

Богатые евреи в небогатой стране были весьма желательны благодаря своему капиталу. Они промышляли ростовщичеством (запрещенным или предосудительным для христиан) и торговлей. Верхушку богатых евреев окружал средний слой ремесленников и мелких торговцев и многочисленная беднота. Еврейские юридика в городах соответствовали христианским структурам магдебургий и племса, а кагалы практически считались коллективными вассалами великого князя. Повинности, исполняемые евреями и горожанами магдебургий, по существу совпадали, различалось лишь их конкретное выражение. Великие князья и аристократия, беря в долг у евреев, оказались неплатежеспособными уже во второй половине XV в. Евреи выкупали места сбора мыта и др. податей и сами занимались изъятием платежей. С ростом городов всё это обостряло конкуренцию между еврейскими и христианскими предпринимателями. Великий князь, оказавшись в трудной финансовой ситуации, все эти противоречия попробовал разрешить одним ударом – в 1495 г. евреи были изгнаны из Великого княжества Литовского, а их имущество конфисковано. Изгнанные евреи обосновались в приграничных городах Польши. Казалось, что правитель страны неплохо заработал, однако, в результате вытеснения из страны потенциальных обладателей капитала, сильно пострадал денежный оборот. В 1503 г. евреям было позволено вернуться в Великое княжество Литовское. Им было возвращено имущество, /379/ сохранившееся в руках великого князя, однако о возврате долгов не было и речи. Евреи получили право на выкуп того имущества, которое досталось третьим лицам. Платить долги евреям были обязаны те, кто брал у них займы. В первые десятилетия XVI в. в Польшу (особенно в Краков) бежало множество евреев, изгнанных из Чехии. Возникла острая конкуренция между старожилами и пришлыми. Сигизмунд Старый пытался смягчить эти противоречия тем, что создал условия для новых еврейских иммигрантов в Великом княжестве Литовском.

По возвращении евреев обязали содержать 1000 всадников, но вскоре эта повинность была заменена денежными платежами, аналогичными магдебургским. Евреи не имели политических прав, однако представители их элиты утвердились в финансовом руководстве страны (Ашейка, Езофовичи). Принявший православие Абрам (Авраам) Езофович (Езоф – вариант от имени Иосиф) в годы правления Сигизмунда II стал даже государственным казначеем. Простые евреи жили замкнутой жизнью своих кагалов.

Цыгане, распространившиеся из Индии по всей Европе, в XV в. объявились и в Великом княжестве Литовском. В южные области Литовского государства они мигрировали из румынских княжеств, в северную его часть – из Польши. Последние через русские земли Тракайского княжества в первой половине XVI в. попали в Жямайтское староство. Статус цыган опирался на устоявшуюся традицию, идущую от великокняжеского привилея, датированного 1501 г. и позволявшего им кочевать и не стеснявшего их обиходных

промыслов. В привилегии упоминался цыганский войт, уполномоченный мирить и судить, однако кочующие общины (таборы) были трудно уловимы. Фактически с ними сносилась местная администрация и отдельные землевладельцы. Цыгане пробавлялись случайными заработками, часто связанными с уходом за лошадьми, торговлей и меной. Как и в других странах, внешне цыгане придерживались местной веры, т. е. в этнической Литве и Польше – католической, а в русских землях страны – православной. Цыганский образ жизни не позволял обложить их фиксированными повинностями, а вместе с тем не давал им никаких гарантий признания собственности. Трудно контролируемые цыгане жили не столько вне общества, сколько «рядом» с ним, поддерживая связи с другими жителями страны, только когда к этому вынуждал их промысел.

Группы тюрков, евреев, цыган, иммигрировавшие в Великое княжество Литовское, не были многочисленны и немногим изменили его этнический состав. Их иммиграция совпала с формированием сословного общества. Положение их общин было определено по сословным принципам. За исключением цыган, не имевших /380/ четко определенной собственности, эти сословные принципы позволили иммигрантам сохранить их конфессии, обеспечивавшие замкнутый характер общинной жизни.

е. Формирование феодального помещичьего хозяйства

Переход индивидуального хозяйства крестьянской семьи под реальную власть землевладельца превратил прямое присвоение добавочного продукта в регулярную феодальную ренту. Сеть великокняжеских замков и дворов, выполнявшая при военной монархии в основном административную и оборонительную функции, стала – по мере возникновения и расширения контактов с европейскими странами – нести ярко выраженную экономическую функцию. Прикрепление крестьян к земле позволяло все продуктивнее использовать их в обустройстве замков. Толоки перерастали в постоянную барщину, замки и дворы обзаводились пахотной землей, а несвободные семьи, живущие на территории хозяйства, все более склонялись к животноводству. Вокруг замков создавались поместья с пахотными фольварками, замки и дворы понемногу делались хозяйственными центрами поместий. В конце XV в. фольварки стали уже неотъемлемой частью экономической жизни. Помещичьи имения вырастали в крупные аграрные производства рядом с мелкими крестьянскими и дворянскими производствами. Если продукцию последних обычно потребляли сами хозяйства, то крупные феодальные поместья (дворы) уже начали влиять на складывающийся рынок и определять экономический потенциал страны. Наиболее интенсивно этот процесс совершался в самом ядре великокняжеского домена – на древней исторической литовской земле (между средним течением Немана и рекой Нярис). На север от Нярис возникло лишь несколько великокняжеских поместий, а в целом замки и дворы остались традиционными центрами волостей, в которые стекались подати, собираемые в отдельных полях. Северные волости (историческая Нальшя) именовались Завельем (землями за рекой Нярис, или Вилией): их хозяйственной деятельностью руководил вильнюсский тиун. Хозяйством поместий ведал постепенно формирующийся институт державцев (управителей), старосты замков остались лишь территориальными администраторами. В крупных панских владениях аналогично создавались поместья и фольварки. Собственные пахоты появились и на землях рядовых дворян, их /381/ владения стали называться поместьями (имениями).

На помещичьих пашнях, обеспеченных постоянной барщинной рабочей силой, образовались значительные пахотные массивы, на которых было удобнее применять правильное трехполье. В великокняжеских фольварках правильное трехполье начало определять размежевание толок и барщинных работ уже в конце XIV в. Растущее поголовье помещичьих стад и соединение монарших конных заводов с крепнувшими поместьями

(дворами) привело к строительству загонов и закрытых хлебов, а в местах постоянного содержания скота стал скапливаться навоз. Открылась возможность удобрять немалую часть пахотной земли. Отдых земли под паром приобрел решающее значение. Всё меньше истощенной земли приходилось оставлять под кустарник и повторную вырубку, вырубка из фольварков отступала в хозяйства крестьян и мелких дворян. Великокняжеские и панские дворы стали давать основную долю продукции по сравнению с волостными и единичными данниками. Поскольку это происходило по мере возникновения товарных отношений и денежной ренты, появления корчем (трактиров), а с началом XVI в. также и местечек, державцы поместий стали главными звеньями управления, а помещичье хозяйство – основой государственной экономической политики. С начала XVI в. проходила инвентаризация поместий; державцы должны были предоставлять отчеты об уборке и использовании урожая. Избыток продукции направлялся на рынок, женщины из несвободных семей были обязаны за зиму прясть и соткать установленную норму. Державцам вменялось в обязанность учитывать соотношение крестьянских хозяйств (сошных запряжек) и земли фольварков. Если возникал переизбыток сох, остальные хозяйства, вместо отбывания барщины, платили денежный сбор. С начала XVI в. всю хозяйственную деятельность стали ориентировать в направлении наращивания товарной продукции и выплат за ее получение. Расширились площади под огородами и садами, развивалось пресноводное рыболовство, множились водяные мельницы (упоминаемые источниками уже в конце XIV в.) и запруды. Важные торговые пути попали под постоянный присмотр старост и державцев, стали приоритетными ангари на прокладке и починке дорог, особенно после того, как отпала необходимость в местных **/382/** малых замках. Вместо бродов, гатей и настилов появились рубленые деревянные мосты.

Заметнее всего влияла на пейзаж внутренняя колонизация, получившая мощный импульс после прекращения войн. По мере роста населения не только осушались болота и вырубались леса во внутренних местностях края, – люди вернулись в опустевшие с XIV в. приграничные области. Были вновь освоены низовья Немана и Занеманье. Волости Северной Жямайтии растягивались, как рукава, когда их администрация устремлялась следом за крестьянами, заселяющими пограничье. В Восточной Литве населялись южные окраины исторических Восточной Земгалии и Селии. По мере роста ренты и ее денежной части, прежнее распределение платежей в пользу местной администрации перестало соответствовать реальному положению. Державцы стремились заполучить наибольшую часть повинностей, старосты Жямайтии (ими всё столетие пробыли люди из рода Кезгайло) фактически превратились в князей. Нерационально управляемые великокняжеские имения и волости давали мало дохода; когда (с конца XV в.) начались войны и казне потребовались дополнительные средства, в первое и второе десятилетия XVI в. многие из них были заложены. Сигизмунд II взялся наводить порядок в хозяйстве поместий. Для имений Вильнюсского и Тракайского поветов он в 1514 и 1529 г. издал инструкции (наставления), в которых указал, как распределять ренту и надзирать над пашнями и стадами. Установления для волостей Жямайтии были выпущены в 1527 и 1529 г. В 1527 г. был ограничен произвол Кезгайло, большую часть волостей староства великий князь взял под свое прямое управление. Введение сошного сбора в краю, мало затронутым товарными отношениями, тяжким бременем легло на его крестьян. В 1535 г. они отказались исполнять повинности в центральной Жямайтии. Брожение было усмирено, но великий князь был вынужден несколько отрегулировать и смягчить повинности.

Выросло значение лесного хозяйства. В лесах и рядом с ними возникали специфические поселения угольщиков и солеваров. Всё шире распространялись пережог золы и древесного угля, добыча соли и варка смолы. Всё разнообразнее становилось производство деревянных полуфабрикатов (бревен, досок, горбыля). Летом и осенью по Неману, Нярис, Бобру **/383/** и Нареву сплавливались плоты в Пруссию. Возникла профессия плотогона.

Новый – товарный – характер крепостнического поместья приравнивал к основам

товарных отношений крестьян, которые уже не могли обойтись без рынка. В местечках и приходах была создана сеть рынков. Деньги начали попадать в руки крестьян, которые оставляли их на рынках и в корчмах. В стране возник незначительный, но растущий денежный оборот.

ж. Ознакомление Литвы с европейской производственной технологией и бытом

Языческая Литва сумела усвоить некоторые немецкие военно-технические и фортификационные навыки, ее князья познакомились с предметами европейской роскоши. Однако по производственному потенциалу Литва значительно отставала от ближайших стран Центральной Европы: всё решало земледелие, в котором еще не существовало правильного трехполья. В малых городах страны не был достигнут должный уровень цеховых ремесел. По окончании войн и экономической изоляции страна стала быстро осваивать упущенные производственные секреты. На селе этот процесс шел медленнее всего, ибо земледельческая рутинная работа раннего феодализма, слабо затронутая ремеслами, не могла резко перемениться. В городах, куда перебирались специалисты из Пруссии, Ливонии и Польши, прогресс шел быстрее, и это приводило к заметным сдвигам во всей стране. Одалное общественное устройство и в городах формировало индивидуально-производственные структуры. В Вильнюсе в 1458 г. создано братство кожевников, во второй половине XV в. их было уже много. Братства не становились цехами, однако, с точки зрения самоорганизации, они способствовали возникновению цехов. В 1495 г. в Вильнюсе возникли цеха златокузнецов и портных, в 1509 г. – брадобреев, в 1516 г. – кузнецов и слесарей, около 1522 г. – сапожников. Первые цеховые статуты были писаны по образцам Краковских и Данцигских цеховых статутов. Во второй четверти XVI в. создание и разрастание цехов в Вильнюсе еще более ускорилось. Вскоре цеха возникли и в Каунасе. Цеховая организация со своими правилами взимания платы с учеников и подмастерьев, приобретения материалов и реализации товара, ограничивающими конкуренцию, знаменовала освоение технологии, привычной для центрально-европейских городов. В Вильнюсе появились ремесленники высокой квалификации.

Внедрение цеховой технологии повышало уровень вотчинных ремесленников. Панские имения обслуживались золотых дел мастерами, каменщиками, плотниками, столярами, стекольщиками, портными, сапожниками, ковровщиками, инкрустаторами, создававшими предметы роскоши европейского уровня.

Мастерство вильнюсских специалистов на рубеже первой и второй трети XVI в. принесли им известность за пределами страны. Гостивший в Литве знаменитый немецкий медик Парацельс даже проиграл диспут. Прусский герцог просил у гетмана Георгия Радзивилла прислать ему немецкого органного мастера Урбана Нейденберга. Уже в середине XV в. в Вильнюсе изготавливались и глазурились профилированные изразцы, равные по качеству соответствующим немецким изделиям. Однако в целом внедрение ремесел в Литве еще не достигло необходимого технического уровня. Правда, вполне умело применялись технические новшества (включая ремонт). Источники упоминают о литейном дворе в Вильнюсе в XV в., однако это производство не получило распространения. На протяжении всех войн начала XVI в. Литва так и не освоила литье пушек. Правда, в замках пушкари умели готовить порох и чинить артиллерийские орудия. Подобным образом работали органисты, занимаясь ремонтом своих органов. Вельможи содержали мастеров-латников, способных изготовить детали доспехов, восполнить их утраченные фрагменты, но полные комплекты защитного снаряжения приходилось покупать за границей. Был обеспечен уход за колоколами, появившимися еще в XIV в., и за механическими башенными часами, упоминаемыми со второй половины XV в. В Вильнюс по трубам подавалась вода из источников Вингряй и Жупроняй (не вполне удачно). Вошли в употребление насосы и пожарные стволы, однако их не производили на месте, а привозили

из Польши. Около середины XVI в. Вильнюс почти на треть был каменным. Булыжная мостовая появилась в XV в., но только в первой половине XVI в. были замощены несколько улиц в самом центре Вильнюса. В 1503–1522 г. столица была окружена каменной стеной.

Значительные сдвиги произошли в XV – начале XVI в. в сельской архитектуре. Старинный дымный дом, где под одной крышей обитали люди и скотина, стал хозяйственной постройкой. Основным жилым строением стала изба, часто имевшая глиняную печь с /385/ трубой (дымоходом) и отдельную прихожую (сени). В первой половине XVI в. стало больше изб, разделенных на два изолированных помещения (о двух концах). Отдельные хозпостройки, известные еще в XIII–XIV в., теперь стали правилом, характеризующим крестьянскую усадьбу. Множились клети, строились хлева, с трех сторон окружавшие открытый загон. Важным строением стало гумно, дополненное отапливаемым овином. В первой половине XVI в. появились еще редкие железные ободья, дворяне побогаче стали подковывать лошадей.

Промышленное развитие и возникновение рынка привели за собой необходимость в ежедневном измерении и подсчете. Ознакомление с системой мер соседних народов подтолкнуло литовцев к созданию своей метрической системы; ее особенности, естественно, определялись собственным способом хозяйствования. В XV в. сложились меры длины, веса и объема. Расстояния оценивались в литовских милях, в ближнем обиходе использовался литовский локоть (*uolektis*). Сыпучие вещества измерялись в вильнюсских бочках. Как и в других странах Балтийского бассейна, в литовской торговле весовая мера фунт (*svaras*) образовалась от удвоения единицы монетной чеканки – литовского рубля (соответствующего марке соседних стран). 40 фунтов составляли камень. Величины локтя (62–63 см) и фунта (около 365 г) были оригинальными, они отличались от аналогичных номиналов соседних краев. Площади как квадратуры Литва XV – первой трети XVI в. по сути еще не воспринимала: пахотная земля измерялась посевными бочками, сенокосы – возами полученного сена.

Христианский календарь ввел неделю, четкие праздничные циклы. Эти знания сочетались с литовским земледельческим календарем, где у месяцев были свои названия. Они и сохранились в литовском языке, как и в языках соседних народов (поляков, отчасти – белорусов). Церковное литургическое счисление канонических часов распространилось среди горожан, уже измерявших дорогое для них время часами, а не частями суток. Из городов подобное счисление проникало в панские имения, а оттуда – в дома дворян.

Сдвиги в производстве, его завязавшиеся контакты с рынком, внедрение счета в повседневную жизнь расширяли людской кругозор. Среда обитания и вселенная для литовцев из природной стихии превращались в события и явления, воспринимаемые во времени и пространстве. Однако европейский уровень быта во второй половине XV – начале XVI в. доступен был лишь панам. /386/

3. Включение Литвы в европейские экономические связи

Случайные торговые связи Литвы с ее западными соседями, характерные для эпохи Витовта Великого, стали постоянными. Эти связи начали регламентироваться не эпизодическими соглашениями или разовыми указаниями правителя, но куда более регулярными договорами и привилегиями литовских городских самоуправлений. В Салинском 1398 г., Рационжском 1404 г., Торуньском 1411 г., Мельнинском 1422 г. и Скирснямунском 1431 г. договорах провозглашалась взаимная свобода торговли, однако слабые литовские города не могли воспользоваться этой свободой наравне с немецкими городскими колониями. До второй половины XV в. редкий литовский купец достигал Пруссии, ставшей с начала XV в. наиболее освоенным торговым направлением. Поэтому активной стороной были города Пруссии, прежде всех – Данциг (с середины пятидесятих годов XV в.

перешедший под польское управление). В первые годы княжения Казимира в Каунасе была учреждена Ганзейская (фактически – Данцигская) торговая контора, в 1441 г. получившая привилеи от великого князя. Через нее ганзейцы стремились распространить свою торговлю на каждого из умножающихся рядовых потребителей.

Стремления прусских купцов в середине XV в. схлестнулись с интересами окрепших литовских горожан и их возросшими возможностями. Немецкие купцы завладели Неманским торговым **/387/** путем, поддерживали связи с Тракай, Брестом, Каунасом и Вильнюсом. Два последних города, особенно Каунас, представляемые литовским купечеством, изрядно страдали от соперничества с Ганзой. Потребности новой самостоятельной купеческой прослойки не удовлетворялись государственной протекцией, защищавшей по преимуществу интересы великого князя. С ростом масштабов торговли возникла необходимость в более точной регламентации ее характера и объемов, и литовские купцы оказались способны сами бороться за свои права. Одним из важнейших испытаний стало введение т. н. права гостя (заезжего купца), защищавшего торговое пространство местных купцов. Право гостя проявлялось в двух основных направлениях – штапельном и посредническом праве, которые, начиная с сороковых годов XV в., вильнюсские и каунасские купцы упорно стремились узаконить. Применение штапельного принципа не позволяло приезжим торговать между собой, зато позволяло местным купцам диктовать закупочные цены (компенсацией для приезжих служили ярмарки, во время которых им разрешалось торговать в розницу). С середины сороковых годов немецких купцов принуждали торговать лишь в самих Вильнюсе, Каунасе и Тракай, им запрещалось доставлять товар своим транспортом. В Вильнюсе, правда, применялось более мягкое посредническое право, не требовавшее, чтобы заезжие купцы непременно здесь реализовывали привезенный товар. В конце сороковых годов города Литвы сами прервали торговлю с городами Ганзы; Вильнюс не пропускал ее купцов в русские земли Литовского государства, хотя полное соблюдение штапельного принципа еще не было достигнуто. Со второй половины шестидесятых годов в Вильнюсе уже действовало посредническое право. Окончательно оно было оформлено великокняжеским привилеем 1511 г. Штапельное право не было утверждено законами государства, хотя с конца XV в. город Вильнюс по своей инициативе пытался применять его по отношению к купцам не только Пруссии, но также Руси и Польши.

Внедрение права гостя было не чем иным, как борьбой крепнущего купечества Великого княжества Литовского за отдельные элементы возникающего внутреннего рынка. Роль форпоста против купцов Пруссии (особенно Данцига и Кенигсберга) досталась городу Каунасу. По мере того как Каунас становился всё более литовским, т. е. с возвышением литовской городской элиты, разбогатевшие местные купцы начали заявлять свои интересы. Каунасцы, столкнувшись в Пруссии с ограничениями в правовом статусе гостя, очень скоро по- **/388/** чувствовали уязвимость своего положения. Стремясь соответственно ограничить прусских купцов в Каунасе, они защищали свои торговые возможности. Поначалу действия каунасцев выражались только в единичных утеснениях. Прибывающих немцев заставляли жить и питаться в трактирах, не позволяли им снимать жилье и самим готовить еду. Однако на исходе третьей четверти XV в. эти попытки становились все более целенаправленными. Когда из Литвы начали вывозить хлеб, был введен городской сбор (одна денга с каждой бочки). Вводились ограничения на торговлю немцев с купцами, приезжавшими в Каунас из других городов Литвы. Была затруднена скупка ганзейцами древесины и золы в окрестностях Каунаса. Единичные ограничения перерастали в систему, защищавшую интересы каунасских торговцев. На городских весах запрещалось взвешивать куски (слитки) весом менее, чем в три камня, и это отняло у немцев возможность розничной скупки воска (что было выгодно Каунасу, где уже получило достаточное развитие вытапливание воска). Предпринимались попытки запретить прусским купцам скупку остатков от поставляемого воска (восковых обрезков). Город Каунас попытался регулировать размер ввозимых соляных бочек и количество продаваемой соли, требуя, чтобы в каждой партии было не менее 6

бочек, а это всерьез подкосило розничную торговлю. Жесткость Каунаса заставляла отдельных прусских купцов отказываться от услуг Ганзейской конторы. С семидесятых годов XV в. некоторые из них стали переходить в зависимость от Каунасской магдебургии, т. е. менять подданство. Всё это свидетельствовало о растущей конкурентоспособности каунасского купечества.

Как правители Литвы, так и руководство Тевтонского ордена довольно безучастно наблюдали за этим торговым соперничеством, поскольку власть интересовалась лишь пошлиной (мытом), которую платили обе стороны. Вспыхнувшая торговая война была проблемой самих городов. Немецкие купцы продолжали пользоваться традиционными преимуществами, а Каунас и Вильнюс стремились огрызнуться при первом удобном случае, не страшась даже полного прекращения торговли. Их окрепшее купечество установило контакты с государственными чиновниками (врадниками), каунасцев стали поддерживать таможенники и евреи, откупившие таможи. Жалобы, споры и аудиенции привели к более серьезным переговорам, состоявшимся в феврале 1492 г. в присутствии Казимира. Каунасцы требовали всеобъемлющего равенства условий торговли в городах Литвы и Пруссии. Такого, обобщающего, толкования посреднического права Казимир не поддержал. В ответ на /389/ это Каунас запретил Ганзейской конторе торговать с гостями. Казимир не спешил удовлетворять данцигские жалобы, а каунасцы в свою очередь не разрешали немцам покупать в городе дома.

Все эти усилия Каунаса имели целью утвердить посредническое право без санкций власти. Великие князья не давали этим стремлениям законного хода и постоянно предлагали компромисс, поэтому город действовал на свой страх и риск. Решением Александра II немцам было разрешено торговать в Каунасе с вильнюсцами. Однако подобные эпизодические успехи ганзейцев уже не снимали ограничений, превратившихся в систему. Всё это влияло на поведение великих князей. В ответ на применение руководством Тевтонского ордена санкций, спровоцированных просьбой Ганзы, Александр II весной 1495 г. закрыл пути в Пруссию. Чуть позже, при посредничестве короля Польши, великий князь смягчил свою позицию. В 1497 г. прусским купцам было позволено не платить провозную пошлину (внутри страны), а вносить только ввозную. Однако великий князь не отменил других каунасских установлений, фактически означавших введение посреднического права. Немцы уже не могли везти в Каунас соль на своих кораблях. Хотя в 1505 г. Александр II подтвердил привилей, данный Казимиром Данцигской конторе в 1441 г., условия были уже не те. На контору постоянно давил вильнюсский мытник (таможенник) Авраам Езофович, а когда в 1512 г. он стал государственным казначеем, были введены новые пошлины, ограничены остатки в розничной торговле, запрещено торговать с прибывшими в Каунас гостями. Отдельные прусские купцы всё чаще напрямую сталкивались с горожанами Каунаса, в обход Ганзейской конторы. В первые десятилетия XVI в. торговля Литвы с Пруссией заметно выросла, а Ганзейская контора в Каунасе дышала на ладан. В тридцатых годах ее закрыли. С ростом торговли литовские и прусские купцы могли осваивать новые торговые пространства. В первой половине XVI в. литовцы торговали в Клайпеде, Тильзите, Рагайне, а немцы – в Жямайтии. Уже в XVI в. вильнюсские и полоцкие купцы добирались до Варшавы, Люблина, Познани, даже до Лейпцига и Вроцлава.

Хотя в конце XV в. Литва уже экспортировала зерно, номенклатура ее экспорта со времен Витовта Великого почти не изменилась. Большую часть экспортных доходов приносил воск, важными оставались позиции выделанных и необработанных шкур, среди продуктов лесного хозяйства преобладал ванчос (полуфабрикаты крупных дубовых бревен) и зола. Однако этот ассортимент изменился качественно, и резко возрос его объем. Потекли на запад потоки шкур, заготовленных в русских землях Великого княжества Литовского. Дополнением к ним стали выделанные кожи. Всё это еще не вызвало крупного денежного оборота, долги не возвращались и через десять лет. Не проявлялась торговая специализация, торговля не порождала купцов-финансистов. Однако Литва уже стала поставщиком сырья и полуфабрикатов, завоевавших непреходящий спрос, и постоянным

потребителем металлов, соли и сукна. Ее товары и запросы стали определять денежный оборот городов Пруссии, транзит ее продукции в страны Западной Европы стал непрерывным. В первые десятилетия XVI в. быстро наращивался экспорт зерна и новых видов лесных полуфабрикатов. Начиная со второй четверти XVI в., в литовском экспорте появились изделия ремесленников: холст, упряжь, обувь, перчатки, меховые шапки. Уже в начале XVI в. самостоятельную роль отстоял литовский торговый флот на Немане, сложились литовские типы судов – перги и барки (*pergai* и *vytinės*).

Эти сдвиги вынудили Литовское государство вникнуть в характер торговли и весь объем ее условий. В 1529 г. был заключен торговый договор с Пруссией. Применялись систематические запреты на вывоз металлов из Литвы.

По Неману доставлялась продукция, произведенная в хозяйственном ядре этнической Литвы и на соседних русских землях. Несколько более давняя, традиционная торговля с Ливонией, направляемая по Западно-Двинской (Даугавской) магистрали, соединившей, помимо Вильнюса, тыл русских полоцких земель с Ригой, на протяжении XV в. количественно выросла, хотя в целом и утратила свое господствующее положение. В сфере интересов Риги в первой половине XV в. оказался и Каунас, однако главным партнером Риги остался Полоцк. Немецкая купеческая контора действовала в этом городе с середины XIV в., в Полоцке совершались сделки вильнюсских и ливонских купцов. При посредничестве Витовта Великого Полоцк и Рига в 1406 г. заключили договор о свободной торговле. В 1439, 1447 и 1467 г. он был возобновлен. Посредническое право предоставлялось по этому договору обеим сторонам: русским Литвы запрещалось плавать за море, а немцам – заезжать за Полоцк. Часть транзита между Великим княжеством Литовским и Ливонией шла через Псков. В первой половине XVI в. торговля с Ливонией еще более выросла, но сохранила при этом традиционные черты. Тем самым и розничная торговля на севере была менее стеснена. Когда в Литве возникли местечки, /391/ торговать с Ливонией начали Рокишкис, Биржай, Панделис, Кедайняй, Шедува, Купишкис, Жагаре, Сведасай, Укмярге, Аникшяй, Вабальнинкас. Номенклатура торговли менялась: со второй половины XV в. на север стали вывозить литовский лен.

В первой половине XVI в. Литва втянулась в европейские рыночные отношения, которые проникли даже в ее местечки. Однако роль поставщика сырья и потребителя готовой продукции не позволяла развиваться комплексному рынку Литвы. Торговые связи Северной Литвы были ориентированы на Ригу, интересы Жямайтии и Занеманья – на Кенигсберг и Клайпеду, Южной Литвы – на Данциг. Вся северная и западная часть этнической Литвы становилась экономическим тылом не Вильнюса, но зарубежных городов. При таком положении, хотя денежные накопления в литовских городах заметно выросли, они существенно отставали по сравнению с соседними странами. С ростом лесного и возникновением зернового экспорта стала ощутима нехватка местного капитала для крупных закупок. Средства сужали рижские и данцигские купцы. Соответственно развивалась денежная система страны. С 1387 г. предпринимались попытки унифицировать денежную эмиссию, сделать ее исключительной регалией великого князя. Эти усилия завершил Витовт Великий. Весь XV в. применялась техника заготовки серебряной проволоки, более характерная для России. Чеканились два мелких номинала (денежки), соотносимых с пражскими грошами и местными рублями. Реформа начала пятидесятых годов XV в. приравнивала более крупный денежный номинал к 1/8 пражского гроша. Целью реформы 1495 г. было приравнивать счетный литовский грош к чешскому (1 грош=10 денежек), однако по мере износа монет за пражский (т. н. широкий) грош на рынке требовали 13–14, а то и 15 денежек. Важнее была другая мера: Александр II начал чеканить литовские полугроши с применением европейской техники (из серебряной жести). В XV в. литовские деньги еще не смогли утвердиться на внутреннем рынке, однако они получили распространение в Новгороде. В Ливонии против них обратили особые санкции. На исходе XV в. исчезли рубли. В середине тридцатых годов XVI в. начали чеканить литовские гроши. Рубль остался лишь счетной единицей (в первой четверти XVI в. окончательно установился курс 100

грошей за рубль). Наряду с рублевым счетным эквивалентом появилась пришедшая из Центральной Европы копа (60 грошей). Литовская денежная система по своим номиналам и их физической форме /392/ соответствовала денежным системам других стран Центральной Европы, она возобладала во всей стране. Литовские гроши были на четверть дороже польских.

Помимо торговых связей возникли контакты иного рода между жителями Великого княжества Литовского и других стран Центральной Европы. Это особенно относится к Польше. Уже в 1447 г. Казимир привилеями позволил дворянам отправляться для обучения в другие страны. В соответствующей статье говорилось о рыцарском образовании. Знать воспользовалась этим правом уже в начале XV в. В первой трети XVI в. литовские дворяне получали приглашения на службу даже к французским вельможам. Литва стала периферией экономической и общественной жизни Европы. /393/

4. Превращение военно-монархической Литвы в сословное дворянское государство (конец XIV – первая треть XVI в.)

а. Федеративная структура земель Великого княжества Литовского

В XV в. Великое княжество Литовское по территории было одним из самых крупных государств Европы, площадь его составляла около 1 миллиона км². Только оно владело берегами как Балтийского, так и Черного моря. В конце XV – первой четверти XVI в. Литовское государство уменьшилось до 700 000 км². На этой площади жило приблизительно 3 или 3,5 миллиона человек. Этническая Литва составляла лишь небольшую часть этой территории. В процентном отношении литовское меньшинство несколько преобладало, поскольку площадь его проживания была гуще населена, и по плотности ему соответствовали только ближние русские земли и Волынь. В начале XVI в. литовцев было не менее полумиллиона. Политический вес определялся количеством не просто жителей, а дворян (они составляли около 7 проц. населения страны). Литовское дворянство было заметно многочисленнее русского, оно составляло почти половину правящего слоя.

Витовт Великий по сути разрушил систему удельных княжеств, удалив крупнейших русских удельных князей и соединив литовские Вильнюсское и Тракайское княжества. Однако, из-за кризиса тридцатых годов XV в., на русских землях возникли апанажные владения верхушки Гедиминовичей. До 1470 г. они были уничтожены. Сохранились небольшие княжества, управляемые православными второразрядными представителями иерархии Гедиминовичей и местными русскими князьями из рода Рюриковичей. Распределились они неравномерно. Наиболее значительные концентрировались в южном соседстве с Литвой – в Полесье и на восток от него. Пинским княжеством управляли наследники Гедиминова сына Наримонта. Часть его волостей была выделена в отдельное владение, принадлежащее Рюриковичам, ведущим род от Святополка Изяславича. Князь Давид, женатый на дочери Ольгерда Марии, основал здесь замок Давид-городок, ставший центром этого образования. Его сын Дмитрий погиб, выступив в поддержку Швитригайло против Сигизмунда I. Будучи князем волынским, Швитригайло прибрал к рукам Туров и Давид-городок. После его /394/ смерти великий князь Казимир I взял эти земли под свое прямое управление. Туров некоторое время оставался на этом положении, а в Давид-городке правили угодные правителю или отличившиеся перед ним князья: вдова Швитригайло Анна (получившая вдобавок Здитов и Дворец, расположенные неподалеку); по ее смерти (между 1471 и 1484 г.) Иван, сын боровского князя Василия, бежавший из Московского великого княжества. Так правители Литвы укрепляли контроль над княжествами Полесья, сочетая это

с признанием статуса лояльных к ним князей. Подобный режим применялся и по отношению к Пинскому княжеству: его последний вотчинник Юрий был сделан наместником и через некоторое время признан правителем княжества. По смерти Юрия Казимир I оставил Пинск себе. Сходные явления наблюдались и на восток от Полесья. Пожалованием Клецка (Клеческа) Казимир I надеялся убогатворить Михаила, сына Сигизмунда I, а когда тот бежал, было введено прямое управление; позднее Клецк, вместе с Рогачевом, был передан Ивану, правившему в Давид-городке. Туров от Александра II получил Михаил Глинский. Это было уже дарение фавориту, а не династическая комбинация. Также можно оценить и последующую передачу Турова Константину Острогскому, когда Михаил Глинский в 1508 г. бежал в Московское великое княжество. В этом регионе сложился своеобразный княжеский фонд, которым и оперировали во второй половине XV – начале XVI в. В Пинске была посажена править вдова последнего киевского князя Симеона Олелковича (умершего в 1470 г.). Федор, сын Давид-городского князя Ивана, после смерти отца получил Пинск и еще Клецк. Это увеличенное владение (Пинск, Давид-городок, Рогачёв, Клецк) Сигизмунд II в 1509 г. утвердил за Федором вплоть до смерти его и его жены, а те – в свою очередь – отписали его (после себя) великому князю. Так и произошло, только в 1524 г. упомянутые земли получила великая княгиня Бона, однако это было уже внутренним перераспределением великокняжеского домена. Похожий путь прошло Кобринское княжество, находящееся по соседству с Брестом и управляемое родней Федора, Ольгердова сына. Еще в 1386 г. Федор получил от Ягайло Ратно и Ветлы на Волыни. Владение поделили сыновья Федора: Роман забрал Кобрин, Сангушка – Ратно и Ветлы. Наследники Сангушки (это имя стало их фамилией) сохраняли свой княжеский статус и в XVI в., став крупнейшими на Волыни землевладельцами. На Кобринское княжество, расположенное ближе к этнической Литве, явно действовали центростремительные силы. Им управляли сын Романа Федоровича Семен (умерший в начале шестидесятых годов XV в.), внук Иван (умер около 1490 г.), а Иванова вдова Федора (Феодора), которой Казимир I вверил Кобрин пожизненно, стала полити- /395/ ческим орудием при дележе великокняжеских владений. В 1482 г. она была выдана за пана Георгия Паца, а после его смерти в 1506 г. – за Николая Радзивилла Гонёндзского Старшего (ради чего крестилась в католичество под именем Софии). Снова став вдовой, она умерла бездетной в 1512 г. Тогда Кобрин был отдан сестре его последнего князя Ольге, вышедшей замуж за пана Вацлава Косткевича. По ее смерти в 1519 г. вдовый супруг был оставлен в Кобрине лишь наместником (при этом у него была отнята Селецкая волость). После смерти Вацлава Косткевича Кобрин получила великая княгиня Бона. Таким образом мелкие удельные княжества, расположенные на юг от этнической Литвы, были постепенно, с известной гибкостью, включены в великокняжеский домен. Исключением в этом регионе было Слуцкое княжество. До 1392 г. им владели Рюриковичи, после чего Слуцк и Копыль были в виде компенсации отданы Владимиру Ольгердовичу, удаленному из Киева. Сын Владимира Олелко (Александр), вернув себе Киев, Слуцк оставил своему сыну Семену, а Копыль – Михаилу. Когда, после Олелко, Семен получил Киев, Слуцк был также передан Михаилу. После казни Михаила (1481 г.) Слуцк и Копыль достались его вдове и сыну Семену (умершему в 1503 г.), Семенову сыну Юрию и внуку Семену. Помочь сохранить свой статус Слуцкому княжеству помогла принадлежность к роду, занимавшему видное место в иерархии Гедиминовичей.

Для мелких княжеств на восток от этнической Литвы была характерна еще большая пестрота. Минск временно принадлежал Скиргайло, а Свислочь была оставлена Рюриковичам. Вскоре оба эти владения попали в прямое великокняжеское подчинение. Мстиславским княжеством управляли Ольгердовичи. Поначалу это был Каригайло. После его гибели (в 1390 г.) Мстиславль достался Лингвену, затем правил его сын Юрий. После удаления Юрия в 1432–1445 г. был назначен великокняжеский наместник. Казимир в начале своего правления должен был уступить наследные владения Юрию Лингвьевичу (как и другим Гедиминовичам). К сыну Юрия Ивану это наследие перешло в заметно урезанном виде: в Могилев, Тетерин, Княжичи, Кричев, Дроков были назначены великокняжеские

наместники. После смерти Ивана (около 1495 г.) его дочь Анастасию взял в жены /396/ слущкий князь Михаил, а Ульяну – заславский князь Михаил. Последний и получил Мстиславль. После бегства в Москву его сына Федора Михаилу пришлось пойти на привычную сделку: в 1527 г. он отписал свое владение сыну великого князя Сигизмунду-Августу, принял вильнюсского наместника, однако продолжал пользоваться половиной получаемых доходов. По смерти Михаила Мстиславль отошел к великому князю. На реке Свислочь располагались небольшие княжества – Заславль и Соломеречь. Заславлем управляли потомки Гедиминова сына Явнута, породнившиеся с Мстиславскими князьями. Михаил Заславский не раз бежал в Москву и возвращался в Литву (последний раз в 1515 г.). Его сын Федор (умер в 1540 г.) окончательно покинул Литву и стал родоначальником русских бояр Мстиславских. Бежавший из Рязанского княжества верейский князь Василий был поставлен Казимиром I над Койдановской, Усовской, Старинковской, Услочской, Воложинской, Радошковичской волостями, ему же прирезан город Любеч в Киевской земле. Эти земли получил пан Альберт Гаштольд, взявший в жены дочь Василия Софию. После его смерти (1539 г.) вдова владела ими пожизненно, затем владения возвратились под руку великого князя. Могилев иногда поручали великим княгиням: Ягайло – Ядвиге, Александр II – Елене (в 1501 г., присовокупив Княжичи, Тетерин, Обольцы). Совершенно измельчали друцкие князья: Бабичи (расколовшиеся на Прихальских, Соколинских, Конопель, Ожерецких), Зубрецкие, Виденицкие, Любецкие. В XV в. они фактически превратились в крупных дворян, лишь обладавших княжеским титулом. В восточном соседстве с Литвой мелкие княжества всё очевиднее превращались в большие помещичьи комплексы, теряя при этом политический статус.

Иначе складывалось развитие княжеств на восточной окраине Литовского государства. Они были невелики, однако таких княжеств насчитывалось много, и они в куда меньшей степени зависели от великого князя. Здесь правили Рюриковичи; их вотчинные права не нарушались. В Смоленской земле сохранились Вяземское и Вельское княжества. Далее на юг простирался целый конгломерат Черниговской земли и Верховских (на Оке) княжеств. После гибели в битве на Ворскле Ольгердова сына Дмитрия (1399 /397/ г.) великий князь взял в прямое управление Брянск, связанный с Черниговом общим княжеским титулом. Близкий Брянску Трубчевск достался наследникам Дмитрия Ольгердовича, известным впоследствии как русские князья Трубецкие. Даже Витовт Великий был вынужден создавать в этом регионе конъюнктурные апанажи. Брат Витовта Сигизмунд в 1406–1432 г. был стародубским князем. После того, как оба они стали великими князьями, в эти владения были назначены наместники. С середины XV в. эти земли отдавались под управление перебежчиков из Московского великого княжества. Брянск, Гомель, Стародуб в 1446 г. получил боровский князь Василий. После его возвращения в Москву Брянск в 1450 г. был поручен бежавшему из Можайска князю Ивану, которому впоследствии отдали вместо Брянска Стародуб и Гомель. Александр II признал вотчинные права Иванова сына Семена на это владение, дополнив его Черниговом. В Новгороде-Северском был посажен править потомок Дмитрия Шемяки Василий. Видные Рюриковичи правили в Новосиле, Белеве, Одоеве, Воротынске. Немалая их часть покорилась властителям Литвы в начале XV в., а некоторые – во второй четверти того же столетия. Другие члены этого рода подчинялись великому князю Московскому. Карачев, попавший под влияние Литвы еще во времена Ольгерда, окончательно присоединил к Великому княжеству Литовскому Витовт Великий. Карачевская княжеская ветвь владела Перемышлем, покорившимся Литве около 1455 г., другая ветвь – Хотетовом и Мосальском. К концу XV в. хотетовские князья выродились в рядовых землевладельцев. Владетели Мосальска позднее стали заметными фигурами в литовской и русской истории – князьями Масальскими. Сам Карачев во второй половине XV в. был под прямым великокняжеским управлением, но в 1499 г. отдан перебежчику Семену Можайскому. В расположенном неподалеку Мезецке и соседних волостях был посажен править многочисленный род князей Тарусских. В середине XV в. были присоединены Козельск и Елец, ранее принадлежавшие Рязанскому княжеству. Казимир I обязался отдать Козельск Москве, однако обещания не

выполнил. Путаные наследственные отношения характерны для этой восточной окраины, где сходились границы государств и сферы влияния. До третьей четверти XV в. этим в наибольшей степени пользовалась имевшая перевес Литва, позднее этот регион стал ее Ахиллесовой пятой. Опорой для Литвы тут были Мценск и Любутск, находившиеся под прямым управлением. Княжества восточного приграничья были наименее интегрированы в Литовское государство, их почти не затронули его структурные перемены. В конце XV – первой четверти XVI в. Великое княжество Литовское утратило эти области и Смоленскую землю. /398/

Сохранившиеся мелкие княжества, за исключением восточного приграничного конгломерата, уже не определяли общего направления в развитии Литовского государства. Эти княжества росли в территориальные структуры, управляемые наместниками, на правах крупных землевладений, но не автономных территориальных единиц. Тормозящим фактором для государственной централизации стали не столько эти княжества, сколько сложная система наследования власти на русских и собственно литовских землях, а также феодальный иммунитет аристократических владений.

Больших русских земель (после ликвидации удельных княжеств) было шесть: Полоцкая, Витебская, Волынская, Киевская, Подольская (Восточная) и утраченная в 1514 г. Смоленская. Их князья были удалены еще Витовтом Великим, но понадобились многие усилия центральной власти для пресечения тяги этих земель к автономии. Прежде всего эту тягу усилила борьба между Швитригайло и Сигизмундом I. В 1440 г. восставал Смоленск. На Волыни и Подолье во второй и третьей четвертях XV в. получили живой отклик польские, а в Подляшье – мазовецкие аннексионистские порывы. В Киев и на Волынь были временно возвращены удельные князья. Однако лишь во время внутренней войны тридцатых годов XV в. обнаружилась некоторая солидарность русских земель, проявившаяся в их поддержке Швитригайло. В целом оппозиция центральной власти выражалась традиционными локальными мотивами, поэтому Вильнюсу противостояла не единая, обжитая русскими, территория, но каждая земля по отдельности. На исходе XV в. центробежные тенденции как политический фактор были уже пройденным этапом для больших русских земель. Наиболее прочно были интегрированы в Литовское государство Полоцк и Витебск. В Смоленске руководство страны перераспределило и расширило дворянское землевладение, сплотило или даже создало слой верных ему людей, и это, кстати, помогло уже в пору кризиса 1440 г. Александр II прибегнул к дополнительным мерам и не ошибся: после утраты Смоленска значительная часть местных дворян не пожелала служить правителям Руси (речь о тех, кто по преимуществу владел землями на восточном порубежье этнической Литвы). Немногочисленное дворянство Киева и Подолья было вовлечено в структуры пограничной охраны и в общественной жизни страны проявлялось слабо. Особое положение заняли многие вельможи и дворяне Волыни, чьи интересы центральная власть не могла не учитывать. Тут следовало с особой осторожностью вмешиваться в распределение земли и должностей. Здесь сохранились владения местных русских князей, а также Ольшанских и Гедиминовичей. Из представителей волынской знати нередко назначались по- /399/ дольские наместники (князья Михаил Чарторыйский, Михаил Збаражский, Константин Острогский); некоторые из них становились даже высшими государственными сановниками (Константин Острогский).

Большие русские земли сохранили свою старую территориальную структуру, в особенности на востоке и юге. На Волыни остались Луцкая, Владимирская и Кременецкая, в Подолье – Винницкая и Брацлавская области, которые стали именоваться поветами. На Волыни и в Смоленске были свои сановные должности, которые даже умножились (для Смоленска это – подскарбий, окольник, конюший, дворецкий, стремянный, тиун, виночерпий, сборщик дани, старший подьячий, смоленский городской староста; для Волыни – канцлер, земский и дворный маршалки, хорунжий, крайчий, ключарь, тиун). Витебская земля делилась на собственно Витебский и Оршанский поветы. Поскольку литовцы составляли меньшинство населения страны, Вильнюс придерживался старой мирной

традиции: не менять структуры управления в русских землях, оставляя местному дворянству местные должности (или их большинство) или их прерогативы. Однако вместе с тем не были в забвении и общегосударственные, особенно военные, нужды. Смоленская, Витебская, Подольская, Киевская земли имели статус т. н. окраинных земель. Их дворяне призывались в войско по отдельным спискам и слушались своих воевод. Большая часть наместников (старост) в замках этих земель подчинялась по воинскому ранжиру местным воеводам (особо последовательно это применялось в Киевской земле). Однако сами эти воеводы были тесно связаны с военным руководством страны, а отчасти были у него на довольствии. В северные поветы Киевской земли (Мозырский, Чернобыльский) наместников назначал лично великий князь. Доходы, получаемые некоторыми Смоленскими волостями, принадлежали самому воеводе.

У русских литовцы переняли должностные наименования наместников и тиунов, поляков – старост и державцев. По устранении удельных князей их заменили старшие наместники. По мере возникновения поместий (имений) их наместники превращались в державцев, а наместники замков стали именоваться старостами. По образцу Вильнюсской и Тракайской земель воеводами стали звать и наместников в больших русских землях: Киевской – с семидесятых годов XV в., Полоцкой – около 1504 г., Витебской – в 1511 г., Смоленской – во второй половине первого десятилетия XVI в. На Волыни не было ни старшего наместника, ни воеводы, а главным чином считался луцкий староста, осуществлявший надзор в качестве волынского маршалка. Как и в пору военной монархии, администраторы были одновременно и судьями. Непосредственная власть /400/ воевод была ограничена прерогативами поветских и замковых старост, дворских державцев, еще сохранившихся князей и магдебургских войтов. Фактически воеводы управляли только центральными землями воеводств, однако в военном плане они располагали всеми полномочиями. Даже военные силы удельных князей были в ведении воевод.

Ядро Литовского государства – этническая Литва – была разделена на три административных единицы: Жямайское староство, Вильнюсское и Тракайское воеводства. Две последние произошли из исторического великокняжеского домена, поделенного на Вильнюсское и Тракайское княжества. Вновь объединенные Витовтом Великим, они остались раздельно управляемыми областями домена. Городельский привилей 1413 г. создал здесь первые в стране сановные должности, превратив высших наместников в воевод и назначив их заместителей – каштелянов. Эта управленческая рецепция по польскому образцу сохранила характер и рамки прежней компетенции наместников, но изменила их правовой статус. Агентов она заменила юридически определенными инстанциями. Жямайский староста (появившийся в 1409 после объединения с жямайтами) не был назван воеводой, однако привилей Казимира I Жямайтии фактически и его сделал сановником.

В Вильнюсское и Тракайское воеводства вошли не только те соседние русские земли, которые непосредственно управлялись их бывшими князьями, но и выросшие поблизости от них мелкие княжества. Хотя в этническом отношении эти два воеводства не были однородными, литовцы составляли в них большинство, а на русских землях обосновались литовские паны и дворяне. Именно поэтому русский элемент не столько ослаблял литовскую характеристику Вильнюсского и Тракайского воеводств, сколько увеличивал их демографический и территориальный потенциал. Оба эти воеводства во всем их объеме считались ядром государства или Великим княжеством Литовским в узком смысле, а их русские земли именовались литовской Русью.

В начале XVI в. уже исчезли почти все исторические земли, из которых созидалось Литовское государство: Литва (в узком смысле), Нальша, Дялтува, Нярис. Изменились значение и положение земли Упите в территориальной иерархии. Однако сохранилось большинство земель помельче, ниже рангом; они стали называться русским термином «волость». Русские земли, входившие в Вильнюсское и Тракайское воеводства, также делились на волости. Однако в воеводской субординации волости не были равны, кроме того, старосты важных замков управляли большими округами, которые стали зваться

поветами. В поветы стали объединяться и группы волостей, непосредственно связанные с Вильнюсом и Тракай. Точное число поветов в первой трети XVI в. еще не устоялось. Термин «повет» пришел из Польши, и его применение отразило особенности кристаллизации крупных территориальных структур в объеме воеводств. Наиболее ярко этот процесс проходил в Подляшье – части Тракайского воеводства, колонизируемой мазовецкими дворянами, довольно интенсивно – в литовских частях Вильнюсского и Тракайского воеводств и в их южном русском соседстве, медленнее – на русском востоке Вильнюсского воеводства. Владетели (управители) важнейших замков становились старостами, поместий (имений) – державцами. По мере дифференциации административной иерархии общее понятие «наместник» исчезало из обихода, а тиуны составили низшую ячейку администраторов, ведавшую хозяйственными делами. Поэтому дворяне перестали подлежать их прерогативам, и I Литовский статут окончательно вывел дворян из-под юрисдикции тиунов.

На юг от Нярис Вильнюсскому воеводству принадлежали литовские волости Мядининкай, Ошмяны, Крево, Лида, Раудондарис и Марков со своими дворами, а также поместье Нямежис. Особенное место заняла сама Вильнюсская волость: это был центр повета т. н. Вильнюсской тиунии. Юрисдикции Вильнюсского тиуна подлежало Завелье (на север от Нярис) и некоторые другие волости левобережья Нярис, в которых располагались дворы Неменчине, Линкмянис, Дисна, Ож, Трошкунай, Швянчёнис. Аналогичное экономическое значение имели соседние, однако отдельно управляемые волости Судярве, Кярнаве, Майшыгала, Дубингяй, Аникшяй, Рокишкис, Ужпалай, Пянёнис, Утяна, Укмярге, Сувекас, Обялай, Чядасай, Ханушишкяй (некоторые – с дворами). В определенную их часть державцы назначались великим князем по рекомендации вильнюсского воеводы. В этом ареале находились мощные замки Кярнаве, Укмярге, Утяна, Мядининкай, Крево, Лида, Нямежис, утратившие в XV в. военное значение и ставшие центрами крупных поместий (дворов). Аникшяй в десятых годах XVI в. выделился как формирующийся центр повета. По старинной, идущей от Селии, традиции двор Рокишкис связывался с юрисдикцией Аникшяйского державца. В ареале литовских волостей Вильнюсского воеводства всё больший вес обретал экономический потенциал левобережья р. Нярис. Именно здесь выявлялись итинерарии как Александра II, так и Сигизмунда II, когда они жили в Литве. На севере, в качестве важного центра, выделился Браслав с сильным пограничным замком и местечком, всё явственней обретавшим черты города. К нему тяготели собственно Браславская, а также волости Укольская, Дрисская, Олескская, Дрисвятская, Видзская, Смалвская, Апская (с двором). Однако браславский наместник (в начале XVI в. ставший державцем) лишь выполнял указы вильнюсского воеводы. В экономическом отношении важными были смешанные и русские Айнская, Минская, Борисовская волости (и дворы). Здесь выделялся Минский повет, что было вызвано ростом города Минска. Это влияние отчасти ширилось, особенно в ближайших Поднепровских волостях: в Свислочи, Любошанах, Бобруйске, Кричеве, Пропойске, Чечерске, Гарволе, Речице, Брагине, Мозыри, Бчиче (три последние волости принадлежали юрисдикции Киевского воеводского суда). Большинство Поднепровских волостей были редконаселенными, земледелие тут было слабо развито. Коллективные подати собирали т. н. старцы, дань еще со времен Ольгерда-Кейстута была традиционно распределена между Вильнюским и Тракайским ключами. Бобруйская волость была четко поделена на Вильнюскую и Тракайскую половины. Восточной окраине Вильнюсского воеводства принадлежали ранее вошедшие в Витебскую землю Могилевская, Княжичская, Тетеринская, Оболецкая волости. В последней еще не были ассимилированы перенесенные сюда Ольгердом литовские села. Как город в XVI в. быстро рос Могилев.

Новгородок (Новогрудок) сохранил в Вильнюсском воеводстве свое особое положение как бывший отдельный центр княжества. Его наместники остались самостоятельными, ими назначались вельможи: Петр Мантигирдович (1431–1452), в первые годы XVI в. – князь Семен Ольшанский, Петр Глебович, Альберт Гаштольд, князь Иван Глинский. Когда великим князем стал Сигизмунд II, наместник Новгородка начал именоваться воеводой.

Мощный каменный замок Новгородка позволял существовать и другим местным чинам: дворецким, конюшым, ключарям. Новогрудскому повету принадлежали волости Новый сад (Кубарка), Городечно, Бретенъ, Басин, Полбрех, Долятичи, Любча, Осташин, Негневичи, Полоная, Кореличи, Свержин, Цирма, Полонка, Почапов, Ляхов, Бобер.

В военном отношении к ведению Вильнюсского воеводства были отнесены Слуцкое и Клецкое княжества на юге, земли Мстиславского, Заславского, Друцкого, Соломеречского княжеств – на востоке. В центре еще сохранялись гедрайчский, ольшанский, свирский, тробский князья, однако их владения фактически превратились в панские или даже дворянские имения (это в особенности относится к литовцам-католикам свирскому и гедрайчскому князьям). Все они также должны были приводить свои воинские контингенты под знамя вильнюсского воеводы.

Центром Тракайского воеводства была Тракайская волость, непосредственно управляемая самим воеводой. В начале XVI в. волость стала именоваться поветом. Несколько волостей литовской части воеводства и Гукская волость в Полесье также управлялись /403/ тракайским воеводой. Некоторые из них, напр., Жежмаряй, имели собственных наместников и державцев, другими воевода правил непосредственно: Упите, Куркляй (здешние подати были специально предназначены на содержание воеводы). Число этих волостей не было постоянным. Как и в Вильнюсском воеводстве, имела Тракайская тиуния, чей тиун располагался в Старых Тракай. В его ведении были Аукштадвариское и Езнское имения с волостями. Наибольшая часть литовских волостей воеводства в начале XVI в. уже превратилась в поместья, а их наместники – в державцев: Дарсунишкис, Сямялишкес, Стаклишкес, Бирштонас, Пуня, Алитус-Нямунайтис, Даугай, Мяркине, Пярлоя, Валькининкай-Лепонис, Эйшишкес, Родуне, Дубичи-Канява, Пярвалка, Ож-Пярламас, Восилишкес. Лишь волостями еще оставались Папарчяй (с Вевисом), Стривининкай, где созданию фольварков мешали леса и озера. Дворами стали и расположенные по соседству с литовскими /404/ русские волости: Острин, Жолудок, Избляны, Молчадь. Старые русские центры – Слоним, Волковыск, Каменец – сохранили свое территориальное значение. В начале XVI в. их округа уже считались поветами. Волковыскому повету принадлежали Новый двор и Побоев, Слонимскому повету – Слонимское, Здитовское, Деревнайское, Лососнайское поместья, Каменецкому повету (его замок сохранил военное значение) – Каменецкая и Тростяницкая волости.

На поветы очень четко поделились литовский Каунасский, смешанный Гродненский и русский Брестский округа. Ими управляли старосты, наделенные особой юрисдикцией, их замки сохранили не только военное, но и резидентное значение. Каунасскому повету принадлежали Каунасская, Кармелавская, Гягужинская, Румшишкская волости, Гродненскому повету – дворы Жорославка, Скидель, Дубна, Мосты (с местечком), Одельск (с местечком), Молявица, Соколда, Ятвезк, Святск и Гродненская волость. Исключительное положение Бреста отчасти определялось его принадлежностью Польше в 1390–1408 г. и исторической традицией принадлежности к Подляшью. Еще более исключительным было положение настоящего, или Западного Подляшья, колонизованного мазовецкими дворянами и мещанами (горожанами). В конце XIV в. его заняли мазовшане. Когда Витовт Великий вернул его, мазовшанам достался Дрогичин, но – после убийства Сигизмунда I – они вновь завладели всем Подляшьем. В 1444 г. его (на сей раз вместе с Дрогичином) отобрал Казимир I. Дворянам Дрогичина и Мельника было оставлено польское право; в 1501 г. оно было признано и за Бельском. В 1513 и 1514 г. Вельский, Дрогичинский и Мельницкий поветы были соединены в Подляшское воеводство, однако в военном отношении это воеводство осталось в ведении тракайского воеводы.

В XV в. было вновь заселено принадлежащее Тракайскому воеводству Занеманье. Большинство новых жителей переселилось сюда из окрестностей Каунаса и расположенных ниже по течению Немана; лишь в южной части Занеманья обосновались выходцы из Южной Литвы. Прежде всего были освоены земли поближе к Неману, на которых даже в тяжелой второй половине XIV в. сохранялись поселения. Поток колонистов двигался к

западу, клиньями врезаясь в загустевшие леса. Новые поля протянулись к самой прусской границе, и характерной для Занеманья административной единицей стал тракт. Немалая часть левобережья Немана были причислена не к Тракайскому воеводству, а к Жямайтскому староству (в конфессиональном отношении – к Жямайтскому епископству), поскольку ее деревни создавались переселенцами с правобережья низовьев Немана. В начале XVI в. в Занеманье уже возникли местечки, дворы и приходы. /405/

Из этнических литовских земель менее всего изменилась структура Жямайтского староства, хотя состав земель и границы подвергались переменам. После разорения XIV – начала XV в. на узком участке правобережья Немана вплоть до Юрбаркаса расселились не жямайты, а аукштайты с южной части Срединной равнины. И в XIV в. этот участок был в прямом подчинении великого (позднее – тракайского) князя. В XV в. здесь сложились Вилькийское, Велюонское и Скирснямунское великокняжеские поместья. Привилеем 1441–1442 г. Казимир I пообещал не учреждать государевых дворов в Жямайтии, однако этот участок (к нему еще добавилось поместье Йосвайняй), как и в XIV в., остался в подчинении домена, хотя и вошел в Жямайтское староство. Стремление великого князя побыстрее интегрировать в свой домен всё Жямайтское староство столкнулось с растущим сепаратизмом жямайтской дворянской верхушки. В привилее Казимира I очерчен компромисс, определивший всё дальнейшее развитие и положение Жямайтии. Великокняжеские имения резко контрастировали с жямайтскими волостями, сохранявшими явное своеобразие. Единого административного центра в старостве не было, Жямайтский староста пребывал в Кражяй, епископ – в Варняй. В Жямайтии не появился более крупный город, хотя в первой трети XVI в. край уже был покрыт сетью местечек. Волостями управляли тиуны, хотя они были не во всех волостях. Все чины (врадники) Жямайтии (по преимуществу тиуны) были в подчинении у старосты края.

Ранне-феодалная структура Жямайтии и ограничение власти великого князя препятствовали быстрому росту дворянского (тем самым – и церковного) землевладения. В краю практически не появлялись панские латифундии. Эти обстоятельства сделали власть Жямайтского старосты такой крепкой, какой не было ни в одном воеводстве страны. Старосты распоряжались рентой, сервициями, ангариями, но в первую очередь не забывали о себе. С небольшим перерывом в середине XV в. род Кезгайло, наследуя пост Жямайтского старосты, управлял краем более 100 лет. Однако формирование дворянского сословия втянуло в свою орбиту и жямайтских дворян. Если в других местах расширение дворянских прав вело к столкновениям с панами (как землевладельцами и чиновниками-управителями, врадниками), – для Жямайтии был характерен почти исключительно последний конфликт, ибо тут практически не было панского землевладения. Эта ситуация позволила великому князю остановить процесс превращения Жямайтии в Кезгайлское княжество. В 1526 г. умер староста Станислав Кезгайло. Сигизмунд II при назначении старостой его сына Станислава пересмотрел поступления по ренте и большую часть волостей края взял в непосредственное подчинение, назначив туда своих державцев. Это /406/ были Вилькийский, Велюонский, Скирснямунский, Йосвайнский дворы с волостями и Бярженская, Ужвянтская, Дирвенская, Биржиненская, Вишвенская, Тяльшайская, Твярская, Ретавская, Шяудская, Гондингская, Паюральская, Палангская, Каршувская, Кальтиненская, Пашилеская, Арёгальская волости. Рента с них шла великому князю. В ведении старосты осталась куда меньшая часть волостей: Кражяй, Кельме, Видукле, Жаренай, Каркленай, Тянджэгала, Мядингенай, Павандяне, Патумшай. Переменялась принадлежность Юрбаркского двора. В военном отношении Жямайтскому старосте подчинялись все волости староства. Установлениями для Жямайтии 1527 и 1529 г. великий князь упорядочил выросшую краевую ренту.

Хотя Жямайтское княжество таким староством стало считаться с 1441–1442 г. и официально не принадлежало к Великому княжеству Литовскому в узком смысле, однако фактически оно вместе с Вильнюсским и Тракайским воеводствами составляло литовский центр государства. Небогатое, но многочисленное жямайтское дворянство значительно повышало процент литовских дворян в общем количественном составе сословия.

Вильнюсское и Тракайское воеводства первенствовали в сферах производства, совершенствования сословной структуры, творческого потенциала и политических связей.

В масштабе всего Литовского государства, начиная с XVI в., сложилась федерация земель новой сословной структуры, ядром которого были три литовских воеводства, обладавших явной политической гегемонией. Государство не было полностью централизовано, однако его объединяла сложившаяся единая система должностей территориального управления. Воевод, а также большую часть замковых старост, дворских державцев и волостных наместников назначал сам великий князь. Этот механизм включал в себя экономические и военные рычаги государства. Феодализация литовского центра страны (благодаря объединительным усилиям государей, интенсивно внедрявших ленное право) привела к бурному росту частного землевладения. Следствием этого стало быстрое формирование слоя непосредственных мелких вассалов великого князя. Складывающаяся многоступенчатая, контролируемая сверху, система владников и сановников не нарушила прямых связей с монархом этих вассалов, располагавших вельможами. Поэтому крупные местные администраторы не стали правителями порученных им земель, а лишь сделались владетелями больших дворов и государственными сановниками. Таким образом удалось перепрыгнуть этап классического развития феодализма – общей феодальной раздробленности и появления рыцарской корпорации; территориальная структура сословного общества была создана сразу. Возникновение в Литве вельмож соответствовало преобразованиям Карла Мартелла во Франкском королевстве, однако бурный рост всех уровней землевладения и рецепция дворянских прав не позволили значительную часть рыцарских имений подчинить территориальным управителям и сделали крепостничество основой сословных структур и чинов, а не региональных графств и герцогств. Из литовского ядра этот процесс распространился на русские земли.

Сохранившиеся мелкие княжества были сравнимы с новосозданными панскими латифундиями. Последние наиболее концентрировались в этнической Литве и литовской Руси. Радзивиллам принадлежали Дубингай, Мядель (полученный вместе с рукой внучки Богдана Саковича Елизаветы) в Вильнюсском воеводстве, Гонёндзи в Подляшье. Гаштольдам – Гяранайнай и Тробы (полученные в приданное) в Вильнюсском воеводстве, Тикоцин в Подляшье. Заберезинским и Дорогостайским – Ошмяны (по соседству с Ошмянским великокняжеским двором) в Вильнюсском воеводстве и Симнас в Занеманье. Кезгайло владели в Жямайтии замком Платяляй и дворами Бяржорас, Гинтялишке, Шяуленай, Гаргждай, Акмяне и Батакяй. Радзивиллы из Гонёндзи получили в 1515 г. княжеский титул от Германского императора. Гаштольды водили родство с ольшанскими и тробскими князьями, наследовали их владения. Альберт Гаштольд был возведен Германским императором в графы Гяранайнские. По мере того, как панская верхушка обзаводилась титулами, а земельные владения мелких князей (свирских, гедрайчских, многих русских) уменьшались до размеров дворянских имений, – в первой половине XVI в. обе эти социальные группы сливались с одну властную прослойку. На рубеже XV–XVI в. князья еще не вполне это понимали: когда Александр Ходкевич назвал князя масальского братом, тот обиделся.

На содержание аппарата территориального управления шла взимаемая на местах рента. Ее следовало собрать, и сделать это могли лишь люди, располагавшие слугами и подручными. Чем выше был владник, тем больше ему требовалось таких подручных, и даже в техническом отношении эти должности могли исполнять только представители высшей знати. Рядовые дворяне и горожане могли получить должность низшего владника лишь в качестве подручных великого князя или высших сановников. Ленная зависимость утверждалась как через землевладение, так и посредством службы без земли. Последняя была лишь спутницей первого.

Система государственного территориального управления обеспечивала попадание большей части ренты в руки великого князя. С повышением в XV в. денежного оборота (чему немало способствовал рост корчем и таможен, а также появление и увеличение ренты)

быстро менялся характер доходов. Еще в середине XV в. /408/ великий князь часто расплачивался со слугами натурой. На стыке XV–XVI в. вошли в обиход денежные расчеты. Великое княжество Литовское не стало централизованной монархией, однако сословные структуры создавались в масштабе всего государства, а не отдельных земель. Эти структуры определили интеграцию всей страны.

б. Ранняя фаза системы сословных государственных чинов (сановничества)

Военно-монархический институт наместников в конце XIV в. (с расширением сети замков и дворов и усложнением сбора ренты) уже приобрел черты деловой специализации и социального постоянства. Четко выделилась элитная прослойка этого института. Ее представители, связанные с центральными государственными структурами по управлению территориями, стали непосредственной опорой династии Гедиминовичей. Устранение политической изоляции, обусловившее постоянные деловые связи с властными инстанциями соседних держав, превращали импровизированную профессиональную специализацию этой элиты в прочное социальное положение. Всё это давало возможность расширять свои земельные владения, населять их койминцами и закладниками, присваивая новые альменды (необрабатываемые земли, принадлежащие всему полю). Эти возможности совпали с первыми пожалованиями велдомых. Во времена Ягайло (1382–1392 г.) и Витовта Великого (1392–1430 г.) элита крупного дворянства получила основную долю новоявленных велдомых и окончательно монополизировала главные управленческие должности как в центре государства, так и на его периферии. Формирование крупного землевладения и утверждение его представителей в качестве законно действующих владников (термин заимствован у поляков) – были неразделимы. Богатых землевладельцев и крупных дворян, являвшихся потенциальными сановниками, стали называть польским словом «паны».

Дворянская элита начала прилагать руку к международным договорам уже в семидесятых годах XIV в. Если в 1385 г. в Кревском акте Ягайло лишь упомянул об одобрении дворянами этого договора, что могло быть вызвано пожеланиями польской стороны и общими паритетными установками, то с 1390 г. в подготовленных Витовтом договорах Жямайтии с Тевтонским орденом представители дво- /409/ рьянской элиты начали постоянно фигурировать (и не только в преамбулах) как субъекты соглашения; их печати уже имели подтверждающую силу. Процесс превращения неопределенных агентов в официальных сановников был ускорен появлением епископов, а также их участием в актах государственной деятельности. Уже договоры Витовта Великого сопровождалось письменным одобрением десятка или нескольких десятков крупных дворян и лишь нескольких князей. В Городельском договоре 1413 г., предоставившем польскую геральдику полусотне литовских дворянских семей и родов, очерчен элитный круг виднейших дворян. Межгосударственные договоры Витовта Великого позволяют установить узкую верхушку этого круга. В Литве явно возвысились менее двух десятков семей виднейшей дворянской знати. Это были Чюпурна, Сунгайло, Довгирд, Мингайло, Остики (расколовшиеся на Остиков и Радзивиллов), Гаштольды, Валимонтовичи (среди них – Кезгайло), Монвиды, Мантигирдовичи, Довойно, Саки (Саковичи), Немиры (Немировичи). В XV в. (кто раньше, кто позже) с исторической арены исчезли Чюпурна, Сунгайло, Довгирд, Мингайло, пресекались прямые линии Монвидов и Мантигирдовичей. Уменьшилось и без того невеликое значение Довойно, Саковичей, Немировичей, зато Гаштольды, Остики, Радзивиллы, Кезгайло стали верхушкой панства. В этот круг во второй половине XV – начале XVI в. проникали единичные новички, как, например, Олехно Судимонтович или Михаил Глинский. На рубеже XV–XVI в. эту группу пополнили роды Заберезинских (из Литвы) и Кишок (из Подляшья). Не встали вровень с литовской элитой, но также достигли уровня панов и сановников русские Ходкевичи (в конце XV в.), Сапеги и Боговитиновичи

(рубеж XV–XVI в.). Достоинно послужившие Витовту Великому ученые поляки – Николай Сепенский, Николай Цебулька, Иоанн Мальджик – в Литве продолжительной карьеры не сделали, а их услуги не вышли за рамки экспертных консультаций. Немец Конрад Франкенберг был в 1418 г. убит заговорщиками, сторонниками Швитригайло. До начала XVI в. почти вся панская верхушка оставалась литовской.

Учрежденные Городельским привилеем 1413 г. первые органы государственного территориального управления (Вильнюсское и Тракайское воеводства и каштелянства) стали монополией литовской панской верхушки и катализатором превращения высших должностей в штатные сановничества. В течение XV в. сложилась система законно оформленных должностей – владников. Высшие центральные и территориальные владники имели статус почетных должностных лиц и официально именовались сановниками. Бывало, что литовские паны занимали должности наместников и воевод в русских землях, но чаще всего они добивались влад центрально- /410/ государственного или центрально-территориального уровня; кроме того, им препятствовали конкуренты из местной русской земельной знати, особенно на Волыни. Обычно паны старались сосредоточить в своих руках несколько высших должностей (владов), что обеспечивало им как доходы, так и влияние в разных областях жизни. Система должностей получила заимствованные у Польши штаты, однако это было скорее оформлением их статуса, чем внедрением польского правопорядка. Формирование четкой системы владников обеспечивало для литовской феодальной знати прочную позицию в государственном управлении и общественное положение, сходное с положением аристократии в других странах. Сановная верхушка, венчающая эту систему, объединяла отраслевые и территориальные исполнительные инстанции сословного государства, представляла это государство как внутри страны, так и за рубежом. И государь, и династия утратили монополию на подобное представительство.

Владники страны делились на центральных и территориальных. Территориальная иерархия воевод-старост-державцев-тиунов соответствовала сложившейся системе воеводств-поветов-волостей. Центральным владникам также были присвоены польские наименования, однако эта рецепция лишь внешне оформляла должности, отвечающие местным условиям. Этих владников породила специфика руководства великокняжеским домом, поэтому функции управления страной и монаршим двором во многом не были разделены. С расширением системы владников, уже около середины XV в. обозначилась поляризация этих функций, чья важнейшая черта – выделение верхушки владников государственного управления в высшее сановничество страны и превращение мелких дворцовых владников в необязательное украшение. В начале XV в. появилась представительская должность маршалка (несколько позднее – великого, большого маршалка), отвечающего за порядок, безопасность и этикет в среде великокняжеского окружения. Знаком его власти был жезл (скипетр). В конце XV в. выделился дворцовый (дворный) маршалок, замещавший (преимущественно во дворце правителя) великого маршалка. Несколько государевых маршалков, исполнявших незначительные задания, появились еще на рубеже XIV–XV в. Канцелярией Витовта Великого ведало несколько секретарей. Из них в середине XV в. выросла сановная должность канцлера (рядовые секретари сохранились как его помощники). Канцлер, имевший в своем ведении государственную /411/ канцелярию и архив, стал руководителем всей внешней дипломатии, контролером всего внутреннего административного делопроизводства и хранителем государственной печати. В середине XV в. окончательно определилась должность казначея (вскоре – казначея страны, он же подскарбий земский), ведающего государственной казной (скарбом), сбором податей и пошлин, расходами на управление. По мере формирования системы сословного управления всё более выделялось особое великокняжеское дворцовое хозяйство. Как и в случае с маршалками, в начале последней четверти XV в. рядом с казначеем страны появился дворцовый казначей (подскарбий дворный).

Возникновение высших центральных должностей стало яркой иллюстрацией к

процессу превращения государевых агентов в руководителей создающихся автономных ведомств. Ведомство канцлера было порождено структурами монаршей канцелярии, казначея – механизмом его казны. Эта деятельность требовала высокой квалификации и многих знаний. Ведомство маршалков обрело тем большую завершенность, с чем большей определенностью монарший двор становился инстанцией, озабоченной отлаживанием и сакрализацией государевых функций. По мере превращения обычного феодального права в стройную правовую систему, великий князь все более воплощал высший источник этого права. Тем самым маршалки становились прямыми представителями этого источника, первыми доверенными лицами правителя как высшего государственного судьи. Медленнее всех формировались инстанции центрального военного ведомства, поскольку непосредственные интересы государя проявлялись прежде всего в этой области. Высшая должность главнокомандующего-гетмана (этот термин также позаимствован у Польши) появилась лишь в самом конце XV в. Атрибутом гетманской власти стала булава, превратившаяся из оружия в декоративную инсигнию. Гетман (несколько позже называемый великим, или наивысшим гетманом) руководил войском, собранным по призыву, при этом мобилизационные функции оставались за воеводами. В начале двадцатых годов XVI в. появился еще и полевой (польный) гетман, командовавший небольшими отрядами наемников, кстати, обретавшими все большее значение. Возникновение подобной должности указывало на растущую роль денег в воинской организации, поэтому и деятельность великого гетмана была связана с суммами, выделяемыми на военные нужды. Всё это делало гетманов не только военачальниками, но и руководителями ведомств по подго- /412/ товке и обеспечению войск, а это, без сомнения, также требовало высокой квалификации. Военно-ведомственная дифференциация касалась далеко не одного звена. В крупных замках, приблизительно в начале XVI в., появилась должность замкового смотрителя (городничий, технический контролер). Призывными дворянскими частями (обычно соответствовавшими масштабу волости) со второй четверти XV в. стали командовать хорунжие (знаменщики). Не позднее возникли хорунжие воеводства. Государственных (краевых) и дворцовых хорунжих источники упоминают с самого начала XVI в. Определенные сферы и границы ведомственной деятельности стали водоразделом между реальным управлением и исполнителями официального церемониала. Последние принадлежали к окружению великого князя – его свите и дворцу. Их наименования были также заимствованы у Польши. Это были конюший, крайчий, стряпчий, ловчий, постельничий, подчаший, подкоморий, подстолий, стольник, чашник, мечник. Всю подобающую работу исполняли слуги государя, а вышеназванные сановники официально ими руководили лишь во время торжеств. На рубеже XV–XVI в. сложился официально узаконенный круг сановников и владников при великой княгине. Их было заметно меньше, одним из главных должностных лиц являлся вахмистр, объединявший функции хозяйственного управителя и юридического поверенного.

Исток системы сановников и владников – ранне-монархическая прослойка государевых воинов, слуг и агентов. Возникновение этой системы было одной из сторон феодализации упомянутой прослойки. Принцип сословного оформления высших должностей знаменовал превращение служения государю в государственную службу. О резком ускорении этого процесса свидетельствовала официализация владников сверху до самого низа. Государевы дворцовые слуги обзавелись номенклатурными званиями: привратник, конюх, повар, пекарь, садовник; этот список замыкался деревенским десятником. Верхушку этого комплекса составили наемные специалисты высокой квалификации – лекари, органисты, живописцы. Граница между роскошью, удовлетворением культурных потребностей и квалифицированным государственным управлением еще не обозначилась, хотя виды деятельности четко поляризовались.

И все-таки: выявление ведомственных сфер государственного управления проводило определенную границу, отделявшую исполнителей реальных задач управления. Служащие, в чьи функции входило выполнение решений, доставка сообщений (курьеры) и охрана, получили общее имя «дворовик» (*dvarionis*). Богатая вер- /413/ хушка дворовиков

составляла т. н. придворное знамя – вооруженную свиту великого князя. В нее входили и молодые аристократы, получавшие воспитание при монаршем дворе. По мере дифференциации центральных и территориальных должностных функций, специализация вторгалась и в более узкие сферы. Очертилось поле дипломатической деятельности. Специальных должностей тут еще не было, работу посланников выполняли владники разного рода, однако такие задания они осуществляли уже на постоянной основе. В конце XV в. появились лица, получившие приоритет в сфере сношений с отдельными странами.

Одной из важнейших особенностей ведомственного размежевания было превращение канцелярий в инстанции. В канцелярии великого князя уже в начале XV в. обязанности секретарей и писцов сформировались в особые должности, в ведении которых пребывали рядовые переписчики (писари, дьяки). Местные администраторы также располагали своими писцами. Большинство писцов не были владниками, однако составляли окружение владников, от их способностей зависело качество исполнения должностей, т. е. деятельность владников без этой прослойки была непредставима. Вошло в обиход ведение деловых книг и устройство архивов. Писцы и переписчики стали накопителями и распространителями разнообразной информации, экспертами по письменным документам, устанавливающими их характер и аутентичность (типовую принадлежность, подлинность печати). Тут и таились корни должностного делопроизводства, именно так закладывались основы бюрократии. Всё это совершалось в административных структурах самых разных уровней. Как великокняжеская канцелярия породила государственного канцлера, так епископальные канцелярии произвели на свет епископальных канцлеров. Как монаршие, так и епископские дворы (курии), помимо вместилищ роскоши, приобрели значение ведомственных центров, объединивших канцелярию и казну.

Панская и княжеская служилая знать, монополизировавшая важ- /414/ нейшие государственные должности, утвердила практику сосредоточения нескольких властных функций в одних руках. С середины XV в. вильнюсские воеводы были одновременно и канцлерами. Юные аристократы начинали карьеру с получения низших центральных либо территориальных должностей и постепенно восходили по ступеням сановой лестницы. Новогрудское и Полоцкое воеводства стали трамплином для прыжка в Вильнюсское или Тракайское воеводства. Так возвысились Богдан Сакович (Полоцк – 1480–1484 г., Тракай – 1486–1490 г.), Олехно Судимонтович (Полоцк – 1466–1476/7 г., Вильнюс – 1477–1491 г.), Мартын Гаштольд (Новгородок – 1464–1471 г., Тракай – 1480–1483 г.), Альберт Гаштольд (Новгородок – 1503–1506 г. и 1508–1509 г., Полоцк 1513–1519 г., Тракай – 1519–1522 г., Вильнюс – 1522–1539 г.), Николай Радзивилл из Гонёндзи Старший (Новгородок – 1488–1490 г., Вильнюс – 1491–1509 г.), Иван Заберезинский Старший (Полоцк – 1490–1496, Новгородок – 1496–1498, Тракай – 1498–1505 г.), Иван Заберезинский Младший (Новгородок – 1509–1530, Тракай – 1530–1537 г.). Тракайское каштелянство отчасти стало для семейства Кезгайло добавкой к Жямайтскому староству (Станислав Кезгайло Старший – Жямайтский староста в 1486–1526 г., тракайский каштелян – в 1499–1522 г.; Станислав Кезгайло Младший – Жямайтский староста в 1527–1532, тракайский каштелян – в 1528/9–1532 г.). Два поколения Радзивиллов из Гонёндзи занимали посты вильнюсского воеводы (Николай Радзивилл Старший – 1491–1509 г., Николай Радзивилл Младший – в 1510–1522 г.) и канцлера (соответственно в 1492–1509 г. и в 1510–1522 г.). Возвысившись до тракайских воевод, оба Ивана Заберезинских были одновременно и великими маршалками (отец – в 1498–1505 г., сын – в 1522–1537 г.). Эту же должность исполнял Богдан Сакович (1482–1490 г.), будучи полоцким и тракайским воеводой. Став польным гетманом (1521–1531 г.), Георгий Радзивилл Дубингский «унаследовал» обязанности наивысшего гетмана (1531–1541 г.). одновременно с этим он исполнял должности вильнюсского каштеляна (1522–1527 г.), позднее – дворного маршалка (1528–1541 г.). Станислав Кезгайло Старший в дополнение к высоким постам Жямайтского старосты и тракайского каштеляна в 1501–1502 г. получил весьма ответственную должность наивысшего гетмана, но это было скорее следствием не протекции, а пленения русскими влиятельного Константина

Острогского. Должности казначеев (подскарбия земского и дворного), требующие экономических дарований, не привлекали аристократическую элиту, и в конце XV в. они стали полем деятельности для возвысившихся русских знатных семей. Земским подскарбием в 1509 и в 1520–1530 г. был Богуш Боговитинович, с успехом трудившийся и в великокняжеской канцелярии. Однако наиболее ярко здесь проявили себя Хрептовичи: Федор был дворным (1494–1501 г.) и земским (1501–1504 г.), Иван (1486–1493 г.) и Мартын (1501–1504 г.) – дворными подскарбиями. Исключение составила фигура принявшего православие еврея Авраама Езофовича (1510–1519 г.). Более мелкие литовские и русские дворянские роды довольствовались должностями воевод в русских землях. Глебовичи, Ильиничи, Немировичи исполняли обязанности витебского и смоленского воевод. Из них Андрей Немирович стал старейшим в русских землях киевским воеводой (1515–1541 г.) и польным гетманом (1536–1541 г.). Военная карьера обеспечила Станиславу Кишке опасные должности смоленского воеводы (1500–1503 г.) и наивысшего гетмана (1503–1507 г.). Сапеги из рядовых дворян и писарей возвысились до воевод Витебска (Иоанн, Семенов сын – 1508–1514 г., Иоанн, Богданов сын – 1517–1526 г.) и Подляшья (Иоанн, Семенов сын – 1514–1526 г.). Продвижению успешного рода Ходкевичей несколько помешала трагедия, случившаяся в Киеве с Иоанном, креатурой Казимира. Слабел род Остиков, происходящий из одного с Радзивиллами корня. Григорий Остик в 1494–1500 и 1509–1518 г. был дворным маршалком, одновременно исполняя (1510–1518 г.) должность тракайского воеводы. В первой трети XVI в. на самую вершину взошли роды Гаштольдов и Радзивиллов, метеором блеснула уникальная карьера волынца Константина Острогского. Его (в 1530 г.), Николая Радзивилла Младшего (1522 г.) и Альберта Гаштольда (1539 г.) смерти открыли дорогу Дубингским Радзивиллам.

Система должностей (врадников) стала государственной сословной исполнительной властью. Монополизировавшие ее вельможи возвысились рядом с великим князем как правящая сословная олигархия.

в. Укрепление института магнатского представительства и управления

С возникновением крупной землевладельческой аристократии и превращением монарших агентов в узаконенных чиновников (врадников) высокого ранга, на месте нерегулярного совещательного органа – великокняжеского совета – начала оформляться четко и постоянно работающая инстанция, которую стали называть радой панов. Накопление у врадников управленческой компетенции вынуждало великого князя постоянно с ними советоваться и согласовывать свои решения с их мнением. Рада панов росла как их представительный орган, а взаимодействие и солидарность должностных лиц сделали это представительство реальностью и непреложностью государственного управления. /416/

Рада панов возникла как аналог государственных советов, представлявших аристократию в странах Центральной Европы, прежде всего в Польше. Однако на ее внешнее оформление менее всего повлияла рецепция, ее создание отличали черты, ярко рисующие особенности развития Великого княжества Литовского. На начальном этапе деятельности рады, или совета панов (вторая-третья четверти XV в.) само ее название (дословно – паны-советники, сокращенно – просто паны или просто советники) обозначало не определенный орган, а лишь непродолжительное совещание съехавшихся господ. К концу XV в. славянское слово «рада» обрело свой подлинный смысл «совета», а не «советников» или «советчиков» (по латыни – «consilarii»). В латинских актах раду панов иногда именовали сенатом (по аналогии с Польским коронным советом, становящимся или ставшим сенатом). Все это указывало, что рада панов уже воспринималась как непрерывно действующая управленческая инстанция.

Внутренние стимулы формирования рады панов усиливались внешними факторами. Тесные связи с Польшей, политику которой также определяли институты

аристократического представительства и управления, волей-неволей толкали Литву к обзаведению подобной инстанцией, к приданию великокняжескому совету видимости того, чем он еще не был. Подобными фикциями манипулировал Витовт Великий уже в последнем десятилетии XIV в., прикрываясь прерогативами своего совета, которыми тот фактически не обладал. Однако к исходу правления Витовта эти прерогативы стали значительно более реальными. К этому привело как возникновение слоя крупных землевладельцев, так и поспешное, но очевидное его взаимодействие с польской знатью, выразившееся в заключении Вильнюско-Радомского (1401 г.) и Городельского (1413 г.) договоров. Тридцатые годы XV в. стали трудным экзаменом на аттестат зрелости для формирующейся или едва сформировавшейся рады панов. Несмотря на ее раскол и разлад во время Ошмянского переворота 1432 г., – возвышение Швитригайло, и особенно Казимира, неоспоримо свидетельствовало, что рада панов существует и действует. В структурном отношении это еще был нерегламентированный или слабо регламентированный великокняжеский совет, в ответственные моменты опиравшийся на более широкий круг феодальной элиты, но сама способность сплотиться в дееспособные группировки и умение выдерживать стро- /417/ гую политическую линию свидетельствовали о важном событии: эпизодические сходы стали государственным институтом. В течение XV в. его границы определила сложившаяся иерархия государственных сословных должностей. Рада панов стала органом сословного представительства феодального общества, прежде всего – самих панов. Поскольку Литва имела общего монарха с Польшей, и большую часть времени монарх проводил именно там, внешний стимул ускоренного роста рады панов действовал почти всю вторую половину XV в. Рада панов фактически оставила за собой свободу финансовой деятельности, военной организации, внешней политики, законодательства, т. е. – все важнейшие прерогативы управления государством. Казимир I уже был обязан координировать с ней вопрос об определении преемника, тем самым она приобрела даже прерогативу выбора наследника династии. Разделение прерогатив государственного управления ограничило великокняжескую власть. На рубеже XV–XVI в. Великое княжество Литовское внешне стало сословной монархией, приобретя власть и сословное /418/ представительство лишь для узкого слоя феодальной знати.

Ядро рады панов составили католические епископы (они заняли в ней первые места) и высшие сановники центрального и провинциального управления. Маршалки, канцлеры, казначеи, гетманы, воеводы (включая и Жямайтского старосту), каштеляны (которых иногда называли просто панамы) образовали верхушку рады панов и ее необходимую номенклатуру. Участие низовых владников не было строго регламентировано, однако в деятельность рады панов был вовлечен круг, куда более широкий, чем слой высших сановников. Границы между высшими и низшими владниками, а также между постоянными и случайными членами рады панов не совпадали, но и не слишком различались. Сложился круг из одного-двух десятков виднейших сановников, именуемый узким или тайным советом, а общее число членов рады достигало нескольких десятков человек. Большинство рады составляли литовцы и католики. Процент русских и православных понемногу увеличивался, но православные епископы в раду допущены не были (это определялось не только государственным статусом католицизма, но и тем, что православная Церковь не была крупным землевладельцем и политической корпорацией). Рост числа русских не отнял командных высот у литовской элиты. Кроме того, попавшие в раду русские были преимущественно представителями людей, ориентированных на литовскую государственность. Рада панов вершила назначения сановников и владников. Она, как и система сословных должностей, определила саму суть деятельности и карьеры феодальной знати. По мере того, как династия Ягеллонов обретала всеевропейский авторитет, рада панов становилась средоточием аристократических интересов, а также воплощением и гарантом литовской государственности. Когда монарх находился в Польше, рада панов вела все текущие внутренние и внешние дела. Подобная политика сопровождалась интенсивной перепиской между радой панов и государем (при нем всегда находились литовские писари).

Монарха довольно часто посещали представители и целые делегации рады панов. /419/

Сын Казимира Александр в 1492 г. начал править страной как первый «согласованный» наследник династии Ягеллонов. Начало его правления ознаменовалось привилеем 1492 г., в котором были юридически оформлены возросшие прерогативы рады панов. Великий князь был обязан обсуждать с ней международные договоры, вопросы войны и мира, назначения послов, государственные расходы, издаваемые законы. Члены рады панов (паны-советники) получали право свободно и безнаказанно выражать свое мнение, даже наперекор великому князю. Таким образом рада панов стала типичным для Центральной Европы государственным советом и гарантом суверенитета страны.

г. Возникновение всеобщего дворянского сословного представительства

Слой панов был верхушкой складывающегося и сложившегося дворянского сословия. Однако, чем более явными были права дворян, тем заметнее становилось их представительство наряду с радой панов. При отсутствии строгой определенности с составом рады, не был четко очерчен и круг феодальной элиты, особенно в тех важных случаях, когда требовались консультации более широкого спектра участников. Привлечение к совещательному процессу определялось должностью и величиной земельного владения приглашаемого. Развитие и оформление подобной практики привело к возникновению у рады панов мощного тыла, который всё чаще и шире подключался к ходу обсуждений. Дворянская верхушка надолго стала постоянным участником совещаний. Встречи подобного рода происходили уже в сороковых годах XV в. (на стыке 1445–1446 г., осенью 1446 г.), в пятидесятые (1451, 1453 г.) они обрели название великого съезда, вального сейма или сейма (заимствовано у Польши).

В середине XV в. съезд еще не представлял всего дворянства. Собирались лишь немногочисленные представители его верхушки (почти исключительно из литовских воеводств). Созыв сейма диктовался текущими событиями. Это еще не было государственным институтом, сеймом в строгом смысле, однако не было и узким кругом рады панов. От согласия крупнейших землевладельцев зависели самые важные политические решения, напр., о военном призыве или – в особенности – о взимании денежных платежей с вельдомых. Чем обширнее становились владения и права дворян, тем весомее делался их голос. Сама номенклатура обсуждаемых проблем распространилась и на законодательную область. На сейме 1468 г. был принят свод правовых норм, регулирующих ответ- /420/ ственность за уголовные преступления (т. н. Судебник Казимира). В 1492 г. сейм избрал великим князем Казимира сына Александра. В 1499 и 1505 г. сеймы обсуждали вопрос об унии с Польшей. На сейме 1502 г., во время войны с великим Московским княжеством, были установлены нормы воинского снаряжения. Сейм 1506 г. избрал великим князем Сигизмунда II.

Период правления великого князя Александра (1492–1506 г.) стал временем утверждения сейма как функционально необходимого государственного института. Без него уже было невозможно решать кардинальные и текущие вопросы государственной политики. Правда, сейм еще не представлял всего дворянства. В него преимущественно избирались крупные дворяне из этнической Литвы и литовской Руси, некоторое число последних прибывало из ближайших русских воеводств. Как с очевидностью показал сейм 1506 г., возникла необходимость представительства от всех или хотя бы большинства поветов. С самых первых лет правления Сигизмунда II реализовывался принцип представительства всех земель государства, а прибывшие дворяне (что решалось только их фактическими возможностями) считались делегатами от всего дворянского сословия. Тем самым признавалась необходимость одобрения сейма, а выражение этого одобрения – т. н. постановления (дословно – одобрения) – обрело правовую силу. Это еще не было закрепленной законодательной прерогативой сейма, так же, как не обрели четкой формы

состав сейма и регламент представительства. Однако институт вседворянского представительства уже сложился. Сейм 1507 г., принявший уложение о вступлении в войну и наметивший порядок взимания серебрины, знаменовал начало функционирования дворянского собрания, определенного как всеобщее. Номенклатура разрешаемых сеймом вопросов охватила все важнейшие области государственного управления. На сейме 1508–1509 г. обсуждалось наказание для тех, кто принял участие в мятеже Михаила Глинского; тогда же были приняты положения о конфискации имущества государственных изменников и о вознаграждении судей. Сеймы 1511 и 1516 г. установили порядок продуктовых реквизиций в пользу действующей армии. Сейм начала 1512 г. согласовывал с Польским сеймом, /421/ созванным в то же время, военные действия против Руси. На сеймах 1514, 1519–1520, а также на первом сейме 1522 г. было установлено, как карать дворян, уклоняющихся от воинской службы. Сеймы 1515, 1516, 1518, 1521 г. определили налог на военные нужды. Второй сейм 1522 г. обсудил свод готовящихся законов – /422/ I Литовский статут. На сейме 1526 г. обсуждался вопрос о пропуске папских посланников в Москву. Закон 1528 г. о военной службе, сопровождавший военную перепись, был подготовлен как договор между великим князем и дворянством, представленным в сейме (уложение). В 1521 г. целых два раза проходили переговоры с дворянским призывным войском, собранным в окрестностях Минска (т. н. военные сеймы). I Литовский статут был принят сеймом 1528–1529 г.

Сеймы представляли всё дворянство Литовского государства, но проходили лишь на территории Великого княжества Литовского в узком смысле (чаще всего – в Вильнюсе, изредка – в Новгороде, Гродно, Бресте). Повестку сеймов устанавливала рада панов. Она же и решала часть вопросов, полагая, что делает это вместе с сеймом. Канцлер Альберт Гаштольд открыто заявил, что дворяне привлекаются на сейм лишь с целью их ознакомления с решениями рады панов. Хотя с конца первого десятилетия XVI в. сеймы созывались чуть не ежегодно, не были регламентированы ни срок их созыва, ни продолжительность и предмет заседаний. Сеймы созывал великий князь (фактически же – от его имени и по согласованию с ним – рада панов). Созывались сеймы по мере надобности, и сами эти надобности свидетельствовали, что без участия сейма преодолеть их невозможно. У сейма тут было весьма ограниченное право – лишь согласиться или не согласиться с имеющимися предложениями. Инициатива предложений со стороны сейма проявлялась в первой трети XVI в. только в форме прошений. Однако обсуждение уложения о порядке несения военной службы и I Литовского статута в 1528 г. вовлекло сейм в сферу принятия решений, от которых зависело развитие всей страны. Конечно, это еще были первые ласточки, не делавшие весны. В первой трети XVI в. сейм оформился как необходимый институт, представляющий всё дворянство, однако еще не выработалась четкая регламентация, касающаяся его созыва и прерогатив. Политические права обрело всё дворянское сословие, мещане ими /423/ не располагали. Юридически такой порядок был оформлен I Литовским статутом в 1529 г. В политическом смысле эту дату допустимо сравнивать с утверждением Венгрией в 1351 г. Золотой буллы (1222 г.) или Кошицким привилеем 1374 г. в Польше.

д. Формирование рыцарской военной организации

С возникновением дворянского землевладения, основанного на труде крестьянских хозяйств, в течение XV в. появились рыцарские имения. Это, в начале XVI в., позволило снаряжать определенное количество воинов, отвечавших центрально-европейскому уровню вооружения. Военное уложение 1528 г. и I Литовский статут требовали от восьми служб выставлять всадника, имеющего коня стоимостью в 4 копы (крестьянский конь стоил 50 грошей), копьё, меч или корд (тесак, длинный нож), кольчугу, легкий шлем, небольшой щит. Дворяне, даже и владеющие таким числом крестьян, далеко не всегда могли достойно

вооружиться (часто не хватало щита, кольчуги или меча, конь под дворянином обычно стоил две копы), однако некоторые были снаряжены лучше, чем того требовало уложение. Кое-кто приобретал даже арбалеты, огнестрельное оружие, дорогих или запасных коней. Правда, таких дворян было немного. Более половины дворян не владели восемью службами, потому их вооружение редко соответствовало предъявляемым требованиям. Еще в большей степени это относится к многочисленным «дымникам», выставляемым лишь от своих усадеб (дымов). Тем не менее, была и другая сторона дифференциации феодалов: добрую четверть призывного войска заполнили дружины высшей знати. Их вооружение также не было равноценным, однако многие панские придворные, составившие ядро подобных дружин, обладали даже латами («немецкими доспехами»). Наилучшим образом была снаряжена великокняжеская /424/ придворная хоругвь, соответствовавшая стандартам рыцарского вооружения.

Во время воинского призыва великий князь (чаще всего – рада панов от его имени) рассылал на места воззвания. Мобилизационной и боевой единицей была апилинковая, т. е. окружная, а чаще – волостная хоругвь. Ею командовал дворянин в ранге хорунжего. Хорунжие приводили свои отряды в распоряжение воевод, а те – гетману. Паны и князья получали воззвания лично и со своими дружинами (хоругвями) поступали под начало гетманов. Собранное войско подлежало смотру («построению»). Высшая знать составляла наиболее почетное правое крыло. Формирующаяся прецедентная традиция из-за лучшего («правейшего») места в строю схлестывалась с гетманскими личными амбициями и командными прерогативами. В первой четверти XVI в. получил известность конфликт наивысшего гетмана Георгия Радзивилла и князя Ильи Острогского, однако подобные столкновения не приобрели серьезного масштаба. Хорунжие были в ответе за численность и вооружение своего отряда. Больные и престарелые дворяне доказывали свою немощь, им дозволялось выставить заместителя. Женщины-землевладелицы были обязаны снарядить должное число воинов. Мужчина шел на военную службу с 17 лет (в редакции I Литовского статута 1532 г. эта норма превратилась в 18 лет). Ответственным за построение войска был гетман.

Дворян-призывников, часто называемых поветниками (выставленными от поветов), дополняли великокняжеские администраторы со своими свитами, состоявшими из военных слуг (один воин снаряжался несколькими их службами) и ратниками от отдельных, уполномоченных идти на войну, крестьянских служб. Это была наиболее технически обеспеченная часть войска. Именно она транспортировала кулеврины (аркебузы) и пушки, располагала самым большим числом повозок, запасами провианта и фуража. Снаряжение некоторых подобных категорий регламентировалось привилегиями (напр., городские войты были обязаны иметь арбалеты). О дворянских повозках (пусть даже одной на нескольких) уже упоминают источники конца XIV в.

В начале XV в. появились наемные немецкие пушкари. Сравнительно спокойные сороковые-восьмидесятые годы XV в. позво- /425/ ляли не увеличивать наемную армию. С конца XV в. положение изменилось, в Литве появились наемники, завербованные в других странах Центральной Европы, поскольку в своем краю не сложились структуры свободных крестьян и городской бедноты, кормящихся военным ремеслом. Агенты Литвы, вышедшие на рынок подобных структур, не обладали нужным опытом, кроме того, не могли предложить больших денег. Поэтому первые результаты военного найма на рубеже XV–XVI в. были вполне печальными. С начала правления Сигизмунда II, возобновившего персональную унию с Польшей, сам великий князь организовывал в Польше кампании по вербовке рекрутов. В эту работу были вовлечены и представители рады панов, научившиеся бережливо и разумно расходовать выделяемые средства. Польша давала немного наемных пехотинцев, ибо сама в достатке не располагала соответствующими социальными слоями. Зато нанимались на военную службу всадники – средние дворяне, имевшие хорошее вооружение и высокие профессиональные навыки. Польские ротмистры принимали в свои роты (копы) местных профессионалов, которые со временем начали появляться. С ростом

государственных доходов, во второй половине первой четверти XVI в. возникли первые подразделения местных наемников – великокняжеских придворных, пошедших на платную военную службу. По воинской выучке они еще уступали польским наемникам, однако местный «платный» воинский контингент уже начал формироваться. Литовская казна не могла содержать много наемных воинов, однако и небольшое их число действовало эффективно. Это была ударная сила; из наемников набирались гарнизоны замков, когда призывная армия распускалась.

Дворяне Полоцкого, Витебского, Смоленского, Киевского, Подольского (Восточного) воеводств (земель) в общее войско не призывались, но оставались в ведении своих воевод. Они считались пограничной охраной, и их призыв диктовался местной необходимостью. Самой специфичной была организация Киевского воеводства. В начале XVI в. тут была создана целая система замков с землевладением военно-служилого сословия (дворян, военных слуг, особых категорий крестьян). Их повинности, которые жестко контролировали старосты замков, шли на поддержание замкового охранения, широкой разведки, транспорта и постоянной военной готовности. Старостами замков непосредственно руководил киевский воевода. В случае надобности вмешивался сам гетман. В первой четверти XVI в. в замковых гарнизонах появились слуги киевского воеводы на денежном довольствии. С /426/ конца XV в. замки были обеспечены, пусть немногочисленным, огнестрельным оружием. Городские привилегии сформировали локальную, осуществляемую самими горожанами, оборону, которая дополнила нужных тут пехотинцев, а их всегда недоставало Литовскому войску. Рельеф страны с открытыми равнинными границами, которым угрожал очень подвижный противник, диктовал обязательное применение кавалерии. В XV–XVI в. Литва располагала конным войском, характерным для восточной части Центральной Европы. Современники определяли его численность в 40 000 человек, однако практически на поле боя выводились 20 000 или немного больше.

Начавшиеся в конце XV в. войны с Россией пришили уже на второе, привычное к мирной жизни, поколение. Призывному литовскому войску не хватало организационного и боевого опыта, однако его нехватку вскоре восполнило хорошо вооруженное ядро этого войска. Особенно боеспособными оказались панские контингенты, которые были способны мобилизоваться даже быстрее, чем дворянские отряды в поветах. В пору Мохачской катастрофы, постигшей Венгрию в 1526 г., когда к региону с юга подступила турецкая угроза, вооруженные силы Великого княжества Литовского уже достигли уровня современных им рыцарских войск Центральной Европы.

е. Возникновение литовской феодальной правовой системы

Бурное формирования рыцарского землевладения и рост сословных дворянских прав, подкрепленный необходимыми рецепциями, не позволили великокняжеским наместникам превратиться в удельных владык и волостных сеньоров. Политическая власть феодальной элиты сконцентрировалась лишь в крупном землевладении и государственных должностях. В Литве, как и во всей восточной части Центральной Европы, сохранился непосредственный суверенитет монарха по отношению к большинству мелких феодалов, но феодальная знать монополизировала высшие государственные должности. Неполное развитие рыцарской корпорации и ее трансформация в дворянское сословие (при том, что феодальное право стремительно превращалось в сословное, не достигнув уровня и объема ленного права), – эти процессы приобрели в /427/ Литве особенное ускорение. Дворянское сословие здесь окончательно сформировалось одновременно с рыцарским землевладением и вытекающими из него принципами рыцарской иерархии. Понятие «рыцарь» стало лишь дополнительным атрибутом и синонимом понятия «дворянин». Ленное право слилось с дворянскими привилегиями, будучи лишь бенефициарной разновидностью управления феодалом.

Феодализация страны расколола обычное право на дворянское право, оформленное

законом в виде привилегий, и нормы обычая, подкрепленные лишь традицией и применяемые к непривилегированному большинству населения. Рецепция магдебургского права выделила мещанское сословие, великокняжеские привилегии определили замкнутое положение иноверческих (нехристианских) общин. Католическая Церковь пришла в страну как универсальная корпорация со своими правовыми канонами; нормы существования православной Церкви, установленные русскими князьями, были признаны еще в пору присоединения русских земель. В Великом княжестве Литовском возобладал общий для всей Европы принцип применения права: городским правом отменяется краевое право, краевым правом – общее право. Проблему взаимодействия краевого и общего права страна унаследовала от времен военной монархии, когда столкнулись литовское и русское обычное право, причем последнее уже имело свою кодификацию – пространную «Русскую правду» XII в., «Кормчие книги» и «Мерило праведное» в редакции XIII в. Законодательную базу литовского права с конца XIV в. начали формировать великокняжеские привилегии и прецедентное право, вытекающее из провозглашаемых актов. Общие для литовцев и русских правовые понятия были в XV в. заменены локальными правовыми понятиями отдельных земель (включая и Великое княжество Литовское в узком смысле). Последнее дополнилось польским (мазовецким) правом, главенствовавшим в Подляшье. Локальное право отдельных земель обеспечивалось предоставлением великокняжеских привилегий. Однако, наряду с сословными правоположениями, утвержденными едиными для всей страны великокняжескими привилегиями, к концу XV в. сформировалось понятие общегосударственного права, т. н. право Великого княжества Литовского (или просто – Литвы). Привилегии земель фиксировали их «старину». В общем праве Литвы наиболее отразилось развитие феодальных отношений и необходимые ему рецепции. При главенстве права земель на местах, в конце XV в. обозначилась потребность в нормах общего права, которая особенно возросла с началом законодательного регулирования усложнившихся имущественных отношений. Первая такая систематизация произошла в 1468 г. с изданием Казимира судебногоника, посвященного пре- /428/ имущественно воровству. Списки с Казимира судебногоника сохранились в русских сборниках «Кормчих книг», что свидетельствует: этот общий законодательный акт был принят и на местах. Далее издавались отдельные законы о дворянском праве (уложения). По мере складывания прецедентного права и фиксации его практики в форме актов и судебных книг, становилось всё более очевидным преимущество общего права, направляемого законодательной деятельностью рады панов. Дворянство отдельных русских земель ощущало этот разрыв в повседневной жизни. Оно не в меньшей степени, чем дворяне центральных воеводств, стало заинтересовано в едином для всей страны праве. Первым откликом на это было обещание великого князя, зафиксированное в привилегии Александра II Волыни 1501 г. Под руководством канцлера Николая Радзивилла из Гонёндзи Младшего началась подготовка вселитовского государственного судебногоника. В привилегии Сигизмунда II 1522 г. было предусмотрено печатное издание судебногоника. В том же году, после смерти Николая Радзивилла, подготовку продолжил ставший канцлером Альберт Гаштольд, под чьим началом работа над этим судебником, известным как I Литовский статут, была завершена. Распоряжением Сигизмунда II от 29 сентября 1529 г. он вступил в силу.

I Литовский статут не был напечатан, однако его переписка была оперативно организована (для чего в столицу были вызваны писцы воевод и старост, а на места разосланы копии, исполненные в великокняжеской канцелярии), и он без задержек стал всеобщим достоянием. Статут разумно объединил общее и локальные права в одну стройную правовую систему. По объему правовых норм и их систематизированному изложению он превзошел судебники соседних стран, и законодательство Литвы стало лидером в восточной части Центральной Европы. Несмотря на это, общество не было полностью удовлетворено редакцией статута 1529 г. (записанной на русинском языке). Ее безотлагательно требовалось дополнить новыми правовыми нормами, но и при этом она привлекла внимание польских судей, а также великой княгини и королевы Боны. Результат всего этого – латинская

(сохранившаяся в списках, принадлежавших лишь Боне и ее окружению) 1530 г., польская (исполненная в самой Польше) 1532 г. и подготовленная около 1538 г. /429/ расширенная редакции. Новейшими статьями отдельные списки статута были пополнены и в середине XVI в. Сведя правовые нормы в судебник, законодатели Литвы считали статут лишь частью, пусть основной частью, правовой системы страны. Главные списки I Литовского статута имели вид судебного сборника (*суммы дел*), куда были также вписаны Казимиров привилей стране 1447 г. и Витовтов (Брестский) 1388 г. привилей евреям. Основу Литовского статута, как и всего права Великого княжества Литовского, составило феодальное литовское право. Оно не признавало ордалий (т. н. Божий суд был заменен присягой), очень сурово карало воров (почти исключительно смертной казнью) и насильников над женщинами. Заимствования из русского права были использованы при установлении вознаграждения за украденные или отнятые вещи, а также для описания ситуаций, касавшихся личной несвободы. Польское право нашло применение в статьях, описывающих брачные узы и отношения имущественной опеки. Из локальных прав сохранило силу лишь польское право в Подляшье (соответствующими рукописями руководствовались еще до составления Литовского статута). I Литовский статут признавал немецкое городское право (его письменные судебники упоминаются еще в конце XV в.), однако скорректировал применение общего правила в пользу дворян: в случае спора между дворянином и мещанином, применялось не право ответчика, а во всех случаях дворянский статут. Кодифицированное литовское право, как и в других латинских странах Европы, было строго светским. Оно не содержало никаких постулатов церковного права, которые были обычными в судебных сборниках стран византийской цивилизации. Каноническое право считалось совершенно обособленной областью папской компетенции, в которую католическое государство не вторгалось. Споры о заключении брака относились к епископской юрисдикции, включая и апелляцию к папе. Однако имущественные последствия, вытекающие из брачных отношений, не выпускал из-под контроля даже великий князь. В целом составители I Литовского статута придерживались требований христианской морали, а сам статут во вступлении назван христианским правом.

I Литовский статут интегрировал всё дворянство страны (распространив государственные сословные гарантии даже на мазовшан Подляшья, располагавших своим отдельным правом). Его имущественные права обрели все черты, свойственные зрелому феодализму. Крестьянам были обеспечены отношения, близкие крепостному праву: возможность распоряжаться землей, окончательно не перечеркнутая, признавалась только под безапелляционным контролем землевладельца. Хозяйство велдогомо (вотчинного) и его владелец были причислены ко двору землевладельца. Аллодиальное право крестьянина на землю было практически уничтожено. Институт отходничества воспринимался как реалья, однако он не был обеспечен никакими правовыми гарантиями. Несвободные – даром, что некоторые из них имели на панской земле мелкие хозяйства (*ūkelis*) или стада – не приобрели никаких черт правового субъекта. К детям, родившимся в смешанном браке от несвободных и сельских хозяев, применялась русская правовая норма: если несвободен хотя бы один из родителей, таковым же считался и ребенок (в этнической Литве и в дальнейшем пользовались литовским обычным правом: каким было положение одного из супругов, такое же приобретал ребенок одного с ним пола). Несвободные, как и раньше, определялись патриархальными «детскими» терминами (паробки, девки). Великокняжеские или дворянские вотчинные крестьяне назывались «людьми» и считались свободными (в противоположность несвободным), однако понятие свободы и свободного человека становилось многомерным, обозначающим крестьянина, уже не исполняющего (временно) повинностей или могущего покинуть своего господина. О промежуточном слое «людей» и несвободных койминцев I Литовский статут даже не упоминает, хотя гарантия выкупа закладника (кстати, на особо трудных условиях) в нем зафиксирована. Как и любое расширенное сословное феодальное право, I Литовский статут защищал личность дворянина, его собственность, обеспечивал ему право политического представительства, предоставляя

лишь привилегию военной повинности. Провозглашая милость великого князя к дворянам, по сути он формулировал ленный договор между правителем и дворянством, что, кстати, признано уже в Казимировом привилее стране 1447 г. Выборных судей для дворян Подляшья (т. н. земского суда) /431/ I Литовский статут не ввел.

Администраторы и далее оставались судьями. Т. е. сословный суд не был создан, паны обеспечили себе исключительную юрисдикцию: подчинение лишь великому князю и раде панов. Теоретически апеллировать к великому князю могли и его крестьяне, однако на практике паны были недосягаемы. Литовское право имело ярко выраженные аристократические черты. Вступление к I Литовскому статуту провозглашало предоставление этого права дворянам и мещанам (как католикам, так и православным). Тут же было указано, что подтверждаются все ими ранее полученные привилегии. Это означало, что обладателям конфессиональных и локальных привилегий /432/ гарантируется действие упомянутых привилегий в их среде (включая и установления Городельского привилея 1413 г. относительно центральных должностей в воеводствах), однако за этими пределами действует общее право со всеми своими гарантиями. Поскольку сословные принципы польского права были более разработаны, чем литовские, а литовские – более, чем русские, I Литовский статут действовал в Подляшье только применительно к отношениям между местными и остальными дворянами страны, а на русских землях, как и в этнической Литве, его действие было всеобщим. В сфере имущественных отношений (включая личную власть феодалов над крестьянами) I Литовский статут подтвердил уже устоявшийся принцип равноправия католиков и православных. Вместе с тем он вводил ограничения для нехристиан (исповедующих иудаизм и ислам): они не могли владеть несвободными христианами, за исключением пожалованных самим великим князем. Были сведены в одну гарантии личных дворянских прав, данные прежними великокняжескими привилеями: презумпция невиновности (не карать без разбирательства в суде), ответственность лишь за собственные поступки, теоретическая возможность апелляции и ответственность судьи за принимаемые решения. Однако I Литовский статут еще не вышел из стадии состязательного процесса.

I Литовский статут обобщил личную легитимацию дворян и мещан (а также родовитых татар и богатых евреев). Преступление против личности он все еще рассматривал как обиду, однако всесторонне систематизировал его и поддержал идею наказания, уже бытующую в судебной практике. В стройную сословную градацию были выстроены композиции за нанесенное ранение или убийство; они сопровождалась выплатой такой же суммы правителю (т. н. противнем). Окончательно исчезли последние компенсации (вознаграждения) за повреждения отдельных частей тела, еще встречавшиеся в судебной практике начала XVI в., был обобщен размер выплат за избивание или оскорбление. Отплата (дважды столько) сопровождала возвращение отнятого имущества. I Литовский статут, опираясь на укоренившуюся судебную практику, согласовал старинные композиции и вводимые в обиход наказания, еще сохраняющие вид штрафов. Оскорбление великокняжеских регалий трактовалось различными способами, обобщенными в идею оскорбления величества. Если фальсификаторов денег и печатей ожидал костер, то самовольное взимание пошлин и нарушение права пропинации (тайное содержание корчем) каралось лишь конфискацией преступной собственности.

Легитимация личности дворянина и мещанина означала выделение его присяги из показаний соучастников, фактически превращала последних в свидетелей. В XV в. процесс шел параллельно /433/ с внедрением письменных актов в имущественные отношения. В I Литовском статуте показания свидетелей формально приравнены к документам, однако последние уже выделены как основа доказательств. Потому легитимация означала узаконение личной сфрагистики и геральдики. В конце XIV в. появились печати у крупных дворян (будущих панов). В XV в. их обрели дворяне (особенно распространилась форма сигнета). По смерти владельца печать уничтожалась. Печать идентифицировала саму личность, поэтому сфрагистика, в пору слабого распространения грамоты, не могла развиваться без геральдики. Аллодиальное общественное устройство со времен

возникновения государства диктовало распространение геральдики в форме примитивных знаков. Городельская рецепция польских гербов (1413 г.) коснулась лишь самой верхушки возникающего панства и не остановила естественного роста национальной литовской геральдики. Однако рецепция заметно повлияла на характер и направление этого процесса. Прежде всего, она ввела в широкий обиход правовое понятие герба, о котором в начале XV в. знали лишь князья. Она перенесла в Литву целую группу польских гербов и присущий только полякам обычай давать гербам имена. Она так же предопределила (что было свойственно и большей части литовских гербов) утверждение графического знака в окончательном рисунке герба. К концу XV в. герб стал характерной атрибутикой среднего дворянства. Мелкие дворяне не пошли дальше знаков, но большинство из них употребляло сигнеты, украшенные этими знаками. Привилей Сигизмунда I стране 1434 г., распространивший гарантии сословных прав на русское дворянство, направил поток польских заимствований (и вообще создания гербов) и в русские земли. Некоторые набирающие силу русские рода приобрели польские гербы (Ходкевичи – Косцеша, Сапеги – Лиса). Виднейшие литовские панские рода также хранили городельскую традицию. У Гаштольдов был герб Хабданка, у Радзивиллов и Остиков – Труб, у Монвидов – Леливы, у Саковичей – Помяна. В начале XVI в. традиция Гаштольдов утверждала, что в результате ссор с поляками литовские паны в 1453 г. вернули городельские гербы. Это преувеличение возникло из воспоминания о некоем жесте, однако оно свидетельствует, что в середине XV в. литовское панство не считало, будто Городельская рецепция означает приход гербов в Литву. Элементы европейской геральдики в печатях видных дворян встречались уже на стыке XIV–XV в. Новые люди, пополнившие литовскую элиту (напр., происходивший из мещан епископ Иоанн Лосович) компоновали свои гербы по всем правилам геральдики.

Формирование сложной правовой системы, подкрепленной расширенным феодалом и его документальным подтверждением, пре- /434/ вращало судью в профессионала, хотя он еще не был отграничен от администратора. Еще Ягайлов привилей 1387 г. предусматривал выделение в помощь судье советников (заседателей) из дворянской среды. Эта польская рецепция не прижилась. И все-таки, в начале XVI в., хотя это и не было жестко определено, судейским администраторам помогали дворянские представители. Их участие было необходимо, если суд осуществляли лица, замещающие воеводу, старосту или маршалка (обычай предполагал и такую возможность). Суд превращался для дворян в опорную правовую инстанцию, но при этом дорожал. В начале XVI в., без должного знания законов и привлечения наемного прокуратора (адвоката), невозможно было выиграть запутанное дело. Процессуальная часть I Литовского статута оговаривала участие последнего. Применение актов неминуемо вело к возникновению нотариата. Светский нотариат формировался без особой определенности. Главными накопителями нотариальных записей (и, конечно, выписок) стали судебные книги. Важную роль играла великокняжеская канцелярия с собственным архивом.

В первой трети XVI в. феодальное право стало той областью, где Литва по своим достижениям совершенно сравнялась с другими странами восточной части Центральной Европы.

ж. Вростание института великого князя в общественную структуру сословного представительства

Крупное литовское дворянство, в 1389 г. выдвинувшее антимоноарха Витовта, проявило себя как сознательная общественная сила. На эту силу должен был опираться и сам Витовт, когда взялся устранять удельных князей. Напряженная борьба Витовта Великого с аннексионистскими замыслами польских политиков вынуждала его представлять свой совет как сложившуюся государственную инстанцию, что в свою очередь ускоряло рост прерогатив этого совета. Появление рады панов означало не что иное, как ограничение

великокняжеской власти в пользу возникшей вельможной (магнатской) олигархии. Эта олигархия, после смерти Витовта, уже имела весомое слово в определении кандидатуры великого князя и могла тем самым разрушить невыгодное для Литовского государства личное династическое соглашение. Со времен выдвижения Казимира рада панов начала проявляться как главный институт, оберегающий литовскую государственность. Однако объем прерогатив, по преимуществу совещательных, не позволял ей заменить монарха, сохраняющего львиную долю властных функций. Даже с /435/ возникновением сейма великокняжеская власть продолжала опираться на крупнейшие в стране земельные владения, исключительное право назначения на высшие должности, координацию и контроль их деятельности (включая высшее военное руководство и бюджетный механизм), внешнее представительство и традиционно высокий авторитет. Соотношение прерогатив великого князя и рады панов юридически регулировал привилей Александра II от 1492 г.: по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики правитель должен был заручиться одобрением рады панов, однако без его согласия это одобрение или неодобрение не имело силы. Поскольку монарх большую часть времени проводил в Польше, скапливалось немало дел, которые рада панов, не обладавшая полномочием высшей санкции, не могла или не рисковала решать. Переписка между ней и великим князем не спасала: литовский государственный механизм нередко работал вхолостую. Рада панов жаловалась даже деятельному Сигизмунду II, что «нельзя ведать монастырем, когда его настоятель в отъезде». На прибывшего в Литву великого князя обрушивались лавины неотложных дел. Привилей Александра II стране от 1492 г., позволявший не соглашаться с мнением великого князя, если и действовал, то лишь в отношении самой верхушки панской элиты. Рядовому пану, как показывает случай с Георгием Ильиничем, которого Александр II лишил должностей, такие вещи дорого стоили. Однако подобные события вызывали широкий отклик, и правителю следовало считаться с мнением высшего общества. Своды литовских хроник начала XVI в. полагают болезнь Александра карой Божьей за пренебрежение панами. В это время определилась ясная концепция: государство есть самостоятельная общественная и политическая структура. Если на полугрошах Александра II еще было начертано, что это великокняжеская монета, то легенды грошей Сигизмунда II гласили, что они уже являются эмиссией Великого княжества Литовского.

Случай с возвышением Швитригайло скоро приобрел форму правового прецедента, благодаря последовавшим за ним конфликтным ситуациям вокруг престола. С начала правления Казимира право сословий Литвы избирать великого князя было уже неоспоримо. Однако также неоспоримо или почти неприкосновенно было право Гедиминовичей наследовать управление Литовским государством. Раскрытие заговоров при Казимире окончательно ограничило это право лишь наследниками Ягайло. Великое княжество Литовское принято считать вотчиной не отдельного Ягеллона, но династии Ягеллонов. I Литовский статут определил его как государство правящего великого князя. Новый государь избирался ра- /436/ дой панов по соглашению с правящим монархом. Так получили трон Александр II и Сигизмунд-Август, отчасти и Сигизмунд II.

Первую сакрализованную инаугурацию великого князя источники упоминают в 1440 г. Казимира в Вильнюсском кафедральном соборе венчал епископ Вильнюсский; это совершалось как отправляемый Церковью ритуал, хотя всеми осознавался его светский политический смысл. Этот акт перекликался с традиционным наречением правителя, происходившим при возвышении Швитригайло в 1430 г. и примененном Витовтом в 1398 г. в Салинасе. Наречение было внутренне связано с благословением Церкви, обязательным для христианского монарха. С инаугурации Александра II действовал отработанный церемониал посвящения во государя Литвы с использованием соответствующих инсигний. Великокняжескую митру, называемую шапкой Гедимины, возлагал Вильнюсский епископ, а меч вручал великий маршалок. Литовская инаугурация сохранила характерный дуализм двух этих инсигний. Они воспринимались как символы старой традиции, хотя т.н. шапка Гедимины ассоциировалась с заимствованным актом венчания, исполняемым иерархом

Церкви. Принятие меча было старинной литовской традицией, засвидетельствованной монаршими печатями Витовта Великого и Сигизмунда I (ею, кстати, воспользовалась и польская делегация во время Гродненского соглашения 1432 г.). Меч стал связующим звеном между старинными (знамя, печать) и новыми сакральными и клейнодными (шапка Гедимины, скипетр, /437/ плащ) великокняжескими инсигниями. Над могилой Витовта было водружено его знамя, Александра II в гробу украшали диадема и меч. С конца XV в. инсигнии уже почитались государственными клейнодами и регалиями (таковым стал и флаг страны, связанный с высшей должностью великокняжеского хорунжего). Они хранились в казначействе. На бытовом языке инаугурацию великого князя Литовского чаще всего называли «возвышение мечом». Хотя Литве и не удалось завоевать ранг королевства, акт увенчания ее правителя вырос в обязательный церемониал легитимации и сакрализации. На печатях XV в. и миниатюрах XVI в. «возвышенный» («пребывающий в величии») великий князь изображался сидящим на тумбообразном престоле. Официально к великому князю обращались как к королевскому величеству (так же именовался даже несuverенный Сигизмунд I), однако в быту это обращение заменялось более общим понятием «государь» (его милость). Хотя Ягеллонам как королям Польши этикет предписывал непременно и в первую очередь называть титул высшего ранга, при этом не оставалось в забвении, что в Литве они являются лишь ее великими князьями. В актах, предназначенных для Жямайтии, королевский титул часто вообще пропусклся. В титулатуре польского короля, где на втором месте располагается титул великого князя Литовского, поначалу перечислялись польские титулы (напр., Мазовии), а лишь /438/ потом – литовские (напр., Жямайтии). В титулатуре великого князя Литовского, где на первом месте располагался титул короля Польши, преимуществом обладали литовские титулования. В целом при упоминании о великом князе обычно употреблялось более общее понятие «государя» или «господина», стирающее разницу в рангах. Более высокий ранг королевского титула предопределил введение польской нумерации общих властителей даже в литовских актах, однако она не отменила литовской нумерации, лишь отодвинула ее на второе место. Так делалось и в других странах (Чехии, Венгрии, где короли были одновременно и Германскими императорами). После принятия христианства великих князей хоронили в Вильнюсском кафедральном соборе. Примиряющая смерть упокоила тут и соперников великих князей – Швитригайло и Михаила, сына Сигизмунда I. Хотя Ягеллонов хоронили в Польше, однако наиболее связанные с Литвой члены этой династии или их семей оставались в криптах Вильнюсского кафедрального собора (Александр II, две первые жены Сигизмунда Августа – Елизавета Габсбург и Варвара Радзивилл).

Возникновение концепции государства и институтов сословного представительства отразилось в великокняжеской сфрагистике и геральдике. В начале XV в. появилась монаршая печать, однако ее развитию помешали потрясения второй четверти этого столетия. Во второй половине XV в. окончательно установились образцы большой и малой великокняжеских печатей, причем последняя удостоверяла личность самого правителя. Портретная форма большой печати первой половины XV в. не была обновлена. Изображенные там гербы страны и земель стали теперь основным мотивом легитимационной графики. Герб страны оказался в центре как большой, так и малой печатей (на последней он был единственным). Гербы важнейших земель первой половины XV в. (Тракай, Волыни, Смоленска) в первой четверти XVI в. дополнила генеалогическая геральдика правителя – отца (короля Польши) и матери (сыновья Казимира были детьми Елизаветы Габсбург). Уже в конце XV в. выделилась геральдика государства и его главы. Государственный герб – вооруженный всадник – появился, когда Ягайло стал королем Польши: фигура конного витязя с его литовской печати была помещена на геральдический щит, лишившись всех признаков портретной графики. Этот новоявленный герб поляки стремились включить в польскую геральдику на правах рядовой об- /439/ ластной эмблемы. В этих целях красный и белый (серебряный) цвета, обретшие государственный смысл, не были отброшены, однако их поменяли местами: поле сделано белым, а всадник – красным.

Формирующаяся европейская геральдика Литвы отмела такую интерпретацию: с самого начала поле стало красным, а фигура – белой (как и в случаях с польским орлом или чешским львом). Личный знак Витовта (сегодня эта фигура именуется столпами Гедимины или Гедиминовичей) стал его гербом и гербом всей ветви Кейстутовичей (белая фигура на красном поле). Как и другие, гербы властителей получили свои наименования: всадника стали называть Витис (Витязь, Погоня), а знак Кейстутовичей – Столпами. Хотя государственный и династический гербы явно разделились, последние тем не менее повлияли на графику Витязя: на щите всадника была изображена фигура с династического герба. Полностью установившийся облик Витязя (с поднятым над головой мечом) был вместе со Столпами Кейстутовичей зафиксирован в одном из самых пышных европейских гербовников тридцатых годов XV в., известном сегодня под именем Бергсхаммарского кодекса (его исполнил фламандский художник для герцога Бургундского). Казимир, взошедший на престол в 1440 г., перенес на щит Витязя личный герб Ягеллонов – двойной крест. Двойной Ягеллонов крест сохранился в польской геральдике и сфрагистике как личный королевский герб, однако в Литве Ягеллоны приняли в качестве династической эмблемы Столпы Кейстутовичей, дабы представить себя законными преемниками Витовта. Знамена повторяли эмблематику гербов: на хоругвях созываемого войска изображался Витязь, личные великокняжеские дружины собирались под знаком Столпов. Подобное разделение источники отмечают уже в Грюнвальдской битве. При Витовте Великом окончательно сложился титул правителя Литвы: закрепилась интитуляция великого князя Литовского. Сюзеренные претензии Польши вызвали появление в титулатуре ее королей термина «верховный князь Литовский», однако эта манифестация, не признанная Литвой, утратила свой смысл. Более замысловато складывались церемониалы интитуляции властителя Литвы. Встречались упоминания отдельных русских земель (напр., Киевской), однако господствовали обобщения: «Русь» или «русские». С 1441–1442 г. было твердо признано Жямайтское титулование (Жямайтию было принято считать княжеством, хотя в актах преобладал термин «староство»). По мере закрепления великокняжеского титула сложилась формула, акцентирующая реальный смысл понятия «Лит- /440/ ва» и церемониальный – «Русь»: великий князь Литовский, государь и наследник Русский. С возникновением церемониала (титулатуры) Жямайтии, эти последние чаще всего именовались после литовского титула.

Концепция государственного суверенитета Литвы, защищенная от польских политиков, выражалась в неподчиненности ее монарха. В дипломатических актах подчеркивалось, что он является свободным государем. Папа (святой отец) и Германский (Римский) император (верховный король) считались властителями и руководителями институтов наивысшего ранга, но не сюзеренами. Выражая государственный суверенитет, великий князь законодательно обязывался (начиная с привилея Сигизмунда II 1506 г.) его беречь и клялся никоим образом не унижать раду панов. Оберегать неделимость государства обязывал великого князя еще и Казимиров привилей 1447 г. Как I Литовский статут провозглашал в стране христианское право, так и великий князь считался христианским государем. Члены рады панов называли себя членами государева тела. Великий князь считался высшим источником права.

Природное право литовского монарха, признаваемое *de facto* еще в языческие времена, научно в международном масштабе защищено Павлом Владимири в первой четверти XV в. (поскольку великий князь является христианским владыкой, несомненно первоначальные источники его прав). В генеалогических (первой половины XVI в.) схемах польских королей монаршая легитимация Ягеллонов велась непосредственно от Ольгерда. Легитимация великого князя Литовского ничем не отличалась от других суверенных монархов Европы. Внутри страны великий князь уже не был единственным институтом воплощения государственности, однако в иерархии занимал главенствующее место.

3. Взаимоотношения Литовского

государства и династии Ягеллонов

Став королем Польши на условиях Кревского договора, Ягайло втянул Литву в персональную унию с Польшей и пренебрег суверенитетом своей страны. Это пренебрежение стоило ему литовского трона, однако политические обстоятельства не позволяли прервать связи с его династией. Они сохранились в форме сюзеренных взаимоотношений великого князя Литовского с польским сеньором, что было подтверждено Островским, Вильнюско-Радомским, Городельским и Гродненским договорами. Литва эти связи в одностороннем порядке разорвала в 1429–1432 г., /441/ а окончательно – в 1440 г. Однако в том же 1440 г. младший сын Ягайло стал великим князем Литовским, и тем самым польская ветвь Гедиминовичей утвердилась на литовском престоле. Возникновение институтов сословного представительства переместило вотчинное наследование от личности к династии, но таким образом окончательно подтвердило исключительные права династии Ягеллонов в ущерб другим Гедиминовичам. Ягеллоны вернулись в Литву, когда та стремилась к компромиссу с Польшей. В то же время политические устремления Польши заставляли ее избирать королями представителей той же династии, хотя шляхта отвоевала право свободного избрания правителя. Литовский престол стал для Ягеллонов гарантией получения польской короны.

Высшей целью каждого Ягеллона был польский трон, но рассчитывать на него он мог, лишь будучи литовским государем (исключение – Иоанн-Альберт в 1492–1501 г.). Великое княжество Литовское получило роль главного столпа династии. С точки зрения обретаемого менталитета, каждый Ягеллон, воспитывавшийся и пребывавший преимущественно в Польше (где культура была выше, а европейские связи шире) становился поляком. Литва ему была нужна, но в ней не существовало польских удобств, и ее дела выглядели как тягостная повинность. Однако эта страна была не только ступенью к польскому трону – она предоставляла большую политическую и экономическую мощь для достижения главной цели. Поэтому Ягеллоны были заинтересованы в литовской государственности и в ее противостоянии аннексионистским потугам Польши. Такая позиция выявилась в ту пору, когда королем стал Казимир I, и она (если не принимать в расчет колебаний Александра II) не менялась до шестидесятых годов XVI в. Признавая в Литве ее неограниченный суверенитет, в Польше по этому вопросу Ягеллоны выражались неопределенно, чем фактически поддерживали Литву. Это вынуждало польскую знать и шляхту вновь избирать королем очередного Ягеллона. Потому персональная уния Литвы и Польши стала во- /442/ зобновляемым фактором, а именно это и удовлетворяло династические стремления Ягеллонов.

Однако взгляд Ягеллонов на династические связи Литвы и Польши не был однозначным, поскольку вершиной их династических чаяний был польский престол. В тех случаях, когда действия литовской знати провоцировали династические комбинации Гедиминовичей (Витовта Великого, Сигизмунда I) или Ягеллонов (Александра II), располагавшийся на польском троне Ягеллон всегда прибегал к декларациям от имени верховного князя Литовского, а то и напоминал о сюзеренитете Польши. В этих случаях он вторил польским политикам, ибо Литва переставала быть истоком /443/ его собственной власти. Такое положение мешало литовским политикам разорвать персональную унию с Польшей, потому как лишь Ягеллон, правящий в обеих странах, был заинтересован считаться с суверенитетом Литвы. Компромисс был найден только в последние годы правления Сигизмунда II (1544–1548), когда удалось фактически отделить прерогативы верховного князя Литовского от сюзеренных претензий Польши: прибывший в Вильнюс юный Сигизмунд-Август осуществлял ограниченные, но вполне определенные правящие функции, одновременно представляя своего отца как реального монарха Литвы, а не как польского сюзерена.

Симбиоз устремлений (у Литвы – суверенистских, и Ягеллонов – династических) был

все-таки политической, хотя и долговременной, конъюнктурой, а не юридически закрепленным соглашением. За иерархическим первенством Польши скрывалась опасность сюзеренистских претензий. Включение Витязя и Столпов в польскую геральдику (изображение на одном уровне монарших династических гербов и эмблем территорий, подвластных Польше) вело к двусмысленности, особенно если польский орел подчеркнуто возносился над другими гербами. Еще более опасным для Литвы был представительский фактор, если учесть, что местом постоянного пребывания общего правителя являлся Краков. Вильнюс делался столицей без монаршего двора (некоторые годы правления Александра или юного Сигизмунда-Августа существа не меняли). Высшая инстанция литовской власти была физически вынесена за пределы государства. Кстати, она не висела в воздухе, но в лице монарха объединяла властные и представительские prerogatives государства, располагавшего куда более прочными связями в Европе. Последнее обстоятельство особенно вредило Литве, функции правителя которой были шире, чем у короля Польши. Внезапно оказавшись в европейской политической системе, Литва поначалу была угнетена представительством сюзеренной Польши, которое только усиливалось нехваткой у Литвы возможностей и навыков европейской дипломатии. Задел, созданный Витовтом Великим, был перечеркнут неудачами тридцатых годов XV в., за которыми последовало переселение общего монарха в Краков, предопределенное персональной унией. Общий правитель представлял в Европе оба государства, но не слишком утомлял себя заботами о престиже Литвы. Инертно использовались польские связи и, собственно, польские подданные, которых вовсе не волновали особые интересы Литвы. Сложилась определенная кооперация обоих государств в сфере политической деятельности и дипломатии, когда каждая из них по- /444/ лучила приоритет во взаимоотношениях со своими соседями. Литве достались север и восток (Ливония, Русь, татары), Польше – юг и запад, т. е. почти вся Европа. Таким образом, Литву в Европе накрыла тень Польши. Хотя великий князь в Кракове представлял и Литву, однако лишь как дублер польского короля, то его в этом качестве часто вообще не замечали. Особо важные для Литвы вопросы обсуждались в переписке с радой панов; применялись и другие способы, но всё затруднялось или же замедлялось расстоянием и временем. Насущные проблемы нередко «самозатухали», годами лежали в долгом ящике, или их походя решали представители Польши – в порядке помощи, а заодно и присвоения репрезентативных функций. Литва отвоевала для себя в Европе место политического субъекта, однако существовала в ней на правах захолустья. Когда магнаты Литвы и Польши провожали общего властителя в одну из двух стран, на ее территории действовали prerogatives местных должностных лиц, однако и там, и тут представители Литвы ощущали себя слабейшими партнерами.

Политическое положение Литвы при Кейстутовичах и Ягеллонах обрело много черт, присущих всей восточной части Центральной Европы. Дав Польше династию Ягеллонов, Литва помогла созданию политического центра, самого сильного во всем регионе. В XV в. Польша заняла то положение, которым во второй четверти XIV в. обладала Чехия, а в третьей четверти – Венгрия, только династия польских монархов пришла не из Западной Европы, а из страны, едва присоединившейся к региону. Польша стала для Ягеллонов мостом к престолам Чехии и Венгрии. В конце XV в. эта династия охватила своей властью весь регион. Будучи местной в региональном отношении, она для чехов и венгров хотя бы отчасти представляла их собственные династии, ненадолго заменившие выходцев из Западной Европы. Поляки ее ассимилировали, для литовцев она осталась своей в силу происхождения и интересов. Правя этими четырьмя монархиями, Ягеллоны по значению сравнивались с возвышающимися Габсбургами. Однако в том же 1492 г., когда пала последняя опора мавров на Пиренеях и Колумб добыл в Америке приданое, вскоре доставшееся Габсбургам, – политическую систему Ягеллонов с востока накрыл русский колосс. Он не был единственным: уже сто лет на регион с юга давил другой колосс – Турция. Литва и Венгрия стали для западной цивилизации бастионами на линии соприкосновения с исламской и византийской цивилизациями, обретшими новую политическую силу. И это

произошло в то время, когда на другом порубежье западной цивилизации от навязанных ей функций бастиона избавилась Кастилия. Когда перед Западной Европой простерся Атлантический океан, Центральная Европа превратилась не в ее экономический /445/ тыл, но в прикрытие, обязанное все более напрягать свои силы. Династия Ягеллонов объединяла эти силы, но не могла делать это эффективно. Мешало как шаткое положение выборных властителей в трех из четырех монархий региона, так и династические притязания самих Ягеллонов, очевидно не совпадавшие с приоритетами каждой отдельной страны. Литва тут была единственной, кто не обладал рангом королевства и неограниченным правом избрания монарха. Будучи колыбелью династии и ее изначальной опорой, она одновременно была самой бедной, наиболее отсталой и наименее связанной с Европой страной из всех, где правили Ягеллоны. Это противоречивое положение имело следствием и противоречивый статус самой Литвы в политической системе Ягеллонов. В Чехии и Венгрии Ягеллоны считались польской королевской династией (потолок в покоях Владислава Ягеллона в Градчанском замке был декорирован гербами Чехии и Польши). Однако наряду с этим не предавались забвению и литовские корни этой династии (на деньгах будущего Сигизмунда II, когда он был глогувским князем Чешского королевства, в качестве династической эмблемы чеканился герб Литвы).

После Мохачской катастрофы (1526 г.) Ягеллоны утратили венгерский и чешский престолы (это было предусмотрено еще Венским договором 1515 года). Как и при молодом Казимире, им остались лишь Польша и Литва. Соотношение сил между двумя странами не изменилось, ибо несколько повысились значение и престиж Литвы при одновременном увеличении потенциала Польши. Великое княжество Литовское сохранило противоречивое положение династической опоры и второго партнера по персональной унии. Следствием такого положения были многие внешнеполитические неудобства, однако оно вместе с тем гарантировало поддержку Польши против усиливающейся Руси. Ввиду последнего обстоятельства такая поддержка была необходима (Ольшанская группировка в 1440 г., естественно, не могла этого предвидеть, но ее шаг при таком повороте событий был наиболее обоснован). Литовская знать была заинтересована в сохранении статуса опоры для династии Ягеллонов. Поскольку в этом статусе были не менее заинтересованы и сами Ягеллоны, их династические чаяния и политические устремления Литовского государства по большей части совпали. /446/

5. Национальные и культурные отношения при формировании сословного общества Литвы

а. Складывание русинской народности

Великие князья Литовские принимали католичество и встраивали свое государство в политическую систему Европы, когда среди их подданных большую часть составляли православные и нелитовцы. В XV в. окончательно прервались организационные связи их Церкви с Русью, а сама эта часть подданных, как и литовцы, испытали влияние латинской культуры. Русские бояре включились в сословные структуры Литовского государства. Возникновение отдельной Киевской митрополии, появление общего сейма и утверждение единого дворянского права, единая система должностей в масштабе территории всего государства знаменовали интеграцию русского боярства в государственную и общественную жизнь Великого княжества Литовского. Замкнутость отдельных русских земель уходила в прошлое, но всё это совершалось на фоне складывания сословной структуры общества, нехарактерной для Руси, по мере разрыва связей с Русью по ту сторону границы и их

упрочению с ядром литовского государства. В начале XVI в. жители каждой русской земли прежде всего ощущали то, что их связывало, а не разделяло с жителями других земель. Слово «русский» значило больше, чем полочанин или волынянин, но это не был тот русский, что жил в Русском государстве. Последний воспринимался как москвит, с которым не связывала этническая общность. Русские, жившие в Литовском и Польском государствах, стали ощущать себя отдельным этносом. Себя они называли русскими, но москвитян русскими не считали. Для русских на Руси они были «литвинами», и именно это наименование в XVI в. обрело различительное значение. Для литовцев они, естественно, были русскими, но русские с Руси тоже были москвитяне.

Русских литовцы называли русинами *gudai* (т. е. русинами). С возникновением отдельного понятия «москвит», русинами принято определять только русских, живущих в Литовском и Польском государствах. Так сузились этническое понятие «русин» – в литовском, и понятие «русский» – в языке русских Литовского государства, а это полностью соответствовало возникновению *русинской*, т. е. *русской народности в Великом княжестве Литовском*. Иначе говоря, с начала XVI в. следует вести речь о русинской национальности, проживающей в Великом княжестве Литовском и в управляемой Польшей Червонной Руси, – не тождественной восточно-русской (великорусской, московской), или просто русской национальности, живущей в Русском государстве. Этот перелом в самосознании, конечно, был характерен лишь для дворян и мещан, но о национальном самосознании крестьянства в ту пору вообще не было речи.

Восточная граница Литовского государства рассекла на два направления русский письменный язык и взаимосоответствие этого языка и местных говоров по обе стороны рубежа. Стремительное формирование сети административных и судебных канцелярий Великого княжества Литовского на рубеже XIV–XV в., а также быстрый рост их делопроизводства в более поздние десятилетия XV в. вызвали к жизни светскую старорусскую (далее – русинскую) письменность рядом с традиционной церковной, что неуклонно вело к возникновению отдельной канцелярской терминологии. Последняя способствовала отрыву от традиционной лексики и фразеологии, усиливала влияние говоров на письменный язык. Канцелярский язык воздействовал на художественную литературу; в начале XVI в. это отозвалось даже на религиозной православной письменности. Наречия писцов из разных областей, в начале XV в. иллюстрировавшие влияние говоров на письменный язык, к концу XV в. сами подчинились уже сложившимся междиалектным канонам письменного языка. Наиболее сильным было воздействие говоров, которыми пользовались русины, жившие по соседству со столичным Вильнюсом, оно и проявлялось в деятельности великокняжеской канцелярии. Местные признаки формировались в Полоцко-Смоленском и Волыньско-Киевском ареалах, однако они не помешали сложиться общему интердиалекту. Сохранилась определенная дистанция между наречиями и стойкой письменной традицией, однако русинский интердиалект стал реально функционирующей литературной речью, которая усваивалась в процессе делопроизводства и обучения литовских школьников русинскому языку. В середине XV в. для того, чтобы в Русском государстве воспользоваться текстами, написанными на этом языке, их приходилось переводить на русский (московский) язык.

Складывание русинской народности определяло соответствующие ей потребности социальной и культурной элиты, а те в свою очередь формировали специфические черты художественной литературы. Распространились написанные по-русински и популярные в Европе романы и повести: «Александрия», «Повесть о Трое», «Книга о Тундале», «Тристан и Изольда». Сравнительно скоро появились книги, напечатанные на кириллице: в 1491 г. (возможно, и раньше) вышли четыре литургических издания в Кракове. Полоцкий мещанин Франциск Скорина, финансируемый сыном вильнюсского городского советника Богданом Онковым, издал в Праге в 1517 г. псалтырь, а в 1517–1519 г. – часть Библии (22 книжками). Переселившись в Вильнюс, он основал печатню и в 1522 г. издал «Малую подорожную книжицу» (она соответствовала католическому Виатику), а в 1525 г. – «Апостола».

Славянские тексты Скорина переводил на русинский язык и своими изданиями поддерживал униатские (унионистские) усилия Вильнюсских епископов: в его Библию была включена книга Юдифи, признаваемая лишь католической Церковью. В 1512 г. в университете Падуи он получил степень доктора медицины. Деятельность этого всесторонне образованного человека знаменовала поворот русинской письменности к разговорному языку, и это отделило ее от скованной традициями русской письменности. Русинская литература приобрела черты, характерные для Западной Европы. Кириллическая типография, пусть и действовавшая в Вильнюсе эпизодически, способствовала началу книгопечатания в Литве.

Политическая и религиозная гегемония литовцев естественно вызывала недовольство социальной русинской элиты. Но поскольку большая часть русинской народности проживала в Литовском государстве, ее недовольство принимало форму борьбы за гегемонию или хотя бы равенство внутри этого государства, т. е. не была направлена радикально против него. Несмотря на разнообразие мотивов, сами русины стремились интегрироваться в политические и общественные структуры Литовского государства. Это означало, что соперничество обоих народов приобрело характер не коллизии, а конкуренции. Литовцы пользовались политическими и социальными, а русины – культурными преимуществами.

С возникновением русинской народности, Русь утратила не только большую часть своей прежней территории. На этих пространствах появился иной этнос. Это была обида, которую литовцы нанесли русским, и их же заслуга перед русинским народом. С возникновением в конце XV в. единого Российского государства, это стало и весьма важным историческим обстоятельством: Литовское государство при всей своей многонациональности не управляло жителями соперничающей державы.

б. Возникновение Малой Литвы

Когда войны конца XIII и всего XIV в. опустошили пограничье Литвы и Тевтонского ордена, местные жители здесь не исчезли, однако их осталось предельно мало. Мельнинский договор 1422 г. положил начало долгому мирному периоду, и разоренный край вновь стал заселяться. Условия заселения по обе стороны, границы не были одинаковы. Во владениях Тевтонского ордена поблизости от разоренной Надровии, Скаловии и Ламатии (Ламатины, возле /450/ Куршского залива) жили пруссы. Великое прусское восстание (1260–1274) Тевтонский орден усмирив методами геноцида; сеть замков, утверждавшая его власть, была построена без учета возможного исполнения повинностей. Поэтому опустевший край оживал медленно, лежащие ближе к границе области в XIV в. очень страдали от литовских ударов. Результат всего этого – за время мирных десятилетий XV в. немногие колонисты из прусских земель смогли прийти в Скаловию и Надровию. Между тем, интенсивная литовская колонизация на нижнем Немане и в Северной Судовии (Занеманье) не прекращалась. Перейдя границу, литовские колонисты обосновались в Ламатии, Скаловии и Надровии. Администрация Тевтонского ордена (с 1525 г. – герцог Прусский) была в этом заинтересована – немецкие чиновники взяли под свой контроль новые литовские села и обложили их повинностями. В начале XVI в. Ламатия, Скаловия и значительная часть Надровии стали литовскими. Немногочисленные скалвы и прусские колонисты уже составляли там меньшинство. В середине XVI в. письменные источники еще упоминают о скалвских деревнях, но вскоре они были ассимилированы литовцами. Так на старых балтских землях появился новый литовский национальный ареал, находящийся под властью Тевтонского ордена (позднее – герцога Прусского). Исторически этот регион получил имя Малой Литвы (тем самым сообщив название Большой Литвы заселенной литовцами территории Великого княжества).

Малая Литва не была этнически однородной. Земли близ Куршского залива (вокруг Клайпеды и Шилуте) колонизировали жя- /451/ майты. На небольшой площади к югу от озера Виштитис обосновались южные аукштайты (дзуки) из Тракайского воеводства,

пришедшие сюда через южное Занеманье (Симнас, Вейсей). На большой территории, включающей правобережье нижнего Немана, поселились люди, говорящие на западно-аукштайтском наречии и начавшие колонизацию от окрестностей Каунаса и волостей нижнего Немана, управляемых Жямайским староством. Рядом с Клайпедой и на Куршской косе стали селиться пришедшие из Куронии латыши (в XV в. латгалы в Ливонии завершили ассимиляцию других балтских племен), однако на косе появились и литовские села. Государственная граница разделяла подданство и повинности, однако не прерывала общения жителей Малой Литвы с их сородичами. По обе стороны границы люди посещали базары и храмы.

В Малую Литву литовцы пришли уже как национально структурированный этнос. Поэтому ассимиляцию скалвов, ламатов и куршей предопределила не только их малочисленность, но и более высокий уровень этнического сознания у литовцев. Ассимиляция проходила легко, поскольку столкнулись родственные этносы. Прусские герцоги стали властителями над частью литовского народа. Однако эта часть не обрела привычной национальной структуры: в Малой Литве обосновались лишь литовские крестьяне. При наличии, пусть и малом, немецких рыцарей (позднее – дворян), мещан и священнослужителей, литовцы тут оказались в неблагоприятных этнических условиях, тем более что связи с Большой Литвой были лишь бытовыми. Литовских политиков интересовала территория Малой Литвы, но не этнический состав ее жителей. Всем этим и определилось отдельное историческое развитие Малой Литвы.

в. Освоение письменности

Крещение Литвы способствовало стремительному росту письменной культуры в бесписьменном литовском обществе. Грамоту принесла католическая Церковь, но ничуть не меньше нуждалось в письменности государство, резко вырвавшееся из международной изоляции. Уже в первое десятилетие правления Витовта Великого сложились основы сети канцелярий. Письменная продукция концентрировалась на трех определяющих направлениях: в международной переписке великого князя, в процессе внедрения правового акта и, главное, связанных с ним распоряжений (к этому побуждало возникшее крупное землевладение), при использовании элементарной литургической литературы, предоставленной Церковью. Сегодня наиболее впечатляюще выглядит иностранное наследие канцелярии Витовта Великого, сохранившееся в зарубежных архи- /452/ вах. Однако это была определенная временная конъюнктура, которая заметно ослабла при преемниках Витовта, пассивных в отношении внешней политики. Религиозная литература, практически не имевшая хождения за пределами конфессиональной деятельности Церкви, требовала высоких профессиональных навыков и была частью письменности, наиболее трудной для внедрения. Объективные возможности составления ее списков возникли лишь во второй половине XV в., поэтому в данной области обходились весьма ограниченным ввозом готовой продукции. О необходимой религиозной литературе (богослужебных книгах, градуалах, антифонах, виатиках, агиографии, сборниках проповедей) позаботились уже в конце XIV в. В начале XV в. ее пополнила военная добыча из храмов Пруссии. В последней четверти XV в. Литвы достигли печатные издания этого рода (инкунабулы), и это намного облегчило проблему их приобретения. В 1499 г. в Данциге вышла «Агенда» (подручная книга священника, подготовленная в Литве Мартином), и это указывает, что сама Литва включилась в процесс размножения литературы. Наибольшее воздействие на общественную жизнь имели правовые акты и административные циркуляры. Оригинальных актов времен Витовта сохранилось немного, однако довольно многочисленные позднейшие списки, предназначенные для нужд мелкого дворянства, свидетельствуют о их срав- /453/ нительно широком применении уже на стыке XIV–XV в. (найден даже несколько актов Скиргайло), а также об изначальной необходимости их сохранения и накопления. Описи личных

дворянских архивов более поздних веков, начинающиеся позициями XV в., говорят о том, что эта работа началась именно тогда. Уже в то время акт стал неременной деталью жизни дворян и мещан. Когда акт сделался главным средством доказательства, возникла потребность в отчетности и инвентаризации. Немногочисленные и фрагментарные инвентари начала XV в. вскоре умножились и стали исчерпывающими. В бурно развивающемся литовском сословном обществе письменность начала функционировать сравнительно быстро и широко. Имущественные отношения, становясь важнейшим стимулом для роста письменной продукции, предопределили чисто практический характер литовского письма, его минимальное проявление в творческой сфере. В конце XIV – начале XV в. канцелярия сыграла более важную роль, чем Церковь и школа. Ей в первую очередь Литва обязана тем, что научилась пользоваться письмом, именно канцелярия подготовила литовское общество к восприятию письменного творчества, хотя сама и не была способна выпестовать подобное творчество. Литовскую культуру этого периода можно назвать культурой канцелярий. Литва стала важным импортером продукции бумажных мастерских Германии и Польши. /454/

Родоначальницей подобной культуры стала великокняжеская канцелярия. Витовт Великий создал ее по образцам канцелярий короля Польши и великого магистра Тевтонского ордена. Были отобраны и привлечены местные писцы-русины, а также люди из Польши и Пруссии. Если в иных странах Центральной Европы монаршие канцелярии созданы духовными лицами, в Литве подобное учреждение возникло в позднем средневековье, которое отмечено развитием грамотности среди дворян и мещан, и сразу приобрело светский характер. Многочисленный, хотя и пестрый, канцелярский персонал преобразовал случайный дуализм латинской и русской письменностей языческой Литвы в характерную дуалистическую систему письменной культуры. Для внутренних нужд чаще всего применялась русинская, для внешних – латинская и немецкая продукция. Была возможность принимать и переводить чешские и татарские письма, в тот же день сделать нужный список или сопроводительный материал. Писари отдельных администраций такими возможностями, конечно, не располагали, однако достаточно мощные канцелярии Вильнюсского епископа (и капитула), Вильнюсского и Каунасского городских магистратов действовали уже с начала XV в. Дуализмом письменных систем Литва отличалась как от других стран Центральной Европы, так и от Руси, – придерживавшихся той или иной системы. Поначалу механический сплав двух систем, характерный для стран, расположенных на стыке различных цивилизаций, в конце XV в. превратился в ярко выраженный и оригинальный синтез письменных культур. Письменность на основе латинского алфавита, перенявшая прусскую и польскую разновидности регулярного готического курсива, во второй половине XV в. выработала довольно широкую шкалу готической графики от скорописи до каллиграфии. Сформировалась вполне единая, хотя и близкая польской, школа литовской готической графики. Кириллица ее не затронула, зато кириллическая графика Литвы испытала огромное влияние готики. В канцеляриях Великого княжества Литовского в конце XV в. уже отчетливо проявился самобытный стиль кириллического письма. Он опирался на славянский полуустав, однако структура букв была определенно готической (буквы скалывались из отдельных черточек – элементов). Такая конструкция букв представляла собой оригинальную, свойственную лишь канцеляриям Великого княжества Литовского, форму кириллицы и позволяла сочетать скорость с чистописанием (как и в латинском алфавите: чем быстрее делятся элементы, тем ближе к скорописи, чем точнее – к каллиграфии). Как латинская, так и кириллическая графика Литвы, будучи готической по своей структуре, с конца XV в. оказалась способна реагировать на новшества в европейской письменной графике. На рубеже XV–XVI в. уже возникли черты ренессансной графики.

В отношении письменных языков литовское делопроизводство сразу же стало развиваться оригинально. Для внутренних потребностей пользовались по преимуществу русинским языком. Стремительное появление и распространение канцелярий продиктовало необходимость привлечения и обучения людей, пишущих по-русински. Это было сделать

легче, чем заполучить писарей, умеющих обращаться с латынью, ибо в XV в. школ было еще очень мало. В великокняжеской канцелярии образовались должности латинских и русинских писарей (руководивших группами писцов) и секретарей (готовящих важнейшие грамоты). Содержание латинского писаря обходилось в четыре-пять раз дороже, чем русинского. С середины XV в. появились писцы-литовцы. Латинскую или русин- /456/ скую сферу работы определяли не национальность или вероисповедание, а выучка: были литовцы, писавшие по-русински (Иван Кушлейка), и русины, писавшие по латыни (Иван Сапега). Престижной была латынь. Разбогатевшие люди меняли русинские грамоты на латинские. На великокняжеских печатях гравировались латинские легенды. На рубеже XIV–XV в. надписи на печатях крупных дворян-панов были русскими; во второй половине XV в. их стали сменять латинские. Латинские легенды на печатях имело большинство магдебургий, а также, вне сомнения, католическая Церковь. С конца XV в., когда деньги приобрели европейский вид, на них остались лишь латинские надписи. Однако латынь, получившая качественное преимущество, была вынуждена терпеть явное, количественное превосходство русинского языка. Предназначенная для рядового дворянства деловая письменность была почти сплошь русинской. Ничуть не в меньшей степени русинский язык господствовал и в государственном делопроизводстве. В городе Каунасе немалая роль принадлежала немецкому языку. Еще в первой половине XVI в. в бумагах каунасской магдебургии немецкие записи составляли изрядную долю.

Немецкий язык применялся и в других странах Центральной Европы, где среди горожан встречались немцы. Однако зарубежная корреспонденция Литовского государства в первые сорок лет XV в. в этом отношении выделялась. С Тевтонским и Ливонским орденами, а отчасти и с Германским императором переписка велась почти исключительно по-немецки. Это не умаляло престижа латыни в международном делопроизводстве, но вместе с тем расчищало дорогу для разговорной речи во внутренних делах, как это было в случае с русинским языком. С ослаблением активности в литовской внешней политике, немецкий язык утратил свои позиции в дипломатии, между тем разговорная роль русинского языка росла. Тут Литва сравнялась с далеко шагнувшей в этом направлении Чехией, где собственный язык занял важное место рядом с латынью, однако это было связано не с самими литовцами, а с русинской частью подданных Литовского государства. Литовцам пришлось обучаться русинскому языку, как полякам или венграм – латыни, однако это не был язык науки. Все-таки было бы ошибкой усматривать лишь такую роль русинского языка в истории литовской культуры. Светскую русинскую письменность наиболее распространили в Литве государственные инстанции, и всё это совершалось заодно с усвоением европейской правовой и социальной терминологии и фразеологии. Главнейшим посредником тут был польский язык, но в нем подобный фонд был не чем иным, как германизмами, латинизмами или же их польскими кальками. Взаимная близость славянских языков позволила без труда пере- /457/ нести этот фонд в русинский язык и письменность. Попали в него и литуанизмы. В приспособлении русинского языка к общеевропейскому уровню литовцы сыграли роль не меньшую, чем сами русины. Русинский язык стал средством общения, выражавшим исключительно менталитет жителей Великого княжества Литовского. Стройный перевод I Литовского статута на латынь показывает, что в этом смысле русинский язык не отстал от других национальных языков Центральной Европы.

Функционирование актов вынуждало осваивать их поток как подателей, так и получателей. Записи предоставленных актов (метрики) и списки полученных актов (картулярии) появились на рубеже XIV–XV в. Огромную роль сыграл фонд великокняжеской канцелярии, известный в науке под названием Литовской метрики. В первой половине XV в. еще накапливались разрозненные списки с важнейших документов и кратко аннотировались выдаваемые документы. В конце XV в. писцы уже накапливали значительную часть копий исходящей документации, которые отдавали для переплета в тетради (книги) ведающим ими писарям. Литовская метрика стала упорядоченным архивом со строго пополняемой текущей продукцией. Своим объемом и регулярностью Литовская

метрика ориентировала на должный уровень всё делопроизводство государственных инстанций.

Литва не располагала в достатке школами, поэтому грамотных людей в стране было немного. И все-таки даже небольшой их процент в начале XVI в. уже определял общественную жизнь, чего не было в конце XIV в. По своей «канцелярской культуре» Литва с конца XV в. принадлежала, пусть и на низком уровне, европейской культуре.

г. Первые школы в Литве

Принимая крещение, Литовское государство оказалось способно сразу же создать в стране епископальные и приходские организации и тем самым перенести из Польши функционирующие инстанции католической Церкви. Правда, хозяйственные возможности и небольшое поначалу церковное землевладение не позволили структуре подобных инстанций мгновенно обрести прочность и силу. Потому-то возникшие церковные и монастырские школы были редкими и слабыми. И все-таки первые меценаты (прежде всех – великий князь) осознали, что в Литве следует вводить многоступенчатое обучение. Уже в 1397 г. упоминается школа при Вильнюсском кафедральном храме. Витовт Великий в 1409 г. выделил средства Тракайской приходской школе. В 1426 г. встречаются упоминания о школе Вильнюсского франц- /458/ исканского монастыря. В конце первой трети XVI в. количество школ в Вильнюсском епископстве выросло до полутора десятков, однако по большей части они были малыми и слабыми. В Жямайтском епископстве в первой трети XVI в. было всего лишь несколько школ. В 1469 г. упоминается школа в епископской резиденции Варнай, однако еще и во второй половине XVI в. она не удовлетворяла требованиям, предъявляемым кафедральной школе. И всё же первые десятилетия XVI в. продемонстрировали определенный сдвиг в развитии начального обучения в Литве: школы появились даже в ранее захолустных и недавно реколонизированных местностях Ливонского приграничья (в Йонишкисе, Дусятос), расположенных близ торговых путей, – и это свидетельствовало о рождении прослойки местичей (жителей местечек), заинтересованной в просвещении. Тем более это относилось к мещанам, поэтому во второй половине XV в. двигателем прогресса, как и во всей Европе, стали городские школы. В Каунасе школа действовала уже в шестидесятых годах XV в. В XVI в. в этом городе возникло несколько школ. Вильнюсская городская приходская школа (при костеле св. Иоанна) учреждена только в 1513 г. Этим, кстати, был нарушен привилей о монополии кафедральных школ, в чем как раз и был заинтересован магистрат. В 1527 г. великий князь утвердил договор между Вильнюсским магистратом и настоятелем храма св. Иоанна, предусматривающий посменное избрание заведующего приходской школы, но в то же время подчеркивающий подчиненность последнего настоятелю.

Вильнюсский договор 1527 г. даже отдаленно нельзя сравнить с переходом школ в ведение городов в ренессансной Италии, однако определенное укрепление городских позиций знаменовало новый этап в развитии школ Литвы. Городская приходская школа провозглашала конкуренцию системе обучения в кафедральных школах; обучение становилось более разнообразным и актуальным. Вильнюсский магистрат выхлопотал право расширить свою приходскую школу и сделал это в 1526 г. (началось преподавание немецкого языка, в школе обучали составлению документов). Общее для всей Европы позднего средневековья внимание школы к редактированию актов подтверждают и сохранившиеся в Литве /459/ формулярные книги, написанные в XVI в. Конкуренция заставила подтянуться Вильнюсскую кафедральную школу, и тем не менее список неизучаемых предметов оставался огромным. Перенесенная в Литву европейская система обучения опиралась на семь т. н. свободных искусств (грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку). В начале XVI в. Вильнюсская кафедральная школа могла преподавать своим учащимся лишь тривиум (три первых искусства). Об

элементах квадривиума (четырёх остальных искусств) давалось некоторое представление, но это ещё не составляло системы. Практические уроки литургического пения предполагали заучивание песенных нот (градуалов, антифонов). О прогрессе в этой области свидетельствует учреждение канторской прелатуры при Вильнюсском капитуле. Для подсчета Пасхальных дней следовало иметь представление об орбитах Солнца и Луны (они упоминаются в актах XV в.). В рукописях конца XV в. уже встречаются арабские цифры. Школьное обучение в Литве нескоро освоило все семь свободных искусств, но даже и на таком уровне оно имело огромное значение.

Ученая латынь и ее незнание были первыми препятствиями на пути внедрения европейского образования в Литве. Не хватало учебной литературы, Литва поначалу не знала ни о ней, ни ее самой. Тут очень помогли печатные издания, достигшие Литвы не позднее начала последней четверти XV в. Известные на сегодня инку- /460/ набулы и палеотипы, имевшиеся в Литве в последней трети XV в. – первой половине XVI в., часто не включали учебных текстов, приспособленных для европейских школ. Однако по тематике они были близки таким текстам и хотя бы указывали, с чем литовский читатель первоначально ознакомился. Самыми многочисленными были гомилии (проповеди; их авторы: Бернардин де Бустис, Иллюминат Наваррский, Самуил Касинетти, Роберто Карачолли, Вильгельм Парижский, Иоанн Герольт, Иоанн де Вердена, Николай Блонский, Петр де Палуде, Антонио Битонтский). Примечателен их довольно широкий спектр: это авторы из разных европейских стран (Италии, Франции, Германии, Польши), книги отпечатаны в разных городах. Особо следует выделить учебные проповеди Иоанна Герольта и т. н. «Образчики» («*Pavyzdžiai*», популярный проповеднический жанр высокого и позднего средневековья). Проповеди были прикладной дисциплиной из области практической риторики. Широко распространенный в Европе с XIII в. сборник «Образчиков» Якова де Ворагине «Легенда о священном золоте, или Ломбардская история», попал в Литву не только в виде инкунабул: уже во времена Витовта Великого встречались его списки. Анна Витовтова приобрела жизнеописание св. Доротеи. Среди практических книг по литургии и теологии мы обнаруживаем трактаты о сакраментарии, катехизическую министртуру, комментарии к гимнам и псалмам, используемые в школах европейских стран и указывающие на потребность в подобных знаниях (изложение Генрихом Герпфейским десяти заповедей Господних, основы священнослужения Генриха Гессенского, руководство по служению мессы Иоанна де Лапиде, разъяснения святых таинств, комментарии к гимнам, комментарии к псалмам св. Августина). Художественную литературу представляли читаемые в школах Овидий («Скорбные элегии» с комментариями Варфоломея Мерулы), Феокрит («Буколики» в латинском переводе Мартина Филетика), одна из значительнейших для XV в. общеисторических хроник Гартмана Шеделя. Особенно примечательно сочинение Марциана Капеллы «О свадьбе Филологии и Меркурия», излагающее программу обучения семи свободным искусствам. Подобная не слишком обильная литература всё же позволяет утверждать, что на рубеже XV–XVI в. в школах Литвы изучался хотя бы минимум необходимых текстов, и всё благодаря привозным печатным изданиям. /461/

Наличие инкунабул позволяет прояснить еще одну особенность обучения в школах Литвы: в стране уже имелась литература, потребная для университетского образования. Из богословских трудов следует отметить: сборник сочинений св. Августина, письма св. Иеронима, «Сумму теологии» св. Фомы Аквинского. В библиотеках Литвы сохранились рукописные богословские трактаты. Из философских работ необходимо указать: «Сентенции» Петра Ломбардского, «Вопросы к Универсалиям Порфирия» Иоанна Дунса Скота (под редакцией Николая Юдека), полемика номиналистов и реалистов (основные философские направления средневековой схоластики) в изложении Антонио Тромбетты. Светское право было представлено Дигестами из Кодификации Юстиниана (с комментариями известного позднейшего глоссатора Аккурсия), дополнениями к популярному «Зерцалу судейскому» Гилельма Дуранда, исполненными Иоанном, Андреевым сыном. Документ 1486 г. упоминает книгу Магдебургского права (неясно,

рукопись или печатное издание). Из канонического права была известна не только шестая книга Декреталий Бонифация VIII (с замечаниями Бернардина Ландрианетти и дополнениями Климента V и Иоанна XXII). Перечисленная литература не является ни обильной, ни всеохватной, однако люди в Литве все-таки могли подготовиться к университетским занятиям. Начало тут положила еще великая княгиня Ядвига, считавшая это необходимым средством для христианизации Литвы. В 1397 г. она, выделив 200 коп грошей, учредила при Пражском университете коллегия для поддержки литовцев, изучающих богословие. Коллегия начала работу в 1400 г., но в Литве так и не обнаружилось подготовленных для нее людей, и ей не нашлось применения. Однако это был не единственный шаг в этом направлении. Воссоздавая Краковский университет (1400 г.), Ягайло предусмотрел, что его деятельность распространится и на Литву. Университету оказывала материальную поддержку литовская аристократия (сохранились сведения о Михаиле Кезгайло и его жене Елене, Иоанне Гаштольде и его жене Доротее, Станиславе Валимонте, Владиславе Бутрине). Вторым ректором Краковского университета в 1401 г. был избран сын живущего в Чехии Бутовта Кейстутовича Иоанн. Благодаря сложившимся связям студенты из Литвы могли обучаться в Краковском университете. Имматрикуляция студентов началась в 1402 г., но затем последовал десятилетний перерыв. В дальнейшем, хотя и не каждый год, приток был постоянным и понемногу рос. В первой трети XV в. были имматрикулированы 33 студента, 9 человек получили степень бакалавра (первый – в 1410 г.) и магистра свободных искусств. В 1442–1492 г. было имматрикулировано около 120, а в целом за весь XV в. – около 200 человек. Появились и университетские преподаватели-литовцы: магистр Германас Гедрайтис (1419– 1433 г.), доктор философии (утвержден в 1460 г.) Михаил (Миколас) Гедрайтис (в 1544 г. он был объявлен благословенным), возможно, Станислав (ставший магистром в 1427 г.). Краковский университет XV в. определял все направления в развитии учебной подготовки, да и самого обучения, в школах Литвы. Он являл собой сорбоннскую богословскую и философскую модель, характерную для большинства неитальянских университетов, в которых были слабо представлены медицина и светское право. В схоластической философии господствовал реализм Фомы Аквинского, однако была возможность ознакомления и с его оппонентом Иоанном Дунсом Скотом. О прогрессе в этой области говорит учреждение в 1507 г. партикулярной школы вильнюсских доминиканцев, где также преподавалась философия.

В начале XVI в. в Литве, пусть и на самом низком уровне, был внедрен процесс преподавания по образцу европейских школ, приучающих человека думать. Аристократической молодежи требовались и научные знания. Александр II собственноручной подписью начал визировать латинские акты, Сигизмунд II – и русинские. Краковский университет не удовлетворял запросы всех, кто стремился к знаниям. В первой половине XVI в. литовцы уже учились в Праге, а кто побогаче – посещал университеты Германии и Италии. В 1495 г. Иоанн из Вильнюса стал доктором права в Болонье. Страна уже располагала людьми, знавшими латынь и освоившими делопроизводство. Образовалась культурная элита. /463/

д. Начало утраты общественных позиций литовским языком

В XIII–XIV в. с появлением государственности и сопутствующих ей понятий, относящихся к административной и военной организации, возникли различия между языком народа и социальной элиты, поэтому потребовались грамматические формы, точнее отражающие связь явлений. В XVI в. этот процесс стал еще более интенсивным. Активное взаимодействие с русинским, а особенно польским, языками привело к появлению заимствований и неологических калек. Из городов распространялась ремесленная терминология. В некоторых случаях литовский язык неплохо использовал это влияние и

творчески обогащался (напр., термин «*baltupnikas*» (белильщик) в кожевенном деле – от немецкого «*der Weißgerber*»). Лексика христианского культа была усвоена еще по инерции русинского воздействия (слова «*krikptas*» (крещение), «*bažnyuia*» (церковь), «*kaledos*» (рождество), «*velykos*» (пасха) – от поляков, но через русин). Литовский язык менялся подобно другим национальным языкам Центральной Европы – утрачивая изначальную чистоту, но при этом обогащаясь, обретая новые средства выразительности. Совершался, особенно в языке элиты, слом, связанный с абстрагированием.

Новшества проникали в литовский язык через суды, ремёсла, торговлю, военную службу и христианский культ. Последний особенно воздействовал на сферу абстракций. Редкая и медленно густеющая сеть приходов не позволяла быстро и широко проявиться влиянию культа. Латинские молебны людям были непонятны, воспринимались как зрелище и не побуждали к размышлению. Поэтому наиболее впечатляли проповеди и, как показывает достаточно обильно представленная гомилетика, они действительно произносились. Однако число говорящих по-литовски священнослужителей росло медленно, ибо медленно прибавлялось количество школ. Намерения таких епископов, как Матфей, который отказывался рукополагать в священники тех, кто не знал литовского языка, были трудно осуществимы, поскольку подготовленных людей (литовцев и нелитовцев) постоянно не хватало. Сложилась практика назначения настоятелями более квалифицированных поляков, а викариями – едва обученных литовцев. Эта практика создала механизм привлечения в Литву польских духовных лиц (через родственников и знакомых). С другой стороны, все-таки вошло в практику чтение проповедей на литовском /464/ языке. Распоряжения на этот счет последовали уже в начале XVI в. Первой реальной мерой было разрешение Вильнюсскому епископу Альберту Табору назначать священников в определенное число храмов, патронируемых великим князем, но с условием, что там будут произноситься литовские проповеди. Бытовая передача строгих догматических канонов в ходе проповеди не возбранялась, поэтому возникли условия для развития литовского языка. В отношении катехизации и святых таинств требования к практическому применению литовского языка были несколько жестче, особое внимание уделялось формальному повторению догм, а не их восприятию верующими. В постановлениях Вильнюсского епископального синода повторялись требования об употреблении латинских формулировок, из страха перед неверно примененным литовским словом, часто – неологизмом. В постановлениях упоминается и польский язык, а это указывает, что польские священники, обнаружив аудиторию, понимающую по-русински, не затрудняли себя изучением литовского языка. Популярная польская песнь «*Bogurodzica*» по-польски и в русинском варианте зафиксирована рукописями, появившимися в Литве в первой трети XVI в. Церковная литургия, открывая перед литовским языком новую область развития, вместе с тем заполняла эту область польским языком.

Подобное положение складывалось в канцеляриях, судах и школах. Сравнительно быстро и широко внедрить письменность было возможно лишь с привлечением довольно большого числа нелитовских писцов и учителей. Постигание грамоты было изучением русинского и польского (при обучении на латыни) языков. По латыни только читали и писали, а по-русински еще и разговаривали. Русинский или польский язык делался языком мышления, средством изучения латыни. Не инородцы, которых было немного, приспособлялись к своей аудитории, а немногим более многочисленные литовцы – к сравнительно грамотным учителям: русинам и полякам. Немцы, чехи и поляки учились писать на своих языках целые столетия, веками превращали их в орудие мышления, наряду с мертвой латынью. Письменность в те века усваивалась небольшими дозами, которые со временем понемногу увеличивались. Литовцам пришлось всего за несколько десятилетий усвоить огромный объем письменности. Когда же она была усвоена, оказался освоен и усовершенствован (с опорой на польский) русинский язык, но такое усовершенствование и приспособление почти не коснулось литовского языка. В начале XVI в. всё это уже обрело значительную инерцию, и отрыв литовского языка от достигнутого уровня требований стал

очевиден. Это не просто мешало ему стать письменным языком, но и замедляло процесс формиро- /465/ вания его более обширных интердиалектов. В начале XVI в. литовский язык по большей части оставался на положении слаборазвитых наречий. Поскольку литовский язык не успел дорасти до уровня, необходимого для поглощения обильной и многообразной письменной продукции, и не сумел включиться в процесс создания такой продукции, – началось его вытеснение из административных, общественных и церковных инстанций. Прежде всего это совершалось при великокняжеском дворе. Прибывшего в Литву тринадцатилетнего Казимира паны-советники тут же обучили литовскому языку и местным обычаям. Однако вскоре Казимир перебрался в Польшу. В конце XV в. в великокняжеском кругу еще говорили по-литовски, однако не реже слышался польский или русинский язык. Своих детей Казимир I литовскому не научил. Даже будучи только великим князем Литовским (1492–1501 г.), Александр II обошелся без литовского языка. Из великокняжеского дворца польский и русинский языки распространялись по дворянским имениям. Русинский язык торил себе дорогу как письменный язык и средство общения большинства жителей. Творчески претворяя его, литовская социальная – и отчасти интеллектуальная – элита стала считать русинский язык своим. Кроме того, он всё более становился мостом к овладению польским языком, о чьем престиже пеклись монарший двор и Церковь. Небогатая польская письменность (в основном – акты) появилась в Литве лишь в конце первой четверти XVI в. Она росла медленно по сравнению с активно распространявшейся латынью и достаточно прочно утвердившейся русинской письменной традицией. Но, поскольку знать говорила на польском, этот язык был наиболее привлекателен. Им было несложно овладеть, зная русинский язык, кроме того, на письме его представлял куда более престижный латинский алфавит. Среди самых ранних из достигших Литвы инкунабул, кроме латинских, обнаруживаются и несколько чешских: славянская лектура пользовалась спросом. В первой половине XVI в. /466/ в Литве появились, пусть немногочисленные, польские палеотипы, и польский язык приобрел еще одну надежную опору. Конечно, всё это только ослабляло позиции литовского языка. Русинский язык получал всё большее распространение, его почти не приходилось переводить. Употребление русинской грамоты приводило к тому, что и говорить становилось проще не по-литовски. В конце первой трети XVI в. литовский язык отступил и из панских усадеб.

Невзирая на эти сложности, функциональное развитие литовского языка не было только лишь деградацией. Воздействие новых культурных ценностей испытал и он. Отдельные литовские термины укоренились в русинском канцелярском и даже литературном языке. Как и в польском, в литовском языке появились фамилии (произведенные от отчеств, прозвищ и обжитых местностей). В XV в. фамилиями обзавелись паны; в первой половине XVI в. фамилии распространились в среде дворянской и мещанской верхушки. Важнейшим результатом было возникновение литовской религиозной письменности. Историческая традиция приписывает Ягайло перевод на литовский язык молитвы «Отче наш» (следует понимать – заботу о переводе). Старейший из известных (начала XVI в.) текст литовского «Отче наш» неопровержимо свидетельствует, что перевод делался не с латыни, но с польского. В настоящее время известно несколько латинских палеотипов первой трети XVI в. с литовскими приписками от руки (молитвы и глоссы). Подобные книги постоянно должны были находиться под рукой, так что в литургии литовские тексты применялись. Литовские молитвы начала XVI в. отличаются от напечатанных в середине XVI в., и это – отражение прогресса в подготовке литовских текстов. Христианство распространялось не только с помощью польского языка, расширялась и литовская литургия. Дворянство в первой половине XVI в. разговаривало на литовском. К литовской литургии не были безразличны и польскоговорящие вельможи, а также высшие духовные лица. Альберт Гаштольд хотел даже изгнать бернардинцев, не знавших по-литовски. В канцеляриях, помимо русинского и польского, был необходим и литовский язык. На рубеже первой-второй трети XVI в. это проявлялось даже в великокняжеской канцелярии, где, наряду с официальной должностью латинского секретаря, существовало ее неофициальное дополнение – литовский секретарь.

Всё это были характерные завоевания национального языка в освоении письменной индустрии, однако они не стали главной осью процесса, как это произошло в других странах Центральной Европы, а остались лишь на его периферии. Европейскую культуру литовцы усваивали параллельно с утратой общественных позиций своего языка. /467/

е. Изменения в литовском фольклоре с укреплением крепостничества

Интенсивная сословная дифференциация, начавшаяся с конца XIV в., резко разделила направления в литовском фольклоре. В дворянской среде распространялись новые эпические песни (о князе Довмонте из Гедрайчяй, об убийстве Сигизмунда I) и предания о подвигах высшей знати (сон Гедимины – основание Вильнюса, Кейстут и Бирута, поход Ольгерда на Москву). Мелкие дворяне и простолюдины более пестовали военную песенную лирику (родители и сестры, не дождавшиеся воина), сберегали трудовые и обрядовые песни. Более законченную форму приобрели свадебные песни, а плачи сохранили архаический вид. В многонациональной городской среде ощущалось влияние церковной музыки и возникающей литературы, но вместе с тем угасали традиционные жанры литовского фольклора. Заклинания, сказания о природных силах сохранились, однако воздействие административных центров, рынка и Церкви стали замедлять их распространение. Но зато сказки, напротив, получили стимул для развития. Христианство в XV–XVI в. в целом несильно повлияло на литовский фольклор.

Письменность, изменившая внешнюю сторону жизни, вглубь интимной сферы еще не проникла. Накопление письменных форм пока не воздействовало на развитие фольклора. В городах, на рынках, в корчмах, отчасти в деловых поездках и военных походах литовцы сталкивались с расхожим немецким, польским и русинским фольклором, однако трудно сказать, каково было взаимовлияние этих жанров. Сохранились традиционные формы поэтического фольклора. В письменные сочинения первой четверти XVI в. стали попадать произведения элитного фольклора. Следует отдельно упомянуть о возникновении научных легенд в среде нарождающейся культурной элиты: сказания о римском происхождении литовцев во второй половине XV в. достигли даже Малой Польши и были зафиксированы историком Яном Длугошем. Это были первые устные и письменные творческие связи. /468/

ж. Приход готики в Литву

Крещение и устранение изоляции открыли господствующей в Европе готике прямую дорогу в Литву. Литовское общество охотно усваивало европейское искусство, однако на это влияли не только желание и вкус, но и хозяйственные, а также технические возможности. Дорого стоило не только содержание немецких или польских мастеров, но также приобретение и обработка необходимых материалов. Еще больше расходов и времени требовало обучение собственных ремесленников и художников. Невзирая на это, уже с конца XIV в. в Литве проявились очевидные признаки проникновения готики, чьи элементы, поначалу случайные и разрозненные, слились в единый художественный стиль.

Архитектура литовских каменных замков стала прочным фундаментом готики и опорой для развития ее ответвлений. Уже на стыке XIV–XV в. распространилось производство кирпичей, имеющих формы и размеры, характерные для готики. Увеличился процент использованных кирпичей, зато уменьшилась доля камней в замковых постройках. В конструкциях повсеместно возобладала готическая кирпичная кладка (шахматное чередование ложков и тычков-коротышей). Представительская функция, ранее заявленная почти исключительно в Вильнюсе, распространилась и на другие крупные замки (в первую очередь – Тракай), обозначив себя в казематной предзамковой и дворцовой частях. Уже во времена Витовта Великого был полностью реконструирован комплекс Вильнюсского замка.

Навыки замкового строительства вскоре дали о себе знать в церковной архитектуре, а в ней намного заметнее выявились чисто художественные решения.

Ранний период литовской готической архитектуры длился до середины-третьей четверти XV в. Было освоено строительство сводчатых трехнефных и однонефных храмов с разнообразными формами сводов и фронтонами, рассеченными нишами. Литовская готическая архитектура еще не овладела пропорциями: ширина нефов почти во всех храмах превосходила высоту, преобладали маленькие окна. При перестройке Витовтом Великим кафедрального собора (после пожара 1419 г.) и завершении строительства (1426 г.) приходского храма св. Иоанна требуемая высота была достигнута. Кафедральный храм обрел черты Фрауенбургского собора (в Пруссии, окончен строительством в 1388 г.). Вторым готическим центром стал Каунас, отличившийся францисканским храмом Успения Пресвятой Девы Марии, крестообразным в плане. Литва стала продолжением ареала кирпичной готики – Северной Германии и Польши.

С третьей четверти XV в. литовские мастера зрелой готики овладели объемными пропорциями. Пилястры, своды и окна подчинились не только функциональным, но и художественным требованиям. Поднялись уникальные постройки, украсившие фонд мировой готической архитектуры: Вильнюсский храм бернардинцев (интерьером), т. н. Каунасский дом Пяркунаса (фронтоном и эркером). Выявились некоторые характерно литовские готические элементы: небольшие восьмиугольные башни, ступенчатые контрфорсы разного сечения. В первой трети XVI в. появились православные церкви готической конструкции. Освоившая готическую архитектуру, Литва и в этой области стала ареной синтеза латинской Европы и византийской культуры.

Еще ярче этот синтез проявился в живописи. Уже в конце XIV – начале XV в. в Литве работали высококвалифицированные мастера готической стеной росписи (в крипте Вильнюсского кафедрального собора сохранился Деисус в технике *al secco*). Готическая и византийская техника слились во фресках тронного зала Тракайского островного замка (XV в.). Привезенные Ягайло мастера византийской живописи оставили заметный след в Польше. Как показывают ценнейшие фрески Вильнюсского бернардинского костела, в начале XVI в. в храмах Литвы решающие позиции завоевали готические каноны стеной росписи. Однако в станковой живописи еще первой трети XVI в. сохранялись четкие византийские акценты (напр., Мадонна в Мяркинском храме). Причиной тому, наверное, еще достаточно узкая тематика, долгое время ограничивавшаяся лишь религиозными мотивами. Только на рубеже первой и второй третей XVI в. обрел большее значение адресованный исключительно аристократии портрет, перенявший лишь внешнюю позднеготическую атрибутику и несвободный от сухой статичности (напр., /470/ портрет Георгия Радзивилла). Здесь, правда, византийских черт уже не осталось, зато появились более отточенные приемы передачи индивидуальной выразительности.

Меньше всего достижений было в области скульптуры. Преобладал импорт, где иногда встречались предметы большой художественной ценности (напр., Мадонна в Велюонском храме). Со второй половины XV в. сохранились готические надгробные и барельефные плиты. Литва знала скульптуру лишь фрагментарно.

С точки зрения достигнутого уровня самым успешным, наверное, было иллюстрирование рукописей. В первой трети XVI в. литовская знать приобретала рукописи, украшенные миниатюрами высококвалифицированных мастеров (молитвенник Альберта Гаштольда, декорированный в 1528 г. известным краковским миниатюристом Станиславом Самостшельником). В них была немалая потребность и проросла она на вполне подготовленной почве. В XV – начале XVI в. в Литве еще не было развитой миниатюрной живописи, но уже с рубежа XV–XVI в. в ее латинских актах прижились перенесенные из Польши и Пруссии художественные инвокации, а также инициалы, требующие особого оформления (на примитивных уровнях преобладали мотивы рыб). Инвокации и вообще украшенные первые строки актов и других рукописей развивались довольно быстро, отзываясь на художественные перемены в соседних краях. Усилившийся в начале XVI в.

импорт иллюстрированных рукописей побудил к поискам основ собственного опыта, и с тех пор можно говорить о завязях литовской школы инвокации и художественного оформления инициалов. Кстати, эта школа уже испытывала влияние поздней готики и даже ренессанса.

Церковная музыка в Литве была, пожалуй, самой отстающей отраслью искусства, ибо она требовала сложных и дорогостоящих инструментов. В первой трети XV в. даже великая княгиня довольствовалась портативным органом, для сопровождения мессы. Спустя сто лет уже многие храмы располагали стационарными органами. В таких условиях григорианское пение распространялось не без труда. И все же оно звучало в Вильнюсском кафедральном соборе уже на стыке XIV–XV в., а в начале XVI в. в городах без подобного пения уже не обходились рядовые свадьбы и похороны. Ноты в храмах множились, как грамоты в канцеляриях.

За несколько десятилетий готика утвердилась в Литве как система, определяющая эстетические потребности и художественные решения. Нужды аристократии по преимуществу удовлетворялись приглашенными исполнителями, однако рядом с ними довольно скоро появились местные мастера, овладевшие секретами готического творчества; возникла прослойка художественных ремесленников, не перешагнувшая порог анонимности, – даже самые лучшие /471/ ремесленники еще не стали художниками. Готическое творчество до середины XVI в. дало лишь один-два шедевра, однако в целом оно приобрело явные функциональные признаки европейского искусства и стало частью литовской культуры.

3. Формирование дворянского национального самосознания в Литве

На протяжении XV в. расширился слой граждан, заинтересованных в своем государстве и связанных с его управлением. Привилегированное положение дворян, защищаемое сословным правом, также связывало их с политической структурой страны. Институты сословного представительства, военная служба (и как повинность, и как привилегия) скрепляли правящее феодальное меньшинство узами солидарности. Рада панов делала это на уровне знати, сейм – в масштабе всего дворянского сословия. Паны и дворяне стали ощущать себя не только подданными своего государя. Сословные привилегии и сословные институты позволили им во всей полноте осознать договорный характер верности монарху. Понятие «мы» теперь стало не только страной и государством, всё более проявлялась сословная суть этого понятия.

Признаки этнической общности (язык, территория, культура) в XV в. приобрели иной смысл и дифференцировались по разным социальным уровням. Польско-русинская речь начала отдалять панов от остальной части народа, однако само отдаление было обусловлено скорее социальными различиями. Между тем, сами признаки общности, даже в отсутствие их полного сочетания, в условиях упрочения сословных связей и структур формировали качественно новую их надстройку – национальное самосознание. Утратив литовский язык, паны вместе с тем превратились в важнейших носителей и распространителей литовского национального самоощущения. Государство они стали воспринимать как хранителя интересов и самого существования литовской народности, которую прежде всего они сами и представляли. Панское национальное самосознание росло и ширилось, при том, что великие князья устранились из этой сферы. Правящая ветвь династии Гедиминовичей отошла к Польше, ее православные ветви предались интересам региональных русинских земель, оказывая поддержку Литовскому государству из политических, но не этнических /472/ соображений. Однако панское самосознание распространилось и на рядовое дворянство. В первой половине XVI в. понятие «литовская народность» уже обозначало большую часть последнего, прежде всего – его элиту. Крестьяне с их волостным или помещным кругозором не особенно представляли себе масштаб страны, их этническое самоощущение сохранилось на уровне племенных признаков.

Употребление панами русинского (позднее – польского) языка в условиях литовской политической гегемонии обозначило и другую сторону этого явления. Представители крупного русинского дворянства, стремясь стать панами, тем самым поддерживали политические интересы литовской народности и – в своей языковой среде – стали перенимать национальное самоощущение литовской знати. В первой трети XVI в. этот процесс еще не был достаточно ярким, однако уже складывались предпосылки его более интенсивного развития. Подобным образом происходила натурализация части польского духовенства и немецких мещан. В этом случае действовал уже критерий не монаршего отбора, но этнического приспособления, которое поощрялось возникновением литовского национального самосознания и понятия «литовская народность». Польский историк Ян Длугош приписал литовской социальной элите подчеркнутую гордость, чуть не бахвальство. Дворяне гордились победой при Грюнвальде. Купцы, сталкиваясь с немецкими конкурентами, считали это не только экономической, но и национальной коллизией. Во второй половине XV в. требование литовцев об участии в каунасских судах переводчика было встречено ганзейскими купцами как неприятное новшество, указывающее, что бытовые интересы уже позволяют осознавать национальную дискриминацию. С укоренением понятия «мы литовцы» среди политически активной части общества, стремления литовской политической элиты обрели четкое и обоснованное направление: защиты суверенитета страны. Именно его со второй четверти XV в. упорно придерживалась рада панов, ощущавшая поддержку знати и дворянской элиты. Хотя политика Ягеллонов была многообразной, почтение к правителю основывалось на том, что он – свой. Ягеллоны это очень хорошо понимали, пользовались этим и были заинтересованы в поощрении такого подхода. Казимир не только перенял геральдику Кейстуовичей, но всегда подчеркивал, что является законным наследником своего дяди Витовта. Великокняжеская традиция выделяла Ягайло и Витовта как идеальную пару монархов, к их наследию апеллировали при обосновании тех или иных своих решений.

Одним из критериев идеальности Ягайло и Витовта было крещение Литвы. В литовских письменных источниках принятие хри- /473/ стианства воспринималось как государственный акт Литвы, а не следствие деятельности политиков и духовенства Польши, как заявляла польская сторона. Если последняя взлелеяла культ королевы Ядвиги, литовская традиция эту великую княгиню совершенно игнорировала. Литовско-польские отношения XV в. стали главным раздражителем для литовского национального самосознания. Актуальный для феодального менталитета критерий происхождения нарождающаяся литовская интеллигенция подкрепила рассказами (собственного сочинения) о римских корнях литовцев. Появилась не одна версия этой истории. Вторым доводом в спорах с поляками было литовское происхождение династии Ягеллонов. В предисловии к I Литовскому статуту Альберт Гаштольд возвысил Ягайло и Витовта как крестителей Литвы и Сигизмунда II – как дарителя статута (христианского права), и подчеркнул, что для Польши этот общий властитель значит не меньше, чем ее знаменитый король Казимир Великий. Национальная литовская идеология опиралась на образ христианского народа, стереотипный для всех народов Европы и отнимающий у поляков возможность кичиться своей ролью крестителей.

Несмотря на естественную склонность к соперничеству, возникающую у народов, объединенных персональной монаршей унией, следует отметить, что далеко шагнувшая Польша становилась примером для подражания и стимулом к совершенствованию. Польский язык, рецепты польского права, сам образ жизни польской аристократии и дворянства делали свое дело. Однако всё это одновременно побуждало сравниваться с поляками и не позволить им кичиться своим превосходством. Превосходство ощущалось и в немцах, с которыми литовцам приходилось общаться. Всё это обострялось враждебностью, унаследованной от прежних кровавых войн. Русин литовская знать считала подвластным народом. Оттенки отношений с соседями развивали понимание собственной ценности и желание быть и оставаться литовцами. Это желание уже в значительной степени

определялось не преданностью своему правителю, но ощущением национальной принадлежности. Литовское национальное самосознание по своему объему и уровню приблизилось к самосознанию немцев и поляков. /474/

и. Первые шаги литовской культурной элиты

Создание церковных инстанций, а также сети школ и канцелярий, вызвало к жизни прослойку людей, занимающихся интеллектуальным трудом. До второй половины XV в. в ней почти не было литовцев, русинских писцов дополняли польские священники и монахи. Однако, как и в XIV в., характер и направление деятельности этих людей определялись потребностями и желаниями литовского общества, в первую очередь – знати. По мере возникновения и роста литовского компонента интеллектуальной прослойки всё более проявлялась общность ее интересов и всего литовского общества. В начале XVI в. эта прослойка, пусть разнородная и разноязычная, свое существование и деятельность связывала с функционированием общественных и организационных структур Литвы и стала одним из ярчайших носителей национального и государственного самосознания.

Расширение объема интеллектуальной продукции, количественные и качественные перемены в школьном обучении, увеличение числа слушателей Краковского, а затем и других европейских университетов, – всё это привело к выделению интеллектуальной элиты. С рубежа XV–XVI в. заметна интеллектуализация литовской аристократии. Образованность стала необходима для высшей административной деятельности. Аристократическая молодежь, наряду с приобретением рыцарских навыков, стремилась получить за границей интеллектуальное образование. Панских детей в зарубежные университеты сопровождали люди, призванные обслуживать их в процессе обучения, и сами эти люди приобретали ценные знания. У аристократии возникли культурные интересы, у нее в услужении появились образованные и потенциально творческие личности. Началом контактов Литвы с интеллектуалами Европы является переписка Витовта Великого с Энеа Сильвио Пикколомини, оставившим некоторые весьма экзотические экскурсы о Лит- /475/ ве. Наиболее зримо интеллектуализировалось литовское духовенство, среди которого уже в первой половине XV в. начал формироваться высокообразованный слой. Во главе этого списка должны быть упомянуты следующие епископы: Вильнюсский – Андрей Гошкович (1481–1507 г.), слушатель и докторант Краковского университета (1443–1450 г.), Жямайский – Варфоломей Свирнович (1471–1483 г.), учившийся там же (1449–1456 г.) и получивший степень магистра. С начала последней трети века Вильнюсский капитул уже непрерывно пополняют каноники, окончившие Краковский университет: Иоанн Кучикович (бакалавр 1468 г.), Станислав Вайтекович (бакалавр 1468 г., магистр 1471 г.), Лавр Шальчининский (бакалавр 1471 г.), Лавр Вильнюсский (бакалавр 1477 г.), Станислав Тракайский (бакалавр 1464 г., в 1476 г. упоминается как магистр), Станислав Ставский (бакалавр 1465 г., в 1483–1491 г. епископ Луцкий), Петр Вильнюсский (бакалавр 1477 г., магистр 1480 г.), Георгий Воложинский (бакалавр 1477 г., магистр 1480 г.), Иоанн Андришевич (бакалавр 1474 г., магистр 1478 г.), Каспар Хинча (бакалавр 1485 г.), Бернард Вильнюсский (бакалавр 1487 г., магистр 1489 г.), князь Андрей Свирский (бакалавр 1478 г., магистр 1488 г.), Варфоломей Рачка (бакалавр 1488 г.), Иоанн Пилипович Вильнюсский (декретный доктор Болоньи, 1495 г.), Николай из Жукова (бакалавр 1486 г.), Станислав (декретный доктор 1506 г.), Яков из Кучина (магистр 1501 г.), Адам из-под Катры (магистр 1488 г.), Иоанн Альбин Краковский (профессор в Кракове до 1510 г.), Лавр Мендзылеский из Влотова (бакалавр 1501 г.), Мартын Дуснинский (доктор свободных искусств и медицины, каноник в 1518–1527 г.), Станислав Дамбровка (магистр, каноник 1518–1546 г.), Вацлав Чирка Волковыский (доктор права, каноник в 1524–1554 г.), Георгий Талиат Эйшишкский (декрет-доктор, начавший штудии в 1502 г.). Немалое число таких каноников попало на службу в инстанции, где требовались теоретические знания. Адам из-под Катры был писарем

при великом князе (1492–1511 г.), Николай Вешгайло – секретарь великого князя (1524 г.), апостольский протонотариус (1521 г.), стал Киевским (1525–1531 г.) и Жямайским (1531–1533 г.) епископом. Лавр Мендзылеский работал общественным нотариусом (1503 г.), апостольским протонотариусом (1517 г.), водил дружбу с Альбертом Гаштольдом. Князь Павел Ольшанский (он перешел в католическую веру) возвысился до Луцкого (1507–1536 г.), позднее – Вильнюсского епископов. Николай из Волбожа исполнял обязанности апостольского и им- /476/ перского (теоретически – Римской империи, фактически – общественного) нотариуса (1501 г.). Георгий Талиат Эйшишкский был общественным апостольским нотариусом (1508–1511 г.), стал Киевским (1530 г.), затем Жямайским (1532 г.) епископским постулатом. Немалая часть вышепоименованных лиц – литовцы. Были и поляки, однако в свою очередь уже и Вацлав Чирка стал писарем и поверенным Гнезнинского архиепископа Яна Ласского (1510- /477/ 1531 г.). Членами Вильнюсского капитула некоторое время были гуманисты большой эрудиции. Поляк Эразм Цёлек исполнял обязанности декана, позднее – препозита (1499 г.), работал секретарем у великого князя. Сицилиец Иоанн Сильвио Амато, обучавший юного Сигизмунда-Августа (1529–1537 г.), был настоятелем в Лиде и Витебске, исполнял обязанности апостольского протонотариуса. Некоторое время в Вильнюсе жил польский астроном Войцех (*Vaitiekus*) из Брудзева. Посещал Литву (1474–1475, 1480–1484, 1495 г.) обосновавшийся в Польше итальянский гуманист Филипп Калимах. Контакты с этими людьми были чрезвычайно полезны для литовской интеллектуальной элиты.

Литва одновременно усвоила и культурное наследие средневековья, и едва достигшие ее гуманистическое новшества. Чем шире и глубже распространялось христианство, тем успешнее шло это усвоение. В этом отношении немалую роль сыграл жизненный путь Казимира (род. в 1458 г.), сына Казимира I. В 1479 г. он прибыл в Вильнюс и, прославившись своей глубокой верой и аскезой, жил тут до самой смерти (1484 г.). Такое поведение монаршего сына и его трагическая смерть пробудили соответствующую реакцию в обществе. В течение жизни одного поколения очевидно проявился культ юного Казимира, тем более, что подобные настроения поддерживал его отец, а позднее – братья. В эту акцию втянулся и апостольский нунций Захарий Феррери, издавший в 1521 г. в Кракове агиографическое сочинение «Жизнь блаженного Казимира, описанная в Вильнюсе». В том же году Казимир был признан блаженным (благословенным). Он был похоронен в Вильнюсском кафедральном соборе, посвященную ему часовню начал строить еще отец, а закончил брат Сигизмунд II. Династия Ягеллонов обрела члена семьи, удостоенного беатификации, а Литва стала центром и опорой его культа. Возникшая литовская интеллигенция и просвещенная аристократия стали главным потребителем множасьихся книг и рукописей. В Литве стали распространяться книжные наборы, появились библиотеки. Образцом наибольших возможностей является список личных книг Альберта Гаштольда. В нем мы находим художественные произведения и хроники (историю Трои Дареса и Диктиса, Эзопа с комментариями, Иосифа Флавия, польскую «Александрию», «Сплав времен» Вернера Ровелинка), судебники (шесть томов кодекса Юстиниана, польский статут), литургическую литературу («Золотую легенду» Якова де /478/ Ворагине, проповеди Бернардина де Бусти, «Мнимый свод ангелов» Анжело де Клавазио, «Образцы», «О знаменитых мужах» св. Иеронима, проповеди, молитвенники, антифоны), фармацевтический трактат, словарь Иоанна Рейхлина. Об Адаме из-под Катры можно сказать, что ему принадлежали изданные в 1477 г. инкунабулы – «О свойстве старинных слов» Мая Юниана.

В первой трети XVI в. в Литве уже появились небольшие политические трактаты. Лавр Мендзылеский (правда, как и автор «Агенды» 1499 г. Мартин, поляк-иммигрант) в 1514 г. издал «Описание турецкого могущества». Уровень и возможности юристов-практиков продемонстрировала кодификация I Литовского статута. Латинскую редакцию I Литовского статута, помимо вступления Альберта Гаштольда, дополнил «Панегирик Гаштольдам» (1530 г.), написанный его секретарем Богданом Семашкой. Чертами трактата обладает и панегирический мемориал великой княгине Боне, сочиненный Альбертом Гаштольдом

(1525 г.), отвергающий жалобы Константина Острогского и демонстрирующий явный национальный литовский эгоцентризм. Трактатами без всяких скидок следует назвать «Размышления» того же канцлера, излагающие концепцию национального права.

Медленнее всего зачиналась художественная литература. Это было следствием особенностей практической письменной культуры и того, что в школах преподавался лишь тривиум. Тема отважных литовских воинов звучала в начале XVI в. в произведениях польских поэтов Иоанна из Вислицы и Андрея Кшицкого, писавших по латыни. Живший в Литве Николай Гусовиан издал в Кракове в 1523 г. «Песнь о зубре, образе его и свирепости, и как на него охотиться» и в 1524 г. «Новую и чудесную победу над турками в июле месяце». В первой поэме был создан прекрасный образ лесной Литвы и воспет Витовт Великий. Вторая поэма, в которой описана победа польско-литовского войска у Трёмбовли, лишь дополнила высокохудожественный образ Литвы, созданный за год до этого. Творчество самих литовцев или жителей Литовского государства успешнее проявлялось в жанре хроники, что объясняется скорым ростом национального самосознания. Уже при Витовте Великом столкнулись потребности монарха, знавшего центрально-европейскую историческую литературу, и письменная традиция русских летописей. Основой жалобы Витовта на Ягайло (врученной руководству Тевтонского ордена в 1390 г.) было написанное по-русински хроникальное повествование о событиях (приблизительно) конца XIV в. под названием «Начало рода литовцев». Подготовка к коронации Витовта породила панегирик монарху, созданный писарем Тимофеем (1428 г.). Литовская историография избрала путь европейских хроник, однако опиралась на русинский язык и поэтику русской художественной прозы. /479/ Бурные события тридцатых годов XV в. и переезд великого князя в Польшу помешали развитию хроник при монаршем дворе. Исторические творения, посвященные Литве, были в 1446 г. включены в свод, сделанный в Смоленске. В Литве он называется краткой редакцией Литовских хроник (летописей), но на самом деле это была компиляция, вполне типичная для Западной Руси как локального центра летописания. Он, правда, включал еще два произведения, посвященных литовской истории («Хронику о Подолье», «Сказание о борьбе Сигизмунда и Швитригайло»), однако его ядро составил свод русских летописей, повествующих о русской истории. Все же эта компиляция помогла распространению первых творений, посвященных истории Литвы. Именно от нее пошла новая волна литовской историографии, зародившаяся в панских имениях. Эта историография создала новую Литовскую хронику, освещающую историю всей страны и литовского народа. Из т. н. краткой редакции Литовских хроник были взяты произведения о Литве, составлявшие новейшую литовскую историю той поры (события конца XIV – середины XV в., дополненные вставками о событиях рубежа XV–XVI в.). Древняя история Литвы (до Гедимины) была фантастическим повествованием, генеалогическим полотном о литовских князьях и их подвигах. Прародителями литовцев были названы римляне, прибывшие в Литву в I в. после Рождества Христова под командой некоего Палемона, родственника императора Нерона. Во второй половине XV в. распространились разнообразные легенды о происхождении литовцев (их зафиксировали Филипп Калимах и Ян Длугош); в этих легендах преобладал римский акцент. Он, вне сомнения, сложился у литовской интеллигенции на основе некоторого внешнего сходства литовского и латинского языков. В ту пору это был весомый аргумент, которому верили как сами просвещенные литовцы, так и значительная часть их оппонентов. Подобная идея явилась, когда литовские студенты познакомились со средневековой историографией народов Европы и принятыми ею способами отыскания национальных корней. Это была т. н. промежуточная (средняя) редакция Литовских хроник. В первой половине двадцатых годов XVI в. в окружении Альберта Гаштольда из нее была сделана расширенная редакция, известная в литературе под именем Хроники Быховца, заполнившая прежние пробелы описанием упущенных событий (напр., битвы при Грюнвальде) и переместившая «прибытие римлян» в V век. В начале XVI в. была написана история правления Александра II, однако до нас она не дошла. Литовская историография, создавая национальную хронику, удовлетворила потребность в

национально-концептуальном освещении прошлого.

Молодая литовская культурная элита с начала XVI в. приступила к творческой деятельности. /480/

к. Выработка литовской цивилизационной монады

Люсьен Февр (основатель и представитель французской школы «Анналов», наиболее глубоко и всесторонне развившей историческую науку), с вершин современности критически оценивая изображение хода человеческой цивилизации, данное Освальдом Шпенглером и Арнольдом Тойнби, все же признает определенную концептуальную жизненность последней. Литву, принявшую католическую веру, А. Тойнби характеризует как приобщившуюся к западно-европейской цивилизации. То же самое констатировал и другой, великолепно оценивший эту цивилизацию, создатель «Анналов» Жак Ле Гофф.

Приобщение было лишь началом трудного восприятия ценностей цивилизации, приспособления к ним и выработки собственной системы подобных ценностей. Литва вошла в восточную часть центрально-европейского ареала, который Генрик Самсонович назвал «диким западом» средневековой Европы. На этом «диком западе» Литва была наиболее удаленным от культурных центров и отсталым медвежьим углом. Таково было положение Литвы в западноевропейской цивилизации. Во времена, когда Литва приняла крещение, сама эта цивилизация, по словам Иоганна Гейзинги, переживала осень, оставив позади все иные цивилизации и став лидером всемирной истории. Спустя столетие после 1387 г., Христофор Колумб высадился в Америке. Началась эпоха колониализма, сделавшая большинство цивилизаций объектом эксплуатации со стороны европейцев. Литва приобщилась к Европе все-таки в качестве субъекта, пусть и последнего.

Позицию субъекта обеспечило Литве ее государство. Государственная организация выдвинула приоритет политических нужд, и эти нужды волей-неволей сделались осью, координирующей все иные потребности. Политическая культура Литвы, ставшая европейской до окончательного крещения страны, выполнила роль фермента в процессе европеизации всех других культурных сфер. Государство привлекло к стране католическую Церковь, создало культурный феномен канцелярий, целенаправленными правовыми рецепциями форсировало развитие сословных структур со всеми /481/ вытекающими последствиями. Когда в Европе началась реформация, Литва уже была, хотя бы поверхностно, европейской. Этой европеизации еще многого недоставало, однако она тем не менее происходила. Литовские дворяне и мещане свои самые важные дела решали на бумаге, в судах Литвы споры решались на базе тех же категорий, в храмах совершалась та же литургия, мышление оперировало теми же понятиями, ценностями и теми же суевериями, что в Польше и Германии. Там всего этого было больше и лучшего качества, но речь шла о разновидностях одной и той же кондиции. Литовские дворяне и мещане ощутили себя католиками («христианами» – не схизматиками и не мусульманами), т. е. европейским народом. Когда начались войны с Россией, литовским «верхам» пришлось в голову объявить против нее в других странах Европы крестовый поход, как это делали ливонские немцы.

За 100–150 лет Литва освоила образ жизни, регулируемый письменностью, ввела, пусть и не полностью, преподавание свободных искусств, создала зрелую систему феодального права, восприняла художественные принципы готики, обрела национальную хронику, научилась обращаться с латынью – языком международного общения и науки, начала развивать религиозную письменность на родном языке, овладела, пусть на самом низком уровне, европейской философской терминологией и христианским мировоззрением. Это, правда, было совершено лишь в среде правящего меньшинства, но это был перелом, а если говорить о быстроте свершений – это был прыжок. Так быстро подобное не происходило ни в одной европейской стране, и результат прыжка является литовским историческим

феноменом. Однако была у этого феномена и оборотная сторона. Условия, позволившие Литве воспользоваться достижениями эпохи позднего средневековья и гуманизма (которыми в свое время не располагали другие народы Европы), направили освоение этих достижений по искривленному направлению поспешного творчества. Возможности освоения превратились в возможность утраты общественного положения собственным языком. Литовская модель европейской культуры создавалась на основе чужих языков (русинского, позже – польского). Несмотря на это, когда на сословном уровне возникло литовское национальное самосознание, эта модель все-таки была создана. Литва завоевала положение субъекта в западно-европейской цивилизации, стала монадой европейской цивилизации. /482/

6. Отражение первых ударов объединенной России

а. Попытка разорвать персональную унию

Казимира, проведшего большую часть жизни в Польше, смерть застала в Гродно (7 июня 1492 г.). Предсмертная агония была очевидной, и ее исход не застал врасплох раду панов. Находившиеся при умирающем великом князе Вильнюсский епископ Альберт Табор (утвержденный папой 11 июня 1492 г.), вильнюсский воевода Николай Радзивилл из Гонёндзи Старший (1491–1501) и многоопытный тракайский воевода Петр Мантигирдович (1491–1497) объявили, что отец избрал своим наследником королевича Александра. Казимир еще в 1478 г. условился с радой панов, что Литовский престол останется за его потомками. Родившийся в 1460 г., воспитанный учителями большой эрудиции Яном Длугошем и Филиппом Калимахом, четвертый сын Казимира I был уже зрелым человеком. Прибыв в Вильнюс, он сразу окунулся в заботы регента.

Александр II (первым считался Витовт Великий) должен был воплотить в жизнь стремления рады панов, не довольной общим монархом. Государственные институты работали слаженно. В воеводства были разосланы письма с приглашениями прислать по несколько представителей для выборов великого князя. Выборы были намечены на 20 июля, и их результат долженствовал означать одобрение избрания формирующимся литовским сеймом, а заодно юридически подтвердить уже сложившиеся прерогативы рады панов. Оппозиция отсутствовала, кандидат был провозглашен великим князем и в скором времени возведен на престол. 6 ав- /483/ густа Александр II, пусть неохотно, но подтвердил привилеи стране, объявляющий о праве рады панов решать вопросы внешней политики и позволяющий членам рады панов выражать свое мнение, даже противоречащее правителю. Этим шагом литовская аристократия юридически застраховала собственную власть и, отказавшись от персональной унии, улучшила свою позицию перед лицом Польши. Полякам было заявлено, что Казимир прочил в их короли старшего брата Александра Иоанна-Альберта (род. в 1459 г.). Под нажимом Александра и при слабом сопротивлении польской знати Иоанн-Альберт вскоре был избран королем Польши.

Персональная уния была разорвана без отказа от общей династии и при условии признания вотчинных прав этой династии на Великое княжество Литовское. По сути это не противоречило политическому союзу с Польшей, в чем, кстати, была заинтересована и сама литовская знать. Однако избранный ею правитель, обязанный упрочить положение Литовского государства, этим замыслом не соответствовал. Выросший в польском окружении, воспитанный Яном Длугошем, Александр II воспринимал политические связи Литвы и Польши в плоскости аннексионистских притязаний последней и полагал Иоанна-Альберта своим сюзереном. Последний не преминул возобновить формулу

верховного князя Литовского в своей титулатуре и считал себя вправе указывать младшему брату. Такое воплощение династической унии (как политического союза) обоих государств, без сомнения, таило угрозу для суверенитета Литвы. Однако теперь уже действовала рада панов с юридически оформленными правами, и это мешало вернуть страну к положению, характерному для «долуцкого» периода Витовта Великого и времени правления Сигизмунда I. Вассальные склонности Александра II стали ограничены кругом его личных дел. Усердно скрываемое взаимонепонимание несколько напоминало первые годы правления Казимира I.

Большими дарованиями Александр II не отличался. Возникшие вскоре сложности обнаружили в нем явный недостаток энергии и неоправданную медлительность. Однако это не был лентяй на троне, а детство и юность, проведенные в университетском Кракове, воспитали в нем вкус не только к роскоши, но к наукам и изящным искусствам. Страна скоро почувствовала преимущества постоянно действующего института великого князя. Если привилеи, дан- /484/ ные Казимиром некоторым землям государства, обычно призваны были решить политические задачи и отвечать местным особенностям и порядкам, то Александр скорее отзывался на потребность в назревших переменах (привилеи землям Жямайтии 1492 г., Волыни 1501 г., Витебска 1503 г.). Подобная последовательность местных привилеев обозначала процессы создания сословных структур и государственной интеграции: именно в привилее Волыни 1501 г. великий князь впервые пообещал предоставить всей стране общее единое право. Сдвинулись с места забытые Казимиром дела о спорах каунасских мещан с ганзейскими купцами. Мирный период второй половины XV в., подстегнувший внутреннюю колонизацию, заложивший основы сети местечек и усиливший малочисленные города страны, в лице Александра II дождался правителя, осознавшего экономические задачи своего времени. Магдебургское право было предоставлено или возобновлено Дрогичину (1498 г.), Полоцку (1498 г.), Киеву (1497 г.; в 1498 г. подтверждено признанное Казимиром городское самоуправление), Гродно (1496 г.), Минску (1499 г.), Мельнику (1501 г.), Бельску (1501 г.), Высокой (1503 г.), Левкову (1503 г.), Лосичам (1505 г.), Вортелю (1503 г.), Порозову (до 1503 г.), Волковыску (до 1506 г.). Были подтверждены магдебургии Вильнюса (1492 г.), Каунаса (1492 г.), Бреста (1495 г.), Луцка (1497 г.; полученная в 1432 г. не прижилась), Литовижа (1501 г.), Сурожа (1501 г.). В Вильнюсе в 1505 г. был возведен дом для иноземных купцов (в основном из России), что позволило лучше их контролировать. Возле замка был построен мост через Вильняле. Смоленск в 1500 г., по примеру Вильнюса, был освобожден от таможенных пошлин во всем Великом княжестве Литовском. Однако у Александра II не было перспективного взгляда на развитие и потребности городов. Наглядно говорит об этом изгнание евреев: нарушив денежный баланс страны и обрушив множество человеческих судеб, великий князь был вынужден вернуться к исходной точке. Склонность к роскоши и мотовству частично уравновешивалась способностью Александра к упорядочению финансов, умением вызвать заинтересованность подданных в том, чтобы денежные поступления увеличивались. В последние годы правления Казимира казной великокняжеского двора (только что созданной) ведали привезенные из Польши высококвалифицированные люди: Эразм Цёлек, Станислав Коварский, Станислав Милянковский. Когда Александр стал еще и королем Польши (1501 г.), литовские и польские счета велись по отдельности. По неполным данным годовые доходы государственной казны на рубеже XV–XVI в. составляли около 60 тыс. коп грошей и /485/ не уступали доходам польской казны. Вклад городов и местечек был еще невелик: пошлины, корчмы и налоги давали около 12 тыс. коп грошей, между тем великокняжеские поместья приносили 34,5 тыс. коп грошей (корова в то время стоила около 30 грошей). Средства, которыми распоряжались казначеи (подскарбии) страны не превышали 20 тыс. коп грошей. Александр II оценил важность чеканки монет (эта регалия гарантировала правителям постоянную прибыль) и проник в эту сферу еще при отце в качестве его заместителя (в начале последнего десятилетия XV в.). Поскольку Литва не обладала залежами благородных металлов, эти металлы было запрещено вывозить из страны. Попечением Александра в

Вильнюсе начал постоянно действовать монетный двор. Когда приступили к чеканке денег, точно соотнесенных с грошами (динарии с монограммой А), и литовских полугрошей, было гарантировано преимущество собственной валюты. Пожелание Польши уравнивать литовский и польский гроши отклика не получило. Литовских грошей, на четверть более дорогих, за один золотой (флорин) давали 22 (иногда – 24) вместо 30 польских. Заведовали монетным двором Иоанн Литавор Хрептович, позднее князь Михаил Глинский, которым Александр доверял. Техническими руководителями были немцы из Польши Генрих Слакер, с 1496 – Ульрих Хозий.

В Литву Александр II привез с собой из Кракова придворных поляков, которые влились в великокняжеский двор, уже начавший постоянно функционировать. Двор включал более двухсот человек. Именно в эту пору сложилась по польскому образцу система придворных должностей. Содержание двора наглядно иллюстрировало, чего уже достигли денежные отношения. Великий князь платил жалование 1–3 врачам, брадобрею, 2 портным, конюшему, отдельным ремесленникам, прачкам. Сыновья знати служили под придворным знаменем. Поначалу в нем было 160–180 всадников, но вскоре это число возросло до 400–700. В 1499 г. появилась должность придворного хорунжего (первым хорунжим стал юный внук Иоанна Гаштольда Альберт, его сменил Альберт Нарбут). По существу придворное знамя (хоругвь) не было совершенно новым образованием. Оно происходило еще от раннемонархической дружины, однако полностью изменилось социальное положение знамени. Из воинов на великокняжеском содержании оно превратилось в придворных, снаряжаемых /486/ богатыми землевладельцами, когда дотация натурой или деньгами лишь сглаживала некоторые недостатки снаряжения. Полувека правления Казимира I, когда в подобной структуре почти не нуждались, стали своеобразным порогом, знаменующим ее контрастное перерождение. Натуральным содержанием дополнялось жалование и других придворных, особенно тех, чьи услуги требовались ежедневно или хотя бы часто. Однако без денежных выплат работа этих людей уже было невообразима. Деньги они получали от писарей, тем самым происходил подсчет доходов и расходов.

Великокняжескому двору требовались 4–6 священнослужителей, 8–10 музыкантов оркестра. Последних Александр II привез из Польши. В 1498 г. был нанят высококвалифицированный музыкант Генрих Финк, певцы также пользовались вниманием. Монарший двор стал глашатаем светской европейской музыки. Его роскоши и культуре стали подражать панские поместья.

Александр II (личность чуть выше среднего уровня), заняв практически пустующее место великого князя, сдвинул рычаги, к которым давно никто не притрагивался, и полученные возможности направил на организованное улучшение жизни в стране. Экономический подъем оживил духовную сферу. Александр II учредил или обновил приходы в Дарсунишкисе (1492 г.), Бельске (1492 г.), Мяркине (1493 г.), Полонке (близ Слонима; 1493 г.), Слониме (1493 г.), Зетеле (1493 г.), Гонёндзи (1493 г.), Гродно (бернардинский храм св. Николая, 1494 г.), Витебске (1494 г.), Хоже (близ Гродно; 1494 г.), Одельске (1494 г.), Тщане (1496 г.), Пасвалисе (1497 г.), Крошине (близ Слонима; 1498 г.), Полоцке (бернардинский; 1498 г.), Браславе (1500 г.), Каменце-Литовском (1501 г.), Сямялишкес (1503 г.), Даугай (1503 г.), Пуне (1503 г.), Красноселье (1503 г.), Будславе (1504 г.), Новодворье-Подляшском (1504 г.), Ошмянах (1505 г.), Эйшишкес (1506 г.), Дрогичине, Волковыске, Каунасе (августинский). Александру приписывается четверть всех дарений, полученных Церковью в XV в.

Списки предоставленных Александром II магдебургий и учрежденных им приходов указывают на внимание правителя к регионам Черной Руси и Подляшья. Это были наиболее связанные с Тракайским воеводством, однако не литовские области. Главным водным путем тут была река Нарев, ведущая к Висле и Данцигу. В экономическом отношении эти русинские и ближние к ним мазовецкие земли Подляшья, административно связанные с этнической Литвой, приобрели вес, сравнимый со старым великокняжеским доменом в юго-восточной Литве. Однако тяготение к Данцигу не только развивало этот славянский

регион, но и упрочивало его связи с этнической Литвой. Именно в 1501 г. Александр II /487/ предоставил епископу Альберту патронажный привилей, обязывающий читать литовские проповеди даже в некоторых храмах Подляшья, и это свидетельствует о колонизации литовским дворянством южного направления.

Оживившаяся деятельность центральной административной системы, объясняемая наличием относительной грамотности и культурного роста, вновь стимулировала интенсивную работу великокняжеской канцелярии. Александр II, пусть не в совершенстве, владел латынью и подписывал латинские акты. Таким образом сам великий князь втянулся в деятельность своей канцелярии. Именно в годы правления Александра II укоренились систематическое копирование, архивирование и регистрация получаемых и выдаваемых грамот, т. е. сложились книги Литовской метрики, фиксировавшие всю обрабатываемую канцелярией продукцию. Это было важное достижение административной и письменной культуры. Графически ему соответствовало формирование «готической» кириллицы в русинских письменных грамотах.

Александр II прекратил притеснения православной Церкви, поддерживал ее приходы, принадлежащие его патронату, хотя и не отменил запрет на строительство новых церквей. Смоленский епископ Иосиф Солтан получил подтверждение иммунитета на 120 домов, предназначенных для проживания беженцев из Москвы и Твери. В 1499 г. был подтвержден устав, данный Ярославом Мудрым русской Церкви. Опеку Александр II сочетал с надзором, пользуясь трудным положением Константинопольского патриарха. После смерти в 1494 г. Киевского митрополита Ионы Глезны на его место православные епископы избрали предложенного великим князем Макария, архимандрита Вильнюсского монастыря св. Троицы. Константинопольский патриарх Нифонт, с которым это не было согласовано, избрание опротестовал. В 1496 г. наконец-то удалось получить благословение Нифонта. Макарий проводил политику Александра II.

В целом Александр II неплохо представлял себе внутренние потребности государства. Институт великого князя, ориентированного лишь на свою страну, в конце XV в. благоприятно сказывался на общественном развитии.

б. Возникновение острого политического напряжения на восточной границе

После смерти Казимира выдвижение отдельных монархов на престолы Литвы и Польши уже не вызывало протеста у польских политиков, ибо они надеялись сохранить свою гегемонию и в этих /488/ условиях. Литовские послы (Солтан и Луцкий епископ Иоанн) прибыли в Польшу в июле 1492 г. Помимо рекомендации Иоанна-Альберта, поляки еще были предупреждены о концентрации турецкого войска в Четатя-Албэ. Второе посольство (лидский наместник Станислав Петрашкевич и Альберт Нарбут) прибыло в августе и по просьбе Мазовии посредничало в ее пограничном споре с Польским королевством (в том же месяце литовские послы отправились и в Мазовию). Кроме декларативных претензий на сюзеренитет, поляки своих притязаний не конкретизировали, военный союз обоих государств против Турции и Крымского ханства не распался. Хану Менгли-Гирею сообщение о смерти Казимира (оно застало находящегося там Ивана Глинского) было послано еще в конце июня 1492 г. с напоминанием, что крепостью Тяхинь он сможет управлять лишь в случае установления мирных отношений. Была проявлена дипломатическая инициатива в Молдавии, отношения с которой при Казимире курировала Польша. Летом 1492 г. туда отправились брацлавский наместник, князь Федор Четвертинский и Федор Гаврилович, которые предложили поддерживать добрососедские отношения. Молдаване прислали ответное посольство, которое явилось в Вильнюсе в феврале 1493 г. и попросило военной помощи против турок и крымских татар. Войцех

Кучикович и Федор Гаврилович отбыли в Молдавию в ноябре того же года, однако задуманный мирный договор так и не был заключен. Пассивная игра с целью добиться влияния, длившаяся полтора года, ничего не дала и не могла дать.

Пассивным поведением Великого княжества Литовского отмечено всё правление Казимира I, тратившее ранее накопленные политические резервы. Отдельный, не связанный персональной унией, государь стремился и в дальнейшем обеспечить такое положение, поскольку ясно видел преимущества долгого мира. Он надеялся поддержать политический вес усилением дипломатической активности. На севере обстоятельства для этого были благоприятными. Альберт Нарбут был отправлен в Ливонию лишь на рубеже октября-ноября 1492 г. Это было ответом на посольство магистра Ливонского ордена, просившего о возобновлении мирного договора. В то же время к великому магистру Тевтонского ордена должен был отправиться Доброгост Нарбут. И в Ливонии, и в Пруссии следовало обсудить вопрос об уточнении границ.

Первые шаги Александра II показывали, что он вместе с радой панов отдавал первенство безопасности южного приграничья, явно опасаясь недружественных действий Турции и ее вассала – Крыма. Фактически это было следование политическим приоритетам Польши. Заодно проявлялась отрицательная сторона «ягеллонской медлительности» монарха. Обсудить положение на беспокойном /489/ восточном пограничье посланцы Литвы (маршалок Станислав Глебович и писарь Иоанн Владыка) отправились в Россию лишь в сентябре 1492 г. Это посольство определенно запаздывало.

Буферные княжества в верховьях Оки с их мелкими традиционными распрями и вялотекущим рутинным брожением, вызывающим вмешательство отдельных русских эмиссаров, порождали известную успокоенность, что склоняло Александра к промедлению. Эту иллюзию не развеяли и явно агрессивная деятельность России, и изменившаяся общая обстановка в последние годы правления Казимира I. Она сохранялась и после смерти монарха, но события безжалостно вытесняли ее из обихода. В 1492 г. русские заняли Хлепень и Рогачев, уже несколько лет подвергавшиеся их набегам. Наиболее чувствительной была утрата двух важных пограничных крепостей – Мценска и Любутска. Это произошло на участке, где литовская оборона до той поры была особенно крепкой. Русские государи оценили важность складывающихся в Литовском государстве общественных отношений и старались ликвидировать неудобные для них сословные структуры: дворяне и их семьи с занимаемых территорий вывозились вглубь страны.

Первое посольство Александра II изложило в Москве традиционные жалобы касательно пограничных дел. На это русская сторона так же традиционно ответила своими жалобами и оправданиями. Однако события принимали особый оборот. Осенью 1492 г. русские начали большое наступление. В начале 1493 г. Литве была официально объявлена война. Зимой 1492–1493 г. два русских войска захватили Масальск, Мезецк, Серпейск, Мещовск, Серенск, Опаков, Бышковичи, Лучин, Перемышль, Городечно, Дмитров, несколько волостей в Смоленской земле. Один из лучших русских полководцев Даниил Щеня занял Вязьму, и это была серьезнейшая потеря. России сдались князья Андрей и Василий Белевские, Михаил Мезецкий, Андрей Вяземский, Симеон и Иван Воротынские. Энергичному Семену Можайскому на сей раз удалось защититься. Хорошо подготовился к обороне смоленский наместник Георгий Глебович. Его поддержали силы, собранные великокняжеским попечением, под началом новгородского наместника Георгия Паца. В Пруссии Доброгост Нарбут просил помощи у Тевтонского ордена и пытался вербовать наемников для литовского войска. /490/ Эти меры говорят о попытках Александра II преодолеть возникшие трудности (он даже сам собирался следовать к театру военных действий), хватало и опытных людей. Однако всё это не идет ни в какое сравнение с мобилизованностью и единодушием, наступившими после Киевской катастрофы 1482 г. Уже в эту пору проявилась склонность Александра II – откладывать решения. Эта черта Ягеллонов в сложившихся обстоятельствах больше походила на беспечность и нерешительность. Следует признать, что рада панов Литвы, избрав для весьма ответственной

и нелегкой деятельности этого слабого здоровьем и равнодушного к роскоши Казимира сына, просчиталась.

В конце зимы 1493 г. русские возобновили нападения, и Великое княжество Литовское понесло новые территориальные потери. В середине весны 1493 г. военные действия из верховьев Оки переместились в области, управляемые наместниками и старостами. Здесь оборона была прочнее, поэтому нападения русских не были столь же успешными, однако всю военную кампанию 1493–1494 г. они удерживали инициативу. Кроме ранее упомянутых городов и волостей, Великое княжество Литовское потеряло Алексин, Тешилов, Рославль, Козельск, Тарусу, Оболенск. Поначалу пытавшийся включиться в военную кампанию, Александр II весь 1493 г. провел в столице или неподалеку от нее. Русское вторжение проходило на фоне всё ухудшающегося положения в южном приграничье. После смерти Казимира Иоанн III подтолкнул Менгли-Гирея к нападению на Великое княжество Литовское. Летом 1492 г. Крым посетил российский посланник Лобан Колычев, уточнивший пожелания своего государя. Поэтому упомянутое посольство Ивана Глинского провалилось: хан задержал литовского посла и не отпускал несколько месяцев. Крепость Тяхинь татары построили. Желая помочь России, они в неудобное для себя время (в марте 1493 г.) выступили против Литвы, но им помешало вскрытие льда на Днепре. Не удался и более поздний поход, а вскоре путивльский наместник Богдан Глинский разрушил Тяхинь. Эти действия обеспечили на юге сравнительно спокойное лето 1493 г., однако в сентябре Менгли-Гирей разорил Каневскую, Черкасскую, Винницкую и Брацлавскую области и дошел до Киева и Чернигова. Нападению крымчан отчасти воспрепятствовала Большая Орда, с которой литовской дипломатии удалось возобновить отношения, однако Большая Орда все заметнее слабела, и Крым с этой силой мог не считаться.

События 1493 г. сделали небезопасной значительную часть русинских земель и заставили искать помощи в Польше. Уже осенью 1492 г. туда отправился Литавор Хрептович, а несколько позже Николай Радзивилл из Гонёндзи (отец). Польский сенат не замедлил воспользоваться трудным положением Литвы: помощь была увязана с признанием унии, т. е. сюзеренитета Польши. И тут сказалась ошибка литовских вельмож, избравших великим князем «тезку» Витовта Великого. Александр и сам придерживался такой же установки. Иоанну-Альберту он писал, что будет действовать согласно его советам. Даже производя кого-нибудь в рыцари, Александр соответствующий акт отправлял на утверждение польскому королю. Благодаря подобным качествам своего правителя, Великое княжество Литовское перед лицом российского нападения оказалось в куда более трудном положении, чем в последние годы персональной унии, воплощенной Казимиром I. Если Казимир, запутавшийся в династической паутине, поддерживал определенное равновесие Польши и Литвы, то Александр, отдельный литовский властитель, обязанный сделать государственную политику более действенной, плохо исполнил свои функции в важнейших областях управления.

Иоанн III совершал нападения, видя международную перспективу. Он хорошо прочувствовал далеко идущие планы Габсбургов, направленные против Ягеллонов, и поддержал их настолько, насколько это было ему выгодно. Правда, в 1494 г. связи между великим князем Московским и Германским императором оборвались. Однако габсбургское и турецкое давление блокировало Ягеллонов в Чехии и Венгрии, а это в свою очередь воздействовало на позицию Иоанна-Альберта. Хотя короли Польши и Венгрии договорились о взаимопомощи, Венгерское государство осталось благосклонно к России. Польша не грозила Литве, как это было во второй трети XV в., однако пользовалась ее трудностями для предъявления своих претензий. Литва ниоткуда не получила помощи. Хотя военная ситуация после первых российских побед немного стабилизировалась, Иоанн III, чувствуя свое преимущество, наметил куда более обширную стратегию вторжения. В начале 1493 г. он уже начал титуловаться государем всея Руси, бросая этой политической манифестацией вызов Литве и ее правлению на русинских землях.

Александр II и рада панов, подстегиваемые военными неудачами и резко

ухудшающимся международным положением, обратились к брачной дипломатии. Вспомнили о предложениях еще 1484 г.: отдать дочь Иоанна III за одного из сыновей Казимира I. Русские представители этой идее не противоречили (в мае 1492 г. они /492/ сами об этом напомнили). Мотивы обеих сторон, конечно, были различны. В июле 1492 г. о переговорах по этому вопросу условились полоцкий воевода Иван Заберезинский и новгородский наместник, однако их остановили вспыхнувшие военные действия. Переговоры, возобновленные в ноябре 1492 г., прервались до весны 1493 г. Медлила в первую очередь литовская сторона, но военные и дипломатические неудачи заставили ее вернуться к этой теме. Иоанн III заодно воспользовался возможностью выдать свою дочь за мазовецкого князя Конрада.

Тем временем мирные переговоры с Россией поддержал сейм Великого княжества Литовского (расширенное заседание рады панов) в ноябре 1493 г. Соответственно подобранная делегация отбыла в Москву в конце июня 1493 г. В ее составе были перламский наместник Александр Олехнович (двоюродный брат ведущего брачные переговоры Ивана Заберезинского) и утянский наместник Альберт Клочка. Делегаты, располагавшие широкими полномочиями, выразили протест против титулования Иоанна III государем всея Руси. Русские представители, чувствуя свое преимущество, выдвинули новые требования, существом которых была отмена договора 1449 г. Дебаты шли почти полгода. Большие военные действия в ту пору не велись, однако литовская сторона была вынуждена играть по составленному русскими сценарию. Центральным вопросом, естественно, стало сватовство Александра II к дочери Иоанна III Елене (и этот шаг Литовский монарх согласовал с Иоанном-Альбертом). В принципе соглашение о браке состоялось, однако его суть каждая из сторон понимала по-своему. Литовские представители в грядущем породнении желали видеть залог мирных и дружественных отношений, в обеспечение которых делались территориальные уступки. Русские не отвергали мирных мотивов, однако не связывали их с установлением твердой границы. Смоленск и Брянск они признавали за великим княжеством Литовским лишь в качестве некоей уступки, не оговоренной четкими условиями. Замужество великой княжны они считали обязательством принимавшей ее страны. Договором предусматривалось, что Елена остается православной (Александр даже пообещал не принуждать ее к переходу в католичество). Это была, конечно, не защита прав жены, но гарантия ее конфессионального престижа и статуса. Александр II признал титул Иоанна III как государя всея /493/ Руси и отказался от договора 1449 г. Именно по этой трактовке породнения обоим монархам Великому княжеству Литовскому возвращалась часть отторгнутых земель: Любутск, Мценск, Масальск, Серпейск, Лучин, Дмитров, Опаков, Брянск. Были отпущены на волю пленные смоляне. Предусматривался военный союз против татар, но с условием, что продиктованное обстоятельствами воздержание от активных действий не отменяет договора (это оставило Иоанну III свободу рук в деле возбуждения Крыма против Литвы). Состоялась договоренность о свободной торговле. Для разрешения пограничных споров было решено создавать смешанные комиссии, однако Александр обязывался не допускать выезда князей Михаила Тверского, Можайских, Верейских, Шемячичей. 5 февраля 1494 г. договор был принят, 6 февраля Елена помолвлена с представляющим великого князя Литовского Жямайским старостой Станиславом Кезгайло, 7 февраля даны клятвы. В начале 1495 г. Елена отбыла в Вильнюс. Окончательная ратификация договора затянулась до осени 1496 г. Придворным дворецким Елены с августа 1495 г. стал Альберт Клочка, до того исполнявший обязанности маршалка.

В русинской исторической традиции сформировался культ великой княгини Елены (род. в 1476 г.) как ангела мира. Это в самом деле была незаурядная женщина, получившая хорошее образование и показавшая себя проницательной женой. Увы, она стала жертвой политических интриг. Елену в Вильнюс сопровождала делегация под руководством Семена Ряполовского и весь ее русский двор. Киевский митрополит Макарий не потребовал дополнить католическое венчание литовского монарха православным обрядом. Однако при совершении венчания в Вильнюсском кафедральном соборе духовник Фома (из

русской свиты великой княгини) пытался вмешиваться, перекрикивая епископа Альберта Табора. Иоанн III поручил дочери писать ему отчеты; ее придворные собирали и отсылали в Москву информацию. Мать Александра, королева Елизавета, игнорировала Елену, но вместе с тем понуждала ее перейти в католичество. Не оставался от этого в стороне и брат Александра и Иоанна-Альберта, Гнездинский архиепископ (с 1493 г.) и кардинал (с 1493 г.) Фридрих. Всё это превращало великого князя Литовского в пешку, а его личную жизнь – в объект политических интриг. Все-таки Иоанну III не удалось сделать Елену своим агентом – женщина высокого интеллекта, она понимала, что является супругой властителя большого государства, и по мере сил старалась быть ему опорой. Александр вскоре отослал домой сопровождавших ее москвичей (среди них дерзкого священника Фому). Ко двору великой княгини были приставлены католики (в их числе дворецкий Ключка). Внешне всё это находило отражение в модах: вместо прежних русских великая княгиня стала носить европейские наряды. Доносить отцу о делах Литвы Елена отказалась. Требование Иоанна III возвести в Вильнюсском замке православный храм она отклонила на том основании, что вблизи от замка уже есть церковь Пречистой Девы Марии.

Война 1492–1494 г. не приобрела большого масштаба, и Великое княжество Литовское утратило немного земель. Однако ее моральные последствия были куда печальнее. Литовское государство очевидно проиграло, ее монарх был унижен и запуган. Заключенный мирный договор не предоставлял никаких гарантий, скорее фиксировал начавшееся русское вторжение. Иоанн III проявил себя как сильный, а Александр – как слабый правитель; обозначилось соседство сильного и слабого государств. Россия открыто выдвинула долговременную политическую программу, объявлявшую часть Литовского государства незаконно управляемой территорией, а мирные соглашения – любезной и временной уступкой великого князя Московского. Эту концепцию определяло историческое прошлое Руси и верования, распространенные на спорных землях. В идеологическом отношении Литва могла этому противопоставить только более молодую историческую традицию и доктрину истинности католической веры. Ее следовало подкрепить силой, также, как и Россия силой навязывала свою правду, но именно тут и заключалось преимущество России. Во взаимоотношениях с Польшей Литва оказалась на положении просительницы, кстати, так и не получив серьезной поддержки. Дорого заплатив за мир на восточных границах, Литва надеялась получить помощь на юге, где, помимо набегов крымских татар, тревожило настойчивое присутствие грозной Турции. Турция, надо сказать, еще более угрожала Польше, поэтому перед лицом опасности в этом регионе поляки были заинтересованы согласовывать свои действия с Литвой. Иоанн-Альберт еще в 1493 г. дал соответствующее указание ротмистрам польских наемников. В 1494 г. Литва и Польша обменялись грамотами о верности военному союзу. Польские послы, ратифицируя трехлетний договор о перемирии с турками (они действовали и от имени Литвы), вытребовали у султана Баязета II, что крымские татары отойдут от Четатя-Албэ. Однако крымчане тут же рассчитались за это: в конце лета 1494 г. они ворвались на Волынь. Литовцам и полякам удалось разбить их под Вишневом. Менгли-Гирей в свою очередь летом 1494 г. построил в низовьях Днепра новую крепость. В ответ на задержание следовавших в Москву молдавских послов на рубеже 1494–1495 г. был сожжен Брацлав. Планируемый договор о дружбе с Молдавией был отложен в долгий ящик. Государство тем не менее сумело организовать людей из Поднепровья и ближних волостей на ремонт пограничных замков. Этих мер оказалось недостаточно: в 1495 г. татары разорили Киев, в 1496 г. – Ровненскую область. В отношении Крыма Иоанн III применял двойную политику. Сначала он даже не сообщил Менгли-Гирею о мирном договоре с Литвой, а позднее дал понять, что благосклонно оценит враждебные ей действия татар.

Усиление России отчасти помогло установлению связей Литвы и Швеции. Вторжения русских в Финляндию побудили шведов в 1495 г. отправить в Литву делегацию под началом Эриха Тролле с просьбой о помощи. Однако Александр II, только что заключивший мир с Иоанном III, ничем помочь не мог. Литовское посредничество тут ничего бы не дало, да и

сам великий князь не имел представления о кругозоре, необходимом для суверенного государственного деятеля. Безуспешная внешняя политика и личные свойства Александра II ослабляли и без того непрочное положение Литвы в ряду государств, управляемых Ягеллонами. Уже с Казимиром не считался его старший сын Владислав, правивший Чехией и Венгрией. После смерти отца он естественно стал сеньором династии. Иоанн-Альберт, в свою очередь, стремился утвердиться сам, тем более, что рядом с ним жила королева-мать Елизавета. Если для Владислава это мало что значило, то неудачник-Александр стал объектом претензий со стороны столпов династии. Тем временем Иоанн III выражал неудовольствие тем, что на Елену оказывается давление с целью сделать ее католичкой. Посетившие Вильнюс в 1495 г. польские Ягеллоны привезли проект обеспечения самого молодого члена династии Сигизмунда, бывшего на содержании Владислава, за счет Литовского государства: было предложено, откroив от Литвы Киев, создать для Сигизмунда отдельное княже- /496/ стvo. Однако в этом случае литовские структуры сословного представительства показали себя достаточно зрелыми. Рада панов, при поддержке созванных представителей дворянской верхушки, выразила категорический протест, и Александр был вынужден написать Иоанну-Альберту, что не может игнорировать волю страны. А предложение Александра (в конце 1495 г.) Иоанну-Альберту утвердиться в Четатя-Албэ и Килии осталось без отклика. Союз России с Крымским ханством был лишь деталью противостояния Турцией и Россией с одной стороны и Ягеллонами – с другой. Успешные действия Иоанна III на границе Великого княжества Литовского совпали с турецким давлением в Венгрии и закреплением турок в румынских княжествах. При наличии угрозы Польше со стороны турок, влияние на Молдавию не переставало быть яблоком раздора между Венгрией, Польшей и Турцией. При таких обстоятельствах поляки стремились вернуть свою гегемонию в Молдавии не столько при поддержке Литвы, сколько имея в виду создание широкой антитурецкой коалиции. Именно в таких условиях Александр II направил страну в русло польских политических замыслов. Прибывшие на вильнюсский сейм весной 1496 г. представители Польши начали разговор о возобновлении унии. Польская делегация действовала гибко, желая обсудить один из более ранних актов об унии, в котором не был подчеркнут сюзеренитет Польши. Под давлением рады панов Александр согласился утвердить документ с условием, чтобы не обрели силу прежние акты, нарушающие суверенитет Великого княжества Литовского. По сути польский проект предусматривал политический союз и избрание монархов из династии Ягеллонов, т. е. предлагался договор о взаимопомощи. Поняв, что Литва, и оказавшись в незавидном положении, не проглатывает приманку, польские делегаты вернулись домой. Однако Иоанн-Альберт все-таки рассчитывал на помощь Литвы, поэтому на сей раз он пошел на непосредственные соглашения. В июле-августе 1496 г. в Вильнюсе представители Литвы и Польши договорились, что осенью Александр прибудет в Брест, а Иоанн-Альберт – в Люблин для обсуждения военных мер против Крыма и Турции. Переговоры состоялись в ноябре-декабре 1496 г., представители обеих сторон встречались в Парчеве. Данных об этом обсуждении сохранилось немного, ибо оно было тайным и речь шла о крупной военной операции на юге. Как показали последовавшие события, литовское войско должно было действовать против крымских татар (в особенности против Очакова) и управляемой турками Четатя-Албэ в устье Днепра. Литовцы заботились о прекращении татарских набегов (в 1497 г. татары дошли до окрестностей Мозыря, убили Киевского митрополита Макария). Польское войско должно было атаковать Килию в устье Дуная. /497/

В 1496–1497 г. Литва и Молдавия обменивались посольствами, стремясь к заключению договора о дружбе. Польша добилась от Стефана III Великого обещания поддержки против Турции. 26 июня 1497 г. Иоанн-Альберт из Львова выступил в Молдавию. Александр II и литовское войско двинулись из Вильнюса на юг также в июне 1497 г. Великий князь хотел действительно поддержать своего брата, а заодно польское войско в Молдавии. Большинство панов рассматривало операцию как удар по Крыму, посему не было расположено вмешиваться в эту военную операцию. Тем более, что на рубеже августа-сентября 1497 г.

русский посол Петр Заболоцкий вручил предупреждение Иоанна III о недопустимости нападения на тестя его сына – Стефана Великого (именно так русская дипломатия изображала начавшиеся военные действия на территории Молдавии). В подобных обстоятельствах Александр не решился вмешиваться в молдавскую операцию и ограничился тем, что позволил немногочисленным добровольцам отправиться на помощь полякам. Русскому послу было отвечено, что литовское войско идет походом против крымских татар. Однако оно было сконцентрировано на границе Молдавии для возможной помощи Иоанну-Альберту.

А эта помощь в самом деле была нужна. Иоанн-Альберт командовал 50-тысячным войском (в него входили также силы вассального Тевтонского ордена), однако, понадеявшись на численность, не подготовился к походу должным образом. Не была качественно проведена ни дипломатическая, ни военная разведка. Лавирующий меж могущественных соседей, Стефан Великий в конце концов поддержал турок, чьи значительные силы появились в Молдавии. Вмешалась и Венгрия, еще более осложнив поход Иоанна-Альберта. Поляки плохо ориентировались в чужом краю, а им противостоял соперник, использующий все преимущества рельефа. Решение прекратить поход было принято слишком поздно. Отступающее польское войско в Козьминских лесах попало в засаду и было жестоко разбито. Литовское войско не вступало в боевые действия, но прикрыло отход разгромленных поляков из Молдавии.

В Козьминской катастрофе Литва не пострадала. Хотя она не получила поддержки от Большой Орды (о чем была договоренность посольств 1496–1497 г.), однако удалось сохранить противостояние Орды и Крыма. Ничего не дало посредничество Александра II между шведами и русскими в Москве (1497 г.). Воспользовавшись этим, Александр через международного авантюриста Марко Салтьери в 1498 г. попытался выдвинуть свою кандидатуру на шведский престол (он действовал без ведома рады панов Литвы, а также братьев Иоанна-Альберта и Сигизмунда). Это было безответственной тратой времени и внимания, к счастью, не вызвавшей /498/ каких-либо нежелательных последствий. 12 июля 1499 г. в окончательно утвержденном договоре между Польшей и Молдавией были предусмотрены аналогичные отношения Молдавии и Литвы. На сей раз Иоанн-Альберт был уполномочен представлять интересы Александра, а в сентябре 1499 г. уже сама Литва заключила отдельный договор с Молдавией.

Поражение Польши ухудшило положение всей династии Ягеллонов. После краха попыток Иоанна-Альберта перехватить инициативу на юге, в 1498 г. южные польские земли впервые были разорены турками, а затем – и крымскими татарами. Последние в 1499 г. совершили нападение и на Восточное Подолье, принадлежавшее Литве. Все эти неудачи стали для России знаком к началу новых действий против Великого княжества Литовского. Как в Литве, так и в Польше понимали, что выход следует искать в объединении сил, однако даже теперь польские политики не забыли о своих гегемонистских замыслах, они лишь не выражали их явно. В подобных обстоятельствах намерения Александра II, потребность Польши в неотложной помощи и относительная сговорчивость поляков после Козьминского поражения подготовили почву для соглашения. В 1498 г. сама литовская сторона предложила прибывшей в Вильнюс польской делегации урегулировать отношения (в ту пору в вильнюсском сейме заседали почти исключительно католики). В начале 1499 г. в Польшу с той же целью отбыли Жямайтский епископ Мартын и тракайский воевода Иван Заберезинский (проект соглашения был одобрен сеймом Литвы). Литовские посланники протестовали против того, что представители Польши в Риме пытаются вести дела епископств Литвы, и требовали равных условий соглашения. Последовал положительный ответ поляков. 6 мая 1499 г. на краковском сейме был принят акт о соглашении сенатов обеих стран (его повторил акт, выданный литовской стороной 14 июля 1499 г.). Основой соглашения являлись акты Городельского договора, подписанные литовскими и польскими дворянами, с исключением формулировок о сюзеренитете Польши, содержавшихся в монарших грамотах. В отношении государственных институтов была подтверждена

выборность правителя при участии другой стороны. Фактически это был договор о взаимопомощи, не упоминающий о вотчинных правах Ягеллонов на литовский престол.

Внешне равноправный договор с Польшей, выработанный благодаря раде панов, а не личной позиции Александра II, несколько упрочил положение Литвы. Однако это было достигнуто в момент, когда заметно ухудшилось международное положение обоих государств. При посредничестве России, подстрекаемый Иоанном III Менгли-Гирей в 1499 г. потребовал передать ему Киев, Канев, /499/ Черкассы, Путивль и выплачивать дань за управление 13 городами (включая поименованные). Хан в свою очередь пообещал переуступить Иоанну III Киев и Черкассы. В 1498 г. московитяне перешли границу и разорили Рогачевскую, Мценскую и Лучинскую области. В июле того же года великий князь Московский уже в открытую грозил войной литовскому послу Станиславу Кишке. В августе 1499 г. Глебович и Сапега, сулившие за гарантии безопасности Киева признать Иоанна III государем всея Руси, получили отрицательный ответ. Видя, к чему всё клонится, Александр II еще в 1498 г. предложил Ливонскому ордену заключить военный союз против России. Тем временем русские все более активизировались. Агенты Иоанна III в 1499 г. объявились в верховьях Оки с призывами принять его подданство. Князь Семен Можайский (он получил от Александра Карачев, Хотимль и Чернигов) схватил смутьянов и отправил их в Вильнюс. В руки Александра II попало подстрекательское письмо Иоанна III Менгли-Гирею. Согласовав договор о взаимопомощи, Литва и Польша в 1499 г. оказались перед лицом большой войны со своими опаснейшими соседями.

в. Поражение Литвы от России на рубеже XV–XVI вв. и Мельницкая уния

В начале 1500 г. Россия начала военные действия в верховьях Оки. В феврале Москве сдался Семен, князь Белой; мелкие столкновения затянулись до начала весны. 3 мая южнорусская войсковая группировка под началом Якова Кошкина выступила походом на Брянск. Вскоре двинулась на Смоленск центральная группировка под командованием Георгия Захарьича. Брянский замок был сожжен сторонниками Москвы, а застигнутый врасплох наместник Станислав Бартошевич схвачен в Ужчижском дворе. В плен к русским попал и поддерживавший унию Брянский епископ Иона. Развивая свой успех, Яков Кошкин повернул вверх по реке Десне. Не найдя выхода, ему сдались рыльский князь Василий (потомок Дмитрия Шемяки) и Семен Можайский, до того активно поддерживавший Литву. Особенно болезненным было отступничество последнего (кроме вышеупомянутых земель, он управлял также Стародубом и Гомелем). Иоанну III покорились хотетовский и масальский князья. За два месяца Великое княжество Литовское лишилось большой территории в своем восточном приграничье. Яков Кошкин, обладавший опытом высылки 7000 новгородцев (1489 г.), знал, как утвердить власть своего государя на этих землях. 6 августа русское войско заняло Путивль, где в плен попал наместник /500/ Богдан Глинский. Дорога на Киев оказалась открыта. Парадоксально, но русским помешали крымские татары, незадолго перед тем настолько разорившие местность, что действовавшая уже не первый месяц южная московская группировка, боясь не прокормиться, остереглась следовать в этом направлении.

Еще в марте 1500 г. Иоанн III прислал письмо, в котором объяснил принятие под свою власть подданных Александра тем, что их принуждали к переходу в католичество. Александр II выразил протест и возразил, что ничего подобного не происходит, однако было ясно, что сильнейшая сторона всегда найдет себе оправдание. Начавшиеся военные действия с очевидностью показали, как хорошо смогла к ним подготовиться и подготовилась Россия и плохо с этим справилась Литва. Великий князь Московский очень точно выбрал момент. Напуганная Козьминской катастрофой Польша, хотя и заключившая с Литвой договор о взаимной обороне, не собиралась защищать восточные области своей союзницы, а для

крымских татар открылась новая перспектива расширения набегов.

Застигнутый войной Александр смог отреагировать, лишь когда военные действия России приобрели значительный размах. 8 июня 1500 г. он во главе войска выступил из Вильнюса, 9 июля разбил лагерь в Борисове. Однако четкого плана действий не было, война по-прежнему представлялась как серия пограничных стычек. К Смоленску направился авангард в составе 3,5 тысяч всадников, соединившийся с 500 всадников смоленского наместника Станислава Кишки. Этим отрядом в 4000 всадников, усиленным немногочисленными смоленскими пехотинцами, командовал гетман князь Константин Острогский. Руководство элитного аристократического отряда, весьма впечатленное своей мощью, легкомысленно атаковало лагерь центральной группировки русских у реки Ведроши. Даниил Щеня привел сюда 40 000 воинов. Численное превосходство сказалось: 14 июля (это было 29-я годовщина битвы на Шелони) стало днем тяжелого поражения литовского войска. В плен попали Константин Острогский, наместник в Мяркине и Аникщяй Григорий Остик, наместник в Новгороде и Слониме Литавор Хрептович, Михаил Глебович. Станиславу Кишке удалось вырваться. Александр с главными силами медленно продвигался вперед. Лишь на рубеже июля-августа его достигло официальное объявление войны.

Ведроша стала моральным потрясением для литовского обще- /501/ ства. Однако близилась осень, и утомленные долгим походом русские силы не решились развить победу. На стыке августа и сентября они повернули назад. Растерянные литовцы их не преследовали. Тем временем северная русская группировка под командой Андрея Челяднина наносила фланговые удары из Пскова и Новгорода. Заняв Торопец, она одиночными набегами разоряла окрестности Полоцка и Витебска. Эти действия продолжались в июне-августе и существенного влияния на ход борьбы не оказали. Общее положение спасала Смоленская область, где земельные владения дворян, преданных Литве, были велики и прочны. Весной и осенью 1500 г. на юге Менгли-Гирей разорил Киевскую, Подольскую и Волынскую земли. У Литвы не было иного выхода как согласиться платить Крыму по 3 деньги с человека, начиная с 1499 г.

В конце августа 1500 г. Александр в Оршанском повете получил возможность без помех ознакомиться с результатами начавшихся военных действий. Победы южнорусской группировки повлекли сопутствующие сложности: вновь обретенное пространство удлинит коммуникации. Русским было важно, чтобы тут действовали союзники-крымчане. Такое положение делало решающими центральный и северный фронты, что Александр хорошо понимал. Сентябрь и октябрь он провел на этом участке, укрепил Смоленск, Витебск и Полоцк. Полоцким наместником вместо Георгия Паца великий князь назначил Станислава Глебовича, отличившегося на этом посту. Усиливая северный участок фронта, Александр осенью 1500 г. обратился к Вальтеру Плеттенбергу, магистру Ливонского ордена, которому также угрожала Россия. Тем самым было повторено прежнее предложение того же рода. Однако наибольшие надежды великий князь возлагал на Польшу. Немного польских наемников уже было приглашено летом 1500 г., но они не могли /502/ ничего решить. Последовательной программы действий у Александра не было. 2 июля 1500 г. он обратился к аристократии, городам и ротмистрам наемников всех управляемых Ягеллонами стран, объявив об учреждаемом рыцарском братстве для борьбы со схизматиками (т. е., православными) и пообещал хорошие условия найма. В Польшу было послано некоторое количество денег. Осенью 1500 г. в Вильнюс начали прибывать польские и чешские воины, среди них обладатели высокой репутации поляк Ян Карнковский и чех Ян Чернин. Тут выяснилось, что в Литве должным образом не позаботились о главной стороне этой кампании – о деньгах. Их не хватало. Интеллигентный монарх не умел договориться с военными. Наемники без приличествующих занятий и подобающего жалованья стали обузой для местных жителей. Несколько лучше удавалась дипломатическая деятельность: успешно складывались переговоры с Ливонским орденом. 3 марта 1501 г. в Вильнюсе был заключен оборонительный договор сроком на 10 лет. К подписанию этого договора ливонцев побудил и папа Александр VI. Демарш королей Венгрии и Польши в Москве ничего не дал, разве что

Иоанн III согласился на переговоры о мире. К счастью, подписанный с Молдавией в 1499 г. договор гарантировал ее нейтралитет на южной границе. К весеннему потеплению 1501 г. Александр рассчитывал согласовать с ливонцами действия своих наемников, направить удар хана Большой Орды Шиг-Ахмата на Крым, а главные силы Литвы использовать в центре русского фронта близ Смоленска.

В июне 1501 г. Шиг-Ахмат действительно отбросил силы Менгли-Гирея в Крым, изгнал Василия Шемячича и Семена Можайского в Москву; в сопровождении литовского посланника Михаила Халецкого занял Рыльск и Новгород-Северский. Его активность удержала от наступления Менгли-Гирея, однако поддержки со стороны литовского войска не вызвала. Не удалось осуществить на практике совместные действия с ливонцами. Вальтер Плеттенберг, в начале августа с 10 000 воинов вступивший на русскую территорию, на реке Сирице разбил русское войско под командованием Василия Шуйского, уничтожил Островский замок, однако литовцы запаздывали. Ливонцы испытывали нехватку продовольствия, поэтому вынуждены были покинуть район в тот момент, когда Ян Чернин уже приближался к нему. Последнему ничего не осталось, как тоже повернуть назад.

Первые восемь месяцев 1501 г. Александр II провел в Вильнюсе. Уже в конце июня он узнал о смерти Иоанна-Альберта и по сути устранился от контроля за военными действиями. Успешно начатая союзниками Литвы кампания этого года развалилась по ее же вине. Всё свое внимание великий князь уделил избранию монарха Польши, – он стремился стать ее королем. 9 сентября он уже был в Бельске, желая из Подляшья воздействовать на события в Польше. Были посланы лишь небольшие силы в направлении Кричева и Пропойска, где показалось русское войско. Осенью 1501 г. московитяне ворвались во владения князей Заславских. Михаил, Федор и Богдан Заславские поспешили собрать свои силы, но 4 ноября, понеся большие потери, были наголову разбиты близ Мстиславля. Успев закрыться в этом замке, они смогли отразить атаки противника, однако вся окрестная местность была зверски разорена. К счастью, отдельные военачальники оказались способны действовать и без конкретных указаний великого князя. На подмогу Заславским подоспел исполняющий обязанности гетмана Жямайцкий староста, он же тракайский каштелян Станислав Кезгайло в сопровождении наемников Яна Чернина. Некоторое время ни одна из сторон не решалась начать бой. После того как русские в конце концов отступили, Кезгайло вернулся в Вильнюс, а Чернин – в Полоцк.

Замедлением в военных действиях осенью и зимой 1501 г. Александр II воспользовался не для того, чтобы подготовить кампанию 1502 г., а для получения власти в Польше. Свою кандидатуру в короли он выдвинул 25 июля 1501 г. Александр просил помощи у брата – кардинала Фридриха, а также у Вармийского епископа Луки Вацельроде, господаря Молдавии, великого магистра Тевтонского ордена. В сентябре 1501 г. в Гродно был созван сейм Литвы, избравший делегацию для поездки в Польшу. В нее вошли Вильнюсский епископ Альберт Табор, вильнюсский каштелян Александр Ольшанский, великий маршалок и тракайский воевода Иван Заберезинский, подचाший Николай Радзивилл из Гонёндзи (сын), стряпчий Петр Олехнович. При себе в Подляшье Александр II держал элитный отряд из 1400 воинов. Выдвижение своей кандидатуры на польский престол Александр превратил в важнейшую дипломатическую акцию Литовского государства, мотивируя всё это прежними договорами с Польшей. Это была уже другая позиция, в отличие от 1447 г., когда требовалась помощь против Руси.

Переговоры в Польше (в Петрокове) начались в конце сентября 1501 г. Соперниками Александра были его братья: старший – Владислав и младший – Сигизмунд. Поляки – сторонники Александра – сравнили Владислава с Сигизмундом, поэтому последнему пришлось устраниваться. А Владислав не мог всерьез соперничать с Александром, на стороне которого был влиятельный кардинал Фридрих, сумевший заручиться поддержкой виднейших магнатов. Александра поддерживало и рядовое польское дворянство. Делегаты Литвы на сей раз апеллировали к унии, но не забыли упомянуть и актуальную для них русскую угрозу. 30 сентября всё решилось в пользу Александра. Однако это было не самое

выгодное для Литвы решение. Поддержав Александра, кардинал Фридрих указал, что Литва должна быть присоединена к Польше. Переговоры литовских представителей и участие в «польской избирательной партии» не позволили осуществиться этим замыслам, но польская сторона добилась выгодных для себя фактических уступок. Согласительный акт от 3 октября 1501 г. определял общего монарха и общий сейм, общие выборы правителя в Петрокове и общую валюту, а также провозглашал оба народа и государства единым целым. Александру в Мельник привезла этот акт польская делегация (Львовский архиепископ Боришевский, Познаньский епископ Ян Любранский, познаньский воевода Ян Тарновский). 23 октября Александр и находящиеся вместе с ним представители рады панов (са- /505/ мые видные – Вильнюсский епископ Альберт Табор и тракайский воевода Иван Заберезинский) этот акт утвердили. Александру было важно заполучить польскую корону на любых условиях, и он ее получил. Рада панов видела тут гарантию помощи от поляков, поэтому примирилась с внешне нейтральными, но по сути неблагоприятными для Литвы формулировками. Ее представители все-таки подчеркнули, что это лишь предварительный акт, и добавили условие, что договор заключат и соответствующий акт передадут польской стороне рада панов и сейм в полном составе. 6 ноября Александр отбыл в Польшу и 12 декабря был провозглашен ее королем. Его православную жену поляки не короновали.

Внешне обойдя вопрос о суверенитете Литвы, готовой на многое в ожидании польской помощи, и применив соответствующие формулировки, политики Польши составили договор о создании унитарного государства. Излишне объяснять, что подобная уния фактически означала присоединение Литвы (без формального объявления об этом). Такое продление договора от 1499 г. (Мельницко-Петроковская уния) было со стороны паникующей литовской знати большой уступкой, перечеркивающей чуть не все политические достижения, добытые предшественниками во второй половине XV в. Проиграла и династия Ягеллонов, ибо договор гласил, что властитель Литвы должен избираться на общем сейме в Польше. Против этого вскоре запротестовал Владислав Ягеллон, а на переговорах с Венгрией и Тевтонским орденом польские представители уже завели речь о присоединении Литвы. Литовскую государственность оберегало только то, что Мельницко-Петроковский акт должен был вступить в силу лишь по принятии его сеймом Великого княжества. Созвать сейм мешала война, но Александра после обретения польского трона подобные мелочи уже не волновали.

Война с Россией также приостановила начатую акцию по введению церковной унии. Изданный Киевским митрополитом Иосифом Солтаном 20 августа 1501 г. акт о признании власти римского папы не вступил в силу. Уже после того как Александр стал королем Польши, на сторону России перешел один из самых деятельных старост юго-восточного пограничья – Евстафий Дашкевич. На общего правителя в Польше обрушились горы нерешенных дел, возрастала турецкая угроза. Как литовская, так и польская знать шла по наименее легчайшему пути: одни ждали большой помощи от поляков, другие – добровольного присоединения изможденных литовцев. И обе стороны, избегая уступок, полагали, что оборону должен организовать монарх. Положение литовцев было более терпимо, ибо они рассчитывали на значительную польскую подмогу. Тем временем Александр, не проявивший организационных дарований в Литве, провалил этот вопрос в Польше, которую знал /506/ много хуже. В начале 1502 г. на Краковском сейме литовские посланники напрасно просили о поддержке, а после того, как 14 марта состоялось решение об ее оказании, деньги не были собраны вплоть до августа.

Холодной зимой 1501–1502 г. активные военные действия, как обычно, затихли. Однако Шиг-Ахмат, лишенный поддержки и обеспечения, слабел без борьбы. На сторону Менгли-Гирея перебежала немалая часть его Орды, включая первую жену хана. Уже ранней весной 1502 г. Шиг-Ахмата атаковали крымчане; они не встретили серьезного сопротивления. В мае-июне войско Большой Орды практически прекратило существование. Самого Шиг-Ахмата пригнул киевский воевода Дмитрий Путятич, а изгнанные им русские заднепровские вассалы России вернулись в свои владения. Александру ничего иного не

оставалось как вновь согласиться на выплату отступных крымскому хану. В июне 1502 г. Ягеллон прибыл в Великое княжество Литовское; в начале июля он уже был в Новгородке, в августе-сентябре – в Минске. Из этого пункта можно было с тем или иным успехом наблюдать за военными действиями, но события опередили Александра. Еще в начале июня группировка под командой сына Иоанна III Дмитрия, в достатке обеспеченная артиллерией, атаковала Смоленск. Русские разрушили Оршу, разоряли окрестности Витебска. Смоленск при поддержке верных дворян умело оборонял Станислав Кишка. Осаждавших тревожили его вылазки, а также действия великокняжеских дружин и польских наемников. 16 сентября смоляне отбили генеральный штурм. Голодное, деморализованное и сильно поредевшее войско Дмитрия в середине октября отступило. На северном участке Вальтер Плеттенберг 13 сентября разбил русских возле Смольного озера. Группировка в несколько тысяч литовцев принудила русских отступить от Орши, однако, по ее возвращении в Полоцк, те еще раз подвергли разорению эту область. Крымские татары осенью 1502 г. достигли Бобруйска, Турова и Бреста, но их, при поддержке поляков из Западного Подолья, отбил луцкий староста и волынский маршалок Семен Ольшанский. Зимой 1502–1503 г. татары вновь атаковали, дошли даже до Минска, Слуцка, Несвижа и Новгородка. Нападения крымчан на Червонную Русь сковывали поляков и мешали им оказать помощь Литве. Татарская угроза заставила строить оборонительную стену вокруг Вильнюса. При отсутствии заметной инициативы со стороны великого князя Литва защищалась неорганизованно и вяло. Лишь на новогрудском сейме в июле 1502 г. была установлена, по примеру Мазовии, норма дворянского снаряжения – 1 всадник от 10 служб. Петроковскому договору сейм внимания не уделил.

Война, хотя и была успешной, истощила силы России. Уже во /507/ время осады Смоленска Иван заявил о согласии на мирные переговоры. Выдвинутая еще в мае 1501 г. инициатива Ивана Заберезинского наконец дождалась должного отклика (положительный ответ новгородского наместника Якова Захарьича Заберезинскому в декабре 1501 г. был лишь дипломатической игрой). В августе-сентябре 1502 г. предварительные переговоры в Москве начала общая делегация сенатов Литвы и Польши, подкрепленная представителем короля Чехии и Польши Владислава – Сигизмундом Зантаем (он был в Москве уже в конце декабря 1503 г.). При посредничестве Зантая Иоанн III 17 января 1503 г. выдал охранные грамоты объединенному литовско-польскому посольству, которое прибыло в Москву 4 марта. Всеми этими процедурными ухищрениями Иоанн III желал показать и показал, кому в первую очередь нужен мир. Однако Александру все-таки удалось добиться того, чтобы великий князь Московский вел переговоры со всеми монархами-Ягеллонами. Великого князя Литовского на переговорах представляли полоцкий наместник Станислав Глебович, каунасский староста и вахмистр двора великой княгини Альберт Ключка, браславский староста, жежмарский наместник и канцлер великой княгини Иван Сапега Младший. В польскую делегацию вошли ленчицкий воевода Петр Мишковский, королевский подचाший и мендзиборский староста Ян Бучацкий, краковский стольник Петр Вроцимовский, королевский секретарь и познаньский каноник Станислав Горецкий. В литовскую делегацию были специально подобраны люди, близкие великой княгине Елене. Иван Сапега вез письма своей госпожи, в которых она обращалась к отцу, называя себя его служанкой и девкой. По русским обычаям это были эпитеты, обязательные в устах дочери, но в данном случае важнее были не обычаи, а занимаемое Еленой положение и этикет межгосударственных отношений. Позволяя жене вести себя подобным образом и даже принуждая к такому поведению (Елена умоляла отца не делать ее безземельной), Александр II демонстрировал лишь свою растерянность и неосмотрительность. Перед Иоанном III излагались оправдания и уверения в том, что Елену не заставляют принять католичество, хотя в конфиденциальных беседах Иван Сапега вряд ли мог отрицать, что польские родственники его властителя этого не совершают. Объединенная делегация представителей Ягеллонов все равно осталась в роли просителей, ибо война была проиграна. Великий князь Московский чувствовал себя хозяином ситуации, тем более, что эта война была лишь составной частью упрочения

международного положения России (в 1502 г. возобновились связи между Россией и Германской империей). Представители Литвы, опираясь на мирное соглашение 1494 г., требовали возвращения занятых земель и пленников. Как и следо- /508/ вало ожидать, русские отвергли эти требования. Они предъявляли претензии на все русские (русинские) земли, в особенности на Киев и Смоленск. Не было принято и компромиссное предложение посредника Сигизмунда Зантая, выдвинутое 15 марта, – вернуть половину занятых земель, а относительно других продолжить переговоры. Представителям Ягеллонов не осталось ничего другого как заявить, что они не располагают необходимыми для таких решений полномочиями, и высказать предложение о новом посольстве, что они и сделали 19 марта. Это было приемлемо и для русской стороны, которая стремилась закончить войну, имея очевидный перевес. 23 марта 1503 г. был заключен договор о перемирии на 6 лет. Россия даже вернула 6 захваченных волостей: Ельню, Руду, Ветлицу, Щучу, Усвят и Озерище (две последних – в Витебской земле). По требованию Ягеллонов русская сторона согласилась включить в перемирие Ливонский орден, однако Иоанн III поручил сделать это своим новгородскому и псковскому наместникам, что фактически вынуждало союзника Литвы вести переговоры самостоятельно. Великий князь Московский утвердил договор 3 апреля. Своих послов, которые должны были получить подтверждение великого князя Литовского, он отправил в Литву 7 мая, однако Александр II сделал это лишь 27 августа, поскольку нападения со стороны русских на границе не прекращались. Из возвращенных волостей русские вновь захватили Ельню, Руду, Ветлицу и Щучу. Кроме того, терроризируя дворян Пропойска, они разорили порубежье Витебской и Полоцкой земель и пограничный участок между Смоленском и Мстиславлем. Прибывший в Москву весной 1504 г. Станислав Глебович предлагал договор о постоянном мире, однако ничего не вышло; Иоанн III грозил возобновить подлинную большую войну.

Великое княжество Литовское утратило четверть своей территории. Война 1492–1494 г. была своеобразной разведкой, которую провела объединенная Россия. Перемирие 1503 г. знаменовало планомерную политическую агрессию России, ее несомненный военный перевес. Выдвинутая Иоанном III концепция государя всея Руси не оставляла места для существования Литовского государства. Появившиеся в русских письменных источниках XV в. памфлетные повествования о происхождении Гедиминовичей от удельных полоцких или смоленских князей были расширены и стали основой для «историко»-политических доктрин. Они дополнили конъюнктурную «Повесть о князьях Владимирских» (несомненно существовавшую уже в 1523 г., но появившуюся скорее всего на рубеже XV–XVI в.), выведившую происхождение московских Рюриковичей от Римского императора Августа. Во время войны совершенно изменился характер отношений между Великим княже- /509/ ством Литовским и Крымским ханством. Убедившись в бессилии литовской обороны против внезапных набегов, крымские татары сделали разграбление русинских земель своим постоянным ремеслом. Падение Большой Орды развязало им руки. Усилия киевского сидельца Шиг-Ахмата, стремившегося вернуть свои позиции при помощи ногайцев, ранней осенью 1503 г. уже ничего не решали. Поздней осенью того же года он пытался заручиться помощью турок в Четатя-Албэ, однако был изгнан. Лишившись доверия Литвы, Шиг-Ахмат был схвачен Дмитрием Путятичем весной 1504 г. Иоанн III и в дальнейшем подстрекал Менгли-Гирея к нападениям на территорию Литовского государства, его послы заявляли, что московский государь попытается овладеть Киевом. Осенью 1503 г. сын Менгли-Гирея Бити-Гирей без помех разорил Слуцкое княжество. Казна страны была пуста, великий князь задолжал магнатам и заложил им многие земли. Только Ивану Заберезинскому Александр II был должен 3000 золотых, под них он заложил поместья Алитус и Нямунайтис (в 1506 г. за 1000 золотых Алитус и Симнас были переданы в собственность Заберезинскому). Вахмистру двора Елены Альберту Ключке под 1000 коп грошей была заложена Кармелава.

Статус Великого княжества Литовского понизился и на востоке, и на западе. Польский сенат стремился к реализации Мельницко-Петроковских соглашений. Польские паны стали принимать участие в разбирательствах, предпринимаемых общим монархом по делам

литовских вельмож. В работе Петроковского сейма, проходившего на рубеже 1503–1504 г., литовские представители не участвовали. Вопрос о помощи Литве не позволяли решать распри между польскими магнатами. Проигранная война обострила подобные распри и в Литве. В 1503 г. Александру надо было разбирать дела Михаила Глинского – Ивана Заберезинского и Альберта Гаштольда – Иоанна Радзивилла. Поздней осенью 1503 г. Михаил Глинский сопровождал Александра в Польшу и с тех пор сделался его фаворитом. Глинский прибрал к рукам монополию на литье воска, подмял под себя таможи, с ним заодно был вильнюсский воевода и канцлер Николай Радзивилл из Гонёндзи (отец). Именно такую, раздираемую противоречиями, раду панов подвергали давлению польские политики, говоря о присоединении Литвы и требуя прибытия в Польшу ее представителей с полномочиями на подтверждение унии. Подобная интерпретация Мельницко-Петроковских соглашений упоминалась постоянно, едва представители Литвы заговаривали о помощи. Это было заявлено даже самому Александру, ему же предъявили выкладку расходов, якобы связанных с Литвой. Долго не ломая голову, Ягеллон пообещал разрешить этот вопрос на Радомском сейме 1505 г.

При таких обстоятельствах в январе-марте 1505 г. проходил /510/ литовский сейм в Бресте. Владислав Ягеллон 2 февраля заявил, что свои династические права на Великое княжество Литовское он передает брату Сигизмунду. Перед Александром, разочаровавшимся в Польше, открылась возможность защитить выгодные ему династические права. Группа Ивана Заберезинского, принимавшая участие в заключении Мельницко-Петроковского договора, в данной сфере утратила стимул для угождения польским наклонностям великого князя. Тем более это не было нужно Михаилу Глинскому и его соратникам, располагавшим поддержкой Венгрии. Эти изменения уже затруднили ратификацию Петроковского договора. Однако раскол рады панов продолжался. Воспротивившиеся растущему влиянию Михаила Глинского епископ Альберт Табор, Иван Заберезинский, Станислав Кезгайло, Станислав Кишка, Станислав Глебович были жестко усмирены. Двое первых удалены из рады панов, у Заберезинского отнято Тракайское воеводство (еще в 1504 г. его зять Иван Ильич лишился места лидского старосты, которое получил родственник Михаила Глинского Андрей Дрожджа). Сторонники Глинского были вознаграждены: Николаю Радзивиллу-отцу дано подтверждение на все имеющиеся владения, сын стал тракайским воеводой, епископ Жямайтский Мартын получил поместье Сурвилишкес, отнятое у брата Альберта Табора – Варфоломея.

Брестский сейм определил своеобразный баланс первых лет XVI в. – поры поражений и политического разброда. Болезнь великого князя поспособствовала тому, что из среды рады панов выделился фаворит в лице Михаила Глинского. Однако аристократия Литвы, даже расколотая на группировки, нашла в себе силы противостоять аннексионистским замыслам Польши. Тем более что и сам фаворит склонялся к защите литовской государственности, а не к политической карьере в Польше. Михаил Глинский был русинский князь татарского происхождения, исповедовавший католическую веру, живший и получивший известность за рубежом, обладавший надежными связями при венгерском дворе. В его политической карьере, как в капле воды, отразилась интеграция русинской элиты в формирующееся сословное общество Литовского государства – со всеми противоречиями, характерными для этого процесса. Объективные черты подобного явления оказались еще более обострены личными свойствами этого человека: он был смелый, осмотрительный, не чуждый творчеству, властный и непререкаемый лидер. Посторонний для замкнутого круга литовской знати, он пробился благодаря дарованиям и смекалке; терпеть не мог аристократов, но прекрасно понимал их интересы и знал, как их защищать. Обвиняя православных в неверности литовским властителям, он сам протезировал православной клиентуре и даже вытеснял русин, принявших католичество (таким был Иван Ильич, а /511/ выдвинувшийся за его счет Андрей Дрожджа через несколько лет бежал в Россию). Подружившись с Радзивиллами, Михаил Глинский сумел мирно ужиться с враждебным этому роду и быстро возвышающимся Альбертом Гаштольдом. Становясь всё более

незаменимым для больного Александра, Глинский устранял влияние других вельмож, но он ничуть не хуже, чем они, понимал приоритетные интересы этой прослойки. Поэтому он воспротивился аннексионистским и гегемонистским притязаниям польских политиков. Подобная позиция спланировала вокруг Михаила Глинского не только панов-единомышленников, – она вызывала уважение и у оппонентов. Прекращение военных действий с Россией и разногласия в среде польской шляхты, приведшие к переменам в политическом руководстве Польши, позволили группировкам литовских панов перевести дух. Тем более что 27 октября 1505 г. умер Иоанн III. Его сын, Василий III, утвердился не сразу и не мог поддерживать прежнее давление на Литву, что лишь продлеvalo полученную передышку. Социальная элита Литвы осознала существо создавшегося положения: хотя война и была проиграна, она показала, что Россия не в силах осуществить свою программу одним махом даже в том случае, если поляки не оказывают Литве должной помощи. Всё это и определило ход съезда в Бресте. Главным его результатом был отказ от унии с Польшей. Брестский сейм не утвердил Мельницко-Петроковского договора.

Брестский сейм продемонстрировал, что литовская панская олигархия начала ориентироваться в новой ситуации, характеризуемой давлением со стороны России и Польши. Для нее престиж Литвы снова стал не пустым звуком.

2. Преодоление решающего испытания сословной интеграции

Александр II отдалялся от Польши тем сильнее, чем яснее были признаки болезни (*lues* – сифилис). Заложив многие свои земли, великий князь позволил евреям вернуться, однако опустошенная войной казна так и не наполнилась. О не решенных затруднениях с Польшей назойливо напоминал ее сенат (прежде всего – канцлер Ян Ласский). Желая возродить добрые отношения с брошенной на произвол судьбы Ливонией, Александр II и рада панов обещали ей даже территориальные уступки в Жямайтском приграничье. Однако пересмотр границ затянулся до 1506 г. и не дал результатов. И все-таки мирная передышка и брестская встряска также не остались без последствий. Польша уже не решалась (учитывая интересы династии Ягеллонов, полувековую традицию литовского суверенитета и собственные проблемы) навязывать аннексионистские претензии силой.

Ранней осенью 1505 г. крымские татары появились близ Слуцка и Новгородка. Новгородок защитил его энергичный наместник Альберт Гаштольд. Татары жестоко разорили окрестности, однако на сей раз защитники отдельных пунктов оказались способны согласовать свои действия: гетман Станислав Кишка, Альберт Гаштольд, Юрий Немирович и слуцкий князь Симеон, объединив свои силы, разбили татар и освободили угоняемых в рабство пленных. Татары, явившиеся близ Слуцкого замка в декабре 1505 г., были отбиты его гарнизоном (в обороняющихся вселяла отвагу слуцкая княгиня Анастасия, незадолго перед тем овдовевшая).

В то время как Мельницкая уния упрочила связи литовской и польской знати, олигархи начали координировать действия против */513/* общего монарха. Репрессированных Александром литовских магнатов поддерживали польские сенаторы. Осенью 1505 г. на гродненском сейме в раду панов были возвращены епископ Альберт Табор и Иван Заберезинский; последний вновь получил должность великого маршалка. Поддержка польских панов несколько выровняла силы литовских группировок, однако не расколола их по отношению к внешней политике: они единым фронтом выступали против не оправдавшей надежд Мельницкой унии. Тут совпадали позиции Альберта Табора, Ивана Заберезинского, Станислава Кишки, Станислава Кезгайло, Станислава Глебовича и Михаила Глинского, а также группировки Радзивиллов (в которую входил Луцкий епископ Альберт). Теперь уже в этом вопросе Александр поддерживал раду панов. Расходы на оказание помощи Литве, предъявленные поляками, были очевидно раздуты и ожидаемого эффекта не произвели. Когда в июне 1505 г. Александра постиг приступ паралича, а в августе того же года

скончалась королева-мать Елизавета, – в роли носителя династических вотчинных прав на Великое княжество Литовское стал всё увереннее выступать самый молодой из Ягеллонов – Сигизмунд. В начале 1506 г. на проходившем в Люблине сейме Александр и представители Литвы окончательно отвергли Мельницко-Петроковский договор.

Весной 1506 г. (7 апреля он уже был в Вильнюсе) Александр вернулся в Литву. Разочаровавшийся в польской короне (великая княгиня Елена так и осталась некоронованной королевой), парализованный монарх попал под еще большее влияние Михаила Глинского (Иван Глинский был назначен киевским воеводой, Василий Глинский – брестским старостой). Однако это не ослабило солидарность рады панов против притязаний Польши. Сигизмунд был условно признан преемником бездетного Александра (в декабре 1505 г. молдавские послы получили охранную грамоту от имени Александра и Сигизмунда). Здоровье великого князя, которого пытался лечить шарлатан Балинский, еще более ухудшилось в мае 1506 г. В июне, по возвращении старого врача Матфея Блонского, правитель испытал некоторое улучшение, однако было очевидно, что дни его сочтены. Понимая это, Александр решил созвать сейм в Лиде и передать власть Сигизмунду. Прибыв в этот замок, он 24–25 июля составил завещание, в котором передал всё свое наследие младшему брату. Завещание заверили канцлер Польши Ян Лаский, Альберт Табор, Иван Заберезинский, Михаил Глинский, Николай Радзивилл из Гонёндзи Младший.

Поездка Александра в Лиду совпала с начавшимся в мае месяце вторжением крымских татар. В начале третьей декады июля они (около 4000 воинов) встали лагерем близ Клецка; крымчанами командовали два ханских сына. Великого князя пришлось спешно на /514/ носилках доставлять в Вильнюс, а паны собрали свои силы в Лиде 29 июля. 30 июля они выступили, а 31-го достигли Новгородка. Пополнившееся за время похода литовское войско выросло до 7000 воинов. Им командовал гетман Станислав Кишка, а по его болезни – Михаил Глинский. Главной задачей литовцев было не дать татарам отступить. Ночью с 4-го на 5-е и 5-го августа было пройдено около 60 км. Литовцы с юга подошли к реке Лане, в двух местах переправились через нее и атаковали татарский лагерь. После разгрома главных сил противника были уничтожены его разрозненные отряды, пытавшиеся вернуться в лагерь. Отдельные группы, наводившие страх на округу, были выловлены до 8 августа. Пленников освободили.

Победа под Клецком была впечатляющей. Она показала, что с татарами можно сладить, и вселила уверенность в литовское воинство. Хотя она и не предотвратила дальнейших набегов, однако вынудила татар действовать осторожнее; масштаб нападений крымчан заметно уменьшился. Ничего в принципе не изменив, она была воспринята современниками как перелом, положивший конец военным неудачам Литвы. Умиравший Александр II 12 августа еще успел выслушать донесение Михаила Глинского о битве под Клецком. 19 августа великий князь умер (он единственный из Ягеллонов был похоронен в Вильнюсском кафедральном соборе). Узнав об агонии брата, Сигизмунд отбыл из Силезии (где управлял двумя княжествами от имени Владислава) и в день смерти монарха был уже в Мазовии. Рада панов и ее влиятельнейшая верхушка (Михаил Глинский, Иван Заберезинский, Радзивиллы, Альберт Гаштольд), признавая Сигизмунда, стремились подчеркнуть полную независимость страны от Польши. С одобрения других панов Глинский послал гонца к Сигизмунду, приглашая его прибыть в Вильнюс. Демонстрируя свою верность, фаворит покойного монарха встретил королевича с отрядом из 700 всадников. Ягеллон появился в Гродно, а 10 сентября уже был в Вильнюсе.

20 октября 1506 г. сейм избрал Сигизмунда великим князем Литовским. Увенчанный т. н. шапкой Гедимины, Сигизмунд II выпустил привилей, подтверждающий ранее обретенные дворянами права. Отдельной статьей гарантировался суверенитет Литовского государства (с обещанием ничем не унижать раду панов, если придется управлять еще и другой страной). На престол вззошел человек с немалым жизненным опытом (младший сын Казимира, рожденный в 1467 г., в истории получил прозвище Старого). Он хорошо разбирался в экономике, неплохо ориентировался в человеческих качествах, умел прибегать

к необходимым мерам, не оставлял государственных дел ради развлечений, а роскошь сочетал с гигиеной (каждую неделю купался и менял белье). Сигизмунд был /515/ избран великим князем, невзирая ни на какие договоры с Польшей, обязывавшие одну из сторон не выбирать монарха без уведомления другой стороны. Рада панов делала это, сознательно отменяя Мельницко-Петроковские акты. Политический и военный союз с Польшей перед лицом российской угрозы был весьма желателен, однако литовская знать понимала, что поляки сами не замедлят избрать Сигизмунда королем. Сравнивая нынешний случай 1506 г. с избранием Александра II, рада панов основывала свои действия на суверенитете самого государства, а не на возвышении отдельного монарха. Прибывшие в Польшу послы (Луцкий епископ Альберт Радзивилл, гетман Станислав Кишка, великий маршалок Иван Заберезинский) выказали благосклонный взгляд на равноправный союз обеих стран. Сигизмунд появился в Польше в сопровождении военной дружины, большую часть которой составляли литовцы. Поляки избрали Сигизмунда королем 8 декабря 1506 г. Они подчеркнули, что возобновление союза понимают именно как унию, и провозгласили, будто Сигизмунд одновременно избирается и великим князем Литовским. Итак, литовцы обошлись без участия поляков в выборах своего великого князя, а поляки – проигнорировали его избрание в Литве; в такой ситуации Сигизмунду Старому пришлось братья за решение сложной проблемы взаимоотношений обеих стран. Польская делегация, прибывшая в Литву на /516/ Мельницкий сейм (на рубеже 1506–1507 г.), во главе с канцлером Яном Ласским и вице-канцлером Матфеем Джевицким увязывала избрание Сигизмунд с унией и тем обнаруживала смысл польских притязаний. Однако Сигизмунд Старый сразу проявил умение обходить острые углы и, тем самым, удовлетворять обе стороны, – как когда-то его отец. Их энергию он направил в русло заключения военного союза, т. е. оценил важнейшие приоритеты, продиктованные эпохой. Мельницкий сейм принял решение о войне с Россией, ибо она была неизбежна. Василий III стремился к избранию на литовский престол (об этом хлопотала вдова Александра II Елена), что практически означало бы присоединение Литвы к России. Поскольку мирным путем достичь этого не удалось, следовало ожидать удара со стороны крепнущего Московского государства. Возобновленный союз России с Германской империей шел наперекор интересам всех Ягеллонов. Положение Литвы несколько улучшила перемена позиции Крымского ханства. Победа под Клецком показала, что период неудержимых татарских набегов окончен, а Менгли-Гирею не по душе попытки России присоединить Казанское ханство. Теперь крымчане без труда могли достигнуть земель, отнятых Россией у Великого княжества Литовского. Осенью 1506 г. Литва заключила военный союз с Крымом, принеся в жертву Шиг-Ахмата (он был заключен в Каунасе).

Как в Польше, так и в Литве Сигизмунд Старый унаследовал большие долги своего предшественника. Пришлось одалживаться и ему самому. Для расчета с обиженными наемниками Александра II, он взял 5000 золотых у краковского бурмистра Бонара, но и их не хватило. Летом 1507 г. литовский сейм возложил на себя серебщину. С этой поры в сейм стал избираться более широкий круг дворянства. Сигизмунд II сразу сумел привлечь к государственному управлению (и платить за это) дворянскую элиту, уже достаточно созревшую для такой работы. Одобряя, по примеру брата, церковную унию, Сигизмунд вместе с тем искал способы поощрения православных к лояльности. Вскоре он отменил запрет на строительство новых церквей. Должности в русинских землях неукоснительно замещались местными людьми. Бежавший из России /517/ в 1507 г. князь Константин Острогский вновь получил должность гетмана и был назначен луцким старостой, а также вольным маршалком. Литовское государство Константин называл своей родиной.

Самой проблемной для Сигизмунда II была фигура Михаила Глинского. Бывший фаворит уже не мог рассчитывать на исключительное положение среди других вельмож. Подчеркивая свою верность, он стремился сохранить для себя и своих сторонников обретенные должности, земли и достигнутое влияние. Группировка Иоанна Заберезинского стремилась к реваншу, совершенно вытесняя Михаила Глинского и даже обвиняя его в отравлении Александра II. Нейтрально держался Альберт Гаштольд, но обособленная

позиция молодого магната мало что решала. При всей остроте конфликта Сигизмунд II пытался лавировать между группировками. Дабы не раздражать Глинского, он игнорировал выдвигаемые против Заберезинских обвинения, однако не мог полагаться и на бывшего фаворита. Михаил Глинский не был утвержден в уже исполняемой им должности дворного маршалка.

При таких обстоятельствах Василий III весной 1507 г. начал упреждающие военные действия. Основные силы русских атаковали Смоленск; северное крыло нанесло удар по Полоцку, дальний поход на Минск затронул тыл литовской обороны. Поскольку Сигизмунд II был занят проблемами Литвы и Польши и еще не успел всерьез втянуться в стратегическую деятельность, литовское войско собиралось вяло, да и Польша мало чем способствовала мобилизации. Тем не менее удалось довольно быстро организовать оборону. Не дожидаясь, пока будет собран полный воинский контингент, литовские силы выступили по всем атакованным направлениям. Обороной Полоцка руководил Станислав Кишка, Минска – Станислав Глебович. Сигизмунд не ошибся, доверив ответственный участок в Смоленске Альберту Гаштольду, за два года перед тем отличившемуся при Новгороде. В феврале-сентябре 1507 г. рада панов под личным руководством великого князя приняла установления, определяющие права гетмана во время похода и наказания за скверно исполняемую военную службу, – начав тем самым юридическое оформление и усиление призывной войсковой организации. Приостановив первое нападение русских, летом 1507 г. призывники были распущены. Русские, воспользовавшись этим, атаковали Мстиславль и Кричев. Вновь удалось, хоть и не полностью, быстро собрать войско. Русские не осмелились вступить в открытый бой и отступили. Тем временем крымские татары разорили русские земли на верхнем Дону. Литва отразила нападение России.

Уже это столкновение показало, на что способна военная орга- /518/ низация Литвы, когда у нее имеется хороший координатор. Именно таковым и проявил себя новый великий князь. Однако военная кампания также продемонстрировала, что Россия, чувствуя свою силу, не придерживается никаких сроков перемирия и навязывает Литве растущее напряжение. Несильную православную оппозицию еще более ослабили утрата приграничных княжеств и отбытие активнейших оппозиционеров в Россию. И все же реальное недовольство и политическая напряженность побудили Михаила Глинского, уже лишившегося особого положения, пуститься на крайний риск. Литовский Алкивиад решился узурпировать великокняжескую власть. Наибольшие надежды он возлагал на фактор внезапности.

По отражении летнего нападения русских, осенью 1507 г. призывное войско было вновь распущено. Сигизмунд Старый, обретя передышку в Литве, занялся польскими делами. Михаил Глинский собрал своих сторонников и восстал. Его основные силы укрепились в окрестностях Минска (сам Минск защитили от Глинского 300 воинов). Брат Михаила Глинского Андрей ударил в направлении Слуцка (Слуцкая княгиня Анастасия также сумела оборониться), другие отряды мятежников достигли Клецка и Слонима. Совершив в начале 1508 г. рейд в окрестности Гродно, Глинский схватил и убил Ивана Заберезинского. К Вильнюсу мятежники подошли на расстояние 60–70 км, к Новгородку – на 30–40 км. Некоторые из собравшихся в Лиде членов рады панов отступили в Новгородок, иные разбежались. В Вильнюсе укрепился Альберт Гаштольд. Он успел собрать около 2000 воинов и укрыть в бернардинском монастыре государственную казну. Гаштольда, не особенно дружившего с Радзивиллами, Глинский надеялся склонить на свою сторону, однако его письма Гаштольд переправлял великому князю.

Сравнительный успех мятежу обеспечила внезапность. Опытный военачальник и влиятельный политик, Михаил Глинский сумел ее добиться. Хотя поначалу главенствовали чисто личные мотивы, литовская знать безошибочно определила, что мятеж направлен в первую очередь против нее. Поэтому сразу выяснилось, что в успехе бунта была заинтересована лишь русинская клиентура Михаила Глинского. Глинский не замедлил понять это и, оставаясь католиком, немедленно обратился к православной вере как к

главному лейтмотиву своих действий. Провозглашая защиту гонимого православия, Глинский рассчитывал поднять всю православную часть Литовского государства, однако ситуация тридцатых годов XV в. не повторилась. Происходящее формирование сословных структур и обусловленная этим интеграция зашли уже достаточно далеко. Приоритеты православия привлекли незначительную часть русинской элиты, присоединившейся к Глинскому. После совершения подобного конфессионального трюка Глинскому ничего не оставалось как наладить связи с великим князем Московским. Он еще надеялся остаться самостоятельной политической фигурой, но Василий III даже не думал признавать за ним такую роль и воспользовался Глинским лишь как своим агентом. Инерция внезапности мятежа все еще действовала. Василий Глинский из Киева атаковал Житомир и Овруч. Сам Михаил Глинский захватил Туров, который стал главной базой его действий. При помощи своих сторонников он взял Мозырский замок, хорошо обеспеченный артиллерией. К мятежникам примкнули некоторые друцкие князья (с Друцким замком), Мстиславский князь Михаил; им удалось занять Оршу, Кричев, Гомель. Слуцкая княгиня Анастасия отразила и второе нападение мятежников.

Хорошо подготовленная внезапная операция, проведенная способным полководцем, позволила ему завладеть довольно обширной территорией. Михаил Глинский объявил о 12000 верных ему воинов, однако он хорошо сознавал, что ряды мятежников начинают редеть и что их ждет расправа со стороны государственной администрации, уже начавшей приходить в себя. Глинский пытался склонить к переговорам Сигизмунда II и просил о встрече с ним, великий князь послал в Туров мечника Ивана Костевича, который обещал Глинскому безопасность. Последний не поверил этому и попросил поручительства Альберта Гаштольда. Сигизмунд II больше в переговоры не вступал. Глинскому пришлось теперь открыто призывать на помощь Россию. Василий III отправил на помощь мятежникам Евстафия Дашкевича с 20-тысячным войском. Свои богатства Глинский отослал в Россию, а вскоре и сам отправился им вслед. Его принял Василий III, и Глинский официально признал власть великого князя Московского. Василий III объявил о походе в защиту гонимых православных.

Мятеж Михаила Глинского начался, когда Великое княжество Литовское уже завоевало прочное место в политической системе Ягеллонов. В договоре, заключенном в Буде 31 мая 1507 г., Литва участвовала как равноправный партнер. В договоре был предусмотрен военный союз Венгрии, Польши и Литвы против любого врага, а прежде всего – против схизматиков (т. е. России). Сигизмунд Старый в данном случае с очевидностью ставил интересы династии выше польских интересов. Обустроившись в Польше, Сигизмунд все внимание уделил войне Литвы с Россией. Весной 1508 г. в поддержку литовцам выступило 5-6-тысячное соединение польской тяжелой наемной кавалерии под началом люблинского воеводы Николая Фирлея. Сразу за ним следовал сам монарх в сопровождении дружины из 600 польских придворных. Через Брест и Слоним они добрались до Новгородка, куда начало быстро стекаться призывное войско из литовских и русинских земель. К великому князю поспешил Альберт Гаштольд, отличившийся в обороне Вильнюса от мятежников. Главное командование Сигизмунд II поручил гетману Константину Острогскому. 5 июня 1508 г. рада панов приняла новый устав военной службы.

Появление монарха, его последовательные и разумные действия помогли сплотиться общественным силам даже быстрее, чем ожидалось. Появились перебежчики из лагеря Глинского. Практически мятежники уже ни на что не влияли, военные действия приобрели характер войны между Литвой и Россией. К моменту прибытия Сигизмунда II против Литвы действовало 60-тысячное русское войско под командой Якова Захарыча и Даниила Щени, хорошо известных литовцам по недавней войне. Главные силы русских и Михаила Глинского стремились овладеть Минском. Сюда и направилось литовское войско, усиленное поляками. Отдельными частями командовали Станислав Кишка, Николай Фирлей и Альберт Гаштольд. Русские и Глинский, не решаясь на сопротивление, стали отступать. Подразделение Гаштольда вскоре достигло пограничных российских областей. Великий

князь не вмешивался в действия главнокомандующего Константина Острогского. Он понимал, что не обладает полководческим талантом, и не мешал полководцам. Однако, находясь в зоне военных действий, он наблюдал за воинами и воодушевлял их, повышал ответственность командиров и, главное, основательно и толково занимался обеспечением войска. Вскоре литовцы подошли к русской оперативной базе в районе Орши (гарнизон Оршанского замка сам отбил все атаки противника). В первой половине июля Сигизмунд II расположил лагерь литовского войска уже близ Днепра. 18 июля литовцы атаковали расположенный под Оршей русский военный лагерь. Битва не состоялась, ибо Василий III приказал своим командирам избегать прямых столкновений. Русские начали отходить еще ночью, и вскоре нападение превратилось в преследование. С разницей в четыре дня Константин Острогский взял ре- /521/ ванш у Даниила Щени за поражение восьмилетней давности. Русские напоследок сожгли принадлежащий Альберту Гаштольду Дорогобуж и покинули территорию Великого княжества Литовского.

Хорошо технически обеспеченное литовское войско (за время кампании было проложено 340 мостов через реки и болота) из Орши двинулось к Смоленску. Сигизмунд II расположился здесь и послал объединенное литовско-польское подразделение под командой Станислава Кишки разорять русские земли близ Вязьмы. Когда вокруг стали накапливаться русские силы, Кишка скомандовал отступление. Посланный на подмогу Фирлей разминулся с Кишкой, как раз менявшим позицию. Литовцы и поляки начали обвинять друг друга, однако атаку русского авангарда удалось отразить, и оба отряда благополучно возвратились. Самые печальные последствия имела распря между Младшим Николаем Радзивиллом из Гонёндзи и Альбертом Гаштольдом, позднее сказавшаяся на деятельности рады панов. В смоленский лагерь прибыл Евстафий Дашкевич, ранее с 200 воинов бежавший из России. Приютивший его Константин Острогский просил о прощении старого предательства. Сигизмунд II согласился на это и не просчитался, приобретя великолепного защитника государственной границы.

В начале осени великий князь удовлетворился разорением Вяземской земли, и войско отступило от Смоленска вглубь страны. Это было сделано очень вовремя, ибо крымские татары, воспользовавшись войной Литвы и России, вторглись в Великое княжество. Им удалось разорить Волынь и Подолье; осмелев, они дошли до Слуцка. Здесь и настиг их главные силы Константин Острогский с 8000 всадников. Полоз подверг разгрому отдельную татарскую часть. Лука Морав с отрядом из 200 поляков, вооруженных пищалями, попал в засаду, но, хорошо закрепившись в лагере, отбил атаковавших татар (они потеряли почти 500 воинов). Охваченных паникой и бросивших добычу крымчан добил слуцкий князь, напавший на них из своего замка.

События под Оршей с очевидностью показали превосходство литовского войска, а весь ход войны – бесперспективность мятежа Михаила Глинского. Иван Сапега, посланный в Москву в сопровождении знатока географии и греческого языка сицилийца Иоанна (Джованни) Сильвио Амато, без труда договорился о мире. Мирный договор был подписан 8 октября 1508 г. В соответствии с ним признавались границы, существовавшие на 1503 г. Тем самым Литва отказывалась от территорий, утраченных Александром II, но и программе «всего Руси», выдвинутой Иоанном III, был нанесен удар. Самым главным было то, что события 1507–1508 г. продемонстрировали ориентацию русинского дворянства на сословные структуры Литовского государства и константинопольскую, а не /522/ московскую юрисдикцию Киевской митрополии. Это было решающим испытанием сословной интеграции Литовского государства в масштабе всей его территории, которое оно успешно выдержало. Великое княжество Литовское явило свою жизнеспособность перед лицом начавшегося российского давления и связанных с ним крымско-татарских и польских посягательств.

Великий князь разумно и с блеском использовал объективные предпосылки, предоставленные сословной интеграцией Литовского государства. Сигизмунд Старый проявил себя как правитель, способный направить литовский и польский оборонительный

потенциал во благо обеим странам. Польская помощь была эффективно использована. При таких обстоятельствах споры об унии естественно отодвигались на периферию отношений Литвы и Польши. В феврале 1509 г. маршалок и секретарь Иван Сапега по прибытии в Краков поблагодарил поляков за помощь. Ничего похожего на растерянность Александра II и заискивание перед Польшей, ценой которого был якобы обеспечен суверенитет Литвы, уже не было. Литва – уже в условиях российского давления – восстановила свои позиции, завоеванные еще в правление Казимира I.

Литовское войско в 1508 г. не понесло больших потерь, однако военные действия, вызванные мятежом, опустошили обширные пространства русинских земель. Дворянские хозяйства были уже не в состоянии перенести новый всеобщий воинский призыв. Надо было еще содержать 5000 польских наемников, ибо для комплектования приграничных замковых гарнизонов не хватало местных дворян, кроме того, призывники были неспособны служить долгое время. На содержание наемников не хватило даже серебрины, собранной в 1507 г. Положение усугубляли выплаты Крымскому хану. В 1508 г. пришлось дополнительно израсходовать около 4000 коп грошей. В конце 1508 – в начале 1509 г. проходивший в Вильнюсе сейм согласился на совместные с поляками выплаты Крымскому хану – по 5–6 тыс. ежегодно. Самым острым вопросом в повестке сейма было отношение к мятежникам. Тут рада панов не сумела осознать государственные приоритеты, и сейм стал аренной межгрупповых распрей. Поскольку верх взяли Радзивиллы, наказание изменников превратилось в расправу над их противниками. Победителей еще распалили оговоры бывших сторонников Михаила Глинского (Федора Коллонтая, князя Лукомского, казначея Глинских Ульриха), стремившихся самооправдаться. Были схвачены Мартын и Федор Хрептовичи, князь Полубенский, Альберт Гаштольд, Александр, представитель семьи Ходкевичей, преданной Ягеллонам. Кроме того, сейм принял несколько новых законов (установлений), кое-что изменил в условиях прохождения военной службы. /523/

С тех пор, как сеймы (начиная с 1507 г.) теоретически обрели вид вседворянского представительства, рада панов и великий князь могли поддерживать непосредственные связи с дворянской верхушкой. Подобное первоначальное вовлечение широких слоев дворянства в политическую деятельность еще не позволяло ему почувствовать свои организационные возможности. Между тем, олигархическая верхушка умела воспользоваться сеймом как рычагом своего влияния, и это упрочивало ее власть. При том, что великий князь еще обладал значительными прерогативами, произошло уравнивание власти, заставившее все политические силы искать согласия. Сеймы первых лет правления Сигизмунда II были ярким примером успешного решения наиболее злободневных проблем. Сигизмунд II в 1512 г. установил квоту представительства – 2 дворянина от повета.

Страна после войны 1507–1508 г. быстро восстановилась. Сигизмунд II умело лавировал, избегая нажима польских и литовских магнатских группировок, и не позволил ни одной из них достичь перевеса. В 1511 г. были освобождены вельможи, оговоренные в связи с мятежом Михаила Глинского. Становилась все более интенсивной законодательная деятельность рады панов (в 1509 г. были приняты установления о вдовьей доле, о конфискации имущества изменников, об оплате судей). С Польшей велись переговоры об уточнении границ, во избежание споров между жителями приграничья обеих стран. Сигизмунд II утвердил привилегии Киевской (в 1507 г.), Волынской (1509 г.) и Полоцкой (1511 г.) землям. В 1511 г. были подтверждены правовые и имущественные гарантии православной Церкви. Расширение правовой защищенности стало непрерывным процессом. Литве не удалось восстановить добрые отношения с Ливонией – в 1508–1509 г. переговоры о границах с ней не привели к чему.

То, что Литва устояла против очередного нападения России, – изменило отношение к ней со стороны Польши. Поляки не отказались от унионистских претензий (они особенно проявились на Петроковском сейме 1510 г.), но выражать их прямо становилось намного труднее. Речь теперь велась о более реальном направлении: о военном союзе и взаимопомощи. В сентябре 1509 г. на лидском сейме посол Польши Станислав Тарло

попросил о подмоге в борьбе против Молдавии. Рада панов обошлась посылкой добровольцев (всего около 800 всадников). Литва по-прежнему предлагала согласовать вопросы об обороне против крымских татар и выплате им отступных (*atmenos*). Осторожную позицию Литвы предопределял и поход Василия III на формально суверенную Псковскую республику в конце 1509 г., окончившийся ее присоединением к Российскому государству (1510 г.). /524/

Несоответствий в жизни страны хватало с излишком. Вильнюсский сейм в декабре 1509 г. был сорван, ибо по смерти канцлера Николая Радзивилла из Гонёнды Старшего начались свары о преемственности его поста. В августе 1510 г. крымские татары без сопротивления дошли до окрестностей Вильнюса. В ответ на это сеймы Литвы и Польши в 1511 г. приняли меры к организации наемных гарнизонов на южном пограничье. В 1511 г. пришлось собирать призывное войско в Петриковичах. Слух о литовских приготовлениях остановил крымских татар. Согласовать действия удалось и на сеймах Литвы и Польши в 1512 г. Это принесло очевидные плоды: 28 апреля 1512 г. литовцы и поляки наголову разбили крымчан под Вишневецом. С Крымом был заключен мирный договор, однако пришлось согласиться на ежегодные выплаты (совместно с Польшей) 15000 золотых. Завязавшееся успешное взаимодействие с Польшей расширялось. В июле 1512 г. польский представитель Ян Свирчевский привез положительный ответ о военном союзе. Поляки хотя бы на время отложили требование об унии. Литва почувствовала себя более уверенно.

д. Десятилетняя война

Мирный договор 1508 г. не удовлетворил ни Россию, ни Литву. Василий III полагал свою неудавшуюся интервенцию случайностью. Рада панов Литвы, невзирая на проигранные войны 1492–1494 и 1500–1503 г., все еще жила великодержавными иллюзиями и в возобновляемые привилеи стране вписала статью из Казимирова привилея 1447 г. об обязанности великого князя возвратить утраченные земли.

Будский договор 1507 г. не был выполнен. Уже 12 ноября того же года Владислав договорился с императором Максимилианом о браке своего сына Людовика и внучки Германского монарха. Слабым местом Польши был ее сюзеренитет над Тевтонским орденом. Чувствуя поддержку Максимилиана, Орден всячески старался не признавать себя вассалом Польши. На познаньском съезде 1510 г. представители императора недвусмысленно поддержали крестоносцев. Сигизмунд Старый принял контрмеры, начав с 1510 г. сближаться с национальной венгерской оппозицией. Тут положение Польши усиливал мирный договор с Турцией, заключенный в 1509 г. В 1512 г. Си- /525/ гизмунд Старый женился на сестре лидера венгерской национальной оппозиции Яноша Заполя – Варваре. Максимилиан ответил на это новым сближением с Россией. Перед Василием III открылась возможность воспользоваться напряженными отношениями Ягеллонов с Габсбургами. Российского государя, располагавшего деспотической и все более крепнущей властью, бесило тяготение русской знати к Литве, управляемой панами (в 1512 г. в Литву бежали рязанский князь Иван, пронский князь Глеб, бояре Ляцкие и Плещеевы). Литве удалось в 1512 г. заключить, а в 1513 г. окончательно подтвердить военный союз с Крымом, направленный против России.

14 ноября 1512 г. российское войско пересекло границу Литвы. Одним из поводов для начала войны была изоляция великой княгини Елены с тем, чтобы Василий III не мог использовать ее в своих целях (поступили с ней очень жестоко; вдовствующая великая княгиня умерла в начале 1513 г., возникли подозрения, что ее отравили). Русские стремились захватить ставший пограничным Смоленск и далее наступать в направлении Киева. Активно действовал Михаил Глинский, попытавшийся вновь поднять на борьбу православных. Отдельные российские части угрожали Полоцку и Витебску. И на сей раз Литву застали врасплох. Призывники, до поздней осени оборонявшие от татар южные рубежи, были обессилены. Военным делам был посвящен сейм, созванный в середине 1512 г. Он собрался

не в полном составе (дворяне исполняли воинскую службу), но кое-что удалось обсудить. В декабре Сигизмунд II прислал из Польши указание – изменить норму снаряжения с 10 служб на 10 дымов. Особые постановления не принимались, но страна так или иначе была мобилизована. Города должны были снарядить воинов или откупиться платежами. Хотя русские осадили Смоленск, там были готовы к обороне, и в начале 1513 г. осада была снята. Литовские войсковые части выбили русских с территории государства. Однако вскоре начало ощущаться превосходство российского военного потенциала. В июне 1513 г. русские вновь осадили Смоленск. 27 июня Сигизмунд II уже был в Мельнике. Чуть задержавшись, он 11 августа прибыл в Вильнюс. После долгих обсуждений были изысканы средства на привлечение 7000 польских наемников. Призывное войско одержало верх в нескольких столкновениях с русскими (их действовало около 100 000) и отбросило противника от Смоленска, Витебска и Полоцка. Во второй половине 1513 г. Василий III начал переговоры о мире, однако в конце того же года он вновь сговорился с Максимилианом, стремившимся воспользоваться вновь вспыхнувшей литовско-русской войной. Победы литовского войска на поле боя не привели к перелому, и продолжение войны делалось всё более угрожающим.

Прозорливый Сигизмунд II, еще в ходе обсуждений с радой /526/ панов на рубеже лета и осени 1513 г., наметил созыв сейма в начале 1514 г., поскольку казна опустела. Видя ухудшившееся положение Литвы, поляки попытались вновь увязать оказание помощи с унией. Подобное предложение они прислали в конце 1512 г., однако Сигизмунд Старый их не поддержал. В ответе рады панов Литвы речь велась лишь о военном союзе. Тем временем Тевтонский орден при поддержке императора и России стал оказывать активное сопротивление Польше. В предполагаемую антигеллонскую коалицию должны были войти Дания, Ливония, Молдавия, курфюрсты Бранденбурга и Саксонии. Эти замыслы рухнули, однако специалисты, посланные Максимилианом в Москву, помогли усилить и без того неплохую российскую артиллерию. При участии Сигизмунда II в начале февраля 1514 г. собрался сейм Литвы. Явно ощущалось утомление. Хотя дворяне и согласились вносить налоги от своих крестьян (а это позволяло привлекать польских наемников), всё это было вытребовано лишь при помощи ссылок на неизбежный постыдный мир. Специальное постановление сейма грозило смертной казнью и конфискацией поместий для тех, кто уклонится от участия в военной службе. Правда, неудовольствие дворян выражалось не только бытовыми требованиями, но проявлениями социальной и даже политической сознательности: было заявлено требование, чтобы польские должностные лица при нахождении общего монарха в Литве не исполняли своих обязанностей и чтобы великий князь оставался в ней до самого окончания войны. Уже в апреле 1514 г. Сигизмунд Старый отослал в Польшу письма относительно вербовки наемников, назначив их командующим опытного воина Яна Свирчевского. Однако в отсутствие короля кампания по вербовке проходила вяло. В Литве запаздывали с мобилизацией призывников для летней кампании 1514 г. Срок их сбора – 24 июня в Минске – не был соблюден. Отряд польских наемников, остановившийся в Бресте, еще не достиг Минска. А тем временем русские уже в третий раз осадили Смоленск. Мощная русская артиллерия рушила стены Смоленска, не позволяя их восстанавливать, а агентура Михаила Глинского действовала изнутри. Смоленский наместник Георгий Сологуб не мог совладать с объятими паникой людьми, которых подстегивал епископ Варсонофий, напуганный агитацией сторонников Глинского. 30 июля Смоленск пал. Когда русские достигли Мстиславля, на их сторону перешел князь Михаил Заславский. /527/

Целое столетие владевшая крупным восточнославянским центром, Литва на столетие его утратила. Этот последний век определил принадлежность Смоленска русскому, а не русинскому (белорусскому) народу. Захватив эту важную твердыню, русское войско двинулось во внутренние области Великого княжества Литовского. Это поражение произвело угнетающее впечатление. Правда, уже начал действовать механизм, отлаженный Сигизмундом II. Воевавших за литовские деньги польских наемников пополнили люди, завербованные на деньги Польской короны, и польские рыцари-добровольцы (сильнейшими

из которых были королевские придворные под началом Войцеха Самполинского). Устроив им и литовскому войску смотр в Борисове, Сигизмунд II там и остался, а соединенные силы под командованием Константина Острогского двинулись на восток. Основной театр военных действий энергично прикрывал Альберт Гаштольд, назначенный полоцким воеводой на стыке 1513–1514 г. Он вторгся в Россию на севере, сжег крепость Великие Луки и разбил русский отряд, ведомый Петром Елецким. Демонстрация взятых полоцким воеводой пленных пригодилась Константину Острогскому. В это время основные русские силы /528/ под командованием Ивана Челяднина (источники называют 80 000 воинов) подошли к Орше. Соединенное литовско-польское войско не превышало 30 000. Битва произошла 8 сентября 1514 г., когда Константин Острогский стремительно форсировал Днепр (был быстро наведен временный мост для переправки артиллерии). Атакующее крыло русских попало под сильный пушечный огонь, после которого состоялся комбинированный удар литовской и польской кавалерии. Русские не сдержали атаку, и второй Оршанский бой закончился безжалостным преследованием их бежавшего войска. Погибло более десяти тысяч русских, Иван Челяднин и многие бояре попали в плен. 5000 рядовых пленников были распределены по имениям великого князя (инвентари упоминают это рабочую силу наряду с несвободной челядью). Некоторые из них были отосланы ко дворам европейских монархов – продемонстрировать победу литовского оружия и московитскую экзотику.

Победа под Оршей изменила ход войны. Ее моральное воздействие было огромно. Прочно утвердилось общее мнение, что в открытом бою русские не способны противостоять литовцам. Понесенные потери не позволили России продолжить начатое. В Литву вернулся князь Михаил Заславский (за него поручился Константин Острогский). Епископ Варсонофий и смоляне, испытав на себе власть московитян, воспользовались удобным моментом и попытались призвать литовское войско, но бдительные русские чины тотчас расправились со своими новыми подданными. Бежать в Литву пытался даже Михаил Глинский. Не получилось и у него, пришлось откупаться переходом в православную веру.

Без помех со стороны бегущего противника литовское войско осадило Смоленск. Однако прав был императорский посланник Сигизмунд Герберштейн, указавший, что ни русские, ни литовцы не умеют брать замки. Осада затянулась, а близкая зима вынудила ее вовсе прекратить. Призывное войско разбрелось. Оставшиеся в замках польские гарнизоны еще разоряли приграничные российские земли, но это были лишь эпизоды. Победа под Оршей осталась не использована, Смоленск был утрачен. События 1514 г. тем не менее показали, что Сигизмунд II, амнистировав Евстафия Дашкевича, не просчитался. Назначенный черкасским старостой, этот умудренный воин еще в том же 1514 г. при содействии крымских татар разорил пограничные земли на юге России.

После Оршанской битвы военные действия на некоторое время /529/ утихли. Литовская казна была пуста, а Россия еще не пришла в себя после поражения. Не оплаченные польские наемники разорили восточные области Великого княжества Литовского. Победа под Оршей была использована дипломатией: Сигизмунду Старому удалось улучшить отношения с Габсбургами. В июле 1515 г. оба Ягеллона в сопровождении своих государственных делегаций встретились в Вене с императором Максимилианом. Николай Радзивилл из Гонёндзи привез оркестр в составе 100 исполнителей, произведя немалое впечатление. Достигнуто было не очень много, однако удалось избежать серьезных испытаний. Владислав и Сигизмунд согласились, чтобы Габсбурги получили возможность путем династического брака взойти на престолы Чехии и Венгрии. Максимилиан в свою очередь обещал не поддерживать Тевтонский орден и Россию. Венский конгресс еще более ослабил позиции династии Ягеллонов в странах, управляемых Владиславом, и, хотя временно приостановил помощь императора врагам Литвы и Польши, по сути оставил его руки развязанными. И все-таки в этой ситуации Литва смогла на своих плечах вынести всю тяжесть войны с могучей Россией. Это в письмах монархам других стран признал и Сигизмунд Старый. В 1515 г. деятельный Евстафий Дашкевич заодно с крымскими татарами опустошил Новгород-Северскую область, ослабив этим фланговым ударом центральный

фронт русских.

Литве дорого стоили профессиональные польские наемники (за один квартал пехотинец получал 10 польских золотых, равных литовским 5 копам и 25 грошам; средний дворянский конь стоил около 2 коп). Однако это была незаменимая ударная сила. Разорительные траты и разнузданность не оплаченных польских наемников возмутили русинских дворян и литовских панов. На рубеже 1515–1516 г. на брестском сейме было бурно выражено недовольство расходом денег на чужеземных наемников. Полякам вновь не заплатили, и великому князю не осталось ничего иного как заложить панам некоторые свои поместья. Недовольное поляками дворянство рассчитывало обойтись без дорогостоящих военных профессионалов. Сигизмунд II должен был с этим мириться, тем более, что после Венского конгресса он надеялся разрушить союз императора и России. Кроме всего прочего, со своих поместий великий князь взыскал серебщину. Он воспользовался антипольскими настроениями для того, чтобы добиться у дворян согласия на комплектование замковых гарнизонов призывниками. После провала мятежа Михаила Глинского и демонстрации верности Литовскому государству со стороны русинской элиты, Сигизмунд II стремился обратить эти настроения в пользу еще более тесной интеграции. После того как был отменен запрет на строительство право- /530/ славных храмов, даже Василий III прекратил разглагольствования о преследовании единоверцев. Кропотливым будничным трудом бернардинцы распространяли идею унии. Сближение облегчалось тем, что они не требовали от православных нового крещения. Бернардинцам помог папа Лев X, в 1515 г. позволивший совершать литургию на славянском языке. Не были забыты желания дворян Подляшья: в 1516 г. в Дрогичинской земле были подтверждены их прежние привилегии. Ход событий позволил в мае 1516 г. созвать в Вильнюсе сейм, который согласился и дальше нести военные тяготы. Удалось даже провести постановление о сборе серебщины, а это вновь позволило привлекать польских наемников. Сейм также принял в связи с этим постановление о реквизиционных ценах на продовольствие. Эти меры были необходимы, ибо императорские послы привезли из Москвы неприемлемые условия мира, а великий магистр Тевтонского ордена подстрекал Ливонский орден к нападению на Жямайтию. В 1516 г. произошли пограничные столкновения из-за деревни Катичяй. Деревня досталась крестоносцам, поскольку Сигизмунд II не желал обострять ситуацию. Тевтонский орден выдвинул условия – за окончательное признание принадлежности королевской Пруссии Польше необходимо расплатиться Жямайтией или даже всей этнической Литвой. Предварительно согласованный еще в 1515 г. договор Тевтонского ордена с Россией был окончательно заключен 10 марта 1517 г.

Все-таки ситуация не была такой, как в 1500–1503 г., хотя война уже становилась столь же долгой. Наметилось определенное силовое равновесие. Сигизмунду II удалось не только накопить силы и средства, но и должным образом наладить военное и политическое сотрудничество обоих управляемых им государств. Мелких несообразностей, конечно, хватало. Польский сейм, недовольный расходами на поддержку Литвы, постановил не применять реального курса к литовским грошам (их приравнивали к польским грошам, сделав на четверть более дешевыми). Это затруднило расчеты с польскими наемниками. Сигизмунд Старый тем не менее сумел в начале 1517 г. урегулировать этот вопрос. Ян Свирчевский успешно собрал многочисленный воинский контингент не только из поляков, но также из чехов, моравов, венгров, немцев, мазовшан и валахов. Стремясь сделать Польшу осью антитурецкой коалиции, Сигизмунд Старый старался представить Литву как бастион католической Европы. В 1516 г. он, Вильнюсский епископ Альберт Радзивилл и францисканцы-конвентуалы отправили папе прошение канонизировать Казимира, покойного брата великого князя. Действовать следовало энергично, ибо в 1516 г. начала складываться коалиция России, Турции и Молдавии, от которой ожи- /531/ дал поддержки Тевтонский орден. Тут помог рейд неутомимого Евстафия Дашкевича на Четатя-Албэ. В начале 1516 г. умер Владислав Ягеллон, и с очевидностью обострилась проблема престолонаследия в Чехии и Венгрии. Жертвуя интересами династии, Сигизмунд Старый согласился с двойным – своим

и Максимилиана – регентством над малолетним сыном Владислава – Людовиком (Лайошем). В ответ на это национальный лагерь Яноша Заполя вскоре взял Людовика под свою опеку, а это еще более ослабило позиции Ягеллонов. Остро реагировать Сигизмунд не мог во избежание международной изоляции. К счастью, несколько уменьшилась угроза южным границам. После смерти Менгли-Гирея в 1515 г. его сын Мухаммед-Гирей не получил прочной власти. Хотя он держался союза с Литвой, отдельные влиятельные крымчане не обращали на это внимания.

Сложившееся к 1517 г. положение позволяло перехватить инициативу в конфликте с Россией. Располагая наемниками Яна Свирчевского, Константин Острогский направил главный удар не на разоренный восток, а на север. Был осажден замок Опочка. Войска обладали хорошей артиллерией, у пехоты было немало огнестрельного оружия. Однако ее пестрый состав и беспечность Яна Свирчевского не дали воспользоваться этими преимуществами. Русские умело соорудили вокруг деревянных стен глиняные насыпи, смягчавшие удары пушечных ядер. Гарнизонные командиры предпринимали дерзкие вылазки, наносившие значительный урон лагерю осаждавших. Погиб опытный командир чешских наемников Сокол, части Яна Свирчевского потеряли более 60 человек убитыми и более 1000 – ранеными. Константин Острогский был вынужден снять осаду. Переговоры с русскими происходили весь 1517 и часть 1518 г. Между тем, все более активизировался Тевтонский орден, получивший субсидию от России. В Крыму взяли верх сторонники Москвы (уже в 1516 г. татары разорили Подолье), и Сигизмунду Старому пришлось отказаться от поддержки кандидатуры Людовика Ягеллона на место преемника Максимилиана и согласиться с перспективой воцарения Максимилианова внука, испанского короля Карла I, тем более что требование Тевтонского ордена о Жямайтии и Литве было повторено Германским императором. Хотя Сигизмунд Герберштейн, в 1517 г. остановившийся в Вильнюсе проездом в Москву, даже не намекнул об этом Сигизмунду Старому, упомянутый проект уже достиг ушей папы и в 1518 г. обсуждался курией. Проект, вне сомнений, был нереален, в его основе лежали одни лишь польские великодержавные притязания, давно не отвечавшие уровню политической зрелости и международного веса Литвы, с которым был обязан считаться любой монарх. Тем более в этом был заинтересован Сигизмунд Старый. /532/

После провала Опочкинской операции военную инициативу перехватила Россия. В 1518 г. 150 000-ное русское войско под командованием Ивана Буйносова, кашинского князя Александра и Василия Овчины осадило Полоцк. Воевода Альберт Гаштольд успел стянуть небольшой отряд, состоявший из опытных воинов (около 2000 человек, в числе которых польские наемники под началом Ивана Боратынского). Литовцы ночью переправились через Западную Двину (Даугаву), подожгли копны сена, чем ввели русских в заблуждение, и внезапным ударом заняли лагерь противника. Потерявшие 5000 человек и объятые паникой, русские отступили. Вызволению Полоцка победители посвятили королевичу Казимиру – воины твердили, что место переправы через Даугаву им указал чудесный всадник (этот мотив утвердился в агиографии Казимира, а впоследствии вызвал к жизни не одно художественное произведение). В 1518 г. Альберту Гаштольду удалось в Черкассах договориться с Бахадур-Султаном, сыном Крымского хана, и отвести татарскую угрозу, направив ее против России.

Отражением русского нападения удалось сохранить равновесие, однако было ясно, что страна истощена. Казна опустела, польские наемники, вновь не оплаченные, грозили покинуть фронт. Великий князь продолжал закладывать свои имения. 11 ноября 1518 г. сейм, созванный в Бресте (он продолжался до 3 января 1519 г.), ввел подушную подать. 12 января 1519 г. умер Максимилиан. Сигизмунд Старый должен был позволить Карлу Испанскому стать новым Германским императором (Карлом V). Ягеллоны были уже не в силах соперничать с Габсбургами на равных; политическая изоляция Польши и Литвы усиливалась. Выяснилось, что папа Лев X в том же 1519 г. был более склонен договариваться о Церковной унии с Российским государем, чем рассчитывать на решающий перевес

форпостов католицизма – Польши и Литвы. В письме Василию III он указывал, что после смерти бездетного Сигизмунда Старого эти страны, впад в династический кризис, не будут серьезным противником для России. Приблизительно такие же прогнозы высказывал в Москве посол Германского императора Д. Шёнберг, заявивший, что Литву разгромит само время. Набирающие высоту Габсбурги все более воспринимали свою восточную экспансию как раздел Центральной Европы между ними и деспотиями византийской и исламской цивилизаций. Сами эти страны с трудом согласовывали свои действия. Хотя в 1517 и 1518 г. литовцы и поляки обменивались посольствами, но ничего конкретного не достигли.

Военная фортуна в 1519 г. была не на стороне Литвы. Совершившие новый набег крымчане близ Сокаля заманили литовско-польское войско в засаду и разбили его. Константина Острогского /533/ на южном фланге сковывала татарская угроза. Русские, будучи не в состоянии брать замки, совершали глубокие рейды и уничтожали всё на своем пути. В условиях вялой мобилизации призывников, они смогли дойти до окрестностей Вильнюса. Хотя Георгий Радзивилл и потерял свой обоз, панам удалось сконцентрировать силы, и русские отступили без открытого боя. На рубеже 1519–1520 г. собрался сейм. Поскольку Сигизмунд II отсутствовал, всё ограничилось обсуждениям наказаний для не явившихся на военную службу. Деньги для выплат Крыму не были собраны. Раде панов удалось кое-как созвать призывников в Минск. На этом «бивуачном» сейме дворяне уже было согласились на введение серебщины, но все расстроили жямайты, отказавшиеся собирать ее. К счастью, Россия также была истощена войной, и в конце 1520 г. с ней достигнута договоренность о полугодовом перемирии.

Перемирие было заключено очень вовремя, ибо именно тогда начались военные действия между Польшей и Тевтонским орденом. У Литвы оказались развязаны руки, а для крестоносцев было весьма нежелательно получить второй фронт. Жямайты укрепили пограничную стражу, созданную за несколько лет до этого, и не позволили России наладить связь с Прусской ветвью Ордена. Некоторые литовские дворяне нанимались на службу в польское войско, его поддержали и немногочисленные добровольцы (среди них и Георгий Радзивилл).

Война Польши с Тевтонским орденом, конечно, уменьшала ее возможную помощь Литве. А Вильнюсскому сейму в начале 1521 г. вновь пришлось решать вопрос о неоплаченных польских наемниках. Последние грозили, что свое жалование отберут сами. Сейм установил срок сбора призывников на 10-ю неделю после Пасхи. Он одобрил серебщину, ранее введенную Минским сеймом, но ее еще надо было собрать. Не хватало средств на содержание замков, а большая часть великокняжеских имений была уже в залоге. Удалось наскрести немного денег для гарнизона главного центра антитатарской обороны – Киева. Множащиеся слухи о скором татарском нападении побудили собравшихся в Минске призывников согласиться на дополнительные поборы с них. В конце 1521 г. Аникей Горностай и Евстафий Дашкевич повезли деньги в Крым. Это было весьма вовремя, ибо воинственный султан Сулейман, недавно пришедший к власти в Турции, в 1521 г. взял Белград, и над Европой нависла угроза османского вторжения. Прекратилась координация военных действий с воюющей Польшей, с ней вообще оборвались все переговоры и обсуждения. Сигизмунд Старый остался единственным звеном, воплощающим персональную унию. В 1521 г. поляки успешно завершили войну с Тевтонским орденом. Литва в том году помогла Крыму привести к власти в Казанском /534/ ханстве представителя семейства Гиреев, чем заметно улучшила свое положение.

Победа Польши позволила Сигизмунду Старому посвятить всего себя литовским делам. Он принял участие в сейме, созванном в Гродно 2 февраля 1522 г. Сейм в очередной раз ввел серебщину, у не платящих ее конфисковывались поместья. Великому князю удалось договориться с большинством панов относительно заложенных им имений. Он вернул себе Утяну, Дарсунишкис, Мозырь, Мельник, Кричев, Эйшишкес, Укмярге, Мяркине, Пуню, Жежмаряй, Лиду, Белицу, Аникщяй, Пярвалку, Острин, Крево, Любошаны, Могилев, Ужпаляй, Пянёнис. Передав эти имения, паны получили пожизненные должности их

наместников и державцев. В Москву были отправлены послы. Переговоры окончились 14 сентября 1522 г. подписанием договора, наметившего пятилетнее перемирие (с Рождества 1522 г. по Рождество 1527 г.). Истощенные войной стороны согласились зафиксировать сложившееся положение. Смоленск остался за русскими, обмена пленниками не было (тут выиграла Литва).

Смоленск был серьезной победой России, она обеспечила себе 10-летний положительный военный баланс. Однако это не соответствовало результатам войны 1500–1503 г. Литовское государство оказалось способно (при незначительной помощи со стороны Польши) отражать нападения российского колосса. С этим Польша была вынуждена считаться. В двадцатых годах XVI в. она перестала выдвигать аннексионистские претензии.

е. Упрочение сословной интеграции

Мятеж Михаила Глинского и Десятилетняя война показали, что социальная, правовая и политическая интеграция литовской и русинской элиты стала очевидной реальностью. Политическая олигархия Литвы, несмотря на характерное для нее соперничество отдельных группировок, оказалась способна к сочетанию важнейших общих интересов и отысканию способов их защиты. Тем самым рада панов в ответственные моменты должным образом разрешала сложные ситуации. Подмогой тому была личность Сигизмунда II: Литва дождалась достойного монарха, осознавшего ее значение в династической политике и сумевшего защитить этот общий интерес страны и главы правящей династии.

Династические дела заставляли Сигизмунда Старого и в двадцатых годах XVI в. уделять пристальное внимание Великому княжеству Литовскому. Его позиции в Венгрии еще более пошатнулись, когда 2 октября 1515 г. умерла его первая жена Варвара. /535/ Вторым браком Ягеллон стремился найти опору в Италии. В 1518 г. он взял в жены дочь миланского князя Бону Сфорца. В 1520 г. у них родился сын Сигизмунд-Август. Исчезла опасность угасания литовско-польской ветви Ягеллонов; надеявшиеся на это недруги Литвы в Германии и России были крайне разочарованы. Перед Литвой открылась возможность в еще большей мере использовать статус столпа династии. Сложившаяся ситуация сделала литовское панство и всё более влиятельную Бону временными союзниками. Правящую семью занимала реализация вотчинного права на Литву в форме конкретного признания Сигизмунда-Августа наследником престола. Рада панов желала эту весомую услугу не просто оказать, а выгодно продать. После смерти в 1522 г. Николая Радзивилла из Гонёндзи Младшего вильнюсским воеводой и канцлером стал Альберт Гаштольд (с 1519 г. уже бывший тракайским воеводой). В его руках и сошлись все нити этой игры. Поверенный Боны в Польше Лавр Мендзылеский был своим человеком в Литве (он некоторое время секретарствовал у Александра II и Сигизмунда II, принадлежал к вильнюсскому капитулу; он также оказал не одну услугу самому Гаштольду). Польский сенат следовало поставить перед состоявшимся фактом признания Августа в Литве, не оставляя на будущее иного выхода как избрать королем великого князя Литовского. Альберту Гаштольду удалось заручиться поддержкой высшего круга рады панов (тайного совета). Это должно было стать залогом успешного решения вопроса на сейме. Строптивного Константина Острогского, не желавшего портить отношения с польскими сенаторами, уговорил лично Сигизмунд Старый.

В конце лета 1522 г. в Вильнюсе был созван сейм. Много времени потребовалось на обсуждение готовящейся кодификации литовских законов (этому вопросу великий князь посвятил отдельный эдикт). Дворяне согласились с введением серебщины, которую тотчас поглотил расчет с польскими наемниками, не завершившийся даже в 1524 г. Северные русинские земли начали оживать после войны. Этническая Литва не была театром военных действий (в 1522 г. было завершено строительство вильнюсской оборонительной стены). Труднее было на юге, откуда всё еще угрожали крымские татары. Улучшенная оборона уже не позволяла /536/ им безудержно свирепствовать, однако опасность набегов по-прежнему

нависала над Киевской землей, Подолем и Волынью. Положение на юге стало улучшаться с появлением местных наемников. Уже в первом десятилетии XVI в. киевский воевода располагал небольшими средствами, позволявшими ему содержать в замках немногочисленную обслугу и великокняжеских придворных. Их число постепенно росло. Когда в 1524 г. были распущены призывники и польские наемники, в южных замках находились на содержании 2000 таких профессиональных воинов. Появление собственных наемников и рост возможностей их вербовки улучшили военное и международное положение Литвы. По смерти в 1523 г. хана Мухаммед-Гирея его соперничающие преемники (брат Сеадет-Гирей и сын Ислам-Гирей) обратились за помощью к Литве. Пассивная политика Литвы не использовала эту борьбу в полной мере, однако нашла повод несколько улучшить положение: в 1523 г. к ногайцам был отпущен Шиг-Ахмат с тем, чтобы он по возможности вредил Крыму. Нападения крымчан повторялись (напр., в 1524 г.), однако в южном приграничье стало заметно спокойнее. Дела в Крыму складывались в пользу Литвы: поначалу турецкий султан утвердил обоих претендентов на престол, позднее победил Ислам-Гирей, с которым без труда удавалось договориться.

Завершить планируемую кодификацию всеобщего права не получилось: она не была утверждена ни в 1522, ни в 1524 г., хотя сам великий князь ратовал за нее. Несговорчивость сейма показала, что мнение более широких дворянских слоев приобрело некоторый вес. Панам, хотя они и добивались желаемого, уже приходилось прибегать к разъяснениям и нешуточному давлению. Когда монарх находился в Польше, рада панов была вынуждена решать все вопросы и при этом специализироваться. Ее ответственность возрастала. Ресурсы немногочисленных панов равнялись ресурсам всего рядового дворянства. Поскольку среди панов преобладали литовцы, в процессе сословной интеграции доминировало литовско-польское начало. Потому эта интеграция укрепляла заинтересованность всего дворянства в Литовской государственности. В таких обстоятельствах даже вспыхнувший в середине двадцатых годов конфликт между Альбертом Гаштольдом и Константином Острогским не приобрел размаха национальной коллизии, несмотря на целенаправленные попытки Гаштольда.

Вильнюсский сейм начала 1524 г. обсудил очередное введение серебщины, потребной на содержание наемников в пограничных замках. Наряду с немногочисленными польскими наемниками оказалось возможным оплатить содержание 2000 монарших придворных. Это, конечно, лишь в малой степени удовлетворяло требованиям обороны – состояние замков было критическим. Даже будучи в Польше, Сигизмунд II собирал информацию и знал, что следует делать, однако всюду требовалось крайнее напряжение сил. Ситуация требовала, чтобы он находился в стране. Замысел созвать сейм в Бресте в конце 1524 г. был сорван. Плохо был подготовлен и потому неэффективен весенний сейм 1525 г.: рада панов собралась в Вильнюсе, а малые числом дворяне – в Новгороде. Этот год стал кульминацией распри между Альбертом Гаштольдом и Константином Острогским. Гаштольд сожалел, что было сделано исключение для заслуженного православного, ставшего тракайским воеводой, хотя ранее он сам одобрил назначение Константина. В конфликт вмешалась великая княгиня Бона. С той поры вельможи стали тайно и даже открыто обращаться с просьбами в первую очередь к ней, а не к Сигизмунду Старому. Последний в 1525 г. все внимание уделял Пруссии, где магистр Тевтонского ордена Альберт Гогенцоллерн перешел в реформаты и провозгласил себя светским герцогом. Категорически настроенный против реформации и подавивший связанные с ней беспорядки в прусских городах, Сигизмунд Старый не препятствовал Альберту Гогенцоллерну, однако заставил его присягнуть на верность Польской короне. На Литву подобное перевоплощение немецкого вассала Польши не оказало тогда никакого влияния.

Куда более актуальной была для Литвы смерть последнего мазовецкого князя Януша, последовавшая 24 марта 1526 г. Мазовецкое дворянство, чтобы сохранить автономию своего княжества, стремилось выдать замуж сестру Януша Анну с тем, чтобы сделать князем ее мужа. Самым серьезным претендентом был брат прусского герцога Альберта Вильгельм,

которого не желали ни литовские, ни польские политики. Литовская знать, мечтавшая сделать мазовецким князем Сигизмунда-Августа, и тут нашла общий язык с Боной. В этом случае Ягеллоны, кроме двух государств, получили бы во владение отдельное княжество, а это ослабило бы положение Польши в их политической системе. Однако Сигизмунд /538/ Старый был вынужден уступить польской аристократии, и в том же 1526 г. Мазовия была окончательно присоединена к Польскому королевству. Литовцам это было отнюдь не на пользу. 1526 г. принес еще одно роковое событие: под Мохачем турки разгромили венгерское войско, погиб король Людовик (Лайош). Пресеклась чешско-венгерская ветвь Ягеллонов, началось турецкое вторжение в Венгрию. Сопrotивление венгров было обречено в силу того, что Габсбурги видели главного врага в семействе Заполиев, поддержанном национальной партией; Венгрия на несколько столетий выпала из колоды политических сил Центральной Европы. Непосредственное османское соседство уменьшало международный вес Польши. Это отражалось на положении династии Ягеллонов и вредило Литве. Однако трудности, испытываемые Польшей, заметно уменьшали ее давление на Литву.

В таких обстоятельствах был предложен проект провозглашения Литвы королевством. Когда Вильнюса достигла весть о том, что папа сулит корону Василию III, Альберт Гаштольд предложил короновать Сигизмунда-Августа. Это был неплохо продуманный ход: не коронуя ныне властвующего монарха, можно было избежать возможного столкновения с поляками, а затем последние должны были бы столкнуться с уже свершившимся фактом коронации. Литовские политики видели цель не в более высоком ранге государства, но в укреплении суверенитета Литвы: ранг был лишь средством для защиты независимости («королевство не может быть поглощено королевством»). Для заваленного польскими проблемами Сигизмунда Старого этот шаг, заманчивый для династии, но вместе с тем чрезвычайно рискованный, был неприемлем. Как и за 100 лет до этого, проект объявления Литвы королевством остался не реализован.

Государственный механизм, брошенный великим князем на произвол судьбы, скрипел, но действовал. В 1526 г. удалось продлить перемирие с Россией до Рождества 1532 г. Провалились попытки созвать сейм в Бресте в 1527 г. В начале того же года страна, отвыкшая от подобного, испытала мощное вторжение крымских татар. В Польше они разорили Белзскую и Люблинскую области, в Великом княжестве Литовском достигли Пинска. Урон был огромен, однако на сей раз проявились изменения в оборонных возможностях государства. Ничего не дожидаясь, паны за неделю-две смогли собрать силы и скоординировать действия с гетманом Константином Острогским (свою дружину предоставил и тяжущийся с ним Альберт Гаштольд). Поход на территорию самого Крымского ханства (по пути к войску присоединились некоторые пограничные гарнизоны) застал крымчан врасплох. Спешенные татары были внезапно атакованы близ реки Ольшаницы. Большая их часть погибла, были освобождены тысячи пленников. /539/

Ольшаницкая победа получила широкий отклик и зримо доказала эффективность литовской обороны. Она на несколько лет предопределила более мирные отношения с Крымом. Польские политики, глухие к отчаянным просьбам о помощи, хотя бы мысленно начали смиряться с тем, что уния в принципе неприемлема для Литвы, и на смену их аннексионизму пришел более мягкий гегемонизм. Укрепившийся Альберт Гаштольд использовал свое положение не только в личных, но и в государственных интересах. Сейм, собравшийся в Вильнюсе в конце апреля 1528 г., затянулся до 1529 г. и отличился результативностью. Серебщина (правда, с /540/ трудом) была востребована. Сейм подтвердил проведенную таксацию (инвентаризационную оценку) дворянских поместий. В конце 1528 г. завершив подобную дворянскую войсковую перепись, Литва на сравнительно высоком уровне упорядочила свою военную организацию. Списки чрезвычайно помогли военному руководству и его подручным (в первую голову – хорунжим) в созыве воинов, ибо стало понятно, кого следует призывать и чего требовать. Одновременно это была нобилитационная метрика, уточнившая сословную принадлежность дворянства. Еще более важным результатом было принятие свода законов – I Литовского статута (его 29 сентября

1529 г. ввел великокняжеский циркуляр). За работой сейма наблюдал прибывший в Литву Сигизмунд II. Впервые открыто прорвалось возмущение дворян гегемонией панов и коррупцией. Его удалось смягчить предоставлением стране привилегия 1529 г., гарантировавшего дворянам непосредственную подчиненность великому князю во всех случаях предоставления земли. Сигизмунд II объявил собравшимся державцам поместий хозяйственный устав для вильнюсского и тракайского поветов. В 1529 г. начались переговоры о границе с Россией.

Утверждение на высоком уровне литовской правовой системы суммировало результаты сословного развития страны и фиксировало европейскую общественную структуру Литвы, политическую и социальную интеграцию литовского и русинского дворянства. Политически этот баланс был подчеркнут 18 октября 1529 г. при публичном возведении Сигизмунда-Августа в великие князья Литовские. Достигнув этого, Сигизмунд II в ноябре отбыл в Польшу. Следуя обычной практике, в 1530 г. поляки назвали Сигизмунда-Августа своим королем. Подобное признание порядка престолонаследия свидетельствовало о возросшем весе Литвы в персональной унии. Положение Литвы – между Россией и Польшей – стабилизировалось. /541/-/543/

IV глава ПОКОЛЕНИЕ РЕФОРМАЦИИ

1. Два десятилетия соперничества Боны и высшей знати

а. Расхождение в целях Боны и Альберта Гаштольда

Прочное прикрепление крестьян к поместьям превратило верхний слой дворян в землевладельцев, способных воспользоваться правовым статусом, провозглашающим их сословные привилегии. В источниках первой половины XVI в. наряду с термином «дворянин» появился «земянин» (ему сопутствовал термин «необосновавшийся дворянин»). Ориентированная на отдельные территориальные единицы, перепись призывного войска фиксировала всё более четкую военную дворянскую организацию, представляемую хорунжими. Формирование панских владений, разделение великокняжеских имений в волостях или превращение этих волостей в имения, гарантия непосредственной подчиненности дворян в привилегии стране от 1529 г., – выделяли эту организацию из общеволостной административной и правовой юрисдикции. Конечно, это совершалось медленно, поскольку администраторы одновременно были и судьями, однако в I Литовском статуте все же нашлась статья, согласно которой дворяне не подлежали суду тиунов. Появившиеся в Литве рыцари немедленно превращались в землевладельцев. В Великом княжестве Литовском эти процессы слились в один, тогда как в более зрелых странах Европы они следовали друг за другом. Возникновение понятия дворянин-земянин указывало на образ жизни землевладельца как на явление, а этим явлением определялось возникновение сословного сознания.

Так состоялось юридически оформленное существование литовской сословной модели, которая одновременно была властью панской олигархии. Сложившееся дворянское сословие олигархия считала своей опорой, и сам расклад социальных сил это ей позволял. Дворяне не воображали своего реального положения без панской гегемонии, без права панов

говорить от имени всего дворянства. Рядовые дворяне стремились в дворянскую элиту, эта элита – в низший слой панов, последний – к вершине панской карьеры. Взгляд бояр на государственное управление определялся прежде всего взглядами панов. Однако появление и функционирование сейма позволило дворянам понемногу ощутить свое место в государстве. Дворянство ориентировалось на панское самосознание, но паны, прививая дворянам собственное понимание государственных ценностей, порождали тем самым и самостоятельный взгляд на эти ценности. Национальное и политическое самосознание проникало в толщу дворянства и развивалось как дворянская разновидность самосознания, вызывая необходимость в проявлении социальных и политических интересов. Мнение дворян уже приходилось учитывать при каждом назначении серебщины, взыскиваемой с их крестьян, а также при выработке условий военной службы. При обсуждении всех вопросов перевешивал голос панства, но он уже не был единственным, а представители дворянства почувствовали естественную солидарность и ответственность перед оставшимися на местах товарищами по сословию. Сейм стал школой осознания дворянами их социальных и политических интересов.

В первые десятилетия своего существования эта школа обучала скорее панов, чем дворян. Если раньше аристократия не была озабочена подбором необходимых для нее креатур, теперь она без труда научилась это делать. Однако сама подобная необходимость свидетельствовала, что дворяне медленно, но неудержимо стали втягиваться в политическую жизнь страны и воспринимать себя как прослойку, обладающую собственными интересами.

В тридцатых годах XVI в. роль дворян на сеймах еще немногим отличалась от их пассивной роли в десятых-двадцатых годах, однако эпоха была уже другая. После того как аристократия под руководством Альберта Гаштольда узаконила исключительную юрисдикцию I Литовского статута и расширила прерогативы рады панов, а августейшей семье обеспечила династическое будущее в лице Сигизмунда-Августа, – не осталось важнейших точек, в которых пересекались бы интересы династии и знати. В повестку дня встали накопившиеся противоречия.

Главным противоречием было уменьшение домена, вызванное войной с Россией. Кроме того, державцы имений, мало в том заинтересованные, лишь вполглаза охраняли границы великокняжеских земель. Этим пользовались их соседи, втихомолку отхватывая по кусочку. Соответствующая статья I Литовского статута предусматривала присуждение такой же площади после установления факта незаконного присвоения, однако подобные дела чаще всего возбуждались по инициативе крестьян, не желавших доставаться частному землевладельцу. Лучше других эту ситуацию прочувствовала Бона, обладавшая экономическим талантом и не привыкшая тратить время на неактуальные политические ходы.

По указанию Сигизмунда II (фактически – Боны) I Литовский статут был переведен на латынь. Великая княгиня была хорошо знакома с литовскими законами (из двух сохранившихся копий латинской редакции I Литовского статута обе принадлежали ей или ее окружению). Бона поддерживала усилия польских политиков, уже оценивших политическую роль дворянства в Великом княжестве, целью которых было настроить дворян против панов, чтобы таким образом ослабить тылы аристократии, оборонявшей литовскую государственность. В 1536 г. Альберту Гаштольду пришлось при помощи отдельного меморандума (назв. «Рассуждение Гаштольда») защищать саму идею издания национальных законов. Канцлеру Литвы оппонировал канцлер Польши Ян Хоенский, однако у рады панов хватило сил для того, чтобы отстоять правовую систему Великого княжества. Ревизия I Литовского статута была для Боны лишь своеобразной разведкой, ибо разумная итальянка осознала самое для себя существенное – способы и средства присвоения великокняжеских земель. Уже находясь в Литве в 1529 г., августейшая чета начала возвращать земли – заложенные, доходы от которых давно превысили одолженную сумму, принадлежавшие умершим (они должны были отойти великому князю), присвоенные в ходе незаконного межевания. Было предписано документально подтвердить право на управление спорными

землями. Это было лишь началом акции, но и оно вызвало протесты всесильных /546/ магнатов. Против Боны объединились прежние антагонисты Альберт Гаштольд и Радзивиллы: Георгий и Иван. Вельможи поняли, что это не просто ревизия великокняжеских земель, но и создание отдельного домена для Боны (возвращаемые земли доставались именно ей), поэтому свои протесты они нацелили именно в эту мишень. Стало ясно, что началась борьба из-за того, кто будет управлять Литвой – великая княгиня или канцлер. Дворяне еще были слабы для того, чтобы воспользоваться этой борьбой, уже расшатывавшей магнатскую власть.

Первые годы этой борьбы не сильно навредили Альберту Гаштольду. В 1530 г. умер Константин Острогский. Его сын Илья уже не смог добиться отцовского положения. Вскоре (из-за женитьбы) вспыхнул конфликт между Ильей и Георгием Радзивиллом, который стал великим гетманом. Это, естественно, укрепило положение /347/ Гаштольда. Невзирая на взаимные распри (в 1530 г. Радзивиллы сожгли Тикоцинский замок Гаштольдов), элитные семейства Гаштольдов, Кезгайло, Радзивиллов, Заберезинских, Остиков не допускали чужих в свою среду. Более или менее удалось «приобщиться» Глебовичам, однако даже внебрачный сын Сигизмунда II Иоанн из князей Литовских (Вильнюсский епископ в 1519–1537 г.) подвергался остракизму вместе со своей матерью Екатериной Тельницкой. Не вызывали дружелюбия возвысившиеся на государственной службе литовцы Довойно, Пацы, русины Ходкевичи, Сапеги, Тышкевичи, Боговитиновичи, Горностаи. Представитель последних Иван, будучи подскарбием и отстранив раду панов от контроля над государственными финансами, отчитывался непосредственно перед Сигизмундом II и Боной.

Свои споры аристократия часто разрешала оружием. Она без смущения применяла вооруженное насилие к дворянам. Однако в первой трети XVI в. зафиксированы случаи, когда дворяне выигрывали дела против магнатов, особенно если действовали солидарно. Часто таких дворян связывали родственные узы; необходимость отпора панам была причиной породнения множества семей. Слуги магнатов не чувствовали себя безопасно в поместьях и помещичьих деревнях. Когда в 1532 г. умер Станислав Кезгайло, последний Жямайтский староста из этого рода, – тьяльшыйский и ужвянтский державец Станислав Орвид отказался подчиниться власти тиунов Жямайтии. Орвид высказал недовольство дворян Жямайтии произволом администрации, которой руководил староста. Расправиться с ним не удалось, поэтому, после жалобы со стороны администрации, спор пришлось улаживать великокняжескому уполномоченному.

Великокняжеская семья, заручившись поддержкой дворян Бельска, отняла у Радзивиллов Книшин в Подляшье. Когда в 1533 г. Сигизмунд II прибыл в Великое княжество Литовское, у Гаштольдов были выкуплены Бельск, Сурож, Брянск, Нарев, Клещели. Георгий Радзивилл лишился Гродно. На польской границе начал формироваться домен Боны.

Отправившись в Польшу в конце 1529 г., Сигизмунд Старый пробыл там до начала июня 1533 г. В начале 1532 г. в Вильнюсе собрался сейм. Указания и предложения великого князя привез подскарбий Иван Горностаи. Вопросы об оказавшихся в запустении замках и обеспечении их гарнизонов исчерпались перепиской между монархом и радой панов. Были приняты меры к началу переговоров с поляками об общей обороне от Крымских татар. Весной 1532 г. литовские послы – воевода Подляшья Иван Сапега и секретарь великого князя Павел Нарушевич – продлили перемирие с Россией до Рождества 1533 г. Василий III отверг предложен- /548/ ный литовцами пятилетний срок, ибо с 1530 г. собирался захватить Киев. Великий князь Московский уже договорился с молдавским господарем о совместных военных действиях; с 1531 г. в титуле Сигизмунда II не прописывалось русское титулование. Победа поляков над молдаванами близ Обертина (1531 г.) расстроила планы Василия, однако выдвигаемые им условия свидетельствовали о новой российской угрозе. К счастью для Литвы, эту опасность устранила смерть Василия III 3 декабря 1533 г. Трон достался малолетнему сыну Василия Иоанну IV. На некоторое время российское давление ослабло.

В ответ на первые проявления самостоятельности дворян аристократическая верхушка еще более консолидировалась. В 1534–1535 г. Радзивиллы попытались породниться с

Гаштольдами, но на сей раз не смогли договориться. Из 35–50 членов рады панов большинство составляли литовцы, а ее верхушка стала очевидной монополией элитных семейств. В первой половине тридцатых годов Альберт Гаштольд сохранил место второго человека в государстве.

б. Попытка перехватить инициативу в отношениях с Россией

На сообщение русских послов о смерти Василия III, Сигизмунд Старый ответил, что он желает мирного соседства – как когда-то его отец Казимир. Ответ Сигизмунда был двусмысленным: внешне демонстрируя добрую волю, он напоминал о границах 1449 г. При правлении опекунов малолетнего Иоанна IV (сына племянницы Михаила Глинского Елены), началась борьба группировок. Влиятельный Михаил Глинский был в 1534 г. году схвачен и умерщвлен в тюрьме. Узнав об этих событиях, великий князь и рада панов решили воспользоваться затруднениями опасного противника.

Презрев неудачи, испытанные в обозримом прошлом, аристократия страны грезилась о былом могуществе Литвы, чему, естественно, способствовал ход относительно успешной Десятилетней войны. Желание воспользоваться удобным случаем было вполне понятным и своевременным, однако главные лица рады панов не сумели трезво оценить ситуацию и свои возможности. Великокняжеские замки, такие как Крево и Мядининкай, ремонтировались плохо и пребывали в запустении. Правда, появились каменные замки у магнатов (Гяранайняй у Гаштольдов), но состояние литовской фортификации было посредственным. Посол Германии Сигизмунд Герберштейн определил, что немалая часть литовского войска лишена шлемов и доспехов. Панские и поветские контингенты /549/ составляли 20–30 тыс. воинов, включая и призывников из пограничных воеводств, охранявших замки. Вместе с силами великокняжеских земель Великое княжество Литовское, по сообщениям русских источников и итальянских наблюдателей, располагало 40 000 воинов. Этого количества явно не хватало для борьбы с таким соперником, как Россия. Последняя имела в два или даже в два с половиной раза больше жителей, ее власть с большей легкостью могла собрать необходимые средства, войско было намного дисциплинированнее. Рада панов не уделила должного внимания стратегии своих действий в надежде, что всё решит российская смута. Был расчет и на помощь Польши, хотя поколение, заседавшее в раде панов, само испытало, как нелегко получить подобную помощь, кстати, весьма ограниченную.

Кроме смуты в самой России, оптимизм литовских политиков питался раздорами среди крымских татар. Державший верх Сеадет-Гирей в 1532 г. обратился к Литве за помощью. Послы были предусмотрительно посланы и к нему, и к Ислам-Гирею. Еще до их прибытия Ислам изгнал Сеадета; его посольство также предлагало дружбу. Неясно, успел ли Андрей Мацкевич доставить положительный ответ Исламу, но это уже не имело значения, ибо в конце 1533 г. по решению турецкого султана власть в Крыму разделил с Исламом Сахиб-Гирей. Последний в начале 1534 г. отправил в Литву дружественное посольство. Литва отправила к обоим ханам опытного дипломата, хорошо разбиравшегося в татарских делах: дубингяйского державца Аникея Горностая. Его задача была не из легких, поскольку оба хана отправили предложения дружбы и в Москву. Правда, послы прибыли туда слишком рано, и застали агонию и смерть Василия III. Русские поддержали Сахиб-Гирея, ибо с Ислам-Гиреем у них были старые счеты. Литва, само собой, заключила союз с Сахиб-Гиреем. По его повелению в мае 1534 г. /550/ крымчане и ногайцы вторглись в российское приграничье (Рязанскую и Пронскую земли). Русские отразили нападение, однако на южном рубеже были вынуждены держать боеготовое войско. Нового вторжения не последовало, поскольку на Сахиба совершил нападение подстрекаемый русскими Ислам. Ни один из ханов не сумел одолеть противника. Русским удалось завязать контакты с Молдавией. Фронт на юге России не был создан, однако равновесное противоборство ханов и относительно стабильное положение Сахиб-Гирея обеспечивало Литве спокойствие на

южных границах.

Литовская дипломатия действовала и на севере: была совершена попытка втянуть в войну Ливонию, с которой в 1514 г. заключили бессрочный мирный договор. Однако Ливония не была склонна отказаться от двадцатилетнего договора о перемирии с Россией, заключенного в 1531 г.

Неплохо потрудившись во внешнеполитической сфере и обеспечив постоянную поддержку монарха, обещавшего помощь со стороны Польши, рада панов менее всего заботилась о внутреннем развитии самой Литвы. Была надежда обойтись шаблонными мероприятиями. 15 февраля 1534 г. в Вильнюсе собрался сейм. Рада панов без труда добыла его согласие на серебщину (6 грошей с однолошадного плуга, 12 грошей с сохи, запряженной двумя волами; кроме того, платежами были обложены города). В 1534 г. было собрано 26 345 коп грошей, в 1535 г. – около 30 000, в 1536 г. – около 20 000. Этими суммами пополнились платежи, собираемые в великокняжеском домене, в 1534–1536 г. составившие 49635 коп грошей. Регулярно взимаемые платежи позволили содержать определенное число наемников. Еще были живы командиры, обретшие опыт в прежних битвах. В надежде на тактические преимущества рада панов всерьез не занималась военной стратегией, что было необходимо для борьбы со столь мощным противником. Это была существенная ошибка литовского руководства.

К войне приступили в конце лета 1534 г. Действовало 20-тысячное полевое войско. В августе месяце Мстиславский державец Юрий Зеновьевич выслал на задание группу разведчиков. Столкнувшись с русским отрядом в 1100 воинов, литовцы его разгромили и захватили пленных, располагавших нужными сведениями. Эта мелкая операция подтвердила преимущество литовцев в открытом поле. Главные силы Литвы собрались в Минске; 1 августа им был проведен смотр. Имелись планы похода на Чернигов и Стародуб, в том направлении (к Гомелю) был выслан авангард под командой киевского воеводы и польного гетмана Андрея Немировича и конюшего Василия Чижа. Гетман Георгий Радзивилл в ранге главнокомандующего следовал за ними, но, чувствуя, что /551/ сведения разведки недостаточны, он особо не торопился. Получив от Юрия Зеновьевича сообщение о том, что собранные под Смоленском крупные силы русских готовятся к переходу границы, Радзивилл командовал Немировичу и Чижу повернуть на север (к Буйничам) и несколько изменил собственный маршрут. Достигнув Дулеб (близ Могилева), литовцы получили более точные сведения от перебежавших на их сторону Вельского и Ляцкого: впечатление о больших силах русских под Смоленском сложилось из-за прибытия туда наместника Никиты Оболенского (сконцентрированные на южной границе русские части перебрасывались на западные рубежи). Для создания полной картины потребовалось еще несколько дней, но в целом весь ход предыдущих событий подтвердил избранную Георгием Радзивиллом тактику: главные силы литовцев ударили не вхолостую.

В Могилеве литовское полевое войско было разделено на три части. Немирович и Чиж 18 августа выступили в ранее намеченном направлении к Стародубу. Ян Вишневецкий и Андрей Кошерский подтянулись к Смоленску. Георгий Радзивилл с сильным резервом (10 000 воинов) остался в Могилеве. Резерв был необходим для борьбы с численно превосходящим противником, однако за эту предосторожность пришлось заплатить высокую цену: к Стародубу были посланы весьма ограниченные силы. Была надежда, что тут действия литовцев облегчит переход на их сторону Вельского и Ляцкого, руководивших обороной на этом участке.

Андрей Немирович и Василий Чиж, имея в распоряжении несколько тысяч воинов, столкнулись с хорошо укрепленной областью. Тут были Чернигов (обороной руководил Феодор Мезецкий), Гомель (защищал Дмитрий Оболенский), Радогощ (оборонял Матвей Лыков). Самой сильной крепостью был Стародуб, который оборонял Феодор Оболенский. Немирович достиг Стародуба 3 сентября, литовцы сожгли город. Осаде помешала вылазка русских, произведенная через несколько дней; в плен попал ротмистр польских стрелков Суходольский. Вылазку удалось отбить, однако /552/ Немирович понял, насколько малы

его ресурсы для взятия столь мощной крепости. Это препятствие не лишило его инициативы. Прервав осаду Стародуба, он двинулся к Радогощу, разбил Барбашина, пытавшегося преградить ему путь, и одним ударом достиг своей цели. Пал Радогощ – город и замок (в последнем сгорел Лыков). Немирович пошел на Почеп. Взять его не удалось, тогда Немирович не стал терять время, а двинулся к Чернигову. Этот замок умело оборонял Мезецкий, а литовские артиллеристы проявили себя ниже всякой критики. Большой урон литовцам нанесла вылазка русских. Близилась зима, и войско Немировича вынуждено было вернуться в Могилев.

Вишневецкий и Кошерский достигли Смоленска 13 сентября. Русские успели укрепить свой гарнизон силами, присланными из Москвы. Изобретательный Никита Оболенский сумел защитить не только замок, но и город. С несколькими тысячами человек литовские командиры ничего не могли поделать, поэтому накануне зимы они вернулись в Могилев. Призывное войско было распущено.

Кампания 1534 г. не принесла территориального выигрыша, хотя поход Андрея Немировича и Василия Чижа вывел из строя оперативную базу южного крыла русских. Можно назвать ошибкой Георгия Радзивилла то, что он выделил для такой операции слишком малый контингент, но вряд ли другой командующий вел бы себя иначе. Главную ошибку совершила рада панов, неосмотрительно начавшая военные действия.

Только теперь была проявлена настойчивость в отношении Польши, которую вновь попросили о помощи. В ноябре 1534 г. рада панов, решившая увеличить подати на оплату наемников, официально обратилась к польскому сенату и Петроковскому сейму. Тем временем военный механизм России уже работал. Испуганные литовским наступлением русские вельможи забыли о взаимных распрях. В том же ноябре 1534 г. против Литвы действовало уже 150 000-ное войско. Главная группировка (ее ударной частью командовал Михаил Горбатый) в декабре 1534 г. перешла границу и через Дубровно и Оршу двинулась в сторону Минска. Тогда же силами Новгорода и Опочки нанесли удар новгородский наместник Борис Горбатый и Василий Шереметьев. Через Витебскую и Полоцкую земли их воины также двигались к Минску. В январе 1535 г. они соединились с центральной группировкой. Объединенное русское войско подошло к Вильнюсу, однако атаковать его не решилось. Повернув назад, оно через Полоцк 1 марта возвратилось в Опочку. Зимой 1534–1535 г. была приведена в действие и южная русская группировка (ее главными силами командовали Феодор Оболенский и Иоанн Тростенский). Следуя со стороны Стародуба, она разорила Гарвольскую, Рогачевскую, Бобруйскую, /553/ Свислочскую и Слуцкую области и достигла Новогрудка. На обратном пути разорила Турово-Любечско-Мозырьский регион и ушла в Чернигов.

Фактически была разорена вся Северная Белоруссия. Разрушения и потери были огромны, враг угнал много людей. Русские вновь провозгласили религиозную войну. Они не сжигали церквей, некоторых православных даже отпускали из плена. Литовское нападение превратилось в неудачную оборонительную войну. Как и ранее, имевшее преимущество в открытом поле литовское рыцарское войско, интересы которого оберегались сословными установками, сражалось лишь в удобное для него летнее время. Русских призывников никто не спрашивал, когда им сподручнее воевать, потому зима для этой державы была самым удобным военным временем. На сей раз русские не пытались взять ни одного замка. Они стремились истребить как можно больше людей и имущества, и этой цели достигли. Их многочисленное войско двигалось отдельными соединениями, прикрывавшими главное ядро, а этого не могли себе позволить литовские командиры, располагавшие значительно меньшими силами.

Раду панов эти события ошеломили, посылались требования спешного мира. Однако в таких обстоятельствах мир означал бы горькое поражение, которое уже испытали родители и старшие представители этого поколения. Главное, что это было бы первым звеном в цепи новых неизбежных поражений. Потому победило более решительное мнение: искать способы успешного продолжения неразумно начатой войны.

Неудача Литвы на сей раз произвела впечатление на поляков, и от них был получен положительный ответ. Поляки взяли на себя некоторые платежи. За 26 тыс. польских золотых были наняты 1000 всадников и 500 пехотинцев, которыми командовал польский гетман Андрей Гурка. Поскольку достаточная сумма не была вовремя собрана, ее предоставило духовенство. В свою очередь дворный подскарбий Литвы Иван Солтан нанимал воинов в Польше уже за литовские деньги. Было собрано около 5000 наемников. Ими командовал польский великий гетман, опытный полководец Ян Тарновский. Польские ротмистры пытались нажиться, требуя установления равного курса литовских и польских грошей, и это, естественно, мешало вербовке. Сигизмунд Старый прекратил эту спекуляцию, повелев набрать других ротмистров. В конце апреля 1535 г. польские наемники направились в Литву.

Военной кампании 1535 г. очень помогла литовская дипломатия. Несмотря на явную склонность Ислам-Гирея к России, оставшийся в Кафе (Феодосии) Аникей Горностаи не прерывал с ним /554/ переговоров. Его информация своевременно передавалась в Вильнюс. К Ислам-Гирею в нужный момент прибыл с дарами новый литовский посол, красносельский державец Василий Тышкевич. Когда в апреле 1535 г. послы Ислам-Гирея заключали в Москве договор о дружбе, его войско уже вторглось в Рязанскую область. Неожиданный татарский удар расстроил все оперативные планы русских. Войско, сконцентрированное в Черниговской области, было спешно переброшено к юго-восточной границе. Русские командиры, не смея вступать в бой, с берега Оки наблюдали неистовства врага на другом берегу. Южный русский фланг против Литвы был оголен, однако в других местах в конце июня 1535 г. были сконцентрированы две крупные группировки. Ядром смоленской группировки, направленной против Мстиславля, командовали Василий Шуйский и Даниил Пронский. Северной группировкой (силами Новгорода и Пскова) командовали новгородские наместники Борис Горбатый, Василий Воронцов и псковский наместник Иван Бутурлин. Они базировались в Опочке. Если бы литовцы пытались атаковать Смоленск, обе группировки должны были соединиться и прикрыть его. Если бы литовцы ударили на юге, опоченская группировка должна была атаковать Полоцк, а смоленская группировка – следовать широким фронтом, захватив Витебск и Мстиславль, вглубь Великого княжества Литовского. Поскольку основные литовские силы должны были быть скованы на Стародубско-Черниговском фронте, смоленская и опоченская группировки готовились ударить им в тыл. Крымско-татарское нападение разрушило эти планы.

Наученное ошибками 1534 г., литовское военное руководство разгадало замысел русских. Литовские силы распределились на три группировки. Основные силы (Вильнюсского воеводства и Волыни, включая подразделения с уже безопасной татарской границы) под началом великого гетмана Георгия Радзивилла соединились с польскими наемниками. Полоцк прикрывали жямайты, случане и сами полочане под командой соответственно Жямайтского старосты Иоанна Радзивилла, слуцкого князя Георгия и полоцкого воеводы Ивана Глебовича. Призывники тракайского воеводства, полесских княжеств и Подляшья составили третью – резервную – группировку, которая должна была собраться в Минске. Литовское руководство было предупреждено о походе Ислам-Гирея в Рязанскую область. Распожившись в Речице, основная группировка ожидала сообщения об этом, чтобы начать действовать.

Георгий Радзивилл (вместе с ним находился польный гетман Андрей Немирович) при поддержке Тарновского и Гурки вступили на территорию России в июле 1535 г. Русские оценивали эту группировку в 40 000 человек. При ней была хорошая артиллерия и два /555/ польских горных инженера. 14 июля был осажден, а 16-го взят Гомель. В конце того же месяца литовцы при поддержке поляков осадили Стародуб, который с 14-тысячным гарнизоном защищал Дмитрий Оболенский. Сделав подкоп под стены, польские инженеры взорвали их, и 29 августа русская крепость пала. Командиры и большая часть гарнизона были взяты в плен. В отместку за ожесточенный отпор Ян Тарновский приказал убить 1400 пленных. Подрыв стародубских стен произвел огромное впечатление. Почеп и Радогощ были

взяты без сопротивления. Литовцы заняли территорию до Мглина и Брянска.

Куда хуже складывались дела на севере. Опоченская группировка русских сковала отряды Иоанна Радзивилла, Ивана Глебовича и Юрия Олелковича. Воспользовавшись этим, Бутурлин 29 июня начал строить крепость у Себежского озера, на территории Великого княжества Литовского. Оставшиеся на российской территории Горбатый и Воронцов готовы были в случае надобности прикрыть его. 20 июля крепость была закончена. Новгородский архиепископ Макарий освятил ее и назвал Ивангородом. Этот русский маневр литовское руководство попросту прозевало. Тем временем Шуйский ударил по направлению на Мстиславль и Радомль. Его поход не позволил получить передышку полоцкой группировке литовцев и одновременно угрожал тылу войска, возглавляемого Георгием Радзивиллом.

Сигизмунд II предвидел это и указал, что в подобном случае следует объявить всеобщий воинский призыв. Собираться войско должно было в Минске. Рада панов на словах это указание выполнила, объявив срок сбора 25 августа (только вместо Минска назвала Крево). Однако монарх находился в Польше, военачальники на фронтах, а весь труд по призыву перекадывался с одних плеч на другие. Раздавались жалобы на то, что крайнему Григорию Остику, которому было поручено руководить мобилизацией, казначей не выделяет денег. Поскольку в строй не спешили паны, тем более не торопились дворяне. К счастью, прочная оборона пограничных замков (в Радомле командовал оршанский державец князь Федор Заславский, в Мстиславле – его староста, князь Василий Полубенский) изрядно затруднила поход Шуйского. Русские тем не менее достигли Кричева, Орши и Дубровно, но удачные действия Георгия Радзивилла сорвали их дальнейшее продвижение. В сентябре Шуйский уже вернулся на территорию России.

Решающим результатом кампании 1535 г. было, без сомнения, занятие района Стародуб-Радогост. Си- /556/ гизмунд II приказал вновь собрать призывников, конкретно указав даже волости (Гарвольскую, Речицкую, Могилевскую, Кричевскую, Пропойскую, Чечерскую, Мозырьскую, Порицкую, Бобруйскую, Борисовскую, Любошанскую, Свислочскую). Он повелел отстроить взятые у русских замки: Радогост был поручен тракайскому воеводе Ивану Заберезинскому, Почеп – брестскому старосте Александру Ходкевичу. Однако всё расстроилось благодаря пустой казне. Уже 30 августа польские наемники, ссылаясь на взятие Стародуба, заявили, что их служба окончена. Не без труда удалось уговорить их продлить ее еще на полтора месяца. Это, конечно, уже ничего не решало. Замки не были восстановлены, войско отступило почти со всей занятой территории и было распущено (пушки оставлены в Бобруйске). Российским дипломатам удалось уговорить молдавского господаря Петра, который в августе 1535 г. разорил южную границу Польши. Это отвлекло внимание союзника Литвы на весь 1536 г.

Кампания 1535 г. стоила Литве около 90 тыс. коп грошей, Польше – 30 тыс. польских золотых. 10 апреля 1536 г. русские уже начали отстраивать Стародуб и 20 июля завершили его восстановление. На севере Великое княжество Литовское утратило Неведровскую, Межовскую, Дернёвскую, Свольнянскую, Асвятскую, Лиственскую, Непоротовичскую волости. 26 января 1536 г. на территории Литовского приграничья русские закончили строительство Озерищенской крепости, с опорой на которую она завладели Нещедровской, Вербило-Слободской, Кубекской, Островнинской, Березнинской, Ясской, Долисской волостями. В феврале 1536 г. воины киевского воеводы Андрея Немировича и полоцкого воеводы Ивана Глебовича осадили Себеж, однако Иван Засекин, в распоряжении которого были немецкие наемники, отразил нападение.

Русских порядком испугали набеги крымских и казанских татар, совершенные осенью 1535 г. и продолжившиеся в 1536 г. Литва не смогла ими воспользоваться вследствие истощения казны, однако эти набеги способствовали мирным переговорам, которые начались осенью того же 1535 г. Между тем, в мае 1536 г. сейм в Вильнюсе обсудил предложение Сигизмунда II о передаче в ведение польного гетмана половины призывников с тем, чтобы военное руководство имело в распоряжении хоть какие-то силы. Всеобщий призыв был намечен на 29 июня. Рада панов одобрила предложения великого князя, однако

выдвинула условие, чтобы на войну были снаряжены и державцы его имений. Сигизмунд II отдал соответствующие распоряжения державцам Вильнюсского (двенадцать) и Тракайского (двадцать одно) воеводств. Андрей Немирович получил около 3000 воинов, с помощью которых были отражены отдельные рейды русских в 1536 г. В конце июля под /557/ Кричевом русские были разбиты. Пали более 1000 воинов, а оба командира – Оболенский и Колычев – попали в плен. Следует отметить, что далеко не все призывники собрались 29 июня.

Война истощила обе стороны. Началу переговоров, по обычной практике, предшествовал обмен посольствами относительно самих переговоров. Руководивший этой подготовительной стадией Георгий Радзивилл старался принудить русских к тому, чтобы переговоры происходили в Вильнюсе или хотя бы на границе. Однако российская дипломатия, даже рискуя затягиванием войны, категорически стояла за проведение переговоров в Москве. Следивший за всем ходом дебатов Сигизмунд II и на сей раз согласился с этим настоятельным требованием русских. 11 января 1537 г. под Москву прибыла литовская делегация – полоцкий воевода Иван Глебович, витебский воевода Матвей Янович и секретарь великого князя Вацлав Майшыгальский. Рада панов подобрала людей смысленых и хорошо знакомых с русским хитроумием, способных ориентироваться в замысловатых перипетиях переговорного процесса (кстати, поголовно католиков). Собственно к переговорам приступили в Москве лишь 14 января. Обе стороны поначалу выставляли максимальные требования, однако, как и в других случаях, мир был более нужен сословной и не такой огромной Литве, а не России, не привыкшей считаться со своими подданными. Все-таки, представители Литвы имели небольшое моральное преимущество: Гомель литовцы взяли в результате ожесточенной борьбы, а русские Себеж и Заволочье на самом порубежье отхватили втихомолку, как бы невзначай. Этот символический военный перевес позволил литовским дипломатам нащупать реальную основу для соглашения – взаимное признание занимаемых позиций. Далее на переговорах приступили к обсуждению более мелких вопросов. Русские вели речь о своих военнопленных (литовцам это было не нужно), чем было непросто воспользоваться, ибо Россия никогда не была склонна идти ради пленных на существенные уступки. Дважды российская сторона грозила прервать переговоры, но нервы оказались крепче у литовцев. Окончательно было условлено, что за Россией остаются Себеж и Заволочье, а за Литвой – Гомель. Занятые неподалеку от своих замков земли русские возвратили, оставив себе лишь Долисскую и упомянутые Себежскую и Заволочьянскую волости. Относительно Гомельской области уговорились так: России остается Залесье, Святиловичи, Холодна, Скарловичи, Лапичи, а Литве – Уваровичи, Телешовичи, Тереничи, Кошелёвский лес, Морозовичи, Липиничи, Полешаны. 17 февраля 1537 г. был заключен договор, в котором предусмотрено пятилетнее перемирие, начиная с 25 марта. Сигизмунд II через два месяца утвердил договор в присутствии российских послов. /558/

Трехлетняя война не принесла Литве территориальных приобретений и еще раз показала, что Россия сильнее. Рада панов Литвы не сумела использовать возникшие выгодные ситуации. Угроза российского давления сохранилась. И всё же перед лицом такой угрозы даже очень скромный военный баланс имел определенное значение. Будучи нападающей стороной, Литва войну не проиграла и смогла остаться серьезным противником. С еще большей очевидностью было продемонстрировано превосходство литовского войска на поле боя. Более эффективной (за исключением разве что битвы под Оршей в 1514 г.) была помощь со стороны Польши. Поэтому война показала, что программа Иоанна III – завоевать Литовское государство – отнюдь не является легко осуществимой. Россия, получив известный урок, серьезно отнеслась к перемирию с Литвой. Трехлетняя война принесла Литве передышку более чем на 10 лет.

в. Экспансия Боны

Интересы литовской знати и великой княгини Боны должны были прийти в противоречие, так и произошло. Если Сигизмунд Старый во благо династии лавировал как внутри страны, так и в международных делах, – то его умная, хитрая и властная супруга всё измеряла критериями личного благополучия. Ее прихоти были отнюдь не государственного масштаба, хотя и могли определять жизнь всей страны. Чем старше становился Сигизмунд II, тем большее влияние оказывала на него жена. С помощью мужа Бона дотянулась до рычагов власти, которые, несмотря на усиление рады панов, еще оставались в руках великого князя. Одним из важнейших было назначение на должности. Бона стремилась добыть лакомые места для своих людей и делала это без устали.

Бона не жила в Литве и была не в силах завладеть механизмом распределения должностей, как это ей удалось в Польше. Внести раздор между радой панов и сеймом не получилось, поэтому следовало считаться с властной магнатской верхушкой. Однако она решительно и дальновидно взяла в свои руки дела по ревизии границ и выкупу великокняжеских земель. Неустанно трудясь с середины тридцатых вплоть до начала сороковых годов XVI в., Бона создала свой домен. Она выкупила огромные земельные массивы у Гаштольдов, Радзивиллов, Заберезинских, Ольшанских и завладела /559/ дела Тикоцином, Бельском, Бранском, Сурожем, Мельником, Кринками, Кобрином, Пинском, Клецком, Ковелем, Кременцом в Полесье, Подляшье и на Волыни. По другую сторону границы ее владения сконцентрировались в Мазовии. По обе стороны литовско-польского рубежа образовалось княжество, управляемое лично Боной и по размеру превосходящее владения последних Мазовецких Пястов. Временно Бона завладела Платяляй и Каунасом (последний был у нее выкуплен в 1545 г.). Гродно она в 1536 г. передала Сигизмунду-Августу, но хозяйничала там еще и в 1540–1542 г. Человеком Боны стал Иероним из рода Ходкевичей, которые были преданы династии (в 1538–1541 г. он был ошмянским державцем, в 1542–1544 – чашником, в 1542–1545 – радуньским старостой, в 1542–1544 г. – вильнюсским тиуном). Старост своих владений назначала только сама Бона.

Экспансия Боны заставила окончательно сблизиться Гаштольдов и Радзивиллов. После долгих переговоров и обсуждений они в 1536 г. договорились, что сын канцлера Альберта Гаштольда Станислав возьмет в жены дочь великого гетмана Георгия Радзивилла Варвару (Барбору). Свадьба состоялась не сразу, ибо комбинацию усложнили счета гетмана с князем Ильей Острогским. В 1538 г. Станислав Гаштольд (он в 1539 г. стал новогрудским воеводой) женился на Варваре Радзивилл (*Барборе Радвилайте*). Полученная после Трехлетней войны передышка упрочила внешние позиции литовской аристократии. Паны стремились поддерживать связи с самим великим князем в обход его всевластной супруги. У Сигизмунда II потребовали, чтобы он избрал своей резиденцией Литву (в ту пору в Польше происходило брожение среди дворян, шла т. н. «куриная война»). Экспансия Боны была ограничена лишь экономическими рамками. Положения не изменила смерть двух могущественных магнатов (Альберта Гаштольда – в 1539 г., Георгия Радзивилла – в 1541 г.). Со смертью в /560/ 1542 г. Станислава Гаштольда, уже ставшего тракайским воеводой, угас могучий род Гаштольдов. Все эти смерти помогли Радзивиллам обрести еще большую силу. Бона удовлетворялась присуждением посмертного наследства Гаштольдов вдове Станислава (согласно литовским законам вильнюсские воевода Иван Глебович и казначей Иван Горностай хотели взять наследство в доход государства, и это позволило бы часть владений поделить между вельможами).

Бона, не в силах сломить власть олигархов, сама была вынуждена превратиться в изолированного, пусть и могущественного, олигарха. Однако, управляя своими землями, она положила начало целой эпохе переустройства феодальных владений. Сигизмунд II сумел возродить расплывшийся великокняжеский домен и обеспечить его развитие упрочением денежной ренты, усилением контроля и постоянным хозяйственным инструктажем; однако Бона его во многом превзошла. В ней раскрылся недюжинный экономический талант. Образованная и умная итальянка, строго надзиравшая за старостами и требовавшая

скрупулезных отчетов, произвела переворот в хозяйственном управлении. Во всем господствовала строгая отчетность, были проверены и уточнены имущественные права подданных, заведены судебные книги. Бона сочетала контроль с обеспечением безопасности, а свои интересы – с обычаями и законами. Безжалостно карая за преступления и покушения на ее интересы, она в то же время заботилась о защите имущества своих подданных и отыскивала пути к поощрению их деятельности. Получив Гродно в совершенном упадке, она предоставила городу привилей (1540–1541 г.), возобновила три ежегодных ярмарки, освободила купцов от мыта и других поборов. Город расцвел. Бона пропагандировала доселе невиданные фрукты и овощи, завозила племенной скот. Самым большим достижением Боны была реформа землеустройства, заметно улучшившая агротехнику. С этими трудами были связаны братья Хвальчевские – Станислав и Георгий (бывший вильнюсский казначей, ставший в 1535 г. Луцким епископом, в 1536 г. выполнивший работы по разграничению Гродно и Бельска).

В политической области деятельность Боны была лишь эпизодом, развить и продлить который не позволяло само положение его исполнительницы. Однако в сфере хозяйствования и землеустройства была проведена радикальная реформа, возможно, даже переворот. В тридцатые-сороковые годы, когда совершался этот переворот, это казалось локальным явлением, однако в пятидесятые ему было суждено приобрести всегосударственный масштаб и многое переменить в истории страны.

Преобразования Боны совершались в условиях мирной передышки после Трехлетней войны. Литовской дипломатии в ту пору удалось обеспечить безопасность южной государственной границы. После долгих переговоров Сахиб-Гирей, в 1537 г. завладевший всем Крымом, в 1539 г. согласился на заключение мира и удовлетворился отступными (с 1538 г.). Хан освободил задержанного в 1538 г. литовского посла Михаила Тышкевича, и в конце 1540 г. договор был окончательно утвержден. В 1541 г. крымские татары разорвали русские земли. В том же году Литва завершила переговоры о границе с Ливонией. С некоторыми уточнениями было зафиксировано отодвигание границы на север, признанное в 1529 г. Более чем десятилетний мирный период вызвал важные перемены в общественной, экономической и культурной жизни страны.

2. Вильнюсский двор Сигизмунда-Августа

Вместе с Альбертом Гаштольдом, Георгием Радзивиллом и Андреем Немировичем на рубеже тридцатых-сороковых годов ушло поколение, которое обеспечило Литовскому государству достаточно прочное положение в условиях постоянного нажима со стороны России и Польши. Усилия этого поколения отчасти увенчал великокняжеский привилей рада панов 1542 г., в котором монарх обязался не разбирать литовских дел, будучи в Польше. /562/

Под влиянием Боны Сигизмунд II не спешил раздавать освободившиеся должности. В 1541–1542 г. не были заняты посты вильнюсского и тракайского воевод, вильнюсского каштеляна, великого гетмана, великого и дворного маршалков, киевского воеводы. 30 июня 1542 г. великий князь большинство из них заполнил. В 1544 г. он хотел созвать сейм, но по пути в Вильнюс занемог и остановился в Бресте. После долгих препирательств на рубеже лета и осени тут собрался сейм (фактически же всё решала рада панов). Аристократия получила удобный повод выразить свои чаяния. Престарелого и больного Сигизмунда II стремились устранить, чтобы под его прикрытием не могла действовать Бона. Заменить монарха думали уже повзрослевшим Сигизмундом-Августом, определив ему резиденцию в Вильнюсе. Оставив отцу номинальную и передав сыну фактическую власть, рада панов надеялась сохранить союз с Польшей и все преимущества самостоятельного управления. Это прекрасно понимали Бона и польские вельможи, потому они и противились подобным

планам рады панов Литвы. Последним тем не менее удалось добиться своего, поскольку их поддержал Сигизмунд-Август, желавший получить хотя бы часть отцовской власти. 6 октября 1544 г. Сигизмунд II подписал грамоту о разделении прерогатив. Сигизмунд-Август получил неограниченную власть в предоставлении судебных (с правом конечной апелляции), духовных и светских должностей, а также в распоряжении хозяйством домена. Скарб (казна) страны оставался в ведении отца, из него сыну выделялось 18 тыс. коп грошей на содержание литовского двора и международное представительство. Эту сумму дополнила субсидия в 8 тыс. золотых из казначейства Польши на содержание приватной собственности 200 польских придворных. Государственных печатей Сигизмунд-Август не получил, ему пришлось пользоваться своей личной печатью. Он мог реально располагать великокняжескими прерогативами, поскольку титул ему уже был предоставлен коронационным актом 1529 г. Сохранение за собой высших прерогатив Сигизмунд II закрепил введением титула верховного князя Литовского (соответственно и Бона стала титуловаться верховной княгиней). Зная позицию Сигизмунда Старого, надо отметить, что это не было признанием суверенитета Польши, но – перераспределением прерогатив монарха Литвы. Своими правами Сигизмунд-Август мог воспользоваться только при отсутствии Сигизмунда II в Литве. Фактически это была власть наместника, однако наместник, как и в результате действия Островского договора 1392 г., становился самостоятельным монархом, при этом теперь никакие правовые акты не предусматривали суверенитета Польши. /563/ Безусловно, последующие события показали, что Сигизмунд-Август не был Витовтом Великим. Правда, в 1544 г. Литва могла и обойтись без великого мужа, однако впоследствии, при правлении уже самого Сигизмунда-Августа, необходимость в подобном муже возникла.

Единственный сын Сигизмунда Старого и Боны проявился именно как сын Боны и Сигизмунда Старого. Работящий отец не находил времени, чтобы проверить, как воспитывается его наследник. Мать без стеснения пыталась сделать из него собственную копию, /564/ а для этого прежде всего следовало превратить сына в свое орудие. Ребенка, а впоследствии юношу, настойчиво приучали к среде, в которой главным были развлечения и удовлетворение прихотей. Краковский двор, эта мощная европейская резиденция, способная широко пользоваться услугами эрудитов, был одновременно центром рафинированного гедонизма. Из всех воспитателей юного Сигизмунда-Августа самый заметный след оставил Иоанн (Джованни) Амато Сицилийский, человек большой образованности и интеллекта, но не слишком высокой морали. В жилах молодого Ягеллона смешались крови разных народов (литовская, русинская, немецкая, итальянская), и это была удачная генная комбинация. Сигизмунд-Август в самом деле был одаренным человеком, способным постичь многие ценности, развить отменный вкус, умевший тонко распознавать истинное значение намерений и мыслей собеседника. Умевший, но часто не желавший. Сызмала не зная ни в чем отказа, он был не в состоянии обуздывать внезапно возникшие желания и в чем-либо себя ограничивать. Если Сигизмунд Старый отличался трудолюбием и умением взять быка за рога, то именно этих качеств недоставало его (вернее – Боны и его) сыну. Обосновавшийся в вильнюсской резиденции Сигизмунд-Август не испытал в жизни никаких трудностей, не был знаком с военным делом, привык к беспрекословному исполнению своих повелений – вне всякого интереса к тому, чтобы эти его повеления были наилучшим образом исполнены. Ему хватало воли, но эта воля была твердой лишь в удовлетворении естественных желаний и не касалась жизненной необходимости. В таком же духе он разбирал дела, откладывая то, что представлялось неинтересным или требовало напряженной работы. Среди современников он получил прозвище по одному из своих излюбленных словечек («послезавтра»). /565/

Пока Сигизмунд-Август приятно проводил время в Литве (на кухонные нужды ежегодно выделялось 30 тыс. польских золотых; в 1546 г. он охотился 223 дня), не прерываемая войнами политическая жизнь страны совершалась на сеймах, постепенно проясняя элементы бытовой и социальной программы дворянства. Раздача важнейших

должностей в 1542 г. не решила проблему вакансий. В конце лета 1544 г. паны даже грозили бойкотировать совещания со ссылкой на то, что трудоустроенных должностных лиц слишком мало. В ту пору не были назначены канцлер, великий гетман и великий маршалок, воеводы Тракай и Подляшья, вильнюсский и тракайский каштеляны. Первым собственноручно подписанным актом Сигизмунд-Август назначил князя Януша Ольшанского тракайским воеводой, Александра Ходкевича – новогрудским воеводой, Станислава Кишку – витебским воеводой, князя Симеона Пронского – киевским воеводой, Григория Виршила-Остика – вильнюсским воеводой, Иеронима Ходкевича – тракайским каштеляном, Николая Радзивилла Черного – великим маршалком. В конце 1546 г. вильнюсский воевода Иван Глебович был назначен канцлером. Фактически это позволило обойти соглашение отца и сына Сигизмундов о государственных печатях (до того акты, исходящие из канцелярии Сигизмунда-Августа, курировал секретарь Валериан Протасевич, а также дворный маршалок и подскарбий Иван Горностай). За два года правления Сигизмунда-Августа, кроме вышеназванных, другие важные места в раде панов заняли: место Вильнюсского епископа – Павел Ольшанский, Луцкого епископа – Георгий Хвальчевский, Жямайтского епископа – Вацлав Вежбицкий, тракайского воеводы – князь Януш Дубровицкий, Жямайтского старосты и тракайского каштеляна – Иероним Ходкевич, полоцкого воеводы – Станислав Довойно, луцкого старосты – князь Андрей Сангушко. Из светских сенаторов только Иван Глебович и Иван Горностай остались от времен Альберта Гаштольда. Увеличилось количество сенаторов-русин, однако такие люди как Ходкевичи и Глебовичи считали себя скорее литовцами, чем русинами. Жалобы польских сенаторов на то, будто рада Сигизмунда-Августа «молода и худа», наилучшим образом доказывали, что ее члены, подобно своим предшественникам, верно понимали интересы Литвы и умели их защитить. Привезенный юным Ягеллоном польский двор почти не имел возможности проникнуть в государственные структуры и оказывать влияние на уклад страны. Группировки в раде панов, вне сомнений, сложились и на этот раз: большинство советников завидовало удачливым Радзивиллам. Конечно, и эта рада панов более всего защищала свои личные интересы и, учитывая неопытность и беспечность наместника, весьма в этом преуспевала. Сановники погрузились в роскошную жизнь, насаждаемую Сигизмундом-Августом (паны закатывали обеды на 100 и 300 персон). Не все они и не сразу осознали те возможности, что открылись перед страной после завоевания ею прочных позиций в регионе и достижения пусть минимального, но приемлемого уровня развития. Естественно, все эти возможности доставались лишь правящему меньшинству. Сигизмунд-Август начал править, когда в стране уже 4 года свирепствовал голод. Не было принято никаких мер для помощи пустеющим крестьянским хозяйствам, хотя закрома Боны были полны.

В финансовой области новый властитель проявил себя хорошим учеником Боны. Его агенты сумели вместо 82 тыс. коп грошей дохода, полученных в 1531–1535 г., за период 1544–1548 г. повысить сумму доходов до 351 тыс. золотых (т. е. почти удвоить). Однако расходы были еще больше. За то четырехлетие бюджет испытал дефицит в 8000 золотых. Тем не менее от малоценных Силезско-Швейдницких грошей, наводнивших Великое княжество Литовское и сделавших убыточной торговлю в стране, удалось избавиться, учредив казначейские камеры для сбора «плохих» денег и чеканки «хороших» из их же серебра. Это сделали доставшиеся Сигизмунду-Августу от отца Войцех Пехцицкий, Валентин Велогарский и Лука Станиславович. Доходы казны были изрядно пополнены благодаря увеличению и упорядочению повинностей, эти успехи оказались достигнуты трудом податных сословий, но, увы, не были использованы наиболее рациональным образом. Сороковые годы не принесли существенных новшеств в управлении экономикой, однако в инструкции 1547 г. внимание державцев имений и замков было обращено на то, что деньги просачиваются в повинностные отношения. В 1548 г. рада панов заключила с великим князем договор, выделяющий его приватные земли. В стране действовали отдельные категории государственных и великокняжеских хозяйственных земель.

Упорядоченная оборона южных границ сделала более спокойной жизнь южных земель государства. Пограничные старосты в 1542–1545 г. сами начали атаковать крымских татар, доходя до /567/ Очакова, т. е. до Черного моря. Рада панов не решалась придать этим действиям характер планомерной акции, опасаясь турецкого ответа. Россия, напуганная последней войной и возглавляемая монархом-отроком, не смела нападать на Литву. Перемирие 1549 г. было вновь продлено. В сороковые годы экономика страны, особенно в той части, что не пострадала от войны, заметно выросла.

д. Дебют второй пары Николаев Радзивиллов

По мере заимствования наиболее зрелых общественных отношений, проходившего на основе литовского феодализма, могущество знати складывалось и развивалось при неделимом единстве крупного землевладения и высшей администрации. Однако скороспелая и поверхностная феодализация не доросла до многоукладного уровня, поэтому личная власть аристократии успела выразиться в полном объеме лишь на их частных владениях. Попытки распространить ее через посредство административных постов, как это делали Кезгайло в Жямайтии, пресекались великим князем, даже когда он пребывал в Польше. Система должностей осталась обособленной структурой, оберегающей государственную централизацию. Могущество вельмож было трудно представимо без этого компонента.

Подобное положение превратило магнатские владения в автономные единицы, обладавшие мало ограниченным иммунитетом. Дворянин мог покинуть такого пана, лишь утратив собственную землю. Если сохранившиеся князья перестали чем-либо отличаться от новоявленных панов, то последние в своих владениях пользовались фактически княжескими правами. Дарованный императором титул обретал в стране силу лишь после утверждения его великим князем Литовским. Четырехлетие правления Сигизмунда-Августа (до смерти его отца в 1548 г.), когда фактического монарха почти не стесняли внешнеполитические заботы, стало весьма удобным для завязывания его особенно тесных личных связей с высшей элитой. Беззаботная жизнь вильнюсского двора стала золотой жилой для могущественнейших магнатских семейств. И тут два фактора работали именно на Радзивиллов.

Первым фактором была сама личность Николая Радзивилла Черного. Человек больших способностей, он умело использовал свое положение. Его назначение маршалком фактически маркировало завоеванную позицию. Должность, куда менее значимая, чем канцлер или гетман, в руках Николая Черного стала мощнейшим орудием, позволившим ему расположить к себе и подчинить ближнее /568/ окружение правителя. Будучи на пять лет старше Сигизмунда-Августа, Николай Черный оказывал огромное влияние на ленивого сибарита, предлагая тому решения проблем, мешавших беспечному существованию.

Второй фактор – случайность, которая стала явлением, определившим жизнь всей страны. Познакомившись с вдовствующей Варварой Гаштольд – двоюродной сестрой Николая Радзивилла Черного и сестрой Николая Радзивилла Рыжего – Сигизмунд-Август влюбился в нее. Воспитанник Боны и Амато Сицилийского, по- /569/ знавший не одну женщину, вел постоянную и активную интимную жизнь. Причиной тому был и его трагический брак с Елизаветой Габсбург (1543 г.), от которого столько ждал его отец. Варвара Радзивилл поначалу казалась очередной любовницей великого князя, но эта любовь не осталась эпизодом. Смерть Елизаветы (15 апреля 1545 г.) освободила Сигизмунда-Августа от ограничений и обязательств. Суть была в том, что очередная интрижка юного Ягеллона превратилась в страстную привязанность. Любовь Сигизмунда-Августа и Варвары Радзивилл, не уступавшая истории шекспировских Ромео и Джульетты, стала темой множества произведений искусства. Однако сама она была не творением художника, а подлинной жизненной драмой. Следует говорить о феномене Варвары Радзивилл: красивая, но капризная и болезненная (это вскоре получило трагическое развитие) подданная покорила

избалованного жизнью и непостоянного властелина, пробудила в нем сокровенную нежность и отзывчивость, затронула струны, к которым никто до нее не притрагивался. Любовь Сигизмунда-Августа и Варвары Радзивилл не знала преград и условностей и стала вызовом всему великокняжескому двору. Оба влюбленных оберегали это чувство от посторонних. Варвара так и не стала политической фигурой, ибо всю себя отдала возлюбленному. Но и ее избранник, насколько позволяло положение, жил ею и для нее. Отправляясь в Литву, Сигизмунд-Август обычно проводил время с Дианой ди Кардона (ее Бона когда-то привезла с собой), воспитанницей итальянской культуры, которая, хотя и достигла 40 лет, сохраняла красоту и очарование женщины Возрождения. Она, пожалуй, осталась ярчайшим, но не выходящим из ряда, экспонатом «коллекции» Ягеллона. В Варваре он обнаружил то, чего никто никогда ему не предлагал. Но это проявлялось лишь в камерной атмосфере, весь духовный мир Варвары раскрывался только в моменты личного общения, однако и этого хватило, чтобы безмерно разборчивый сильный мира сего не пожелал с ней расставаться. Не всякое сословие, не любая страна и далеко не каждая эпоха могли породить такую женщину, а литовская аристократия XVI в. оказалась на это способна. Варвару Радзивилл можно назвать лицом Литвы в эпоху Возрождения, гармонично дополнявшим спекулятивный и нетворческий, однако высокий интеллект Сигизмунда-Августа.

Оба Николая Радзивилла – Рыжий и Черный – не могли не видеть, что происходит. Они потворствовали влюбленным, поскольку это было на пользу семейству Радзивиллов. И противились, поскольку это бросало тень на семейную честь. Шаги просчитывались в зависимости от соотношения этих двух величин, с целью достижения положительных и исключения отрицательных последствий. При необходимости обсуждения столь тонких материй в ход /570/ пускались намеки и иносказания в расчете на дальнейшее многообещающее развитие этой связи. Двоюродные братья не могли предугадать, в какую феноменальную любовь превратится этот роман, однако они прекрасно видели, что за страсть обуяла коронованную особу, привыкшую удовлетворять любое свое желание. Владея ситуацией, Радзивиллы принудили влюбленных расстаться и создали условия для тайного их свидания. Оставалось лишь заставить их врасплох, что и было сделано. Все действующие лица были умело расставлены, монарху смиренно указали на обиды и страдания подданных. Реакцию великого князя было легко предвидеть. На этот случай оказался подготовлен священник, и счастливые любовники были обвенчаны. Это произошло летом 1547 г.

Кейстут тоже породнился с Видмонтами-Бутримами, а Витовт Великий – с Судимонтами. Однако то были браки правителей изолированной раннемонархической страны, а не руководителя государства-соперника Габсбургов, тогда могущественнейших монархов региона. Сигизмунд-Август бросил вызов всем противникам Радзивиллов в Литве, всей Польше, всей династической политике Ягеллонов, в центре которой стояла всесильная Бона. И он, и Радзивиллы хранили брак в тайне, но подобные события не могли быть надолго скрыты. В дополненных списках промежуточной редакции литовских хроник обнаружилось повествование о женитьбе Сигизмунда-Августа на Варваре Радзивилл. Хронист писал о секретности и в то же время о пасквилях, распространяемых вокруг великокняжеского дворца. Он нигде не указывает, будто в разглашении тайны повинны Радзивиллы, но никто не стал бы /571/ отрицать, что им была выгодна подобная «гласность». Расстояние между Вильнюсским и Краковским престолами, а также очевидность того, что Сигизмунда Старого покидают последние силы, – всё это действовало в пользу Радзивиллов и их невольного союзника Сигизмунда-Августа. Отец успел узнать о поступке сына и был им потрясен. Он наотрез отказался признавать этот брак. Сановники Литвы и Польши были завалены письмами с пересказом этого решения, но изменить что-либо уже было невозможно. В то самое время, когда Сигизмунд-Август готовился к возведению Варвары на великокняжеский престол, 8 апреля 1548 г. из Кракова пришла весть: 1 апреля скончался Сигизмунд Старый.

Для Литвы это известие означало безусловную победу Сигизмунда III Августа и Радзивиллов. В Польше нового монарха ожидала тяжелая борьба, но в ней польская аристократия была уже лишь союзницей Боны, но не ее орудием. Более всего Бона проиграла

от конфликта с сыном в той области, где он не жалел энергии. Тут она в лице и образе собственного сына столкнулась с самой собой. Гегемония Боны в Литве рухнула.

Тема возведения Варвары в польские королевы стала вопросом выхода политики Радзивиллов на международную арену. В начале 1548 г. Николай Черный взял в жены Елизавету Шидловецкую, тем самым не только породнившись с могущественным польским родом, но и став свояком видного польского гетмана Яна Тарновского. В начале апреля того же года места первых дам сформированного двора великой княгини заняли Шидловецкая (теща Яна Тарновского) и полянецкая кастелянша Слупецкая, должность вахмистра – люблинский каштелян Станислав Мацеёвский. Тем временем окружение великого князя Литовского, где наибольший вес имело слово Радзивиллов, стало полем карьерного роста для польской знати. Еще в 1547 г. Николай Радзивилл Черный возвратил в Вену 30 тыс. золотых – часть приданого покойной великой княгини и королевы Елизаветы. Миссия была успешной не только для Сигизмунда-Августа, но и для исполнителя этого поручения: император возвел Дубингяйских Радзивиллов в князья Священной Римской империи (гербом Радзивиллов стал одноглавый черный орел с городельским Трубным щитом на груди). Пользуясь милостями Сигизмунда-Августа, Радзивиллы, естественно, не забывали о себе (великий князь финансировал строительство их дворца в Вильнюс- /572/ се), однако всю свою карьеру они традиционно связывали с литовской государственностью, ибо прекрасно понимали, что это их единственная опора в соперничестве с польской знатью.

Борьба Сигизмунда-Августа за коронование Варвары была одновременно борьбой короля с этой знатью. Ее Ягеллон выиграл, и Бона, став его врагом, окончательно утратила и власть, и сына. В 1551 г. смерть отняла Варвару у Сигизмунда-Августа, и это подкосило его навсегда. Гроб с телом Варвары властитель сам сопровождал в Вильнюс во исполнение ее последнего желания. В подземельях Кафедрального собора, рядом с сыновьями Ольгерда, Кейстута и дядей монарха – Александром II, нашли успокоение обе жены Сигизмунда-Августа. Радзивиллы лишились родственной связи с правителем, однако он, поселившись в Польше, мало чем мог им помочь. А в Литве их позиции, подкрепленные международными связями, были достаточно прочны. Когда монарх жил в Кракове, они и там были на первых ролях, их гегемония была даже более мощной, чем у покойного Альберта Гаштольда. Николай Радзивилл Черный в 1550 г. стал канцлером, в 1551 г. – вильнюсским воеводой, Николай Радзивилл Рыжий в 1553 г. – польным гетманом.

За исключением первых девяти лет правления Александра (1492–1501 г.) рада панов уже 100 лет руководила великим княжеством Литовским, а правители лишь изредка навещали в страну. Таковым был расклад политических институтов середины XV в. в еще недостаточно зрелой стране; и события диктовали ей ускоренное созревание, а не оно – событиям. Панская олигархия воспользовалась этой ситуацией, но в подобных условиях преобладала бытовая и социальная, а не политическая польза. Тем не менее, решающие испытания первого десятилетия XVI в. продемонстрировали значительный прогресс в политическом развитии литовской аристократии, и несколько лет гегемонии Альберта Гаштольда обозначили необратимость этого процесса. Выход на авансцену Николаев Радзивиллов – Черного и Рыжего – указывал, что главы элитных семейств стали столпами политической жизни в государстве. Если исключить частные великокняжеские земли, главными рычагами управления страной стали врады – высшие должности, сконцентрированные в руках этих лидеров. Это свершилось в ту пору, когда в главном институте наиболее широкого сословного представительства – сейме – начали выявляться стремления, отвечавшие интересам всего дворянства. /573/

е. Фактор социальных устремлений рядовых дворян и его значение

Если стремления панов окончательно созрели и слились в общую политическую линию

в двадцатых-тридцатых годах XVI в., то хозяйственные и социальные цели дворян начали выявляться на сеймах лишь в сороковые годы. Это было predetermined характером формирования дворянского сословия как прослойки, обладавшей юридически очерченными правами. Привилей Сигизмунда-Августа стране от 1547 г. в общем виде сформулировал права сословного дворянства.

Дворянские чаяния стали проявляться в форме прошений на имя великого князя. В сороковых годах (на сеймах 1544 и 1547 г.) эти прошения почти не выходили за бытовые рамки. Высказывались просьбы не карать без суда, не позволять крестьянам свидетельствовать по делам дворян против великокняжеских державцев, в делах против мещан руководствоваться Литовским статутом, не давать должностей иноземцам. Это гарантировал и I Литовский статут, но соответствующие статьи не всюду действовали. Отдельные пожелания дворян позволяли постепенно утвердиться общему правовому подходу. Так, подавались прошения о непривлечении к духовному суду по светским делам, непредоставлении должностей священнослужителям, недозволении им быть помощниками судей. В 1544 г. была оглашена идея создания комиссии из 10 человек по исправлению Литовского статута. Достигнутая страной правовая культура позволяла сосредоточиться именно на юридических вопросах. По сути, началось наступление на правовые привилегии знати. Все громче делались требования не вывозить судебные книги из поветов. Рост самосознания дворян наиболее зримо проявился в прошениях относительно выборности судей (как образец приводилось Подляшье).

Великий князь и стоящая за ним рада панов отвергали эти требования или же внешне положительными ответами вуалировали нежелание что-либо решать. До внесения поправок в статут было отложено решение о денежном содержании надзорных (они посылались судьями для выяснения обстоятельств дела). Дворянские требования не составляли единую систему, они тонули в бытовых мелочах (таких, как вопросы о канцелярских оценщиках или попытки запретить наем прокураторов-адвокатов). Более внятно были изложены лишь пожелания о назначении на военную службу. В 1544 г. появилось прошение о том, чтобы в течение 8 лет не проводить новой переписи дворянских поместий, а на службу набирать только из земель, отошедших великому /574/ князю, или из церковных земель. В 1544 г. дворянам удалось уменьшить норму снаряжения одного всадника с 8 до 10 имеющихся крестьянских служб. Отсюда последовали и более широкие требования: не призывать на войну без постановления сейма, не брать серебщины со снаряжающих воина. Великий князь, естественно, с этим не согласился. Сигизмунда-Августа возмутили просьбы не учреждать таможен в дворянских поместьях, а также доверить сейму надзор за чеканкой монет и использованием серебщины.

Растущее сословное самосознание дворян (шляхты), основанное прежде всего на бытовых интересах, оказалось направлено против мещанства. На сеймах сороковых годов были выдвинуты требования о назначении оценщиков для городских ремесленников и упорядочении системы мер. Дворянство стремилось к монополии на правовые привилегии и желало ею воспользоваться. Но даже и на этом бытовом начальном этапе проявления самосознания обозначились его национальные элементы. Было выдвинуто требование о комплектовании литовского двора при великом князе (Сигизмунд-Август этого так до конца и не сделал), неиспользовании услуг иноземцев при инвентаризациях великокняжеских земель. Еще сейм 1538 г. подчеркнул, что Великое княжество Литовское не ниже королевства Польского, и позаботился, чтобы поляки не получали пожалований. Сеймы сороковых годов показали: дворяне уже восприняли государство как гаранта своего благосостояния и обнаружили, что гарантии нарушаются общим монархом. /575/

Номенклатура бытовых запросов, тем не менее, стремительно разрасталась. На сейме 1551 г. проявился более системный подход к распределению повинностей. Сигизмунду-Августу пришлось открыто отвергнуть прошения об обеспечении приграничных замков из государственной казны, не требовать от дворян дежурств (караулов) в замках и предоставления обозных подвод, не принуждать к сенокосу (для низшего слоя

дворян эта повинность еще во многих местах была сохранена), повелеть мещанам снаряжать одного пехотинца от 6 домов. Он обещал провести перепись евреев (дворянство требовало собирать с них по одному золотому на оборону). Не были забыты и некоторые требования прежних сеймов. Тут дворянам удалось кое-чего достигнуть. Великий князь согласился ввести присяжных надзорных, позаботиться о том, чтобы не вывозились судебные книги. Главной была уступка, согласно которой реально предусматривалось наличие дворянских заседателей-советников в судах (предусмотрены еще в Ягайловом привилее 1387 г.), их заместителей и присяжного судебного писаря. Был поднят вопрос об отдельной панской юрисдикции, а стремление к контролю над финансами приобрело национальное выражение в требованиях не подпускать иноземцев к казне. И хотя великий князь отверг эти требования, неприемлемые для рады панов, рост осознания дворянами своих интересов стал очевиден.

В 1551 г. уже возникли требования, вызванные расширением рынка. Была предъявлена просьба об отмене монополии на импорт стекла, о назначении управляющими таможен лишь местных дворян, о невзимании пошлин на вывозимое зерно, о безлицензионном содержании корчем, об отмене запрета на вывоз лесоматериалов. За исключением последней (с условием уплаты мыта), эти просьбы были отвергнуты или не дождалось ясного ответа. Новую волну прошений на этом сейме вызвала ревизия великокняжеских земель: дворяне не желали показывать землемерам документы (которых часто и вовсе не было). Некоторые вопросы были по отдельности повторены жямайтами и волинянами. Кстати, жямайты еще категорически требовали свободного вывоза за рубеж зерна и скота и беспошлинного ввоза лошадей и оружия. Стремления литовского дворянства начали обретать элементы аналогии с претензиями польских дворян.

Уровень предъявляемых дворянами требований более всего проявился в вопросе о подготовке нового Литовского статута. Сейм хотел избрать ко- /576/ миссию, однако не смог это сделать. В 1551 г. Сигизмунд-Август обещал сам назначить ее. В 1558 г. комиссия уже работала. В нее было отобрано 10 человек на принципах конфессионального паритета (5 католиков, 5 православных). В нее попал Жямайтский епископ Ян Домановский, каноник вильнюсского капитула Станислав Габриялович, вильнюсский войт Августин Ротунд, вильнюсский судья Павел Островицкий (видный дворянин из Ошмянского повета), писарь великокняжеской канцелярии Мартын Володкевич. Это были представители дворянской элиты, занимавшие церковные и государственные должности.

Разрозненные прошения сеймов еще не составили программу, однако стало очевидно, что она формируется. Начиная с сороковых годов, дворянство, пусть скромно, стало подключаться к государственному управлению. /577/

2. Влияние хозяйственных перемен на жизнь страны

а. Рост товарного рынка

Распространение правильного трехполья и рост барщинных фольварков с конца XV в. стремительно увеличили производство товарного зерна во владениях великого князя, панов и дворян. Уже в конце XV в. в Великом княжестве Литовском было около 80 поселений городского типа, расположенных по большей части на западе государства. В первой половине XVI в. разделение труда стало важным фактором, определяющим общественную структуру. Товарные отношения расширялись как с ростом городов Литвы, так и по мере вовлечения ее в европейский товарный рынок.

До сороковых годов XVI в. из страны вывозилось еще немного зерна. Экспорт в ту пору преимущественно увеличивался за счет лесных полуфабрикатов. Великий князь отдавал большие лесные площади внаем местным и зарубежным (прусским)

предпринимателям. Возрастало число предприятий, речной лесосплав превратился в важную отрасль хозяйства. Цены на древесину росли, и Литва с лихвой покрывала убытки от падающих цен на мед, воск и шкуры. Упомянутые товары, составившие основу экспорта страны в XIV–XV в., хотя еще числились среди вывозимых, однако уже не играли прежней роли. Их абсолютные величины, надо сказать, остались существенными. На рубеже второго и третьего десятилетия вильнюсская таможня за год пропускала около 15 тыс. восковых камней. За воск в 1519–1522 г. она получила 6530 коп грошей. Через Каунас в то время проходило в 10 раз меньше. Цены на зерно росли, так что торговая конъюнктура для барщинных поместий как внутри страны, так и за границей была благоприятной. Дворяне во второй четверти XVI в. окончательно превратились в хозяйствующих землевладельцев, передав первые позиции в военном ремесле своим и зарубежным профессионалам, нанимаемым за деньги.

Товарные отношения привели к тому, что из отдельных протяженных торговых путей стала формироваться дорожная сеть, объединяющая различные местности страны с рыночными узлами и корчемными точками. Денежный оборот, коснувшийся крестьянства, уже не удовлетворялся мелкими номиналами денежек и полугрошей. Сигизмунд II в 1535 г. начал чеканить литовские гроши, в годы правления Сигизмунда III Августа шкала номиналов особенно разрослась. В 1545 г. началась чеканка полудинариев, в 1565 г. – двудинариев, в 1565 г. – двугрошей, в 1546 г. – трехгрошей, в /578/ 1565 г. – четвериков, в 1547 г. – шестериков, в 1565 г. – монет, соответствовавших полуталерам (15 грошей) и талерам (30 грошей), в 1547 г. – золотых флоринов (дукатов), в 1563 г. – золотых португалов (10 флоринов).

Традиционно сложившиеся мыты (пошлины) перестали соответствовать объему и структуре торговли (в первом десятилетии XVI в. брали 1 грош с товарной бочки, полгроша с вола, копу грошей с 10 восковых камней, 15 грошей с мешка соли; были отдельные восковая и соляная камеры). Государство утрачивало возможность увеличения своих доходов. Плохо справляясь с контролированием таможен, великий князь позволял откупать их. На рубеже XV–XVI в. за это соперничали польские толстосумы, но уже в начале XVI в. на подобное оказались способны и литовские подданные. Луцкую таможню на три года откупил в 1505 г. тракайский войт Николай Прокопович. В 1505 г. камеры таким откупщикам стали отдавать в заклад, подобно поместьям. В 1514 г. Абрам Езофович за 4 тыс. коп грошей получил восковую и соляную камеры в Бресте. В 1529 г. брестскую таможню откупила еврейская община. В середине двадцатых годов такую монополию приобрел еврей Михаил Езофович. К брестскому таможенному комплексу относились Гродно, Дрогичин, Бельск, Каменец, Мельник, между тем как тут же, в Подляшье, находящиеся цехановская и тикоцинская камеры принадлежали к Каунасу. Во второй четверти XVI в. частная эксплуатация таможен была несколько систематизирована, расширена таможенная сеть. Большие города, особенно Вильнюс и Каунас, бдительно охраняли свое штапельное право. Ярмарки стали центральным элементом городских привилегий.

Наемный труд распространялся и в городе, и в деревне. В 1547 г. великий князь издал распоряжение о найме для Вильнюса, приказав заключать сделки утром на базарной площади. Много наемных работников требовалось для лесного дела, речного флота и ремесел в больших городах. Наем постепенно приходил на смену закладу. I Литовский статут требовал рассчитываться за долг закладом неограниченное количество раз, а II Литовский статут (1566 г.) просто требовал расплатиться за долг закладом.

Уже в 1529 г. в великокняжеских установлениях для поместий вильнюсского и тракайского поветов решалось, к каким крестьянским службам следует применять барщину, а к каким – денежную дань. Последняя характерно названа осадой (барщинным откупом), т. е. заменяла собой барщину. К этому стремились богатые крестьянские службы, что не всегда совпадало с желаниями землевладельцев. Если в фольварочных поместьях службам было разрешено откупаться от барщины деньгами, то в Жямайтии, где фольварков почти не

было, денежные повинности требовалось насаждать, что привело к крестьянскому восстанию. Великий князь решил взимать деньги там, где было невыгодно применять меры для основания фольварков. Там, где они уже прижились и развивались, денежные повинности специально не вводились. Однако они возникли всюду, и это указывает, что товарные отношения в полной мере достигли села.

Литовская неманская флотилия взяла на себя перевозки по этой реке. Неман стал соперничать с Даугавой, хотя и ее значение возрастало. За вторую половину 1507 г. и весь 1508 г. на каунасской таможене было получено за соль 7 тыс. коп грошей, тогда как в 1508 г. на полоцкой таможене получили только 1291,5 копы. Еще меньше поступало с владимирской и луцкой таможен. В 1529–1532 г. за мед и золу на каунасской таможене взыскали 1460 коп грошей. Реки оставались важнейшими путями. Доставка товаров из Кракова в Вильнюс включала 40 проц. стоимости конной тяги. Речная доставка стоила куда меньше. Однако реки не могли обслужить весь объем товара. Начатая Сигизмундом-Августом реформа землеустройства (волочная) совпала с инициированными государством кампаниями по прокладке новых и улучшению старых дорог, что ускорялось ранее состоявшимся заселением пограничных участков. По просекам Судовии был проложен путь из Алитуса в Пруссию через Симнас и Вирбалис. Начал функционировать тракт с ответвлениями из Упите в Кенигсберг через Кедайняй, Йосвайняй, Каунас, Вилькию, Сряджюс (быв. Пештве), Велюону, Скирснямуне, Юрбаркас.

Высказываемые на сеймах жалобы дворян на ремесленников свидетельствовали, что поместья не могли обойтись без городской продукции. Государство было вынуждено приняться за регулирование мер и весов. В 1547 г. великий князь ввел (польскую) бочку в 4 польских корца (около 500 л, определение подобной меры вызвано поляками, которые управляли его имениями), однако ее вытеснила местная вильнюсская бочка (около 400 л).

Вильнюс, являясь столицей страны и унаследовав многовековые традиционные связи с Ригой, Новгородом, Черным морем, а также с Кенигсбергом, Данцигом и Краковом, выделился как международный торговый центр. Однако товарно-денежные отношения развивались в Великом княжестве Литовском как составная часть европейского рынка; значи- /580/ тельное влияние на них оказывали экспорт и импорт. Поэтому рынок страны не формировался. Прибрежье Немана было связано с Кенигсбергом, этническая Восточная Литва тяготела к Вильнюсу, Черная Русь и Подляшье – к Данцигу, берега Даугавы и этническая Северная Литва – к Риге. Стремительно поднимался Могилев, чей замок был впервые упомянут только в 1503 г. Город Могилев источники упоминают в 1505 г., а в тридцатые годы XVI в. он уже был самым большим городом восточной окраины государства и пунктом транзитной торговли между Москвой и Краковом. В Россию шли сукно и пряности, в Польшу – пушнина и кожи. Могилевские купцы чаще гостили в Москве и Люблине, чем их контрагенты в Могилеве.

В середине XVI в. литовский грош включился в международную денежную циркуляцию, а сама страна – в революцию европейских цен, вызванную открытием Америки.

б. Возникновение цеховой структуры городов

Развитие городских и поместных ремесел, для которого было характерно выделение ремесленников, работавших исключительно на рынок, когда их ученики и подмастерья путешествовали по городам окрестных стран и широко распространяли заграничную продукцию, – это развитие во второй четверти XVI в. испытало качественный перелом. Использование водяных мельниц для механизации трудового процесса (прежде всего для поднятия молотов и измельчения химических компонентов), установка насосов и постройка постоянно действующих литеен позволили создать технологическую базу для ремонта

привозных изделий и оборудования. В стране появились предприятия по производству продукции широкого применения. В 1540 г. в Вильнюсе начала действовать пушечная литейня (в ней отливались также ядра). В 1547 г. дворовик великого князя Мартын Палецкий получил привилегию на создание стекольного производства с монопольным правом на реализацию изделий, но разрешение на постройку в Вильнюсе бумагоделательной мельницы было дано еще в 1524 г. Действующая в Вильнюсе бумажная мельница упоминается в 1558 г. Распространились мастерские по обжигу кирпича и пережогу извести. Отливка пушек вызвала потребность в колесниках, кожевенниках, изготовителях канатов. В замках Вильнюса и Бреста работали насосы, водопровод и мельницы для производства пороха. Пушкарей, спо- /581/ собных выполнять разнообразные ремонтные работы и изготавливать порох, упоминают инвентари многих замков. Великокняжеские установления 1547 г. повелевают державцам имений и замков развивать ремесла и использовать болотные рудники.

На новых предприятиях работали немецкие, польские и чешские специалисты, однако рядом с ними очень скоро возник персонал из местных помощников. В таких городах как Вильнюс, Каунас и Брест цеховые мастера, применяясь к новым потребностям и возможностям, приобретали новые навыки и расширяли номенклатуру своей продукции. Всё это приводило к быстрому росту количества цехов и ускоренному формированию их организационных структур. В середине XVI в. в Вильнюсе уже действовали около двух десятков цехов, чуть меньше, но тоже немало – в Каунасе, Тракай, Бресте, Луцке. По обороту цеха золотых дел мастеров Вильнюс сравнялся с Краковом и обогнал другие польские города. В Вильнюсе развивались чуть не сорок ремесел. В 1530 г. был построен мост через Нярис.

Цехи выкристаллизовывались из ранее образованных ремесленнических братств взаимопомощи или создавались заново ремесленниками, не связанными с торговлей. В Литве они приобрели вполне характерные для городов Центральной Европы организацию и /582/ структуры управления, их статуты и далее в точности следовали европейским образцам. У них были ежегодно избираемые старосты, кассы, в храмах стали возникать цеховые алтари, сами цехи приобретали дома для управленческих нужд. Цеховая организация вросла в структуру городского управления и стала от нее неотрывна. Появление цехов в больших городах неизбежно вело к изменению положения мещанской верхушки – условно называемой патрициатом. Если в XV в. только она одна властвовала над магистратом, то в первой половине XVI в. ей уже приходилось делиться властью с цеховым руководством, а магистраты, расширив свою социальную базу, стремились потеснить и сузить власть войтов. Еще большим влиянием цехи пользовались в «скамеечных» судах. Великокняжеские привилегии (Вильнюсу 1536 г., Каунасу 1540 г.) и судебные установления 1551 г. воспрещали войтам вмешиваться в дела магистрата, а в Вильнюсе – вызывать его членов на свой суд. Однако войты остались председателями скамеечных судов. Всё это постепенно делало войтов представителями великого князя на местах. Магдебургское самоуправление в Литве сложилось на принципе главенства конфессий. В Вильнюсе из составлявших магистрат 12 бурмистров и 24 советников католиков и православных было поровну. Соответственно распределялись ежегодно менявшиеся два действующих бурмистра и четыре советника. Главы цехов входили в магистраты, но не могли стеснить или устранить власть богатейших купцов, составлявших основу патрициата. Купеческие общины остались элитной прослойкой, организовавшейся в гильдии.

С расширением цехов рядовые цеховые мастера стали авангардом оппозиции рядовых мещан («общества») городской верхушке. Они старались изменить правила самоуправления. «Общество» добилось, чтобы в Вильнюсе из четырех городских казначеев (шаферов, или шафаров) двух избирало оно (двух других назначал городской совет). Для заслушивания казначейских отчетов купцы предлагали своих кандидатов сами, а представителей ремесел (цехов) избирал совет. Однако «обществу» удалось сформировать свою инстанцию, призванную контролировать деятельность магистрата (в Вильнюсе – коллегия «60 мужей», в

Каунасе – «12 мужей»).

Могущество городских самоуправлений внешне воплотили ратуши. Функционировавшие в Вильнюсе и Каунасе весь XV в., в середине XVI в. они архитектурно обозначали городской центр и формировали всю его урбанистическую сердцевину – центральную рыночную площадь. Кстати, в Каунасе эта сердцевина обрела наилучшее вы- /583/ ражение – правильную и просторную четырехугольную ратушную площадь. В Вильнюсе и Каунасе выросли импозантные ратушные здания. Они же стали эталонными камерами мер и весов. С ратушами были связаны камеры взвешивания воска и раскройки сукна. Города выхлопотали у великого князя и пропинационные лицензии (право на изготовление и продажу напитков).

Города уже стали важнейшими пунктами денежного оборота. Именно через них распространялись товарные отношения. Однако это всё еще был только начальный этап их распространения. Вильнюсский купец Матфей Рудамина мог одолжить великому князю 8000 коп грошей, а вообще единовременная торговая операция достигала всего лишь 400–800 коп. Так что крупные капиталы по существу еще не были накоплены. В период Десятилетней войны Вильнюс платил 150 коп грошей налога (и 4 поставы сукна), Брест – 100, Каунас, Гродно, Бельск, Дрогичин, Кременец, Луцк – по 50.

В первой половине XVI в. жизнь текла уже не по замкнутому руслу натурального хозяйства. Дворянские поместья никак не могли обойтись без обмена как при реализации своей продукции, так и в приобретении изготовленных для рынка городских изделий. Сеть городов и местечек формировала весь этот оборот. Структура городских поселений расслоилась по трем уровням. Верхний составили города – обладатели самоуправлений. Малые города (второй уровень), среди них и частные, как Кедайнйя, располагали весьма ограниченной магдебургией или только торговыми привилегиями и образовывали отдельные административные единицы со своими войтами. Такими городами были Расейнйя, Укмярге, Лида, Панявежис, Ошмяны, Шяуляй, Алитус, Мяркине, Вилькия, Пуня, Аникшйя, Велюона. Третьим уровнем были местечки, важная роль в которых отводилась земледелию. У них не было отдельной администрации, хотя жители обычно сохраняли право выхода. Города и местечки были обеспечены собственным тылом. Около 1570 г. в Вильнюсском воеводстве было 108 поселений городского типа (на каждое в среднем приходилось по 409 квадратных километров), в Жямайтском старостве – 48 (502 квадратных километра). Между тем, даже в развитых воеводствах русинских земель эти числа выглядели так: Брест – 36 (1128), Минск – 31 (1790), Новогрудок – 50 (664). Рыночные сборы, хотя и не сравнялись с пошлинами (мытом), стали важной частью государственных доходов. Хотя в местечках цехи не были созданы, это не помешало развитию и концентрации в них ремесел. Локальная ориентация ремесленни- /584/ ков выявлялась и в более новых местечках. Напр., в Вирбалисе в 1561 г. были упомянуты улицы Столярная, Кузнечная, Пекарная, Бондарная, Убойная, Плотницкая, Слесарная, кстати, и Купеческая. Мещанское сословие сохранило личную свободу и право собственности. Город Вильнюс обрел совещательный (весьма ограниченный) голос в сейме. Однако мещане составляли лишь небольшую часть населения городов. Ни они, ни образующий большинство плебс не получили политических прав. Городское самоуправление фактически ограничивалось юридикой крупных землевладельцев, отсекавших своими анклавами городскую территорию. В Литве была создана сословная монархия с единственным представительным сословием – дворянством.

в. Возвышение приоритета ливонской политики

Когда владения аристократии переросли в крупные комплексы, импорт стал для нее экономической необходимостью. С начала XVI в. эту необходимость смягчали получением привилегий на беспошлинную доставку товаров из-за границы (напр., вина из Венгрии через Польшу). Подобные требования на рубеже сороковых-шестидесятых годов стало выдвигать

рядовое дворянство. Эти проявления свидетельствовали о растущей заинтересованности дворян в таможенной политике, а сам этот вопрос постепенно становился частью государственной политики. Вовлеченность поместий в рынок приводила не только к выращиванию товарного зерна. Странам Западной Европы требовались лён и пенька. Эти товары, а также конопля, вывозились в Ливонию со второй четверти XVI в. Кроме Даугавы, важными артериями стали Муша и Вянта. Количество экспортных товаров быстро росло, но в середине XVI в. преимущество оставалось за лесоматериалами. В Салочай в 1547 г. было решено оборудовать специальные лесосклады. Плотность населения на ливонской границе была выше, чем в западном приграничье. Постановления сейма 1547 г. ограничили экспорт леса, превратив его чуть ли не в государственную монополию.

Пошлины были лишь первым шагом в расширении горизонта полити- /585/ ческих отношений, связанных с экономической конъюнктурой. Прежде всего этот горизонт расширялся у панской прослойки. Когда Ливонию охватила реформация, позиции Ливонского ордена (особенно после того, как великий магистр Тевтонского ордена стал в 1525 г. Прусским герцогом) заметно пошатнулись. Ослабление северного соседа, совпавшее с усилением хозяйственно-политических факторов, побудило литовскую знать воспользоваться трудностями ливонцев, тем более, что подобная мысль не была чужда и дворянству. При таких обстоятельствах враждебные действия Ливонии (обычно диктуемые страхом перед Россией) вызывали понятное раздражение. Во время войны с Россией (1534–1537 г.) Ливония запретила вывозить в Литву скот, лошадей, сено, вяленую рыбу. Ливония ориентировалась на заключенное с Россией перемирие (в 1521 г. – на десять, в 1531 г. – на двадцать лет). Зреющее желание воспользоваться слабостью Ливонии росло пропорционально опасениям, что этой слабостью могут воспользоваться Россия или Прусский герцог (способный опереться на свои родственные связи).

Смерть великой княгини Варвары, при том, что Сигизмунд-Август жил преимущественно в Польше, не изменила расстановку сил в Литве. Позиции Радзивиллов еще более усилились, когда Николай Рыжий завершил образование за границей и, окончательно вернувшись на родину, стал польным гетманом. Они хорошо чувствовали реальное положение и знали настроения дворянства. Растущий опыт самих Радзивиллов, пополняемый в процессе государственной деятельности, помогал наметить конкретные цели, отвечавшие этому положению. Николай Черный, посетивший Данциг в 1522 г., оценил состояние и значение этого города с точки зрения литовских интересов. Он сделал выводы, что для Литвы, втягивающейся в рыночные отношения, чрезвычайно важно иметь морские порты, и определил реальную перспективу осуществления этой задачи. Без /586/ сомнения, конкретизации этой мысли помог образ слабеющей Ливонии.

Свои стремления Радзивиллы должны были сочетать с династическими интересами Сигизмунда-Августа. И они пытались направить эти интересы в пользу Литвы, а не Польши. Рижского архиепископа Вильгельма Гогенцоллерна надеялись сделать светским князем и вассалом Литвы по прусско-польскому образцу. Следовало опередить брата Вильгельма, Прусского герцога Альберта, который планировал объединить Ливонию и Пруссию под польским сюзеренитетом (для Сигизмунда-Августа и это было приемлемо). Планам Радзивиллов мешал Ливонский орден, который был много сильнее епископа, и под чьим нажимом съезд сословий Ливонии в 1546 г. ограничил архиепископа в праве выбирать себе преемника.

Ливонские дела переплетались с российскими. Повзрослевший Иоанн IV в 1547 г. провозгласил себя царем. Литве было невыгодно признавать такой ранг в свете незабытых претензий Иоанна III. Непризнание царского титула за русским правителем затрудняло переговоры с ним. В 1549 г. было заключено пятилетнее перемирие с условием, что Литва не претендует на Смоленск, а Россия соглашается с тем, что ее государя не титулуют царем. Однако в 1550 и 1553 г. российские послы протестовали против подобного «нетитулования» и за признание царского титула сулили бессрочный мир. Тем временем Россия вела войну в Поволжье, и Иоанн IV в 1553 г. согласился не воевать 2 года и не именоваться царем. В

таких условиях близился срок решительных действий в Ливонии. Литовским политикам было ясно, что без подобных действий в ближайшее время не обойтись. /587/

3. Волочная помера

а. Окончательное утверждение крепостного права

Как и в других странах Центральной Европы, рост городов и возникновение товарных отношений формировали в Литве товарное поместное хозяйство, требующее прикрепления крестьян к обрабатываемой ими земле, и все это юридически выражалось крепостным состоянием. В частных владениях крепостное право возобладало уже во второй половине XV в. или в его конце. На великокняжеских землях этот процесс проходил медленнее. Во второй половине XV в. земля уже принадлежала лишь великому князю, и любой акт об отчуждении земли в пользу крестьянина должна была издавать волостная или поместная администрация. Однако реликт аллодиальной крестьянской собственности всё еще сохранялся в вотчинном праве наследования имеющейся земли. В начале XVI в. администрация перестала признавать наследование по боковым линиям. Установления для управляющих замками и дворами 1547 г. предписывали не принимать возвращающихся крестьян, которые по каким-то причинам покинули вотчинные хозяйства. С введением поместных инвентарей в перепись попадала поименно вся семья, потому появилась возможность контролировать присутствие или отсутствие не только самого хозяина, но и каждого члена семьи, т. е. прикрепление к земле становилось всеобщим. Право выхода сохранили военно-служилые и некоторые другие категории (бортники, отдельные ремесленники). Однако их круг быстро сужался, особенно это касается невоенных служб, ибо использование этого права означало оставление хозяйства.

Переход от натуральной ренты к денежной обострил проблему приспособления крестьянского хозяйства к возникшим товарным отношениям. От чехарды повинностей крестьяне защищались сохранением традиции и отказом от дробления хозяйств. И хозяйства не мельчали, зато выросло число занятых в них людей; привлекались даже чужаки под видом друзей и помощников (пособников). В службах множилось количество дымов, они начинали заметно отличаться друг от друга. Богатые хозяева приобретали закладников, которых уже начали сменять наемные работники (наймиты, среди которых встречались и обнищавшие дворяне). Бедствующие службы были не способны исполнять повинности, поскольку их укрупнению мешала традиция. Ее негибкое применение приводило к тому, что крестьяне оставляли хозяйства и целыми деревнями отказывались от исполнения повинностей. Во время /588/ войны 1534–1537 в некоторых волостях Жямайтии произошло крестьянское восстание. Напуганная власть прислала на его усмирение татар, немало людей было истреблено. В 1545 г. в Аникшяй начались волнения, в центре которых был Буйвид. Подавляя это движение, великий князь заодно повелел выпустить циркуляры, в которых пообещал обуздать распоясавшихся администраторов и ввести постоянные повинности либо их эквивалент. Общий размер взимаемой ренты в среднем с одного дыма, по сравнению с XV в., уменьшился. Почти треть крестьянских хозяйств была не в состоянии исполнять повинности.

Экономическая и социальная конъюнктура, сложившаяся по мере расширения правильного трехполья и товарных отношений, заставляла землевладельцев руководствоваться и этими факторами для получения желаемой ренты. Крестьян принуждали к введению правильного трехполья с севооборотом и внесением органических удобрений. Зажиточные крестьяне делали это сами. Несвободная челядь в поместьях

уменьшалась по мере того, как земельные полосы (бонды) получал слой паробков. Хозяевам стали запрещать освоение новых лесных площадей, но зато к этому принуждались паробки. Разжившиеся на этом превращались в койминцев.

Наиболее планомерно и целенаправленно эти преобразования в своих владениях проводила Бона, имевшая перед глазами опыт хозяйствования в Италии и Польше. Она понимала, что крестьянское землепользование следует перестроить по польской модели (копии немецкой системы), сведя правильное трехполье к точно отмеренным земельным площадям и связав их размер с величиной повинности. Всё это надо было делать одновременно с внедрением единиц измерения площади вместо мерных бочек посевного зерна для исчисления пахотной земли и условных возов сена для исчисления размера лугов. Такой единицей землепользования был принята волока. Это было сделано в сороковые годы в русинских владениях Боны, расположенных по соседству с Мазовией.

Рабочую команду Боны унаследовал Сигизмунд-Август. В целом ленивый и беспечный правитель, он оказался смышленным и энергичным в изыскании источников новых денежных поступлений. Он понял, что с помощью этой команды можно перестроить великокняжеский домен по волочной модели. Это был огромный объем работ по землеустройству (прежде всего – по измерению), связанный с серьезными социальными преобразованиями. Крестьянскую землю, разбросанную убогими лоскутами по лесам, болотам и пустошам, следовало заменить правильными и точно измеренными земельными массивами, перераспределить всё это между /589/ отдельными хозяйствами. Иначе говоря, надо было окончательно похоронить аллодиальную традицию крестьянского землепользования и заменить ее системой, основанной на чисто административном распорядительном управлении.

В 1547 г. в Алитус и соседние волости были посланы землемеры для расчета земельных участков на волочной основе для вновь создаваемых деревень. В 1549 г. это было сделано в Каунасском старостве. В Жямайтии волоки были приняты к измерению в 1553 г. Уже Бона, вводя волоки, повелела учреждать новые, к ним приспособленные, поселения и переводить туда крестьян. Сигизмунд-Август приказал выполнить это в масштабе всего хозяйственного домена. При измерениях совершенно не принималось во внимание использование земли крестьянскими хозяйствами. Сам великий князь провозгласил правило: земля и крестьяне есть наша собственность. Так были окончательно уничтожены остатки аллодиальной собственности крестьян на землю. Отнятая у них и общая земля (альменда) была перемеряна волочными единицами и распределена массивами, а крестьянские усадьбы – собраны в новые деревни. Переселенным в деревни уличного типа крестьянам были приданы по три таких массива. Каждое крестьянское хозяйство получало в нем свой надел. Севооборот совершался в масштабе этих массивов (а также наделов), когда поочередно высевалась рожь, яровые и земле давался отдых под паром. Полученные хозяйством три надела составляли волоку. Квадратура волоки зависела от качества земли (для плохой, или подлой, земли она была большей, чем для хорошей). В среднем волока равнялась 21,3 гектара. Все повинности следовало платить с волоки.

Суть реформы была в том, что повинности увязывались с размером крестьянской земли, а сама земля была четко разбита на правильные массивы и обрабатывалась по принципу правильного трехполья. В лесах было запрещено рубить просеки без разрешения администрации. Сложная в управлении система была поручена назначаемым из крестьян войтам, которые за войтовство получали дополнительную землю. В массивы включалась и учитывалась как обрабатываемая, так и пустующая земля, поэтому волок хватало. Крестьяне могли брать земли, сколько хотели, вернее – сколько могли исполнить повинностей. Иначе говоря, размер хозяйства стал связан с его потенциальной производительностью. Люди, не обладавшие лошадьми и волами, брали малые участки земли и образовывали категорию огородников. Исчез промежуточный слой койминцев. Подготовительные установления о волоках были отредактированы в 1553 г., а окончательная редакция («Устава на волоки») сделана в 1557 г.

Устава на волоки провозглашала, что великий князь всюду же- /590/ лает иметь фольварки, поэтому барщина стала основой всех повинностей. Вымеренные для фольварков массивы (поместные пашни) были распределены по деревням в такой пропорции, что на одну фольварочную волоку приходилось 7 крестьянских волок. С волоки требовалось отработать 2 барщинных дня в неделю. Барщина была введена не везде. Тут особенно отличилась Жямайтия, земельные привилегии которой предусматривали не учреждать новых великокняжеских дворов, а крестьяне наиболее ожесточенно противились новым повинностям (в 1545–1546 г. были волнения среди крестьян Гондинги и Ретаваса). В 1553 г. были еще установлены гвалты (срочные призывы) на полевые работы для крестьян, не исполнявших барщину, но в 1557 г. их сменило зерновое или денежное дякло. Не исполнявшие барщину крестьяне платили также осаду. Кроме натуральной дани, за волоки взимался чинш (15 грошей с волоки).

Сумма повинностей изменилась ненамного, однако они были перераспределены с помощью новых волочных норм, основанных на трехполье. Это в большей мере соответствовало хозяйственным возможностям крестьян. Крестьяне разделялись на 4 категории (огородники; имеющие скота в недостатке; середняки с хотя бы 2 волами и 1 лошадей; зажиточные, или крупные, с 6 и более головами скота). Пострадали богатые крестьянские службы, однако это не было уравниловкой, ибо всё основывалось на движимой крестьянской собственности. Большинство бедствующих крестьян выбивалось из нищеты, росло количество середняков. Дифференциация среди крестьянства уменьшилась именно благодаря росту этой категории. Общий хозяйственный потенциал литовской деревни всего за несколько лет сделал резкий скачок. Великокняжеские доходы от дворов (около 20 тыс. коп грошей) увеличились более чем втрое.

В начале шестидесятых годов волочная реформа была по существу завершена. Земли дворян, вклинившиеся в великокняжеские владения, были изъяты с предоставлением замены в других местах. Великокняжеские владения обрели четкие границы. Оценив эффект волочной реформы, в 1560 г. ее стали вне- /591/ драть на своих землях паны. В течение половины жизни одного поколения в Литве произошел переворот в землеустройстве, землепользовании и земледелии. Рало с одним сошником-норогом повсюду, где это не произошло ранее, сменилось сохой с двумя сошниками. Из этнической Литвы и ближних русинских земель волочная помера в последние десятилетия XVI в. распространилась на Полоцкое и Витебское воеводства.

Волочная реформа окончательно ввела строгий административный контроль над каждым крестьянским хозяйством, позволила сохранить механизм пристального надзора тиунов за исполнением повинностей. Этот механизм был необходим для эффективного выполнения барщинных работ. Прикрепление крестьян к земле скрупулезно регламентировало всю их жизнь. Крепостная зависимость стала жизненной нормой. Старые повинные категории были заменены барщинниками, а также плательщиками чинша и осады. Похожие, т. е. лично свободные крестьяне, сохранившие право на выход, могли покинуть свои хозяйства, но их всюду ждали те же самые условия. В юридическом отношении волочная реформа окончательно определила нерушимую границу между дворянами и крестьянами, отняв у последних возможность даже в порядке исключения получить дворянство на военной службе. Державцы дворов получали право учреждать фольварки, удаляя крестьян с обработанной ими земли (компенсации были отнюдь не равноценными).

Волочная реформа привела Литву к центрально-европейскому типу крепостной зависимости. Она все же фиксировала индивидуальное крестьянское хозяйство. Однако это хозяйство уже не было разделенной собственностью крестьянина и землевладельца, хотя исчезло и давление рода на отдельную крестьянскую семью. Теперь хозяйствование этой крестьянской семьи регламентировалось исполнением повинностей. Повинности были связаны со всем хозяйством, они не вменялись каждому человеку по отдельности. Это было типично европейское крепостничество.

б. Технический переворот волочной реформы

Волочная реформа подтолкнула Литву к освоению европейской агротехники и введению мер площади (получаемой перемножением мер длины). Литовское землеустройство в третьей четверти XVI в. по сути не отличалось от стран Центральной Европы. Сама волока была связана с литовскими мерами длины. Взятый у поляков прут соответствовал 7,5 литовских локтей. 300 квадратных протов составляли морг (0,7 га), 30 моргов – волоку. Упорядочение земледелия повлекло за собой и другие перемены. В 1559 г. были переписаны леса, составлены их планы. В 1567 г. были изданы установления о лесах. Возникла инстанция казначейских ревизоров для контроля над державцами. В 1569 г. была проведена однократная всеобщая ревизия.

Волочную реформу осуществляла команда специалистов под началом Петра Хвальчевского (ему была поручена должность «управляющего монаршими замками и дворами во всем Великом княжестве Литовском»). Это были люди, прибывшие из Польши и вызвавшие неудовольствие литовского дворянства. Однако государство вскоре подготовило местных землемеров, способных работать с этой польской группой. Были созданы специальные школы. Перенос границ коснулся множества людей, и таким образом понятие квадратуры при измерении земельных площадей стало широко распространенным.

Стройная общность единиц измерения площади заполнила пробел в литовской мерной системе. Она стала инструментом государственного контроля и регулирования. Это не значит, что исчезли местные разновидности мер. Напротив, их делалось всё больше с ростом числа городов и местечек. Однако все они были увязаны с единицами мер государственного регламента. В городских ратушах хранились мерные эталоны. Эталонизация мер уменьшила амплитуду их колебаний и изменений с течением времени. Литовские меры обеспечили себе место в торговом обороте.

в. Ревизия дворянского сословия

Уточнение границ великокняжеских владений при проведении волочной померы потребовало документальной проверки прав дворян на владение землей. Последняя акция означала для мелкого дворянства проверку самого их сословного статуса. Многие мелкие дворяне не обладали нужными документами, и на них были заведены дела о выяснении происхождения. При изъятии земель, вклинившихся в великокняжеские владения, их владельцы получали от землемеров квитанции для получения замены в других местах. Для не доказавших своего происхождения дворян возникла проблема получения подобных квитанций. Дела затягивались, а до их окончания получить землю было нельзя. Даже успешный ход дела затруднялся бюрократической рутинной. Те, кто был неспособен доказать свое происхождение, лишались дворянского статуса.

Из дворян, лишившихся своего сословного права, образовалась категория, именуемая боярами, которая фактически пополнила прослойку военных слуг. Термин «боярин» уже не означал принадлежности к дворянскому сословию. Это понятие стало обозначаться словом «шляхта». Если в начале XVI в. большинство мелких дворян еще не имело собственных гербов, то теперь герб сделался обязательным атрибутом дворянства (шляхетства). Поэтому на геральдические щиты стали помещаться знаки или даже предметная гербовая графика, созданная специально для этой цели. На ее основе по польскому образцу возникли наименования гербов. Эта графика, пожалуй, численно превзошла городельские гербы, но последние распространялись по мере адаптации новых дворянских семейств. Незрелая литовская геральдика варьировала отдельные варианты одних и тех же гербов. Самые мелкие дворяне, особенно в Жямайтии, не располагали гербами даже во второй половине

XVI в., однако сигнеты, хотя бы с изображением знаков, распространились повсеместно. В 1563 г. Сигизмунд-Август выпустил новый привилей стране, суммировавший дворянские права и окончательно уравнивший в правах католиков и православных. Ревизия, вызванная волочной померой и вызвавшая волну приобретения, возобновления и нотариальной записи документов о дворянстве, позволила даже мелким дворянам осознать принцип установления своего происхождения и вытекающий отсюда правовой статус. Дворяне-шляхта в Литве составляли 4–7 процентов населения. Это был высокий процент (подобный зафиксирован в Польше). В других европейских странах он был ниже, но там обычно не наблюдалось такое количество родовитых люмпенов. Часть этих люмпенов работала на земле (особенно в Жямайтии), другая часть составляла панскую клиентуру, т. е. нанималась к ним в услужение или выполняла случайные поручения. Невзирая на это, в сознании среднего дворянина сложился образ его родовой и сословной исключительности. С /594/ середины XVI в. дворяне начали именоваться панями.

На сеймах пятидесятих годов XVI в. дворянские прошения еще не превратились в программу действий, однако сам кругозор дворян заметно расширился. В нем уже зримо проявились признаки национального самосознания. Были выдвинуты требования о непозволении вдовам выходить замуж за поляков, о запрещении на покупку поляками земель в Подлясье и на Волыни, где ограниченно применялись соответствующие статьи I Литовского статута. Сигизмунду-Августу приходилось выкручиваться, отвечая на подобные предложения. Проявления национального самосознания, перешагнув бытовые рамки, поднялись до уровня национального достоинства. Хроника Мартина Кромера, появившаяся (в 1555 г. и позднее) в Польше и содержащая оскорбительные отзывы о литовцах, вызвала быструю реакцию. На сейме 1559 г. по ее поводу было высказано возмущение (написанная на латыни хроника была прочтена многими, ее содержание задело широкую аудиторию). В 1559 г. великий князь решил удовлетворить давние и постоянные дворянские требования относительно пошлин (мыта). Дворяне были освобождены от пошлин с условием не торговать ввозимыми предметами. Естественно, этим ограничивался объем подобного импорта, однако наценка на него была отнята у купцов. Так или иначе, это был удар по городской торговле. Сословная дворянская диктатура стала препятствовать росту городов.

В середине XVI в. завершалось формирование литовского дворянского сословия. /595/

4. Литовское дворянство и реформация

а. Интеллектуальная реформация дворянской элиты

Начавшаяся в 1517 г. в Германии реформация не замедлила проявиться и по соседству с Литвой: в 1525 г. возникло протестантское Прусское герцогство. В управляемых Ягеллонами странах епископы обладали значительным влиянием, и Сигизмунд Старый не был склонен к конфессиональным новшествам, поэтому новое движение он воспринял враждебно. С 1520 г. в Польше появилось несколько королевских запретов. В Литве они, естественно, не действовали, но в 1521 г. был выпущен предназначенный и для нее декрет правителя. В Вильнюсе его огласил папский легат Захарий Феррери. Ориентируясь на жесткую позицию великого князя, вельможи не смели одобрить реформацию, потому ни в двадцатых, ни в тридцатых годах она не нашла внятной поддержки. В городах реформация начала распространяться через мещан немецкой национальности. В экономическом отношении это была элитная, но в то же время замкнутая прослойка. Официально в городских приходах реформация не могла проявиться более десяти лет.

Во второй четверти XVI в. православные Великого княжества Литовского считали

реформацию внутренним делом католиков, которое их не затрагивало или мало затрагивало. В этнической Литве католическая вера была уже необходимой составной частью жизни дворян и мещан. Церковные должности формировали соответствующий магнатам слой епископов и прелатов, а также настоятелей и vikариев сельских приходов, соответствующих рядовому дворянству. Слабо образованное духовенство, чьи рядовые члены смотрели на епископов, как дворяне на панов, пыталось ответить на вызов, брошенный реформацией, при помощи формальных декретов. В 1527 или 1528 г. синод Вильнюсского епископства, в целом заботившийся о произнесении литовских и польских проповедей, постановил совершать таинства на латыни, чтобы исключить какие бы то ни было еретические намеки. Было запрещено приглашать преподавателей из немецких земель. Родовитые Вильнюсские епископы – /596/ ненавистный Боне Иоанн из князей Литовских (1519–1537 г.) и Павел Ольшанский (1536–1555 г.) – были воплощением отрыва аристократии от верующих. Немногим от них отличался и Жямайтский епископ Вацлав Вежбицкий (1534–1555 г.).

При посредстве купечества реформация распространялась подпольно. Однако это не удовлетворяло студентов, посещавших иностранные университеты. Переворот готовила интеллектуальная оппозиция, охватившая часть наиболее активных священников и монахов. Уже в середине двадцатых годов некий францисканец объявил о чтении лютеранских проповедей в Вильнюсе. В середине двадцатых из Литвы в Пруссию попал «Комментарий к Апокалипсису» Иоанна Парвея, ученика Иоанна Виклифа, – сочинение, изданное Мартином Лютером. В середине тридцатых годов закончился «инкубационный период» реформации и стало появляться всё больше ее публичных глашатаев. В 1535 г. действие антиреформатских указов Сигизмунда Старого было распространено на Великое княжество Литовское. Около 1535 г. в пользу учения Лютера высказался Шилальский настоятель Иоанн Тартилович Батакский. В конце тридцатых годов после зарубежного обучения в Вильнюс прибыл Авраам Кульветис, который для пропаганды нового верования открыл в Вильнюсе свою школу. В 1535 г. лютеранский епископ Самбии Георг Поленц рекомендовал Помезанскому епископу Павлу Сперату нескольких молодых людей из Литвы для обучения в конфессиональной столице лютеранства – Виттенбергском университете. Деятельность Иоанна Тартиловича могла быть объяснена соседством Пруссии, однако в Вильнюсе заявили о себе люди, вернувшиеся из более дальней заграницы. Их большинство происходило из Юго-Восточной Литвы или близких к ней земель. Это были Авраам Кульветис, его единомышленники, проявившие себя в сороковых годах – Станислав Раполёнис, Георгий Эйшишкский, Георгий Заблоцкий, Александр Радуйнёнис (Радунский). Все они были рядовыми дворянами. Кульветис и Раполёнис учились в Краковском университете (Кульветис получил там в 1529 г. степень бакалавра, позднее посещал другие университеты). Остальные также занимались интеллектуальным трудом. Таким образом, первыми распространителями протестантизма стали представители интеллектуальной дворянской элиты. В этой среде дворянское недовольство аристократией обрело форму враждебности по отношению к руководству католической Церкви. В сороковых годах латинский секретарь великого князя Вацлав Майшыгальский задумал /597/ и вскоре написал трактат, чья лютеранская концепция возбуждала мысли, направленные непосредственно против папства. Через студентов, посещавших как Пруссию и Польшу, так и Германию, в Литве начала распространяться лютеранская ветвь реформации. Уже в тридцатых годах этим заинтересовался Прусский герцог Альберт. Во второй половине того же десятилетия рекомендации для Виттенбергского университета получили в Пруссии Георгий Эйшишкский, Станислав Раполёнис и другие лица.

Реформатское движение, распространившееся среди дворян и мещан, вызвало реакцию литовских епископов. В 1542 г. Павел Ольшанский добился от Сигизмунда II декрета против Авраама Кульветиса, и последнему пришлось бежать в Пруссию. Туда же вынужден был отправиться и Иоанн Тартилович. Вытеснение нескольких интеллектуалов вновь загнало реформатов в подполье. Две последних трети сороковых годов прошли внешне спокойно для иерархов католической Церкви.

Однако высылка духовно активной дворянской элиты не прервала ее воздействия на свою родину, лишь изменила характер этого воздействия. Интеллектуальный потенциал этой небольшой группы был уже настолько значителен, что им решил воспользоваться Прусский герцог. Заинтересованность Альберта диктовалась весьма важными для него связями с литовской аристократией, а также с тем, что на территории его государства находились литовские подданные. Уже во второй половине тридцатых годов он завел переписку с сочувствующими реформации, но не склонными публично это демонстрировать литовскими панями – Радзивиллами, Ходкевичами, Кезгайло (высказывались намеки на благосклонное отношение к реформации Альберта Гаштольда в последние годы его жизни). При вильнюсском дворе Сигизмунда-Августа лютеранские проповеди читали Мартин Галиний, Георг Альбин, Иоанн Козьминский, Лавр Пшеснецкий (Дискордия). В 1545 и 1546 г. юного великого князя посетил герцог Альберт. Прусский правитель включил литовских изгнанников в деятельность по распространению реформации в Литве. Он поддержал их учение, а интеллектуальные лидеры эмиграции, такие как Авраам Кульветис и Станислав Раполёнис, помогли учрежденную в 1541 г. Кенигсбергскую школу (партикуляр) превратить в университет (1544 г.). Уже в первые месяцы деятельности университета в него записались несколько литовцев (среди них Августин Йомант). Самым главным трудом этих людей было создание литов- /598/ ской лютеранской письменности. Их подвигу весьма повредила смерть Авраама Кульветиса и Станислава Раполёниса в 1545 г., но работа не прекратилась.

В 1547 г. в Кенигсберге вышел литовский лютеранский катехизис. В него вошли подготовленные несколькими авторами переводные и оригинальные тексты (за основу был взят польский катехизис Яна Секлужиана, стихотворное литовское введение написал Мартин Мажвидас, латинское – сменивший в университете Станислава Раполёниса Фридрих Стафил, немец, живший в Литве и обучившийся литовскому). В катехизис были включены начала букваря и литовские переводы полутора десятка гимнов (псалмов). Все тексты отредактировал выходец из Западной Литвы Мартин Мажвидас. Катехизис 1547 г. по содержанию и нагрузке заполнил большой пробел. Мартин Мажвидас, чьим именем в историографии заслуженно отмечена эта вообще первая и первопечатная литовская книга, оказался продуктивным автором, собирателем и редактором литовских текстов. В 1549 г. он выпустил «Песнь св. Амвросия» (*Te Deum laudamus*), в 1559 – «Форму крещения». Уже после его смерти (1563 г.) в 1566 и 1570 г. появились подготовленные им две части песенника Лютера. Кроме Мартина Мажвидаса, гимны (псалмы) переводили Кульветис, Раполёнис, Радуйнёнис, Заблоцкий, Йомант, Шедуйконис.

Литовскую лютеранскую письменность создали интеллигенты, бежавшие в Пруссию из Великого княжества Литовского. Она была предназначена как для подданных герцога Альберта, так и для Большой Литвы (в посвящении Мартинового катехизиса это было особо указано). Для распространения этой письменности в Большой Литве не было реальных условий, хотя некоторое влияние отрицать нельзя. Был сделан большой шаг в развитии культуры и совершенствовании литовской речи, превращении ее в письменный язык.

В 1543 г. Авраам Кульветис выступил с открытым письмом к великой княгине Боне (т. н. «Исповедание веры»). Мотивируя свою конфессиональную позицию, он обратился к куда более широкому кругу проблем. В письме звучал лейтмотив: образованные литовцы с радостью служили бы благу своей родины, но должны работать на других, поскольку никто их не защищает и не поддерживает. Авраам Кульветис объявил об инвестиционной программе для школы с литовским языком обучения. Такая школа отвоевала бы для литовского языка достойные позиции, подвергла его литературной обработке и позволила /599/ немногочисленной национальной литовской интеллигенции расти и соперничать с польскими интеллигентами в борьбе за место при монаршем и панских дворах. Так однозначно был понят реформационный принцип национального языка – как языка литовского. Как видим, интеллектуальная литовская дворянская элита верно осознавала культурное состояние своего народа и усматривала реальные пути для его улучшения. В авангарде стояли эрудиты: Кульветис и Раполёнис были людьми, образованными на

европейском гуманистическом уровне, они на равных дискутировали с авторитетами протестантской теологии – Мартином Лютером и Филиппом Меланхтоном.

Программа Авраама Кульветиса не была осуществлена, поскольку очень далеко зашел процесс европеизации, основанный на неродном языке и уже привлечший многих польских интеллигентов. Малочисленная интеллектуальная литовская дворянская элита могла избрать лишь один путь – конфессиональную революцию. Но эта элита была слишком слаба для того, чтобы противостоять репрессиям со стороны епископов. Тем не менее, она создала литовскую религиозную письменность. Это было наиболее важно для Малой Литвы, однако в конце XVI в. подобный фактор, пусть опосредованно, повлиял на возникновение литовской письменности и в Великом княжестве Литовском.

б. Создание культурной базы Малой Литвы

Литовские интеллигенты-реформаты, издавшие в Пруссии первые литовские книги, в Большую Литву уже не вернулись (остался жить в Пруссии и Иоанн Тартилович). Прусский герцог с их помощью осуществил обе задачи: направил книги о новой вере в Великое княжество Литовское и распространил эту веру среди своих литовских подданных. Последнее достижение не осталось без дальнейшего развития: по смерти Мартина Мажвидаса издательская работа не пресеклась. После гимнов, отредактированных Мартином, в Кенигсберге в 1579 г. вышли в переводе его двоюродного брата Варфоломея Вилента «Энхиридион» (малый Лютеров катехизис и некоторые молитвы) и «Евангелия и эпистолы» (Вилент завершил подготовку отредактированного Мартином песенника). Герцогская власть привлекла к этой работе новых людей, среди них прусса Иоанна Бреткунаса, взявшего на /600/ себя заботу о наследии Варфоломея Вилента и впоследствии плодотворно трудившегося на этой ниве (Бреткунас учился в Кенигсберге и Виттенберге, с 1563 г. был пастором в Лабгуве). Так в Пруссии начали функционировать лютеранское духовенство, исполнявшее службу на литовском языке, а также учреждения по подготовке и изданию лютеранской конфессиональной литературы.

Герцогская власть была абсолютно не заинтересована в развитии литовского языка, однако уровень немецкой культуры (обусловивший соответствующее качество конфессиональных книг, их издания и распространения) повлиял на то, что именно здесь для литовского языка и его письменности было сделано значительно больше, чем в самом Литовском государстве. При почти полном отсутствии литовских дворян и мещан школы испытывали острую нужду в людях, желающих и способных учиться. Разрыв связей с реформатами в Литве привел к тому, что ряды их сторонников не пополнялись за счет прибывавших оттуда интеллигентов, однако этот пробел начал заполняться людьми немецкой национальности, для которых забота о конфессиональном литовском языке стала профессией. Поэтому со времен Мартина Мажвидаса Малая Литва стала очагом подобной заботы, сыгравшим особую роль в истории литовской культуры.

Бытовые связи между крестьянами Большой и Малой Литвы не прерывались. Через границу люди ходили на рынки и в храмы, невзирая на конфессиональные различия (синкретическое крестьянское сознание не вдавалось в такие подробности). Создание фольклора также шло независимо от этой границы. Однако на сословном и политическом уровне эта граница была проведена. Крепостные крестьяне Малой Литвы существовали как отдельный регион литовского этноса, лишенный правящего литовского меньшинства. На него не влияло национальное самосознание, возникшее в дворянской прослойке. В свою очередь культурная база Малой Литвы не присоединилась к пестованию национального самосознания в Большой Литве. /601/

в. Магнатская реформация

Изгнание интеллектуалов-реформатов не привело к официальной победе реформации (за исключением вильнюсского великокняжеского двора), но не прервало ее распространения. Церковное землевладение и бенефиции оставались мишенью для недовольного своим положением дворянства; в еще большей мере дешевая Церковь привлекала мещан. С прибытием Сигизмунда-Августа в Вильнюс в 1544 г. изменилась позиция великого князя. Юный рафинированный государь, воспитанный в духе гедонизма, равнодушно взирал на борьбу конфессий, помня лишь о собственной выгоде. А образец этой выгоды подавало укрепление власти германских князей, а также королей Англии и Скандинавии, где все они стали главами Церкви. Поддерживать новую веру Сигизмунд-Август не спешил, избегая связанной с этим острой борьбы, но антиреформатская позиция Сигизмунда Старого была хотя бы отчасти нейтрализована.

Официально декреты Сигизмунда II не были отменены его сыном. Поэтому литовские интеллектуалы, трудоустроенные в Пруссии герцогом Альбертом, не прекращали работу и в Литву не возвращались. Преследования, однако, сошли на нет. При посредничестве Прусского герцога Авраам Кульветис смог съездить на родину, позаботиться о своей матери и уладить вотчинные дела. Увереннее почувствовали себя склонные к реформации паны, которых (не менее, чем дворян) соблазняли церковные земли. Однако им стоило подождать год или два, ибо состояние здоровья Сигизмунда II свидетельствовало о его близящейся смерти. Подобный период конфессионального перемирия продлился до конца сороковых годов. После смерти старого великого князя паны еще некоторое время выжидали, в надежде, что Сигизмунд-Август выскажется в пользу реформации. Тут они ошиблись, ибо новый правитель вообще избегал вникать в конфессиональные проблемы. Когда это стало ясно, у панов оказались развязаны руки. Приблизительно с 1550 г. они перестали скрывать свои помыслы.

Лидерами, подавшими пример, стали Радзивиллы, и прежде всех второй человек в государстве – Николай Черный. Из своих владений он удалил католических священников или принудил их стать протестантскими министрами. Так храмы, находившиеся под патронажем или на содержании Радзивиллов, перешли реформатам. В Вильнюсе храм новой веры был построен в Лукишском предместье. Поскольку образованных ли- /602/ товцев для пропаганды нового верования не хватало, Радзивиллы решили этот вопрос, как и в других случаях, приглашением людей из Польши и Пруссии. Им было сподручнее опираться на собственную клиентуру, а не поддерживать связи с дворянами или мещанами. В Клецке Николай Радзивилл Черный поместил Фалькония, в других приходах: Кшишковского – в Несвиже, Зачича – в Бресте, Вендриховского и Чеховича – в Вильнюсе. За Радзивиллами последовали Пацы, Шеметы, Дорогостайские, Кишки, Глебовичи, Горские. В протестантизм, также прельстясь дешевой Церковью, стали переходить православные: Пронские, Головчинские, Лузины, Воловичи (Евстафий окончательно не разорвал связи с православной Церковью). Рада панов стала протестантской. Билевичи, обладавшие большим авторитетом в Жямайтии и в сороковые годы сочувствовавшие реформации, стали теперь ее деятельными глашатаями. Не встречая препятствий и видя пример панов, дворянство в массовом порядке перенимало реформацию. В Вильнюсе Николай Радзивилл Черный устраивал угощения для неофитов. Слуг и крестьян никто ни о чем не спрашивал, и в Литве действовал Аугсбургский мирный принцип 1555 г.: чья власть, та и вера. Крестьяне, всё еще связывавшие свою жизнь с языческими представлениями, даже не понимали, в чем и как меняется всемогущий распятый Бог.

Около 1555 г. этническая Литва стала протестантским краем. Католичество удерживалось лишь в среде епископов, капитулов и их клиентуры, в двух-трех приходах, находившихся под патронажем великого князя. Лидер польских католиков Станислав Хозий жаловался в 1555 г., что в Польшу протестантизм проникает из Литвы. Вильнюсский епископ Павел Ольшанский уже не мог репрессировать и терроризировать реформатов, ибо их поддерживал вильнюсский воевода. В 1555 г. Павел попытался созвать синод

Вильнюсского епископства, но, не успев завершить эту работу, умер. Синодом руководил прелат вильнюсского капитула и епископ Жямайтский Вацлав Вежбицкий. В сложившихся условиях он ничего не мог поделать. Вильнюским епископом стал Валериан Протасевич – русин-католик, выросший на службе у Боны. Ему недоставало решительности предшественника, хотя в данном случае и она бы не слишком помогла. Мудрый, но излишне светский Протасевич, научился делать серьезные ходы, весьма болезненные для реформатов, но это случилось много позднее. В Жямайтии преемником Вежбицкого стал поляк из Литвы Ян Домановский. /603/ Этот эрудированный и одаренный человек из-за своих способностей (он оказался высоко квалифицированным юристом) был постоянно загружен государственными делами. С 1556 г. до самой смерти (1563 г.) он был вынужден жить в Вильнюсе. После краткого правления Станислава Наркусского и Виктора Вежбицкого епископом Жямайтским стал Георгий Петкевич (1567–1764), весьма противоречиво оцененный источниками и не проявивший большой энергии. Как можем заметить, католическая Церковь испытывала недостаток в достойных лидерах.

Первые шаги аристократия сделала в сторону учения Мартина Лютера, однако очень скоро случился переход к кальвинизму. Николай Радзивилл Черный переписывался с Жаном Кальвином и Генрихом Булингером. Кальвин посвятил ему свои комментарии к «Деяниям апостолов». Литовская реформация стала кальвинистской, хотя отдельные семейства из дворянской элиты, как Вацлав Майшыгальский и его потомки (Вацлав Агриппа, Пельгжимовские), придерживались лютеранства. Лютеранство исповедовали мещане немецкой национальности. Николай Радзивилл Черный категорически избегал организационных контактов с реформатами Польши. В Литве создавалась национальная кальвинистская Церковь.

Внезапная победа протестантизма привела к взаимному соперничеству отдельных его ответвлений. Неуверенность великого князя и административное всевластие аристократии позволяли не придерживаться антиеретических статей I Литовского статута. Новое верование до поры не нуждалось ни в каких правовых гарантиях. Сигизмунд-Август намеревался перейти в протестантство, однако постоянно откладывал решение. Дефицит образованных людей не позволил создать сеть протестантских школ (учреждены были лишь единицы). Однако реформаты совершили весьма серьезный шаг, организовав типографии (они возникли в Бресте, Лоске, Несвиже, Вильнюсе). Заботой Николая Радзивилла Черного в 1563 г. в Бресте был издан польский перевод Библии. Реформатские издания расходились очень широко, а католики были вынуждены обходиться лишь привозной литературой.

Национальная реформатская Церковь, как и национальная литовская культура, – в условиях, когда всё решали нужды и пристрастия панов, – опиралась не на литовский, а на польский язык. Польская панская реформация окончательно заслонила свою литовскую дворянскую предшественницу. Литовское начало дворянской реформации так и не получило развития. Культурная про- /604/ грамма, намеченная Авраамом Кульветисом, без материальной поддержки оказалась нежизнеспособной.

В шестидесятых годах XVI в. в конфессиональную борьбу влились два эрудита, прибывшие из Польши. Ряды реформатов пополнил Андрей Волан, который много усилий посвятил Литве, однако и с Польшей не прерывал связей, поэтому оставил след в истории обеих стран. Католики получили подкрепление в лице достойного борца Августина Ротунда. Став вильнюским войтом, он все свои силы отдал Литве.

Хотя паны и руководили реформатской Церковью, в самой ее структуре многое решала община. Поэтому паны не могли мани- /605/ пулировать собраниями представителей верующих. Общины и сходы обладали весомым голосом в выдвижении и назначении министров, открылось обширное пространство для проявления различных мнений. Многие министры были небогатыми дворянами и мещанами, некоторые являлись представителями плебса (немалая часть министров происходила из Подляшья). Без особого стеснения они излагали вероучительные истины со своих социальных позиций; всё более выявлялось противостояние богатству и социальному угнетению. В конце пятидесятих годов XVI в.

обозначилось радикальное направление реформации – как отклик на его проявления в других европейских странах. Возник антитринитаризм (непризнание Христа Богом), именовавшийся арианством. В 1558 г. на Брестском синоде кальвинистов Петр из Гонёндзи высказал эту догму. Около 1560 г. ряды министров пополнили изгнанные итальянские проповедники – Станкаро, Бландрата, Паули, Спинелла. Вскоре ариане начали собираться на свои отдельные синоды. Ариан поддержал Жямайтский староста Ян Кишка; в середине шестидесятых годов им благоволил даже Николай Радзивилл Черный, стремившийся сохранить единство реформатов. Он просил у Жана Кальвина совета, как объединить протестантов, но в 1564 г. Кальвин умер. Раскол случился среди самих ариан, уже начавших высказываться по социальным проблемам. В 1568 г. их синод обсуждал вопрос о том, как следовало уничтожить крепостное право.

Действия радикальных министров не могли понравиться панам. Пока подвергалась критике богатая Церковь, это было панам на руку, но когда грехом объявлялась само богатство и осуждению стало подлежать само крепостничество, – возникли основания для конфликта. Некоторые общины вышли из-под контроля не только панов, но и самих министров. Большой утратой для литовской реформации была смерть Николая Радзивилла Черного (1565 г.). Единство реформатов нарушилось. Вызов радикалов, брошенный панству, превратился в серьезный кризис. В 1567 г. в католицизм перешел один из сыновей Николая Радзивилла Черного: Николай Христофор Радзивилл Сиротка. Это уже был угрожающий симптом.

Панская реформация в Литве началась уже во время работы Тридентского собора католической Церкви, перестроившего ее для антиреформационного контрнаступления. В 1540 г. был учрежден орден иезуитов, ставший авангардом антиреформации. Не в состоянии сами действительно противостоять реформации, епископы и капитулы осознали, что помощь нужно искать в структурах своей же Церкви, и обнаружили, что одной из самых значительных /606/ сил являются иезуиты. Это довольно рано понял и Вильнюсский епископ Валериан Протасевич. Уже в 1553 г. к папскому нунцию Комендони была обращена просьба о помощи в приглашении в Литву иезуитов, однако препятствием стала занятость – как его самого, так и иезуитов. Протасевич понял, что для достижения цели следует действовать самому, и весь отдался этой работе. Ему удалось установить связи с руководителями иезуитов Австрийской провинции, которой принадлежали члены ордена, находившиеся в Польше. В 1563 – 1564 г. в Варшаве состоялись переговоры Протасевича и представителя иезуитов Балтазара Гостовина. Вильнюсского епископа волновало завещание Николая Радзивилла Черного, согласно которому выделялись средства на учреждение реформатской школы коллегиального уровня (много внимания этому уделял исполнитель завещания Николай Радзивилл Рыжий). Иезуиты уже славились как хорошие педагоги, и лагерь католиков интересовала именно эта сторона их работы. Существенным результатом переговоров Протасевича и Гостовина было включение Литвы в поле деятельности иезуитов Австрийской провинции; там же стали готовиться соответствующие кадры. Это решение иезуитов совпало с нуждами просвещения, зримо проявившимися в Литве: в 1568 г. по просьбе гродненского сейма Сигизмунд-Август пообещал учредить коллегию. Между тем, в октябре 1569 г. иезуиты Андрей Фризе и Иоаким Петронилло в Вильнюсе начали готовить к обучению 60 дворянских детей. Пожертвованиями 1568 и 1569 г. Валериан Протасевич создал материальную базу для учреждаемой иезуитской коллегии. Пожертвования были весьма значительны, и это сказалось на авторитете Вильнюсского епископа. Представители иезуитов положительно оценили ситуацию, и учебный персонал, подготовленный преимущественно в Австрийской провинции ордена, прибыл в Литву. 17 июля 1570 г. была официально открыта Вильнюсская иезуитская коллегия. Ректором стал опытный польский иезуит Станислав Варшевицкий, пожертвовавший коллегии свою библиотеку. С этой, созданной иезуитами, твердыни в Литве началось антиреформатское наступление.

На рубеже шестидесятых и семидесятых годов XVI в. Литва еще была протестантской страной, однако орден иезуитов уже вовлек эту страну в поле своей деятельности. /607/

2. Выдвижение дворянской политической модели литовской народности

Подняв вопрос об изменении I Литовского статута, сейм не сумел сформулировать конкретную программу подобных изменений. Великий князь назначил в комиссию представителей дворянской элиты (но вместе с ними и должностных лиц администрации) и, таким образом, передал эту проблему для разрешения самим дворянам, заодно усиливая контроль над ними. Работы по изменению статута затянулись. В 1563 г. в канцелярии великого князя для этой цели была переписана специальная копия I Литовского статута (т. н. список Дзялинского). В нем даже не было дополнительных статей, появившихся в расширенной редакции I статута еще в конце тридцатых годов. Лишь в 1563 г. текст статута понадобился для серьезного рассмотрения. Тем не менее, комиссию составили толковые люди. Главное, они знали, чего хочет сейм. Дворянская элита уже взрастила в своей среде определенный слой образованных людей с широким социальным и политическим кругозором. Эти люди еще в сороковых годах смогли выдвинуть культурную и конфессиональную программу.

В конце того же десятилетия была оглашена и социально-политическая программа. Латинский секретарь великого князя Вацлав Майшягальский посвятил Сигизмунду-Августу трактат «Об обычаях татар, литовцев и московитов». Неясно, дошел ли трактат до самого монарха, однако он распространялся в рукописях, одна из которых оказалась даже в Германии (десять ее фрагментов в 1615 г. были опубликованы в Базеле). /608/

Написанный по латыни трактат был предназначен для элитной и интеллектуальной среды. Автор не скрывал своей принадлежности к реформатам, высказывался против католической Церкви и панов, поэтому прикрылся псевдонимом Михалон Литвин. Историческую версию о римском происхождении он основывал на исключительности литовской народности, которая унаследовала достоинства и преимущества от собственных предков. Времена Витовта Великого, когда литовцы культивировали спартанский образ жизни, были золотым веком Литвы, все соседи боялись литовцев. Завоеванное положение литовцы утратили после того, как погрузились в роскошь и пьянство, откуда пошло крепостничество, а также чванство и произвол панов. Так – через обычаи – Михалон объяснял неудачи, постигшие Литву в XVI в. Дело оказывалось в том, что добрые обычаи литовцев присвоили их враги – татары и московиты. Литву автор именовал передовым бастионом европейской цивилизации. Пытаясь ограничить своеволие панов, он призывал к сильной великокняжеской власти, однако эта власть должна была бы служить незакрепощенным подданным, а налоги обязаны были бы платить все, в зависимости от размеров имущества. Идеал Михалона – сообщество средних дворян, когда дворян-воинов содержат исполняющие повинности, но лично свободные хлебопашцы, а исповедуемая ими христианская вера близка радикальной реформации, возникшей чуть позднее. Это сообщество должно учреждать школы, в которых следует преподавать латинский (по мнению автора – истинно литовский) язык.

Провозглашаемая Михалоном утопия рисовала идеальную дворянскую литовскую народность, организованную как военная монархия с неконтрастно распределенным землевладением и сбалансированными повинностями. Залог могущества Литвы он искал в ней самой, в ее укладе, который должен был воссоздать добрые обычаи, определяющие весь ход жизни. Эта утопия трактовала совершенно иную сферу, чем у Авраама Кульветиса, однако и в таких условиях у обеих версий обнаруживалась общая цель – гуманистическое образование, утверждающее этническую самобытность литовцев.

Авраам Кульветис представлял немногочисленную национальную интеллигенцию, Вацлав Майшягальский – куда более многочисленную, расположившуюся на средних

государственных должностях дворянскую прослойку, т. е. служивую дворянскую элиту. Оба мыслителя уровнем своих запросов выделялись из большинства этой элиты, значительная часть которой даже не умела читать. Однако они хорошо осознавали интересы своей прослойки, а достигнутый ею самый кругозор позволял пользоваться доступными /610/ социальными, политическими и культурными ценностями. Именно эта прослойка оказалась способна представлять всё дворянство, и через ее посредство это последнее уже успело определить свои сословные интересы. На сеймах эти интересы выражались еще в отдельных, часто лишь бытовых, требованиях, но ученые умы уже смогли свести их в единые, пусть и утопические, программы. Дворянская элита уже знала, кто она такая и чего она хочет. В середине XVI в. дворянская литовская народность стала исторической реальностью.

д. Возникновение влияния художественной литературы

Инкунабулы и палеотипы, достигшие Литвы в конце XV в. и отчасти разрешившие вопрос о книжном дефиците, наряду с характерными для средневековья знаниями начали распространять истины, исправленные и дополненные гуманизмом. Эти истины стали фактором, формирующим общественный менталитет. Выросла культура канцелярий, всё еще остававшаяся важной опорой гуманитарного воздействия. В Литве возник рынок знаний, и приобретение книг было тому очевидным свидетельством.

В середине XVI в. это явление уже шагнуло за рамки социальной и интеллектуальной элиты. Национальная дворянская верхушка была читающей и любознательной прослойкой. Если в начале XVI в. библиотеки кафедральных соборов и монастырей были еще небольшими книжными собраниями, если более широкая номенклатура обозначала себя лишь несколькими магнатскими биб- /611/ лиотеками, а отдельные священнослужители, дворяне и купцы обладали одной-двумя книгами, то в середине XVI в. все вышеназванные субъекты книжного комплектования располагали библиотеками, в которых насчитывалось от нескольких до нескольких сотен томов разнообразной литературы, а тексты античных авторов не являлись редкостью. Состоялось знакомство с представителями гуманизма и возрождения (напр., Никколо Макиавелли). Великий князь и вельможи постоянно слали за рубеж агентов для приобретения новых книг, а в самой стране возник книжный рынок. Библиотеке Авраама Кульветиса принадлежало около 80 позиций, среди которых были Аристотель, Платон, Гомер, Вергилий, Софокл, Еврипид, Гесиод, Гораций, Цицерон, Ливий, Меланхтон. Сигизмунд-Август в покоях вильнюсского замка собрал более 4000 книг. Это, конечно, лишь вершинные образцы, однако возмущение хроникой Мартина Кромера показало, что книга уже стала частью образа жизни дворянской элиты. Так или иначе, в 1553 г. в речи Вацлава Агриппы (сына Вацлава Майшыгальского), посвященной похоронам Иоанна Радзивилла, было отмечено, что образование является необходимостью.

Вырос уровень вильнюсской приходской школы, когда около 1552 г. руководить ею начал прибывший из Польши испанский гуманист и правовед Петр Роизий. Он приспособил школу к реальностям жизни, ввел новые дисциплины. В первой половине XVI в. в Краковском университете были имматрикулированы более 200 жителей Великого княжества Литовского. Краков уже не мог удовлетворить потребностям в обучении магнатских детей и вообще тех, кто стремился к наилучшему образованию. Литовские студенты появились в Праге и университетах Германии.

Овладение латынью и применение письменного творчества для создания истории Литвы, особенно той ее фантастической части, что была посвящена древности, – всё это готовило почву для возникновения художественной литературы. С первыми латинскими сочинениями авторов, некоторое время проживавших в Литве, но творивших и издававшихся в Польше, Литва могла ознакомиться по отдельным их экземплярам, но это влияние было слабым. Таковыми были Ян Вислицкий («Прусская война», описывающая сражения /612/

Ягайло и его сына Казимира с крестоносцами и признающая заслуги литовцев в победе при Грюнвальде; 1514 г.), Николай Гусовиан («Песнь о зубре, образе его и свирепости, и как на него охотиться»), воспевающая Витовта Великого; 1523 г.), Андрей Кшицкий (придворная поэзия, посвященная событиям времен Сигизмунда Старого, с описанием подвигов, совершенных воинами Литвы). Литовской тематике посвятил свое произведение Адам Шретер, в 1553 г. издавший «Элегическую песню о литовской реке Немане». Эта тема в латинской польской поэзии вскоре ярко проявилась в творчестве выходцев из Польши, поселившихся в Литве. Прибывший в Литву в 1551 г. Августин Ротунд пропагандировал латынь, подобно Михалону Литвину противопоставив ее русинскому языку. До нас, увы, не дошла писанная история Литвы, часть которой он вручил Николаю Радзивиллу Черному. Петр Роизий писал стихотворения на случай – поздравления, эпитафии, эпиграммы, посвященные преимущественно вельможам (Радзивиллам, Ходкевичам). Латинская поэзия в Литве возникла в середине XVI в., авторы-литовцы уже писали на этом языке трактаты, однако литовские поэты при Сигизмунде-Августе еще не появились.

Характерным для Литвы парадоксом было то, что сначала появились литовские переводы псалмов (гимнов) и даже оригинальное литовское стихотворение, приведенное уже в катехизисе Мартина (Мажвидаса) 1547 г., но не латинская поэзия литовских авторов. Однако способность выполнить такой труд свидетельствовала о соответствующей учености тех, кто за него брался. Кстати, они уже создали собственные традиции: мелодии гимнов были записаны скорее в польском, нежели в немецком варианте, хотя перевод был ориентирован на немецкие тексты.

В середине XVI в. Литва сумела вырастить литературно образованных людей, способных при необходимости достойно рассказать о себе. Литва, какой бы экзотичной она ни представлялась другим странам Европы, уже не была заповедным малознакомым краем. Франсуа Рабле, называя страны, которые желал завоевать отрицательный персонаж Пикрошоль, среди них упомянул и Литву. Вильнюс попал в знаменитый атлас Брауна. /613/

е. Проявления ренессанса и гуманизма в Литве

Возникновение цеховой структуры в наиболее крупных городах Литвы выявило связь ремесел с искусством и стало избавлять художественное творчество от анонимности. Около середины XVI в. участились упоминания имен, отчеств и фамилий местных мастеров. Каунасскую ратушу построил виленчанин Бенедикт Хойновский. При дворе Альберта Гаштольда трудились живописец Николай, зодчий Мисель, часовых дел мастер Себастьян Станиславович. Освоение готики привело к появлению в Вильнюсе и Каунасе стильных мещанских домов, а в провинциальных городах – храмов. Интерьеры вильнюсских костелов бернардинцев и св. Николая обогатились сложными украшениями пилястр и сводов, а кафедральный собор после пожара 1530 г. был отстроен уже под влиянием стилистики ренессанса. Готика окончательно утвердилась в провинции, а в столице возник ренессанс. Самой заметной постройкой в этом стиле (также после пожара 1530 г.) был великокняжеский дворец Нижнего замка. В Вильнюсе появились ренессансные жилые дома. Была освоена техника украшения стен в стиле сграффито, стали привычны несложный фресковый декор и витраж. В середине XVI в. для окон стали использовать местное стекло. Один из первых ренессансных храмов появился в Пашушвисе (1553 г.).

Ренессанс быстрее всего распространялся в прикладном искусстве. На книжных обложках возобладали ренессансный орнамент и тематика, связанная с античной историей и мифологией, а также библейская символика. В иллюминировании рукописных инициалов очень скоро отказались от готической традиции, инвокационная неоготика смешалась с антиквой. Рукописными миниатюрами стали украшать даже акты о присвоении гербов. Одним из значительнейших образцов ренессансной миниатюры середины XVI в. является список с трактата Яна Длугоша «Клейноды» (о польской геральдике) с дополнениями по

литовской тематике, сделанный для Павла Ольшанского. Появились художественные коллекции и собрания искусно переплетенных книг. Немецкие мастера организовали в Вильнюсе производство ренессансных украшений, инкрустированного оружия, а также изящно оформленных печатных книг.

В Литве ренессанс распространялся параллельно с гуманизмом. Когда в Европе началось хождение типографски исполненных книг, Литва познакомилась с географическими открытиями, с полемикой /614/ протестантов и католиков. В середине XVI в. в Литве уже был известен труд Эразма Роттердамского «Adagia». В Вильнюсе началось производство механических часов, страна измеряла время часами и минутами. В 1552 г. великий князь подтвердил монопольное право вильнюсских хирургов-брадобреев на проведение операций (статут 1509 г. был компромиссом с держателями бань). Еще в 1523 г. было выпущено распоряжение о периодической проверке аптек, источники 1540 и 1545 г. упоминают об аптеках в Каунасе. Докторами медицины стали Фома из Каунаса (1512 г., Болонья), Грабовский (*Грабаускас*, вероятно всего, в Кракове; умер в 1569 г.), Георгий Петкевич из Эйшишкес (1556 г., Феррара; в 1567 г. стал Жямайтским епископом). В школе Петра Роизия началось преподавание римского права и Литовского статута. Сам Роизий в 1561 г. написал «Новый статут Мядининкского епископства», в 1563 г. – «Решения по делам в Литве» (небольшой юридический трактат).

В Литве ренессанс не вытеснил готику, как и гуманизм не отменил средневекового наследия. Обе стихии перемешались. Период канцелярской эрзац-культуры закончился в середине XVI в. /615/

5. Утрата равновесия между Россией и Польшей

а. Пасвальский договор и его последствия

Постоянно возобновляемое перемирие 1537 г. с Россией позволило Великому княжеству Литовскому спокойно жить все сороковые и большую часть пятидесятых годов XVI в. В мирных условиях в стране происходили важные перемены, связанные с волоочной померой и реформацией. В плане династической политики смерть Варвары Радзивилл развязала руки Сигизмунду-Августу для новых брачных комбинаций. Продолжая начертанную отцом линию, он в 1553 г. сочетался с сестрой первой жены Екатериной Габсбург. Ягеллон тем самым рассчитывал обрести надежный тыл против стремительно набиравшей силу России.

Восточная граница вызывала всё большую тревогу. Остановленная на западе, российская экспансия повернула на восток. В 1552 г. русские завоевали Казанское ханство. Это в корне изменило политическую ситуацию не только в Поволжье, где у России не осталось военного противовеса, но и на всей равнине от Эльбы до Урала: на востоке распахнулось огромное пространство для царских претензий. Баланс политических сил начал меняться с большим ускорением. В 1556 г. пало Астраханское ханство. Это означало, что Россия вышла к северным предгорьям Кавказа и вплотную приблизилась к турецким базам на северном побережье Черного моря. В 1557 г. она заняла Кабарду. Разность военных потенциалов России и Литвы еще более изменилась не в пользу последней.

В том же 1553 г., когда Сигизмунд-Август во второй раз породнился с Габсбургами, в устье Двины появилась английская экспедиция под командой Ричарда Ченслера. В Москве Ченслер получил царскую привилегию, позволявшую беспошлинно торговать по всей России. По его возвращении в Лондон в 1554 г., была немедленно учреждена «Московская компания», завязалась прямая торговля между Англией и Россией. Она способствовала

политическому сближению обеих стран: после второго плавания в устье Двины в 1555 г. Ченслер привез в Лондон русского посла Осипа Григорьева, которого приняла сама королева Елизавета I. За дешевое сырье русские могли получать из Англии оружие и ремесленников.

Ягеллонскому двору понадобилось два года для того, чтобы осознать опасность сближения Англии и России. Смерть Варвары Радзивилл не устранила влияния на монарха ее двоюродного брата Николая Черного. Именно против Радзивиллов обратилось острие /616/ всей габсбургской агентуры, на которую опиралась королева Екатерина. Николай Радзивилл Черный чутко отреагировал на шаги этой агентуры и постарался парализовать ее деятельность. Для Литвы было актуально, чтобы Польша, не втягиваясь в борьбу Габсбургов и Турции из-за Венгрии, оказала Литве помощь в случае возобновления войны с Россией. В 1554 г. Николай Черный одержал тактическую победу: когда Сигизмунд-Август убедился, что болезненная Екатерина не родит ему наследника, влияние Радзивиллов на властителя еще более усилилось. Король в 1554–1555 г. многое сделал, чтобы Польша собрала все силы и ресурсы для войны с Россией. Поскольку у Иоанна IV были свои проблемы, литовской дипломатии довольно неожиданно удался пробный ход: на исходе перемирия, в начале 1556 г. посольство в Москве под началом Степана Збаражского продлило его срок до 1562 г. Между тем, в Литве удалось схватить английского агента Олкока, пытавшегося через территорию Великого княжества пробраться из России на родину. Агенты Сигизмунда-Августа начали отслеживать деятельность «Московской компании» в странах Европы. Во всех этих проявлениях политика монаршего двора была полезна для Литвы. В 1557 г. умерла Бона, и со сцены сошел, пусть изолированный, но потенциально опасный для Радзивиллов противник.

Избегав прямого столкновения с Россией в самое близкое время, Литва не избавилась от московской угрозы. Охваченная реформацией Ливония стремительно слабела, и сам собой напрашивался вопрос: кто из соседей возобладает в ней? Россия в 1554 г. навязала Ливонскому ордену договор, по которому он обязывался не заключать никакого союза с Литвой. В ответ на это Сигизмунд-Август при поддержке герцога Альберта, используя традиционное для литовских правителей право протекции, «подкрепил» Рижского архиепископа Вильгельма коадьютором Кристофом Мекленбургским. Вильгельм надеялся, что, приняв реформацию и распустив Ливонский орден, он – по Прусскому образцу – сможет стать светским князем. Рада панов Литвы и Сигизмунд-Август поддерживали этот план, который позволил бы превратить Ливонию в лен Великого княжества. Это был один из вариантов Николая Радзивилла Черного по завладению Ливонией. Кристоф прибыл в Ригу в ноябре 1555 г. Уже в феврале 1556 г. магистр Ливонского ордена Генрих Гален на собрании сословий в Вольмаре (Валмиере) добился того, чтобы деятельность Кристофа Мекленбургского была запрещена. Престарелый магистр своим коадьютором избрал не маршала Каспара Мюнстера, благосклонного к Литве, но сторонника соглашения с Россией Вильяндского комтура Фюрстенберга. После того как архиепископ Вильгельм не признал Вольмарских постановлений, началась т. н. война коадьюторов, которую не уда- /617/ лось прекратить посланнику Литвы Домановскому. В июне 1556 г. Генрих Гален заключил под стражу архиепископов Вильгельма и Кристофа. В итоге разразившейся смуты был убит литовский посланник Каспар Лонцкий, следовавший к Рижскому архиепископу. Действия Ливонского ордена развязали руки раде панов Литвы. Накопилось достаточно поводов для начала акции, задуманной Николаем Радзивиллом Черным. Настроение Сигизмунда-Августа позволяло надеяться на помощь Польши. Дворяне, заинтересованные в проходимости экспортных торговых путей, не были против того, чтобы несобранные налоги были использованы на «Ливонском направлении». Планы Литвы поддерживал Прусский герцог Альберт. Однако военная интервенция Литвы могла натолкнуться на ответные шаги России, побудить ее к заключению союза с Германским императором. Поэтому Литва поначалу удовлетворилась предъявлением требования об освобождении Рижского архиепископа и его коадьютора. В июле в Вильнюс прибыла делегация под руководством Таллинского епископа, представлявшая Ливонский орден. Переговоры ни к чему не привели, и рада панов

решила объявить сбор войска. Во второй половине 1556 г. у ливонской границы (преимущественно близ Салочяй) было сконцентрировано около 10 тыс. воинов (помощь прислал и герцог Альберт). Ими командовали Николай Радзивилл Рыжий и Иероним Ходкевич. Ливонский орден мог выставить лишь около 5000 воинов. Перевес Литвы был очевиден, однако Сигизмунд-Август медлил: следовало обратить внимание на предложение Дании о посредничестве (осенью 1556 г.) и реакцию Германии на отзвуки ливонских событий. На сей раз Ягеллон не ошибся: ситуация складывалась всё удачнее. В конце мая 1557 г. умер Генрих Гален, и магистром стал Вильгельм Фюрстенберг, еще более упорный в противостоянии Литве. В том же месяце Россия начала концентрацию войск на литовской границе. Представителям Германского императора и Померанского герцога, пытавшимся выступить посредниками летом 1557 г., можно было указать на российскую угрозу и неговорчивость Ливонского ордена перед лицом подобной опасности. Тем же летом свеженабранные литовские силы были снова сосредоточены на ливонской границе. Войском командовал великий гетман Николай Радзивилл Рыжий. Николай Черный замещал польного гетмана и мог радоваться при виде того, как реализуются его планы. Он привел с собой 1340 воинов с 10 пушками, хотя обязан был снарядить не более полутысячи. Литовцев поддерживали силы Прусского герцога Альберта и поляки; последними командовал Ян Мелецкий. На ливонской границе сосредоточилось несколько десятков тысяч воинов. Сигизмунд-Август прибыл в лагерь и считался номинальным главнокомандующим. Он обосновался в Пасвалисе. Прибытие /618/ великого князя стало своеобразным предупреждением Ливонии, что на этот раз Литовское войско собрано не только для демонстрации. Хотя Фюрстенберг был готов сопротивляться, но – располагая лишь 12 000 весьма пестрого войска – вынужден был уступить.

Обеим сторонам было на руку посредничество представителей Германского императора. Фюрстенберг получил возможность прибыть и продемонстрировать свою уступчивость, а Сигизмунд-Август – воздержаться от военных действий. В Пасвалисе (Посволе) магистр Ливонского ордена появился 14 сентября. Он попросил извинений у Сигизмунда-Августа. Рижский архиепископ и его коадьютор были освобождены. Прозорливый Ягеллон хорошо понимал, что владеет ситуацией и не упустил случая продиктовать свои условия. Расходы на призывные кампании 1556 и 1557 г. требовали максимальной сатисфакции, поэтому следовало, получив ощутимый результат, распустить войско, успевшее разорить собственную приграничную территорию. Желания Сигизмунда-Августа в этом случае целиком совпадали с чаяниями рады панов Литвы.

Соглашение, заключенное между Литвой и Ливонским орденом в Пасвалисе, было описано тремя грамотами. Согласно первой, датированной 5 сентября, Ливонский орден обязался восстановить ситуацию, сложившуюся перед войной коадьюторов, признал Кристофа Мекленбургского, но Рижскому архиепископу запрещалось принимать лютеранскую веру и объявлять себя мирским князем. Это была компромиссная уступка, сделанная в отношении Ордена благодаря усилиям Прусского герцога. Второй акт от того же дня фиксировал соглашение о границах на основе договора 1541 г., обеспечивал купцам обеих стран свободные транзит и торговлю, гарантировал неизменность пошлин и сборов. Акт предусматривал возврат конфискованных товаров и решение возможных споров на встречах представителей обеих сторон в Обяляй и Курцуме (близ Дюнабурга). Подобное соглашение создавало благоприятные условия для экспорта литовских товаров. Желания Сигизмунда-Августа определили невыгодную для Литвы клаузулу этого акта: верховным посредником признавался Гнездинский архиепископ. Третий акт, от 14 сентября, провозглашал военный союз Ливонии, Польши и Литвы против России одновременно с его неприменением вплоть до окончания срока перемирия с последней. Согласно этому акту определялось совместно воевать и сообща договариваться с Россией. Ливонский орден в этом случае мог еще использовать как прикрытие Германского императора: в грамоте предусматривалась необходимость подтверждения с его стороны. Добрые отношения Сигизмунда-Августа с Габсбургами помогли 15 октяб- /619/ ря получить одобрение

императора Фердинанда I. Комтур Розитена (Резекне), считавшийся главным виновником гибели Каспара Лонцкого, должен был лично испросить прощения в Вильнюсе.

Пасвальский договор защищал сторонников Литвы в Ливонии и позволял Литве вмешиваться в дела последней, т. е. Ливония попала под влияние Литвы. Это, естественно, было вызовом России. Прерывать действие перемирия до 1562 г. не были заинтересованы ни Россия, ни Литва, однако это не мешало Иоанну IV напасть на Ливонию. В январе 1558 г. 70-тысячное русское войско перешло границы Ливонии – началась т. н. Ливонская война. 11 мая русские взяли Нарву, порт которой позволил им беспрепятственно торговать со странами Европы. 19 июля пал Дорпат (Тарту). Осенью 1559 г. русские уже закрепились на всем участке от Нарвы до Мариенбурга (Алуксне). В первой половине 1559 г. русские войска совершали рейды до Риги и Куронии. У Ливонии не было сил для серьезного отпора. Магистр Ливонского ордена Фюрстенберг и Рижский архиепископ Вильгельм уже в 1558 г. просили Сигизмунда-Августа о помощи, которую предусматривал Пасвальский договор. Однако 2 августа архиепископ был вынужден сообщить представителям Риги, что помощь не пришла.

Сигизмунд-Август медлил не только по привычке. Он навязал Пасвальские соглашения Ливонии не столько для того, чтобы ее защищать, а чтобы ее поглотить. Действия России вызвали реакцию Дании и Швеции, а обманутые надежды постаревшего Фюрстенберга на соглашение с Россией позволили активизироваться сторонникам Литвы, лидером которых стал маршал Ордена Готард Кеттлер, летом 1559 г. избранный коадьютором магистра. И Сигизмунд-Август, и рада панов Литвы понимали, что в случае конфликта с Россией потребуется помощь Польши. Между тем, дела в самой Польше складывались неблагоприятно для Литвы. По мере того, как голос шляхты и сейма делался всё более весомым, менялось воззрение на унию. Если аристократия уже привыкла не обострять ситуацию великодержавными декларациями и была более озабочена фактической гегемонией, – то напористая мелкая шляхта, возродив аннексионистские претензии, обратила взор на Волынь, Подолье и Киев. Участились литовско-польские пограничные столкновения. На Петроковском сейме 1558 г., в преддверии Пасвальского договора, шляхта выдвинула вопрос об унии, понимаемой как присоединение Литвы к Польше. Растущие претензии польского сейма становились для Литвы более опасными, чем позиция сената, которая под нажимом сейма, в /620/ свою очередь, делалась всё острее. Эти перемены требовали пристального внимания. Ливонии, при посредничестве Дании, удалось в апреле 1559 г. заключить шестимесячное перемирие с Россией. Руководивший российской политикой Алексей Адашев понимал, что захват Ливонии вызовет соответствующую реакцию не только Литвы, но также Дании и Швеции. Во избежание этого он был склонен удовлетвориться достигнутыми успехами. Полученную передышку враждующие ливонские группировки использовали каждая по-своему. Эзельский (Сааремский) епископ в сентябре 1559 г. передал свои владения Дании. Активнее стал действовать и Готард Кеттлер. Уже в феврале 1559 г. он прибыл к Сигизмунду-Августу в Краков просить о помощи. Лавировавший между Турцией и Габсбургами польский сенат не был готов вмешаться в дела Ливонии, а находившиеся при монархе литовские паны именно этим и желали воспользоваться: в подобных обстоятельствах лишь Литва получала влияние на Ливонию. Сигизмунду-Августу не оставалось ничего иного как указать (в апреле месяце), чтобы переговоры с ливонцами были перенесены в Вильнюс. Это была победа литовской дипломатии. В июле в Вильнюс прибыли великий князь и Кеттлер. Тем временем Николай Радзивилл Черный начал переговоры с Ригой, предлагая ей признать власть Литвы на условиях, которыми располагал Данциг в Польше. Переговорам поначалу способствовал протестантизм Радзивилла, но успехом они не увенчались. Рижане не верили, что Литва способна защитить их в одиночку. Не верил в это и Кеттлер, продолжавший переговоры с польскими представителями. И все же литовская дипломатия сумела использовать создавшееся положение и отвлеченность Польши. В конце августа 1559 г. в Вильнюсе был созван сейм, посвященный делам Ливонии. Созыв сейма совпал с окончательным удалением престарелого Фюрстенберга: в сентябре магистром

Ливонского ордена стал Готард Кеттлер. Представителям Ливонии, прибывшим в Вильнюс под его началом, было разъяснено, что ситуация не позволяет ждать решения Польши. Близилось окончание перемирия с Россией, и желание немедленно получить поддержку Литвы сделало свое дело. Этим желанием были продиктованы и дальнейшие уступки ливонцев. /621/

31 августа 1559 г. в Вильнюсе был заключен договор между Литвой и магистром Ливонского ордена, а 15 сентября – Рижским архиепископом. Магистр Кеттлер и архиепископ Вильгельм со всеми своими владениями отдавали себя под опеку Сигизмунда-Августа в обмен на его обязательства оборонять своих подопечных от России. Для обеспечения этой обороны Орден передавал Литве свои замки в Бауске, Дюнабурге (Даугавпилсе), Люцине (Лудзе), Розитене (Резекне), а архиепископ – Вилякский и Леневарденский (Лиелвардеский) замки, а также Лубанское и Берзаунское (Берзавненское) поместья. Они сохраняли право по окончании войны выкупить собственные владения соответственно за 600 тыс. и 100 тыс. флоринов (в случае невозобновления войны выкуп не требовался).

Вильнюсский договор 1559 г. фактически провозглашал сюзеренитет Литвы над Ливонией, но сохранял государственность последней. Дворянство Великого княжества Литовского в отношении Ливонии было настроено так же, как польская шляхта – по отношению к Литве. Уже на Вильнюсском сейме к великому князю поступали просьбы: землями в Ливонии наделять лишь литовских подданных. Ответ Сигизмунда-Августа не был однозначным. Он указывал, что земли в Ливонии получены лишь в качестве залога, однако пообещал откликнуться на пожелания подданных Великого княжества. Он согласился, что доходы от заложенных ливонских земель должны поступать в литовскую казну. Так или иначе, Вильнюсский договор усилил расположение литовского дворянства сражаться за Ливонию. Это было сделано очень вовремя, ибо в ноябре 1559 г. военные действия в Ливонии возобновились.

Договор о перемирии между Литвой и Россией позволил до 1562 г. ограничиться лишь ливонским театром военных действий. В конце ноября 1559 г. в Ливонию вошли 1000 литовских наемников для занятия уступленных замков. Ими командовал стольник Иван Ходкевич, прошедший суровую военную школу при дворе Германского императора Карла V. Литовские гарнизоны обосновались в замках Бауски, Дюнабурга, Лудзы, Мариенхаузена, Розитена. /622/ В конце 1559 г. был объявлен всеобщий воинский призыв под знамена великого гетмана Николая Радзивилла Рыжего, и собравшиеся призывники в начале 1560 г. выступили в Ливонию. Войску было приказано не обижать местных жителей (ибо они рассматривались как население собственной, а не вражеской страны). 22 октября 1559 г. Сигизмунд-Август обратился к магистру Ордена и Рижскому архиепископу с просьбой о размещении литовских гарнизонов, и его просьба была удовлетворена. Литовцам удалось согласовать свои действия с ливонцами, а Россия не имела большого военного перевеса.

Как предусматривал Вильнюсский договор, в январе 1560 г. в Москву отправились посланцы Сигизмунда-Августа, предупредившие русскую сторону, что Ливония является протекторатом Литвы. Договориться с Россией не удалось. Иоанн IV был недоволен уступками Адашева. Если последний стремился обратить российскую экспансию в сторону Черного моря, продолжая и развивая направление, озаглавленное присоединением Казанского и Астраханского ханств, то царь желал завладеть всей Ливонией с ее балтийскими портами. После того, как гарнизоны первого призыва вернулись домой, летом 1560 г. их подменил второй контингент призывников. Иван Ходкевич привел с собой новый отряд наемников. Как и раньше, качественное превосходство литовского войска противостояло количественному перевесу русских. Вильнюсский договор позволил литовскому войску вступить на территорию Ливонии в качестве защитника страны. Тем самым был расчищен путь для того, чтобы ливонской агонией, которая для всех являлась очевидной, воспользовались Дания и Швеция. Для этих стран возникла возможность прибегнуть к услугам различных группировок, но у группы Кеттлера, за которой стояла

Литва, был явный перевес. У нее самой не было иного выбора как положиться на поддержку Литвы. Наличие Вильнюсского договора не оставляло императору Фердинанду I ничего другого как в начале 1560 г. просить Сигизмунда-Августа о защите Ливонии.

В 1560 г. литовские гарнизоны заняли замки: Эрмес, Кархус, Пярну, Шваненбург, Трикатен, Пайде, Венден (Цесис) и Вольмар (Валмиера). Гарнизон из 160 литовцев в январе того же года расположился в Ревеле (Таллине), препятствуя замыслам шведов. В этом месте следовало действовать решительно и осторожно (еще в июле 1558 г. Таллин признал власть короля Дании, но в конце года Кеттлер занял Таллинский замок). Поскольку Ливония превратилась в узел международных противоречий, события стали развиваться сложнее, чем предполагал сценарий Николая Радзивилла Черного. В начале 1560 г. русские возобновили наступление, взяли Алуksне и Вильянди (Феллин), провели рейды в Куронию. На /623/ литовское посольство (январь 1560 г.) было отвечено лишь спустя несколько месяцев. Царский посол Сучев повторил, что Ливония принадлежит России. Литовскому посольству, прибывшему в Москву в июле месяце, даже не предоставили письменного ответа. Некоторые надежды вселила российская делегация, прибывшая в августе 1560 г.: были сделаны намеки относительно женитьбы царя на какой-либо из сестер Сигизмунда-Августа (Анны, хотя более желательной названа Екатерина). Однако стороны понимали вопрос совершенно по-разному: Иоанн IV видел тут способ овладения Ливонией, которую рассматривал в качестве приданого. Возникла перспектива долгой войны с Россией.

Литве пришлось объявлять воинские призывы в 1560 и 1561 г. Платежи были санкционированы сеймами 1559 и 1561 г. Растущие государственные нужды не могли насытиться выросшими налогами. Если в 1551 г. серебщина составляла 5 грошей с сохи, то в 1561 г. – 20 грошей. Сигизмунду-Августу удалось предотвратить союз Германского императора с Данией и Швецией. Немецкий рейхстаг принял в 1560–1561 г. несколько постановлений в поддержку Ливонии, но этим и ограничился. Однако дипломатия Сигизмунда-Августа была не в силах остановить действия Дании и Швеции. В мае 1561 г. король Дании Христиан III прислал на о. Саарема своего наместника. Еще более опасной становилась Швеция, тем более, чем позиция Кеттлера не отличалась последовательностью. В 1560 г., после смерти осмотрительного шведского короля Густава, Кеттлер отправил послов к его преемнику Эрику XIV. Уже в конце марта 1561 г. в Таллин прибыл представитель Швеции Николай Христиерсон для переговоров о принятии города под шведский протекторат. Небольшой литовский гарнизон в Таллине был практически изолирован, ему не могли помочь литовцы, укрепившиеся в пярнуском порту. Ничего не удалось достичь Яну Шимкевичу и Яну Гайке, отправившимся в Москву в конце января 1561 г. Подобное развитие событий вселяло в жителей Таллина страх перед Россией. 3 мая 1561 г. город сдался Швеции (4 мая шведам была передана таллинская крепость). 6 мая власть Швеции признала дворянство Харьюской (Хариэн), Выруской (Вирланд) и Эрмской (Гервен) земель. Военные претензии Швеции возрастали: в 1561 г. ее представители вели переговоры с Ригой. Брату Эрика XIV финляндскому князю Иоанну, желавшему сближения с Литвой и Польшей, шведский король осенью 1561 г. помешал жениться на Екатерине, сестре Сигизмунда-Августа. Тем не менее, в сентябре того же года Сигизмунд-Август принял Иоан- /624/ на в Каунасе, а 4 октября в Вильнюсе состоялась помолвка Иоанна и Екатерины. Однако вскоре Эрик XIV заключил Иоанна под стражу. В 1562 г. шведы заняли Пярну (Пернау).

Все эти события не помешали Литве укрепиться на основной части Ливонии. В 1560–1561 г. около 7000 литовских воинов расположились гарнизонами более чем в 20 ливонских замках. Назначенный старостой Дюнабурга и Селбурга (Селпилса) Николай Толвайша утвердился в северном пограничье Литвы, прикрывая страну от внезапных нападений русских. Колеблющийся Кеттлер все-таки держал литовскую сторону. Военная интервенция Литвы на исходе перемирия с Россией в принципе оправдалась: Россия не продлила свои рубежи вдоль северной границы Литвы вплоть до Балтийского моря, и литовские гарнизоны оказались в замках на даугавском торговом пути. /625/

На северо-востоке Литва сделала всё возможное для того, чтобы удержать положение, завоеванное в десятих-двадцатых годах XVI в. До начала шестидесятых влиянием Радзивиллов определялось спокойствие в тылу и на юго-западе. Раде панов Литвы до поры удавалось не спорить с Сигизмундом-Августом относительно Ливонии, где их цели не во всем совпадали. В ту пору польский сенат не был склонен вмешиваться в ливонские дела, поскольку был занят более важными проблемами. Это, однако, не означало нежелания ею завладеть. Сигизмунд-Август учитывал и это, но также руководствовался требованиями династической политики, важной для обеих стран, из которых Польша была на первом месте. Рада панов не могла это игнорировать, и не только потому, что желала получить помощь от Польши: за граница говорила с Сигизмундом-Августом прежде всего как с польским королем.

В этих тонкостях хорошо разбирался Николай Радзивилл Черный. Он стремился использовать безнадежное положение Ливонии для ее окончательного присоединения. Того же хотел и Сигизмунд-Август, но детали присоединения не полностью совпадали. Николай Черный желал заполучить Ливонию только для Литвы, а Сигизмунд-Август, хотя и не препятствовал этим стремлениям, собственного твердого мнения не имел. Подобная позиция государя не мешала канцлеру, и он не замедлил ею воспользоваться. 30 мая 1561 г. по просьбе Николая Радзивилла Черного Сигизмунд-Август из Вильнюса написал Кеттлеру, что договор от 1559 г. уже не отвечает реальности, поэтому необходимо новое соглашение. 8 июня он указал, что литовский канцлер не прибудет в Ливонию (Николай Черный собирался предпринять это еще в мае месяце), пока не поступит ответ. Литовская дипломатия могла выдвигать такие условия, поскольку войско продемонстрировало способность сдерживать российское наступление. И не ошиблась: ливонцы сделали выбор в пользу Литвы. В начале июля 1561 г. в Ливонию вступили значительные литовские силы во главе с великим гетманом Николаем Радзивиллом Рыжим. Он провел тут два месяца, решительно стабилизировал положение, и это позволило Николаю Черному энергично вести переговоры. Николай Рыжий направил письма городу Таллину и дворянам Северной Эстонии, которые передались Швеции. В августе 1561 г. в Ливонию вступил Николай Черный с 3000 воинов. 23 августа он в сопровождении впечатляющей свиты в 900 человек вошел в Ригу. Козыряя военными успехами и дипломатическими достижениями Сигизмунда-Августа, он не скупился на обещания перед рижанами, гарантировал, что будет получено отпущение Германского императора, освобождающее от присяги на верность ему. 8 сентября Николай Радзивилл Черный издал акт о предоставлении рижанам политических и кон- /626/ фессиональных гарантий. Рижский совет 19 сентября выдвинул требования касательно свобод судопроизводства и торговли, а также исключительного штапельного права. 20 сентября Рига получила гарантийный акт от Сигизмунда-Августа.

Николаю Радзивиллу Черному не удалось убедить рижан присоединиться к Литве, однако они уже не стали категорически отвергать эту идею. Тем самым было устранено рижское препятствие в ливонском вопросе, и 10 тыс. золотых, потраченных Радзивиллом на эту экспедицию, не пропали даром. Была подготовлена почва для переговоров с представителями всей Ливонии. В середине октября 1561 г. в Вильнюс прибыли Готард Кеттлер, архиепископ Вильгельм, представители дворян Ливонии и города Риги. В Вильнюсе собрался сейм Литвы, на который прибыл Сигизмунд-Август. Сценарию Николая Радзивилла Черного на сей раз никто не помешал осуществиться. Краковский епископ Филипп Падневский заявил, что представители Польши не располагают полномочиями. Требование рижан о том, чтобы на них была распространена и польская опека, повисли в воздухе и литовскую сторону не сковывали. Готарда Кеттлера и архиепископа Вильгельма связывали с Литвой прежние договоренности и тесное сотрудничество, к ним примыкали дворяне, а также города Цесис и Валмиера. Литовские дипломаты, не в силах устранить польский фактор, старались отодвинуть его в неопределенное будущее, над которым был невластен сейм Польши. Сигизмунд-Август этому не противился. Напоминание о том, что монарх торопится отбыть в Польшу, помогло завершению переговоров. Магистр Ливонского

ордена и Рижский архиепископ приняли литовские условия. Рига их отвергла и в соглашении не участвовала.

28 ноября 1561 г. был заключен договор. Все представители Ливонии (за исключением Риги) присоединились к Великому княжеству Литовскому на правах автономной провинции. Ей были гарантированы уже существующий строй, право и свобода исповедовать Аугсбургскую веру (лютеранство). Установление связей с Польшей было отложено на будущее. Рижский архиепископ присягнул лишь от своего имени, поскольку не имел полномочий от всего архиепископства (оно признало договор 4 марта 1562 г.). Территория Ливонии была поделена на две части, которые пересекала р. Даугава (Рига осталась независимым городом). По левую сторону было образовано герцогство Курония, или герцогство Куронское (Курляндское) и Земгальское. Им должны были править представители семейства Кеттлеров вплоть до полного прекращения рода. Став Курляндским герцогом и вассалом Великого княжества Литовского, Готард Кеттлер сделал здесь в 1561–1562 г. то, что Альберт Гогенцоллерн предпринял в 1525 г. в Пруссии. Как /627/ Польша получила Восточное Поморье в 1466 г., так теперь Литва приобрела земли, находившиеся по правую сторону от Даугавы. Эта область, подпавшая под непосредственную власть Литвы, была названа Задвинским княжеством. Ее администратором был назначен Кеттлер.

В 1561 г. Вильнюсский договор не мог быть применен к ливонским землям, занятым Россией, а также к управляемой Швецией Северной Эстонии и принадлежащим Дании Саарема и Пилтене (бывшим владениям Курляндского епископа). Генеральным уполномоченным Сигизмунда-Августа по делам Ливонии был назначен Николай Радзивилл Черный. Он в конце января 1562 г. прибыл в Ригу. В орденском замке 5 февраля Радзивилл от имени Сигизмунда-Августа принял вассальную присягу Кеттлера. Готард Кеттлер перешел в лютеранскую веру, объявил об упразднении Ливонского ордена и стал светским герцогом Курляндским. Столицей герцогства была избрана Митава (Кеттлер еще некоторое время жил в Риге). 17 февраля литовский гарнизон занял замок Дюнамюнде (Даугавгрива) в устье Даугавы. На сей раз переговоры литовского канцлера с рижанами проходили успешнее. Они получили от него второй акт о гарантиях и 17 марта присягнули на верность Сигизмунду-Августу с условием, что Риге будет обеспечена опека не только Литвы, но и Польши. Не получив ее, город оказывался не связанным никакими обязательствами. Подобная позиция Риги во всяком случае не мешала Литве присоединить Ливонию.

Произошло то, к чему стремились литовские рати еще в начале XIII в., о чем время от времени вспоминала литовская дипломатия в позднейшие века. Литовское государство овладело обширным побережьем Балтики на тех или иных юридических условиях. Однако в этническом отношении это овладение было совершенно иным. Договор 1561 г. был соглашением сословий – употреблявшего польский язык дворянства Литвы и немецкого дворянства Ливонии. Это соглашение не ослабило национального угнетения крестьян – латышей, ливов и эстонцев, тем более оно не устранило социального гнета. К Литве была присоединена не Латвия, а именно Ливония.

Российские удары по Ливонии увеличили территорию не Российского, но Литовского государства. Но это завоевание следовало отстоять в боях с той же самой Россией.

б. Варшавская рецессия

Вильнюсский договор 1561 г. был удачным компромиссом с немецким дворянством Ливонии. Обороняя мелкими гарнизонами ливонские замки, Литва сумела сдерживать давление превосходящих /628/ сил России. В 1562 г. литовцы заняли Роненбург, были впущены даже в Ригу. С 1561 г. литовская казна начала получать платежи из Ливонии (уже в 1559 г. на вильнюсском сейме Сигизмунд-Август согласился с тем, чтобы сборы, стекавшиеся в управляемые литовцами замки Ливонии, доставались Литве). Сейм Литвы

объявлял серебщину в 1561 и 1563 г. Во второй половине 1561 г. налоги были собраны в количестве 111 тыс. коп грошей, в 1562 г. – 228 тыс, в 1563 г. – 230 тыс. Однако война давала о себе знать, и бюджет всё это время был дефицитным. В 1562 г. не хватило 16 тыс. коп грошей, в 1563 г. – 477, в 1564 г. – 16,6 тыс. Великому князю, как и в первой четверти XVI в., пришлось закладывать /629/ дворы и староства. Города были обложены принудительными займами. Ежегодно объявляемые всеобщие призывы утомили дворян. В 1562 г. возникла угроза шведско-российского союза.

В марте 1562 г. закончился договор о перемирии с Россией. Фронт протянулся по всему восточному приграничью, многочисленные русские силы получили огромный простор для маневра, что ставило перед меньшим литовским войском серьезные проблемы. Этот фактор угрожал изменить весь ход Ливонской войны. В том же году обозначились стремительно растущие гегемонистские претензии Польши, в которых усилилась тема аннексии. В апреле 1562 г. собравшийся в Петрокове польский сейм выказал возмущение /630/ относительно предоставляемой помощи Литве, которая отказалась заключить унию. Польское дворянство обрело известный политический вес и вновь заострило вопрос, давно не омрачавший отношений между обоими государствами. Он осложнился еще одним обстоятельством: так и не дождавшийся наследника от Екатерины, Сигизмунд-Август жил с ней порознь. Развестись не позволяли страх перед Габсбургами и католическая вера, а переходить в протестантство Ягеллон не решался. Стало очевидно, что он умрет бездетным и на нем прервется персональная уния Литвы и Польши. Этого страшилось не только польское дворянство, не желавшее утратить гегемонию над Литвой, но и дворянство Литвы, лишавшееся польской помощи. Наихудшим было то, что Сигизмунда-Августа перестали связывать династические интересы, служившие для Литвы своеобразным щитом. Ленивый и бегущий сложностей гедонист шел по пути наименьшего сопротивления – флирта с крепнущим польским дворянством.

В сентябре 1562 г. под лозунгами «экзекуции» начали собираться польские дворянские отряды (экзекуцию, т. е. изъятие присвоенных польскими магнатами земель, дворяне объединяли с претензиями к Литве). Всё это ослабляло влияние Николая Радзивилла Черного на Сигизмунда-Августа. Тем временем, по окончании договора о пограничном перемирии, русские разорили окрестности Орши, Витебска, Копыля, Шклова, Дубровно. Сближение Сигизмунда-Августа с польским дворянством стало очевидным в ноябре 1562 г. на Петроковском сейме. К этому его побуждали и неудачи во внешней политике. В 1562 г. Дания, отвергнув предложения Литвы о союзе, заключила его с Россией. К счастью, шведско-российский союз не сложился, а в 1563 г. началась война между Швецией и Данией.

Первые нападения России на территорию Великого княжества Литовского не принесли ощутимых результатов. В ответ литовцы разорили российские земли, граничные с Витебским воеводством. Театр боевых действий ширился, и возрастала материальная нагрузка на дворян, истощенных несколькими годами войны. Усиление военных тягот совпало с осознанием дворянами собственных прав. В сороковые-пятидесятые годы дворянство уже прошло на сеймах определенную школу и убедилось: его голос кое-что значит. Дворяне еще мыслили на бытовом уровне, но они понимали, что могут и должны самоорганизоваться. Дворяне – накануне большой войны – воспринимали вопрос об унии прежде всего как проблему польской военной помощи. События лета 1562 г. превратили эту проблему в едва ли не главный политический фактор.

18 июня 1562 г. Сигизмунд-Август повелел взыскать серебщину со своих волостей до 3 ноября. Ее никак не могло хватить, /631/ посему финансовое бремя должны были разделить и дворяне. На созыв сейма не было времени, и вопрос решили обсудить в военно-полевом лагере под Витебском. В связи с этим великий гетман Николай Радзивилл Рыжий не распустил по домам призывников, чем вызвал раздражение в войске. Радзивиллу все же удалось получить согласие дворян на уплату пяти грошей с сохи. Теперь призывники обоснованно надеялись на роспуск войска и отправили петицию великому князю (ее повезли князь Лука Свирский, каунасский хорунжий Выдра, Волчок). Они не тратили времени даром:

в ожидании ответа разорили окрестности Велижа на российской территории и разгромили русское соединение (погиб даже командовавший им воевода). Ожидание дворян – изможденных, голодных и готовых к новым жертвам, – натолкнулось на равнодушие великого князя и рады панов. В самом лагере панов не было. Неотложные заботы заставили уехать и Николая Радзивилла Рыжего. Дворяне отправили вторую петицию (ее доставили Иван Ходкевич, Меркель Шемета, Гавриил Бокей). Желание дворян созвать сейм для обсуждения создавшегося положения не было удовлетворено. Гнев обуял людей, вооруженных и уже ощутивших свою силу. Лагерь превратился в дворянский военный сейм, для которого уже вполне подходило имя конфедерации (название, закрепившееся позже). В таких обстоятельствах образ необходимой польской помощи воплотился в требование унии. Витебский военный сейм потребовал распустить войско и в сентябре отправил великому князю петицию об унии. Дворяне настаивали на ее заключении, для чего следовало созвать объединенный с поляками сейм и выбрать будущего монарха совместно с ними. В окрестностях Витебска было уже известно, что Сигизмунд-Август в июне положительно отозвался на просьбу польских дворян о созыве общего сейма. Распалившиеся шляхтичи угрожали сами столкнуться с поляками, если это не будет сделано. Без выполнения этого условия они отказывались подчиниться всеобщему призыву и собирать платежи со своих крестьян. Всех несогласных объявили врагами и уже готовились идти на Вильнюс.

Были очевидны как недопустимая бездеятельность рады панов, так и истерическая нервозность дворян, явно утративших здравый смысл. Но так же очевидно было и то, что эта истерика вызвана безучастностью Сигизмунда-Августа. В то время как долг требовал от великого князя хотя бы ответить на просьбу истощенных, но все еще пекущихся о государственном благе подданных, он махнул рукой на Литву и положительно реагировал лишь на обращения польских дворян. В витебском лагере на всё смотрели через призму польской военной помощи. Дворяне мечтали о польской административной структуре, которая облегчила бы взаимодействие и при- /632/ вела к желанному соглашению. Однако все их требования исходили из понимания подобного соглашения как равноправного союза с сохранением отдельной государственности. Оба войска должны были оставаться самостоятельными, даже воюя заодно. В третьей петиции было отмечено, что полякам не позволят действовать против общественного блага Великого княжества Литовского (т. е. его государственности, строя).

В Витебской конфедерации жямайтские призывники не участвовали, они в то время были в Ливонии. Однако два человека на этой конфедерации были тесно связаны с Жямайтией: представитель влиятельной жямайтской дворянской семьи Меркель Шемета и его родственник, сын Анны Шеметы, Иван Ходкевич. Именно этот сановник вез петицию великому князю. В вопросе об унии ему было суждено сыграть важную роль. Этот его шаг польская историография любит противопоставлять антиунионистской позиции Радзивиллов, а литовская историография угрюмо замалчивает. Обе стороны считают его сторонником унии, но почему-то не говорят, что этот их Иван Ходкевич разительно отличается от того же Ивана Ходкевича, но чуть более позднего времени, когда он противился польской аннексии не менее, чем Радзивиллы.

Конфедератская петиция фактически выдвинула новую концепцию отношений Литвы и Польши. Наряду с отвержением унии в ее аннексионистском понимании была предложена третья модель унии – реально равноправной. Иван Ходкевич как участник делегации акцентировал в петиции именно эту модель, а не идею безоговорочной поддержки польских притязаний. Эта третья модель – на фоне уступок Сигизмунда-Августа польским «экзекуторам» – позволяла достигнуть приемлемого для Литвы компромисса. Рада панов не отозвалась на петицию витебского лагеря. Роспуск призывников ослабил накопившееся возмущение, и возник соблазн вовсе забыть о нем. Однако слух об этой петиции распространился, в Польше. Рескриптом от 9 сентября Сигизмунд-Август созвал польский сейм в Петрокове. Сейм, состоявшийся в конце 1562 – начале 1563 г., унию не обсуждал, но в кулуарах о ней говорилось. Представители Литвы во главе с Иваном Ходкевичем неплохо

провели разведку. Она была необходима, ибо давление возрастало не только с польской, но и с российской стороны.

В начале 1563 г. 60-тысячное русское войско под командованием самого Иоанна IV, наученное опытом взятия Казани, двинулось к Полоцку. В городе укрылось около 20 тыс. окрестного населения вместе с пожитками и скотом. Русские осадили Полоцк 31 января. У них было 100 пушек, которые открыли ураганный огонь. Город был сожжен самими защитниками, начались неизбежные в таких случаях страдания мирных жителей. Располагавший лишь /633/ 3200 воинов, Николай Радзивилл Рыжий не мог помочь Полоцку. Полоцкий замок был почти целиком деревянный. Гарнизон состоял из нескольких тысяч воинов, среди них – 4 роты опытных польских наемников. Русское нападение оказалось внезапным, должные запасы не были сделаны. Полоцким замком командовал Станислав Довойно, не имевший боевого опыта и не отличавшийся сообразительностью. Гарнизон сам отважно и изобретательно оборонялся; отличились командиры Дорогостайский, Глебович, Голубицкий, оба Корсака, Вешхлинский. 13–14 февраля пламя охватило почти весь замок. Довойно прибыл в царский лагерь 15 февраля и капитулировал, когда защитники еще сопротивлялись. Иоанн IV умело их расколол. Он дал обещание выпустить поляков и исполнил его (к ним могли присоединиться и литовцы, сражавшиеся особенно храбро). Литовцев взяли в плен (закованный в железы Довойно был отправлен в Москву). Русин – воинов и мещан – повесили. Бернардинцев приказали уничтожить татарам, бывшим при русском войске. Евреи были утоплены в Даугаве.

Весть о взятии Полоцка потрясла и Литву, и Польшу. Когда она распространилась на Петроковском сейме, Сигизмунд-Август расплакался. Было намечено созвать в 1563 г. совместный литовско-польский сейм. С русскими удалось заключить перемирие. 12 мая 1563 г. в Вильнюсе собрался сейм Литвы для обсуждения вопросов об обороне и унии. Предчувствуя, что может ожидать Литву на совместном сейме, рада панов предлагала его отложить, мотивируя это военными тяготами. Но растерявшийся и оттого еще более подверженный влиянию польских «экзекуторов», Сигизмунд-Август не согласился. Удалось лишь уговорить его по- /634/ слать в Польшу не сейм Литвы полностью, а только 28 его представителей от всех земель Великого княжества. Среди них были Николай Радзивилл Черный, Валериан Протасевич, Августин Ротунд. Были приняты постановления, подчеркивающие независимость Литвы, и дворянским делегатам указано не пускаться без согласия панов в дискуссии по вопросу об унии. 21 июля сейм предоставил делегации полномочия. На вильнюсском сейме великий князь аннулировал статью Городельского привилея от 1413 г., дискриминировавшую православных и давно ставшую анахронизмом. В середине XVI в. в раде панов наличествовало больше русин, чем литовцев. Несмотря на то, что почти все они были протестантами, эти русины фактически оказались интегрированы в литовскую народность.

Краткое перемирие с Россией вскоре закончилось. Воспользовавшись тем, что литовское войско было создано лишь осенью, Иоанн IV в сентябре 1563 г. разорил окрестности Дриссы. Спешно собранные 11 тыс. польских и 5 тыс. литовских наемников остались не у дел. Не удалось воспользоваться и недовольством русского высшего боярства репрессиями Иоанна IV. Находившиеся в Стародубе воеводы были готовы передать его литовцам, но царь поспешил послать туда войско и расправиться с родными Алексея Адашева. В декабре 1563 г. начались переговоры с Россией. Иоанн IV требовал признать за ним Ливонию, Полоцк и царский титул, посему переговоры прервались. Попытка царя восстановить Ливонский орден как собственный протекторат не удалась, ибо пленный Фюрстенберг отказался от подобной сделки. Тогда Иоанн IV установил связи с датским принцем Магнусом, предложив ему сходную роль своего протеже в Ливонии.

В таких обстоятельствах проходил польский сейм в Варшаве, начавшийся 1 ноября 1563 г. Литовская делегация прибыла на него 6 декабря. Весь ход переговоров взял в свои руки Николай Радзивилл Черный. Предпринятые литовцами меры предосторожности были очень кстати, поскольку пришлось столкнуться лишь с гегемонистскими и

аннексионистскими притязаниями поляков. Поляки, как обычно, опирались на акты давних договоров. Особо раздраженно и непримиримо витийствовал маршалок польского сейма Николай Сеницкий. Было задумано рассадить литовских дворян вместе с поляками, но хорошо подготовленная литовская делегация от этого уклонилась. Николай Радзивилл Черный проявил редкое красноречие, противопоставляя договорам, на которые ссылались поляки, другие акты, говорившие в пользу Литвы; он также апеллировал к традициям литовской государственности (упомянул о 250 годах и о Гедимине). Компромиссная модель Ивана Ходкевича была применена канцлером Литвы для противоборства /635/ с непримиримой позицией поляков, поддержанной Сигизмундом-Августом. На переговорах 27 января – 1 февраля 1564 г. он согласился на избрание общего монарха (однако в Вильнюсе государь должен был получать литовские регалии) и выборы единого сейма, но защищал принцип раздельности администраций обеих стран. Поляки отвергли такое предложение, но уступили в вопросе о самостоятельности судебного права (хотя и добавили условие о позволении использовать в Литве польское право). Польский проект был вручен литовцам 3 февраля.

3 декабря возобновились активные военные действия на русском фронте. Два российских соединения выступили в направлении Вильнюса. Смертельно опасное вторжение совпало с ультимативным предложением поляков об унии. Группировка в 24–30 тыс. воинов под командованием Петра Шуйского вышла из Полоцка на Друцк. Приблизительно такое же войско Василия Серебряного двинулось из Вязьмы. Обе группировки должны были соединиться близ Орши и повернуть на Минск и Вильнюс. Николай Радзивилл Рыжий, поддержанный Григорием Ходкевичем, располагал 6000 воинов, но это было отборное подразделение, состоявшее преимущественно из наемников. Следовало опередить русских и не дать им соединиться. Литовские командиры решились оставить пехотинцев и, преодолевая по 7 миль в день, 26 января настигли Шуйского у реки Улы, к северу от Чашников. Поначалу действовал литовский авангард, притворным отступлением обманувший передовой полк русских. Русские все же успели сменить походный порядок на боевой, но слишком понадеялись на свое физическое превосходство. Литовцы постарались использовать фактор внезапности. Когда немногочисленный авангард дрогнул, Радзивилл в нужном месте ввел в бой подкрепление, и русские не выдержали кавалерийского удара литовцев. Бой превратился в бойню; преследование продолжилось и при свете луны. Трофеем стал обоз из 5000 повозок, Шуйский погиб, его войско было разгромлено. Василия Серебряного нагнали под Оршей на рубеже января-февраля. Боя фактически не было, ибо русское войско в панике бежало.

Победа на Уле изменила всю военную и политическую ситуацию. На русском фронте Литва восстановила равновесие. Весть о битве на Уле достигла Варшавы 2 февраля, и литовская делегация почувствовала себя куда более уверенно. Николай Радзивилл Черный мог уже ответить на польский проект, что Литва не откажется от своего общественного блага. Полный литовский ответ был вручен 9 февраля. На категорические требования поляков можно было реагировать частичным отказом от ранее сделанных уступок. Теперь литовский проект предусматривал, что единый монарх будет избираться равным числом выборщиков близ границы обеих стран /636/ (с сохранением уже заявленного вручения регалий Литвы), что общие сейм и сенат правомочны решать лишь общие вопросы, а для внутренних решений остаются отдельные сеймы и сенаты.

Литовская сторона согласилась с учреждением поветских сеймиков, но это было внутренним делом самой Литвы, не менявшим правовых межгосударственных отношений. Спорные вопросы было решено обсудить на собственном сейме. Внешне это было смягчением литовской позиции, но обе стороны понимали, что это всего лишь любезность. Вспыхнули бурные споры; польские ораторы пытались скомпрометировать Николая Радзивилла Черного. Чувствуя поддержку Сигизмунда-Августа, они выдвинули идею привлечь его в качестве третьей стороны и предложили, чтобы он истолковал старые акты. Николай Радзивилл Черный оказался в сложной ситуации, перед лицом монарха

приходилось критиковать правовые отношения между ним и подвластным ему государством. Канцлер не растерялся: за его плечами стоял исторический опыт полутора веков литовских сословных институтов и укоренившегося государственного самосознания. Он заявил, что литовцы прибыли в Варшаву не судиться, а договариваться. Если они подвергнутся унижению, то будут сражаться за правду с христианами, а если придется, то и с язычниками. Радзивилл издевательски предложил полякам прислать своих представителей на литовский сейм.

Упрочившаяся литовская позиция заставила польскую сторону хотя бы внешне смягчить свои требования. 18 февраля в предложенном проекте предварительного соглашения (рецессии) обтекаемо говорилось об одном общественном благе, одном общем сейме, общем короле – без дерзких оговорок, отрицающих государственность Литвы. Остался спорным вопрос об администрации (врадах, *урядах*), оставленный на рассмотрение будущего общего сейма. Проект напоминал Мельницкий акт 1501 г., чьи обтекаемые формулы таили идею присоединения Литвы к Польше. Обтекаемые формулировки оставляли возможность и для литовской интерпретации, поэтому было допустимо пойти на несущественные уступки, сосредоточившись на защите основных пунктов, оберегающих идею государственности. Врученный литовцами 21 февраля ответ содержал согласие с местом проведения сейма (в Польше, близ литовской границы), с введением общей валюты, с обоюдной отменой правовых ограничений, с общностью в заключении договоров с другими странами и поддержании дипломатических отношений. Литва отказывалась от вручения великокняжеских регалий общему монарху, однако отстаивала самостоятельность понятия общественного блага, раздельность и независимость сеймов и должностей. Эти требования смягчались указанием на отсутствие пол- /637/ номочий и предложением рассмотреть их на будущем общем сейме после предварительного обсуждения сеймом Литвы. Николай Радзивилл Черный вновь предложил перенести дебаты в литовский сейм, куда пригласил польских представителей.

Литовская дипломатия продемонстрировала хорошее владение искусством полемики и софистики. Хотя и без энтузиазма, не выдержав напряженной работы, – Сигизмунд-Август согласился заново обсудить спорные вопросы. Он объявил о созыве литовского сейма в Бельске, а общего сейма – в Парчеве. Литовская делегация добилась от монарха, чего желала. Это не было прочным успехом, ибо в ходе спора Ягеллон дважды заявлял, что уния является единым общим благом (одним телом), а сам он отказывается от своих вотчинных прав на Великое княжество Литовское в пользу польской короны, т. е. передает права, воплощающие его суверенность, не собственно Литовскому, но Польскому государству. Литовская делегация отвергла подобную идею, но не могла заставить монарха отозвать это предложение. Она должна была удовлетвориться тем, что вопрос об унии остался открыт и отложен до будущих переговоров. С тем литовцы и отбыли из Варшавы.

Варшавский сейм продолжился. Воспользовавшись тем, что монарх на их стороне, поляки приняли целый ряд односторонних деклараций, выражающих польскую позицию. По их просьбе Сигизмунд-Август утвердил рецессию (промежуточное соглашение), несколько изменив содержание достигнутой договоренности. Актом от 13 марта декларировались единый монарх и единое общее благо, при этом замалчивалось литовское требование об отдельных сеймах и сенатах. Указывалось, что откладывается обсуждение вопросов о месте проведения общих сеймов, о поветских сеймиках Литвы, о врадах, о великокняжеском титуле, о месте сенаторов и представителей Литвы на общем сейме, а также о пограничных спорах. Помимо бесполезных изменений, рецессия провозглашала принципиальную для Литвы идею великокняжеского титула (его жизненность, т. е. необходимость государственности). Однако в специальном акте от того же 13 марта Сигизмунд-Август объявлял о передаче своих вотчинных прав на Великое княжество Литовское польской короне. Тем самым, Варшавская рецессия во всей своей полноте была победой польской дипломатии, достигнутой за спиной литовцев.

События 1564 г., при отсутствии согласия Литвы, делали этот успех односторонним.

Когда русский фронт – после битвы на Уле – дрогнул, увереннее почувствовали себя высшие русские бояре, терпящие притеснения от царя. 30 апреля того же года из Юрьева (Тарту) на литовскую сторону перебежал видный русский полководец, князь Андрей Курбский. Конфликт Иоанна IV с русской знатью ширился. Осенью 1564 г. Рязанскую область разорил крымский хан Девлет-Гирей. Литва отвоевала право на передышку, которую могла использовать для внутренних преобразований, призванных теснее сплотить правящее сословие.

в. Административная реформа 1564–1566 гг.

Витебская конфедерация продемонстрировала настроения дворян и указала на возможные последствия в случае, если война с Россией не позволит контролировать положение. Хотя рада панов не дала хода петиции конфедератов, Сигизмунд-Август усмотрел тут возможность использовать склонность дворянства к унии, которую он понимал по-своему. Он задумал расширить дворянские права и тем еще более поощрить сторонников унии. Положение Литвы – между российским молотом и польской наковальней – подталкивало панов к уступкам в пользу дворянства. Паны понимали, что удовлетворение дворянских желаний, еще не обобщенных и не представленных на сеймах в виде стройной программы, не усилит, а скорее ослабит тяготение к Польше. Исключительной юрисдикцией панства пришлось пожертвовать.

На Бельском сейме 1564 г. Сигизмунд-Август обнародовал привилей стране. В нем было указано, что паны во главе с канцлером Николаем Радзивиллом Черным отказываются от своих административно-судебных прерогатив в пользу выборных дворянских судов, и всё это закрепит новый Литовский статут. Предполагаемая уния с Польшей будет гарантировать его действенность и регулярное совершенствование. II Литовский статут вступил в силу 1 марта 1566 г. Преобразованная правовая система превратила сейм в законодательный орган, декларировала безусловное право дворян распоряжаться своей землей, ввела выборные суды с общей юрисдикцией для всех категорий дворянского сословия. II Литовский статут, хотя структура его разделов сохранилась прежней, был более систематизирован и заметно расширен, усилилась опора на римское право. Литовская законодательная система вновь сделала большой шаг вперед и еще более упрочила свою первенствующую позицию в регионе.

Вельский привилей и II Литовский статут окончательно отделил сословную дворянскую администрацию от закрепощенных крестьян, поветы от имений правителя и волостей, превращающихся в поместья (дворы). Вся государственная структура была приспособлена к дворянскому повету. Территория воеводств и поветов, границы и структура были теперь четко очерчены, должности (вра- /639/ ды, уряды) строго регламентированы. Всё Великое княжество состояло теперь из следующих воеводств: Вильнюсского, Тракайского, Жямайтского (оно считалось староством), Полоцкого, Новогрудского, Витебского, Брестского, Минского, Мстиславского, Подляшского, Волынского, Киевского, Брацлавского. Воеводства делились на поветы. Больше всего их было в литовских воеводствах, где и дворян проживало больше: в Вильнюсском воеводстве – 5 (Вильнюсский, Ошмянский, Лидский, Укмяргский, Браславский), в Тракайском – 4 (Тракайский, Гродненский, Каунасский, Упитский). Некоторые русинские воеводства были вовсе не разделены на поветы (Полоцкое, Мстиславское). В Жямайтском старостве сохранились волости-тиунии (Арёгальская, Вилькийская, Велюонская, Расейнская, Видуклеская, Кражайская, Тенджёгальская, Йосвайнская, Шяуляйская, Большая и Малая Дирвенская, Бярженская, Ужвянтская, Тяльшайская, Ретавская, Паюрская, Векшняйская, Каршувская, Шяудувская, Гондингская, Павандянская, Мядингенская, Каркленская, Жаренская). Основной частью территориальной структуры стал повет. Поветские дворяне избирали сеймик, который в свою очередь отбирал представителей на сейм. К поветам была

приспособлена структура местных должностей (врад). Во главе воеводств, как и прежде, остались воеводы. Они и каштеляны теперь появились во всех воеводствах. Первым врадником повета считался его маршалок (в центральных поветах маршалков не было, ибо здесь были каштеляны). Поветские маршалки входили в раду панов. Поветских врадников избирали дворяне.

Реформа ввела сословные суды трех категорий, приспособленные к поветской структуре. Земский суд был выборным. В него входили судья, подсудок (заместитель судьи) и писарь, которые должны были коллегиально разбирать дела. Земскому суду подлежало большинство дел (основную их часть составляли, если говорить современным языком, гражданские дела). Писарь земского суда исполнял также обязанности нотариуса. Судебными исполнителями были возные (*važniai, šaukūnai*). Подкоморный суд (он также был выборным) решал дела о земельных границах. Подкоморные могли выбрать себе в помощники каморников. Замковый суд, решавший уголовные дела, не был выборным. Здесь, в центральном повете, судил воевода, в других – старосты (замковые, а где их не было – судебные старосты). Они по своему усмотрению назначали себе наместников, замковых судей, писарей. Земский суд собирался на три сессии в году, замковый – ежемесячно. Во всей полноте эта система установилась не сразу, но основы уже были положены.

Литовское дворянство получило то, чего не успело программно сформулировать. Великий /641/ князь и паны пошли на уступки по разным мотивам, но структурно они чрезвычайно приблизили Великое княжество Литовское к Польскому королевству. Конечно, литовское дворянство, не прошедшее той политической школы, которую уже окончила польская шляхта, лишь начинало обучаться искусству пользования обретенными политическими правами. В свою очередь паны сумели приспособиться к поветской избирательной системе и стать лидерами дворянства. Поэтому административная реформа консолидировала всё дворянское сословие. Отношения с мещанским сословием уточнил привилей 1568 г., описывающий возможности нобилитации.

г. Радошковичский военный смотр и Воиновский привилей

Варшавский раунд переговоров между дипломатическими представителями Литвы и Польши окончился вничью, но Сигизмунд-Август присудил победу полякам. Страсти, возбужденные тирадами Николая Сеницкого, еще более накалил памфлет популярного писателя Станислава Ожеховского – «Пятиугольник», который появился в Польше во время сейма, заверщенного рецессией. Творение эксцентричного литератора прозвучало для Литвы так же болезненно, как русские пушки у Полоцка. В «Пятиугольнике» литовцы изображались неблагодарными простаками, привыкшими услуживать государю и не способными оценить предлагаемые дворянские свободы, которые сулило присоединение к Польше.

Для ответа Ожеховскому Николай Радзивилл Черный привлек немногочисленных литераторов Литвы (наибольший труд выпал Августину Ротунду). Они на польском языке написали «Разговор поляка с литовцем». В произведении, предназначенном для польского читателя, были подвергнуты неизбежной критике нападки «Пятиугольника» и приведены доказательства того, что литовцы являются достойным народом, ибо происходят от римлян, и управляют ими монархи римского происхождения. А всё зло в Литве происходит из Польши. В конце приводилось стихотворение Андрея Волана «К полякам и литовцам». В мае 1564 г. Николай Радзивилл Черный отправил Сигизмунду-Августу письмо, в котором указал, что не является противником унии, но не может согласиться с аннексией Литовского государства, и что в этом смысле усилия польской дипломатии по сути ничем не отличается от агрессии русского царя. В июне-июле 1564 г. на Бельском сейме, обсуждавшем переустройство администрации и судов, раде панов под руководством Радзивиллов в

присутствии польских представителей удалось преодолеть стремление дворян уступить полякам по вопросам /642/ об общем сейме и сенате. Польские предложения были отвергнуты, и об этом сообщили представители сейма Литвы, прибывшие на парчевский сейм, который польская сторона и Сигизмунд-Август хотели сделать общим. Таким образом, на Бельском сейме удалось не допустить осуществления программы, намеченной Варшавской рецессией.

Появление памфлета Ожеховского совпало со значительным спадом влияния Николая Радзивилла Черного на Сигизмунда-Августа. Отец последнего Ягеллона сочетал организацию помощи Литве из Польши с концентрацией сил и средств самой Литвы, ибо прекрасно понимал, что Литва прикрывает Польшу от российского колосса. Ленивый и склонный всё откладывать на завтра, сын отгораживался от тяжкой организационной работы, покупая поддержку Польши тем, что покорно уступал ее аннексионистским замашкам. Упорный и мудрый Николай Радзивилл Черный стал главным препятствием «Книшинской политике» (по названию резиденции в Подляшье, где Ягеллон укрывался от забот). В 1564 г. эмиссары Сигизмунда-Августа принялись расшатывать позиции Николая Радзивилла Черного в Литве. Эта борьба затрудняла и без того слабое руководство военными действиями. Дворянство было истощено. В 1568 г. востребовалось уже по 48 грошей с сохи, однако казна оставалась пуста. Очередной сбор призывников 1564 г. (назначенный в Минске) затянулся. В начале ноября 1564 г. русские, оправившиеся от разгрома на Уле, возобновили нападения. Они осадили небольшой замок Озерище, расположенный на восток от Полоцка и угрожавший их тылу. Небольшой гарнизон польских наемников пытался прорваться, но был уничтожен. Заняв Озерище, русские стали непосредственно угрожать Витебску.

Рада панов и великий гетман Николай Радзивилл Рыжий не видели иного выхода, как вступить с русскими в переговоры, относительно чего и обратились к великому князю. Сигизмунд-Август молчал: он пользовался русской опасностью для того, чтобы сломить Литву; тогда бы ничто не тревожило его покоя. Николай Радзивилл Черный в письме Ягеллону выложил всё начистоту: властитель, забросивший дела государства, виновен в его поражениях. Невзирая на финансовые затруднения, Литва располагала небольшими, но боеспособными силами литовских и польских на- /643/ емников, дислоцированными в северных русинских землях. Россия была не в состоянии наступать без передышки. Захватив Озерище, царь на время приостановил вторжение. В начале 1565 г. действия русских были ослаблены репрессиями Иоанна IV Грозного. Вновь начались казни высших бояр, царь создал особую карательную систему (именуемую опричниной). Затягивание «ленивой войны» на русском фронте укрепило позиции Литвы перед лицом Польши. Приняв брошенный Станиславом Ожеховским вызов на интеллектуальный поединок, руководители Литвы не ограничились «Разговором поляка с литовцем». В ответ на польские требования об уравнивании курса валют в 1565 г. появились литовские трехгрошевики с надписью «Суций на небесах (т. е. Бог) посмеется над ними (без сомнения, над поляками)». Разозленный Сигизмунд-Август приказал остановить эмиссию этих сатирических монет. Большой утратой для Литвы стала смерть Николая Радзивилла Черного (28 мая 1565 г.). Однако эту случайную неудачу с лихвой возместил случайный успех: проходивший в том же году польский сейм в Петрокове неожиданно согласился взять на себя необходимые платежи. Получив средства и не чувствуя конкуренции со стороны Николая Радзивилла Черного, последний Ягеллон внезапно очнулся и с энергией, характерной для его отца, взялся за дела, столь необходимые Литве. В июне 1565 г. он прибыл в Великое княжество. Стали укрепляться замки, пополняться их запасы. Из Польши было доставлено много пушек. На море успешно действовали данцигские каперы, расстроившие русскую торговлю через порт Нарву. Еще в апреле 1565 г. у шведов был отобран Пернов (Пярну). Однако польский нажим нашел отклик у дворянства. На затянувшемся вильнюсском сейме 1565–1566 г. южно-русинские представители и дворяне Подляшья потребовали созвать общий сейм с поляками: вольнянам и мазовшанам было необходимо решить пограничные споры, а Киеву и Брацлаву – получить

поддержку против крымских татар. Рада панов была вынуждена откликнуться на это, однако она вместе с тем просила Сигизмунда-Августа, чтобы Варшавская рецессия не затронула общественного блага Литвы. Постановления вильнюсского сейма позволили монарху 28 апреля 1566 г. созвать новый сейм в Бресте для обсуждения вопроса об унии. Он надеялся, что этот съезд представителей, впервые избранных на поветских сеймиках, даст согласие отправиться на общий с поляками сейм в Люблин. Николаю Радзивиллу Рыжему, ставшему после смерти двоюродного брата вильнюсским воеводой и канцлером, и Вильнюсскому епископу Валериану Протасевичу удалось заручиться решениями сейма, защищающими независимость Литвы. Было вновь заявлено, что уния не должна повредить общественному благу Литвы, что будут сохранены отдельные суды, /644/ законы и администрация. Характеризуя выражение «единое тело», содержащееся в акте о Мельницкой унии 1501 г., Протасевич указывал, что есть и должны быть два общественных блага. На люблинский сейм были посланы представители рады панов, а несколько позже – еще три делегата от сейма. Они заявили, что недостаток времени и продолжающаяся война вынуждают просить о переносе обсуждения унии на следующий сейм. Сигизмунд-Август, без сомнения, остался этим недоволен, однако был принужден вступить в дебаты и более детально ознакомиться с идеей сохранения государственности Литвы. Он сам поневоле согласился отложить обсуждение вопроса об унии. С согласия Брестского сейма администратором Ливонии был вместо Готарда Кеттлера назначен Иван Ходкевич (ставший в 1564 г. старостой Жямайтии).

От этого шага политика Литвы многое выиграла. Получив широкие полномочия, проницательный эрудит (обучавшийся в университетах Лейпцига, Кенигсберга и Виттенберга) Иван Ходкевич убедил дворянство Ливонии, боявшееся России, окончательно присоединиться к Великому княжеству Литовскому. На Гродненском сейме, при участии самого Сигизмунда-Августа, 25 декабря 1566 г. была заключена уния между Литвой и Ливонией. Земли по правую сторону Даугавы (Западной Двины) стали провинцией Великого княжества Литовского под названием Задвинье, признавшей своим правителем великого князя Литовского и его наследников. Они получили возможность посылать своих представителей на сейм Литвы и пообещали от Литвы не отделяться. Кроме того, они сохранили собственное право, немецкий язык в качестве административного, а также Аугсбургскую веру. Вся территория была разделена на четыре области с центрами в Риге (без самой Риги), Цесисе (Вендене), Турайде (Трейдене) и Даугавпилсе (Дюнабурге). В случае заключения унии с Польшей Ливония оставалась частью Литвы. Иван Ходкевич остался администратором Ливонии. Вольный город Рига этого договора не признал.

В условиях «ленивой войны» Литва в 1566 г. укрепила свои позиции в Ливонии и на всем русском фронте. Еще в июне-июле того же года в Москве вело переговоры посольство Георгия Ходкевича, Георгия Тышкевича и Михаила Гарабурды. Литовцы требовали возвращения Полоцка и Смоленска, признания раздела Ливонии, создания союза против Швеции. Русский Земский собор высказался за продолжение войны, и эти предложения были отвергнуты (как раз летом 1566 г. Иоанн Грозный поднял новую волну репрессий). Стороны еще несколько раз обменялись посольствами, /645/ но к перемирию это не привело. Активные действия не начинались до тех пор, пока Эрик XIV не утвердил опасного для Литвы договора о российско-шведском союзе, заключенного в феврале 1567 г.

Административные реформы и необходимые меры по присоединению Ливонии были проведены еще в обстоятельствах «ленивой войны». Реформы приблизили поветское руководство к наиболее активной дворянской прослойке, из которой в основном и набирались военные наемники. В наемники шли и довольно состоятельные дворяне, способные снарядить себя для военного ремесла (весьма близкого грабежу). В списке призывников Вильнюсского, Тракайского и Новогрудского воеводств в 1567 г. 7 проц. так или иначе были связаны с военным наймом. Немалая часть панских отрядов в шестидесятые годы была наемной. Во время Ливонской войны постановления сейма предусматривали, что дворяне, исполняющие службу в панских отрядах, обязаны снарядить для поветской хоругви своих заместителей, хотя Литовский статут требовал обратного. В 1562 и 1566 г. Григорием,

а в 1564 г. – Иваном Ходкевичами были написаны военные уставы для наемных частей. Противоположным полюсом возникновения наемной прослойки был фактический распад военного контингента дворян, многие из которых не имели возможности снарядиться для воинской службы (в 1567 г. из тысячи с лишним призывников Каунасского повета снарядиться не смогла треть). Сейм, вместо конфискации земли, наказывал их небольшими денежными штрафами; десятки таких небоеспособных вояк заменялись всего несколькими бывалыми наемниками. Фактически происходила реструктуризация литовского войска: оно уменьшалось, однако повышалось его качество. В Ливонской войне наемники играли куда большую роль, чем в прежних войнах. Такое войско сражалось намного лучше и, главное, могло это делать постоянно (не получая вознаграждения, наемники разграбляли чужие и свои земли). Эти перемены в какой-то степени определяли ход «ленивой войны».

Скромный успех в этой войне позволил осенью 1567 г. провести кампанию для изменения самого хода борьбы. В нормах снаряжения нашла отражение возникшая возможность выставлять пехотинцев (*drabai*), часть которых паны и дворяне были способ- /646/ ны обеспечить огнестрельным оружием. За снаряжение дополнительных воинов («по монаршей милости») великий князь обещал расплатиться. Дворянство с энтузиазмом откликнулось, и, действительно, появились такие дополнительно снаряженные воины. Хотя в 1565 г. была проведена вторая (после 1528 г.) воинская перепись, в 1567 г. она была повторена в целях уточнения. Войско было успешно собрано, и в Радошковичах (неподалеку от Минска) был проведен его смотр. Этот смотр показал, сколь большая сила накоплена. Возможно, некоторые отзывы свидетелей, не слишком понимавших в военном деле, были преувеличенными, однако выражалось мнение, что великому князю Литовскому и его войску позавидует даже Германский император. Увы, вместе с этим смотром окончательно истощился энтузиазм Сигизмунда-Августа, разгоревшийся в 1565 г. Не озаботившись дальнейшей поддержкой военной кампании, он «укрепился» в Книшине. Радошковичские смотрины походили на поход Калигулы, когда – вместо следования по одному из маршрутов, известных лишь императору – легионам было приказано собирать ракушки на берегу океана. Собранное войско, не имея конкретных целей, еще действовало в конце 1567 г. и в начале 1568 г., но ничего особенного не достигло. Сигизмунд-Август надеялся на поддержку русских бояр (заговор против Иоанна Грозного готовила боярская верхушка – князья Вельский, Мстиславский, Воротынский, а также Федоров). Однако царю удалось перехватить письма Сигизмунда-Августа. Напуганные князья Старицкий, Мстиславский и Вельский поспешили выдать заговор; начались казни. Только в августе 1568 г. литовцам удалось взять построенную русскими на территории Литвы крепость Улу. А в целом, в 1568 – 1569 г. военные действия носили ограниченный характер. Передышка на русском фронте позволила Литве упрочить позиции в вопросе об унии. В ноябре 1567 г. польский сейм отправил своих представителей из Петрокова в литовский военный лагерь (в том году его центр был в Лебедеве). В Молодечно полякам было заявлено, что Литва не отвергает унию, но выдвигает условие, чтобы это не повредило ее правам и государственному титулу. Конечно, под нажимом самого великого князя было невозможно до бесконечности затягивать обсуждение унии. Сигизмунд-Август рассчитывал расколоть литовскую знать, перетянув на свою сторону более сговорчивого (как казалось) Ивана Ходкевича. За дости- /647/ жения в Ливонии Жямайтский староста получил герб с грифом (т. е. герб Ливонии был добавлен к личному гербу Ходкевичей). Для Ивана Ходкевича был подтвержден титул графа, предоставленный его отцу Иерониму Германским императором, ему также были пожалованы земли. Как вскоре выяснилось, эти милости не умалили любви Ивана Ходкевича к родине.

В мае-июле 1568 г. Гродненский сейм обсудил вопросы обороны и будущего сейма, общего с поляками. Этот сейм намечено было созвать неподалеку от литовской границы (в Парчеве или Ливе), но позднее остановились на Люблине. Подготовительный литовский сейм был созван 9 мая 1568 г. в Воинове (в Подляшье), откуда 23 декабря намечалось отбытие в Люблин.

И Гродненский, и Воиновский сеймы подчеркивали важность сохранения литовской государственности. В Воинове 21 декабря Сигизмунд-Август был вынужден издать привилей с обещанием сохранить Литовское государство, нигде не упоминать о его подчиненности Польше, установления считать вступившими в силу лишь после приложения государственных печатей Литвы и обеспечить свободное возвращение литовских представителей в случае незаключения унии.

Воиновский привилей фактически отменил Варшавскую рецессию и акт Сигизмунда-Августа, по которому он отказывался от своих вотчинных прав на Литву в пользу польской короны. Отправляясь на решающие переговоры об унии, литовская делегация получила от общего монарха правовую гарантию, исключавшую любые двусмысленности.

д. Люблинская трагедия

Люблинские переговоры начались в первой декаде января 1569 г., когда делегация Литвы прибыла на польский сейм. 10 января сейм официально открыл Сигизмунд-Август. Конфронтация в трактовке унии выявилась уже при обсуждении процедурных вопросов. Поляки требовали совместных заседаний, однако литовская сторона держалась обособленно. Изредка обе стороны сходились, однако все переговоры вели назначенные сеймом Литвы делегаты из рады панов. Представителям польского дворянства не удалось сагитировать дворян Литвы, однако и литовцам не удавалось переговорить с Сигизмундом-Августом, окруженным поляками. Это обстоятельство вскоре стало решающим.

Сама ситуация вокруг переговоров сложилась роковым образом. Работу Люблинского сейма наблюдал папский легат, а также посланники Германского императора, короля Швеции, крымского хана /648/ и русского царя. У литовцев не было Николая Радзивилла Черного, но этого видного лидера заменила сплоченная группа, состоявшая из Николая Радзивилла Рыжего, Ивана Ходкевича, подканцлера Евстафия Воловича и подскарбия Николая Нарушевича. Больного Валериана Протасевича замещал Жямайтский епископ Георгий Петкевич. Полагая законы Литвы одним из важнейших столпов государственности, литовцы добивались, чтобы Сигизмунд-Август утвердил заново подготовленный проект Литовского статута (статут трактовал Великое княжество Литовское как отдельное государство). После того как поляки на первом совместном заседании 24 января опротестовали подобную установку, литовцам пришлось вести переговоры в целом об унии, а это было чрезвычайно невыгодно. Поляки опирались на формулировку «единое тело», содержащуюся в акте Мельницкой унии 1501 г. и при этом делали вид, будто уния уже заключена и что остается лишь договориться об исполнении самого договора. Разглагольствуя о братстве обоих народов, Филипп Падневский доказывал, что Ягайло подарил Литву Польше. На это Иван Ходкевич ответил вопросом: «Если мы вам подарены, тогда зачем вам нужна уния с нами?» Николай Радзивилл Рыжий выдвинул принцип свободы народа: «Никто не мог подарить нас кому-либо, ибо мы свободные люди, и ни одному народу не уступаем честью и свободами, которые обрели наши пращуры, проливавшие кровь за отчизну и верно служившие своим монархам». Горькая шутка Жямайтского старосты и протест вильнюсского воеводы были достойным ответом на аргументы Краковского епископа, но они не могли остановить поднявшуюся эмоциональную бурю. Последнее обстоятельство всерьез повредило литовцам. Польские сенаторы, по сути, склонялись к компромиссу (согласившись на уступки в важном для литовцев вопросе о внешней государственной атрибутике, они рассчитывали теснее связать оба государства, ибо перевес Польши тут был очевиден). Когда споры на сейме приняли ураганный характер, рационально обсуждать компромиссные решения стало невозможно.

3 февраля польский сенат предъявил свой проект договора. Оба государства должны были стать единым и неделимым целым. Правитель – избираемый в Люблине король

Польши, который, принимая польскую корону, тем самым становится и великим князем Литовским. Права поляков и литовцев утверждаются одним общим актом, но государственные советы и сановники (врадники) присягают королю по отдельности. Договоры с другими странами заключаются совместно. Каждые три года (если потребуется, чаще) созываются общие сеймы. Для обсуждения текущих дел предусматриваются отдельные сеймы, но допускается участие сенаторов другой стороны. Сенаторы могут заседать раздельно в Польше и Литве. Во /649/ всех иных случаях принимается литовская формула: уния не должна затрагивать права, свободы, обычаи и законы Великого княжества Литовского, сохраняются отдельные литовские врады (должности). Проект польского сената, хотя и говорил о «едином теле», признавал монарха реальным великим князем Литовским, т. е. – литовскую государственность, соглашался на отдельную администрацию Литвы, а значит, на отдельную государственную структуру. Такой проект уже можно было обсуждать.

Проект сенаторов одобрила часть польского сейма, однако возобладало непримиримо настроенное большинство. Сенаторы уже уступили, где это было возможно. Фактически были сохранены лишь элективные постулаты. Признание литовского титула (как в первоначальном проекте сената) сообщало им качество формальных ограничений. Устранение же титульной формулы превращало их в декларацию исключительно польских прерогатив общего монарха. Даже такому измененному проекту в польском сейме нашлась радикальная оппозиция. 12 февраля Падневский предложил, чтобы к этому проекту были еще добавлены акт 1501 г. и Варшавская рецессия. Это предложение ничего по сути не меняло, но успокоило оппозицию, и та согласилась. Формулировки проекта, правда, оставляли Литве ее врады (*уряды*), а также гарантии прав и привилегий, но – с устранением титулатуры, декларирующей государственность – это уже было лишь признанием провинциальной автономии.

Польскому большинству казалось, что сделаны большие уступки. На них ополчились польские аннексионисты (среди них Гнездинский архиепископ Яков Уханский). Безусловно, кардинальные разногласия не были устранены, ибо польский проект провозглашал единое государство, образованное не объединением Польши и Литвы, но присоединением Литвы к Польше.

Радикальная польская позиция вызвала радикальный ответ литовцев. 15 февраля они обсудили польский проект и предложили свой. В ответе было указано, что союзная и дружественная уния должна быть выгодна обоим народам, ни один не должен исчезнуть. Поэтому нельзя смешивать два государства, а тем более – одно присоединять к другому. Сохранение врад ничего не дает, если отсутствует высшая власть. Литовцы ничего от поляков не требуют и просят оставить их в покое. Отмечено: «Мы обязаны все /650/ силы приложить к тому, чтобы во имя матери нашей, во имя блага Литвы оставить по себе память, как любовно и верно мы ей служили». Если поляки будут требовать инкорпорации, литовская делегация покинет сейм.

Помня весь ход переговоров об унии, литовцы ориентировались на инструкцию Вильнюсского сейма 1563 г., с которой их представители прибыли на варшавский сейм, закончившийся односторонней рецессией 1564 г. Иван Ходкевич указывал, что Ягайло не имел права дарить Литву, ибо являлся не ее собственником, а лишь избранным правителем. Поскольку Литва заключала с Польшей договоры, это указывает, что она не была присоединена. Сформулированная Городельским актом 1413 г. инкорпорация была неправомочной, ибо акт принят без ведома большинства литовцев. Во времена Александра (1499 г.) более ранние акты, наносящие вред Литве, были объявлены недействительными, а акт 1501 г., гласящий о едином теле, касается высшей власти обоих государств и двух общественных благ. Варшавская рецессия, принятая без участия литовцев, их ни к чему не обязывает.

Иван Ходкевич, конечно, оперировал историческими анахронизмами, но его рассуждения свидетельствовали о таком уровне национального самосознания и правового развития, которого не продемонстрировал ни один из польских ораторов, пользовавшихся

накопленным предками доказательным багажом. А он создавался во времена, когда в этой области польские политики явно первенствовали.

Предлагаемый литовцами проект предусматривал общего монарха, короля Польского – великого князя Литовского, избираемого на границе обеих стран равным числом выборщиков. Он должен отдельно короноваться соответственно в каждой стране при участии представителей другой страны и присягать по отдельности каждой стране. Вступить на литовский престол он должен не позднее, чем через три месяца после того, как будет коронован в Кракове (не став великим князем Литовским и не присягнув Литве, он власти в ней не получит). Сохраняются отдельные государственные печати. Созываются общие сеймы по вопросам избрания монарха, войны и мира, отправки послов (одного поляка, одного литовца), военных налогов; их решения удостоверяются печатями обеих стран. Монарх, по решению обеих сторон, созывает в приграничье сеймы, они проходят попеременно в обеих странах. Дела каждой страны решают их отдельные сеймы. Оборона осуществляется совместно. Сохраняются титулы и должности (влады). Приобретать землю и селиться можно в обеих странах, но церковные и светские должности предоставляются лишь жителям своей страны. Денежный курс уравнивается, но на легенде литовских монет чешского /651/ канится титул великого князя Литовского. Экзекуция в Великом княжестве Литовском не проводится.

Литовский ответ и проект возмутили польских сенаторов (особенно Падневского). На сейме вновь поднялась буря, Сеницкий кричал, что поляков оскорбили. Снова зашла речь об акте 1501 г. и Варшавской рецессии. Невзирая на шум и возобновившиеся споры, Сигизмунд-Август еще колебался. Позиция и аргументы литовцев влияли на него. Однако переговоры зашли в тупик, и Ягеллон обратился мыслями к Книшину. Уступая полякам, он 25 февраля пообещал решить вопрос об унии. Литовской делегации 28 февраля должно было быть заявлено, что она (соответственно представители сейма и сената) будет заседать вместе с поляками. Монарх должен будет декларировать решение, соответствующее польскому проекту. У литовских делегатов не осталось выбора, поэтому они отказались идти на заседание 28 февраля, а отдельные делегаты стали разъезжаться из Люблина. Николай Радзивилл Рыжий, Иван Ходкевич, Николай Нарушевич получили возможность переговорить с Сигизмундом-Августом, однако обнаружили, что всё уже решено. Властитель уговаривал их остаться, однако было ясно, для чего ему это нужно. Остались Волович и Нарушевич, но только для того, чтобы сообщить об отъезде литовской делегации.

Варшавская рецессия, принятая в отсутствие литовцев, стала репетицией, которая теперь была повторена уже как официальная премьера. Сигизмунд-Август воспользовался различием интересов между дворянами Подляшья и Волыни. Представители польского сейма, жадно поглядывавшие на соседние южно-русинские земли Великого княжества, опирались на давнюю традицию подобных претензий. Они потребовали, чтобы монарх своими актами односторонне присоединил эти воеводства к Польскому королевству.

4 марта Сигизмунд-Август повелел сенаторам и представителям Подляшья включиться в работу польского сейма. 9 марта представители Подляшья (из шести их осталось в Люблине четыре) присягнули Польской короне. Евстафий Волович отказался присягать, вследствие чего потерял должности в Подляшье. 12 марта появился универсал Сигизмунда-Августа, 21 марта – привилей, провозглашающий присоединение этих воеводств к Польше. 26 марта польский сейм одобрил проект Сигизмунда-Августа о присоединении Волыни. Был предложен и принят сеймом акт «О возвращении Подляшья и Волыни». 28 марта Сигизмунд-Август подписал привилеи о присоединении Подляшья и Волыни. Королевский универсал требовал от тех сенаторов и представителей Подляшья и Волыни, которые еще не включились в работу польского сейма и сената, сделать это и присягнуть Польской короне. Также потребовалась присяга и других владетелей. Оба воеводства подчинились не сразу, особенно /652/ их аристократия. Конечно, сопротивление могло быть только пассивным. Тем временем поляки замахнулись уже на Киевское и Брацлавское воеводства. Луцкий епископ Вежбицкий, волынский воевода Александр Чарторыский,

воевода Подляшья Василий Тышкевич, киевский воевода Василий Острогский медлили с присягой, ссылаясь на болезнь. Кое-кто протестовал из-за того, что грамоты удостоверены не литовскими печатями. Для Литвы, которой не доставало сил противиться подобным действиям, всё это было совершенно безнадежно. 4 апреля представители польского сейма потребовали отобрать должности у неприсягнувших. Сигизмунд-Август, чтобы не обострять ситуацию, простил тех, кто оправдывался лишь болезнью. Были дополнительно вызваны каштелян Подляшья Григорий Тризна и княгиня Слуцкая, у которых были поместья в Подляшье. К Василию Тышкевичу лично был направлен посольный, чтобы взять с того присягу. Поскольку приведение к присяге затягивалось, понадобился новый универсал Сигизмунда-Августа о присоединении Подляшья (23 апреля), был также объявлен еще один, крайний срок принесения присяги – 14 мая в Люблине. Не словив пассивного сопротивления, Сигизмунд-Август 2 мая отнял воеводство у Василия Тышкевича и каштелянство у Григория Тризны. Приведение к присяге продолжалось и 24 мая.

В Подляшье пришлось «обрабатывать» мазовшан. С русинской Волынью было еще сложнее – многие не явились к предписанному 14-му мая. Пришлось продлить срок до 23–26 мая. В конце концов оказались вынуждены присягнуть епископ Вежбицкий, волынский воевода Чарторыский, киевский воевода Острогский, князь Константин Вишневецкий. Убедившись в безнадежности сопротивления, за свои владения в Подляшье и на Волыни присягнул Евстафий Волович. 1 июня присягу от своих имений в Подляшье и на Волыни принесли Николай Радзивилл Рыжий и князь Роман Сангушко (последний присягнул и за брацлавское воеводство). Покорились каштелян и староста брацлавские, князья Капуста и Корецкий. 25 мая универсалом был объявлен срок до 16 июня для дворян и городов Волыни. Капитуляция Николая Радзивилла Рыжего знаменовала победу Сигизмунда-Августа и крах твердой позиции Радзивиллов. 28 мая и повторно 1 июня представители польского сейма официально потребовали присоединения Киевского воеводства. Часть польского сената, не желавшая защищать Киев от русских и татар, сопротивлялась. Тем не менее, победили сейм и сенатское большинство; 5 июня появился привилей Сигизмунда-Августа о присоединении Киева. Напоследок было присоединено и Брацлавское воеводство. Для того, чтобы основательно «узаконить» все эти акты, в некоторых из них были заменены даты. За два месяца правитель Литвы отнял у своей бессильной страны половину территории. Великое княжество Литовское потеряло юг Белой Руси, и с той поры исторически разделились судьбы южных и северных русинских земель. В первом раунде люблинских переговоров делегация Литвы не использовала или мало использовала разногласия среди польских сенаторов. Причиной тому был натиск поляков, заставивший литовцев обороняться и полагаться лишь на авторитет Николая Радзивилла Рыжего. Увы, этот авторитет не был столь непререкаем в глазах Сигизмунда-Августа. Как и его прадед в Крево, свои личные счета он оплатил благоденствием страны, которая взрастила династию. Правда, общественность этой страны заметно подросла, и прежние методы не годились. Даже польский сейм не осмелился применить ко всему Великому княжеству Литовскому акты об инкорпорации, как это было проделано с четырьмя воеводствами, наименее с ним связанными. Для главной цели готовился специальный документ об экзекуции, основанный на акте 1501 г. (в его польской интерпретации) и Варшавской рецессии. Он должен был в одностороннем порядке объявить унию по польской модели. 14 марта проект сената был прочитан сейму. После споров и поправок он был утвержден 28 марта и, по приложению большой королевской печати, сдан на хранение в королевский архив (кстати, окончательной датой было вписано 24 марта). В акте декларировалось единое и неделимое общее благо, но Великому княжеству Литовскому оставлялись его титул и предусмотренные отдельные должности (врады), суды, право и администрация. Фактически этим актом провозглашались две совершенно несочетаемые и противоречащие друг другу вещи: констатация реальной государственности Литвы и декларация о ее прекращении. Сложилась и парадоксальная юридическая ситуация: как и в случае с Варшавской рецессией, одностороннее решение великого князя Литовского повисло в воздухе, – не было согласия Великого княжества

Литовского как суверенного правового субъекта, о котором говорилось в Литовском статуте и Воиновском привилее. Недействительность акта об экзекуции подтвердилась самой жизнью: после отправки в архив он никому не понадобился и был забыт.

Однако была и политическая подоплека: Литва – перед лицом российской агрессии – оказалась на грани гражданской войны со своим монархом. Оставался единственный выход – переговоры.

После отъезда литовской делегации из Люблина, видные члены рады панов обсуждали дальнейшие действия. Николая Радзивилла Рыжего информировали из Люблина Волович и Нарушевич. Были разосланы грамоты о всеобщем призыве. Хотя Николай Радзивилл Рыжий и в дальнейшем оставался лидером, явно обозначился крах твердой линии, усугубленный его собственной присягой «от своих имений». Андрей Волан посоветовал Радзивиллу не ездить на пе- /654/ реговоры, и тот сам догадался о своем положении. Следовало воспользоваться теми способами защиты литовской государственности, которые содержались в постулатах польской модели унии. Рада панов, собравшаяся 20 марта в Вильнюсе, отправила в Люблин делегацию в составе Ивана Ходкевича, Евстафия Воловича, Доминика Паца, Христофора Радзивилла, Николая Кишки. Делегация ощущала свою ответственность перед обществом всей Литвы и лично перед Николаем Радзивиллом Рыжим. Однако ее моральным лидером сразу стал Иван Ходкевич, стремившийся к цели иными, нежели Радзивилл, путями.

5 апреля литовская делегация была принята польским сенатом. На сей раз гибкость сочеталась с изначально твердой позицией, которая поначалу не афишировалась. Делегация согласилась на заключение унии, не акцентируя, какова она должна быть, но потребовала не применять экзекуцию и протестовала по поводу отторгнутых воеводств. Вопрос о сейме литовцы отнесли к техническим проблемам, ослабив тем самым его связь с вопросами о государственности. Они предлагали каждый второй сейм проводить в Литве близ польской границы и просили отложить обсуждение на 6 недель, чтобы успели собраться сеймики. Поляки протестовали против избрания новых представителей и слышать ничего не желали об аннексированных воеводствах. Споры тянулись вплоть до 22 апреля, а 23 апреля был объявлен всеобщий сбор польского войска. Ситуация казалась угрожающей, однако на самом деле литовской делегации удалось достичь главного: начался второй раунд люблинских переговоров. Оценив уступку литовцев, которая представлялась принципиальной, поляки начали споры уже о деталях. Они согласились ждать только 4, а не 6 недель, а Сигизмунд-Август даже не протестовал против сеймиков. Отходчивость, которую продемонстрировал монарх после согласия литовцев признать унию, была для них важным знаком. Так окончился подготовительный этап переговоров. Сроком их начала было определено 29 мая.

Заключительный этап переговоров начался 9 июня. Согласие литовцев на унию поляки восприняли как одобрение их модели, поэтому попытки детального обсуждения разбивались о диктат хозяев, уверовавших в свою победу. Литовцам еще помогала некото- /655/ рая нерешительность Сигизмунда-Августа. Он, как и поляки, полагал, что литовцы уже сдались, и потому подыскивал приемлемые для них детали. В июне 1569 г. Сигизмунд-Август, действительно, работал не жалея сил. Было невероятно сложно провести в жизнь, не провозглашая, основополагающий принцип о сохранении государственности Литвы. Внешне всё разбивалось о стену польского диктата, однако проницательный Иван Ходкевич разглядел в этой стене трещины. Конечно, спорить до бесконечности было невозможно, поэтому следовало готовить решающий шаг.

Опираясь на старые привилеи, польские представители приводили их один за другим, причем некоторые формулировки не совпадали с оригиналами и были сомнительны. Мастер полемической логики Иван Ходкевич не оставил это без внимания. Он умело использовал образ наиболее сговорчивого литовского сановника, хотя получил одобрение своей линии поведения на сейме от Николая Радзивилла Рыжего (в письме от 4 июня). Жямайтский староста сделал упор на акт 1501 г., подчеркнул его значение и противопоставил однобокому акту об экзекуции. Этими постулатами он замаскировал основные требования, которые был

намерен представить как редакционные поправки к продиктованному поляками варианту. Он всячески защищал принципы отдельной присяги монарха Великому княжеству Литовскому и созыва общих сеймов попеременно в обеих странах, но особо старался получить согласие на утверждение будущих привилегий двумя печатями. Именно в этом случае сохранение высших центральных литовских должностей, из-за которых не было серьезных разногласий, воспринималось бы как примета реальной литовской государственности.

15 июня литовцы представили проект, подкрепленный этими аргументами. Польские сейм и сенат почувствовали, что критика акта об экзекуции расшатывает их правовые опоры, и не согласились отказаться от него. Однако, защищая и пропагандируя его, они уже не шарахались от идеи двустороннего заключения актов об унии. По их мнению, это было бы гарантией непререкаемости унии. С другой стороны, это можно было расценить как отказ от односторонней экзекуции. Литовцы выиграли соглашение, которое они могли интерпретировать в выгодном для себя смысле.

В ответ на литовский проект польский сенат подготовил новый, подчеркнуто окончательный, проект соглашения об унии. Внешне он почти не содержал уступок, но в нем было важное по сути изменение, ибо упор уже делался на акт 1501 г. Полякам эта уступка не казалась существенной, а литовцам она позволяла трактовать сохранение центральных должностей как сохранение государственности. При таком козыре литовцам было легче защищать важнейший постулат о двух печатях. Им удалось, достигнув соглашения /656/ или видимости согласия по другим вопросам, превратить этот постулат в средоточие всего спора: две печати свидетельствовали о наличии двух государств, хотя декларации о «едином теле» и Польской короне позволяла полякам считать их союз неравноправным. Одна печать означала бы одно государство, которое именовалось бы Польшей. Поскольку внешняя уступчивость литовцев помогла сторонам найти общий язык, Сигизмунд-Август и польский сенат согласились и на две печати. Здесь важную роль сыграла примирительная позиция Сигизмунда-Августа, стремившегося побыстрее завершить изнурительную работу. Камнем преткновения оказался польский сейм, который воспротивился применению двух печатей, ибо инстинктивно сознавал, к чему это приведет. Были споры и из-за Ливонии, которую поляки желали забрать себе. Обходной маневр, успешно начатый литовцами, застопорился, следовало делать решающий ход.

28 июня на общем заседании Иван Ходкевич, апеллируя прежде всего к Сигизмунду-Августу, произнес резюмирующую речь. Она была обсуждена и срежиссирована литовской делегацией. По- /657/ нимая историческое значение момента и взвесив последствия каждого сказанного слова, жямайтский староста всю мощь своего красноречия и интеллекта психологически нацелил в глубину души Сигизмунда-Августа (как он ее видел и понимал), когда-то откликнувшейся на изумившую мир любовь Варвары Радзивилл. Подчеркнув ответственность делегации Литвы перед будущими поколениями литовцев и ее долг защитить отчизну, он признал, что у делегации нет выхода. Во имя согласия он обещал не затрагивать спорных вопросов о Ливонии и о двух печатях, но высказал это такими словами, которые не содержали отказа от права вернуться к этим вопросам снова. Вынужденные покориться своему государю, литовцы все национальные надежды влагают в его руки и молят о спасении отчизны, которой сами они уже не в силах помочь. Именем Господа взывал Иван Ходкевич к совести монарха, и все литовские делегаты пали на колени перед своим великим князем. Речь Жямайтского старосты отвечала всем правилам ренессансной риторики и живо отозвалась в людских душах. Слезы текли по щекам делегатов, плакали даже некоторые польские зрители. Сигизмунд-Август был потрясен: несчастная родина любимой Варвары протягивала к нему руки, словно сама Варвара с ложа, ставшего ее смертным одром. В стене, о которую разбивались все усилия литовцев, возникла трещина. На сей раз делегатам Литвы позволили взять проект для редакционной доработки. Литовцы получили возможность внести незначительные на первый взгляд, но решающие по сути изменения, и они сумели найти нужные слова. 1 июля договор был заключен, состоялась присяга.

Акт об унии гласил, что королевство Польское и Великое княжество Литовское отныне являются единым неделимым телом и составляют единое общее благо. Этот – внешне наиважнейший – постулат был, конечно невыгоден для Литвы, однако вместе и нейтрален: не было сказано, как достигается это единое и неконкретизированное общее благо. Определенная конкретизация должна была следовать лишь из другого постулата: общий сейм созывался в Польше, избирал монарха, которого короновали в Кракове и не возводили на престол в Вильнюсе; сеймы становились только общими. Подобные формулировки позволяли считать монарха лишь королем Польши, однако этому противоречило условие, согласно которому сохранялся титул великого князя Литовского. Одним актом монарх должен был подтвердить права и вольности, но эти права и вольности относились не к «единому телу», но к «обоим народам и государствам». О скреплении печатями грамоты, утверждавшей права и вольности, не было сказано ничего. Все эти клаузулы стали юридическими ребусами, /658/ которые можно было по-разному трактовать. Между тем, конкретные пункты говорили об отдельных государственных структурах, не разъясняя их иерархического соотношения, в также взаимодействия. Это были: отдельная администрации Литвы (влады) и отдельные права (законы). Согласно последним постулатам должна была наличествовать отдельная литовская территория с государственными границами, отдельное войско, отдельная казна, отдельная правовая система (включая государственное право). Неконкретизированные общие сеймы практически не мешали превратить их в собрания отдельных фракций. Денежный курс должен был быть уравнен, но устранение литовских денег не предусматривалось. Было решено управлять Ливонией совместно.

Важнейшие постулаты, конкретизирующие унию, были приспособлены для сохранения государственности каждой из стран. Поэтому там, где была предусмотрена общность, она фактически означала дуализм. Таковыми были формулировки, предполагающие совместное заключение договоров, назначение общих послов. Обоюдное позволение приобретать земли и неприменение экзекуции в Литве были уже бытовыми, а не политическими решениями. Актом от 11 сентября 1569 г. Сигизмунд-Август установил места сенаторов и представителей национальных сеймов на общем сейме и назначил место проведения постоянного общего сейма – Варшаву, расположенную ближе к границам Литвы. Очередность литовских и польских представителей также была компромиссной: применялся не государственный, а провинциальный принцип (Польша состояла не из одной, но из двух провинций – Великой и Малой Польши), однако Вильнюсу был присвоен высочайший ранг – как Кракову и Познани.

По просьбе литовских представителей 19 июля Сигизмунд-Август издал акт, согласно которому Польская корона провозглашалась собственностью не только польского, но и литовского народа, и признавалось право Литвы изменить – по согласованию с Польшей – акт о самой унии. Эти формулировки хотя бы отчасти смягчили многие болезненные акценты акта об унии: упоминания о Польской короне, о коронации Польского монарха и присяге литовских владников королю и королевству.

Литовская делегация под угрозой разгрома добилась достойного результата. Государственность Литвы была спасена, однако страна в рамках дуалистической конфедерации оказалась прикована к куда более сильному партнеру. С 1569 г. история Литвы пошла в ином направлении, нежели до этого. Литва осталась политическим субъектом, но на ее развитие и судьбу литовского народа решающее влияние стала оказывать Польша. /659/

Заключительное слово

Началом этого труда следует считать лето 1992 г. Именно тогда проф.

Э. Александровичюс от имени фонда Видунаса предложил мне взяться за него. Я попросил дать мне время на обдумывание и оценку своих возможностей: написать историю своей страны непросто, я опасался, что не успею, кроме того, тревожила необходимость говорить о периодах, которых не знаю. С другой стороны, я хорошо понимал, что срок для такой работы давно пришел. Не давал покоя пример З. Ивинскиса, которому трудно жилось и еще труднее работалось, и все же он взялся за этот труд и оставил наилучший синтез литовской истории вплоть до смерти Витовта Великого. Меня подбадривало то, что в своих стараниях я не одинок. Действительно, уже появилось несколько учебников по истории Литвы. Состоялось второе издание истории Литвы до 1775 г. супругов Кяупа и А. Куницявичюса. Вскоре должна была выйти история Великого княжества Литовского работы А. Бумблаускаса. Правда, в 1992 г. подобного еще не было, однако важно, что я в этих надеждах не обманулся. Поэтому я согласился взяться за работу (кажется, это произошло в 1993 или 1994 г.).

Меня поддержал фонд Видунаса, за что я очень признателен и хочу лично поблагодарить г. В. Микунаса, а также г. Я. Варякоене и г. Э. Куликаускаса. Фонду Видунаса в свою очередь оказал поддержку союз писателей Литвы (председатель В. Свянтицкас), за что я также благодарен. Хочу отдельно отметить г. В. Гирдзияускаса, не впервые спешащего на подмогу без всяких моих просьб. Выражаю благодарность самоотверженно трудившимся Э. Валотке, Р. Орантасу, Д. Кавальюнайте, Д. Мелинене, Д. Тункявичене, Л. Сидарене, Д. Каджюлите, А. Даугнорене, Э. Милыпянене и другим, отдавшим силы этой работе.

Я писал эту книгу, когда находилось свободное время. Не знаю, когда напишу другие тома. Ответ один: надо работать.

Автор /660/

Именной указатель

А

- Август, римский император 508
св. Августин 460, 461, 474, 475
Агриппа, Вацлав 603, 611
Адам из-под Катры 475, 478
Адашев, Алексей 619, 622, 634
Ази-Баба, крымский посол 334, 337, 338
Айгуста, княжна 105
Александр II, великий князь, король 369, 373, 387–391, 394, 396–398, 401, 420, 428, 435, 436–438, 441, 442, 453, 462, 465, 482–497, 499–501, 503–511, 515–517, 522, 532, 535, 572, 650
Александр IV, папа римский 58, 63, 65
Александр Добрый, молдавский господарь 261, 266, 267
Александр Нос, князь 250, 281, 283, 284
Александр, князь Путивльский 212
Александр, племянник Витовта (из Твери) 104–106
Александр-Витовт, Александр I Витовт, 169 см. *Витовт (Витаутас) Великий*
Алексий, митрополит 130, 138, 143, 148
Алеттский Варфоломей, епископ Алеттский 112
Альберт, епископ Ливонии 38–41, 43, 487, 513
Альберт, герцог Прусский 132, 290–292, 318, 537, 586, 597, 598, 601, 616, 617

Альгимонтович, Иоанн, князь Альшенский (Ольшанский) 162, 170, 176, 191, 198
Альгмин, князь 61, 64, 66, 77
Альдона 113
Альшенские (*Ольшанские*) 398, 558
Альшенский (*Ольшанский*), Александр 212, 504
Альшенский (*Ольшанский*), Иоанн 176, 262, 339
Альшенский (*Ольшанский*), Януш 565
Альшенский (*Ольшанский*), Юрий 295, 296, 312, 314, 316, 328, 330, 339
Альшенский (*Ольшанский*), Михаил 283
Альшенский (*Ольшанский*), Павел, епископ Вильнюсский 367, 455, 475, 565, 568, 596, 597, 602, 613, 620
Альшенский (*Ольшанский*), Симеон 278, 339, 346, 402, 506
Альтенбург, Дитрих, магистр Ливонский 119, 120, 122
Амато, Иоанн, Сильвио Сицилийский 477, 564, 568
св. Амвросий 598, 599
Анастасия, см. *Айгуста* 105
Анастасия, дочь Ивана Лингвеньеви́ча 396
Анастасия, княгиня Слуцкая 512, 518, 519
Андрей, князь Дорогобужский 295
Андрей, князь Козельский 104
Андрей, епископ Луцкий 276
Андрей, папский легат 266, 271, 273
Андрей, князь Псковский 148
Андрей, Ольгердович, князь Смоленский 124, 143, 149, 152, 154, 155, 164, 172, 173, 174, 198, 206, 250, 283
Андрей Старший, князь Угличский 335, 337
Андрей, епископ Вильнюсский 205, 362, 365
Андрей, епископ Серетский 172
Андрей, епископ Тверской 101
св. Анна 585
Анна, см. Данута-Анна 155
Анна, дочь Гедими́на 111, 460
Анна, жена Казими́ра III Великого 125
Анна, сестра Иоанна Ольшанского (Альшенского) 339
Анна, жена Швитрига́йло 394
Аристотель 611
Арсений 104, 105
Астей, внук Ольгерда, полководец 150
Ахмет, хан 333, 334, 336, 337
Ашейка, финансист 379

Б

Баба, Иван 307
Баба, Михаил, князь 275
Бабичи 396
Баварский Людовик, Германский император 134
Байраш, посол Менгли-Гирея 341
Балинский 513
Барбашин, воин 552
Бардис, брат Тройдена 68, 70

Барним V, князь Поморья 202
Барташевич, Станислав 499
Бахадур-Султан, сын Крымского хана 532
Баязет II, султан 343, 495
Беклемишев, Никита 334
Белевские, князья 348
Белевский, Андрей 489
Белевский, Василий 489
Бенгаузен, Иоанн, комтур Бранденбурга 291
св. Бенедикт 366
Бергенроде, Конрад, маршал Ливонского ордена 336
Бергомезе, Яков 458
Бернард, аббат 112, 475
Бернардо Дзаноби ла Джанноти 545
Бертольд, францисканец 112
Бельский, воин 551
Бельский, Иван 646
Бельский, М. 527, 646
Бельский, Федор 646
Бикшис, князь Дялтувы 46, 47
Билевичи 602
Бирута, вторая жена Кейстута 154, 158, 159, 161, 187, 467
Бити-Гирей, сын Менгли-Гирея 509
Бландрата 605
Блонский Матфей, врачеватель 513
Блонский Николай, проповедник 460
Блотный, Николай 611
Боговитиновичи 409, 547
Боговитинович Богуш, земский подскарбий 414
Бокей, Гавриил 631
Бокфорд, Генрих, магистр 291
Боланд, Филипп, войт епископа Самбии 79
Болеслав, князь Мазовецкий 294, 301
Болеслав II, князь Мазовецкий и Плоцкий 73
Болеслав Набожный, князь великопольский 305, 377
Болеслав-Юрий, князь 103, 107, 121, 124
Бона Сфорца 394, 395, 478, 535, 537, 543, 546, 547, 558–564, 566, 568–572, 584, 588, 589, 596, 598, 602, 616
Бонар, бурмистр Кракова 516
Бонифаций VIII 461
Бонифаций IX 202, 205, 210
Бононский Людовик 330
Боратынский Иван 532
Борис, князь 337
Борис, князь Волоколамский 335
Борис, князь Суздальский 129
Борис, князь Тверской 264, 266
Борисович, Семен 344
Боришевский, архиепископ Львовский 504 /661/
Бранденбургский, Фридрих 256
Брандо, кардинал 257
Браун, Г. 612
Брауншвейгский, Лютер, великий магистр 118, 119

Борецкий, Исаак, посадник 331
Бременский, Адам 26
Бреткунас, Иоанн 599, 600
Брюгенау, Венемар, магистр Ливонии 205
св. Брунон (*Бруно*), Бонифаций 29
Брунон, магистр 81
Булат 233
Булевичи 44, 46, 51, 54, 59
Булингер, Генрих 603
Булюс, князь Шяуляйский 34
Бунис, князь Альшенский (Ольшанский) 47
Бурглен, Арнольд, комтур 177
Бурундай, золотоордынский темник 59, 66, 68, 139
Бусико, маршал 178
Бустис, Бернардин де 460, 478
Бутвид, брат Бутигейда, субмонарх 77, 78, 123
Бутейкис (*Путейкис*), князь Дялтувы 46
Бутигейд, князь 74, 77, 78
Бутовт, сын Кейстута 46, 139, 162
Бутрим, двоюродный брат Бируты 159
Бутрим, Георгий 282, 284, 286
Бутурлин, Иван 254, 255
Бучацкие 274, 275
Бучацкий, Иван, староста Мендзиборский 507
Бучацкий, Михаил, староста Каменецкий 281, 285

В

Валимонт, Станислав 462
Валимонтовичи 261, 280, 281, 301, 409
Валле, Симон де 283
Валленрод, Иоанн, брат великого магистра 246
Валленрод, Конрад, великий магистр 173, 178, 220
Валленрод, Фридрих, маршал 221, 222
Ваповский, Бернард 403
Варсонофий, епископ 528
Варфоломей, секретарь Витовта 260
Варшевицкий, Станислав 606
Василий I, великий князь Московский 175, 178, 180, 199, 200, 202, 211–214, 262, 307–310, 312, 326, 327
Василий II, сын Софии, дочери Витовта 261, 266, 272
Василий III 511, 517, 519, 520, 523–526, 531, 532, 538, 547, 549
Василий Борейкович 199
Василий Березуйский 141
Василий, князь Боровский 394, 397
Василий Красный, князь Друцкий 275, 305
Василий, князь Костромской 101
Василий-Калека, архиепископ Новгородский 104, 105
Василий Шемячич 321, 397, 503
Василий, вассал 138
Василий, князь Верейский 344

Василий, князь Волынский 49, 59
Василий Косой 307
Вацельроде, Лука, Вармийский епископ 504
Вацлав IV, король Чехии и Германский император 153, 216, 217, 254
Вацлав, Легницкий князь 120
Вацлав, Плоцкий князь 109
Вежбицкий, епископ Луцкий 603, 652
Вежбицкий, Вацлав 565, 596, 602
Вейцау, Людольф, великий магистр 126, 127, 128
Вейсберг, Конрад 255
Велогарский, Валентин 566
Вендриховский 602
Вергилий 611
Вердена, Иоанн де 460
Вернарт 467
Вестарт, князь Земгалии 39, 42
Вестфальский, Андрей 70
Вешгайло, Николай 475
Вешхлинский 633
Виганд, см. *Витовт Великий* 162
Вигунтас (Александр), брат Ягайло 167, 169, 175, 180
Виденицкие 396
Видмонт, дядя Бируты 159
Видмонты 570
Викинтас (*Викинт*), князь Лаукувы 35, 44, 46, 51, 53, 54, 60
Виклиф, Иоанн 596
Вилент, Варфоломей 599, 600, 603
Вилигайло, князь 41, 47
Вильгельм, епископ Лозаннский 42, 245
Вильгельм, брат Прусского герцога Альберта 537
Вильгельм Парижский 460
Вильгельм, архиепископ Рижский 616, 617, 619, 626
Вильгельм IV, Голландский граф 126
Винцент Шамотульский 264, 281, 285, 289
Вислицкий, Ян 611, 612
Витень 76, 78, 79, 80, 82, 83, 107, 108, 244
Витовт Великий, Кейстуович (Александр I) 101, 141, 143, 146, 154–159, 161–163, 167, 169, 173–181, 197–201, 203–269, 271–280, 289, 290, 292, 298, 299, 301, 305, 307, 308, 310, 311, 317–319, 330, 332, 339, 347, 360, 365, 366, 368, 375–377, 386, 389–391, 397, 398, 400, 404, 408–410, 416, 429, 436, 437, 439, 442, 443, 451, 452, 454, 457, 460, 468, 473, 474, 478, 482, 483, 491, 563, 570, 584, 590, 608, 612, 660
Виттельсбах Баварский 120
Виттельсбахи 120, 121
Вишневецкий, Ян 551, 552
Вишневецкий, Константин, князь 652
Владимир, сын Ольгерда 138, 149, 150, 172, 198, 278
Владимир, Копыльский князь 205
Владимир Храбрый, Серпуховский князь 140, 141
Владимир, Полоцкий князь 40, 41
Владимир, Волынский князь 71, 72
Владислав, см. *Ягайло* 168, 263
Владислав, король Чехии 334, 346

Владислав III Ягеллон, король Чехии и Венгрии 284, 289, 290, 296–298, 300–302, 495
Владислав, князь Мазовии 294
Владислав, Потоцкий каштелян 165
Владыка, Иоанн 489
Влодек, Люблинский староста 165
Влодкович, Павел (*Владимири*), епископ 249, 246, 247
Войдат, сын Кейстута 137
Войн, брат Гедимины, князь Полоцкий 107, 124
Войцех из Брудзева 477
Войшелк, сын Миндовга Волян, Андрей 48, 57, 59, 66, 67, 68, 69, 74, 102, 190
Волнин, Григорий 331
Волович, Григорий 314, 651
Волович, Евстафий 602, 648, 651-654
Воловичи 602
Володкевич, Мартын 576
Воложинский, Георгий 476
Волчок 631
Ворагине, Яков де 461, 477
Вормдит, Петр 246 /662/
Воронцов, Василий 554, 555
Воротынские 348, 676
Воротынский, Дмитрий 348, 646
Воротынский, Иван 347, 489, 646
Воротынский, Симеон 448, 489, 646
Всеволод, князь Ерсики 36, 41, 42
Вульфстан (*Вульфстэн*) 26
Выдра, Каунасский хорунжий 631
Вяземский, Андрей, князь 489
Вячко, князь Кокнесе 39, 40

Г

Габриялович, Станислав 576
Габсбурги 290, 345, 444, 491, 525, 529, 532, 538, 570, 615, 616, 618, 630
Габсбург, Елизавета, жена Сигизмунда-Августа 438
Габсбург, Рудольф 271
Гайденрейх, епископ 55
Гайка, Ян 623
Гален, Генрих, магистр Ливонского ордена 616, 617
Галиний, Мартин 597
Ганул, Вильнюсский староста 153, 156, 165
Гарабурда, Михаил 644
Гарен (*Харен*), Бернард, комтур Кулдиги 61
Гаттенштейн, Конрад, комтур Бранденбурга 142, 157
Гаудемунда, дочь Тройдена 73
Гаштольды 261, 296, 360, 407, 409, 413, 415, 558-560
Гаштольд, Альберт 396, 402, 407, 412, 414, 415, 418, 422, 428, 466, 470, 473, 475, 477, 478, 479, 485, 509, 511, 512, 514, 515, 517–522, 527, 528, 532, 535, 537–539, 543–547, 559, 561, 565, 572, 597, 613
Гаштольд, Андрей, Вильнюсский староста 174
Гаштольд, Иоанн, Смоленский наместник 276, 277, 285, 462

Гаштольд, Иоанн, Вильнюсский воевода 272, 278, 292–297, 299–302, 309, 311–316, 321, 322, 324, 334
Гаштольд, Кревский староста 229
Гаштольд, Мартын, Тракайский воевода 329, 330, 334, 338, 339, 414
Гаштольд, Варвара, см. *Радзивилл, Варвара* 568
Гейденштейн, Рейнгольд 102
Гельфенштейн, Вильгельм, комтур 204, 210
Гедвилас (*Эдвил*) 54
Гедговды 260, 261
Гедговд, Георгий 250, 269, 279, 284
Гедиголд, Симеон 310
Гедиминовичи 74, 96–98, 102, 106, 123–125, 134, 148–150, 153, 154, 156, 162, 163, 167, 168, 172, 174, 177, 182, 202, 257, 258, 271, 273, 297, 298, 321, 508
Гедимин 76, 78, 91, 96, 101–118, 120–122, 124, 126, 127, 129, 149, 153, 164, 168, 171, 1786, 187, 189, 190, 193, 201, 225, 244, 318, 393, 395, 408, 436, 439, 440, 442, 467, 471, 472, 634
Гедрайтис, Герман 462
Гедрайтис, Михаил 462
Гейзинг, Иоганн 480
Гельмольт, Г. 136
Генрик, Мазовецкий князь, муж Римгайле 200
Генрих, герцог Баварии 120
Генрих, см. *Бутовт* 139
Генрих IV, король Англии 177
Генрих VI, король Англии 265
Генрих, францисканец 55
Генрих, епископ-элект Плоцкий, свояк Витовта 181
Гентвилайтис, Гурдас 187
св. Георгий 177, 264, 408, 410, 411, 480
Георгий Альбин 597
Герасим, епископ Смоленский 281, 286
Герберштейн, Сигизмунд 528, 531
Гердвил (*Эрдвил*), князь жямайтов 46
Герике, Госвин, магистр Ливонского ордена 128, 136
Герман, представитель Казимира I и Василия II 310
Герольт, Иоанн 460 Гесиод 611
Гинейка, князь 50, 51
Гинек из Вальдштейна, глава посольства гуситов 257
Гинча из Росковиц 177
Гирей 345, 534
Гирстукас, сын Миндовга 58
Глеб, сын Константина 177
Глеб, см. *Наримонт* 105, 106, 123
Глеб, князь Пронский 525
Глеб Смоленский 173, 175, 199, 206
Глебовичи 415, 499, 547, 565, 602, 633
Глебович, Иван, Полоцкий и Вильнюсский воевода 554, 555, 556, 557, 560, 565
Глебович, Георгий, Смоленский наместник 489
Глебович, Петр, князь 402
Глебович, Станислав, маршалок 489, 501, 507, 508, 510, 513, 517
Глезна, Иона 487
Глихен, граф 178
Глинский, Андрей, брат Михаила 518

Глинский, Богдан, Путивльский наместник 490, 500
Глинский, Василий, Брестский староста 513, 519
Глинский, Иван, Литовский посланник в Крыму 334, 337, 338, 340, 402, 488, 490, 513
Глинский, Михаил 394, 409, 420, 489, 509, 511, 513, 514, 517–523, 525, 526, 528, 529, 534
Гогенцоллерн, Альберт 537, 626
Гогенцоллерн, Фридрих, маркграф Бранденбургский 305
Гогенцоллерн, Вильгельм 386
Гоголь, Николай 122
Гоенштейн, Гюнтер 155
Голигин, Михаил 294
Голимин, Георгий 248
Голимин, староста Мядининкай 281
Головчинские 602
Голубицкий 633
Гомер 611
Гонорий III, папа римский 42
Гораций 611
Горнгузен, Бурхард (*фон Хорнхаузен*), магистр 57, 61, 62, 63
Горностаи 547
Горностаи, Аникей 533, 549, 553
Горностаи, Иван, подскарбий 547, 560, 565
Горбатый, Борис 554, 555
Горбатый, Михаил 552
Горецкий, Станислав 507
Горские 602
Гостовин, Балтазар 606
Гофф, Жак Ле 480
Гошкович, Андрей, епископ Вильнюсский 366, 475
Грабовский (*Грабаускас*), доктор медицины 614
Григорий, сын Константина, Ягайлова брата 176
Григорий, митрополит Киевский 327, 328, 329
Григорий IX, папа римский 45
Григорий XI, папа римский 43, 145
Григорий XII, папа римский 246
Григорьев, Иосиф, русский посол 615
Грицко Кердеевич, рыцарь, Хелмский старо- /663/ ста 281
Гуниад, Матфей, король Венгрии 326, 331, 334, 335, 336, 346
Гурка, Андрей, гетман 553, 554
Гурка, Познаньский воевода 304
Гус, Ян 253, 254
Гусовиан, Николай 478, 611, 612
Густав, король Швеции 623
Гярдянис, князь Нальши и Полоцка 47, 67, 68, 101

Д

Давид, военачальник, Гродненский староста, сын Довмонта 102, 108, 112, 114, 119
Давид, князь 393
Дагенфельд 128
Дамерау, Дитрих, епископ Тартуский 201, 202, 203
Дамиани, Лаврентий де 283

Дамбровка, Станислав 475
Дангерутис, князь Нальши 35, 41, 47
Даниил, князь Галицкий 47, 49, 51, 52, 53, 54, 57, 59
Данута-Анна, дочь Кейстута 155, 262
Дарес 477
Дауйотас, князь 41, 47
Дауспрунгас (*Довспрунг*) 41, 47, 51
Дашкевич, Евстафий 505, 519, 521, 528, 529, 531, 533
Дворянинцев, Евстафий (*Остафий*) 127
Девлет-Гирей, Крымский хан 638
Дедко, Дмитрий 124
Дерби, граф 177
Дервишхан 237
Джанибек, хан 127, 138
Джелал-Эдин (*Саладин*) 233, 234
Джеминиани 256
Джевицкий, Матфей 516
Джюльетта 569
Джегзович, епископ Жямайтский 233, 318
Дзялинский 607, 639
Диктис 477
Дионисий, епископ Луцкий 326
Длугош, Ян 219, 273, 287, 299, 435, 467, 472, 479, 482, 483, 613
Дмитрий 102, 103, 104
Дмитрий, сын Ольгерда 142, 149, 154, 156, 172, 174, 198, 206, 394, 397
Дмитрий, князь Брянский 105, 148
Дмитрий, Донской 138, 140, 141, 143, 144, 148, 149, 150, 164, 172, 175
Дмитрий, сын Иоанна III 506
Дмитрий, сын князя Михаила 101
Доброгост, епископ Познаньский 172
Довгирд, представитель дворянского рода 409
Довгирд, Иоанн, Подольский староста 274, 275, 278, 292, 293, 294, 301
Довмонт, князь гедрайчский 187, 467
Довмонт, князь Нальши 66, 67, 68, 101, 102, 104
Довойно, Андрей 296
Довойно, Иван 345
Довойно, Станислав 565, 633
Довойно 409, 547
Домановский, Ян 576, 602, 617
Домант, великий князь Литовский 73, 74
Домоткан, Яков 345
Дорогостайские 407, 602
Дорогостайский, предводитель отряда 633
св. Доротея 460
Доротея, жена Иоанна Гаштольда 462
Драница, Юшка 309
Дрожджа, Андрей 510, 511
Дубровицкий, Януш 565
Дунс Скот, Иоанн 461
Дусмер, Генрих, великий магистр 121, 128
Дуснинкский, Мартын 475
Дучюс, князь 50, 51

Е

Евгений IV, папа римский 277, 281, 283, 284, 286
Еврипид 611
Евстафий 127, 322
Евфимия, см. *Офка* 120
Евфимий, патриарх Константинопольский 236, 237
Езофовичи, финансисты 379
Езофович, Абрам (*Авраам*) 379, 389, 415, 578
Езофович, Михаил 578
св. Екатерина 416
Екатерина, сестра Сигизмунда-Августа 615, 616, 623, 624, 630
Елена, жена Александра II 396, 507, 509, 513, 516, 525
Елена, дочь Ольгерда 141
Елена, дочь Иоанна III 492, 493
Елена, жена Михаила Кезгайло 462
Елизавета I, королева Англии 615
Елизавета, внучка Богдана Саковича 407
Елизавета Габсбург, жена Сигизмунда-Августа 323, 569, 571
Елизавета, жена Людовика Великого 165
Еремферден, золотоордынский хан 237
Есман (*дети Есмана*) 342

Ж

Жанна д'Арк 150
Жвялгайтис (*Свялгатас*), князь Упите 39
Жвялгутис, сын Витеня 83
Жерсон, Жан 249
Жешувский, Ян, архиепископ Львовский 230
Живинбундас, князь 41, 47

З

Забарелло, Флорентийский кардинал 247
Заберезинские 360, 407, 409, 547, 558
Заберезинский, Иван, Младший, Полоцкий и Тракайский воевода 414, 492, 498, 504, 505, 507, 509, 510, 513, 515, 517, 518, 556
Заберезинский, Иван, Старший, Полоцкий наместник, дворный маршалок 345, 414
Заблоцкий, Петр 497
Заблоцкий, Георгий 496, 598, 621
Заклика, польский рыцарь 275
Зальцбах, Марквард, комтур Рагайне 175, 176, 177, 181, 203, 205, 206
Замойские 416, 464, 467, 546
Зангерсхаузен, Аннон 57, 60
Зансгейм, Эберхард 291
Зантай, Сигизмунд 507, 508
Заполий 538

Заполий, Янош 525, 531
Заполий, Варвара 525
Заремба, Лавр 278, 317
Засекин, Иван 556
Заславские 503
Заславский, Богдан 503
Заславский, Михаил 396, 503, 526, 528
Заславский, Федор 396, 503, 555
Захарьич, Георгий, военачальник 499
Захарьич, Яков, Новгородский наместник 507, 520
Зачич 602
Збаражский, Михаил 399
Збаражский, Степан 616
Збигнев из Бжезя 213
Звенец, Иван 337
Зейдлиц, Опец 291
Земовит III, князь Мазовецкий 65, 145
Зенко, наместник в Торопце 347, 348
Зенон, папский легат 257, 258, 260 /664/
Зеновьевич, Георгий 550, 551
Зеновьевичова, Анастасия 452
Зиндрам из Машковиц 177
Зубрецкие 396

И

Иван, князь Боровска 394
Иван, князь Городка 176
Иван Калита, князь Московский 104–106, 122
Иван, князь Козельска 130
Иван II, Красный, князь Московский 129, 138
Иван, князь Рязанский 525
Иван, князь Смоленский 105, 130
Иван, сын Андрея 198
Иван, сын Юрия Лингвеньевича 396
Иван, внук Романа Федоровича 395
Ивинскис, З, 348
Иеремия, вассал Тверского князя Михаила 138, 140
св. Иероним 461, 478, 559
Издемир, брат Менгли-Гирея 346
Ильиничи 415
Ильинич, Иван, Смоленский наместник 330, 348, 510
Ильинич, Георгий 435
Илья, господарь Молдавии 307
Иннокентий III, папа римский 43
Иннокентий IV, папа римский 50, 53, 54, 55, 56
Иннокентий VI, папа римский 134
св. Иоанн 458, 468
св. Иоанн Евангелист 413
Иоанн, брат-тевонец 69
Иоанн-Альберт, король, сын Казимира I 441, 483, 488, 491, 492, 494–498, 505

Иоанн, сын Бутовта Кейстутовича 462, 596
Иоанн III, великий князь Московский, русский царь 331, 332, 334–341, 343–348, 490–500, 502, 506–509, 511, 521, 558
Иоанн IV, архиепископ Рижский 201
Иоанн IV Грозный, русский царь 586, 616, 619, 622–624, 632–634, 637, 644, 646
Иоанн XXII, папа римский 108, 109, 111, 112, 114, 117
Иоанн XXIII, папа римский 241, 245, 247
Иоанн, архимандрит Киево-Печерского монастыря 333, 415
Иоанн из Лихина 304
Иоанн, епископ Вильнюсский 335, 366, 462, 475, 547
Иоанн, епископ Луцкий 488
Иоанн, епископ Познаньский 367
Иоанн, князь Финляндский 623
Иоанна, дочь Ольгерда 138
Иона, архиепископ Новгородский 308, 310, 328, 329, 331, 499
Иосиф II, патриарх 236
Исаак, епископ Черниговский 236
Исидор, митрополит Руси 308
Ислам-Гирей, сын Мухаммед-Гирея 536, 549, 550, 553, 554

Й

Йомант, князь, Смоленский наместник 199, 205, 206

К

Кадерберды 238
Казимир Великий 127, 131, 132, 133, 134, 138, 140, 142
Казимир I, король, брат Владислава III 113, 290, 302
Казимир Благословенный, сын короля Казимира I 296–298, 305–317, 320–323, 325, 326, 327, 329–333, 345–348, 352, 356, 358, 364, 366, 386, 388, 389, 394–397, 400, 404, 405, 415, 417, 420, 429, 430, 434, 436, 438–441, 445, 465, 472, 473, 477, 480–484, 486–491, 495, 522, 530, 612
Казимир, см. Каригайло 168, 169, 395
Казимир IV, князь Штеттинский 138
Каликст, патриарх Константинопольский 130
Калимах, Филипп 477, 479, 482
Кальвин, Жан 603, 605
Капелла, Марциан 460
Капри, Варфоломей, архиепископ Миланский 252
Капуста, князь 652
Карачолли, Роберто 460
Каригайло, Казимир, брат Ягайло, князь Мстиславский 168, 177, 178, 395
Карл I, король Испании, он же Карл V, Германский император 531, 532, 621
Карл I, Карл IV, Германский император, маркграф Моравии 119, 121, 126, 130, 131, 134, 135, 136, 239
Карл Великий 26
Карл IV, король Франции 111
Карл VI, король Франции 172
Карл, король Швеции 62
Карнковский, Ян 502

Касинетти, Самуил 460
Кезгайло, староста Жямайтский 230
Кезгайло, Ян, староста Жямайтский 321, 323
Кезгайло, Михаил, староста Жямайтский 295, 299, 300
Кезгайло, Михаил, Вильнюсский воевода 280, 335, 462
Кезгайло, Станислав-младший 414
Кезгайло, Станислав-старший, староста Жямайтский 405, 414, 493, 504, 510, 513, 547
Кезгайло 250, 322, 382, 407, 409, 414, 547, 567, 597
Кейстутовичи 161, 175, 198, 229, 281, 282, 298, 299, 439, 444, 472
Кейстутович, Бутовт 462
Кейстутович, Сигизмунд I 279, 283
Кейстут 95, 107, 123–126, 128, 131–133, 136–143, 145–148, 151–160, 163, 164, 174–176, 180, 187, 192, 197, 202, 207, 294, 402, 467, 570, 572
Керим-берды 234
Керскорф, Франциск {Франке), магистр 286, 287
Кеттлер, Готард 619–627, 644
Кердеевич, Грицко, рыцарь, Хелмский староста 274
Киприан, митрополит 143, 144, 148, 150, 175, 200, 234, 235
Кирей, татарин 331, 333
Китай, Василий 335
Кишка, Ян, староста Жямайтский 605
Кишка, Николай 654
Кишка, Станислав, Смоленский воевода 415, 499, 500, 506, 509, 511, 513–515, 517, 520, 521, 565
Кишки 409, 602
Клавазио, Анжело де 478
Климент IV, папа римский 68
Климент V, папа римский 461
Климент VI, папа римский 132
Клочка, Альберт, Утянский наместник 492, 493, 494, 507, 509
Книпроде, Винрих, великий комтур 128, 131, 136, 137, 139, 141, 142, 144, 145, 152, 159
Кобылинский, Яков 286, 287, 288
Коварский, Станислав 484
Козьминский, Иоанн 597
Кокос, Ходжа 334
Колонна, Оттон 249
Коллонтай 105, 522
Колумб, Христофор 348, 444, 480
Колычев, Лобан 348, 490
Конецпольский, Иоанн, канцлер 304 /665/
Коннинг, Иоанн, войт Нарвский 287
Конопли, князя 396
Конрад Белый, князь Олесницкий 222
Конрад, князь Мазовецкий 43, 492
Конрад, см. *Товтивил* 159, 178, 202
Константин, князь 176, 177
Константин XI, Византийский император 332
Константин, князь Оболенский 276
Константин, князь Ростовский 129
Контарини, Каспар, Венецианский посол 329
Кориат, князь Новогрудский 107, 123, 127, 129, 138, 140
Кориатович, Борис 165

Кориатович, Федор 136
Корибут, сын Ольгерда 156, 173, 176, 197
Корибутович, Сигизмунд 218, 257, 259, 260, 261, 287
Костевич, Иван 519
Косткевич, Вацлав 395
Кот, Винцент, архиепископ Гнезнинский 304
Кошерский, Андрей 551, 552
Кошкин, Яков 499
Краковский, Иоанн Альбин 475
Кромер, Мартин 594, 611
Крушина, рыцарь 274
Курбский, Андрей 637
Кудайдат, хан 262
Кузанус, Николай 315
Кульветис, Авраам 596, 597, 598, 599, 601, 605, 609, 611
Куровский, Николай, Гнезнинский архиепископ 216
Кутузов, Михаил 341
Кухмейстер, Михаил, великий магистр, войт Жямайтии 212, 213, 239, 243, 245, 250, 255, 258
Кучикович, Иоанн 475
Кучикович, Войцех 488
Кушлейка, Иван 456
Кшицкий, Андрей 478, 612
Кшишковский 602

Л

Лавр 276, 475
Ландрианетти, Бернардин 461
Лануа, Жильбер 228, 257
Ланзе, Людвиг 269, 281
Лапиде, Иоанн де 460
Ласкар, Андрей 243, 246, 247
Ласский Ян, канцлер 477, 511, 513, 516
Лев, князь Галицко-Волынский 71, 102
Лев X, папа римский 530, 532
Леопольд, герцог Австрийский 165
Лель, Петр, Тракайский воевода 292, 293, 299
Ливий 611
Лигейкис, князь Дялтувы 46, 47
Лиесис, брат Тройдена 68, 70
Лингвен (*Лугвений*) 58, 395
Лингвеньевич, Юрий, князь Мстиславский 287, 303, 304, 312, 395
Линден, Готфрид 145
Литвин, Михалон, см. *Михалон Литвин* и *Майшиягальский Вацлав* 608
Лихтенштейн, Конрад, великий комтур 220, 221, 222
Ломбардский, Петр 461
Лонцкий, Каспар 617, 619
Лосович, Иоанн, епископ Вильнюсский 366, 433
Лугвений-Семен, младший брат Ягайло, князь Новгородский 173, 174, 180, 199, 200,

Лыков, Матвей 551
Любарг, сын Гедимины 103, 107, 121, 124, 125, 127, 129, 132, 133, 134, 140, 142, 145, 146, 58, 165, 174
Любартович, Федор, князь Новгород-Северский 197
Любич, Василий 335
Любранский, Ян, епископ Познаньский 504
Любранский, подканцлер 343
Людовик, бранденбургский маркграф 113, 119
Людовик Великий, король Венгрии (он же *Лайош I Великий* или *Людовик Венгерский*) 126, 131, 133, 153, 165, 168, 174, 531, 538
Люксембург, Вацлав, Германский император 202
Люксембург, Сигизмунд, король Венгрии 217, 218, 240, 241, 244–260, 262, 265–269, 271–274, 276
Люксембурги 120, 121, 290
Лютек, Ян 275
Лютер, Мартин 596, 598, 599, 603
Лютенберг, Оттон, магистр 70
Ляцкие 525
Ляцкий 551

М

Магнус, принц Датский 634
Магомет, золотоордынский хан 262, 272
Мажвидас, Мартин 454, 596–602, 611, 612, 623
Мажейка, князь 76
Майшягальский, Вацлав 557, 596, 603, 607, 609, 611
Макарий, митрополит Киевский 333, 487, 493, 496
Макарий, архиепископ Новгородский 555
Макиавелли, Никколо 611
Макра, Бенедикт 241–244
Максимилиан I, император 346, 524, 525, 526, 529, 531, 532
Мальджик, секретарь Витовта 269, 272, 409
Мальский, Войцех 276
Мамай 149, 154
Мамшей 72
Мансуров 335
Мантас, Геркус 63
Мантигайло 300
Мантигирдовичи 409
Мантигирдович, Петр, Новогрудский наместник 278, 283, 295, 402, 482
Маргирис 115, 116, 119
св. Мария 203, 365, 468, 477
Мария, дочь Ольгерда 152, 394
Мария, дочь Гедимины 101
Мария, сестра Ягайло 159
Мария, дочь Юрия Ольшанского (*Альшенского*) 330
Марта (*Морта*), жена Миндовга 57, 58, 59, 64, 65, 66
Мартелл, Карл 407
Мартин, автор «Агенды» 452, 478
Мартин V 231, 238, 249–252, 256–260, 263, 266, 268, 271–273, 275

Мартын из Адды 121
Мартын, Вильнюсский архидиакон 303
Мартын, секретарь Вильнюсского епископа 335
Мартын, епископ Жямайтский 498, 510
Марфа-Посадница 331, 334
Масальские 397
Масальский, Тимофей 344
Матфей, евангелист 235, 447
Матфей, епископ Вильнюсский 230, 268, 276, 278, 284, 295, 303, 312, 314, 316, 318, 362, 365, 463
Матфей, епископ Жямайтский 233
Мацеёвский, Станислав 571
Мацкевич, Андрей 549
Мезецкий, Михаил 489
Мезецкий, Феодор 551, 552
Мекленбургский, Кристоф 616, 618
Меланхтон, Филипп 599, 611 /666/
Мелецкий, Ян 617
Менгли-Гирей, хан 333, 334, 337–345, 346, 488, 490, 495, 498, 499, 501, 503, 506, 509, 516, 531
Менжик, Ян 281
Мерула, Варфоломей 460
Мендзылеский, Лавр 475, 478, 535
Милгринас, князь 50, 51
Милли 256
Милянковский, Станислав 484
Миндовг (*Миндаугас*) 41, 46–59, 61, 64–69, 74, 77, 81, 95, 98, 109, 122, 135, 183, 189, 190, 192, 193
Мингайло 229, 409
Минин, Дмитрий 140
Мисаил, митрополит Киевский 333
Мисель, зодчий 613
св. Михаил 273
Михаил, брат Александра Невского 51
Михаил, Хотятовский князь 212
Михаил, Полоцкий староста 287
Михаил, Слуцкий князь 396
Михаил, Тверской князь 101, 105, 128, 138, 140, 142, 143, 144, 199, 200, 344
Михаил, племянник Витовта 257, 305
Михаил, Заславский князь 396
Михаил, сын Сигизмунда I 279, 287, 288, 293, 294, 295, 296, 297, 310, 312, 313, 314, 316, 394, 438
Михалон-Литвин, см. *Майшиягальский Вацлав* 609, 612
Мишковский, Петр, Ленчицкий воевода 507
Можайский, Иван 309, 310
Можайский, Семен 397, 489, 499, 503
Моисей, архиепископ 103, 104
Молианетти, Франциск 108
Монвид, Альберт, полководец 209, 218
Монвид, сын Гедимины 107, 123, 125
Монвид, Вильнюсский воевода 229
Монвидовичи 279, 285, 297, 312, 323

Монвиды 261, 295, 409
Морав, Лука 521
Моска, Джованни 545
Москожевский, Клеменс 174, 178
Мстислав, Волынский князь 71, 72
Мстиславские 396, 646
Мухаммед-Гирей, сын Менгли-Гирея 531, 536
Мунир 346
Мурад, турецкий султан 264
Муртоза, сын хана Ахмета 340, 342, 346
Мюнстер, Каспар, маршал 616

Н

Наваррский, Иллюминат 460
Намейс, князь Земгалии 72
Нарбут 294, 335, 489
Нарбут, Альберт 485, 488
Наримонт 105, 106, 107, 123, 125, 128, 393
Наримонтович, Патрикей 164, 173
Наркусский, Станислав 603
Нарушевич, Николай 648, 651, 653
Нарушевич, Павел 547
Невский, Александр 48, 51, 54
Неленбург, Вольфрам, магистр Тевтонского ордена 134
Немирович, Андрей 415, 550, 551, 552, 554, 555, 556, 561
Немирович, Георгий 512
Немирович, Иоанн 303, 308, 316
Немирович, Николай 295, 322
Немировичи 415
Немиры (*Немировичи*) 409
Нессельроде, Вернер, маршал 286, 287
Нетимер, вождь племени 340
Никифор, Григорий, византийский историк 130
св. Николай 171, 613
Николай V, папа римский 312
Николай, епископ Вильнюсский 323
Николай, епископ Жямайтский 276
Николай, епископ Рижский 52, 53
Николай, князь Опавский 134
Николай, советник Гедимины 135
Николай, доминиканец 113
Николай, францисканец 109
Николай, живописец 613
Николай из Волбожа 475
Николай из Жукова 475
Николай из Ходжи 346
Нифонт, патриарх Константинопольский 487
Ноздреватый, Московский посол 342
Носуа, Юрий, староста Дрогичина и Мельника 294
Нотлебен, Генрих, магистр 291

Нур-Давлет, хан 333, 334, 337, 340, 345, 346

О

- Оболенский, князь, Московский посол 342
Оболенский, Дмитрий 551, 555
Оболенский, Константин 140
Оболенский, Никита 551, 552
Оболенский, Феодор 552
Овидий 460
Овчина, Василий 532
Ожерецкие 396
Ожеховский, Станислав 641, 642, 643
Олег, князь Рязанский 180, 199, 200
Олелко (*Олелько*, он же Александр), сын Владимира Ольгердовича 278, 395
Олелко (*Олелько*), удельный князь Киевский 285, 300, 304, 321
Олелковичи (*Олельковичи*) 228, 395
Олелкович, Юрий 555
Олелкович, Михаил 329, 331, 332, 333, 335, 338, 339
Олелкович, Симеон, сын Михаила 313, 321, 322, 323, 324, 329, 341, 394
Олесницкий, Ян 178, 179
Олесницкий, Збигнев 252–253, 261, 269, 273, 279, 280, 289, 295, 300, 301, 304, 305, 312, 313, 314, 315, 316, 323, 343
Олесницкий, Збигнев, епископ Краковский 267
Оллок, английский агент 616
Ольга, жена Любарта 129
Ольгерд (*Альгирдас*) 92, 106, 107, 123–133, 135–138, 140–153, 155, 156, 160, 171, 187, 189, 202, 203, 209, 229, 234, 239, 281, 283, 284, 313, 393, 394, 397, 440, 467, 572
Ольгердовичи 156, 159–162, 175, 197, 212, 250, 255, 273, 274, 395
Ольгердович, см. *Ягайло* 197, 250
Ольгердович, Дмитрий 397
Ольгердович, Лингвен 395
Ольгердович, Владимир 300
Онач, Брестский староста 294, 316
Онков, Богдан 448
Орвид, Станислав 547
Остики 409, 415, 547
Остикович, Радзивилл 295, 314, 315, 335, 336
Остик, Григорий 415, 500, 555, 565
Остик, Христин 278
Островицкий, Павел 576
Острогский, Василий 652
Острогский, Даниил 250
Острогский, Илья 546, 559
Острогский, Константин 394, 399, 414, 415, 478, 500, 517, 519, 520, 521, 527, 528, 531, 532, 535, 537, 540, 546
Острогский, Юрий 328
Остророг, Иоанн 312 /667/
Оттон III, римский император 266
Офка, дочь Гедимины 120
Оюз, посланник Менгли-Гирея 346

П

- св. Павел 297
Павел II, папа римский 329
Падневский, Филипп, епископ Краковский 626, 648, 651
Падовано, Марио 545
Палецкий, Мартын 580
Парбус (*Пернар*) 47, 53
Паули 605
Пац, Георгий 395, 501
Пац, Георгий, Новогрудский наместник 489
Пац, Доминик 654
Пацы 547, 602
Пельгжимовские 603
Перль 117
Перуджиа, Каспар де 284
Петкевич, Георгий, из Эйшишкес (*Эйшишкский*) 603, 610, 614, 648
св. Петр 240, 290
Петр, епископ Жямайтии 283
Петр, господарь Молдавии 322
Петр, митрополит Руси 101
Петр из Гонёндзи 605
Петр из Кустыни, епископ Вильнюсский 230, 233, 475
Петр из Спровы 304
Петрашкевич, Станислав 488
Петрик, маршалок 295
Петронилло, Иоаким 606
Пехцицкий, Войцех 566
Пий II, папа римский 326, 331
Пикколомини, Энеа Сильвио 460, 474
Пирр (*Пиррова победа*) 118, 142
Платон 611
Плауэн, граф 180
Плауэн, Генрих 134, 223, 240, 245, 247
Плетенберг, Вальтер, магистр Ливонского ордена 501, 503, 506
Плещеевы 525
Плоцке, Генрих, великий комтур 82, 83, 108
Повала, Николай 301
Подербрад, Георгий 326, 331
Поленц, Георгий 596
Полубенский, Василий 555
Пражский, Иероним 229
Премысл (*Пржемысл*) II, король Чехии 60, 69, 115
Прихальские 397
Прокопович 578
Пронские 565, 602
Пронский, Даниил 554
Протасевич, Валериан, епископ Вильнюсский 565, 602, 606, 629, 634, 643, 648
Протасевич, Григорий, Мценский староста 308
Пузины 602

Путятич, Дмитрий, князь 347
Путятич, Дмитрий, Киевский воевода 506, 509
Пшеснецкий, Лавр (*Дискордия*) 597

Р

Рабе, Энгельгардт, маршал 173
Рабле, Франсуа 612
Радзивилл, Альберт, епископ Луцкий 515
Радзивилл, Альберт, епископ Вильнюсский 530
Радзивилл, Варвара (*Радвилайте Барбора*) 438, 559, 565, 569, 570, 571, 572, 615, 657
Радзивилл, Георгий, великий гетман 533, 546, 547, 550, 551, 552, 554, 555, 5557, 559,
561
Радзивилл, Георгий, Дубингский 384, 414, 470, 571
Радзивилл, Иоанн, староста Жямайтии 509, 546, 554, 555, 611
Радзивилл, Николай, Смоленский наместник 341
Радзивилл, Николай из Гонёндзи Младший 414, 415, 428, 504, 510, 512, 513, 521, 535
Радзивилл, Николай из Гонёндзи Старший 395, 414, 482, 491, 509, 510, 524
Радзивилл, Николай Рыжий 568, 569, 572, 606, 617, 622, 625, 628, 631, 633, 635, 642,
643, 648, 651, 652-655
Радзивилл, Николай, Черный 563, 565, 567-572, 585, 601-603, 605, 606, 612, 615-617,
620, 622, 625, 627, 630, 634-638, 641-643, 648
Радзивилл, Николай Христофор Сиротка 605
Радзивилл, Остикович 310, 409
Радзивилл, Христофор 654
Радзивиллы 360, 407, 415, 513, 514, 518, 547, 558-560, 564, 566, 567, 569-572, 585, 586,
597, 601, 602, 613, 615, 616, 625, 632, 652
Радзивиллы Дубингские 415, 524
Радуйнёнис (*Радунский*), Александр 474, 475, 596, 598, 601
Раполёнис, Станислав 596, 597, 598, 599
Расбург, Эрнест, магистр 72
Раттенштейн (*Конрад Цёльнер фон Ротенштейн*), великий магистр 159, 161, 177, 178
Рафаил, патриарх Константинопольский 333
Рачинский, Вышек 257
Рачко 296
Рачко, Варфоломей 475
Рвачка, Маврикий 249
Римберт, агиограф 26
Римгайле, сестра Витовта 176, 181, 200, 235, 261, 266
Ритвянский, Держислав, каштелян из Роспши 321
Ритвянский, Ян, великий маршалок 324
Рихенталь, Ульрих 246, 312
Роберт II, пфальцграф 137
Ровелинк, Вернер 457, 477
Розенберги 112
Роизий, Петр 611, 612, 614
Роман, Галицкий князь 57
Роман, Тверской иеромонах 130, 138
Ромео 569
Ротт, Сигизмунд 272, 287
Роттердамский, Эразм 614

Ротунд, Августин 576, 604, 612, 634, 641
Рослав, Рязанский князь 211
Роуэлл, Стивен (*Stephen Rowell*) 146, 306
Рудамина, Матфей 583
Руклис, сын Миндовга 58, 66
Румбовд, Валимонтнович, великий маршалок 215, 239, 269, 272, 276, 277, 278, 280
Румянцев 476
Рупейкис, сын Миндовга 58, 66
Руссдорф, Павел, великий магистр 258, 259,
263, 265, 272, 281, 291
Рушкис, князь Упите 35
Рушковичи (*Рушкайтисы*) 46
Рюриковичи 393
Рюриковичи московские 395, 396, 397
Ряполовский, Семен 493

С

Саки (*Саковичи*) 409
Саковичи 433
Сакович, Андрей 297, 299, 309, 316
Сакович, Богдан, Тракайский воевода 334, 335, 340, 341, 342, 343, 407, 414
Салтьери, Марко 497
Самостшельник, Станислав 470
Самполинский, Войцех 527
Сангушко, Роман, князь 394, 652
Сангушко, Андрей, Луцкий староста 565
Сапега, Иван 331, 456, 507, 521, 522 /**668**/
Сапега, Иван, Младший 507
Сапега, Иван, Семенов сын, воевода Подляшья 547
Сапеги 409, 417, 499, 547
Сахиб-Гирей 549, 550, 561
Свалькянис, брат Тройдена 68, 69
Свербер, Альберт, архиепископ Риги 56
Свирнович, Варфоломей, епископ Жямайтский 475
Свирский, Андрей, князь 475
Свирский, Лука, князь 631
Свирчевский, Ян 524, 526, 530, 531
Святополк, князь Восточного Поморья 49, 50, 65, 393
Святослав, Брянский князь 102
Святослав, Карачевский князь 130
Святослав, Смоленский князь 130, 173
Сеадет-Гирей, брат Мухаммед-Гирея 536, 549
Сеид-Ахмет 310, 313, 316, 322, 341, 346
Сеид-Махмет 340
Секлуциан, Ян 598
Семашка, Богдан 478
Семен-Лингвен (*Лугвений*), см. *Лугвений-Семен* 295
Семеновичи 347
Семен, князь Белой 499
Семен, Гордый, великий князь Московский 127, 128

Семен, сын Ивана Калиты 105, 397
Семен, сын Романа Федоровича 395
Семен, сын Явнута 177
Семен, князь Перемышля 212
Семен, Стародубский князь 140
Сеницкий, Николай, маршалок 632, 641
Сепенский, Николай 242, 260, 248, 409
Серебряный, Василий 635
Сигизмунд Люксембург 181, 283, 284, 285, 287, 288, 290
Сигизмунд I, брат Витовта, Стародубский князь 176, 204–206, 279–282, 284–293, 295, 299, 307, 356, 373, 394, 398, 404, 433, 436, 437, 442, 467, 483
Сигизмунд II Старый 358, 366, 379, 382, 394, 401, 402, 405, 420, 425, 428, 435, 436, 439, 440, 442, 443, 445, 450, 462, 477, 514–527, 529–535, 537, 538, 540, 544, 547, 553, 555–560, 562–564, 571, 577, 581, 595–597, 601, 612, 626
Сигизмунд-Август 397, 436, 443, 477, 535, 537, 538, 540, 559, 561–580, 585–589, 593, 594, 597, 601, 603, 606, 607, 611, 612, 615–623, 625, 627, 629, 630–633, 635–638, 641–644, 646, 647, 649, 651–658
Сигизмундович, Михаил, сын Сигизмунда I 176, 200
Сикст IV, папа римский 329, 333, 342
Симеон, митрополит Киевский 338
Симеон, Слуцкий князь 512
Сирпутис, брат Тройдена 68, 71
Скабейка, Киевский боярин 292
Скиргайло 145, 148, 150, 152–155, 157, 158, 159, 161, 162, 163, 166, 169, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 198, 395, 453
Скорина, Франциск 446, 448, 449
Слакер, Генрих 485
Слупецкая 571, 652
Смоковский, В. 306, 311, 331
Смоленский, Юрий 211, 212
Смуглевич, П. 515
Сокол 531
Соколинские 347, 396
Солдан, сын Тохтамыша 214, 217
Сологуб, Георгий, Смоленский наместник 526
Солтан, наместник Новогрудский и Слонимский 342
Солтан, Александр 329
Солтан, Иван, дворный подскарбий 329, 553
Солтан, Иосиф, митрополит Киевский 505
Солтаны 329
София, дочь Андрея Ольшанского 262
София, королева 303, 305
София, см. *Феодора* 395
София, дочь Верейского князя Василия 396
София, дочь Витовта, жена Василия I 175, 176, 242, 254, 261, 264, 307
Софокл 611
Сперат, Павел 596
Спинелла 605
Спиридон, митрополит Киевский 333
Спитек из Мельштына (*Спытко Мельштинский*) 186, 197, 205, 206, 209
Спрудейкис 46, 54
Ставский, Станислав 475

Стакис, князь Нальши 35, 41, 47
Станиславович, Лука 566
Станиславович, Себастьян, часовых дел мастер 613
Станкаро 605
Стафил, Фридрих 598
Ствош, Вит 482
Степан Бородатый 310
Стефан Великий, Молдавский господарь 310, 338, 343, 346, 497
Стрет, посланник короля Казимира 337, 342
Стрийковский, М. 113
Суходольский 551
Сучев, царский посол 623
Судайтис, князь 187
Судивой 305
Судимонт, брат Анны Витовтовой 162, 176, 200
Судимонтович, Олехно (Александр) 323, 335, 339, 343, 409, 414
Судимонты 570
Сунгайло 226, 229, 409
Сурминас, полководец 82
Сурвила, Иоанн, родич Бутовта 139, 205
Сурвила, Фома 139, 177, 205, 206

Т

Табор, Альберт, епископ Вильнюсский 464, 482, 494, 504, 505, 510, 513
Табор, Варфоломей 510
Талиат Эйшишкский, Георгий 475
Тарло, Станислав 523
Тарновский, Ян, великий гетман 269
Тарновский, Ян, Познаньский воевода 176, 504
Тарновский, Ян, представитель польского коронного совета 554, 555, 571
Тартилович, Иоанн, Батакский 597, 597, 599
Тахир, посланник хана Ахмета 337, 346
Тацит 21, 25, 26
Тельницкая, Екатерина 366, 547
Темир-Кутлуй, татарский полководец 205, 206
Тенчинский, Ян 314
Тенчинский, Николай 343
Теттинген, Вернер, маршал 210
Терамо, Симеон де 284
св. Тимофей, см *Довмонт* 104
Тимур 202
Товтивил, сын Миндовга 47, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 59, 66
Товтивил, брат Витовта 159, 162, 175, 178, 202
Тойнби, Арнольд 73, 77, 480
Толвайша, Николай, староста Дюнабурга и Селпилса 624
Тохтамыш 150, 160, 180, 199, 202, 203, 205, 331, 333
Тракайский, Станислав 475 /669/
Трамба, Николай 172, 217, 246
Тризна, Григорий, каштелян Подляшья 652
Трирский, Карл, великий магистр 82, 83, 122

Тройден 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 80, 82
Тройнат 58, 59, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 77, 126
Тролле, Эрих 495
Тромбетта, Антонио 461
Трубецкие 397
Трубецкой, Иван, князь 347
Трухзес, Мартин, великий магистр Тевтонского ордена 335
Тышкевич, Василий 554, 652
Тышкевич, Георгий 644
Тышкевич, Михаил 561
Тышкевичи 547

У

Узбек, хан 102, 104, 106, 122
Улу-Мухаммед 238, 308
Ульрик из Адлехновиц 121
Ульрих, казначей Глинских 522
Ульрих, князь Мекленбурга 202
Ульфила 186
Ульяна, жена Ольгерда 128, 152, 164, 172, 175, 197
Ульяна, вторая жена Витовта 265
Урбан, Уильям 146
Урбан IV, папа римский 65
Урбан VI, папа римский 172
Уханский, Яков, Гнезнинский архиепископ 649

Ф

Фалькенберг, Иоанн, доминиканец 249
Фальконий 602
Февр, Люсьен 480
Федор, брат Гедимины 103
Федор Кориатович 197
Федор Несвижский, староста 281, 283, 285
Федор, Острогский князь 174
Федор, сын Давид-городского князя Ивана 394
Федор, сын Михаила Заславского 396
Федор, сын Любарта 174
Федор, Рязанский 211
Федора 395
Федоров 646
Федорович, Иван 334
Феогност, митрополит 104, 130
Феодора, дочь Ольгерда 130
Феодорит, митрополит 130
Феодосий, епископ Полоцкий 234, 236
Феокрит 460
Феофил, митрополит 104, 331
Фердинанд I, Габсбург, император 619

Феррери, Захарий 362, 366, 477, 595
Филетик, Мартин 460
Филиастри, Вильгельм 256
Филофей, Константинопольский патриарх 130, 142, 143, 144
Финк, Генрих 486
Финке, Гейденрейх 291
Фирлей, Николай 519-521
Фитингхоф, Арнольд, магистр Ливонского ордена 137
Флавий, Иосиф 477
Фолквин, магистр 44, 45
св. Фома Аквинский 461, 462
Фома из Каунаса, доктор медицины 614
Фома, духовник 494
Форбах, Иоганн 249
Фотий, митрополит 234, 235, 236, 237, 238, 250, 254, 262
Франкенберг, Конрад 409
Франциск, Аквавивский 271
Фридрих, кардинал 108, 109, 256, 494, 504
Фридрих II, Германский император 42,43,50,55
Фридрих IV, Мейсенский маркграф 178
Фризе, Андрей 606
Фриммерсхейм Вильгельм, магистр Ливонского ордена 145, 158
Фюрстенберг, Вильяндиский комтур 616, 617, 618, 619, 634

X

Хаджи-Гирей, крымский хан 282, 285, 308, 310, 316, 322, 330, 333, 341
Халецкий, Михаил 503
Халкокондил, Лаоник 327
Харитон, епископ Холмский 336
Хвальчевский, Георгий, епископ Луцкий 455, 561, 565
Хвальчевский, Петр 592
Хвальчевский, Станислав 561
Хеннинг, Рижский архиепископ 291
Хинча, Каспар 475
Ходкевичи 409, 415, 433, 547, 565, 597, 612, 647, 657
Ходкевич, Александр 341, 407, 522, 556, 565
Ходкевич, Георгий 644
Ходкевич, Григорий 635, 645
Ходкевич, Иван 338, 341, 621, 622, 631, 632, 634, 635, 645–648, 650, 651, 654, 655, 657
Ходкевич, Иероним 565, 617, 647
Хозий, Станислав 602
Хозий, Ульрих 485
Хойновский, Бенедикт 613
Хоштен, И. 306, 308
Хрептович, Василий 344
Хрептович, Иван 414
Хрептович, Иоанн Литавор 485, 491
Хрептович, Литавор 500
Хрептович, Мартын 415, 522
Хрептович, Федор 414, 522

Христиан III, король Дании 623
Христиан, монах 43, 53, 55, 58, 59, 69
Христиерсон, Николай, представитель Швеции 623

Ц

Цамблак (*Самвлак, Семивлах*), Григорий 235, 236, 237, 238, 249
Цебулька, Николай 253, 409
Цёлек, Станислав, епископ Познаньский 275
Цёлек, Эразм 477, 484
Цигала, Иоанн Креститель 271, 272
Цицерон 611
Цоллерн, Фридрих, комтур Торуньский 212

Ч

Чарторыский, Александр 327, 652
Чарторыский, Ян 292, 293, 297
Чарторыский, Михаил, Брацлавский староста 324
Чарторыский, Михаил, князь 399
Чехович 602
Челяднин, Андрей 501
Челяднин, Иван 528
Ченслер, Ричард, руководитель английской экспедиции 615
Чернин, Ян, воин 502, 504
Четвертинский, Федор 488
Чиж, Василий, конюший 551, 552
Чирича 105
Чирка, Вацлав, Волковьский 475, 476
Чолхан (*Щелкан*), ставленник хана Узбека 104
Чюпурна, дворный маршалок 229, 409

Ш

Шадибек, золотоордынский хан 212
Шальчининский, Лавр 475
Шапока, А. 348
Шарунас 187
Шафранец, Петр, Сандомирский воевода 277
Шафранцы 251, 261, 268 /**670**/
Шедель, Гартман 459, 460, 461, 614
Шедибор, Укмяргеский староста 276, 280
Шедуйконис, Иоанн 598, 602
Шеин, русский посол 346
Шемета, Анна 632
Шемета, Меркель 631, 632
Шеметы 602
Шемяка, Дмитрий 307, 308, 309, 310, 313, 321, 397
Шереметьев, Василий 552

Шиг-Ахмат 503, 506, 508, 516, 536
Шиг-Ахмет 342
Шидловецкая, Елизавета 571
Шиллинг 218
Шимкевич, Ян 623
Шиндекопф, Хенинг 141, 142
Ширин-Мамак 334
Шпенглер, Освальд 480
Шретер, Адам 612
Штенберг, Андреас, ливонский маршал 141, 145
Штеттинский, Оттон, князь 202
Штирланд (*Стирланд*), Андреас 52, 53, 55, 56, 57, 139
Шток, Михаил 291
Штокхейм, Генрих, вице-комтур 142
Шуйский, Василий 503, 554, 555
Шуйский, Петр 635
Шварцбург, Гюнтер, граф 126, 178
Шварн 67, 68, 69, 102
Швитригайло (*Свидригайло*), Болеслав, Ольгердович 169, 197, 205, 206, 209–214, 225, 238, 248, 249, 253, 265, 271–290, 292, 295–297, 300, 304, 305, 307, 308, 315, 314, 322, 394, 398, 409, 416, 435, 436, 438, 479

Щ

Щеня, Даниил 489, 500, 520, 521

Э

Эберхардт, епископ Вармии 56, 57, 59, 60, 109, 118
Эдивид, сын Миндовга 47, 51, 55
Эдигей, полководец 206, 213, 214, 233, 236, 237, 238
Эзоп 477
Эйкш, сын Кориата 127
Эйларт, датский наместник в Таллине 72
Эйнхард, биограф Карла Великого 26
Эйшишкский, Георгий Талиат, см *Талиат Эйшишкский* 476, 596, 597
Экдаль Свен 222, 223
Эльзен, Робин, магистр 173
Эминек, Ширинский вельможа 341
Эрик, король Дании 252
Эрик XIV, король Швеции 623, 624, 645
Эрлихсгаузен, Конрад 302, 305, 320
Эрнест, архиепископ Пражский 134

Ю

Юнгинген, Конрад 205, 210, 213
Юниан, Май 478
Юрий, дядя Василия II 264, 307

Юрий, сын Кориата 140
Юрий, сын князя Галицкого 72
Юрий, князь Пинский 205, 314, 394
Юрий, князь Смоленский 173, 197, 199, 211, 295
Юрий, сын Псковского наместника Витовта 124, 129
Юрша, староста Брацлавский 314
Юрша, командир гарнизона в замке Ратно 276
Юстиниан 461, 477

Я

Ядвига, королева, дочь Ягайло 227, 256
Ядвига, королева, дочь Людовика Великого, жена Ягайло 165, 172, 173, 179, 198, 202–205, 207, 242, 396, 473
Ягайло (*Ягелло*) 148–183, 197–199, 201–203, 205, 207–211, 213–227, 230–232, 234, 237, 240–242, 244, 245, 247, 249, 251–263, 265–269, 271–277, 279–281, 284, 295, 311, 313, 316, 317, 335, 343, 355, 357, 369, 394, 408, 435, 462, 466, 470, 473, 478, 575, 612, 648
Ягеллон, Людовик, сын короля Чехии и Венгрии 296
Ягеллон, Владислав, см. *Владислав, король Чехии и Венгрии* 445
Ягупиччи, Николай, папский легат 328
Ягурчин, татарский темник 71
Яков из Кучина 475
Яков, епископ Вильнюсский 251, 362, 365
Янович, Матвей, Витебский воевода 557
Януш, Мазовецкий князь 158, 159, 265
Янушка, секретарь Швитригайло 305
Явнутович, князь Заславский 176
Ярослав Мудрый, князь Киевский 30, 340, 487
Ярослав, князь Владимирский 48
Ястжембец, Войцех, епископ Познаньский 225
Явн, Тракайский воевода 229, 280
Явнут, сын Гедимины 123, 124, 125, 140, 177, 396 /671/

Карты

1. Великое княжество Литовское XIII – середина XV в.
2. Великое княжество Литовское вторая половина XV в. – XVI в.

В книге известного историка Эдвардаса Гудавичюса приводятся новые факты, смелые, оригинальные наблюдения и интерпретации. Знание современных методов исследования позволило автору компактно поместить Литву в общемировой контекст, а также сопоставить судьбу литовского народа и государства с развитием мира и Европы, показать неизбежность событий и решений, трезвым взглядом оценить достижения и неудачи.

quingentesimo quadringentesimo
 Prefecti Medicen, qui id habu
 Mandatum S^{er} Magnoducalis
 Secretarius

CA
 RWA
 ORWA
 Actionū ac aliarum
 diuersarum trarum
 per olim Ser^u biva meo
 hic Reges POLONIE et Magnos Duces
 LITHUANIE Incolis M. B. L. dazant
 De mandato Ser^u Principis A die die BONIE
 Regne Polonie et Magno Ducis LITH^u in Roma
 die 1541 confecta demum referre
 re. In Con Lndice roman. Acty hoc contractu
 hinc et tempore usque 16to et 17to die D. 160
 His Signis Super M. D. Ser^u Capit^u Slawick
 Perennit, ambicant, et or. CAPITANEI.
 Capitaneus magister et notarius M. B. L. dazant
 et Ser^u S. M. Ser^u et regendum contractu
 Anno a nativitate CHRISTI Dni 1598

Эдвардас Гудавичюс
 (род. 6 сентября 1929 г. в Каунасе).
 Известный ученый (доктор исторических
 наук, 1990), педагог (профессор, 1991),
 популяризатор истории. В советское
 время работал инженером (1952-74).
 В 1953 окончил Каунасский
 политехнический институт, в 1968 -
 Вильнюсский университет (исторический
 факультет, заочно), в 1972
 защитил кандидатскую диссертацию,
 с 1974 начал работать старшим научным
 сотрудником в институте
 истории АН Литвы. С 1975 преподает в
 Вильнюсском университете. Занимается
 исследованиями по истории Средних веков.

Книги: Меты и знаки в Литве в XII-XV вв. (1980). Первый Литовский
 статут (совместно с Статисом Лазуткой, два тома, 1983, 1985). Крестовые войны в Прибалтике
 и Литва в XIV в. (1989). Возникновение городов в Литве (1991). Миньдога (1998).